

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

4

2017

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

2017   **Том 23**

№ 4
Октябрь – Декабрь

V E S T N I K
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2017   **Volume 23**

№ 4
October – December

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ОТРАСЛЯМ:
07.00.00. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ; 10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ;
12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственной университет

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат психологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
кандидат филологических наук,
Костромской государственной университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

БУРЫКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

доктор филологических наук, профессор, действительный
член Российской Академии Естественных наук (академик),
Ивановский государственный университет

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

ANATOLIY GRIGORIEVICH KIRPICHNIK
Candidate of Psychological Sciences, Professor,
Kostroma State University

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Candidate of Philological Sciences,
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate,
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

ALEKSEY ALEKSEYEVICH BURYKIN

Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences,
leading scientific associate,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

GALINA MIKHAILOVNA VISHNEVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Full Member of Russian
Academy of Natural History (academician),
Ivanovo State University

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)	SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV Doctor of Juridical Sciences, Professor, Russian Academy of National Economy and Career Service under the President of the Russian Federation (Moscow)
КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА доктор филологических наук, профессор, Костромской государственный университет	NATALIYA GENNADIEVNA KOPTELOVA Doctor of Philological Sciences, Professor, Kostroma State University
КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ доктор исторических наук, профессор, Почетный работник Высшего профессионального образования РФ, Ярославский государственный педагогиче- ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)	GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV Doctor of Historical Sciences, Professor, honorary educationalist of higher education of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
КУДИНОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ доктор исторических наук, профессор, Костромской государственный университет	VLADIMIR ANDREEVICH KUDINOV Doctor of Historical Sciences, Professor, Kostroma State University
КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА доктор филологических наук, профессор, Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)	TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA Doctor of Philological Sciences, Professor, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ доктор филологических наук, профессор, Костромской государственный университет	YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV Doctor of Philological Sciences, Professor, Kostroma State University
МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук (г. Саратов)	ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO Doctor of Juridical Sciences, Professor, honoured science worker of the Russian Federation, director of Saratov branch of State and Law Institute of Russian Academy of Sciences
МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН Институт лингвистических исследований Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)	SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV Doctor of Philological Sciences, principal scientific associate, head of Dictionary division, Linguistic Investigations Institute of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)
НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)	MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate, A.M. Gorky Institute of World Literature the Russian Academy of Sciences (Moscow)
ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА доктор исторических наук, профессор директор Гуманитарного института Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)	ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute for the Humanities, A.G. and N.G. Stoletovs Vladimir State University
ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего образования, Ивановский государственный университет (г. Иваново)	DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY Doctor of Historical Sciences, Professor, honorary educationalist of higher education of the Russian Federation, Ivanovo State University
ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ доктор юридических наук, профессор, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Рязань)	NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK Doctor of Juridical Sciences, Professor, Academy of Federal Penitentiary Service (Ryazan)
ПОПОВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА доктор филологических наук, профессор действительный член Российской Академии Естествознания (академик), Военный университет Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва)	TAT'YANA GEORGIYEVNA POPOVA Doctor of Philological Sciences, Professor Russian Natural Sciences Academy full member (academician) Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation
РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА доктор юридических наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)	VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA Doctor of Juridical Sciences, Professor, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ доктор филологических наук, профессор, Костромской государственный университет	VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV Doctor of Philological Sciences, Professor, Kostroma State University

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (г. Нижний Новгород)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет. Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Украины
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Nizhny Novgorod Management Institute –
branch of Russian Academy
of National Economy and Career Service
under the President of the Russian Federation

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor
Honoured lawyer of the Ukraine
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 9 **Любимцев Ю.Н.**
Цели и способы организации афинского морского союза. Часть 2
- 14 **Майоров А.А.**
Зарождение структур церковного администрирования на территории бассейна Верхней Оки в X – первой половине XIII в.
- 19 **Кабатов С.А., Курочкина С.А.**
Знаки на рыболовном инвентаре селища Вёжи
- 24 **Кочешков Г.Н., Аграфонов П.Г.**
Ярославль – город «теремной» или «тюремный»? Ссылные и пленные иностранные граждане на территории Ярославского края (XV–XIX вв.)
- 31 **Павлова М.А.**
Частное коллекционирование в России XVIII – начала XX века (историко-культурный аспект)
- 36 **Турыгин А.А., Хабибова Л.В.**
Пангерманцы и монархия: критика и видение перспективы
- 41 **Сильянов М.В.**
Российско-французское сближение конца XIX века в зеркале общественного мнения: историографические оценки
- 46 **Белов А.М.**
Русская революция 1917 года в провинции (на материалах Костромской губернии)
- 51 **Рыбин А.А.**
Трудовые ресурсы Центральной России на освоении целинных и залежных земель РСФСР и Казахской ССР в 1954–1964 гг. (по материалам Ивановской, Костромской и Ярославской областей): историографический обзор
- 56 **Нежигай Э.Н.**
Организационные основы деятельности органов советской политической цензуры
- 60 **Ионова Е.Н.**
Место «латинос» в принятии законов о гражданских правах в США

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 64 **Ершова И.В.**
«Si oviesse buen señor!»: «идеальный властитель» в хрониках и эпосе испанского Средневековья
- 70 **Зими́на Е.В.**
Политические процессы в Шотландии через призму поэзии
- 73 **Тихомиров В.В.**
К.С. Аксаков о сущности словесного творчества
- 78 **Федотова А.А.**
Повесть Л.Н. Толстого «Крейцера соната» в рецепции Н.С. Лескова: неосуществленные замыслы
- 84 **Овчинина И.А.**
Новые подходы к созданию Полного собрания сочинений и писем А.Н. Островского
- 89 **Белякова Е.Н.**
Мотив отступничества в исторической хронике А.Н. Островского «Тушино»: к вопросу о генеалогии сюжета (на материале чернового автографа пьесы)

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGICAL SCIENCES

- 9 **Yu.N. Lyubimtsev**
Purposes and ways of organising the Delian League (part 2)
- 14 **A.A. Mayorov**
The emergence of the structures of Church administration on the territory of the basin of Upper Oka in the 10th—first half of the 13th century
- 19 **S.A. Kabatov, S.A. Kurochkina**
The signs on the fishing gear of the Vezhi settlement
- 24 **G.N. Kocheshkov, P.N. Agrafonov**
Is Yaroslavl the city of «mansions» or of «dungeons»? The foreign exile and the prisoners of war in the territory of Yaroslavl land (the 15th to the 19th centuries)
- 31 **M.N. Pavlova**
Typology of private collecting in the historical and cultural context of Russia in the 18th – the early 20th centuries
- 36 **A.N. Turygin, L.V. Khabibova**
Pan-Germanists and monarchy: criticism and vision of prospect
- 41 **M.V. Sil'yanov**
Russian-French harmonisation of the late 19th century in the light of public opinion: historiographical evaluations
- 46 **A.M. Belov**
The Russian revolution of 1917 in the province (on materials of the Kostroma province)
- 51 **A.A. Rybin**
Historiographical overview on the research topic: «Workforce from Central Russia in Kazakhstan Virgin Lands Campaign in 1954—1964 (based on the materials of Ivanovo, Kostroma and Yaroslavl regions)»
- 56 **E.N. Nezhigay**
Organisational bases of activity of bodies of the Soviet political censorship
- 60 **Ye.N. Ionova**
The role of Latinos in the enactment of the civil rights law in the USA

SCIENCE OF LITERATURE

- 64 **I.V. Ershova**
«Si oviesse buen señor!»: Ideal sovereign in medieval Spanish chronicle and epic
- 70 **Ye.V. Zimina**
Scottish politics in the mirror of poetry
- 73 **V.V. Tikhomirov**
Konstantin Aksakov on verbal creative work essence
- 78 **A.A. Fedotova**
Leo Tolstoy's «The Kreutzer Sonata» in Nikolai Leskov's perception: unfulfilled desires
- 84 **I.A. Ovchinina**
New approaches to making up the Complete edition of Alexander Ostrovsky's works and letters
- 89 **Ye.N. Belyakova**
Recreancy motif in Alexander Ostrovsky's historical chronicle «Tushino»: on plot's genealogy (in terms of the play's draft)

- 92 Ермолаева Н.Л.**
Драматические хроники А.Н. Островского о самозванцах в оценке русской критики 1860–1870-х годов
- 97 Муртузалиева Е.А.**
К вопросу о жанровом своеобразии и поэтике очерка Д.С. Мережковского «Ибсен»
- 101 Иванов Н.Н.**
Мотивы и образы национальной культуры в прозе русского неореализма
- 105 Копцов А.Н.**
Очерк в дооктябрьском творчестве А.С. Серафимовича
- 108 Огородникова Е.А.**
Жанр «ноктюрна» в сборнике Игоря Северянина «Громокопящий кубок» (1913)
- 112 Коптелова Н.Г.**
Осмысление октябрьской революции в адресованной лирике З.Н. Гиппиус 1917–1918 годов
- 117 Королева В.В.**
«Гофмановский комплекс» у В.Э. Мейерхольда
- 123 Ушакова О.Н.**
Образная репрезентация мотива изгнанничества в эмигрантской поэзии Г.В. Иванова: традиционное и новаторское
- 127 Алексеева О.Я.**
В.В. Маяковский в литературно-критических статьях В.П. Полонского: по материалам фонда РГАЛИ
- 132 Абрамова К.В.**
«Экфразистический след» в повести Б. Пастернака «Детство Люверс»
- 137 Гасанов И.А.**
Символика детства как универсальное средство оценки миро- и жизнеустройства в лирике Н.А. Некрасова и С. Габиева
- 140 Едошина И.А.**
Дальний Восток и Соловки в жизни священника Павла Флоренского и писателя Михаила Пришвина
- 146 Самосюк Н.Л.**
Концептуальное единство художественного мира картин М. Шагала и рассказа Э. Кустурицы «В объятиях змеи»
- 151 Тюленева Е.М.**
К вопросу о внутренних процессах в авторском сверхтексте Саши Соколова. Статья 2: Деконструкция диалога
- 156 Бокарев А.С.**
Структура авторского «я» в поэзии Бориса Рыжего
- ЯЗЫКОЗНАНИЕ**
- 160 Топорова Т.В.**
Об омонимии в «Старшей Эдде»
- 167 Пчелина Т.М.**
«Речевой голос» как основная категория звучащей речи в античной риторике
- 171 Иванова Е.Н.**
Ономастическое морфемобразование в монастырской деловой письменности Белозерья конца XIV–XV в.
- 92 N.L. Yermolayeva**
Historical plays by Alexander Ostrovsky about impostors in Russian criticism of 1860s—1870s
- 97 Ye.A. Murtazaliyeva**
On the question of a genre originality and poetics of a sketch of Dmitry Merezhkovsky «Ibsen»
- 101 N.N. Ivanov**
Motifs and images of national culture in the prose of Russian neo-realism
- 105 A.N. Koptsov**
Feature article genre in the creative work of Alexander Serafimovich before the October Revolution
- 108 Ye.A. Ogorodnikova**
«Nocturne» genre in Igor Severyanin’s collection of poetry «The Cup of Thunder»
- 112 N.G. Koptelova**
Comprehension of the October revolution in the addressed lyrics of Zinaida Gippius in 1917—1918
- 117 V.V. Korolyova**
«Hoffmann’s complex» in work of Vsevolod Meyerhold
- 123 O.N. Ushakova**
Figurative representation of banishment motive in emigrant poetry of G.V. Ivanov: traditional and innovative
- 127 O.Ya. Alekseyeva**
Vladimir Mayakovsky in literary critical articles by Vyacheslav Polonsky: based on the materials of the Russian State Archive of Literature and Art
- 132 K.V. Abramova**
«Ecphrasticmark» in the novel by B. Pasternak «Lyuyvers’ Childhood»
- 137 I.A. Gasanov**
Symbols of childhood as a universal means of assessing the world and life in the lyrical poetry of Nikolay Nekrasov and Sayyid Gabiyev
- 140 I.A. Yedoshina**
The Russian Far East and the Solovki special camp in the lives of priest Pavel Florensky and writer Mikhail Prishvin
- 146 N.L. Samosyuk**
Conceptual unity of the artistic world of pictures of Marc Chagall and the short story by Emir Kusturica «Embrace of the Serpent»
- 151 Ye.M. Tyuleneva**
To the issue of internal processes in the author’s supertext of Sasha Sokolov. Article 2: Destruction of the dialogue
- 156 A.S. Bokarev**
The structure of the author’s self in the poetry of Boris Ryzhy
- SCIENCE OF LANGUAGE**
- 160 T.V. Toporova**
On the homonymy in the «Elder Edda»
- 167 T.M. Pchelina**
Speaking voice as the basic category of oral speech in ancient rhetoric
- 171 Ye.N. Ivanova**
Onomastic morpheme formation in the monastery business writing in the region of Lake White, North Russia, from the late 14th to the 15th century

- 175 Ростов О.Р., Лобанова Т.А., Борисова Ю.А.**
Роль сочинительных конструкций с союзом *и* в раскрытии содержательно-художественного замысла: аксиологический аспект (по рассказу В.И. Даля «Кому жить веселее: пьяному аль трезвому?»)
- 180 Ухова Л.В., Гусева Л.А.**
«Новые значения старых слов»: к вопросу о статусе слова *риторика*
- 184 Третьякова И.Ю.**
К вопросу об окказиональном преобразовательном потенциале фразеологических единиц: трансформационная активность фразеологизмов с соматизмом *глаз*
- 189 Князева Е.Г.**
Выражение субъективной модальности в речи коммуниканта
- 192 Федулова М.Н.**
Юридическая терминология как составная часть терминологической науки
- 195 Баташѐва Л.А., Аглеева З.Р.**
Непрямые номинации цвета и особенности их функционирования в рекламе одежды
- 198 Каплина М.М., Жезлова С.А.**
Лексическая составляющая текстов современной инопрессы на материале французского и немецкого языков
- 201 Миловская Н.Д.**
Немецкий языковой бытовой анекдот Wortwitz о детях: специфика речевого взаимодействия персонажей, экспликации семантического механизма создания юмористического эффекта
- 206 Денисова А.К.**
Виды лексико-синтаксических повторов в немецкоязычном художественном тексте
- 210 Корнилова М.Ю.**
Основные общеинформативные типы предложения в художественном дискурсе (на материале английского языка)
- 212 Ндой Мам Сай**
К вопросу о «словности» компонента идиомы (на материале фразеологических единиц с общими компонентами в языках русском, французском и волоф)
- 217 Рагасова С.**
Слова исламской тематики в словарях русского языка
- 222 Макарова Е.Н.**
Влияние социолингвистических факторов на усвоение неродного языка
- 225 Иванов Д.И.**
Специфика концептуализации названия рок-группы в структуре вербального компонента синтетической языковой личности
- 230 Масленников С.В.**
Диалогические единства в исторических хрониках А.Н. Островского: структура – семантика – функционирование
- 234 Саушева Е.В.**
Роль метафоры в коммуникативном процессе
- 175 O.R. Rostov, T.A. Lobanova, Yu.A. Borisova**
The role of the coherent constructions by the conjunction AND in the discovery of pregnant-artistic brainchild: the axiological aspect (in terms of the story by Vladimir Dahl «To Whom Does Life Feel Good: for a Drunk One or for a Sober One?»)
- 180 L.V. Ukhova, L.A. Guseva**
«New meanings of old words»: the issue of the status of the word «rhetoric»
- 184 I.Yu. Tret'yakova**
On the issue of occasional transforming potency of phraseological units: transforming activity of phraseologisms with the somatism «eye»
- 189 Ye.G. Knyazeva**
Expressing subjective modality in a communicant's speech
- 192 M.N. Fedulova**
Juristic terminology as terminological science's constituent
- 195 L.A. Batashyova, Z.R. Agleyeva**
Indirect colour nominations and features of their functioning when advertising clothes
- 198 M.M. Kaplina, S.A. Zhezlova**
Text of the modern foreign mass media: lexical aspect (a case study of German and French mass media texts)
- 201 N.D. Milovskaya**
German daily life lexical anecdote Wortwitz about children: peculiarities of verbal intercourse of their characters, recurrent ways of humorous effect creation
- 206 A.K. Denisova**
Types of lexical-syntactic repetition in German literary Text
- 210 M.Yu. Kornilova**
The main informative types of sentence of the general character in an artistic discourse (on material of the English language)
- 212 Ndoye Mame Saye**
On the question of “wordness” of the component of the idiom (on the material of phraseological units with general components in the Russian, the French and the Wolof languages)
- 217 S. Ragasova**
Islamic themes words in the Russian language dictionaries
- 222 Ye.N. Makarova**
Sociolinguistic factors and their effect on second language acquisition
- 225 D.I. Ivanov**
A rock band name conceptualisation nature within the synthetic lingual personality verbal component
- 230 S.V. Maslennikov**
Dialogical unities in historical chronicles by Alexander Ostrovsky: structure – semantics – functioning
- 234 Ye.V. Sausheva**
Metaphor role in communicative process

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 237 **Левченков А.И.**
Право в контексте его понимания
- 240 **Щерова Н.С.**
Практика реализации законодательства о печати в начале XX века (на примере Нижегородской губернии)
- 243 **Бекренев П.Ю.**
К вопросу о выборе теоретической модели местного самоуправления
- 245 **Бабичев Д.А.**
Понятие «решение, принимаемое в оперативно-розыскной деятельности подразделений органов внутренних дел»
- 250 **Ковалькова Е.Ю.**
Новые правила защиты прав и интересов участников долевого строительства
- 253 **Лукомская А.С.**
Понятие и правовая природа термина «пострадавший». Пострадавший от экологического преступления
- 257 **Иванова Н.Л.**
Характеристика сущности апелляции в современном гражданском судопроизводстве: понятие, виды, современное состояние
- 262 **Черкова М.Ю.**
Правовые последствия отказа прокурора от обвинения для потерпевшего и суда

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 268 **Белов А.М.**
К истории русской революции
- 271 **Соловьев А.А.**
Русская Православная Церковь в ракурсе Февраля 1917 года
- 275 **Волкова Е.Ю.**
Что дала женщинам революция 1917 года в России?
- 278 **Кидяров А.Е.**
Февральская революция 1917 г. и общественные настроения
- 281 **Панкратова О.Б.**
Источниковедческий аспект революции 1917 года: костромская пресса о некоторых фактах периода двоевластия в Костроме
- 284 **Чекмарев В.В.**
Революции с позиций радикальных экономических изменений в жизнеобустройстве
- 286 **Турьгин А.А.**
Русская революция 1917 года в немецкой историографии: традиционные оценки и новые интерпретации
- 290 **Кидяров А.Е.**
Кострома в 1917 году: новые документы
- 292 **Саськова Т.В.**
О специфике восприятия западноевропейских культурно-эстетических феноменов на пересечении высокой и массовой литературы

297 SUMMARY

314 ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

JURAL SCIENCES

- 237 **A.I. Levchenkov**
Right (law) in the context of understanding it
- 240 **N.S. Shcherova**
The practice of implementation of legislation on the press in the early 20th century (the example is Nizhny Novgorod Province)
- 243 **P.Yu. Bekrenyov**
On the selection of a theoretical model of local government
- 245 **D.A. Babichev**
Notion of decisions made in law-enforcement bodies divisions' operational search activity
- 250 **Ye.Yu. Koval'kova**
New rules for protecting the rights and interests of participants in shared construction
- 253 **A.S. Lukomskaya**
The concept and legal nature of the term «victim». Victim of an environmental crime
- 257 **N.L. Ivanova**
Characteristics of the essence of modern appeal in civil proceedings: concept, types, present status
- 262 **M.Yu. Cherkova**
Legal consequences of the prosecutor's refusal of the prosecution for the victim and the court

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

- 268 **A.M. Belov**
On the history of the Russian revolution
- 271 **A.A. Solov'yov**
The Russian Orthodox Church in February 1917
- 275 **Ye.Yu. Volkova**
What good was 1917 Revolution for Russian women?
- 278 **A.Ye. Kidyarov**
The February Revolution of 1917 and public sentiment
- 281 **O.B. Pankratova**
Historical aspect of revolution of 1917: Kostroma press about some facts of the period of a diarchy in Kostroma
- 284 **V.V. Chekmaryov**
Revolutions from the point of view of radical economic changes in provision of the necessary facilities of life
- 286 **A.A. Turygin**
The Russian Revolution of 1917 in the German historiography: traditional estimates and new interpretations
- 290 **A.Ye. Kidyarov**
Kostroma in 1917: new documents
- 292 **T.V. Sas'kova**
On specifics of perception of Western European cultural aesthetic phenomena at the intersection of exalted literature and pulp fiction

297 SUMMARY

314 REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(3)

Любимцев Юрий Николаевич

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород
lioubimtsev@mail.ru

ЦЕЛИ И СПОСОБЫ ОРГАНИЗАЦИИ АФИНСКОГО МОРСКОГО СОЮЗА.

Часть 2*

В данной статье речь идет о процессе создания Афинского морского союза и превращения его в Афинскую империю (архэ). Внешняя политика государств на протяжении всей истории связана с организацией союзов, в частности военных. Эти союзы создаются с определённой целью. Так, в V в. до н. э. Афины создали союз для сдерживания Персии. В статье рассматриваются отношения между Афинами и союзными полисами. Особое внимание уделяется военным операциям Афин на первом этапе существования Делосской лиги (478–462 гг. до н. э.). Анализируются причины и последствия поражений восстаний союзников против Афин. Обращается внимание на реакцию Спарты на создание Афинского морского союза.

В работе применяются такие методы исторического исследования, как метод диахронического анализа и историко-системный метод.

Ключевые слова: Афинский морской союз, цели Афинского морского союза, способы организации Афинского морского союза, восстания союзников против Афин, Наксос, Фасос, Спарта.

В прошлой части статьи мы рассказали о войне афинян с варварами. Кроме того, им приходилось воевать и со своими союзниками. Примером этого является подавление восстания на острове Наксос, которое было в 470–469 гг. до н. э. Это был первый случай лишения независимости союзного города вопреки существующему союзному договору [8, I, 98, 4]. В историографии представлена общая точка зрения на это событие, которая заключается в том, что в момент основания Афинского морского союза были заложены «мины замедленного действия», которые все же не заставили себя долго ждать и начали «взрываться» через несколько лет после создания лиги.

Так, между Афинами и их союзниками возник конфликт по поводу налогов в казну. Как уже было отмечено, у Фукидида есть заметка, что при основании Делосской лиги были определены города, которые были должны платить деньги в казну (форос), и города, которые отвечали за поставку кораблей. Первоначальный форос был определен в 460 талантов [8, I, 96]. Источник же Диодора Сицилийского называет другую цифру – 560 талантов, и у Диодора ничего не сказано о кораблях. Но поскольку Фукидид был ближе исторически к тем событиям, логично предположить, что он больше знал о них и его сведения точнее сведений Диодора. Выбор между кораблями и деньгами мог стать отправной точкой конфликта между союзником и гегемоном, поэтому, например, Кэген предполагает, что Наксос был принужден делать денежные выплаты вместо поставки кораблей и людей [17, p. 46]. Об этом в источниках ничего не сказано, повод к атаке на остров мог быть другим. Можно предположить, что наксосцы были крупными конкурентами афинян, Наксос располагал одним

из крупнейших флотов в Афинском морском союзе и мог при удобном случае снять с себя лишние обязательства, вообще выйти из лиги, так как представлял собой более или менее самостоятельную силу. Корнфорд, к примеру, считает, что причиной восстания Наксоса, также как и других полисов, является нежелание союзников содержать Афины. Как известно, афиняне даже еще до переноса союзной казны с острова Делос в Афины тратили большие средства не на решение общесоюзных задач, а на благоустройство собственного полиса. Это не могло не раздражать их союзников, последних такая ситуация не устраивала [10, p. 12].

В восстании полисы, в частности Наксос, видели выход из ситуации и системы, в которую они были включены. Если бы Наксос вышел, то вышли бы, скорее всего, и другие сильные члены союза, и это означало бы фактический распад лиги. Дальнейшие восстания против афинян показывают, что возможность такого сценария развития событий была. По мнению Глоца и Коэна, это произошло потому, что: 1) в основании лиги были посеяны семена будущих раздоров – не было уточнено, имеют ли право или нет союзники выходить из конфедерации; 2) афинам как гегемону не было противовеса в лиге [14, p. 117]. Глоц и Коэн считают, что Афины заставили Наксос остаться в союзе, несмотря на то что жители острова были против [14, p. 128]. Однако не стоит забывать, что наксосцы когда-то сами заключили договор с афинянами о совместной борьбе против персов на неопределенное время [1, Аф. Пол., 23. 5; 7, Арист., 25. 1], поэтому действия Афин в данном случае в каком-то смысле оправданы¹. К тому же восстание Наксоса произошло раньше окончания войны против Персии, Каллиева мира 449 г. до н. э., так что даже с формальной точки зрения афиняне были правы.

*Часть 1 см.: Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – Т. 23. – № 3. – С. 9–13.

Проблема земли остро стояла в Аттике, поэтому Кэген также делает предположение, что часть земли на острове Наксос была конфискована и на ней была установлена клерухия и что Афины разместили на острове гарнизон [17, р. 46]. Опять же таких сведений в источниках нет, но логично предположить, что так и было, потому что, как видно из тех же источников, афиняне извлекали максимальную выгоду из восстаний своих союзников для своего полиса. Примером этому служит конфликт между Афинами и островом Фасос.

Подавление восстания на острове Фасос было в 465 г. до н. э. Фасосцы и афиняне поссорились из-за торгово-перевалочных пунктов и золотых копей на Фракийском побережье, напротив острова. В качестве причины карательной экспедиции Афин Глоц и Коэн, а также Строецкий называют заявление Фасоса о намерении выйти из лиги [14, р. 134; 6, с. 142]. Косвенной причиной поражения Фасоса является отказ спартанцев помочь восставшим. Фасосцы, как известно, попросили Лакедемон поддержать их, но у того самого возникли большие проблемы. В 464 г. до н. э. в Спарте произошло большое землетрясение. Этим природным бедствием, в ходе которого погибло много спартиатов, воспользовались илоты, а из периэков фуриаты и эфесцы, которые восстали и удалились на Ифому, заняли там оборону [8, I, 100–101]. Поэтому спартанцы не могли оказать помощь фасосцам, более того, они сами обратились с просьбой о ней к своим главным конкурентам и тем, против кого в то время воевали фасосцы, – афинянам [8, I, 102].

Вероятно, спартанцы не согласились бы поддержать фасосцев, даже если бы никакого землетрясения и никакого восстания илотов не было бы. Поддержка восставших островитян для спартанцев означала бы полный разрыв отношений с афинянами и обращение против лакедемонян Делосской лиги, чего лакедемоняне вряд ли хотели. Быть может, спартанцы и вовсе не обещали помощи фасосцам. Такую точку зрения рассматривает, например, Сици. Аргументы, которые он приводит в пользу этого, заключаются в том, что, во-первых, тайные переговоры между лакедемонянами и фасосцами не могут быть проверены, во-вторых, это могло быть придумано позже самими же лакедемонянами, чтобы убедить полисы Делосской лиги во время Пелопоннесской войны перейти на их сторону [21, р. 253]. Однако, считает ученый, даже если это правда, то это лишь говорит о том, что к 465 г. до н. э. для многих греков стало очевидно, что отношение спартанцев к афинянам было не такое дружелюбное, каким оно было в 478 г. до н. э. [21, р. 253]. Хорнблауэр указывает на неуклюжесть спартанской политики («a clumsy piece of diplomacy»), потому что, с одной стороны, этот шаг лакедемонян не был ни для кого секретом, с другой стороны, это не могло понравиться

Кимону, другу спартанцев, который в то время осаждал Фасос, с третьей, спартиаты сами попали в неловкую ситуацию: землетрясение и последовавший за ним бунт илотов заставили лакедемонян отказаться от своих намерений, так как суеверные спартанцы рассматривали природный катаклизм и восстание как божественный знак неодобрения («a sign of divine disapproval») [16, р. 35]. Афиняне послали эскадру на Фасос, разбили фасосцев в море. Потом высадились на острове и осадили город. В это же время 10 000 афинян основали клерухию Амфиполь на спорной части Фракийского побережья. В 463 г. до н. э. фасосцы сдались. Они были вынуждены срыть городские стены, отдать корабли, выплатить немедленно денежную контрибуцию, уплачивать отныне дань, отказаться от рудников и всех своих владений на материке [8, I, 100–101]. По мнению Кэгена, это было самое жестокое подавление восстания, которое принесло Афинам большую выгоду (контроль над Фракийским побережьем, рудники), но также и непопулярность [17, р. 47].

В качестве причин восстания союзников Афин Фукидид называет нежелание союзников платить дань и поставлять корабли, нести военную службу, падение популярности Афин. Фукидид отмечает, что союзники сами были виноваты в своих поражениях, потому что предпочитали облагать себя налогом, делать денежные выплаты вместо того, чтобы поставлять корабли. Союзники отказывались нести военную службу, потому что были малодушны. В это время Афины увеличивали свой флот, и когда союзники восставали, афиняне легко подавляли восстания [8, I, 99]. Падение популярности Афин было вызвано тем, что цель Делосской лиги была достигнута, греки Азии были освобождены от персидского ига, поэтому полисы все меньше и меньше хотели оставаться в составе лиги, где их независимость была ограничена, где на них были наложены определенные обязательства, такие, например, как форос, участие в походах лиги. Необходимость быть в союзе отпала.

Среди последствий восстаний Диодор Сицилийский перечисляет следующие. Афины извлекли из восстаний выгоду, они получили ресурсы из подавленных полисов. Гегемон испытывал неуважение по отношению к своим союзникам, высокомерно и грубо управлял ими. В ответ на это союзники обсуждали восстание, испытывали презрение по отношению к решениям Всеобщего собрания лиги. Некоторые союзники пытались действовать как независимые государства, проводить независимую от решений Афин и союза политику [5, 11, 70, 3–4]. Глоц и Коэн подчеркивают, что в Делосской лиге были сформированы два типа членов: свободные и подчиненные города. Ученые обращают внимание на жестокое насилие в лиге, указывают на движение конфедерации в сторону смерти [14, р. 128].

Существует и диаметрально противоположная точка зрения о насилии в лиге со стороны Афин. Например, Сен-Круа считает, что насилия как такового над демосом союзных полисов при подавлении афинянами восстаний не было, а именно он приводит речь Диодота о митиленском вопросе [8, III, 47, 2]. Диодот говорит, что народ во всех полисах Афинской империи благосклонен к афинянам, не присоединяется к восстанию олигархии, встает на сторону афинян против восставших [12, s. 1–41]. Также Сен-Круа полагает, что в прошлом кроме Афинского морского союза нет больше империй, которые опирались бы в управлении подчиненными государствами на поддержку низших классов [13, p. 290]. Этим он, вероятно, хочет сказать, что противостояния между союзниками и полисом-гегемоном в Афинском морском союзе не было и, соответственно, действий со стороны Афин при подавлении мятежей, которые можно было бы расценивать как насилие над демосом, не было, потому что демос сам был на стороне Афин, против мятежных олигархов, не хотел покидать союз.

На мой взгляд, насилие афинян над союзниками было обусловлено правилами, установленными при возникновении Делосской симмахии, а именно платить форос, участвовать в общесоюзных походах. Союзники приняли их, во-первых, по необходимости защиты от Персии, во-вторых, потому, что им нравился общественно-политический строй Афин, в-третьих, потому, что они были родственны афинянам. Потом союзные полисы стали уклоняться от выполнения этих правил, в результате чего были наказаны, поэтому вряд ли можно говорить о насилии в Афинском морском союзе. Фукидид косвенно говорит об этом в сообщении, которое передает речь афинян перед лакедемонянами накануне Пелопоннесской войны. Афиняне различают понятия «несправедливость» и «насилие». Акцент делается на прагматику, то есть на то, как люди относятся к несправедливости и насилию. Отношение людей к проявлениям несправедливости и насилия выдает существенное различие между этими двумя понятиями. Несправедливость, по словам афинян, больше раздражает людей, чем насилие, потому что с точки зрения равенства кажется посягательством, насилие же с точки зрения превосходства одного над другим представляется как неизбежная необходимость. Иначе говоря, подавление восстаний союзников афинянами есть обычная практика того времени. В этом же сообщении говорится, что союзники не были возмущены насилием над ними со стороны персов.

Реакция Спарты тоже имела большое значение в создании Афинского морского союза. От того, как бы отреагировал Лакедемон, зависела судьба рождающейся лиги. Коннор, рассматривая причины образования Афинского морского союза, говорит и об отставке Павсания, сына Клеомброта,

который был лишен командования эллинским флотом из-за своего высокомерного поведения, грубого отношения к неспартанцам, предательства, тайных переговоров с персами после экспедиции на Кипр и захвата Византии в 478 г. до н. э. [8, I, 95, 130; 9, p. 44]. Противоположную точку зрения на этот счет представляет Сили, ссылаясь на Геродота [2, VIII, 3]. Древний историк говорит, что афиняне воспользовались высокомерием Павсания. Это, по мнению Сили, значимо для понимания той ситуации, и, скорее всего, поскольку мнения Геродота и Фукидида разнятся, случай с Павсанием – это афинская выдумка. Несостыковки у греческих историков в описании ситуации со спартанским командующим говорят о том, что афинянам есть что скрывать [21, p. 243]. На мой взгляд, случай с Павсанием был поводом к тому, чтобы лишить спартанцев единоличного управления эллинами. Ионяне и геллеспонты были связаны кровными узами с афинянами, поэтому их объединение против лакедемонян объяснимо [8, I, 95]. Древние авторы по-разному видели ситуацию с переходом управления общесоюзным флотом от лакедемонян к афинянам, по-разному передавали и историю с Павсанием. Есть различия в повествовании между Фукидидом и Аристотелем с одной стороны, и Геродотом и Диодором Сицилийским – с другой. Первые описывают событие в положительном для Афин ключе, вторые – в отрицательном. Фукидид говорит, что спартанцы передали афинянам управление флотом, так как устали от войны и были дружелюбно настроены по отношению к афинянам [8, I, 95, 7]. Аристотель пишет, что афинянам удалось добиться славы у греков и успехов в военном деле, поэтому они и получили гегемонию на море [1, Аф. Пол., 23, 2]. Из рассказа же Геродота следует, что афиняне под предлогом наглости Павсания отняли лидерство у лакедемонян [2, VIII, 3, 2]. Диодор присовокупляет к этому еще не менее важные детали. Он сообщает, что спартанцы были в гневе от произошедшего, от того, что они потеряли контроль над частью союзников и, таким образом, гегемонию во всей Греции. Лакедемоняне созвали Герусию по этому поводу, на совещании обсуждался вопрос войны против Афин. Большинство сначала склонялось к тому, что война должна быть объявлена, ведь это возвеличит Спарту и увеличит благосостояние ее граждан. Более того, спартанцы, будучи суеверным народом, руководствовались в принятии решений оракулом, в котором бог велел им остерегаться, как бы их превосходство не было «хромым». Лакедемоняне трактовали это так. Превосходство Спарты держится на двух ногах: армии и флоте, превосходстве на суше и на море. Превосходство на море они потеряли, так как управление общесоюзным флотом перешло от них к афинянам. Поэтому надо было, по мнению спартанцев, восстановить владычество на море. Однако мнение

большинства изменилось на прямо противоположное после того, как слово взял член Герусии Гетэмарид. Старейшина заявил, что воевать против афинян на море – это не в интересах Спарты и, вообще, претендовать на море Лакедемону не надо. Так большая война в Элладе была отложена на некоторое время [5, XI, 50].

Скорее всего, более близкой к действительности является трактовка события, принадлежащая Диодору Сицилийскому. Во-первых, потому, что ученый более детально анализирует реакцию Спарты на переход командования флотом от лакедемонян к афинянам, а не ограничивается фиксацией причины, по которой это произошло, как другие авторы. Во-вторых, потому, что спартанцы, бывшие недавно лидерами Эллинского союза, не могли просто так отдать гегемонию какому-либо другому полису, и очевидно, что внутри Лакедемона должна была состояться какая-либо дискуссия вокруг вопроса о передаче управления флота афинянам. Это говорит о том, что в Спарте, вероятно, появились «партия войны» и «партия мира», что не соответствует мнению Фукидида о дружелюбии лакедемонян по отношению к афинянам. Такое расхождение в точках зрения о данном событии у древних авторов замечает и Р. Мейгс, который также склоняется, скорее, к позиции Диодора Сицилийского, чем к позиции Фукидида². Ученый объясняет это тем, что спартанцев не мог не разозлить переход управления флотом от них к афинянам, так как лакедемоняне были оскорблены действиями афинян в последующие за изгнанием Писистратидов из Афин годы, спартанцы не получили за свою помощь в смещении тиранов никаких дивидендов; позже Афины отказались снести свои городские стены; в Спарте общественное мнение разделилось между теми, кто хотел более динамичной внешней политики полиса, и теми, кто довольствовался господством на Пелопоннесе [19, р. 41]. По мнению Мейгса, войны между Афинами и Спартой не произошло тогда потому, что Лакедемон вскоре оказался занят проблемами на Пелопоннесе (противостояние Аргосу и Аркадии); в Афинах Фемистокл, один из главных сторонников борьбы против Спарты, был подвергнут остракизму и заслонен лаконофилом Кимоном [19, р. 40–41]. История с Гетэмаридом тоже значима в данном случае, ведь Спарта расширялась по суше, а Афины – по морю. Расширение по морю требует строительство сильного флота и, самое главное, предприимчивости, в том числе связанной с развитием торговли и ремесел, что для спартиата было запрещено традициями, так называемым законодательством Ликурга.

В историографии преобладает точка зрения, что Спарта де-факто уступила часть гегемонии Афинам. Гомм считает причиной получения гегемонии Афинами отсутствие у Спарты воли осуществлять

свое лидерство («Sparta being unwilling to keep the leadership») [15, р. 272]. Кэген полагает, что в любом случае позиция Спарты являлась молчаливым одобрением установления гегемонии Афин и создания Делосской лиги [17, р. 377]. На мой взгляд, в политике Лакедемона было противоречие: с одной стороны, Спарта стремилась к удержанию гегемонии в Элладе и расширению зон влияния, которое выражалось в назначении общеэллинскими силами командующего спартиата, в защите олигархий по всей Элладе и борьбе против тирании и демократии, с другой стороны, она не совершала дальних завоевательных походов, не располагая достаточно сильной сухопутной армией для этих целей и не имея собственного флота. Более близким к истинному пониманию этого положения является В. Коннор, который считает причиной усиления Афин медлительность и колебание спартанцев. В доказательство он приводит сообщение Фукидида, где сказано, что лакедемоняне мешали укреплению Афин лишь в слабой степени³. Коннор приводит в подтверждение следующие доводы. Спартанцы были заняты больше внутренними войнами, а именно войнами с илотами, с мессенянами. Илотские восстания могли быть причиной того, что Спарта отказывалась помогать врагам Афин или полисам, которые восставали против Афин. Примером этого является отказ спартанцев выслать войско на помощь фасосцам, которые подняли мятеж против афинской гегемонии в 465 г. до н. э. Лакедемоняне не помогли островитянам потому, что в это же время у них в результате большого землетрясения 464 г. до н. э. разгорелось восстание илотов. Все закончилось тем, что фасосцы капитулировали и фактически лишились независимости, что привело, в свою очередь, к усилению Афин [8, I, 101]. Коннор отмечает ответственность лакедемонян за то, что Афины смогли привлечь многие полисы Эллинского союза на свою сторону. Он приводит сообщение Фукидида, где афиняне говорят, что они были вынуждены довести их власть над союзниками до теперешнего состояния (имеется в виду до состояния на момент перед Пелопоннесской войной), потому что спартанцам не так важна была война против персов, как афинянам [9, р. 44]. Обращу внимание на мотивы, которые двигали афинян к продолжению войны против Персии. С одной стороны, сохранялся ещё страх перед персами. С другой стороны, Афины уже осознавали себя достаточно сильными, чтобы расширить своё влияние, привлечь союзников и основать колонии, чтобы взимать налоги. Корнфорд в своем исследовании причин создания Афинского морского союза тоже указывает на эти мотивы, но вместе с тем он считает, что Перикл, оправдывая положение Афин, которого они добились в результате победы над персами, вместе с тем считал необходимым продолжить войну с ними ради достижения независи-

мости Ионии и установления афинского морского господства в Эгее [10, р. 11].

В итоге Афинам удалось с 478 по 454 гг. до н. э. превратиться в архэ. Процесс превращения в империю сопровождался войнами афинского государства против его союзников, ухудшением отношений со Спартой, а потом и полным их разрывом (политический аспект), увеличением афинского хозяйства за счет фороса, поступающего от союзников, и в результате захвата золотых и серебряных рудников во Фракии (экономический аспект), выведением клерухий и колоний, реформой Архопага, в результате которой возросло значение афинского демоса в делах управления афинским полисом (социальный аспект). Само превращение Делосской лиги в Афинское архэ датируется условно 454 г. до н. э. – годом, когда афиняне перенесли общесоюзную казну из святилища Аполлона на остров Делос в Афины. В это время уже шла так называемая первая (Малая) Пелопоннесская война, которая была закономерным результатом противостояния Афинского морского и Пелопоннесского союзов.

Примечания

¹ [19, р. 46] В.М. Строецкий предполагает также, что афиняне, требуя от союзников осадить Наксос, могли сослаться на заветы против клятвопреступников, которые союзные полисы произнесли на острове Делос во время основания симмахии [7, Арист., 25, 1, Аф. Пол., 23, 5; 7, Арист., 23; 6, с. 138].

² [19, р. 40–41] В.М. Строецкий считает этот рассказ Диодора риторической обработкой Эфора или самого Диодора сообщения Фукидида о решении лакедемонян уступить афинянам гегемонию на море [8, I, 95, 7; 6, с. 117].

³ [9, р. 43] Стоит отметить влияние Коринфа и Аргоса в вопросе об отношении Спарты к установлению Афинами гегемонии. Коринф, будучи членом Пелопоннесского союза, не поддержал, по видимому, Лакедемон в его стремлении объявить войну Афинам после зарождения Делосской лиги. Причиной этого, вероятно, был интерес Коринфа к Афинам как к торговому партнеру. Аргос же не поддержал Спарту, так как был ее традиционным соперником, он не хотел допустить ее гегемонии в Элладе.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Политика. Афинская полития / пер. с древнегреч. С.И. Радцига. – М.: Мысль, 1997. – 343 с.

2. *Геродот*. История / пер. с древнегреч. Ф.Г. Мищенко. – М.: Академический проект, 2014. – 599 с.

3. *Исократ*. Речи. Письма; Малые аггические ораторы. Речи / изд. подготовил Э.Д. Фролов. – М.: Ладомир, 2013. – 1074 с.

4. *Ксенофонт*. Греческая история / пер. с древнегреч. С.Я. Лурье. – СПб.: Алтейя, 1996. – 430 с.

5. *Сицилийский Диодор*. Историческая библиотека / пер. с древнегреч. В.В. Латышев, М.Е. Сергеев, В.М. Строецкий и др., 2012. – 750 с.

6. *Строецкий В.М.* Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н. э. (478–431 гг. до н. э.). – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. – 291 с.

7. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания / пер. с древнегреч. В.А. Алексеева. – М.: Олма Медиа Групп: Просвещение, 2015. – 448 с.

8. *Фукидид*. История / пер. с древнегреч. Ф.Г. Мищенко. – М.: Академический проект, 2012. – 557 с.

9. *Connor W.R.* Thucydides. – Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1984. – 266 p.

10. *Cornford F.M.* Thucydides Mythistoricus. – London: E. Arnold, 1907. – 300 p.

11. *De Ste Croix G. E. M.* The Origins of the Peloponnesian War. – L.: Duckworth, 1972. – 444 p.

12. *De Ste-Croix G. E. M.* The Character of the Athenian Empire // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. – 1954. – Bd. III, h. 1. – S. 1–41.

13. *De Ste-Croix G. E. M.* The Class Struggle in the Ancient Greek World. – Cornell University Press, 1989. – 732 p.

14. *Glantz G., Cohen R.* La Grece au Vème siècle. – P.: Presses Universitaires de France, 1931. – 801 p.

15. *Gomme A.W.* A Historical Commentary on Thucydides: in 3 v. V. I, III. – Oxford: Clarendon Press, 1956. – 748 p.

16. *Hornblower S.* The Greek World 479–323 BC. – London; N. J.: Routledge, 2002. – 416 p.

17. *Kagan D.* The Outbreak of the Peloponnesian War. – Ithaca, 1969. – 420 p.

18. *Kallet L.* The Origins of the Athenian Economic Arche // *JHS*. – 2013. – № 133. – P. 43–60.

19. *Meiggs R.* The Athenian Empire. – Oxford: At the Clarendon Press, 1972. – 632 p.

20. *Meyer E.* Vorgeschichte und Grundung des Delisch-Attischen Seebundes // *Historia*. – 1963. – Bd. XII. – S. 405–446.

21. *Sealey R.* A History of the Greek city-states ca. 700–338 B. C. – University of California Press Berkeley, 1976. – 516 p.

ЗАРОЖДЕНИЕ СТРУКТУР ЦЕРКОВНОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БАСЕЙНА ВЕРХНЕЙ ОКИ В X – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII В.

Активное распространение христианства и начало становления церковных управленческих структур на территории бассейна Верхней Оки началось значительно позже крещения Руси и относится, по всей видимости, к первой половине XII в. Заинтересованность администрации Черниговского княжества в крещении вятичей и организации условий для роста православных структур была, вероятно, не очень высока и активизировалась лишь как следствие княжеских усобиц. Каменные храмы строились лишь в важных административных центрах, а религиозные потребности христиан, принадлежащих к правящим слоям, удовлетворялись в небольших домовых церквях. Окончательная христианизация и создание управленческих структур православной церкви на территории бассейна Верхней Оки связана с переселением жителей Черниговского княжества в северные волости после монгольского нашествия.

Ключевые слова: распространение христианства, вятичи, Черниговская епархия, княжеская администрация, Верхняя Ока.

Древнерусское государство, дата возникновения которого традиционно относится к IX в., занимало обширную территорию, административное управление которой формировалось в течение длительного времени. Управленческий процесс (если рассматривать в некотором упрощении) в значительной степени был представлен контролем великокняжеской администрации (военной и гражданской), осуществляемым вначале напрямую из Киева, затем – из центров удельных княжеств. До конца X в. такого рода контроль был, по всей видимости, единственным проявлением государственной власти на местах.

Принятие христианства на Руси повлекло за собой появление еще одного политико-идеологического института, распространившего свое влияние на всю территорию, контролируемую династией Рюриковичей. Этим институтом стала Русская православная церковь, создавшая собственную систему администрирования в границах своего распространения.

Проникновение православного вероучения на земли восточнославянских племенных союзов происходило различными темпами. Пожалуй, самые медленные темпы распространения христианства можно наблюдать на восточных окраинах Руси – в земле вятичей. В масштабах страны эта зона очерчена рубежами Верховской историко-географической провинции. Названный регион представляет собой территории, ограниченные на севере широтным течением реки Оки, на западе – бассейном реки Десны, на востоке – верховьями реки Дон, на юге – водоразделом реки Сейм. Эти границы определялись целым рядом политических, экономических, военных и этнических факторов, обусловивших весьма длительное существование вышеназванной отдельной историко-географической части Руси [4].

История Верховских земель неоднократно освещалась как автором данной статьи, так и другими отечественными исследователями. Однако до

настоящего времени вопросы администрирования церковной деятельности, осуществлявшейся на территории Верховской историко-географической провинции, практически не попадали в сферу внимания историков. В качестве причин такой ситуации можно указать несколько обстоятельств как объективного, так и субъективного свойства.

Первым, по всей видимости, стала широко известная уничижительная характеристика, данная летописцем духовной и культурно-бытовой жизни вятичей, которая заставила многих исследователей полагать членов племенного союза вятичей особой разновидностью восточно-европейских дикарей, не отягощенных культурными достижениями [11, с. 6]. Вторым оказалось утвердившееся представление об абсолютном варварском характере язычества вятичского населения, его упрямстве и нежелании воспринимать достижения преимущественно христианской, в своей основе, культуры. Подобные оценки подпитывались полулегендарными сведениями о мученической смерти православного монаха-проповедника Кукши и о позднем «крещении мчан», произошедшем после похода на них московского войска в 1415 г. Даже позднейшие исследования зачастую не учитывали тот факт, что названные повествования носили скорее всё же пропагандистский, нежели объективный характер. Третьим обстоятельством стало особое положение административно-территориальных образований, возникших на территории Верховии в XIII в. – так называемых Верховских княжеств. Они занимали позицию «между Русью и Литвой», одновременно сохраняя вассалитет в отношении Золотой Орды. Верховские княжества казались историкам прошлого не только зоной соприкосновения двух стран, но и зоной контакта двух разных ветвей христианства (православия и католицизма), что не способствовало профессиональному интересу в вопросе изучения их церковной истории.

По нашему мнению, вопросы церковного окормления населения Верховской историко-гео-

графической провинции являются значимой исследовательской задачей для историка, обратившегося к рассмотрению процесса развития территорий бассейна Верхней Оки и тех событий, которые происходили здесь в ходе интеграции и ассимиляции этих земель Древнерусским государством в разных его проявлениях.

Первыми следами существования христианских религиозных воззрений в зоне распространения роменской археологической культуры, к носителям которой традиционно относят северов, вятичей и радимичей, являются захоронения умерших в ямах с западной ориентацией. Наиболее ранние из подобных захоронений, сопровождаемых роменским же инвентарем, датируются последней четвертью X – началом XI в. [1, с. 69]. В качестве вероятных источников проникновения христианства на Верховские земли можно указать влияние торговых партнеров по проходившему здесь торговому пути «из хазар в немцы» – жителей христианизированной Великой Моравии либо хорошо известных из хроник хазар-христиан [8, с. 40–41]. В то же время существование некой христианской структуры на территории Верхней Оки до момента её формального подчинения Чернигову документально ничем не подтверждается. Можно утверждать, что весьма вероятное знакомство вятичского населения с христианством как идеологической системой не привело к его самостоятельному распространению на рассматриваемой территории.

В исторической литературе неоднократно отмечалось, что вятичи (как в период существования своего собственного племенного союза, так и во время нахождения в составе Черниговского княжества) принимали христианские ценности достаточно медленно и не очень охотно. Это было связано с рядом внутренних причин, бывших одинаковыми для большинства восточнославянских этносов. Во-первых, распространению православия мешало несоответствие структур вятичской племенной демократии (либо автономного княжеского управления) и жесткой церковной централизации, созданной по образу и подобию государственных структур Ромейской (Византийской) империи. Во-вторых, негативное отношение вятичей к церкви определялось тем, что в ней они видели соратника «русской» власти, последовательно разрушавшей ранее существовавшие порядки. В-третьих, на землях вятичей вряд ли могло находиться сколько-нибудь заметное число славянского (весьма малочисленного) духовенства, чьи проповеди могли быть поняты жителям верховьев Оки. В-четвертых, вятичи упорно стремились сохранить высокую степень автономии своей территории от центральных властей, что определяло слабую зависимость их региональной жизни от стремления князей к активному использованию христианской религии.

В то же время после крещения Руси распространение христианской веры среди вятичей стало неотъемлемой частью процесса освоения этой территории светской властью русских князей. Как свидетельствуют летописные источники и данные археологии, вятичи долгие годы сохраняли свои восточнославянские народности, сохраняли свои древние языческие обычаи и ритуалы. Начало реальной христианизации на территории Верховской историко-географической провинции можно отнести к XI–XII вв., что прослеживается в изменении ритуалов погребения усопших и появлении непосредственно христианских атрибутов.

На протяжении практически всего христианского периода своей истории земли Верховской историко-географической провинции входили в сферу ведения Черниговской епархии Константинопольского патриархата. В связи с этим характеристика особенностей возникновения и функционирования этой епархии представляется актуальной и необходимой.

Так, Никоновская летопись применительно к 992 г. сообщает о появлении епископов на Руси, называя Неофита первым черниговским епископом [12, с. 65]. Есть основания усомниться в степени историчности этого сообщения по причине упоминания в документах конца XI в. еще одного Неофита на той же должности и учитывая хронологическую удаленность упомянутого летописного свода (XVI в.) от описываемых времен. Существует некоторая вероятность того, что перед исследователем – пример не вполне достоверного повествования. Строго говоря, период отечественной истории непосредственно перед крещением Руси и в продолжении последующих ста лет выглядит скорее легендарным, поскольку сообщения русских летописей зачастую противоречат повествованиям западных хронистов, которые, в свою очередь, не совпадают с дошедшей до нашего времени информацией из византийских источников.

В то же время черниговский епископ был, безусловно, одним из самых ранних православных иерархов на Руси. Существует гипотеза, что именно город Чернигов скрывается под именем Маврокастрон в византийском списке православных епархий второй половины XI в. [13, с. 102]. Более ранних прямых и достоверных упоминаний о существовании епархии не встречается. Косвенным свидетельством религиозной значимости Чернигова является начало строительства в городе кафедрального собора Святого Спаса при князе Мстиславе Владимировиче в 1030-х гг. Названный факт наводит на мысль о претензиях Чернигова на большую религиозно-административную значимость.

Как уже отмечалось, Черниговская епархия в последней трети XI в. возглавлялась митрополитом Неофитом. Присутствие митрополита на черниговской епископской кафедре было обусловлено

особым значением княжества, чей правитель Святослав Ярославович входил в так называемый триумvirат Ярославичей, фактически доминировавших на Руси после смерти своего отца [13, с. 102]. По всей видимости, высокий религиозный статус Черниговского княжества был обусловлен его экономическим, политическим и административным весом, в чем немалое значение имело политическое наследство Мстислава Удалого, сделавшего Чернигов на некоторое время, по сути, второй самостоятельной столицей Руси.

Как уже отмечалось исследователями, несмотря на высокий статус Черниговской епархии, ее успехи в деле распространения христианства на территории Верховской историко-географической провинции были невелики. Изученное археологами последовательное изменение бытовых характеристик поселений разных ветвей роменской археологической культуры демонстрирует явное появление и усиление нетрадиционных для вятичей бытовых и культурных черт. Отмеченные новшества явно свидетельствуют о проникновении на Верховские земли христианских идеологических ценностей, но отнюдь не демонстрируют взрывного роста признаков распространения христианства на протяжении X–XI вв. [2]. Археологические находки скорее подтверждают гипотезу о том, что в массе местное вятичское население воспринимало христианскую церковь и княжескую власть как единое целое, а потому, при достаточно долгом сохранении фактической автономии, оно относилось к православным миссионерам как к духовным агентам государства киевских князей.

Довольно интересную информацию о степени христианизации верхнеокского региона дает анализ широко известного предания о миссионерской деятельности проповедника Кукши, зафиксированного киевско-печерским патериком. История «убиения Кукши» несет в себе все черты классического христианского рассказа о гибели святого миссионера-проповедника от рук воинствующих язычников и выглядит весьма схематично и чрезвычайно традиционно.

Аналізу странностей и явных несоответствий широко известной легенды автор посвятил достаточно объемное рассмотрение в других своих работах [5, с. 107–110]. В данной статье представляется целесообразным сконцентрировать внимание на других обстоятельствах, имеющих отношение к легендарному свидетельству. Несмотря на примерную датировку излагаемых событий вторым десятилетием XII в., то есть временем уже долго существующей верховной власти над вятичами черниговских князей, смерть Кукши явно осталась незамеченной гражданской и военной администрацией рассматриваемой территории, так как информации о каких-либо мерах карательного плана в отношении убийц в документальных источниках

не имеется. Более того, Кукша указывается автором сообщения в качестве «крестителя вятичей»: «бесов прогнал, и вятичей крестил, и дождь с неба свел, и озеро иссушил, и много других чудес сотворил. После многих мучений был убит вместе со своим учеником» [3, с. 128–129]. Таким образом, без большого риска ошибиться, можно утверждать, что применительно к первым десятилетиям XII в. вятичи в массе своей всё ещё оставались язычниками и вполне комфортно ощущали себя внутри номинально полностью православного Черниговского княжества.

За исключением туманной легенды о деятельности Кукши, по сию пору нет достоверной информации о конкретных организационных и политических шагах по христианизации рассматриваемых территорий в XII – первой половине XIII в. Косвенные данные, извлекаемые из рассказа о ходе усобиц XII в., позволяют говорить, с одной стороны, об относительной слабости христианства, с другой – о постепенном распространении христианских обычаев и обрядов среди местного населения. Христианизация земли вятичей последовательно продолжалась, о чем свидетельствуют факты появления нательных крестиков в числе традиционных языческих оберегов и изменение порядка захоронения умерших, перешедшего от трупосожжения на погребальных кострах к трупоположению в могилах [9, с. 49].

По всей видимости, прокатившиеся в XII в. по обширной территории северо-восточных вятичских волостей Черниговского княжества княжеские усобицы заметно повлияли на темпы их христианизации. Упорное политическое противостояние князей рода Давыдовичей с Ольговичами стало одним из важных факторов вовлечения Верховских земель в общерусский поток внутренних и внешних реформ и преобразований. Летописи зафиксировали факт личного приезда князя в вятичский Дедославль с просьбой о помощи и поддержке. Дедославль был, по всей видимости, одним из важных политических центров вятичских земель, явно не связанных ни с черниговской (новгород-северской) княжеской администрацией, ни с христианской иерархией [6, с. 21–24]. Обращение черниговских князей за помощью к язычникам явно свидетельствует о слабой степени их влияния на вятичей того времени. Причем нет каких-либо свидетельств об использовании этой ситуации для расширения масштабов влияния на местное население со стороны православного духовенства.

Результатом завершения усобиц стал фактический пересмотр прежней системы взаимоотношений между черниговскими князьями и местными элитами. Противостояние черниговской администрации и вятичского населения завершилось в итоге победой княжеской власти, вследствие чего военно-политических препятствий для

распространения православия в пределах Верховских земель уже не осталось.

По всей видимости, вятичей объединяли не столько этнические, сколько культурно-религиозные факторы, постепенно исчезающие в процессе христианизации их земель. Укрепление авторитета христианской религии и усиление административных позиций православной церкви имели далеко идущие последствия. Последнее летописное упоминание этнонима «вятичи» относится к концу XII в. – то есть ко времени начала активной религиозной экспансии православия на ранее малоосвоенные в административном плане земли Верховской историко-географической провинции. Вероятно, это стало следствием постепенного размывания и даже исчезновения прежней вятичской идентичности.

Кроме того, представляется возможным провести параллель с процессами, происходившими в соседних регионах, контролируемых черниговскими князьями, где значительная доля христианского населения, по всей видимости, была переселенцами из других черниговских земель. Речь идет о расположенном в непосредственной близости и тесно связанном с Верхней Окой в административно-территориальном плане Подесенье [14].

Долгое время считалось, что главным и практически единственным центром распространения христианства на северных землях Черниговского княжества был город Вщиж на реке Десне, так как только там были обнаружены свидетельства существования большой каменной православной церкви. Впоследствии были получены археологические подтверждения письменным упоминаниям о существовании православных храмов в городах Трубчевске и Стародубе.

Современные археологические исследования дали новую информацию о ходе распространения христианства на прежних землях вятичей. Появились достоверные свидетельства того, что в городе Карачеве (административном центре волости Лесная земля) на месте существующего до сих пор собора Михаила Архангела находилось «не зафиксированное ранними письменными источниками церковное каменное сооружение домонгольского времени» [7, с. 214, 218]. Эта информация подтверждает вывод о том, что усилия по активизации пропаганды православной религии на вятичских территориях во второй половине XII в., в отличие от предшествующего периода, получили весьма ощутимую поддержку в виде строительства кирпичного храма в административном центре одной из двух вятичских волостей Черниговского княжества – Лесной земле. Более того, строительство собственного каменного храма автоматически повышало значение и роль административного центра волости – города Карачева, а также статус и политический авторитет карачевского наместника:

каменный храм в Древней Руси означал не просто некие претензии на значимость со стороны местного прихода, но являлся почти обязательным статусным признаком высокого положения местной управленческой структуры внутри обжекняжеской властной иерархии. Запредельная стоимость материалов и работ (в большинстве случаев с привлечением византийских импортов разного рода) являлась, по всей видимости, четким маркером, говорящим о высокой степени на властной лестнице.

Для сравнения: весьма показательны сведения, полученные археологами во время раскопок поселения Слободка. Ни руин церкви, ни отдельной часовни, ни иных подтверждений распространенности христианства не было обнаружено. Однако есть основания полагать, что одно из помещений господской усадьбы было приспособлено для проведения христианских церемоний, что подтверждает первоначальное распространение православия именно среди представителей местной и приезжей знати [10, с. 60–61].

Распространению христианства и выстраиванию региональной церковной иерархии на территории Верховской историко-географической провинции в значительной степени косвенно содействовали последствия татаро-монгольского нашествия. После взятия монголами Чернигова и пленения епископа Порфирия в 1239 г. центр епархии и столица княжества переместились в северный Брянск. Это событие стало, по всей видимости, завершающим этапом окончательной христианизации вятичских земель в связи с переселением в эти места многих представителей православного духовенства и основанием нескольких новых монастырей.

Смещение административного и церковного центра в непосредственную близость к Верховским землям, переселение на север большого количества жителей собственно черниговских и новгород-северских земель, спасавшихся из разрушенных татарами городов и сел, в значительной степени изменило ситуацию в бассейне Верхней Оки [14]. На данной территории помимо гражданского строительства началось активное строительство церквей и монастырей, которые были наиболее активны в ходе осуществления миссионерской деятельности в пределах волостей, бывших ранее частями земли вятичей.

Рассмотрение вопроса о вероятной структуре христианской церковной организации на территории бассейна Верхней Оки в пределах территорий, занимаемых этно-политическим объединением вятичей, вошедших впоследствии в состав Черниговского княжества, позволяет сделать вывод об их появлении не ранее середины XII в. в виде приходов на западной окраине этих земель. Зачастую формальный административный контроль сопровождался фактической религиозной индифферент-

ностью и в определенной степени терпимостью в отношении старых языческих культов со стороны властей княжества. Небольшие христианские культовые сооружения на территории волостей Вятичи и Лесная земля носили характер, скорее, домовых церквей, не рассчитанных на появление многочисленных прихожан.

Серьезное влияние на процессы христианизации местного населения оказали прошедшие в XII в. на этой территории феодальные усобицы, которые вовлекли ранее обособленное местное население в общерусские политические процессы и ускорили христианизацию Верховских земель. По всей видимости, некоторое уменьшение масштабов власти центральной и потребность мобилизации доступных ресурсов привели к необходимости распространения влияния власти местной на ту часть населения, которая ранее мало интересовала власть преобладающих. В такой ситуации резко возросла роль ранее менее востребованной идеологической христианской вертикали, что повлекло за собой рост, усиление и более четкую структурную организацию уже существовавшей церковной иерархии.

Во второй половине XIII в. формирование первичной структуры церковного администрирования Верхнеокских (Верховских) земель в целом завершилось. Православная церковь быстро превращалась в главную общерусскую идеологическую и политическую структуру, сохранявшую память о былом единстве восточнославянских земель. В силу централизованного универсализующего характера своей организационной природы, православная церковь начала выполнять роль важного связующего элемента уже не существующего, но желанного русского государственного единства.

Библиографический список

1. Григорьев А.В. Некоторые тенденции в развитии погребального обряда северян VIII – начала XI в. // Проблемы археологии Сумщины: тезисы докладов областной науч.-практ. конф. – Сумы, 1989. – С. 68–69.
2. Григорьев А.В. Поселение у села Горбово // Средневековая археология Восточной Европы. – М.: Наука, 1983. – Вып. 175. – С. 67–73.
3. Древнерусские патерики. Киево-печерский патерик. Волоколамский патерик / изд. подготовили Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников. – М.: Наука, 1999. – 496 с.
4. Майоров А.А. «Верховская историко-географическая провинция»: территориальная локализация и правомерность использования понятия // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2016. – Т. 21, вып. 2 (154). – С. 67–75.
5. Майоров А.А. История орловская. Славянская история с древних времен до конца XVII века. – Орел: Каргуш, 2013. – 376 с.
6. Майоров А.А. К вопросу локализации летописного Дедославля // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2016. – Т. 22. – № 2. – С. 21–24.
7. Миненко В.В., Яганов А.В. Археологические исследования на территории Карачевской крепости XII–XVII вв. // Краткие сообщения Института археологии / Ин-т археологии РАН; гл. ред. Н.А. Макаров. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – Вып. 232. – С. 213–219.
8. Назаренко А.В. Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1991 год. – М.: Наука, 1994. – С. 5–138.
9. Недошивина Н.Г. О религиозных представлениях вятичей XI–XIII вв. // Средневековая Русь: сб. статей памяти Н.Н. Ворониной. – М.: Наука, 1976. – С. 49–53.
10. Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв.: К истории русского градостроительства в Земле вятичей. – М.: Наука, 1987. – 184 с.
11. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. – СПб.: Тип-я Э. Праца, 1846. – 285 с.
12. Полное собрание русских летописей. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – СПб.: Тип-я Э. Праца, 1862. – 278 с.
13. Поннэ А.В. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии // Византийский Временник. Т. 28. – М.: Наука, 1968. – С. 85–108.
14. Шинаков Е.А. Время и направление распространения христианства на севере черниговской епархии // 1000 років Чернігівській єпархії: тези доповідей церковно-історичної конференції. – Чернігів, 1992. – С. 45–50.

Кабатов Сергей Александрович

кандидат исторических наук, доцент
Костромской государственной университет
kabatov74@mail.ru

Курочкина Светлана Александровна

кандидат исторических наук, доцент
Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, г. Йошкар-Ола
kurochkina-sveta@bk.ru

ЗНАКИ НА РЫБОЛОВНОМ ИНВЕНТАРЕ СЕЛИЩА ВЁЖИ

Знаки на рыболовном инвентаре относятся к важным историческим источникам. На селище Вёжи знаками отмечено небольшое количество изделий. Все знаки единичные и датируются первой половиной XVII – первой половиной XIX вв. Вероятно, знаки на изделиях были знаками собственности, которые также наделялись функциями талисмана-оберега. Некоторые вёжские знаки напоминают бортные знаки («знамена»). Часть вёжских знаков по форме и содержанию схожа с тамгами, восходящими к родовым символам. Наличие знаков на грузилах и поплавках свидетельствует об имущественной обособленности отдельных групп населения селища. В Костромском Поволжье со средневековья и вплоть до XIX в. существовала неоднородная в этническом плане система, сочетающая славянский и финно-угорский компоненты. Следы их влияния можно проследить в предметах, связанных с рыболовным промыслом, и в знаках, оставленных на них. Таким образом, анализируя особенности рыболовного инвентаря, можно попытаться решить вопрос об этнической принадлежности населения селища Вёжи, реконструируя его место на этнической карте Костромского Поволжья.

Ключевые слова: рыболовные снасти, керамические и каменные грузила, поплавки из сосновой коры, знак собственности, талисман-амулет, этническая система.

Знаки на предметах рыболовного инвентаря – довольно интересный аспект в плане реконструкции рыбного промысла Костромского Поволжья. В научной литературе знаки на изделиях называют по-разному: меты, клейма, тамги, а вследствие специфики их использования относят к разряду важнейших исторических источников.

На селище Вёжи из общего количества предметов, связанных с сетевым ловом (2536 грузил и 493 поплавок), знаками «помечено» только 0,23% изделий [1; 4; 6]. Эти знаки, исходя из предметов, на которые они нанесены, можно разделить на три группы:

1. знаки, нанесенные на керамические грузила (рис. 1/1-3);
2. знаки, нанесенные на каменные грузила (рис. 1/4);
3. знаки, нанесенные на поплавки, сделанные из сосновой коры (рис. 1/5-7).

До сегодняшнего дня среди исследователей нет единой точки зрения по вопросу назначения подобного рода знаков: личный знак мастера (М.Д. Полубояринова) [16], знак владельца вещи (знак собственности) (Б.А. Колчин) [11], охранительный талисман (оберег) (Е.В. Салмина) [17], знак семейной или дворовой собственности на рыбные тони (А.Н. Кирпичников) [9] и др. Некоторые вёжские знаки напоминают так называемые бортные знаки («знамена»), ставившиеся на бортные деревья. Часть вёжских знаков по форме и содержанию схожа с тамгами, восходящими к родовым символам. Поэтому знаки на рыболовных изделиях можно использовать в качестве источника, отвечая на вопрос о возможной этнической принадлежности населения не только данного селища, но и вообще

Костромского Поволжья, которое вплоть до XVII в. было этнически неоднородным.

Вёжские изделия, помеченные знаками, датируются первой половиной XVII – первой половиной XIX вв. Для их идентификации мы привлекаем аналогичные материалы памятников предшествующего времени и синхронных памятников. Это связано с тем, что селище с момента своего основания в XIII в. располагалось в контактной зоне столкновения славянских колонизационных потоков и местного, мерянского населения. В золотоордынское и пост-золотоордынское время здесь проходят миграционные движения, связанные с внутренней (сельской) и церковной колонизацией края. Все эти процессы так или иначе можно «проследить» на материалах селища Вёжи с XIII по XIX вв. включительно.

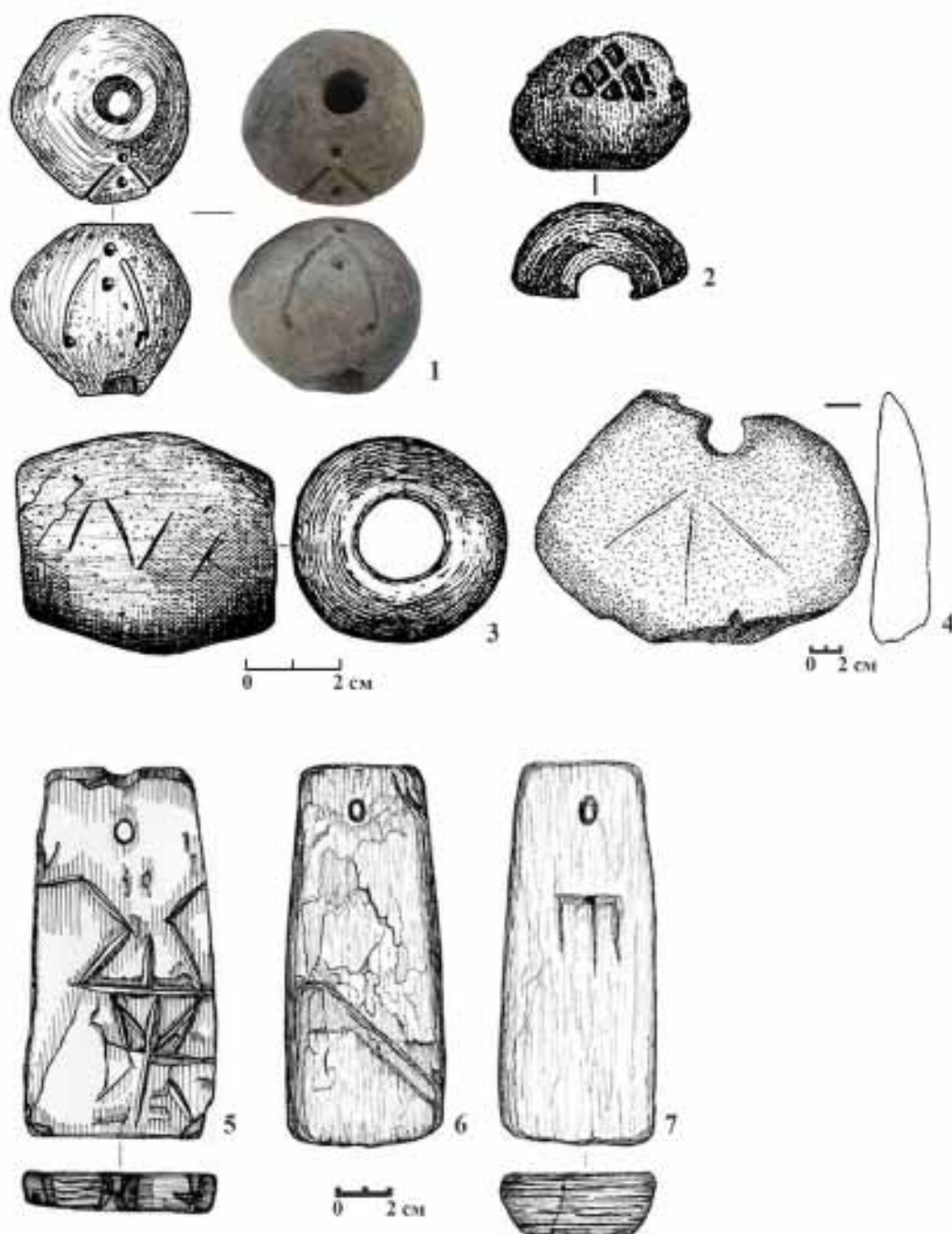
При характеристике вёжских знаков мы использовали основные положения классификационной схемы М.Д. Полубояриновой с учетом специфики местных находок [17, с. 165–212]. В связи с тем, что все знаки единичные, их эволюционный ряд составить пока не представляется возможным.

Знак «Галочка»: нанесен на сферическое керамическое грузило, датируется первой половиной XVII в. (рис. 1/1).

Знак в виде угла встречается часто и может иметь вариации в виде добавленных элементов: у «нашего» знака добавлены 4 точки. Знак был нанесен на готовое, но еще не обожженное изделие.

Знаки подобного начертания были широко распространены в эпоху средневековья и в более позднее время. В частности, он встречается на изделиях из Биляра и Болгара XIII–XIV вв. [10, с. 172, рис. 106/123-129], Царевского городища XIV в. [16, с. 189, рис. 1/33; 12, рис. 1/7-8], Пскова XIII–XV вв. [17, рис. 1/18, 2/15, 21-23].

Рис. 1. Знаки на рыболовном инвентаре: 1-3 – керамические грузила; 4 – каменное грузило; 5-7 – поплавки из сосновой коры (1 – Р II/2015; 2-3, 5-7 – Р II/2008; 4 – Р I/2001)

М.Д. Полубояринова отмечает подобный знак у черемис и чуваш [16, с. 189], Р.Г. Кузеев – у башкир, которые его называют «вилы» [13, с. 189, таб. 3], «стремена» [13, с. 368, таб. 1], «гусиные лапки» [13, с. 369, табл. 3].

Знак подобного начертания под названиями «шеломы (шлемы)» и «куцыри» встречается среди путивльских и рыльских бортовых знаков-знамен конца XVI – первой четверти XVII вв. Г.Н. Анпилов считает, что в знаках-рисунках запечатлены предметы, которые могли быть на вооружении или в быту у бортников и земледельцев того времени [2, с. 165–166, рис. 2/130, 5/269].

Знак «Треугольник»: нанесен на сферическое керамическое грузило, датируется первой половиной XIX в. (рис. 1/2).

Это условное название для данного знака. Оттиск, сделанный штампом, в профиле дает изображение практически равнобедренного треугольника. Оттиск знака нанесен на готовое, но еще не обожженное изделие.

Знак в виде треугольника известен среди материалов Биляра и Болгара XIII–XIV вв. [10, с. 168, рис. 106/135–141], на Царевском городище XIV в. [12, рис. 1/5–6].

М.Д. Полубояринова сообщает о знаке «треугольник» у казанских татар и казахов [16, с. 187]. Чуваша такой знак называют «лемех» [7, с. 306].

Знак «Угол между двумя параллельными линиями»: нанесен на овальное керамическое грузило (процарапан на обожженном изделии), датируется серединой XIX в. (рис. 1/3).

Похожий знак с Царевского городища был описан М.Д. Полубояриновой [16, с. 191, рис. 4/32].

Знак, подобный этому, встречен в материалах Пскова XIV в., только «угол» острием повернут влево [17, рис. 2/25].

Г.Н. Анпилов среди русских бортовых знаков приводит два знака, подобных нашему. Один из них он называет «бороды», отмечая, что, возможно, так называли какой-то инструмент, хозяйственное назначение которого непонятно [2, с. 163, рис. 3/161]. Название второго знака – «косицы» (это одна из форм креста) [2, с. 168, рис. 6/363].

Знак «Птичья лапка»: нанесен (процарапан) на каменное грузило, датируется первой половиной XVIII в. (рис. 1/4).

Обычно в данную группу объединяют знаки, состоящие из трех черточек, выходящих из одной точки. Считается, что этот древний знак имеет тотемное происхождение [16, с. 181].

Ареал распространения знака такого начертания в средневековье довольно широк: в Биляре и Болгаре в XIII–XIV вв. [10, с. 168, рис. 106/85–95], на золотоордынских городищах XIV в. (Селитренное, Царевское, Водянское) [16, с. 181, рис. 1/27, 3/4; 12, рис. 1/1].

В Великом Новгороде (на Троицком раскопе в слоях X–XV вв.) были найдены рыболовные пред-

меты с подобными знаками, но под разными названиями: грузило с рисунком «стрела» [14, с. 396, рис. 15, 10] и берестяной поплавок с рисунком «птичья лапка» с продленной средней черточкой [11, рис. 13/7]. Причем последний рисунок, по мнению В.А. Маракулина, знак собственности владельцев усадеб М и К [14, с. 393].

Такой же знак с продленной средней черточкой найден в Пскове XIII в. [17, рис. 2/27].

На бортовых деревьях вырезалось изображение такого же знака, но под названием «сорочья лапка» [2, с. 168, рис. 5/320].

Знак «птичья лапка с четвертым пальцем» употреблялся чувашами [16, с. 181]. У башкир данный знак назывался «лапки глухаря» [13, с. 189, табл. 3].

Знак «Звезда и буква»: нанесен на поплавок из сосновой коры, датируется серединой – второй половиной XVII в. (рис. 1/5).

Хотя знак сохранился не полностью, но видно, что занимал он практически всю поверхность поплавка. Знак сложный: это своеобразная комбинация из двух самостоятельных знаков – «звезда» (внизу) и «буква» (вверху), каждый из которых имеет самостоятельную и не всегда однозначную трактовку.

Нижняя часть знака – многолучевая звезда (шести- или восьмиконечная). Знак «звезда» с разным количеством лучей бытует в разное время у разных народов. К примеру, на берестяных поплавках из Орешка (первая половина XV в.) есть знаки в виде пяти- и семиконечной звезд [9, с. 40, рис. 13/4, 16].

В материалах Пскова XI в. встречено изображение пятиконечной звезды. По мнению Е.В. Салминой, «звезда» относится к солярным знакам, это знак-оберег, талисман, приносящий удачу [17, с. 20, 23, рис. 1/1–3].

На деревянных изделиях из Великого Новгорода также присутствует знак «звезда». Б.А. Колчин приводит изображение восьмилучевой звезды на днище десятиведерной дубовой бочки (слой XIV–XV вв.), отмечая, что это бортовый знак [11, с. 30–31, рис. 2/14]. Изображение шестилучевой звезды есть на токарной чаше [11, рис. 31/21].

Возможно, многолучевую звезду на «нашем» поплавке можно рассматривать как стилизованное изображение «Солнца» и считать его солярным символом, знаком-оберегом. О.В. Данилов доказывает, что культ солнца относится к древнейшим культам, сложившимся на территории Поволжья у финно-угорских народов. Они считали, что солнце благотворно влияет на жизнь людей и животных, поэтому его изображение играло роль оберега. Со временем изображение солнца становится более стилизованным и в таком виде многолучевые звездообразные изображения доживают до позднего периода (вплоть до XVII–XIX вв.). Также для мировоззрения финно-угров Поволжья характерной была связь культа солнца с культом воды [3, с. 95–116].

Над многолучевой звездой находится, по-видимому, изображение буквы или какого-то другого знака. Возможно несколько вариантов трактовки данного изображения. Первый вариант: стилизованное изображение буквы древнерусского алфавита: буквы «W» (Ом с отогнутыми наружу концами), или «Ψ» (Пси), или «Ш» (Ша). Второй вариант: стилизованное изображение «кораблика». Похожие знаки встречаются в материалах средневекового Пскова [17, с. 20, рис. 6]. Третий вариант: у башкир есть похожий знак-тамга под названием «острога», но у него округлые очертания и средняя черточка продлена [13, с. 293, табл. 3]. Как мы видим, второй и третий варианты трактовки верхнего символа связаны с символами воды.

Знака, аналогичного вёжскому варианту (в подобной комбинации), пока не встречено.

Знак «Черта»: нанесен (процарапан) на поплавок, сделанный из сосновой коры, располагается в его нижней части, датируется серединой – второй половиной XVII в. (рис. 1/6).

Эта многочисленная группа разнообразных знаков может состоять из различных насечек, черточек, прямых линий.

В нашем случае данный знак сделан в виде двух параллельных линий, идущих по диагонали. Верхние концы линий отогнуты на 90°. Возможно, это схематичное изображение рыболовного крючка.

Вообще, простейший знак «черта» был очень распространен у разных народов: башкир, мордвы, чуваш, русских [16, с. 183–185].

Возможна еще одна трактовка данного знака. Среди бортовых знаков-знамен XVI–XVII вв. встречаются похожие рисунки, но изображают они пашенные орудия. Г.Н. Анипилов пишет, что в писцовых материалах упоминается о распаханной земле в урочищах бортовых ухажеев, что у них существовала потребность в различных пашенных орудиях. Поэтому существуют знамена с их изображениями, в частности, «ориков» или каких-то других орудий под названием «крюки» [2, с. 159–160, рис. 1/54, 61; рис. 2/119–122].

Знак «трезубец»: нанесен (процарапан) на поплавок, сделанный из сосновой коры, находится чуть выше средней части поплавок, датируется серединой – второй половиной XVII в. (рис. 1/7).

Для данного рисунка возможно несколько вариантов трактовки. М.Д. Полубояринова подобные знаки относит к трезубцам, отмечая, что они в эпоху средневековья встречаются у казанских татар, башкир, чувашей и др. [16, с. 177–178, рис. 1/9].

«Наш» знак имеет прямоугольные пропорции, причем средний отросток длиннее боковых. Возможно, данный знак воспроизводит букву древнерусского алфавита (Т или Ш), по начертанию которой можно судить о дате изготовления изделия.

На берестяных поплавах из средневековых русских городов встречаются экземпляры, по-

меченные разными древнерусскими буквами: в Орешке [8, с. 106], Великом Новгороде [11, рис. 13/18], Пскове [17, с. 20]. Принято считать, что буквы, процарапанные на рыболовных предметах, сходны с буквами на берестяных грамотах, и интерпретируются они как знаки собственности [11, с. 22].

Ранее Л.В. Черепнин дал подробную характеристику форм написания древнерусских букв. Он отметил, что в XVI–XVII вв., а особенно со второй половины XVII в., в качестве делового письма господствует скоропись. Для нее характерно большое количество вариантов написания одних и тех же букв. Поэтому на «нашем» поплавке может быть изображение перевернутой буквы «Ш» (Ша) или буква «Т», которая написана на трех ножках [18, с. 363, 367, табл. 10; с. 482, табл. 18].

У башкир подобный знак-тамга известен под несколькими названиями: «гребенка» [13, с. 188, табл. 1, с. 313, табл. 1], «ребро» [13, с. 314, табл. 1], «грабли» [13, с. 293, табл. 3].

В бортовых знаках встречается подобный рисунок среди изображений домашней утвари под названием «ворота» [2, с. 163, рис. 4/240].

Рассмотрев знаки на грузилах и поплавах, мы пришли к следующим выводам.

На селище Вёжи знаками отмечено минимальное количество изделий, связанных с сетевым ловом – 7. В этом отличие костромского памятника, так как, к примеру, в Пскове помечено 93 экз. (5,5%) предметов [17, с. 20], в Орешке – 14 экз. [8, с. 106].

Вероятнее всего, подобного рода знаки, оставленные на изделиях, были знаками собственности, наделенными дополнительными функциями талисмана-оберега. Подобного мнения придерживаются Б.А. Колчин [11, с. 22], А.Н. Кирпичников [9, с. 44–45], В.И. Кильдюшевский [8, с. 106], Е.В. Салмина [17, с. 22–24], В.А. Маракулин [14, с. 391].

Некоторые вёжские знаки напоминают бортовые знаки («знамена»), которые В.С. Ольховский рассматривает как особые знаковые системы, схожие с тамговыми по форме, содержанию и структуре. Поэтому можно предполагать их использование в качестве «меток-индикаторов», фиксирующих факт владения имуществом, или как оберег, восходящий к родовым культовым символам [15, с. 80, 85–86].

Наличие знаков на грузилах и поплавах свидетельствует об имущественной обособленности отдельных групп населения на с. Вёжи и их стремлении индивидуализировать принадлежащие им вещи.

Также знаки на изделиях можно использовать в качестве источника, отвечая на вопрос об этнической принадлежности населения селища. Здесь, как и во всем Костромском Поволжье, начиная со средневековья и вплоть до XIX в., существовала неоднородная в этническом плане система, сочетающая славянский и финно-угорский компоненты [5, с. 34–39].

Славяно-русское население пришло сюда из новгородско-псковских и ростово-суздальских (владимирских) земель. Следы его влияния можно проследить не только в самих предметах, связанных с рыболовным промыслом, но и в знаках (метках), оставленных на них. Новгородско-псковские знаки постоянно сочетаются со знаками (тамгами), характерными для таких финно-угорских народов, как мордва и черемисы.

В колонизационный процесс в Костромском Поволжье в золотоордынское и более позднее время были втянуты отдельные группы тюркоязычного населения. Возможно, поэтому в вёжских материалах встречаются знаки, схожие с тамгами башкир и чуваш.

Анализируя особенности рыболовного инвентаря, мы получаем дополнительный материал об этнической принадлежности сельского населения селища Вёжи, реконструируя его место на этнической карте Костромского Поволжья.

Библиографический список

1. *Алексеев С.И.* Отчет об археологических раскопках селища Вёжи Костромского района, Костромской области в 2001 г. – Кострома, 2002. – 141 с.
2. *Антилогов Г.Н.* Бортные знамена как исторический источник (по Путивльским и Рыльским переписным материалам конца XVI и 20-х годов XVII в.) // Советская археология. – 1964. – № 4. – С. 151–169.
3. *Данилов О.В.* Языческие культы древнего населения Марийского Поволжья. – Йошкар-Ола: Нац. Музей РМЭ им. Т. Евсеева, 2016. – 336 с.
4. *Кабатов С.А.* Отчет об археологических раскопках селища Вёжи (раскоп II) Костромского района, Костромской области. – Кострома: Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова, 2008. – 141 с.
5. *Кабатов С.А.* Этнокультурная история сельского населения Костромского края золотоордынского времени // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2013. – № 2. – С. 34–39.
6. *Кабатов С.А.* Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) в 2015 г. объекта археологического наследия «селище Вёжи», расположенного по адресу: Костромская область, Костромской район, Шунгенская с/а, остров Вёжи. Кострома: ООО «Историко-археологическое общество «Кострома», 2015. – 259 с.
7. *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1965. – 484 с.
8. *Кильдюшевский В.И.* Рыболовные принадлежности из раскопок древнего Орешка // Краткие сообщения Института археологии АН ССР. – М.: Ин-т археологии, 1973. – Вып. 135. – С. 105–108.
9. *Кирпичников А.Н.* Древний Орешек: Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы. – Л.: Наука, 1980. – 128 с.
10. *Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв.: к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур. – Казань: Институт истории, 2002. – 383 с.
11. *Колчин Б.А.* Новгородские древности. Деревянные изделия. – М.: Наука, 1968. – Свод археологических источников. Е1-551. – 86 с.
12. *Кудряшов К.В.* Рыбный промысел Ростова Великого (X–XIII вв.) // История и культура Ростовской земли, 1998. – Ростов, 1999. – С. 40–47.
13. *Курочкина С.А.* Знаки и надписи на керамике Царевского городища (по материалам раскопок 1994–2000 гг.) // Цивилизации народов Поволжья и Приуралья: Сб. науч. статей по материалам междунар. науч. конф. – Чебоксары, 2006 г. – Т. I (Проблемы археологии и этнографии). – С. 108–116.
14. *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа (Этнический состав, история расселения). – М.: Наука, 1974. – 572 с.
15. *Маракулин В.А.* Знаки на предметах сетевого лова в средневековом Новгороде (по материалам Троицкого раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Великий Новгород, 2009. – Вып. 23. – С. 389–397.
16. *Ольховский В.С.* Тамга (к функции знака) // Историко-археологический альманах. – Армавир, 2001. – № 7. – С. 75–86.
17. *Полубояринова М.Д.* Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. – М.: Наука, 1980. – С. 165–212.
18. *Салмина Е.В.* Предметы рыболовного инвентаря со знаками из раскопок в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли, 1995. – Псков, 1996. – С. 20–32.
19. *Черепнин Л.В.* Русская палеография. – М.: Издательство политической литературы, 1956. – 616 с.

Кочешков Геннадий Николаевич

доктор исторических наук

Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского

kocheshg@mail.ru

Аграфонов Петр Геннадьевич

кандидат исторических наук

Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского

rpeter@yandex.ru

ЯРОСЛАВЛЬ – ГОРОД «ТЕРЕМНОЙ» ИЛИ «ТЮРЕМНЫЙ»? ССЫЛЬНЫЕ И ПЛЕННЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ГРАЖДАНЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЯРОСЛАВСКОГО КРАЯ (XV–XIX ВВ.)

Ярославль и Ярославский край в XV–XIX вв. оказался местом ссылки иностранных подданных, сюда же направляли пленных иностранцев. В статье впервые собраны материалы о подданных иностранных государств, оказавшихся в плену или сосланных на территорию Ярославского края в XV–XIX вв. Раскрываются причины, по которым они оказались в Ярославле или городах Ярославского края, показаны условия их содержания, говорится об отношении местного населения к пленным и ссыльным. Первые известные нам сведения о пленниках в Ярославле – ими были правители Югорской земли – относятся к концу XV в. Наиболее известными пленниками в Ярославле были Марина Мнишек, жена Лжедмитрия I, и фаворит императрицы Анны Ивановны – герцог Бирон. Статья написана на основе аналитического обзора документального материала, в том числе архивного, впервые введенного в научный оборот.

Ключевые слова: Ярославль, пленные, ссыльные, Марина Мнишек, Бирон, условия пребывания, причины ссылки, XV–XIX вв.

Ссылка – один из самых распространенных видов наказания за политические и иные преступления. Ярославль и Ярославский край с XV в. служил местом ссылки для «особо важных персон» – как русских, так и иностранных. Здесь обретались и противники существующего режима, и неугодные Москве представители знати. Не столь близко к Москве, а затем и к Санкт-Петербургу, но и не так далеко, как Сибирь, – такое выгодное местоположение Ярославля сделало город привлекательным для ссылок и заключений самых именитых узников российской истории [19, с. 23].

В конце XV века группа пленных (50 князей и 1000 воинов) из Югорской земли размещалась в Ярославле. С 1506 г. по приказу Ивана III томился в ярославской тюрьме султан Каданкул, сын казанского хана Мухаммед-Амина. От тюрьмы его освободило принятие христианства. После крещения он получил прозвание Петра-царевича [49].

В 1560 году по указу Ивана Грозного в Любим был сослан ландмейстер Тевтонского ордена в Ливонии Иоганн Вильгельм фон Фюрстенберг, попавший в плен во время взятия крепости Феллин. Условия его содержания, по-видимому, были нестрогими. Во всяком случае, в письме из Ярославля, где ему царем была пожалована земля, своему брату Фюрстенберг пишет, что «не имеет оснований жаловаться на свою судьбу». Последним официальным сообщением о Фюрстенберге стало прошение ордена о его освобождении от 2 января 1568 г. [51, S. 33–38].

Пленные, захваченные в Дерпте, Феллине и Нарве во время Ливонской войны, были поселены, в частности, в Углич [24, с. 36; 34; 45, с. 35; 46, с. 101]. Кроме того, немалое количество насильственно перемещенных ливонцев (до нескольких

сотен) появились в Переславле-Залесском, Ростове, Ярославле с уездами. Самыми крупными, по мнению Т.А. Опариной, были депортации 1558–1560, 1564–1565 и 1577–1578 гг. [26, с. 252, 255–256].

Иностранцы нередко отмечают случаи жестокости по отношению к пленным, в том числе со стороны лично Ивана Грозного. Так, Альберт Шлихтинг сообщает: «Тиран разослал своих телохранителей и по другим крепостям, а именно в Ярославль, Переславль, Ростов, Кострому, чтобы побросать в воду всех пленных» [45, с. 35; см. также: 47, с. 141].

Один из самых известных авторов сочинений о России – Джером Горсей, проживший здесь в качестве коммерсанта и дипломата почти полтора десятилетия – с 1573 по 1591 гг. Несмотря на особый, исключительный статус Горсея при московском дворе, в конце 1587 – начале 1588 г. ему было предъявлено обвинение по факту больших долгов перед казной и, что еще более серьезно, нарушения ограничений, наложенных на торговлю английских купцов. Последствий избежать не удалось – в мае 1589 г. Горсей был взят под стражу и выслан в Англию. Тем не менее благодаря покровительству высокопоставленных лиц в 1590 г. королева вновь посылает его в Москву. На этот раз, как и следовало ожидать, Горсея ждал крайне холодный прием, и в результате он был сослан в Ярославль как неблагонадежный представитель. В 1591 г. Горсею удалось выехать из России навсегда [37, с. 18].

В 1601 году по приглашению Бориса Годунова в Россию приехал наследный шведский принц Густав. Не согласившись стать политической марионеткой царя, он попал в немилость и был сослан в Углич, где ему было пожаловано номинальное удельное княжество. Уделом управлял назначенный царём дворянин, а Густаву лишь доставался

доход. Жизнь Густав вел скромную, занимаясь чтением книг и своей любимой алхимией; обладая познаниями в медицине, он лечил местных жителей. Принц знал пять языков и, в общем, по словам современников, был «образованный и ученый человек». В 1605 году, после смерти Годунова, Лжедмитрий I приказывает перевезти Густава в Ярославль и содержать как пленника. Умер Густав в монастыре в Кашине, куда его отправили из Ярославля [18].

В эпоху Смуты Ярославский край стал местом ссылки многих польских пленных. С 1606 года в Борисоглебском монастыре находился католический монах Николай де Мело, имевший переписку с женой Лжедмитрия I Мариной Мнишек. В ссылку его за миссионерскую деятельность отправил царь Василий Шуйский. В «Обиходнике» монастыря под 1607 годом значится запись: «Латинянин Николай поп услан в пустынь Спасскую».

В 1606 году в Ростов правительством Шуйского был сослан краковский дворянин Станислав Немоевский с товарищами. В своих знаменитых «Записках» он описал пребывание польских пленных в этом городе. В том же году в Ярославль была сослана «на жительство» Марина Мнишек. Основной массив информации о жизни пленных в Ярославле и Ярославском крае содержится в так называемом «Дневнике Марины Мнишек».

Значительный польский отряд, сопровождавший пленную царевну и ее отца, насчитывал, согласно «Дневнику», 375 человек [14, с. 80]. Они разместились на нескольких дворах «в предместье за валом, а именно четыре двора, в которых приказано остановиться панам: три вместе, а четвертый поодаль. В одном остановился пан воевода с небольшим числом слуг, рядом, в другом, – царица со свитой своею, в третьем, напротив, – пан староста луковский и санокский. А в дальнем – пан староста красноставский с сыном и со всею челядью. А другим дали дворы поблизости, в соответствии с числом их людей» [14, с. 70].

Поляков, сосланных в Ростов, так же как и в Ярославле, «разместили в четырех смежных дворах; наших лошадей приказали поставить в государеву конюшню – просторный сарай» [15, с. 124]. Позже к пленным присоединились еще «остатки челяди различных перебитых господ – одних, что уже вылечились от ран, других еще слабых, которые только едва стали приходить в себя... человек 30» [15, с. 127]. Пленным, содержавшимся в Ярославле и Ростове, запрещено было общаться между собой [14, с. 72; 15, с. 124].

Положение поляков, сосланных в Ростов, было хуже, чем жизнь тех, кого отправили в Ярославль. Если в Ярославле Юрий Мнишек мог позволить сделать местным приставам дорогие подарки [14, с. 80], то ростовские пленные в челобитной пишут: «голод и скудость нас удручают, содержание дур-

ное и тяжелое... гнетет нас нужда, и настолько, что не только мы лично испытываем лишения, но не имеем, во что одеть наших слуг ввиду суровой зимы» [15, с. 131–132].

Неоднократно делались попытки отобрать у пленных поляков оружие. Из Москвы поступали противоречивые указания, которые усиливались постоянными слухами [14, с. 79–80; 15, с. 129, 133]. В «Показаниях Ивана Садовского» говорится, что в Ростове «многие паны» спрятали лучшее оружие, чтобы не сдавать его властям [27, с. 374]. Поляков охраняли более сотни стрельцов, причем охрана часто менялась и постоянно усиливалась [14, с. 81]. Она была сформирована не из ярославцев. Возможно, это было сделано из-за негативного отношения местного населения к пленным. В «Дневнике» постоянно упоминаются стычки поляков с ярославцами. Иногда причинами столкновений становилось само поведение пленных. Их вспыльчивый характер [14, с. 82], чванливость [14, с. 76, 89], стремление сохранить оружие [14, с. 82] приводили к неоднократным конфликтам.

И все же изоляция не была полной. В «Дневнике Марины Мнишек» говорится, что польские девушки – все, бывшие в ссылке, – не вернулись на родину, так как вышли замуж за ярославцев [14, с. 112]. Да и позже автор «Дневника» пишет: «позволили нам прогулки по-над Волгой и на торг» [14, с. 114]. Последнее было очень актуально для голодающих пленных, так как на рынке можно было купить съестное: «Столовое серебро продали, и то с великими трудностями, ибо платили только за гривну по 6 ф. 20 (так!). А продать позволили, когда немного раздобрились» [14, с. 85].

Еще в конце XVI в., при завоевании Сибири, некоторые лица из семейства сибирского царя Кучума были взяты в плен и как живые трофеи покорённого царства привезены в январе 1599 г. в Москву. В 1620 г. некоторые из них переселены со своей свитой на житьё в Ярославль, где и содержались под строгим надзором. Из «Сметного списка царей, царевичей, князей и разных служилых людей за 1631 год» видно, что в Ярославле жили тогда следующие пленники: «царь Алей Кучумов, царевич Алжанай Кучумов, царевич Юргенской, царевич Касимовской, царевич Алеев сын Кучумов, 8 человек мурз поместных, 2 человека мурз кормовых, 7 человек татар кормовых, новокрещён один человек поместный» [39, с. 30]. «Царь Алей Кучумов», правильнее – Али бин Кучум, получил в удел дворцовое село Василево в Ростовском уезде (1 342 чети).

Михаил Федорович в грамоте ярославскому воеводе Ивану Федоровичу Наумову и дьяку Василью Юдину от 4 сентября 1626 года писал: «Бил нам челом сибирский царь Алей Кучумов: по нашему-де указу велено ему жить в Ярославле... а в деревню де без нашего указа ехать не смеет,

и вы его без нашего указу не отпустите же; а нам бы его пожаловати велети из Ярославля, для запасу и для его нужи, отпускать в поместную его деревню в Ярославский уезд, и о том бы велети вам приказ учинити. И как к вам сия грамота придет, а царь учнет в деревню проситься, и вы бы его отпускали в деревню для пашенного времени и для всяких его нужд и запасу для, с приставом недели на две, а иногда и на месяц, а отпускали б его не часто, коли доведется, смотря по мере, чтоб ему безопасу не быть» [40, № 75].

В Ярославле жил младший сын Али бин Кучума – Култуган бин Али, а в 1638 г. хан упросил Михаила Фёдоровича отпустить к нему на поруки в Ярославль старшего сына Хансюера. Кроме того, в Ярославле жил внук Кучума – Култуган бин Али. В 1641–1642 гг. Али переселился в Касимов, где и умер [35, с. 290].

В документах из архива Министерства юстиции «о переведенцах и выходцах» говорится о том, что пленные литовцы приводились в Москву и рассылались отсюда по разным местам, например «в Ярославль и другие внутренние города» [25, с. 406–408].

После первых крупных побед русского оружия в Северной войне в центральные регионы страны были направлены шведские пленники. Так, в 1710 г. первые отряды пленных прибыли в Ярославль и Ростов (а также в Новгород, Владимир, Муром и Тулу).

Однако годом раньше, в 1709 г., на территории Спасской слободы в Ярославле разместили 5 шведских ткачей, взятых в плен под Полтавой. По приказу светлейшего князя А.Д. Меншикова для них построили бараки, а ярославские власти получили задание наладить с помощью шведских мастеров выделку широких полотен. Правительство отпускало пленным шведам от себя содержание, которое на первых порах оказалось для них недостаточным. Ярославский комендант Коровин в донесении князю Меншикову 1711 года писал: «Июля в день били челом великому Государю оные шведы... жалованья им даецца по присланному окладу из монастырского приказу, кормовых денег по 3 деньги на день человеку, и тем де им кормитца нечем, также и платьем обносились».

По этому челобитью добавлено было шведам кормовых денег, да выделено «по их скудости» на платье по рублю с человека. «Да им же к прежним кормовым деньгам велено давать за полосьмины муки ржаной по 5 алтын на месяц человеку из Ярославской Земской избы» [12, с. 153]. Но мастерство пленных ткачей оказалось явно не на высоте. В своем донесении ярославский комендант Коровин отмечал, «что полотенные мастера сказали, что они полотен белить и чистить, а также и скатертей и салфеток делать не умеют». Поэтому, несмотря на понесенные затраты по обустройству

производства для шведских мастеров, от их услуг вскоре пришлось отказаться.

В 1710 году в Ярославле был создан Оружейный двор. Это было крупное для своего времени предприятие. В качестве рабочей силы использовались также пленные шведы, в большом количестве попавшие в Россию после Полтавской битвы. Есть указания, что некие «пленные шведы» строили дороги-валы через болотистую местность в районе деревни Дунилово к северо-западу от Большого Села [13, с. 257]. Во время Северной войны в плен попал шведский полковник Андэш Аппельгрем. Спустя некоторое время он оказался среди прочих ссыльных в Воскресенском монастыре в Угличе. Там у него началось какое-то заболевание глаз, и он обратился к начальнику охраны майору Андрею Ушакову с просьбой отвезти его Москву для лечения. Просьба была удовлетворена; на время лечения его поселили в Немецкой слободе под охраной семи человек, что, однако, не помешало ему со слугой в ночь на 11 ноября 1715 года бежать [44, с. 47].

Любопытные сведения приводит, опираясь на архивные данные, борисоглебский краевед С.А. Лапшина. В XVIII веке зажиточные ярославские крестьяне ездили в Петербург за беглыми шведами. В столице существовали специальные конспиративные квартиры, где ярославцы вербовали беглецов за большие суммы. Деньги уходили родственникам в Швецию, а шведов крестьяне прописывали у себя в сельском обществе, чтобы их можно было сдать в рекруты вместо крестьянских сыновей-работников. И бывало, что те после службы возвращались назад в «свои» ярославские деревни [10].

Степень тяжести ссылки во многом определялась дальностью поселения. Наиболее выгодным было положение ссыльных в городах европейской части страны. Тем не менее и здесь качество жизни обитателей могло очень различаться: крупные города – такие, как Ярославль или Архангельск, – предоставляли несравненно более комфортабельные условия, чем захолустные Солигалич или Пустозерск [1].

В эпоху дворцовых переворотов Ярославль на долгие 19 лет стал местом ссылки опального герцога Бирона. Его положение мало напоминало положение ссыльного. Герцог получал по 15 рублей в день из местных таможенных доходов (немалая сумма для того времени). Из Петербурга ему выслали библиотеку, мебель, посуду и даже два сундука с нарядами. Бирон имел право отъезда от Ярославля на 20 верст, вести переписку и принимать гостей [21, с. 365]. Когда дом герцога сгорел, Бирон заявил, что настаивает на строительстве нового жилья на том же месте [21, с. 383].

В то же время Бирон страдал от самодурства воеводши Бобрищевой-Пушкиной, которая, как в 1743 г. писал он в своих челобитных императрице

Елизавете, «хочет меня и мою фамилию крушить, мучить и досаждать» [31, с. 526–528].

Почти одновременно с Бироном – с 1750 по 1753 гг. – в Угличе находился лейб-медик императрицы Елизаветы граф Лесток. Хотя ему разрешили взять с собой книги и инструменты, в Угличе его содержали очень строго и скудно. Есть сведения, что Лесток содержал семью на деньги, которые выигрывал в карты у благоволивших к нему местных начальников [33].

Среди документов канцелярии Ярославского генерал-губернатора от 13 августа 1788 г. – 3 сентября 1790 г. есть «Дело о... поселении пленных шведов в Ярославской губернии, с приложением списков» [8]. В 1800–1801 гг. русским правительством был задержан экипаж английского корабля, команда которого подозревалась в контрабанде и незаконных торговых операциях. Пленных англичан отправили «на пребывание» в Пошехонье, где они и находились до отправки на родину [11]. В Ярославской тюрьме в 1802 г. находились некоторые участники восстания Тадеуша Костюшко [3, с. 106].

В 1808 г. в Ярославль была направлена группа офицеров, попавших в плен в ходе русско-шведской войны 1808–1809 гг. Один из них – прапорщик Берндт Юлиус фон Брейтхольц – оставил любопытные мемуары, в которых он описывает жизнь в Ярославле, быт и нравы местного общества.

Отношение к шведам у верхушки ярославского общества было весьма благожелательным [4, с. 4]. А вот отношение к военнопленным со стороны простых ярославцев было иным. Брейтхольц, описывая крещенское водосвятие на берегу Волги, замечает, что едва остался жив, «потому что русский фанатик так сильно толкнул меня в спину за то, что я не снял шляпу перед богами в шкапчиках, которые несли мимо нас, и я полетел кубарем» [4, с. 4]. Чрезвычайно интересен рассказ Брейтхольца о запуске в Ярославле бумажного воздушного шара, который был принят мужиками за «летающее чудовище, которое спускалось в лес и вскоре, охваченное пламенем и дымом, упало на землю. Из всего этого они вывели заключение, что сам архидьявол в нем путешествовал» [4, с. 4].

Начавшаяся в 1812 году война России с Францией привела к высылке из столицы этнических французов, даже занимавших до этого высокие посты. В Ярославль, а затем в Пошехонье были сосланы сотрудники Корпуса инженеров путей сообщения – математик, ставший впоследствии директором Корпуса, Пьер-Доминик Базен [36], инженер, профессор математики Шарль Мишель Потье [29], генерал-майор Корпуса Александр Яковлевич Фабр [42].

Среди судеб оказавшихся в Ярославле пленных французов одна представляет особый интерес. Жан-Батист Никола Савен провел год в лаге-

ре для военнопленных под Ярославлем и решил остаться в России. Он переехал в Саратов, преподавал в местной гимназии, увлекся живописью, открыл художественную мастерскую. Савен прожил 126 лет и считался последним из оставшихся в живых французских офицеров наполеоновских войн, [6, с. 109–114].

В 1812–1814 гг. Ярославль служил по преимуществу перевалочной базой на маршруте отправки пленных наполеоновских солдат и офицеров вглубь России. В Государственном архиве Ярославской области на этот счет имеются материалы, включающие статистические данные. Архивные материалы дополняются сведениями, содержащимися в мемуарах военнопленных, – польского врача Самуила Пешке [54] и французского лейтенанта Шенка [55].

Из архивных материалов следует, что по 15 февраля 1813 года включительно на территорию Ярославской губернии въехали 3 генерала, 8 штаб- и 88 обер-офицеров, а также 8 949 нижних чинов. Выехали из губернии 2 генерала, 7 штаб- и 62 обер-офицера соответственно, а также 6 726 нижних чинов. По данным на 15 февраля 1813 г., в Ярославской губернии находились: 1 наполеоновский генерал, 1 штаб-офицер, 21 обер-офицер и 19 солдат [9, л. 110].

По документам, сохранившимся в канцелярии ярославского губернатора, можно реконструировать и маршруты пленных. Они побывали во всех уездах губернии, кроме Пошехонского [9, л. 12]. Подавляющая часть пленных проходила через Ярославский уезд. В Ярославль они попадали из Угличского и Ростовского уездов, а также из Романовского уезда, куда прибывали из Рыбинска. Шенк описывает ужасные квартиры в пустующих домах, кишашие паразитами, в которые их поселили по прибытии [55, с. 146]. Отношение простых людей к иностранцам также стало иным. Они «смотрели на нас, словно мы были дикими зверями, упавшими с Луны», пишет Пешке [54, с. 26]. Позже он добавляет, что это власти подбивают против них жителей [54, с. 26]. Эти заявления могут быть оспорены.

Известно, что губернатор Голицын по мере сил старался изменить ситуацию. И Шенк, и Пешке пишут, что после обращения к нему отношение к пленным изменилось к лучшему [54, с. 26; 55, с. 145]. Большую роль в гуманном обращении с пленными сыграл и тверской, новгородский и ярославский генерал-губернатор принц Георгий Ольденбургский. Он сообщал императору, что при осмотре партии пленных, прибывших в Ярославль, обнаружено, что «они босы, оборваны, одним словом, в рубищах, которые дают им более вид нищих, нежели пленных».

Кроме того, Ольденбургский заметил, что в партии много больных, и узнал, что пленные не

получили ни денег, ни провианта, а «кормились они на пути единственно тем, что обыватели из жалости им уделяли». Он потребовал от подчиненных ему новгородского, тверского и ярославского гражданских губернаторов строжайшего соблюдения правил препровождения пленных и «возложил сие на непосредственную и неминуемую их ответственность» [23, с. 148].

О сострадании простых ярославцев к пленным говорится, в частности, в мемуарах Натальи Нарышкиной, дочери московского генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина: «Каждый раз, как обоз с пленными появлялся на площади, можно было видеть, как тот же час со всех сторон туда устремлялись разного рода люди с корзинами, наполненными провизией и одеждой... Богатые помогали деньгами, бедные предлагали, что могли. Некоторые обыватели получили разрешение кормить пленных в своих домах» [30, с. 17].

Пешке в Ярославле встретил множество пленных, пришедших туда ранее. Среди них были и такие, кто, сменив религию, вступил в российскую службу.

В 1812 году в России был известный прусский государственный деятель Карл фон унд цум Штайн. Он предложил сформировать на территории России «немецкий» легион, в состав которого должны были входить добровольцы. Александр I одобрил этот план и поручил организацию легиона комитету по немецким вопросам. Командовали легионом немецкие офицеры-эмигранты, служившие в России. Самый известный среди них – будущий знаменитый военный теоретик Карл Клаузевиц, обобщивший в научных работах свой практический офицерский опыт. В состав этого соединения вошли и ярославские пленные. «Из присылаемых и проходящих через Ярославль пленных и дезертиров неприятельского войска здесь составляли легион под названием русско-немецкого», – писал очевидец [22]. Легион, сформированный к концу 1812 года, участвовал в боях с французами в северной Германии и Голландии.

В Государственном архиве Ярославской области есть также несколько любопытных документов, связанных с деятельностью комиссара Генриха Мейера – «ганноверской службы поручика». После завершения войны 1812 года Мейер получил от нескольких германских правительств задачу розыска немецких военнопленных в России. При поддержке министра полиции графа Вязьмитинова Мейер собирал информацию о немцах, умерших, отправленных на родину или принявших русское подданство после событий 1812 года.

По мнению Мейера, Ярославский край был среди «тех губерний, в коих, по предположению моему, полагал я, что военнопленные разных бывшего рейнского Союза наций в наибольшем числе находились». В рамках своей миссии Мейер методично

прослеживал судьбу пленных, объединяя сведения различных источников. В том числе государственных, юридических и медицинских документов. В итоге Мейер составил поименные списки с данными о немцах, состоявших до того, как они оказались на положении пленных, на французской и вестфальской службе [9].

В конце 1830 года в Варшаве вспыхнуло национально-освободительное восстание, охватившее все польские земли в пределах России. Восстание было подавлено лишь в октябре 1831 года. С этого года в Ярославль начали прибывать ссыльные – «бывшие генералы и полковники Войска Польского», как их именовали в официальных документах. Среди них был князь Михаил Гедеон Радзивилл – один из предводителей восстания [2], Граф Ян Стефан Круковецкий, занимавший в 1830 году пост генерал-губернатора Варшавы [20, с. 459–468], генералы Прондзинский и Желтковский [48].

К польским генералам, содержащимся в Ярославле в 1831 году, городское общество тоже относилось весьма лояльно. Жили они хотя и под пристальным надзором, но свободно посещали театр, балы и маскарады, а в 1840 году некоторые из них даже поступили на казенные должности. Однако простой люд смотрел на иноземцев косо. Местная полиция по ложному доносу спровоцировала дело о намерении поляков сжечь Ярославль и Кострому, но проведенное следствие не дало результатов.

Польская община нашего города пополнялась и за счет высылки в Ярославль «неблагонадежных лиц». Так, 28 марта 1854 г. в Ярославль были высланы «титularный советник Терлецкий, дворянин Сузинович, помещик Петр Грабовский с женой». Все ярославские поляки находились под негласной опекой жандармерии [5].

Крымскую войну нередко называли «последней рыцарской войной». Действительно, контакты в небоевой обстановке явили многочисленные примеры человечности и взаимного уважения. В полной мере это касается отношения противоборствующих сторон к пленным. В ноябре – декабре 1853 г. Николаем I через военного министра были сделаны первые распоряжения по поводу военнопленных. «Высочайше утвержденным 16 марта 1854 года Положением о военнопленных Турецкой службы» и последовавшими за ним Высочайшими повелениями для местопребывания военнопленных были определены конкретные губернии. Ярославская и Пензенская предназначались для нижних чинов.

18–26 ноября 1855 года пленные партиями отправлялись вглубь России (Курск, Смоленск, Орел, Ярославль, Суздаль) [32]. В ярославском архиве сохранилось «Дело по предписанию Министерства внутренних дел о назначении на жительство в г. Ярославль 65 человек пленных турецких нижних чинов от 27 авг. 1854 – 11 авг. 1855» [11].

Любопытно, что в апреле 1856 г., то есть еще во время войны, жандармский генерал-лейтенант Перфильев докладывал шефу жандармов генерал-адъютанту графу Орлову, что «один из пленных, Магомет-Осман, желая принять христианскую веру и присягнуть на верноподданство Государю Императору, остался на постоянное жительство в Ярославле» [7].

В ходе Кавказской войны Ярославле на положении ссыльных находились пленные предводители кавказских горцев [16, с. 135].

Во время польского восстания 1863 г. архиепископ Варшавы Зигмунт Щенский Фелинский направил Александру II письмо, в котором призвал его положить конец репрессиям и дать Польше политическую автономию. В результате в том же 1863 г. Фелинский был сослан в Ярославль. Здесь он провел почти 20 лет без права выезда за пределы города. Сноситься с Польшей ему было запрещено под страхом ссылки в Соловецкий монастырь. Отсылка писем санкционировалась полицией.

В Ярославле Зигмунт Фелинский занимался организацией мер по поддержке товарищей по несчастью – сосланных поляков, а также основал католический приход и вел в нем службы. В первые годы ссылки ему было особенно нелегко с материальной точки зрения, приходилось часто менять место жительства. Лишь в 1872 г. ему удалось купить дом на улице Зарядье (ныне Пушкина). На первом этаже домовладения была устроена часовня.

Во время ссылки Фелинский написал несколько трудов. В 1880 г. Александру II предложили освободить Фелинского из ссылки, но император ответил: «Еще слишком рано». Только в 1883 г. Фелинскому разрешили вернуться в Польшу. 11 октября 2009 г. папой Бенедиктом XVI Фелинский был причислен к лику святых [56].

В ходе русско-турецкой войны 1877–78 гг. тысячи пленные турок были направлены в Ярославскую губернию. В Ростов они начали прибывать с 14 ноября 1877 г. Многие из них были больны и массами поступали в земскую больницу и специально созданный турецкий лазарет [41, с. 67]. Направлялись пленные турки и в Углич. Вопрос об их размещении решался на заседаниях Угличской городской управы [43].

От надзора не спасали ни чины, ни занимаемые должности. Так, серьезному расследованию подверглась деятельность командира 137-го пехотного Нежинского полка полковника Адамецкого, который «пропагандирует тайно с проживающим в городе Ярославле Бискупом Гринивичским между поляками, сочувствующими польскому делу» [5]. Кароль Гриневецкий – римско-католический и польский государственный деятель, назначенный папой Львом XIII в 1883 г. вильнюсским епископом, был сослан в Ярославль в 1885 г. за сопротивление русификации [53].

Первым фотографом в Переславле-Залесском, делавшим фотопортреты и снимавшим виды города, архитектурные памятники и произведения искусства, был Игнатий Валентинович Войшицкий. В бытность студентом Московского университета он был уличён в связях с организаторами Польского восстания 1863–1867 годов и сослан в Сибирь. Помиланный по манифесту 15 мая 1883 г., переехал с семьей на родину жены – в Переславль-Залесский. Ателье, открытое им в 1884 г. и просуществовавшее до 1896 г., было первой фотографией в Переславле [28].

В памятной записке ярославского полицмейстера о деятельности социал-демократических кружков на Ярославской большой мануфактуре в 1899 г. подробно описывается революционная деятельность «высланного из Петербурга за агитацию среди рабочих великобританского подданного, статистика местного земства Спенсера Тикстона [49, с. 41–43].

Все сказанное выше вряд ли позволит согласиться с высказыванием Н.М. Карамзина о ссылке: «это ...счастливый способ искоренять преступления людей без душегубства, оставляя жизнь и злодеям, безвредно и ещё не бескорыстно для государства населять ими пустыни, их руками, от уз свободными, извлекать сокровища из недр земли и нередко исправлять сих злосчастных к утешению человечества» [17, с. 166].

Библиографический список

1. Анисимов Е. Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века. – СПб.: Норинт, 2004. – 86 с.
2. Большая энциклопедия Южакова. Т. 16. – 1904.
3. Бородкин А.В. Ярославские диаспоры до 1917 года. – Ярославль, 2008. – 151 с.
4. Брейтхольц Б.Ю. фон. Из дневника шведского прапорщика. 1808–1809 гг. // Военный сборник. – 1906. – № 3. – с. 3–16.
5. Верой и правдой: ФСБ. Страницы истории / А.Р. Хаиров и др. – Ярославль: Ньюанс, 2001. – 526 с.
6. Военский К. Из воспоминаний о последнем офицере армии Наполеона I: (К портрету Н.А. Савена) // Русская старина. – 1896. – Т. 86. – № 4.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 109. – Оп. 28. – Д. 359. – Ч. 1. – Л. 29.
8. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). – Ф. 72. – Оп. 1. – Д. 1562.
9. ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 1. – Д. 853.
10. ГАЯО. – Ф. 100. – Оп. 7. – Д. 311, 510, 574.
11. ГАЯО. – Ф. 497. – Оп. 1. – Д. 102.
12. Головицков К.Д. История города Ярославля. – Ярославль: Типо-литография Г. Фальк, 1889. – 131 с.
13. Гузанов Л. Родная деревня Дунилово // Летопись Ярославских сел и деревень. – Рыбинск: Рыб. подворье, 2004. – 373 с.
14. Дневник Марины Мнишек. – М.: Дмитрий Буланин, 1995. – 204 с.

15. Записки Станислава Немоевского (1606–1608) // Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского. – Рязань: Александрия, 2006. – 496 с.
16. История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX века / А.М. Пономарев, В.М. Марасанова, В.П. Федюк и др.; отв. ред. А.М. Селиванов. – Ярославль: Ярославский государственный университет, 2000. – 368 с.
17. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 9. – Калуга: Золотая аллея, 1993. – 592 с.
18. *Коваленко Г.М.* Кандидат на престол: Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI–XX веков. – СПб., 1999. – 208 с.
19. *Коузова Анна.* Место ссылки – Ярославль // Ярославский регион. – 2010. – № 31 (11 августа).
20. *Круковецкий Я.* Отчёт о служении генерала Круковецкого / Я. Круковецкий // Русский архив. – 1879. – Кн. 3. – Вып. 12.
21. *Курукин И.* Бирон. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 432 с.
22. *Лествицын В.И.* Ярославские афишки 1812 года // Ярославские губернские ведомости: неофициальная часть. – 1873 (8, 22 марта).
23. *Миловидов Б.П.* Военнопленные в Ярославской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года и российская провинция: События. Люди. Памятники. – Малоярославец, 2003. – 249 с.
24. *Ниенштедт Франц.* Ливонская летопись // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 3–4. – Рига, 1880–1883.
25. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 4. – М., 1884.
26. *Опарина Т.А.* Проблема депортаций ливонских пленников в Россию // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. – М.: Квадрига, 2010. – 512 с.
27. Показания Ивана Садовского о пребывании Стадницких в Московском государстве // Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 137. – М., 1912.
28. *Попов А.П.* Российские фотографии (1839–1930). Т. 2. – Коломна: МРФ, 2013. – 815 с.
29. *Потье К.И.* Русский биографический словарь: в 25 т. – СПб.; М., 1896–1918.
30. Пребывание в г. Ярославле семьи графа Ф.В. Ростопчина осенью 1812 г. по описанию Н.Ф. Нарышкиной, рожденной графини Ростопчиной. – Ярославль, 1912. – 23 с.
31. Прощения и письма Бирона и его сыновей // Архив князя Воронцова. – М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко, 1871. – Кн. 2. – 652 с.
32. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 21249. – Л. 80–81.
33. *Рудаков В.Е.* Лесток, Иоганн Германн // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб., 1890–1907.
34. *Рюссов Б.* Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 2. – Рига, 1879.
35. *Сабитов Ж.М.* Генеалогия Торе. – Алма-Ата: Астана, 2008. – 328 с.
36. Санкт-Петербург. 300 + 300 биографий: биогр. словарь. – М.: Маркграф, 2004. – 318 с.
37. *Севастьянова А.А.* Джером Горсей и его сочинения о России // Джером Горсей Записки о России. XVI – начало XVI в. – М.: МГУ, 1990. – 288 с.
38. *Сергеевский Н.Д.* О ссылке в древней России. – СПб., 1887.
39. Сметный список 139 году // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 4. – М.: Университетская типография, 1849.
40. Собрание государственных грамот и договоров. Т. 3. – М., 1822. – 391 с.
41. *Степанов К.А.* Деятельность Ростовского земства Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. – Ростов Великий: Ремдер, 2008. – 476 с.
42. Фабр Александр Яковлевич // Русский биографический словарь: в 25 т. / изд. под наблюдением А.А. Половцова. – 1896–1918.
43. Филиал ГКУ ЯО ГАЯО в г. Угличе. – Ф. 2. – Оп. 1.
44. *Шебалдина Г.* Заложники Петра I и Карла XII: Повседневный быт пленных во время Северной войны. – М.: Ломоносовъ, 2014. – 202 с.
45. *Шлихтинг А.* «Краткое сказание о характере и жестоком правлении Московского тирана Васильевича», начала 70-х гг. XVI в. // Новое известие о времени Ивана Грозного. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. – 62 с.
46. *Штаден Г.* Записки о Московии. – М.: Древлехранилище, 2008. – Т. 1. – 584 с.
47. *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. – М.: М. и С. Сабашниковы, 1925. – 192 с.
48. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб., 1890–1907.
49. Эстафета поколений: сб. документов и материалов. – Ярославль, 1965. – 280 с.
50. Ярославские губернские ведомости: газета. – 1859. – № 7.
51. Ярославские губернские ведомости: газета. – 1873.
52. Fürstenberger Skizzen – Streifzüge durch 700 Jahre westfälische Familien und Landesgeschichte. – Arnsberg, 1995.
53. *Krasowski K.* Biskupi katoliccy II Rzeczypospolitej. Słownik biograficzny. – Poznań: Bene Nati, 1996.
54. *Peszke S.* Moj pobyt w niewoli rosyjskiej w r. 1812. – Warszawa, 1913.
55. *Schenk C.Ch.L.* Mitteilungen aus dem Leben franzoesischen Oberstleutnant... – Celle, 1829.
56. *Ks. Hieronim Eug. Wyczawski.* Arcybiskup Zygmunt Szczęśny Feliński, 1822–1895. – Warszawa: Akademia Teologii Katolickiej, 1975.

ЧАСТНОЕ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ В РОССИИ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА (историко-культурный аспект)

Личность любого человека формируется под влиянием культурно-исторических событий его эпохи. Поэтому в собрании коллекционера отражается уровень его образования, культура, экономика, художественная мода той или иной эпохи. В России XVIII – начала XX в. культурно-историческая ситуация влияла на предметный состав собраний, проявлялась в изменении сословной принадлежности коллекционеров. Если первая половина XVIII в. в коллекционировании связана с высшими аристократическими слоями общества и западноевропейским искусством, то во второй половине этого столетия свободы, данные дворянскому сословию, расширяют состав коллекционеров; военные успехи России и активный интерес к отечественной истории побуждают собирателей к коллекционированию предметов древнерусской истории. Промышленный подъём вводит в среду коллекционеров купеческое сословие и разноточинную интеллигенцию, стремящихся открыть свои коллекции для публичного представления.

Ключевые слова: коллекция, Россия, Западная Европа, дворянская усадьба, музей, собирательство, реформы, культура.

Слово *коллекция* произошло от латинского «collectio» «собрание». В литературе даётся ряд определений этого термина. В справочной литературе коллекция определяется как «систематизированное собрание однородных предметов, представляющих научный, художественный, литературный и т. п. интерес...» [2, с. 207]. Подобные определения мы можем найти во многих словарях и справочниках. Большинство исследователей сходятся во мнении, что коллекция – это, прежде всего, систематизированное собрание, предметы которого объединены по какому-либо признаку. Это является главным признаком процесса коллекционирования. Первоначально собирательство очень часто основывалось на приобретении и использовании по утилитарному назначению предметов, имеющих художественную ценность, они служили показателем финансовой состоятельности владельца, но не фактом целенаправленного сбора определённой коллекции. Особенно это характерно для первых русских собраний, сформировавшихся до XVIII столетия. Коллекционирование же предполагает исключение предмета из сферы хозяйственного употребления и сохранение его в этом качестве как объекта культурного наследия.

Состав частных коллекций имеет субъективный характер, он отражает финансовые возможности собирателя, его интересы и пристрастия. Личность любого человека формируется под влиянием культурно-исторических событий эпохи. Поэтому в собрании коллекционера отражается не только уровень его образования и воспитания, но и экономика, художественная мода, политические события той или иной эпохи. На первоначальном этапе развития частного коллекционирования в России были более всего распространены коллекции универсального типа, и только с течением времени, с развитием художественных рынков в России и Западной Европе, с повышением уровня социокультурного развития общества и его самоидентификации коллекции стали приобретать узкую на-

правленность. Культурно-исторический контекст развития общества влиял и на формирование стереотипов, норм и основных требований к устройству внешнего и внутреннего пространства, характеризующего сословную принадлежность, поэтому в разные исторические периоды ведущие позиции в собирательской деятельности занимали различные сословия.

Деятельность Пётра I открыла Россию для западноевропейского влияния. Представители знати, желающие иметь привилегированное место при дворе и заслужить милость государя, должны были освоить на практике европейский образ жизни: особенности поведения и бытовых условий. Путешествия Петра I, его знакомство с коллекциями Голландии, Саксонии и других стран положило начало его занятию коллекционированием и дало толчок собирательской деятельности придворных. Подданные ориентировались на личные коллекции царственных особ, так как императорские собрания были публичны, поддерживали имидж государства и задавали модные тенденции в коллекционной моде. Сначала, как дань моде, высшая знать привозила из-за границы всё необычное и непривычное для русского человека (живописные произведения, предметы восточной культуры, мраморные скульптуры, анатомические препараты, экзотических животных), так формировались собрания достаточно разноплановые по тематике представленных предметов [13]. Коллекционирование произведений живописи и скульптуры, требовавшее крупных финансовых затрат, было доступно лишь узкому кругу русской аристократии, поэтому более широкое распространение приобрели нумизматические коллекции. Денежная реформа Елены Глинской 1535 г. отменила монеты удельных княжеств. Поэтому наличие «старых денег» предоставило возможность составления, начиная с XVII века, первых нумизматических собраний, впоследствии пополнившихся предметами из археологических

раскопок, приобретениями экспонатов из западноевропейских коллекций, русскими монетами, упразднёнными реформами Петра I. Император, наладив в России производство памятных медалей, посвящённых военным и гражданским историческим событиям, не только приобрёл ещё один инструмент политического влияния на общество, но и дал толчок к коллекционированию западноевропейских и русских предметов медальерного искусства.

Открытость России западноевропейскому влиянию, путешествия русских дворян в Европу повлияли на формирование художественных вкусов собирателей частных коллекций. Устройство европейских дворов служило для русского дворянина примером организации общественной и частной жизни. В России стремление сделать «лучше, чем в Европе» привело не только к масштабному каменному строительству дворцов, загородных резиденций и усадебных комплексов, организации садов и парков, но и к желанию организовать частную жизнь на «европейский манер», сделать её открытой и публичной, демонстрирующей высокий социальный статус и степень просвещённости её владельца. Важной частью этого публичного представления стали усадебные коллекции. Предметы для таких частных собраний приобретались лично – напрямую в Европе либо через агентов-посредников. Французская революция 1789 г. и волнения в других европейских странах насытили художественный рынок Европы и России работами старых мастеров, предоставив возможность активного пополнения частных коллекций русской знати. Дворцы и усадьбы, загородные резиденции императора и его окружения становились образцом, на который ориентировалось общество.

Таким образом, XVIII в. дал начало широкому распространению собирательской деятельности русской аристократии. Этот процесс был напрямую связан с государственными реформами, начатыми Петром I, культурным влиянием стран Западной Европы и ориентацией России на заимствование жизненного уклада западноевропейских аристократических кругов. Первые частные коллекции были сформированы лицами, приближёнными к императорскому двору, имевшими большие финансовые возможности и ориентирующимися в своей собирательской деятельности на императорские коллекции.

Второй этап широкого распространения коллекционной деятельности связан с дворянскими усадьбами, не только имевшими хозяйственные функции, но и являвшимися центрами культурного развития провинции. Расцвет усадебного строительства приходится на вторую половину XVIII – первую половину XIX в. Он определяется представлением о дворянском сословии как опоре монархии на местах, что обусловило создание ус-

ловий для роста их финансового благосостояния за счёт права владения землёй и крестьянами.

Эпоха Просвещения вдохнула новые силы в развитие русской усадебной культуры. Одним из идеалов этого времени был образ просвещённого человека, предающегося чтению книг и созерцанию предметов искусства на лоне природы. Мелкопоместное дворянство стремилось формировать архитектурный и садово-парковый ансамбль усадьбы, организовать интерьерное пространство и порядок внутренней жизни по примеру столичной аристократии. В частную жизнь усадебного дома привносилась мода на музыку, театр, живопись, знание иностранных языков. Коллекционирование укладывалось в эту схему как способ интеллектуального досуга. мода на чтение и естественные науки послужила формированию усадебных библиотек, коллекций редких растений, минералогических кабинетов. В этот период формируются собрания, в которых представлено большое разнообразие разнородных предметов, что соответствовало идеалам эпохи Просвещения.

Обязательной частью усадебного собрания стали портретные галереи. По примеру галереи императрицы Анны Иоанновны, стремившейся подчеркнуть законность пребывания на российском троне, в том числе через создание в 1730-е гг. галереи с портретами родственников-членов царской фамилии, дворяне в своих портретных галереях доказывали знатность своего рода. Усадебные собрания, представлявшие портреты предков, друзей, родственников, членов императорской фамилии доказывали древнее происхождение семьи владельца, служили для укрепления его личного престижа. Но не все представители дворянского сословия могли заказывать портреты у западноевропейских художников или известных русских мастеров. Часто коллекции пополняли портреты, написанные крепостными художниками. Эти же художники делали копии с известных живописных произведений для коллекции владельца, не имевшего финансовых возможностей приобрести подлинные произведения европейских мастеров. В результате в дворянских усадьбах воспитывались «свои» художники и скульпторы.

В эпоху Просвещения коллекции начинают открываться для публичного обозрения. На художественные произведения приходят не только полюбоваться, здесь проходят занятия со студентами, работают учёные. Часто такие коллекции становятся частью хорошо продуманной декорации, предъявляемой посетителям усадьбы как предмет особой обеспеченности и образованности хозяина. Например, у князя Николая Борисовича Юсупова, известного коллекционера, выполнявшего поручения Екатерины II о приобретении предметов для её личной коллекции и Эрмитажа, подмосковная усадьба Архангельское напоминала, скорее, му-

зей, чем жилой дом. Даже планировка дворца, цвет стен, устройство интерьера определялись коллекцией хозяина: так были устроены Венецианский зал, салон Роббера, Античный зал и т. п.

В конце XVIII – начале XIX в. в странах Западной Европы и в России пробуждается активный интерес к национальной истории и культуре. На предметный состав коллекций имели влияние египетский поход Наполеона 1798–1801 гг. и археологические раскопки греческих колоний в Северном Причерноморье. В частных собраниях России появляются древнеегипетские и античные предметы. В среде русских коллекционеров, особенно московских, началось активное формирование собраний древнерусских рукописей. Самая большая коллекция принадлежала графу А.И. Мусину-Пушкину. Примечательно, что историки могли работать с экспонатами этого уникального собрания. К сожалению, в московском пожаре 1812 г. коллекция Алексея Ивановича погибла. Победа русской армии в Отечественной войне 1812–1814 гг. всколыхнула патриотические настроения в обществе, формируются коллекции оружия, карикатур, гравюр, портретов героев. Коллекционеры пополняют свои собрания артефактами национальной истории. Показательна в этом отношении семейная коллекция графов Уваровых, начавшаяся с предметов античного искусства и картин европейских мастеров и пополнившаяся в первой половине XIX в. старыми рукописями, иконами и археологическими находками, относящимися к русской истории. Как собрание предметов древнерусской истории наиболее знамениты уникальные коллекции Михаила Петровича Погодина, собирателя памятников письменности и русских древностей, основателя общедоступного частного «древлехранилища», известного не только в России, но и в среде европейских учёных [9].

Оказала влияние на рост интереса к русской истории публикация в 1818 г. восьмитомного сочинения Н.М. Карамзина «Истории государства Российского». В 1820-е гг. члены кружка Н.П. Румянцева представили проект создания всероссийского музея древностей для изучения и показа предметов национальной истории, но проект не был осуществлён. Открытие Николаем I в 1852 г. общедоступного музея Новый Эрмитаж на основе императорских коллекций дало импульс многим коллекционерам для передачи в форме дарения на имя императора своих частных собраний. Таким образом из частных собраний перешли в музейные знаменитые коллекции дипломата Д.П. Татищева, знатока русской истории, П.Ф. Карабанова и др. Такие благотворительные шаги давали возможность коллекционерам получить титул или орден, поэтому передача частной коллекции обществу была ещё и возможностью перехода в дворянское сословие или получения государственной награды.

В целом во второй половине XVIII – первой половине XIX в. в России развитие общества способствует расширению собирательской деятельности и сословного состава коллекционеров. Наличие богатых антикварных рынков, политическая ситуация в Европе, стремление соответствовать идеалам Просвещения способствовали сосредоточению в частных коллекциях больших художественных ценностей не только западноевропейского происхождения, но и отечественной культуры и истории. Идеи Просвещения стали руководством к представлению коллекционерами своих частных собраний широкому кругу зрителей для осмотра, обучения и научного изучения.

Третий период коллекционирования в России связан с постепенной утратой дворянством во второй половине XIX в. доминирующих финансовых позиций и ростом благосостояния предпринимателей нового формата, многие из которых были выходцами из купеческой и крестьянской среды. Представители нового класса стремятся занять своё достойное место в социокультурной жизни России. Промышленники и купцы приобщаются к дворянской культуре, осваивают её ценности: получают образование высокого уровня, путешествуют, включаются в европейскую культуру и т. д. Поэтому процесс увлечения коллекционированием среди купечества и разночинной интеллигенции приобретает в этот период ещё больший размах. Разорение помещичьих усадеб, вынужденная продажа семейных коллекций приводит к перераспределению художественных и исторических ценностей в среде новых собирателей. Понимая роль показа западноевропейского искусства для развития культуры своей страны, новые собиратели коллекционировали не только произведения старых мастеров, но и живопись современных художников. Часто, отдавая предпочтение работам современников, коллекционеры, не имевшие профессионального образования, ограждали себя от подделок и материально поддерживали развитие современного искусства. (П.М. Третьяков, С.И. Морозов, П.И. Щукин и др.). Одной из главных особенностей этого периода в истории коллекционирования в России является начало процесса активного собирания предметов народной культуры. Поиски идеального мира в историческом прошлом (процесс, характерный для рубежа XIX–XX вв.), приводили дворянство в эпоху господства аристократизма, а купечество – к патриархальной народной России. Именно новые коллекционеры – промышленники, выходцы из купеческо-крестьянской среды – предъявили миру эстетику народной культуры. Например, в усадьбе Абрамцево Саввы Ивановича Мамонтова собирается коллекция предметов народного быта. Предметы из этой коллекции не только экспонируются, но и служат объектами изучения и образцами для художников

и учеников Абрамцевских мастерских народных промыслов, ведущих работу по возрождению художественных ремёсел и народного творчества России. Таким образом, в начале XX в. формируется большое количество коллекций, представляющих культурно-историческое прошлое России, народную культуру.

В этот же период активизируется процесс собирательства в провинциальных городах России. Главной задачей коллекционеров было не только собрать, но и представить обществу свои коллекции (через открытие музеев, введение предметов в научный оборот, организацию научных сообществ). В Пскове, Новгороде, Ярославле, Костроме, Иваново Вознесенске и других городах были сформированы уникальные коллекции, оказавшие влияние на культурное развитие региона.

В этот период среди коллекционеров шла активная деятельность не только по пополнению, но и по представлению широкой общественности своих сокровищ. Профессиональные собиратели своё служение обществу видели в создании условий для знакомства широких слоёв населения с культурными достижениями разных стран и исторических эпох. Они печатали каталоги своих коллекций, предоставляли свои коллекционные предметы для выставок, жертвовали их в музеи, образовательные и научные учреждения, основывали частные музеи для всеобщего обозрения. Самыми крупными частными музеями рубежа столетий были музеи С.И. Щукина, А.П. Бахрушина, И.С. Остроухова. Организация частных музеев и передача их в общественное пользование, пожертвования частных коллекций в государственные музеи сыграли большую роль в комплектовании музейных фондов. Частные коллекции стали основой крупнейших музеев (Третьяковской галереи, Театрального музея А.А. Бахрушина) или вошли как составная часть в уже существующие музеи (частные музеи П.И. Щукина, А.П. Бахрушина и другие коллекции, обогатившие собрание Исторического музея в Москве). Кроме пожертвований, фонды многих музеев России на рубеже XIX–XX столетий пополнялись путём приобретения коллекций или отдельных предметов из частных собраний. Некоторые коллекционеры предпочитали продавать свои собрания в музеи, даже если это было им материально невыгодно. Эти поступки были в большей мере продиктованы желанием сохранить своё собрание от дальнейшей перепродажи, а значит, в целостном виде, и, конечно, коллекционерам хотелось сделать что-либо на благо общества для сохранения своего имени в истории.

Организация выставок с привлечением частных собраний, популяризация крупных коллекций на страницах периодической печати, издание каталогов, организация частных музеев, многочисленные

пожертвования и продажи коллекций в музеи все это сыграло большую роль в деле сохранения культурного наследия и знакомства общества с ценнейшими памятниками культуры, находившимися в частном владении. Общей тенденцией для собирательской деятельности в России второй половины XIX – начала XX в. стал её массовый характер и широкий сословный состав коллекционеров.

Третий период в истории русского коллекционирования характеризуется публичным представлением частных собраний общественности. Появляется новое поколение коллекционеров, ориентировавшихся в своей деятельности на собирание предметов народной культуры. Появляются коллекции современных русских и западноевропейских художников. В периодической печати публикуются описания коллекций и статьи о собирателях. Основываются специализированные журналы: «Мир искусств» (1898–1905 гг.), «Старые годы» (1907–1916 гг.), «Художественные сокровища России» (1901–1907 гг.).

Таким образом, частное коллекционирование в России в рассматриваемый период появляется на волне европеизации, начинается с петровскими преобразованиями и включает три этапа. На первом этапе (первая половина XVIII в.) приобщение к западноевропейской культуре и ориентирование на жизнь дворов европейских монархов активизировали частное и государственное коллекционирование предметов культуры и искусства. Этот этап частного коллекционирования в России можно обозначить как придворный [4, с. 24], так как ведущими коллекционерами была императорская семья и придворная аристократия. Следующий период (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) связан с развитием усадебной культуры. Дворянство, ориентирующееся на европейские образцы в публичной и частной жизни, сформировало новый тип интеллектуальной досуговой деятельности, являющийся показателем статусности и сословной принадлежности. Во второй половине XIX – начале XX в. происходит расширение социального круга коллекционеров, приобщение к собирательской деятельности провинциальных городов. На протяжении всех трёх периодов мы можем наблюдать в частном коллекционировании отражение экономических и политических событий, происходивших в России и в Европе (войны, революции, экономическую ситуацию и развитие искусств). Культурно-исторический контекст развития общества влиял и на формирование стереотипов, норм и основных требований к устройству внешнего и внутреннего пространства, характеризующего сословную принадлежность, поэтому в разные исторические периоды ведущие позиции в собирательской деятельности занимали различные сословия.

Библиографический список

1. *Бильвина О.Л.* Частное коллекционирование произведений античного искусства в России: вторая половина XIX – первые два десятилетия XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2007. – 22 с.
2. Большая советская энциклопедия. Т. 12. – М., 1973. – 432 с.
3. *Бессонова Н.А.* Частные книжные коллекции в фондах библиотек Самаро-Сибирского региона (в период с 30-х гг. XVIII в. по 20-е гг. XX в.): автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Самара, 2003. – 20 с.
4. *Игнатьева О.В.* Частное коллекционирование в процессе европеизации России в XVIII – начале XX века // Вестник Пермского университета. – Пермь: ПГПУ, 2014. – Вып. 2 (25). – С. 22–27.
5. *Калугина Т.П.* Художественный музей как феномен культуры. – СПб.: Петрополис, 2001. – 224 с.
6. *Каулен М.Е.* Коллекция // Российская музейная энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20269547> (дата обращения: 21.09.2017).
7. *Любимцев С.В.* Частное коллекционирование предметов русской старины как фактор сохранения культурного наследия: Конец XIX – начало XX в.: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – СПб., 2000. – 163 с.
8. *Овсянникова С.А.* Частное коллекционирование в России в пореформенную эпоху (1861–1917) // Очерки истории музейного дела в России. – М.: Советская Россия, 1960. – Вып. 2. – С. 66–144.
9. *Погодин Михаил Петрович (1800–1875)* // Артпанорама. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.artpanorama.su/?category=article&show=subsection&id=194> (дата обращения: 12.09.2017).
10. *Саверкина И.В.* История частного коллекционирования в России: учеб. пособие / СПбГУ-КИ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lektsii.org/6-106471.html> (дата обращения: 10.09.2017).
11. *Хоруженко К.М.* Культурология. Энциклопедический словарь. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 640 с.
12. *Хрипко М.Л.* Роль частного собирательства в формировании дореволюционной коллекции исторического музея (третья четверть XIX – 1918 год): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1991. – 20 с.
13. *Шлаева И.В.* Частное коллекционирование предметов русской старины как фактор сохранения культурного наследия: Конец XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2000. – 22 с.

Турьгин Александр Александрович

кандидат исторических наук, доцент
Костромской государственной университет
aturigin@mail.ru

Хабибова Лариса Владимировна

старший преподаватель кафедры иностранных языков
Костромской государственной университет
larissa-kh@mail.ru

ПАНГЕРМАНЦЫ И МОНАРХИЯ: КРИТИКА И ВИДЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье раскрывается отношение представителей одного из сильнейших идеологических центров кайзеровской Германии – Пангерманского союза – к институту германской монархии в целом и к императору Вильгельму II как её главному символическому олицетворению в частности. Задача авторов статьи состоит в том, чтобы показать трансформацию восприятия и отношения пангерманцев к монархии за несколько лет до её крушения в Германии в ходе Ноябрьской революции 1918 года. На фоне событий первой четверти XX века анализируются причины изменения отношения пангерманцев к персоне императора, рассматривается системный кризис монархии и варианты его преодоления, описанные в трудах теоретиков пангерманизма: лидера Пангерманского союза Генриха Класса и пангерманского активиста графа Эрнста цу Ревентлова. В статье анализируются также попытки пангерманцев подготовить общественное мнение послевоенной Германии к восстановлению свергнутого революцией института монархии во главе с новым, более способным правителем, чем кайзер Вильгельм II.

Ключевые слова: кайзер Вильгельм II, Пангерманский союз, монархия, агитация, общественное мнение, византизм, критика, диктатура.

Поздней осенью 1914 года, стоя у окна своего кабинета, выходящего на площадь перед Бранденбургскими воротами, влиятельный немецкий промышленник Вальтер Ратенау в беседе с бывшим рейхсканцлером Бернгардом фон Бюловым заметил: «Неужели такой монарх, как кайзер Вильгельм II, сама по себе личность вполне симпатичная, с обычными человеческими достоинствами и слабостями, но абсолютно неподходящая для роли правителя, да еще с таким немислимим канцлером, как Бетман, и такой пустышкой на посту начальника Генштаба, как Фалькенгайн, неужели он всерьез может надеяться пройти с триумфом под аркой этих ворот? Если такое ему удастся, то, значит, в истории нет никакого смысла, никаких законов» [3, с. 577]. Слова, сказанные в самом начале войны, оказались пророческими, так как уже спустя несколько лет сдержанный тон высказываний по отношению к кайзеру изменился в сторону резкого осуждения, неприятия и порой даже открытых оскорблений. Вильгельму II, обвиняемому в поражении страны, ставили в упрек и «неспособность править», и родовое безумие, которым страдал его двоюродный дед Фридрих Вильгельм IV, «тщеславие» и «болтливость», необузданный милитаризм, «постоянно лязгающий саблями» [23, s. 165]. Конечно, было бы несправедливо ссылаться на однозначность оценок кайзера, не принимая во внимание попытки промонархических сил отвести внимание от личности в сторону коллективной ответственности или происков врагов рейха, но даже при таком подходе, учитывающем мнения сторон, институт монархии должен был измениться, а кайзер Вильгельм II должен был уйти вместе со своей эпохой» [2–4; 6; 7; 17; 21; 22]. «Как откровенный приверженец немецкой династии и монархических учреждений

(хотя и парламентских тоже), я твердо убежден, – писал М. Вебер, – что нынешний кайзер должен отступить в интересах рейха и династии. Поступая так, он поступает с честью, давая понять, что действует согласно праву и по совести. Поскольку судьба распорядилась иначе, он не желал бы стать преградой новому будущему своего народа. <...> Отрицая какое-либо внешнее принуждение, он вызывает уважение и благородное сочувствие нации. Но, однако, положение династии сохранится. <...> Я признаюсь открыто, что наблюдал за политикой кайзера с решительной антипатией. Но в интересах рейха я не могу желать, чтобы путь императора закончился бесчестьем, связанным с внешним принуждением отказаться от трона. Это станет неизбежным, если кайзер решит остаться на троне. Страшно подумать, какие последствия это возымеет для поколения!» [24, s. 477].

«Героического жеста» не последовало. Последующее отречение 9 ноября 1918 года, объявленное рейхсканцлером Максом Баденским без одобрения кайзера, который официально подтвердил его уже после своего бегства в Нидерланды, привело к постановке вопроса «о наследовании престола», по крайней мере, у правоконсервативной, националистически ориентированной части политизированной общественности. Еще до отречения кайзера, принятого немцами «с молчаливым стыдом» [5, с. 62], сторонники монархии в октябре 1918 года были убеждены, что спасти монархию можно лишь в том случае, если бы «Вильгельм и кронпринц немедленно отреклись от престола в пользу кого-нибудь из младших сыновей императора». Но уже в самом начале 20-х гг. они же ставили вопрос так: «лучше пусть умрут император и кронпринц, но останется в живых монархия, чем наоборот» [12, S. 133].

Как стратегическая цель Пангерманского союза будущая монархическая форма государства была подтверждена пангерманцами в 1918 году на съездах в Берлине (1918) и Бамберге (1919) [16, s. 123]. Её основу должны были составлять «прусское государство и прусский народ, которые нужно благодарить за победы в 1813 и 1864–1871 годы» [25, s. 93]. Об этом пангерманцы стали высказываться задолго до Ноябрьской революции 1918 года, переходя на сторону «национальной оппозиции» правительству. Радикализация программных требований пангерманцев происходит на съезде в Плауене (1903), где в качестве тактической задачи принимается «объединение усилий в борьбе с теми, кто мешает национальному развитию» [9, s. 131]. В качестве поборников национальных интересов пангерманцы начали кампанию против кайзера и правительства, сдерживающих, по их мнению, развитие «национальных сил» [8, s. 437]. Признавая ошибки кайзера и правительства, пангерманцы уже к началу войны обсуждали альтернативную модель господства во главе с вождем («фюрером»), вокруг которой в дальнейшем возник план консервативного переворота.

Показательным примером эволюции взглядов и многочисленных суждений пангерманцев в отношении германской монархии в период перехода к «национальной оппозиции» (1903–1914) является труд Эрнста графа цу Ревентлова (1869–1943) «Кайзер Вильгельм II и византийцы» [20] (1906) и брошюра Генриха Класа (1868–1953) «Если бы я был императором: Политические истины и необходимость» (1912) [11].

Пангерманский активист, Эрнст Граф цу Ревентлов (1869–1943), являвшийся с 1908 по 1914 годы главным редактором «Alldeutsche Blätter», был известен как непримиримый критик кайзера. Из-за его книг, обличающих ближайшее окружение кайзера [20, s. 197], а позже – саму личность Вильгельма II [19], он был вынужден уйти в отставку из Военного управления печати (Kriegspresseamt) [18, s. 476]. Под влиянием Первого марокканского кризиса (1905–1906), когда вместо «куска колониального пирога» и удара по Франции Германия в результате нерешительности и ошибок правительства оказалась в дипломатической изоляции, граф написал и опубликовал критический очерк о пагубном действии византизма в окружении кайзера.

Византизм – концепция величия и эвтаксии (греч. *eutaxia* – «хороший порядок, благоустройство») монархического мироустройства и ближневосточной христианской концепции воплощения господства Царя Небесного в автаркии власти царя земного [1, с. 11]. В соответствии с идеями византизма император (автократор), «символизировал саму власть, её божественное происхождение» [1, с. 11].

Выражая собственное отношение к византизму, Ревентлов использует такие характеристи-

ки, как «народное заболевание», «угодничество», понимая под самим термином «состояние, обстоятельства, существующие в нашей общественной жизни, а не образ мыслей или его проявление» [20, s. 1–2]. Указывая на иностранное происхождение термина, граф характеризует сложившиеся при дворе кайзера Вильгельма II порядки как чуждые национальной культуре: «В немецком языке нет слова, которое могло бы охарактеризовать и точно описать суть византизма... представляемого как нечто чуждое немецкому характеру, происходящее из-за границы публичное проявление придворного раболепия» [20, s. 2–3]. Считая византизм «болезнью», которая охватывает отношения личности монарха с подданными, Ревентлов отмечает, что «истинными её возбудителями являются издавна пользующиеся дурной репутацией льстецы, которые всегда существовали в истории любого народа. И пока современному обществу не удалось взрастить сверхчеловека, их нужно рассматривать как неизбежное зло... В болезнь общества их наличие превратится только тогда, когда они смогут найти в личности монарха или в созданных им обстоятельствах благоприятную почву для своего промысла. Тогда инфекция вырастает, как при заразной болезни, до чудовищных размеров, порок быстро охватывает все вокруг себя в ущерб жизни государства... В Германии с некоторых пор так оно и есть, и цель дальнейших наблюдений я вижу в том, чтобы отследить как формы проявления болезни, так и ее отдельные очаги» [20, s. 3].

Описывая патогенез византизма, Ревентлов делает акцент на том, что уже существовавшая в истории рейха естественная традиция дистанцирования кайзера от политических институтов империи под влиянием византизма приобрела явно негативный окрас. Под влиянием лести придворных, полуправды или отъявленной лжи министров «кайзера побудили выбрать путь откровенного разрыва с народом», что граф считает «чудовищной опасностью» [20, s. 16]. Эта опасность чревата утратой доверия из-за ошибочных решений, основанных на ложном представлении о реальности, и, вследствие этого, слабостью, доходящей до бессилия во внутренней и внешней политике. Ревентлов даёт рекомендации кайзеру: «Быть невосприимчивым к общественному мнению, конечно, невозможно и непозволительно ни государственному деятелю, ни государю, однако он должен его понимать и быть в состоянии дать политическую оценку по степени его значения» [20, s. 33].

В качестве средства, которым пользуются византилисты в окружении кайзера, Ревентлов называет непререкаемое одобрение любых его публичных выступлений: «Со дня вступления кайзера на престол мы наблюдаем прямо-таки пугающий рост красноречия в Германской империи. Дошло между тем до того, что в порядочной не-

мецкой прессе с некоторого времени поднимается серьезный протест против этого. Думаю, многие со мной согласятся, что все без исключения речи имеют “патриотический” характер, связанный, однако, с превознесением кайзера, его поступков, его мыслей и намерений. Ораторы разные, в основном сознательные византилисты или так же искренне восторженные. Как сознательные византилисты они стараются подражать его манере говорить, они приходят в высокое пагетическое волнение по самому незначительному поводу и работают, используя только самые сильные обороты речи. При этом всё совершенно искренне, то есть они считают эту многословность и пафос современными и необходимыми. Нужно говорить “восторженно”, и примером является кайзер... Эти честные, brave византилисты, то есть категория людей, которую я под этим подразумеваю, испытывают после подобных речей только чувство исполненного патриотического долга. За редким исключением, за всей этой честностью скрывается все-таки что-то лживое. Не будет преувеличением утверждение, что политическая жизнь широких масс в Германии ограничивается только этими высказываниями, и что вершиной считаются праздничные речи» [20, s. 34]. Итогом слепого одобрения публичных выступлений кайзера становится, по мнению Ревентлова, то, что «в нынешних обстоятельствах успех ораторской деятельности только укрепляет кайзера в мысли, что он на верном пути» [20, s. 38].

Делая вывод о неспособности кайзера реально воспринимать происходящее, граф Ревентлов видит в ней причину неудач на внутривнутриполитическом и внешнеполитическом уровне [20, s. 39].

Взгляды пангерманцев на кайзера эволюционировали вместе с изменениями политической конъюнктуры и под ее непосредственным воздействием. Так, на съезде Пангерманского союза в Дюссельдорфе (1911) было принято решение осудить действия кайзера и его правительства за сделку с Францией в ходе Второго марокканского кризиса (1911) [10, s. 21], за решение кайзера отправить «прыгнувшую» канонерскую лодку «Пантера»¹, наводившую страх на французов у берегов Агадира в течение почти трех недель (с 1 по 20 июля 1911), домой, в гамбургские доки. В условиях, когда Германия вновь предпочла переговоры открытому конфликту, лидер Пангерманского союза Генрих Класс пишет свой знаменитый памфлет «Если бы я был императором», позже известный под сокращенным названием «Императорская книга» (Kaiserbuch). Поскольку первое издание брошюры вышло в годы монархии (1912), Класс опубликовался под псевдонимом «Даниель Фриман». Всего брошюра выдержала восемь изданий, практически ежегодно издаваясь начиная с 1918 года (1912–1935). Класс не пожелал изменить название даже ввиду крушения монархии

в Германии, связав текст памфлета с намерениями ее возродить.

Не имея вовсе никаких планов на кайзера Вильгельма II как персону, способную сплотить немцев в военные годы, а после 1918 года, собственно, предпочтешего оставить отечество, Класс все же видит будущее страны в монархической форме правления.

Уже в первом издании «Императорской книги» Класс пишет о том, что единственной приемлемой накануне войны формой государственного правления должна быть диктатура во главе с императором [11, s. 210f, 221f]: «Массовые иллюзии, очевидно, рассеются только тогда, когда диктатура спасет то, что еще можно спасти» [11, s. 8]. В доказательство состоятельности подобного суждения Класс приводит аргументы о том, что европейские народы уже познали республику с «господством масс», хотя некоторые из них «еще предаются соблазну, веря в её ложь и обещания»... <...> Неограниченная демократия республики, напротив, «дала народам лишь коррупцию, утрату правосознания и традиций, грабёж государственного имущества – иными словами, все проявления полнейшего хаоса» [11, s. 208]. Господство вырастает из способности к руководству, из способности действовать во имя общего блага [11, s. 220]. Так как корона не в состоянии провести эту реформу, «она должна передать имперские полномочия мужу, которому благоволит судьба» [11, s. 221]. Накануне войны Класс думал о Вильгельме II, который был в состоянии провести имперскую реформу, присвоив себе диктаторские полномочия, что позволило бы «спасти отечество» [11, s. 221]. Однако после поражения Германии, Ноябрьской революции и отречения кайзера взгляды Класса изменились, и в текст памфлета добавилось упоминание о независимом «диктаторе»: «Диктатор принуждает к проведению имперской реформы, способной возродить государство во главе с императором, который по праву крови и деяний его великих предков достоин его возглавить» [11, s. 222]. Класс намекал на то, что имперскую реформу был в состоянии провести диктатор, который в дальнейшем сможет передать престол правопреемникам германского престола из династии Гогенцоллернов. Однако точные сроки Классом не оговаривались.

По мнению Р. Херинга, вопрос о диктаторе, решавшийся в других произведениях Класса, раскрывается через механизм его избрания. Так, анализируя личные документы Класса в Федеральном архиве Берлина, исследователь отмечает, что диктатор должен выбираться на местах из военных и патриотов – членов местных патриотических объединений. Из числа местных диктаторов выбирается один на всю страну, который формирует свой кабинет. Патриотические объединения и рейхсвер должны вручить власть диктатору, обеспечив ее дальнейшей поддержкой. В своей власти диктатор должен

опираться на «аристократов не по факту рождения, а успешных, имеющих благородные помыслы, ясное сознание, самоотверженность в поступках и заботе о народе и государстве» [13, s. 357].

Брошюра Класса, при определенном ракурсе рассмотрения, проливает свет на планы консервативного переворота, который готовили пангерманцы независимо и параллельно с Каппом в самом начале 1920-х гг.

Программа переворота у Класса состояла в том, что во главе переворота обязательно должен был стоять один из принцев правившего дома Гогенцоллернов. Сам он предпочитал до поры до времени оставаться «тайным диктатором», полагая, что фигура члена императорской семьи, пока после недавнего падения монархии о ней еще не позабыли, способна сплотить все разрозненные консервативные силы. Среди принцев крови его выбор пал не на сыновей Вильгельма II – кронпринца Вильгельма Прусского (1882–1951) и принца Эйтеля Фридриха Прусского (1883–1942), не обладавших нужными национальному лидеру чертами, а на принца Фридриха Вильгельма Прусского (1880–1925), троюродного брата Вильгельма II, сына Альбрехта Прусского, регента герцогства Брауншвейгского. Принц Фридрих Вильгельм был ветераном Первой мировой войны, являлся членом Пангерманского союза. Критикуя республиканскую форму правления, Класс смог убедить принца в необходимости введения «чистой военной диктатуры». Военные, с помощью которых будет свергнуто правительство и распущен рейхстаг, – единственные, кто дальше будет способен удерживать власть, именно они придадут оснований «новому порядку». В новых условиях принц станет главой рейхсвера, войдя в коалиционную «директорию». Постепенно за счет переустройства и реформ на смену «военной диктатуре» должна прийти «политическая диктатура» [15, s. 135–136]. Именно таким «диктатором» мечтал стать Класс.

Таким образом, сочинения пангерманцев о кайзере и монархии в Германии по ряду параметров стоит рассматривать не только как «манифест пангерманской идеологии» или типично агитационный материал, но и в определенной степени – как результат изменения политического коллективного сознания, впитавшего опыт проигранной войны и первоначальное восприятие республики. В определенной мере эпистолы пангерманцев имели цель подготовить общественное мнение к предстоящему консервативному перевороту, для которого возрожденные монархические институты стали бы средством последующей передачи полноты власти диктатору.

Примечание

¹ Огневые возможности лодки «Пантера» были сильно преувеличены, так как еще до знаменитого «прыжка» было принято решение об отправке лод-

ки из бухты Камеруна для капитального ремонта в Германию, с остановкой в Марокко для заправки. Обострение колониальных отношений в Марокко совпало со временем движения «Пантеры», которая у берегов Агадира должна была поднять военные флаги.

Библиографический список

1. Бибииков М.В. «Блеск и нищета» василевсов. Структура и семиотика власти в Византии // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время / под ред. М.А. Бойцова, О.Г. Эксле; Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 2008. – 443 с.
2. Виноградов К.Б. Вильгельм II Гогенцоллерн и внешнеполитический курс кайзеровской Германии // Монархи, министры, дипломаты XIX – начала XX века: сб. статей / под ред. К.Б. Виноградова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. – 354 с.
3. Макдоно Д. Последний кайзер. Вильгельм Неистовый. – М.: АСТ, 2004. – 754 с.
4. Рель Дж. Вильгельм II – германский император (1888–1918) // Кайзеры: сб. статей / под ред. А. Шиндлинга, В. Циглера. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – 640 с.
5. Тарле Е.В. Бегство Вильгельма II: (К истории падения монархии в Германии) // Историк-марксист. – 1927. – № 4. – С. 62–72.
6. Afferbach H. Kaiser Wilhelm II. als Oberster Kriegsherr im Ersten Weltkrieg: Quellen aus der militärischen Umgebung des Kaisers. 1914–1918. – München: Oldenburg, 2005. – 1051 s.
7. Cecil L. Wilhelm II: Emperor and Exile, 1900–1941. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1996. – 518 p.
8. Chickering R. Die Alldeutsche erwarten den Krieg // Jost Dülffer, Karl Holl (hrsg.). Bereit zum Krieg. Kriegsmentalität im wilhelminischen Deutschland 1890–1914. Beiträge zur historischen Friedensforschung. – Göttingen, 1986. – 230 s.
9. Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellung. Bd. 8. Kaiserreich und Erster Weltkrieg. 1871–1918 / hrsg. R. vom Bruch, B. Hofmeister. – Stuttgart, 2006. – 511 s.
10. Forsbach R. Alfred von Kiderlen-Wächter (1852–1912). Ein Diplomatenleben im Kaiserreich. 2 Teilbände. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1997. – 835 s.
11. Frymann D (Heinrich Claß). Wenn ich der Kaiser wäre. Politische Wahrheiten und Notwendigkeiten. – Leipzig, 1912. – 235 s.
12. Hammann O. Bilder aus der letzten Kaiserzeit. – Berlin, 1922. – 233 s.
13. Hering R. Konstruierte Nation. Der Alldeutsche Verband 1890 bis 1939. – Hamburg: Hans Christians Verlag, 2003. – 600 s.
14. Jarauschk K. Die Alldeutsche und die Regierung Bethmann Hollweg. Eine Denkschrift Kurt

Riezlers vom Herbst 1916 // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 21. – 1973. – S. 435–451.

15. *Kruck A.* Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890–1939. – Wiesbaden, 1954. – 258 s.

16. *Lange K.* Braunschweig Reichsland? Die Alldeutschen und die Thronfolgefrage, in: Braunschweigisches Jahrbuch / hrsg. von J. König. – 1979. – Bd. 60. – S. 109–141.

17. *Mann G.* Wilhelm II. – München; Bern; Wien, 1964. – 77 s.

18. *Peters M.* Reventlow, Ernst Christian Ludwig Detlev, in: Neue Deutsche Biographie (NDB). Band 21. – Berlin: Duncker & Humblot, 2003. – S. 476–477.

19. *Reventlow E.* Der Kaiser und die Monarchisten. – Berlin: Reimar Hobbing Verlag, 1913. – 294 s.

20. *Reventlow E.* Kaiser Wilhelm II und die Byzantiner. – München: J.F. Lehmann, 1906. – 197 s.

21. *Röhl J.C.G.* Hof und Staat. Wilhelm II und die deutsche Politik. – München: C.H. Beck, 1988. – 262 s.

22. *Sombart N.* Wilhelm II. Sündenbock und Herr der Mitte. – Berlin: Volk & Welt, 1996. – 245 s.

23. *Sösemann B.* Der Verfall des Kaisergedankens im Ersten Weltkrieg // Der Ort Kaiser Wilhelms II in der deutschen Geschichte / hrsg. von John C.G. Röhl. – München: R. Oldenbourg Verlag, 1991. – S. 145–170.

24. *Weber M.* Gesammelte politische Schriften. – München, 1921. – 480 s.

25. *Werner L.* Der Alldeutsche Verband 1890–1908. – Berlin, 1938. – 112 s.

РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ КОНЦА XIX ВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ

В статье прослеживается эволюция взглядов отечественных исследователей на роль общественного мнения в российско-французском сближении конца XIX в. Данная тема рассматривалась в контексте истории общественной мысли и истории внешней политики. Выделены три периода в изучении темы: дореволюционный, советский (с 1918 г. до середины 1950-х гг.) и последний этап, начавшийся с середины 1950-х гг. и продолжающийся по сегодняшний день. Первый этап опирался на публицистику и освещал реакцию общества на отдельные внешнеполитические события. На втором этапе появились общие и специальные исследования, написанные на основе дипломатической документации и многочисленных мемуаров. Однако историки больше внимания уделяли проблемам международных взаимоотношений двух стран, нежели реакции общественного мнения. Лишь на последнем этапе появились первые специализированные работы, рассматривающие общественное мнение как немаловажный элемент дипломатических взаимоотношений. Основное внимание в статье уделено трудам А.З. Манфреда, В.М. Хевролиной, И.С. Рыбачёнок, С.В. Оболенской и др. Показаны достижения отечественных историков в изучении роли общественного мнения в российско-французском сближении.

Ключевые слова: историография, внешнеполитическая мысль, русско-французский союз, общественное мнение, публицистика, карикатура, имагология.

Во второй половине XIX в. в российском общественном мнении широко дискутировались проблемы международной политики России, что было связано с возрастающей ролью периодической печати. После Крымской войны в России стало возможным открыто высказываться о внешнеполитических делах, в том числе и в прессе. Именно периодические издания того времени стали главными выразителями общественного мнения. В последней четверти XIX в. поводом для обсуждения стал вопрос о поиске Россией новых союзников. Постепенно как в высших эшелонах власти, так и в обществе укреплялась мысль о пользе российско-французского сближения. В связи с этим возникает вопрос о роли общественного мнения в процессе переориентации внешнеполитического курса России. В данной статье рассматривается позиция отечественной исторической науки по вопросу о роли общественного мнения в российско-французском сближении. В научном плане данная тематика находится на стыке двух областей исторической науки – истории общественной мысли и истории внешней политики. Подобный дуализм определяет особенность историографической базы исследуемой темы.

И.С. Рыбачёнок выделяет три этапа изучения проблем российско-французского сближения. Первый этап охватывает период с середины 80-х годов XIX в. до 1918 г., когда историография создавалась одновременно с историей и базировались на доступной современникам информации. Второй этап: 1918 г. – середина 50-х г. XX в., когда появились общие исследования, написанные на основе дипломатической документации и многочисленных мемуаров. Заключительный этап: середина 50-х годов XX в. – по сегодняшний день. В этот период происходит значительное расширение источ-

никовой базы, что вызвало появление специальных исследований по конкретным аспектам проблемы взаимоотношений России и Франции во второй половине XIX в. [10, с. 128–129]. Подобная периодизация подходит и для исследований, посвящённых восприятию общественным мнением российско-французского сближения.

Первый этап опирался на публицистику, освещавшую отдельные сюжеты, связанные с внешней политикой страны: взаимные визиты эскадр в 1891 и 1893 гг.; роль прессы в упрочнении двухсторонних отношений между Россией и Францией и т. д. Так, ещё в 1870 г. «Московские ведомости» опубликовали анонимную брошюру «Нынешний политический тупик» о необходимости союза России и Франции. Говоря о причинах сближения, автор подчёркивал отсутствие противоречий между странами в Восточном вопросе: «Интересы на Востоке не находятся ни в малейшем антагонизме с интересом Франции» [2, с. 94]. В последующем на этом будут акцентировать своё внимание советские и российские историки: М.Ю. Золотухин, А.З. Манфред, Н.С. Киняпина, И.С. Рыбачёнок и др.

Особое внимание в исследованиях уделялось деятельности М.Н. Каткова, ставшего главным идеологом профранцузской ориентации во внешней политике. Его выступления имели значительный вес в общественном мнении, а его газета «Московские ведомости» была одним из крупнейших печатных органов страны. В отличие от многих публицистов, М.Н. Катков открыто высказывал свою позицию по вопросам внешней политики. Подобная деятельность не обществом, более того, его выступления приобрели европейскую известность.

Первые работы, посвященные М.Н. Каткову, были написаны вскоре после его смерти. Это книги Н.А. Любимова и Р.И. Сементковского, в которых

показано становление М.Н. Каткова как публициста и редактора крупных изданий, его колоссальная роль в формировании общественного мнения. Если в первой работе основной упор был сделан на период Польского восстания (1863 г.), то вторая акцентирует внимание на эволюции внешнеполитических взглядов в целом. Главный вывод Р.И. Сементковского заключался в непоследовательности взглядов М.Н. Каткова: «Его симпатии к Пруссии и Франции постоянно колеблются. Он никакой самостоятельной политики в этом отношении не придерживается и только как бы ощупью комментирует шаги нашей дипломатии» [11, с. 65]. Окончательная трансформация взглядов Каткова, по мнению Сементковского, произошла во второй половине 1885 г., когда после болгарского переворота он из сторонника князя Бисмарка превратился в его антагониста. Схожей точки зрения придерживались С. Неведенский (С.Г. Щегловитов) и С.С. Татищев, отмечавшие непоследовательность взглядов Каткова на внешнеполитические вопросы. Так, по мнению Неведенского, причина симпатии публициста к Германии в начале 80-х гг. XIX в. объяснялась влиянием революционного движения в России. Однако уже с лета 1886 г. происходит изменение взглядов Каткова в сторону Франции, что было связано с Восточным вопросом [5, с. 410].

Профессиональная дореволюционная историография лишь косвенно затрагивала вопрос о роли общественного мнения в сближении России и Франции. Выдающуюся роль в изучении российско-французских отношений сыграл Е.В. Тарле, который в своих работах касался отдельных аспектов данной тематики. В частности, он рассмотрел деятельность генерала М.Д. Скобелева, который еще в 1881–1882 гг. вёл агитацию в пользу франко-русского союза. По мнению историка, его анти-немецкие речи были довольно характерными для внутривосточных настроений тогдашней России [12, т. 11, с. 615]. В дальнейшем сюжет, касающийся деятельности известного русского генерала, изучался советским историком А.З. Манфредом.

В целом для дореволюционного этапа характерны не столько научные, сколько историко-публицистические работы, что вполне закономерно, поскольку сам жанр предполагает обращение к актуальным проблемам и событиям. Подобные работы страдали отсутствием документальных источников, а их выводы зачастую строились на субъективных оценках прессы и современников. На это сетовали и сами авторы. «Не без грусти и сожаления вынуждены мы заметить, что за отсутствием всяких официальных сообщений нашего правительства о ходе внешних дел, нам не остаётся ничего другого, как почерпывать сведения о них из иностранных источников» [13, с. 37], – констатировал С.С. Татищев. В то же время многие предположения оказались верными, как, например,

оценки в прессе взаимосвязи Болгарского кризиса с ухудшением отношений с Германией. Некоторые из работ не потеряли своего значения и в настоящее время.

Дальнейшее развитие темы взаимоотношений России и Франции в конце XIX в. нашло отражение в советской исторической науке. Тема роли общественного мнения в российско-французском сближении находилась на втором плане. Историки, как правило, ограничивались в оценке событий ссылками на прессу или обращали внимание на отдельные сюжеты. Как верно подметила В.М. Хевролина, историки внешней политики рассматривали позицию общественного мнения попутно, в придачу к основной внешнеполитической проблеме [15, с. 7].

Одной из первых работ, косвенно затрагивающих проблему восприятия обществом отношений России и Франции, стала монография М.Н. Покровского «Дипломатия и войны в царской России XIX в.» [8]. В ней советский историк раскрыл эпизод, связанный с визитами французских и российских моряков в Кронштадт и Тулон, которые вызвали в обеих странах небывалый общественный отклик. Особенно ярким проявлением дружбы к Франции, по его мнению, было явное сочувствие русской публики к «Марсельезе». Также Покровский подчеркнул небывалую политическую значимость «Дела Гартмана» [8, с. 317–318]. Именно это событие, по мнению М.Н. Покровского, вызвало симпатию и сочувствие не только у Александра III и его окружения, но и в целом консервативно настроенной общественности.

Дальнейшее развитие исследований связано с именем академика В.М. Хвостова, обратившего внимание на волну антигерманских настроений в русском обществе, связанную с франко-прусской войной и чередой франко-германских кризисов. Военные успехи Пруссии породили в обществе волну антинемецких настроений и сопереживание Франции. В дальнейшем во времена франко-германских кризисов подобная тенденция не раз будет проявляться в российском обществе. Хвостов также рассмотрел роль Восточного вопроса в переориентации внешней политики России. По его мнению, неудачи царского правительства в решении этой проблемы стали одним из поводов создания общественной оппозиции, развязавшей открытую кампанию против политики правительства [14, с. 220].

Важное место В.М. Хвостов отводил деятельности М.Н. Каткова, подчеркивая, как и в дореволюционной историографии, непостоянство в его взглядах. Только с 1886 г. Катков выступил в качестве решительного противника германской ориентации русской политики и начал борьбу против министра иностранных дел Н.К. Гирса. Причины антигерманской агитации Каткова советской историк видел в сугубо экономических аспектах. «Под-

нятая Катковым кампания против немецкой ориентации русской внешней политики имела своей целью побудить царское правительство покончить с приспособлением русской таможенной политики к интересам Германии», – подчёркивал советский исследователь [14, с. 221]. Подобный экономический детерминизм был характерен для большинства советских историков.

Заметное развитие тема российско-французского сближения получила в исследованиях А.З. Манфреда, ставшего верным последователем и продолжателем Тарле. Большинство его работ написано на широкой источниковой базе, включавшей в себя русские и французские газеты и журналы, мемуары, дневники и переписку видных политиков. Как и большинство отечественных исследователей, главную причину сближения России и Франции Манфред видел в сложившейся после 1871 г. международной расстановке сил [4, с. 25].

А.З. Манфред впервые показал немаловажную роль закулисной, неофициальной дипломатии в налаживании российско-французских отношений. В качестве примера он привёл деятельность салона княгини Е.Э. Трубецкой. [4, с. 93]. Подобно своему учителю, А.З. Манфред рассмотрел антинемецкую пропаганду генерала М.Д. Скобелева. По его мнению, позиция известного генерала политических последствий не имела. Более того, выступления Скобелева вызвали в Петербурге как в «правящих сферах», так и в близких к ним славянофильских кругах смятение и переполох [4, с. 306].

Как и предшествующие авторы, исследователь обратил внимание на деятельность М.Н. Каткова. В качестве главной причины антигерманской агитации Манфред называл экономические интересы российской буржуазии, подчёркивая при этом неоднозначную роль подобной деятельности Каткова. С одной стороны, выступления Каткова имели определённое значение, его голос был авторитетом «для протекционистских и реакционно-националистических кругов вообще, в силу этого к нему прислушивался и царь» [4, с. 393]. С другой стороны, его агитация против Германии и за сближение с Францией не определяла политики правительства. В итоге, по мнению Манфреда, подобные выступления были одним из элементов, оказавших влияние на внешнюю политику. Рассмотрел историк и позицию других периодических изданий, большинство из которых поддерживали позицию Каткова, однако в них существовали некоторые разночтения. С одной стороны, газеты «Новости», «Русские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости» выступали за союз с Францией, так как, по их мнению, Союз трёх императоров исчерпал себя. Другая часть изданий, позицию которой выражал «Вестник Европы», выступала за сохранение сотрудничества как с Францией (без намёков на союз), так и с Германией. В первом случае, по мне-

нию Манфреда, главной причиной была симпатия к буржуазному республиканизму, во втором – антипротекционистская позиция издания [4, с. 388–390]. Позднее иную точку зрения займёт В.М. Хевролина, которая показала, что все либеральные издания выступали за свободу торговли и все, в том числе и «Вестник Европы», сочувствовали республиканизму. Хевролина пришла к выводу, что главной причиной позиции «Вестника Европы» стала боязнь франко-германской войны [15, с. 263].

Таким образом, на втором этапе изучения российско-французских отношений большинство работ было сконцентрировано на дипломатической составляющей сближения двух стран. Общественное мнение рассматривалось попутно с основной внешнеполитической канвой. Отметим широкое использование периодической печати как одного из важнейших источников. Как и в предшествующий период, исследователей привлекала борьба М.Н. Каткова за смену внешнеполитической ориентации страны в 80-е гг. XIX в.

Главной особенностью третьего историографического этапа, начавшегося в середине 1950-х гг., явилось появление специальных исследований, посвящённых различным аспектам сближения России и Франции, в том числе и проблеме интерпретации внешней политики страны через призму общественного мнения.

Появляются первые работы, посвящённые восприятию российским обществом итогов франко-прусской войны. В конце 70-х г. XX в. с разницей в год выходят монографии С.В. Оболенской [6] и Л.М. Шнеерсона. Оба автора сходятся во мнении, что успехи прусской армии вызвали волну беспокойства в российском общественном мнении. Подобная позиция общества резко контрастировала с мнением правящих кругов и лично Александра II. С.В. Оболенская показала различия в позициях общества и правительства: почти всё русское общество, включая и крайне правые круги, находилось в оппозиции царскому курсу [6, с. 63]. К теме отношения российского общества к франко-прусской войне обращаются и современные исследователи. Так, А.В. Ладыгин отметил ведущую роль периодических изданий в деле внедрения пропагандистских штампов в массовое сознание: «При формировании штампов-образов в отношении Франции и Германии господствующим были рациональные мотивы, основанные на утверждении примата национальных интересов России» [3, с. 151]. Отечественные издания, по его мнению, уже в это время активизировали свои усилия в попытках влиять на выработку внешнеполитического курса страны.

В связи с распадом СССР произошёл отход от марксистско-ленинской методологии, что привело к новому подходу в изучении темы. Как следствие этого процесса – большее внимание стало уделяться социальному восприятию внешней политики

и дипломатии. Показательным является проведение весной 1994 г. в Москве международного коллоквиума, посвященного 100-летию российско-французского союза. Если в первый день работы коллоквиума в основном обсуждали истоки и природу российско-французского союза, то во второй день заседания рассматривали проблемы отношения общественного мнения к союзу двух стран [7, с. 374]. Особый интерес представляет доклад С.В. Оболенской, в котором сделан вывод о том, что общественное мнение «сыграло немалую роль в воспитании в России дружеских чувств к Франции и французском народу» [6, с. 170]. При этом эволюция отношения к Франции, по мнению историка, протекала по-разному в либерально-демократическом и придворно-правительственном лагерях Российской империи.

Интерес в исторической науке стали вызвать специфические виды источников, на которые ранее исследователи не обращали внимания. Оживлённый интерес на коллоквиуме вызвало выступление И.С. Рыбачёнок с темой «Русско-французский союз в тостях». Внимательно изучив официальные контакты между Россией и Францией, она обосновала необходимость привлечения в арсенал историка международных отношений и истории дипломатии принципиально новых источников. Схожую точку зрения отстаивал Ю.В. Басенко, по мнению которого подобные источники ценны не только тем, что содержат событийную канву, но и передают атмосферу дружелюбия, царившую в то время [1, с. 180]. Ещё один специфический тип источников, на который обратила внимания И.С. Рыбачёнок, была карикатура: «Для историка, изучающего международные отношения, карикатура интересна тем, что, являясь “жаргоном улиц” и злобой дня, самым ярким образом отображает массовое сознание» [10, с. 235].

Знаковым событием стал выход в 1999 г. монографии В.М. Хевролиной «Власть и общество. Борьба России по вопросам внешней политики. 1878–1894 гг.» [15], в которой впервые была предпринята попытка проанализировать внешнеполитическую мысль общества последней четверти XIX в. Особое место в исследовании уделено российско-французским отношениям. Характеризуя роль общества в обсуждении внешней политики, автор выразила точку зрения, схожую с мнением, высказанным ещё С.С. Татищевым. По большому счёту, русское общество ещё не было готово оказывать серьёзное влияние на политику правительства, но настрой и психология общества имели значение, и правительство вынуждено было с ними считаться [15, с. 313]. В.М. Хевролина подробно рассмотрела внешнеполитические взгляды М.Н. Каткова. Продолжая традицию дореволюционной историографии, она подчеркнула его непостоянство [15, с. 27]. Причины подобной метаморфозы она ви-

дит не в экономических осложнениях между Россией и Германией, а в восточном кризисе. Союз же с Францией, по Каткову, способствовал укреплению положения России в Европе. Говоря о значении агитации, Хевролина отдаёт должное публицисту, который, несмотря на поражение в борьбе за переориентацию внешнеполитического курса, стал выразителем мнения значительной части российского общества [15, с. 40].

В целом касаясь общественного мнения, автор приходит к выводу, что либеральная часть общества была более сдержанной в отношении российско-французского союза. Если для консерваторов Франция была противовесом Германии в Европе, то для либералов Франция оставалось страной европейского прогресса [16, с. 49]. Подобную мысль высказывал ещё А.З. Манфред. Однако Хевролина обратила внимание на то, что часть либералов подвергала критике французскую парламентскую систему, а уже позднее беспокойство у либералов вызывала финансовая зависимость России от Франции. В итоге историк приходит к интересному выводу: либеральный лагерь во второй половине XIX в. не выдвинул самостоятельной внешнеполитической программы, а в основном поддерживал правительственную политику, возражая только против отдельных крайностей [15, с. 332–333].

В настоящее время тема российско-французского сближения продолжает привлекать внимание профессиональных историков, на что указывают ряд диссертаций (Д.С. Брыков, Е.Г. Костриков и др.). Важнейшая тенденция современной исторической науки связана с изучением этнического самосознания российского общества, формирования образов «своего» и «чужого» в рамках имагологии и военно-исторической антропологии.

Таким образом, в отечественной историографии получили отражение следующие аспекты роли общественного мнения в становлении русско-французского союза: противостояние власти и общества по вопросам внешней политики; роль отечественного общественного мнения в переориентации внешней политики; взаимосвязь внешнеполитических событий и реакции общества. Тема взаимосвязи внешней политики и общественного мнения рассматривалась на различных этапах изучения по-разному: если до середины 1950-х гг. вопрос поднимался попутно с основными внешнеполитическими событиями, то уже позднее (особенно в последние десятилетия) появились специальные исследования, посвящённые реакции общественного мнения (в частности, прессы) на те или иные внешнеполитические события, в том числе на переориентацию российской внешней политики в последней четверти XIX в. Тем не менее в рассматриваемой теме остаётся немало нерешённых проблем, важнейшая из которых – дальнейшая эволюция взглядов общества на франко-русский

союз под влиянием дела Дрейфуса, Русско-японской войны и Первой российской революции.

Библиографический список

1. *Басенко Ю.В.* К истории визита русской эскадры во Францию в 1893 г. // Россия и Франция. XVIII–XX века. – М.: Наука, 1995. – Вып. 1. – С. 178–195.
2. *Катков М.Н.* Собрания передовых статей Московских ведомостей. 1870 год. – М.: Типография Б.Н. Чичерина, 1897. – 812 с.
3. *Ладыгин А.В.* Отношение к странам-участницам франко-прусской войны в русской публицистике // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. – 2009. – № 2. – С. 144–152.
4. *Манфред А.З.* Внешняя политика Франции 1871–1891. – М.: АН СССР, 1952. – 587 с.
5. *Неведенский С.* Катков и его время. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1888. – 582 с.
6. *Оболенская С.В.* Русско-французский союз и русское общество // Россия и Франция. XVIII–XX века. – М.: Наука, 1998. – Вып. 2. – С. 165–171.
7. *Петров П.* Коллоквиум «Новый взгляд на русско-французский союз 1891–1893 гг.» // Новая и новейшая история. – 1994. – № 4/5. – С. 374–375.
8. *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. – М.: Красная новь, 1923. – 392 с.
9. *Рыбачёнок И.С.* Русско-французский союз конца XIX века в политической карикатуре // Россия и Франция. XVIII–XX века. – Вып. 7. – С. 213–235.
10. *Рыбачёнок И.С.* Русско-французский союз: сто лет изучения // Россия и Франция. XVIII–XX века. – 1995. – Вып. 1. – С. 128–151.
11. *Сементковский Р.И.* М.Н. Катков его жизнь и публицистическая деятельность. – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1891. – 82 с.
12. *Тарле Е.В.* Сочинения / под ред. А.С. Ерусалимского. – М.: Академия наук СССР, 1961. – Т. 11. – 883 с.
13. *Татищев С.С.* Дипломатические беседы о внешней политике России: Год второй. 1890. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1898. – 175 с.
14. *Хвостов В.М.* Проблемы истории внешней политики России и международных отношений. – М.: Наука, 1977. – 402 с.
15. *Хевролина В.М.* Власть и общество. Борьба России по вопросам внешней политики. 1878–1894 гг. – М.: Институт российской истории РАН, 1999. – 316 с.
16. *Хевролина В.М.* Внешнеполитическая концепция российского либерализма в конце XIX века // Вопросы истории. – 1997. – № 10. – С. 34–50.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ПРОВИНЦИИ (на материалах Костромской губернии)

В статье на основе материалов периодической печати различных политических направлений и других источников проанализирован ход революционных событий 1917 г. в Костромской губернии. Показаны противоречивые процессы обновления общества в провинции, различные формы патриотической и антивоенной активности масс. Рассмотрена деятельность широкого спектра политических партий от кадетов до большевиков, преследовавших зачастую противоположные цели. Выявляется реакция общества на революционный процесс.

Ключевые слова: революция, провинция, большевики, меньшевики, эсеры, кадеты, Костромской Объединенный Комитет Общественной безопасности, Костромской Совет рабочих депутатов, Костромской Совет военных депутатов, Учредительное собрание.

2017 – год столетия Русской революции, события, решительным образом перевернувшего историю страны и отразившегося на судьбах нескольких поколений наших соотечественников. Между тем, при всем разнообразии поднятых проблем, многие стороны революционных событий остаются не изученными, а уже исследованные события, в связи с публикацией в постсоветской России важных свидетельств, нуждаются в переоценке. Ряд утверждений, в частности о руководящей роли большевиков в событиях Февральской революции, и вовсе не прошли проверку временем по причине пребывания руководства партии либо в эмиграции, либо в ссылке в Сибири.

Актуальность статьи связана не только с обращением в юбилейный год к событиям вековой давности, но и с тем, что при всей исчерпанности революционного потенциала, мы все чувствуем определенную тревогу за будущее России в условиях далеко не мирного окружения нашей страны. Революция – это инструмент не столько внешнего влияния, сколько внутренних процессов и состояния российского общества. В современной учебной литературе мы наблюдаем очень ограниченное обращение к теме революции, что во многом является причиной смутного понимания в обществе сути и причин революционных потрясений в России в 1917 году. Все это позволило сформулировать ряд вопросов, на которые искал ответ автор: 1) Что являла собой революция 1917 года в России и каковы ее причины? 2) Какими были движущие силы революционного процесса от Февраля к Октябрю? 3) В чем состояла специфика проявления революции 1917 года в Костромской провинции?

При рассуждениях о революции 1917 года в России, фокус общественного внимания, как правило, оказывается сосредоточенным на октябрьских событиях, большевистском перевороте. Но главная причина всех потрясений лежит в событиях февраля – начала марта 1917 года, больше известных как Февральская революция. Она была социальным ураганом, разрушившим традиционное российское общество. В каких-то частях революция была

мгновенной (отречение 2 марта 1917 года царя Николая II от престола) в каких-то постепенной. Так, постепенно, особенно в провинции, разрушалась важнейшая опора государства – старая армия, падало значение органов местного самоуправления – городских дум и земств, а им на смену приходили Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Постепенно в 1917 году уходил, как инструмент развития экономики, всероссийский рынок. Падало в стране значение денег, а вместо них приходило нормированное распределение продуктов, предметов массового спроса и т.д. Тем не менее, вне всякого сомнения, первопричиной Русской революции стало отречение Николая II от престола. Это вполне естественно поднимает вопрос о тех силах, которые заставили отречься последнего русского императора. Ответ на поставленный вопрос позволит уточнить и вопрос о движущих силах переворота, ставшего роковым в судьбе страны в последующее время.

Отвечая на вопрос о движущих силах, необходимо прямо указать, что это была политическая элита России периода Первой Мировой войны – руководство либералов во главе с председателем Государственной думы М.В. Родзянко, лидером кадетов П.Н. Милюковым, руководителем Центрального Военно-Промышленного Комитета А.И. Гучковым, один из руководителей Объединенного комитета Земско-Городского союза (Земгор) князь Г.Е. Львов. Вместе с тем объединяющим центром разнородных политических партий и сил стало русское политическое масонство в лице своих руководителей – А.Ф. Керенского и Н.Д. Соколова. Но ключевым событием, предопределившим крах самодержавия в условиях тяжелейшей войны, стало требование отречься от престола к царю Николаю II со стороны командования Русской армии: генералов М.В. Алексеева, Н.А. Рузского, А.Е. Эверта, А.А. Брусилова, В.В. Сахарова, адмиралов А.И. Непенина и А.В. Колчака. Об измене в верхах в роковых событиях Февральского 1917 г. переворота свидетельствует переписка между начальником штаба при Ставке Русской армии гене-

ралом Алексеевым и председателем Государственной Думы Родзянко, вступивших в сговор с целью добиться отречения императора Николая II.

1 марта 1917 г. в телеграмме на имя командующих фронтов, а также Балтийского и Черноморского флотов председатель Государственной думы М.В. Родзянко сообщил, что «Временный комитет членов Государственной Думы <...> нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка» [1, с. 180]. Начальник штаба генерал Алексеев, информируя телеграммой командующих фронтами о пребывании царя во Пскове, заявил, что «войну можно продолжить лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от Престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича». Генерал Алексеев просил командующих фронтами в случае согласия с этим «телеграфировать весьма спешно верноподданническую просьбу Его величеству». В результате все командующие фронтами: великий князь Николай Николаевич, генералы Алексеев, Рузский, Эверт, Брусилов, Сахаров, адмиралы Непенин и Колчак, «изменив воинской чести и долгу присяги, поставили царя в необходимость отречься от престола...» [1, с. 180–181]. Таким образом, ближайшими помощниками Николая II была разрушена старая власть.

С первых дней образования новая власть, получившая название Временного Правительства, состоявшего из депутатов Думы и оппозиционно-революционных партий, реальных рычагов влияния не имела. Одновременно со Временным Правительством появился Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, пользовавшийся реальной поддержкой народных масс. 1 марта 1917 г. Совет издал приказ № 1 (авторство которого приписывают масону Н.Д. Соколову), подчинив себе все выступления воинских частей и фактически отменив единоначалие в армии. В условиях продолжавшейся мировой войны это означало быстрое крушение армии. Все последующие попытки генералов М.В. Алексеева, А.А. Брусилова, Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина противостоять демократизации и крушению армии ни к чему не привели.

Показательным и во многом повторявшим ситуацию в Петрограде, но в то же время имевшим и свою специфику, имело место развитие событий с марта по февраль 1917 г. в Костромской провинции [19]. После получения известий об отречении царя от престола, 3 марта в Костроме был арестован губернатор И.В. Хозиков.

В этот же день рано утром 88 и 202 полки, расквартированные в Костроме, прошли с музыкой по улицам города. На состоявшемся митинге у городской думы с балкона выступил городской голова В.А. Шевалдышев. Он огласил телеграмму Родзянко о свержении и аресте старого правительства и назначении Временного Комитета Государствен-

ной Думы, обратился с приветствием к собравшимся и призвал поддержать новое правительство. К демонстрации присоединились рабочие и граждане. Рабочие постановили прекратить на весь день работу на заводах и превратить его в праздник революции, а в ближайшее воскресенье – работать. В 10 часов утра процессия во главе с членами Совета рабочих депутатов двинулась по Русинной улице к тюрьме и торжественно освободила политических заключенных.

С первых дней революции у всех костромичей большим авторитетом пользовался Совет рабочих депутатов. По вопросу формирования руководящего органа – Костромского Объединенного Комитета Общественной безопасности (КОБ) – мнение Совета стало решающим. На его заседании 2 марта было отклонено предложение земства о половине мест в КОБ. По предложению Совета было решено его сформировать на основе равного представительства по 1/3 от рабочих, 1/3 от крестьян и 1/3 города и земств. В его состав также вошли военные [18, с. 43–45]. Таким образом, либеральная буржуазия уступила инициативу в руководстве революционной демократии, то есть представителям большевиков, меньшевиков и эсеров. Этот местный «триумvirат» сохранил руководящее положение фактически до конца 1917 года. Создавшееся положение объясняется тем, что в руководстве земства и думы были в основном представители «цензовых» слоев, то есть эти органы были сформированы еще в дореволюционное время и выбраны по старым сословным правилам. В то время как революционеры считали себя представителями народа, который направил их в формируемые новые революционные органы. Все они представляли в основном «третий» земский элемент, то есть были служащими местных самоуправлений. Тем не менее, власть, образовавшаяся в губернии, была достаточно устойчивой, так как в губернский КОБ вошли руководители наиболее влиятельных в условиях революции организаций и слоев в губернии: Совета рабочих депутатов, губернского Совета крестьянских депутатов и армии.

Дружное выступление основных общественно-политических организаций позволило быстро восстановить жизнь в городе. 4 марта к рабочим с призывом приступить к работе обратился Совет рабочих депутатов. 6 марта возобновились занятия в учебных заведениях города.

К активной работе с населением города и губернии приступили революционные партии. Эсеры сосредоточили свое внимание вокруг организации губернского Совета крестьянских депутатов. В своем постановлении 12 марта Совет крестьянских депутатов отстранил от должности всех земских начальников и призвал население готовиться к выборам в Учредительное собрание, переизбрать волостные комитеты, старост и судей [7]. Усилия

по объединению различных слоев рабочих вокруг партийных ячеек предпринимает и РСДРП. В марте большевики и меньшевики Костромы выступали фактически с единых позиций. 5 марта на заседании Совета рабочих депутатов было принято решение об избрании комиссии по организации профсоюзов, а из состава депутатов Совета от каждой фабрики образовать фабричный комитет. В это время эсеры и социал-демократы сотрудничали с либералами. Отражением этой тактики стало постановление исполнительного комитета Совета о том, что фабричные комитеты являются проводниками в рабочую массу всех постановлений КОБ. Таким образом, по многим вопросам создания власти организации всех политических сил весной 1917 г. действовали с единых позиций, старались достигнуть компромисса, что фактически свидетельствовало об отсутствии двоевластия в Костроме и губернии.

Важную роль в провинции играл вопрос взаимодействия с армией. Постановлением военной комиссии при КОБ во всех ротах и частях Костромы были избраны выборные представители от нижних чинов. Избирались также ротные комитеты, в которые наряду с солдатами входили офицеры, врачи, военные чиновники. Запрещалось грубое обращение офицеров к солдатам. Вместе с тем, военная комиссия, которая руководствовалась приказом № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, опустила наиболее революционные пункты документа о подчинении всех выступлений армии только Советам рабочих депутатов. В результате согласия в КОБ умеренным силам удалось образовать Совет военных депутатов и избежать руководящего влияния в это время одной силы на армию [8]. Тем не менее, в апреле предпринимаются попытки усиления влияния большевиков на местный воинский гарнизон. Было принято решение организовать социал-демократические ячейки на фабриках, заводах и в мастерских, где имелось не менее 9 членов партии. Политика большевиков получила тактическое обоснование в апреле 1917 г. со стороны руководства партии. Был выдвинут лозунг «Вся власть Советам!», содержание которого означало борьбу за власть через обретение партийного большинства в Советах и объявление их единственным государственным институтом. На состоявшихся 16 мая перевыборах Совета рабочих депутатов большевики получили 75% депутатских мандатов [6, с. 51].

Важную роль в дальнейшей судьбе организаций играла тактика партий по отношению к политическим событиям в России и представление о собственном месте в общественной жизни. Ближайшими политическими задачами партия кадетов провозгласила доведение войны до полной победы, а также избрание законного Учредительного собрания. В то же время в стремлении кадетов

оставить прежние и новые государственные институты внепартийными просматривается определенный идеализм. Это привело к тому, что партийные кадры, направлявшиеся на работу в государственные и общественные учреждения, занимались разрешением общих государственных проблем и практически не вели партийную агитацию. Тем не менее, в Костромской губернии опорой кадетов становятся средние городские слои – владельцы недвижимости, домов и квартир, служащие государственных и общественных учреждений, предприниматели и купцы, помещики, патриотически настроенные военные. Вместе с тем, тактика кадетов на продолжение войны до победы отталкивала от них рядовых солдат частей, расквартированных в Костроме. Показательна в этой связи реакция на выборах Городской Думы в Костроме такой важной группы, как солдаты. 25 июня, в день выборов, на страницах большевистской газеты «Северный рабочий» появилось «Письмо солдата» с резким протестом против тактики кадетов в поддержку наступления Русской армии на фронте, содержащее призыв не голосовать за их список на выборах [13].

Как показывают факты, важную роль в судьбе партий в провинции играло отношение к войне. В этом плане идет борьба «патриотической» линии большинства партийных лидеров Костромской губернии (кадетов, эсеров и меньшевиков) с «антивоенной», которую первоначально в неявной форме выражали лидеры местных большевиков. Интересно, что весной 1917 г. все представители, начиная с кадетов, а также революционной демократии, включая местных большевиков, выступали в защиту отечества. В мотивах для кадетов важное место занимала война в целом, союзнический долг России и в этой связи оправданное стремление к укреплению армии, дисциплины, единение всей революционной демократии и отказ от классовой борьбы. Так, на митинге 18 апреля (1 мая) по случаю празднования дня международной солидарности трудящихся, лидер костромских кадетов Н.А. Огородников призвал отказаться от классовой борьбы и найти формы объединения демократических сил. В ответ на выступление одного из лидеров большевиков Н.П. Растопчина о компании в буржуазной прессе против 8 часового рабочего дня, Н.А. Огородников заявил, что «партия не против 8 часового рабочего дня, но ввиду переживаемых Россией событий... признает несвоевременность его введения» [10]. В ответном слове Н.П. Растопчин призвал считать классовую борьбу фактом: «Как не стремитесь к внеклассовым объединениям, ни к чему это не приведет». Идеологическое противостояние для большевиков было выше классового мира даже в условиях продолжавшейся войны. Тем не менее, в это время лидеры костромских большевиков вместе с другими партиями участвуют в совместных действиях в поддержку армии. 5 мая на

митинге по случаю проводов на фронт маршевых рот вместе с другими ораторами выступил большевик Сафонов (П.А. Бляхин) и призвал солдат твердо стоять на фронте, помня, что дезорганизация армии может погубить свободу.

В то же время мощным деструктивным фактором становятся антивоенные настроения, связанные с постепенным падением дисциплины в армии. Как уже говорилось, военные власти Костромы пытались противостоять разлагающему влиянию приказа № 1 Петербургского Совета рабочих и солдатских депутатов, подрывавшего дисциплину в расквартированных в губернском центре полках. 7 марта начальник Костромского гарнизона полковник Б.Н. Владычек издал приказ, в котором призвал сплотиться в единую дружную семью офицеров и солдат «для победы над германцами» [12]. В этом отношении военным властям определенную помощь на первых порах оказывали и новые революционные власти. Тем не менее, уже в марте до Костромы доходят сведения о «демократизации» русской армии и появляются первые признаки разложения – дезертиры. В попытках противостоять этому 29 марта проходит объединенное заседание Совета рабочих депутатов, исполкома Совета крестьянских депутатов и военной комиссии КОБ и по вопросу борьбы с дезертирством, в результате которого принимается решение отправлять пойманных дезертиров на фронт. Однако эти же организации неделей раньше (23 марта) поддержали манифест Петроградского Совета «К народам всего мира» с призывом быстрее закончить войну [9]. Все это свидетельствует о проникновении в провинцию антивоенных настроений, которые разлагающе действуют на армию. Постепенно усиливают свое влияние на армию большевики, принявшие 30 апреля решение о создании военной организации, «состоящей из ячеек всех рот» [11].

В связи с июльским правительственным кризисом и вооруженными столкновениями в Петрограде 6 июля общее собрание 202 полка «единственным выходом из создавшегося правительственного кризиса» видит в передаче «всей власти в руки революционной демократии в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...» [14]. Сильный резонанс в Костроме получил факт созыва в Москве Государственного совещания. 12 августа, в день открытия совещания, рабочие Костромы прекратили работы. В 4 часа дня на площади у Городской Думы начался организованный большевиками митинг, на который явились с красными флагами и плакатами «Долой контрреволюционное Московское совещание», «Вся власть – Советам!» солдаты 202 запасного пехотного полка и оставшиеся после отправки на фронт часть 88 полка с оркестром музыки, но без офицеров. Ораторы большевиков выразили протест против Государственного совещания, отметив, что боль-

шая часть участников являлись представителями буржуазной «клики», что они не выражают волю народа [18, с. 142–143]. Состоявшееся вскоре социал-демократическое собрание 202 полка, учитывая, что руководство Совета Военных Депутатов не участвовало в этой демонстрации, а сам Совет формировался из сословного представительства, то есть от офицеров и солдат и был не в состоянии «выполнять возложенные на него задачи», решило переизбрать членов Совета солдатских депутатов на общих основаниях. Было принято также решение избрать единый исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов [15]. Таким образом, умеренная часть военных, главным образом состоявшая из офицеров, отстранялась от деятельности в Совете, а сам представительный орган сменил название с «военного» на «солдатский».

Начавшийся 25 августа корниловский мятеж еще более укрепил авторитет большевиков среди рабочих и солдат Костромы. Состоявшееся 28 августа заседание исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов призвало «всеми силами вплоть до организации вооруженной борьбы защищать Родину и Революцию против контрреволюционного выступления Корнилова», опорой в этой борьбе должны стать «силы революционной демократии, сплоченные вокруг Советов» [16]. У руководства Советов окончательно закрепляются большевики. Этому способствовал и лично А.Ф. Керенский, полностью реабилитировавший большевиков в стремлении удержать власть в ходе мятежа. Были созданы революционные комитеты, получившие полномочия контролировать начальников гарнизона и перемещение частей [2]. Незадолго до Октябрьской революции, 16 октября, общее собрание солдат 202 полка постановило: «Органы власти должны быть организованы на основе программы социал-демократов большевиков и интернационалистов, как единственных выразителей воли народа... Требуем немедленной передачи всей власти Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и если потребуется поддержка, то мы, солдаты 202 пехотного запасного полка, встанем до последнего солдата под ружье» [17].

Значимости солдат местного гарнизона способствует рост преступности и серия погромов, прокатившихся по разным местам Костромской губернии. На состоявшемся по этому поводу заседании солдатской секции Совета решено выделить из 88 и 202 пехотных полков группу солдат и присоединить к ним дружину, а все действия координировать с деятельностью Советов. Начальником был избран один из руководителей большевиков С.С. Данилов. 26 октября в связи с революцией в Петрограде на созванном общем собрании исполнительных комитетов Советов, полковых и ротных комитетов, Центрального Совета профсоюзов было констатирова-

но, что определенных сведений об исходе борьбы нет. В этой связи выступившие ораторы-большевики отметили, что «в Костроме вопрос о власти не является таким сложным, так как фактически власть до сих пор находилась почти целиком в руках Советов». Большевики предложили собранию признать необходимым переход власти к Советам, подчинить им комитет общественной безопасности и всю воинскую силу. Советами были назначены комиссары на вокзал, телефон, телеграф и фабрики. Большевик Н.П. Растопчин предложил поднять знамя «Вся власть – Советам!». Попытавшихся возразить против захвата власти Советами эсеров лишили слова. Состоявшиеся в середине ноября выборы в Учредительное Собрание в целом по Костромской губернии выявили победу эсеров, получивших 45% голосов явившихся избирателей, в то время как большевики получают 41%. В то же время в промышленных уездах и городах губернии, в том числе и Костроме уверенно победили большевики.

Таким образом, начиная с марта, революция проникает в Костромскую губернию, происходит формирование органов власти. В целом властными органами в Костроме выступали Комитет общественной безопасности и Советы. Позднее на коллективной основе действует комиссариат Временного Правительства. Уже в марте инициативу на проведение нововведений в жизнь костромичей и, прежде всего, переход предприятий города на 8 часовую рабочий день берет на себя Совет рабочих депутатов. С первых дней революции в городе появляются организации основных партий России. Представители большевиков, меньшевиков и эсеров действуют в это время с общих позиций, образуя так называемую «революционную демократию». В то же время кадеты, имевшие в своих рядах представителей старой управленческой элиты, ими игнорируются. Объединяющим началом для революционных партий было народничество, то есть не только преклонение перед трудящимися массами, главным образом рабочими и крестьянами, но и опора на их голоса в процессе перевыборов местных самоуправлений – дум и земств. Причем за демократические выборы ратуют в основном эсеры и меньшевики. Но дальше идут большевики, считавшие, что народ должен для защиты интересов иметь и свои органы власти в лице Советов. Такой орган власти был создан и в среде военных. В последующие месяцы, с апреля по август, эсеры и меньшевики связывают себя обязательствами и входят не только во Временное правительство, но и занимают руководящие посты в думе г. Костромы, а также комиссара Временного правительства по Костромской губернии. Провал июньского наступления русской армии, майский, июльский и августовский кризисы во Временном правительстве подорвали их влияние в глазах солдат и рабочих.

В то же время большевики поднимают свой авторитет последовательным протестом и организационной работой. В августе они создают единые исполнительные органы Советов рабочих и солдатских депутатов Костромы. В ходе корниловского мятежа растет авторитет Советов и большевиков. Этому способствует и центральная власть, стремившаяся опереться на Советы в противодействии генералу Л.Г. Корнилову. Значение армии в Костромской провинции усиливается и по причине роста преступности и погромного движения. Закономерным итогом этого процесса и стала победа большевиков в ходе Октябрьской революции 1917 года и последующие действия по созданию Советского государства на новых, классовых основах. В то же время отступление от демократии, последующий разгон Учредительного Собрания стал поводом к гражданской войне большевиков и противостоящих им революционеров – в основном эсеров и кадетов.

Библиографический список

1. *Воейков В.Н.* С царем и без царя. – М.: Воениздат, 1995. – 431 с.
2. Государственный архив Костромской области (ГАКО). – Ф. 1288. – Оп. 1. – Д. 49. – Лл. 25–28.
3. ГАРФ. – Ф. 1789. – Оп. 1. – Д. 157. – Л. 3.
4. *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль-сентябрь 1917. – М.: Наука, 1991.
5. Дневники императора Николая II. 1868–1918. – М.: Орбита, 1991. – 736 с.
6. За власть Советов: хроника революционных событий в Костромской губернии. Февраль 1917 – март 1918. – Ярославль: Верхневолжское книжное издательство, 1967.
7. Известия Костромского губернского комитета общественной безопасности. – 1917. – 12 марта. – №8.
8. Известия Костромского Совета рабочих депутатов. – 1917. – 13 мая.
9. Известия Костромского Совета рабочих депутатов. – 1917. – 25 марта.
10. Известия Костромского Совета рабочих и военных депутатов. – 1917. – 22 апреля.
11. Известия Костромского Совета рабочих и военных депутатов. – 1917. – 4 мая.
12. Поволжский Вестник. – 1917. – 19 марта
13. Северный рабочий. – 1917. – 25 июня.
14. Северный рабочий. – 1917. – 7 июля.
15. Северный рабочий. – 1917. – 20 августа.
16. Северный рабочий. – 1917. – 3 сентября.
17. Северный рабочий. – 1917. – 18 октября.
18. Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии: сб. документов. – Кострома: Костромское книжное издательство, 1957.
19. Хроника 1917 года в Костроме / автор и составитель А.М. Белов. Кострома: Костромской государственный университет, 2017. – 144 с.

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ НА ОСВОЕНИИ ЦЕЛИННЫХ И ЗАЛЕЖНЫХ ЗЕМЕЛЬ РСФСР И КАЗАХСКОЙ ССР В 1954–1964 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ИВАНОВСКОЙ, КОСТРОМСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ): ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В статье рассматриваются различные оценки, данные исследователями проблеме массового освоения целинных и залежных земель на территории РСФСР и Казахской ССР в послевоенный период. В годы советской власти события целинной кампании излагались с идеологической позиции, после распада Советского Союза в среде авторов появились новые оценки аграрных преобразований 1950–60-х гг. Зарубежные ученые также рассматривали советский опыт в области освоения новых земель, мнения их представлены и описаны в данной статье. Более чем 60-летний период изучения кампании по освоению целины позволил исследователям накопить большой фактический материал, но проблема участия трудовых ресурсов Ивановской, Костромской и Ярославской областей в кампании по освоению целинных и залежных земель до сих пор остается актуальной.

Ключевые слова: целинные и залежные земли, историография, трудовые ресурсы, Иваново, Кострома, Ярославль.

Целинная кампания как объект исследования привлекала большое внимание не только отечественных, но и зарубежных ученых. Уже к двадцатилетию освоения целинных и залежных земель, по мнению исследователя С.Б. Баишева [4, с. 203], насчитывалось свыше полутора тысяч наименований различных трудов.

В отечественной историографии проблемы выделяются два периода: первый – советский (2-я половина 1950-х гг. – 1991 г.), второй – постсоветский (с 1992 г. по настоящее время).

В период правления Н.С. Хрущева по «горячим следам» были написаны различные брошюры и статьи учеными, практиками сельского хозяйства, партийными и советскими работниками. Первые работы были направлены на проведение идей КПСС в народные массы. К примеру, исследователь Г.Н. Фролов [46] говорил о том, что целинная кампания в короткие сроки позволит обеспечить более высокий уровень материального благосостояния колхозного крестьянства. Впоследствии начался процесс осмысления проблемы: стали появляться первые научные сборники [36], историографические обзоры [54].

На начальном этапе целинной кампании, в 1954 году, вышла работа Л.Ф. Геркулова [20], в которой была дана положительная оценка действий КПСС в решении зерновой проблемы способом распашки новых территорий. В 1955 году выходит исследование Ю. Чернышевой [49], в которой автор утверждает, что целинная кампания способна полностью удовлетворить потребности населения в хлебе и благодаря ей Советский Союз сможет оказывать помощь дружественным индустриальным странам, таким как Чехословакия и Германская Демократическая Республика, которые не могут производить достаточного количества зерна и вынуждены его импортировать.

После уборки целинного урожая в 1956 году, когда было собрано с новых земель Казахской ССР 1 миллиард 340 тысяч пудов хлеба [39], исследо-

ватели приходят к единому мнению, что целина оправдала вложенные в нее затраты. Впоследствии издается ряд работ, в которых уделяется особое внимание уборочной кампании 1956 года [5; 6; 31; 34; 38]. Кроме того, Л. Молчанова [33] отмечает вклад девушек в развитие целинных районов. В конце 1950-х годов выходит работа Ф.Д. Чащина [48], в которой исследователь говорит о том, что на освоение новых земель отправляли студентов из Москвы, Кишинёва, рабочих из Иванова, Шуи. Это одно из первых упоминаний в историографии об участии трудовых ресурсов Верхневолжского региона в целинной кампании. В работе З.А. Астаповича [3] приводятся сведения о дружеских контактах рабочих совхоза «Ярославский» Акмолинской области и посланцев Московской области, которые общими усилиями смогли организовать жилищно-бытовые условия в степях Казахской ССР.

В исследованиях 1960-х годов [24; 25] сравнивается быт целинников на первом этапе освоения новых земель и в последующие годы. В работах этого периода высказывается идея о том, что данная кампания являлась единственно верным решением руководства Советского государства. Одним из ярких примеров подобных идеологизированных изданий служит работа В.И. Куликова [27], в ней содержится критика зарубежных авторов, которые указывали на неэффективность массового освоения новых территорий.

Новые оценки целинной кампании звучали после октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 года и мартовского пленума 1965 года. Авторы указывали на ошибки, допущенные в сфере аграрных преобразований партийным руководством и лично Н.С. Хрущевым. В этот период выходит обобщающий труд М.С. Фазылова [44], в котором автор говорит о том, что к началу освоения новых земель Казахская ССР не имела мощной техники, а также заводов, которые могли бы ее производить. Имеющиеся в наличии тракторы были маломощными и не подходили для объемных сельскохозяйствен-

ных работ. Таким образом, руководство страны не обеспечило своевременно республику необходимой техникой. В работе содержится упоминание о добровольцах города Костромы и Костромской области, которые стали организаторами совхоза «Александровский». Более подробной информации об участии костромичей автор не предоставил, не обозначил он и географическое положение данного хозяйства.

В 1974 году выходит работа Д. Иванова [23], в которой автор отмечает, что особый вклад в развитие целинной кампании внесла молодежь Советского Союза. В работе В.И. Куликова [28] приводятся сведения о подвигах целинников, в том числе связанных с риском для жизни: группа трактористов совхоза «Ярославский» Акмолинской области попала в буран, их товарищи по хозяйству, проявив мужество, смогли вывести из снежного плена оказавшихся там рабочих.

В коллективной работе под руководством В.И. Гончарова [17] исследователи обратились к вопросу о развитии Центральной России. Они обратили внимание на проблемы региона, а именно указывали на его слабое экономическое состояние, связывая это с тем, что все силы государства были направлены на развитие районов, где осуществлялось массовое освоение целины. Авторы приводят данные об общей площади сельскохозяйственных угодий Нечерноземья: в 1977 году – 52 млн гектаров, из которых 32 млн гектаров – пашни. Тем самым исследователи говорят о необходимости развития этих земель, применяя опыт целинной кампании.

В 1978 году выходит в свет одна из трех книг мемуаров руководителя КПСС Л.И. Брежнева – «Целина» [7], в которой автор описывает свою работу на территории Казахской ССР, указывая, что кампания по освоению новых земель являлась величайшим событием в истории отечества. В 1979 году издана книга И.М. Волковой «Великий подвиг партии и народа – массовое освоение целинных и залежных земель» [14], в которой было заявлено, что целина стала яркой страницей созидательного труда советского народа. В книге говорится о том, что за период с 1954 по 1960 годы было поднято 42 млн гектаров целины и залежей. Работа выстроена в хронологическом порядке с присущей и другим работам советского периода идеологической установкой на проблему.

В 1980-е годы появляется исследование О.Н. Дронова, которое опирается на воспоминания участников целинной кампании [21]. Автор делает вывод о том, что целина послужила толчком для дальнейшего развития сельского хозяйства в стране. В работе приводится рассказ о том, как передовик целинного производства М. Довжик за несколько лет вывел на первые позиции по производству зерновых совхоз «Ярославский» Кийминского района Целиноградской области Казахской ССР.

Таким образом, стоит отметить, что в советский период авторы были ограничены в своих суждениях о целинной кампании по идеологическим причинам, но при этом был собран обширный фактический материал, издано большое количество трудов по проблеме. Во многих работах данного периода прослеживается мысль о том, что целина была необходима для экономического развития страны, иные точки зрения исследователи не рассматривали.

В процессе образования независимых государств складываются и новые подходы в изучении кампании по освоению новых земель. Появляются первые критические исследования, в частности работа А.Г. Маленкова, в которой говорится о том, что целинная кампания имела по своей сути разрушительные последствия для экономики Центральной России и обрекла Казахстан на экологическую катастрофу [30]. Исследователь О.В. Горбачев [18] выявляет взаимосвязь регионов Центральной России с районами, где осуществлялось массовое освоение новых земель, и приходит к выводу, что совхозы Центральной России были созданы по образцу целинных, но в отличие от североказахстанских местные хозяйства не получали должной финансовой поддержки государства.

Празднования 50-летнего юбилея начала освоения целинных и залежных земель способствовали появлению нового интереса у исследователей. Стоит выделить работу «Мир и хлеб: к 50-летию освоения целины» [32]. В ней приведены публикации специалистов сельского хозяйства, очевидцев тех событий. Был проведен анализ современного состояния целинных районов России. В этот период вышла работа [41], в которой были представлены фотоматериалы целинной кампании. Впоследствии исследователи обратились к изучению участия регионов в освоении новых земель. Историки [1; 26; 37] уделяют основное внимание местному партийному аппарату и пытаются проследить то, как была организована работа трудовых кадров. Продолжают появляться критические выступления в связи с освоением целины [50], констатирующие, что кампания не оправдала своих затрат. Одновременно исследователь А.А. Чичкин высказал предположения о том, что развал СССР был заложен именно с началом освоения новых земель. Историк А.Н. Мазур в своем труде [29] подчеркнул, что государство, осуществляя целинную кампанию, не оказало должной поддержки Центральной России, которая снабжала необходимыми ресурсами осваиваемые районы. В конечном итоге данный регион оказался экономически ослабленным.

Празднование 60-летнего юбилея с начала освоения целинных и залежных земель вновь привлекло внимание историков к проблеме [10; 35; 42; 43; 53]. На современном этапе в среде исследователей преобладает точка зрения, согласно ко-

торой целинная кампания была необходима для преодоления зернового кризиса в СССР, что она оправдала вложенные государством средства, способствовала появлению новых зерновых хозяйств, обеспечивших страну продовольствием.

Таким образом, в постсоветский период началось переосмысление целинной кампании. В это время стали появляться и критические работы, итоги освоения целинных земель были пересмотрены. Актуальными остаются вопросы, связанные с определением хронологических рамок кампании. На сегодняшний день нет единого ответа на вопрос о влиянии целинной кампании на социально-экономическое состояние Центральной России, а также других регионов страны.

Стоит отметить особый вклад в развитие изучения целинной кампании местных авторов. В советский период целую серию публикаций по истории освоения целины предпринял уроженец города Галича Костромской области Н.А. Верховский [11; 12]. Автор исследовал процесс освоения целинных земель, работая корреспондентом на территории Казахстана. В своих работах он пытается осмыслить опыт развития целинных районов Казахской ССР и рассуждает о возможном применении его на территории Нечерноземья. Верховский говорит о том, что жители Центральной России, к сожалению, имели узкое представление о целинной кампании, между тем полученные знания они могли бы применить для развития сельского хозяйства своего края.

А.В. Филиппов в своей работе [45] попытался установить хронологию этапов отправки ярославских студентов на целинные земли Казахской ССР и пришел к выводу, что за период с 1956 по 1958 годы на уборке целинного урожая в Актюбинской и Кустанайской областях побывали 4 800 комсомольцев из города Ярославля и области. В работе Л. Галкиной [16] публикуются материалы, фиксирующие пребывание посланцев ярославского завода «Красный Перекоп» в зерносовхозе «Ярославский» Актюбинской области Казахской ССР. Материалы, содержащие сведения об отправке на целинные земли жителей Ивановской области, были опубликованы в работе В.М. Бритова [8], в которой приводятся письма с целинных земель от добровольцев области своим землякам. В другой работе [9] этого же автора появляются сведения о семи зерносовхозах, основанных и укомплектованных посланцами Ивановской области, также приводятся фрагменты хроники отправки добровольцев на целинные земли. В 1990 году вышла работа В.Т. Анискова [2]. В ней были приведены новые данные, констатирующие, что за весь период массового освоения неиспользуемых земель в целинные районы по путевкам отправилось 6 600 ярославцев, которые стали организаторами совхозов «Северный», «Ярославский», «Талдысайский» Актюбинской области Казахской ССР и других хозяйств.

В начале 2000-х годов вышел ряд новых изданий по истории целины [13; 15; 40]. Авторы дают статистическую информацию о количестве направляемых работников, костромичей и ярославцев, в районы освоения новых земель, сообщают о достижениях в проделанной работе, приводят воспоминания об уборке целинного урожая студентами КТИ.

Исследователи Ивановской, Костромской и Ярославской областей в оценке целинной кампании склоняются к тому, что данные аграрные преобразования были необходимы стране в трудные послевоенные годы. Авторы подчеркивают значимость пребывания трудовых ресурсов Центральной России на освоении новых территорий, которые, по их мнению, внесли значимый вклад в развитие целинных районов страны.

Зарубежные авторы также обращались к изучению целинной кампании в СССР. Французский историк Ж. Шомбар де Лов [55] в своем труде указывал на то, что целинная кампания была единственным средством в борьбе за увеличение зерна в Советском Союзе. Исследователи Пьер и Мари Лавинь [56] акцентируют внимание на идеологической составляющей, авторы утверждают, что преобразованием колхозов в совхозы КПСС рассчитывала обеспечить господство социалистической собственности.

После распада Советского Союза исследования казахских авторов попадают в категорию зарубежной литературы. В своей работе А.Э. Городецкий [19] указывает на тот факт, что целинная кампания способствовала социальному развитию и экономическому укреплению сельских поселений республики. В исследовании А.А. Шокаевой [52] приводится информация о том, что Ярославская область снабжала необходимой техникой целинные районы Акмолинской области Казахской ССР.

Таким образом, более чем за шестидесятилетний период изучения целинной кампании историками была проделана значительная работа. Во-первых, собран большой фактически материал по истории целинной кампании, изданы монографии и коллективные труды различных исследователей, содержащие статистические данные, сведения о количестве участников целины. Во-вторых, обозначены регионы, которые снабжали трудовыми ресурсами новые осваиваемые территории, приводились воспоминания современников, описавших повседневную жизнь целинников. В-третьих, советские авторы уделяли особое внимание роли КПСС и ВЛКСМ в подъеме сельского хозяйства страны, подробно освещали работу партийных органов на местах. В-четвертых, в постсоветский период стали появляться исследования, которые рассматривали ход целинной кампании на региональном уровне.

Вместе с тем на сегодняшний день неизученными остаются вопросы, касающиеся темы освоения целины трудовыми ресурсами Центральной Рос-

сии. Во-первых, исследователи оставили открытым вопрос о хронологических рамках целинной кампании, не обозначили этапы отправки добровольцев на освоение новых земель. Во-вторых, нет точных данных об общем количестве рабочих, отправившихся в районы освоения целины из Нечерноземья. В-третьих, недостаточно изученным остаются вопросы, касающиеся темы быта и рабочего процесса целинников. В-четвертых, не определены итоги пребывания трудовых ресурсов Ивановской, Костромской и Ярославской областей в районах освоения новых земель. В целом на сегодняшний день нет обобщающего исследования, которое позволило бы подробно проследить ход целинной кампании на региональном уровне.

Библиографический список

1. *Андреев С.Н.* Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953–1954 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2007. – 307 с.
2. *Анисков В.Т.* Очерки истории Ярославской организации КПСС 1938–1965 гг. – Ярославль, 1990. – 219 с.
3. *Астапович З.А.* Некоторые проблемы истории советского общества (историография). – М.: Мысль, 1964. – 281 с.
4. *Баишев С.Б.* Социально-экономическое развитие Советского Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1979. – 372 с.
5. *Балашев Б.* 40 лет ВЛКСМ. – М.: Красное знамя, 1958. – 55 с.
6. *Брадле В.А., Белов А.И.* Там, где была целина. – М.: Политиздат, 1958. – 50 с.
7. *Брежнев Л.И.* Целина. – М.: Политиздат, 1978. – 200 с.
8. *Бритов В.М.* В бою и труде: сборник документов и материалов. – Ярославль: Верхн.-Волж. кн. изд-во, 1972. – 271 с.
9. *Бритов В.М.* Поступь юности. Очерки истории Ивановской областной организации ВЛКСМ (1918–1988 гг.). – Ярославль: Верхн.-Волж. кн. изд-во, 1988. – 356 с.
10. *Верещагин Т.Г.* 60 лет целинной эпопеи: этапы, значение // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15625> (дата обращения: 21.01.2017).
11. *Верховский Н.А.* Влага и урожай // Новый мир. – М.: Известия советов депутатов трудящихся СССР, 1966. – № 4. – С. 187–206.
12. *Верховский Н.А.* Златополье. – Алма-Ата: Жазушы, 1967. – 128 с.
13. *Волкова Е.Ю.* История стройотрядовского движения в Костромском государственном технологическом университете. 1965–2007 гг. – Кострома: КГТУ, 2008. – 103 с.
14. *Волкова И.М.* Великий подвиг партии и народа – массовое освоение целинных и залежных земель: сборник документов. – М.: Наука, 1979. – 420 с.
15. *Воронин Н.П.* Очерки истории высшей школы ярославского края. – Ярославль: Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 2003. – 383 с.
16. *Галкина Л.* Эстафета поколений: сборник документов и материалов. – Ярославль: Верхн.-Волж. кн. изд-во, 1965. – 260 с.
17. *Гончаров В.И.* Нечерноземная целина России. – М.: Просвещение, 1977. – 191 с.
18. *Горбачев О.В.* Миграция сельского населения Центрального Нечерноземья (1945–1985): дис. ... док. ист. наук. – М., 2003. – 472 с.
19. *Городецкий А.Э.* Социальное развитие села в Казахстане в 1954–1965 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1993. – 146 с.
20. *Грекулов Л.Ф.* Освоение новых земель – мощный резерв подъема сельского хозяйства. – М.: Знание, 1954. – 32 с.
21. *Дронов О.Н.* Великая степь. – М.: Политиздат, 1984. – 352 с.
22. *Ерегина Н.Т.* Ярославская мед академия: от истоков до наших дней. – Ярославль: Индиго, 2013. – 639 с.
23. *Иванов Д.* Славный путь ленинского комсомола. Т. 2. – М.: Молодая гвардия, 1974. – 727 с.
24. *Ильяшенко Ю.* Хлеб-соль. – Алма-Ата: Казгослитиздат, 1964. – 280 с.
25. *Капский В.А.* Борьба КПСС за новый подъем сельского хозяйства в 1953–1961 гг. – М.: Высшая школа, 1962. – 176 с.
26. *Кузнецова О.В.* Повседневная жизнь первоцелинников 1954–1965 гг. (на материалах Оренбургской области): дис. ... канд. ист. наук – Оренбург, 2008. – 278 с.
27. *Куликов В.И.* Буржуазная фальсификация роли КПСС в освоении целинных земель // Вопросы истории КПСС. – М., 1964. – № 5. – С. 119–126.
28. *Куликов В.И.* Целина – земля трудового подвига. – М.: Политиздат, 1976. – 100 с.
29. *Мазур А.Н.* Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX–XX в.). – Екатеринбург: Урал, 2012. – 471 с.
30. *Маленков А.Г.* О моем отце Георгии Маленкове. – М.: Техноэко, 1992. – 115 с.
31. *Месяцев Н.Н.* Ленинский комсомол. – М.: Молодая гвардия, 1958. – 403 с.
32. Мир и хлеб: к 50-летию освоения целины. – М.: Дружба народов, 2004. – 283 с.
33. *Молчанова Л.* Девочки, кто с нами? – Пермь: Пермское книжное издательство, 1958. – 114 с.
34. *Москатов П.Г.* Вместе с партией. – М.: Молодая гвардия, 1958. – 368 с.
35. *Мотревич В.П.* Целинная эпопея на Урале: К 60-летию начала массового освоения целинных и залежных земель в СССР // Архивный вестник Урала. – Екатеринбург, 2014. – № 2. – С. 52–55.

36. Партия – организатор крутого подъема сельского хозяйства: сборник документов. – М.: Госполитиздат, 1958. – 319 с.
37. Пахомова Е.В. Обеспечение районов освоения целинных и залежных земель трудовыми ресурсами в 1954–1956 гг.: На материалах Южного Урала: дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2007. – 249 с.
38. Петропавловская Л.Н. Славные традиции. – М.: Молодая гвардия, 1958. – 397 с.
39. Северная правда: газета. – 1956. – 14 октября.
40. Сидоренко Т.А. Костромская государственная сельскохозяйственная академия – 60 лет. – Кострома: Костромаиздат, 2009. – 192 с.
41. Славим землю: 50-летию начала освоения целинных и залежных земель посвящается: фото-книга. – М.: Московский писатель, 2004. – 283 с.
42. Соснин Е. Нужна ли была целина: К 60-летию освоения новых земель //Аграрное обозрение. – М., 2014. – № 3. – С. 60–65.
43. Татарникова М.Р. Освоение целинных и залежных земель в Иркутской области в 1950–1960-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2015. – 218 с.
44. Фазылов М.С. Освоение целины в Казахстане и его роль в укреплении дружбы народов (1954–1964 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1966. – 227 с.
45. Филиппов А.В. Ярославские студенты на целине // Из истории Ярославской комсомольской организации. – Ярославль: Трансжелдориздат, 1959. – Вып. 4. – С. 71–81.
46. Фролов Г.Н. Освоение целинных и залежных земель – большой резерв увеличения производства зерна. – М.: Сельское хозяйство, 1954. – 34 с.
47. Хрущев Н.С. О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель. – М.: Госполитиздат. – 50 с.
48. Чащин Ф.Д. 60 дней на целине. – М.: Молодая гвардия, 1957. – 109 с.
49. Чернышева Ю. На новых землях. – М.: Госполитиздат, 1955. – 190 с.
50. Чичкин А.А. Анатомия краха СССР Кто, когда и как разрушил великую державу. – М.: Вече, 2012. – 336 с.
51. Шереметьева Л.К. История ЯГПУ за 100 лет. – Ярославль: ЯГПУ, 2008. – 335 с.
52. Шокаева А.А. Подвиг с именем целина. – Астана: KazServicePrint LTD, 2014. – 283 с.
53. Шугай Л.Г. Целинники Казахстана: к вопросу о мотивации трудовой деятельности // Вестник Оренбургского государственного университета. – Оренбург, 2014. – № 2. – С. 170–173.
54. Юхнович Д.И. Некоторые вопросы истории освоения целинных и залежных земель в СССР // Некоторые проблемы истории советского общества. – М.: Мысль, 1964. – С. 115.
55. Chombart de J. Les paysans sovietiques. – Paris, 1961. – 137 p.
56. Lavigne P. et. M. Regards sur la constitution sovietique. – Paris, 1979. – 163 p.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЫ

Статья содержит описание структуры, организационных основ деятельности, прав и обязанностей центральных и местных органов политической цензуры, сформировавшихся в Советской России в период новой экономической политики и просуществовавших с незначительными изменениями вплоть до распада Советского Союза.

Автор характеризует кадровый состав центральных и местных контролирующих органов и некоторые проблемы в их работе, связанные с дублированием полномочий, некомпетентностью и отсутствием достойной оплаты труда цензоров, их частой сменяемостью, совмещением должностей цензора и руководителя подконтрольного зрелищного предприятия, нехваткой технического персонала и отсутствием единой формы отчетности.

В статье подчеркивается тотальный идеологический характер цензуры, ее полное подчинение партийным структурам, использование методов административного и судебного преследования.

Финансовая сторона деятельности органов цензуры анализируется на базе региональных архивных материалов Кубано-Черноморской области.

Ключевые слова: Главлит, Главрепетком, цензура, зрелищные предприятия, репертуар, цензурный сбор, идеология, контроль, Кубано-Черноморская область.

В Советской России всеобъемлющий контроль над информацией, идеями и художественными образами осуществлял цензурный отдел, учрежденный 6 июня 1922 г. при Народном комиссариате просвещения (Наркомпросе), получившем название Главного управления по делам литературы и издательства (в обиходе – Главлит). В условиях новой экономической политики, когда возникло большое число частных издательств, на него была возложена обязанность осуществлять предварительную цензуру всех публикаций и живописного материала и составлять списки запрещенной литературы, дабы пресечь издание и распространение произведений, содержащих агитацию против советской власти. Исполнение распоряжений Главлита поручалось Главному политическому управлению, преемнику ЧК [13, с. 359].

Одновременно был усилен контроль и над репертуаром многочисленных зрелищных предприятий, театральных и эстрадных коллективов. На смену разрозненно действующим репертуарным комиссиям пришла четко организованная система контроля. В феврале 1923 г. постановлением Совета народных комиссаров при Главлите учреждается комитет по контролю за репертуаром – Главный репертуарный комитет (Главрепетком). Созданный комитет состоял из трех членов: председателя, назначаемого Наркомпросом по Главлиту, и двух членов, из которых один назначался Наркомпросом по Главполитпросвету, а другой – Народным комиссариатом внутренних дел. Для обсуждения общих вопросов при комитете был предусмотрен совет из назначаемых ведомствами представителей: Наркомпроса, ГПУ, ПУРа (в 1922–1924 гг. – Политическое управление Революционного военного совета СССР), Госкино и ВЦСПС (Всероссийский центральный совет профессиональных союзов) по Цекрабису (Центральный комитет рабочего искусства).

Комитет имел право привлекать на свои заседания представителей государственных учреждений, профессиональных и других организаций с правом совещательного голоса.

На комитет по контролю за репертуаром возлагалось принятие решения о допуске к постановке драматических, музыкальных, кинематографических произведений, а также составление и опубликование периодических списков разрешенных и запрещенных к публичному исполнению произведений.

Для осуществления указанных задач комитет наделялся правом контролировать репертуар всех зрелищных предприятий и закрывать через соответствующие административные и судебные органы зрелищные заведения, нарушившие постановления комитета. Надзор за деятельностью зрелищных предприятий с целью недопущения постановки запрещенных произведений и наблюдение за проведением в жизнь постановлений комитета возлагались на Народный комиссариат внутренних дел и его местные органы.

Контроль за репертуаром на местах, согласно инструкции комитета, выполнялся в пределах губернии – Гублитами, в пределах уезда – заведующим уездным отделом народного образования.

На основании постановления Совнаркома, опубликованного 4 марта 1923 г. в «Известиях ВЦИК», соответствующий орган, контролирующий репертуар зрелищ, был создан при Кубано-Черноморском Лите в мае того же года [3, л. 57].

С началом действия постановления СНК СССР об организации Главрепеткома ни одно произведение не могло быть допущено к публичному представлению без соответствующего разрешения комитета или его местных органов.

За рассмотрение произведений, представляемых в органы контроля, по соглашению с Наркомфином и Наркомпросом взимался особый сбор [2,

л. 180–181]. В 1925 г. он составлял 3 руб. с каждого акта драматического и музыкального произведения (в сумме не должен был превышать 10 руб.), и 10 коп. с каждого произведения эстрадного характера [4, л. 110]. На местах сбор осуществлялся заведующими окружных и районных политпросветов. Собранные деньги при особых сопроводительных бумагах сдавались в кассы органов контроля и зачислялись в доход казны. Суммы цензурных сборов, например, по Краснодару в 1925 г. ежемесячно выразились в следующих цифрах: в октябре – 189 руб., в ноябре – 152, в январе – 156, в феврале – 204, марте – 173, в апреле – 266 руб. [6, л. 138]. В 1925 г. в соответствии с решением Межведомственной комиссии по распределению твердых заданий ежеквартальные суммы цензурных сборов должны были составлять не менее 450 руб. [4, л. 55]. От обложения цензурным сбором освобождались произведения, демонстрируемые в целях агитационно-пропагандистского, политико-просветительного, художественно-показательного или отчетного характера. А также все произведения, независимо от их характера, предназначенные для исполнения на закрытых фабрично-заводских и профсоюзных вечерах, устраиваемых исключительно для своих целей [5, л. 44–45].

Совместная работа репертуарного комитета с органами ГПУ вызвала немало недоразумений по поводу разграничения их полномочий. Несмотря на то, что в инструкциях за уполномоченным Литом закреплялись функции предварительного цензурирования материала, а за уполномоченным ГПУ – только право последующего контроля, без права самостоятельного запрета, представители ГПУ не раз предъявляли необоснованные требования на просмотр пьес и кинокартин для разрешительной визы, что иногда создавало конфликтные ситуации [5, л. 98].

В целях предупреждения подобных конфликтов внутри контролирующих органов дополнительно разъяснялся характер взаимоотношений Главлита и комитета по контролю за репертуаром. При этом указывалось, что комитет является организацией автономной в пределах предоставленных ей компетенцией, координирующей, однако, всю свою работу с Главлитом, поскольку перед обеими организациями стоят общие задачи и цели. По сути дела, это с некоторыми оговорками указывало на подчиненное Главлиту положение Главрепеткома.

Члены комитета назначались непосредственно коллегией Наркомпроса, а посему существование комитета при Главлите следовало понимать не «внутри Главлита» (то есть не как отдел Главлита), а рядом с Главлитом. Кроме того, Комитет по контролю за репертуаром наделялся полномочиями вести самостоятельно непосредственные сношения с другими организациями (помимо Главлита) и имел свою особую печать [11, л. 4].

Конфликты, имеющие место, по поводу разграничений полномочий непосредственным образом свидетельствовали о дублировании в работе контролирующих органов.

Главрепетком, призванный охранять идеологию, первоначально должен был следить за тем, чтобы антикоммунистические, религиозные и тому подобные материалы не проникали на сцены театров, экраны кино, концертные площадки и в грамзапись. Но со временем Главлит и Главрепетком стали выполнять не только запретительные и охранительные функции, но и составляли общий ориентировочный план изданий, устанавливающий квоты по различным темам, на какие, по мнению властей, следует обратить особое внимание [13, с. 360].

Осуществляя цензурную политику, соответствующие органы использовали не только методы административного и судебного преследования, запрещая сомнительные произведения, сокращая тарифы, накладывая штрафы и закрывая зрелищные предприятия и издательства, но и умело использовали все методы идеологического давления. Но при этом, согласно официальной точке зрения, цензуры и цензурных органов в Советской России не существовало, были лишь органы контроля. В циркулях Главлита неоднократно рекомендовалось не использовать распространенное на местах обозначение «цензор» и «цензура», указывалось, что окрлиты, улины, гублиты не являются цензурой и «в своих методах работы резко отличаются от последних». Поэтому и употребление старых терминов признавалось «несомненной ошибкой». Впредь предлагалось «придерживаться терминов: окрлиты, улины, гублиты» или «окружные инспектора печати и зрелищ» [7, л. 6].

Определенный интерес представляет кадровый состав контролирующих органов, так как правом решать, что смотреть и слушать обывателям, обладал весьма ограниченный круг лиц.

В первый состав Главрепеткома входили: И.П. Трайнин (председатель) от Главполитпросвета, два его заместителя – В.И. Блюм и А.Ф. Рейтлинг, В.Н. Селицкий и Б.Е. Эттинггоф от НКВД и 10 политредакторов.

И.П. Трайнин (1887–1949) – будущий ученый в области права, академик, а в начале 20-х годов – начинающий драматург. Однако в театральной жизни он разбирался мало, во многом идя на поводу у своего заместителя В.И. Блюма (1877–1941). Последний был известен как театральный критик, пренебрежительно относившийся к классическому наследию. Комитет этого состава, судя по всему, не прибегал к праву привлекать к своей работе представителей госучреждений и профессиональных организаций. Поэтому многие запретительные решения ГРК были настолько абсурдны, что компрометировали самих членов комитета и беспокоили

руководство Наркомага. В августе 1923 г. А.В. Луначарский с тревогой отмечал, что со всех сторон растет количество анекдотов о репеткоме.

Трайнин возглавлял ГРК до середины 1924 г., затем некоторое время должность председателя занимал В.И. Блюм, а с 1925 г. – Р.А. Пельше (1880–1955) – известный литературовед, театральный критик, впоследствии – заслуженный деятель культуры Латвийской ССР, доктор филологических наук. Он был человеком образованным, но в отношении к искусству и театру ему был свойственен, как многим в то время, утилитарный подход. Для революционера, отдавшего лучшие годы своей жизни революционной борьбе за построение нового социалистического общества, коммунистические идеи казались более чистыми и светлыми, чем все общечеловеческие ценности. Он разделял классовый подход к искусству, деля всех драматургов на пролетарских, непролетарских, попутчиков и т. п.

После ухода Р.А. Пельше на научную работу в марте 1927 г. на посту председателя ГРК побывали Б.З. Шумяцкий, В. Мордвинкин, а в 1928–1929 гг. ГРК возглавил Ф.Ф. Раскольников (1892–1939). Член РСДРП(б) с 1910 г., участник Гражданской войны, с 1924 г. – редактор журнала «Красная новь», он разбирался в искусстве и умел его ценить. При нем работа ГРК перестала быть тайной: на заседания стали приглашаться директора театров, режиссеры. Но эти перемены были чисто внешними, так как в главном он следовал за своими предшественниками. Выступая на первом заседании художественно-политического совета ГРК, Раскольников сказал, что задача ГРК – перейти от чистой цензуры к идеологическому руководству. Да и цензором он оказался не менее жестким.

В целом же можно сказать, что в ГРК на протяжении 20-х годов работали люди, далекие от искусства, даже не всегда имевшие высшее образование, но всегда облеченные партийным доверием, руководившие в своих оценках исключительно политико-идеологическими соображениями.

В провинции, писал ГРК в Агитпроп (АПО) ЦК партии, цензурой занимаются случайные люди, по совместительству, и такое положение не только в «захолустных» городах, но и в Ленинграде. Местные Гублиты с этой точки зрения были очень слабыми [12, с. 117–118].

Случайность состава местных контролирующих органов во многом объяснялась тем, что должности не оплачивались. Так, например, должность уездного инспектора (уполномоченного губернского инспектора) являлась внештатной и не оплачивалась даже по совместительству [7, л. 7]. Это явно противоречило постановлению Главлита, в соответствии с которым «штаты Комитета (по контролю за репертуаром) должны быть заполнены высококвалифицированными работниками, требующими сравнительно высокой оплаты...

органы контроля должны быть лучше материально обеспечены» [11, л. 4].

Если обратиться к должностным полномочиям уездного инспектора, который был вправе самостоятельно разрешать или приостанавливать работу местных зрелищных предприятий, издательств, книжных магазинов и библиотек, то нетрудно заметить, что отсутствие оплаты его труда создавало почву для взяточничества и других злоупотреблений служебным положением. Многочисленные нарушения незамедлительно проявились в работе контролирующих органов. Участились случаи разрешения местами идеологически невыдержанных, а зачастую и вредных пьес и кинофильмов, что срывало проведение единой линии в области контроля за репертуаром [5, л. 68].

Главлит располагал сведениями, указывающими на факты совместительства должностей заведующего Гублитом и руководителя какого-либо зрелищного предприятия. При этом заведующий Гублитом, заинтересованный в улучшении работы своего предприятия, сознательно тормозил работу остальных, задерживая разрешительные визы на постановку пьес и выпуск афиш [4, л. 110].

Оставлял желать лучшего и состав районных уполномоченных по Литу. Работали они исключительно по совместительству, и вследствие случайности своего состава, будучи малоподготовленными для работы, не могли быть признаны вполне компетентными при решении вопросов о приемлемости определенных произведений в конкретной аудитории. Поэтому артистам, приезжающим в районы, рекомендовалось получить разрешительную визу от окружного лита, которая учитывала бы идеологический характер и художественное оформление пьес [8, л. 113].

В целом ряде Гублитов имела место частая сменяемость заведующих цензурными органами. И хотя рекомендовалось назначать на эту должность людей, имеющих хотя бы среднее образование и опыт партийной работы, Главлит вынужден был идти на утверждение новых кандидатов, не совсем подготовленных к выполнению обязанностей, предполагая, что они в процессе работы, инструктируемые Главлитом и вызываемые периодически для личного доклада в Главлит, постепенно приобретут необходимые навыки [4, л. 93].

Слабость состава местных контролирующих органов, частая его сменяемость и большой объем работы самым отрицательным образом сказывались на подготовке отчетной документации, необходимой для работы Главлита и Главрепеткома.

Доклады по репертуарной (зрелищной) части должны были направляться непосредственно в Главрепетком [4, л. 8, 47, 81–82].

Однако из-за нехватки технического персонала, отсутствия специально отведенных для работы инспекторов кабинетов и разницы в оформлении

месячных и квартальных докладов, сроки подачи отчетной документации в вышестоящие органы постоянно нарушались [9, л. 3; 10, л. 49].

Кроме несвоевременной подачи, доклады страдали большими дефектами. Игнорировалось заполнение целых граф, касающихся количества и социального состава посетителей зрелищных заведений, жанров кинокартин, пользующихся особым спросом, не указывались меры, предпринимаемые для изучения «интересов рабочих зрителей». Вопреки пожеланиям, составители докладов редко высказывали собственное мнение о репертуарной политике центра. Не прилагались к отчетам и требуемые вырезки из местной периодической печати, касающиеся работы зрелищ [10, л. 28; 4, л. 1, 36]. Это сильно затрудняло осуществление главной цели, сформулированной Главлитом (а нас лишило ценнейшего документального материала).

«Одной из необходимых предпосылок для полной нашей победы на идеологическом фронте, – говорилось в обращении Главлита к своим местным органам, – является Завоевание нами важнейшего его участка, зрелищного, от правильного подхода и всестороннего освещения которого в значительной мере зависит дальнейшее развитие и углубление дела Лита. Сцена и экран – вот два фактора пролетарской культуры, которые требуют сугубого внимания и заслуживают глубокого изучения. Чрезвычайно важными являются вопросы: социальный состав аудитории, посещаемость театра, степень реагирования зрителей на то или иное драматическое произведение, повторяемость пьесы, качество репертуара и др. К сожалению, многие окрлиты в своих отчетах обходят эти вопросы, забывая, что без этого драгоценного материала невозможно переустройство нашего театра... на началах его полной советизации. Театр есть одна из командных высот на нашем идеологическом фронте, окончательному завоеванию которой должно предшествовать длительная и тщательная подготовка, от закрепления которой за нами зависит дальнейший успех» [4, л. 46].

Не имея же под рукой надлежащего материала, вышестоящие органы были «лишены возможности принимать необходимые меры по пресечению и устранению нежелательных явлений или фактов нарушения правил о цензуре» [4, л. 47].

Обращаясь к сознательности исполнителей, крайлит одновременно предупреждал, что против

завлитов, не предоставивших своевременно правильно заполненных отчетов, будет возбуждено преследование за преступление по службе с передачей дела краевой прокуратуре [4, л. 74].

Несмотря на все недостатки и слабые стороны цензуры, работа органов контроля отражалась на деятельности зрелищных предприятий самым жестким образом. Этому способствовал строго определенный порядок цензурирования всех произведений, предназначенных к публичному показу. Под контроль было поставлено и радиовещание, ставшее с 1924 г. регулярным. В условиях новой экономической политики его деятельность контролировало акционерное общество Радиопередача, чья цензурная работа была признана неудовлетворительной в 1933 году, одновременно с созданием более эффективного контрольного органа – Государственного всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при Совнаркоме СССР [1].

На протяжении всего последующего периода существования Советского Союза тотальный цензурный контроль, осуществляемый через систему центральных и местных органов, сложившуюся в 1920-е годы, имел устойчивую тенденцию к его ужесточению.

Библиографический список

1. Блюм А.В. Главлит и его структура // Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953. – СПб.: Академический проект, 2000. – Гл. 2. – 283 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-130. – Оп. 7. – Д. 134.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. Р-365. – Оп. 1. – Д. 1361.
4. ГАКК. – Ф. Р-890. – Оп. 1. – Д. 953.
5. ГАКК. – Ф. Р-890. – Оп. 1. – Д. 954.
6. ГАКК. – Ф. Р-890. – Оп. 1. – Д. 964.
7. ГАКК. – Ф. Р-890. – Оп. 1. – Д. 965.
8. ГАКК. – Ф. Р-890. – Оп. 1. – Д. 966.
9. ГАКК. – Ф. Р-890. – Оп. 1. – Д. 967.
10. ГАКК. – Ф. Р-890. – Оп. 1. – Д. 975.
11. ГАРФ. – Ф. Р-2306. – Оп. 1. – Д. 1818.
12. Коржихина Т.П. Извольте быть благонадежны! – М.: Российский гуманитарный университет, 1997. – 372 с.
13. Пайтс Р. Россия при большевиках. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. – 662 с.

МЕСТО «ЛАТИНОС» В ПРИНЯТИИ ЗАКОНОВ О ГРАЖДАНСКИХ ПРАВАХ В США

Статья посвящена рассмотрению роли латиноамериканцев в выстраивании системы гражданских прав цветного населения США. В условиях проживания в строго регламентированном общественно-политическом пространстве «латинос» стремились законодательно оформить свое положение в поликультурной стране. Автор особое внимание уделил отношению политической элиты и общественности к программам «позитивных действий», которые воспринимались президентом США Дж. Бушем как несправедливые в отношении белого населения страны. С 1960-х гг. этнические меньшинства обладали особым статусом и были не намерены его лишиться. Также автор рассматривает взаимоотношения «латинос» и афроамериканцев в ходе борьбы за свои гражданские права. Ведущими в работе явились принципы историзма и научной объективности, а сравнительно-исторический и историко-генетический методы легли в основу исследования. Изменение политического вектора в формировании правозащитной повестки в начале 1990-х гг. неоднозначно воспринималось в американском поликультурном обществе. Толчком к изменению статус-кво стали решения Верховного суда 1989 г., противоречащие ранее принятым постановлениям. Спорным вопросом, разделившим «латинос» и афроамериканцев в рамках защиты гражданских прав, стало иммиграционное законодательство: первые стремились к его либерализации, вторые – к максимальному закрытию границ. Обладая в тот период более масштабной сетью разветвленного представительства общественно-политических организаций, афроамериканцам удавалось сохранять лидерство и влиять на включение тех или иных положений в законопроекты о защите гражданских прав. Участие «латинос» в обсуждении инициатив и огромная скорость роста их присутствия в США привлекли внимание ведущих американских политических партий к данной группе населения.

Ключевые слова: гражданские права, «латинос», «позитивные действия», цветное население, конгресс, дискриминация, нелегалы.

Защита гражданских прав в стране с развитой демократией остается актуальной вот уже более 50 лет. Политкорректность требует от всех участников общественно-политического процесса строгого соблюдения ранее установленного регламента взаимоотношений. С течением времени происходящие внутри страны и мире изменения ставят новые вызовы, с которыми в рамках прежних установок и договоренностей невозможно находить прежний компромисс. В результате один из участников договора предлагает новую модель взаимодействия, не оставляя заинтересованным сторонам приемлемого для них варианта преобразований. Так возникает конфликт интересов, когда отстаивать свои гражданские права должны наиболее ущемленные стороны (афроамериканцы и «латинос»), вступая в конфликт с действующей политической властью. В США 1990-х гг. такими участниками было цветное население страны и президент США Дж. Буш. Опосредованно в дискуссию вступало белое большинство, которое в рамках действовавших программ «позитивных действий» испытывало так называемую «дискриминацию наоборот». В историографии роль «латинос» в защите гражданских прав в последнее время рассматривается в контексте межэтнического взаимодействия с афроамериканцами, намекая на общность характерных подходов по их выстраиванию в американское общество [3]. Новым направлением в исследовании становится сравнение вызовов и ответов на них со стороны негров и «латинос», а сами работы приобретают оттенок кросскультурного взаимодействия меньшинств [6]. Однако вопрос защиты латиноамериканцами своих гражданских

прав пока не нашел должного отражения в историографии. В настоящее время существует необходимость систематизировать и комплексно изучить шаги, предпринимавшиеся правительством США для включения «латинос» в социально-политическую структуру американского общества. Целью данной работы было показать противоречивость и неоднозначность установок ведущих политических партий и президента в решении вопроса о социальной защите «латинос». Для этого нами была показана разность позиций участников движения за гражданские права – как на момент зарождения, так и в последующие периоды, а также доказана особая роль латиноамериканского элемента в формировании правозащитной повестки и в привлечении внимания к себе американской политической элиты.

В работе был использован принцип историзма и научной объективности при всестороннем анализе источников, а также сравнительно-исторический и историко-генетический методы в процессе изучения степени и характера вовлеченности «латинос» на разных этапах исторического развития этой группы населения.

Дж. Буш подписал S1745 (PL 102–166) 21 ноября 1991 г. и был вынужден признать, что тем самым поддержал положительные действия. Закон о гражданских правах, принятый в 1964 г. после 75-дневной обструкции, спустя почти 30 лет эхом отозвался над новым биллем и вызвал настоящий раскол в политических кругах США. Центральный вопрос о квотах выразился в озабоченности участников дебатов дилеммой, связанной с предоставлением американскому обществу равных возможностей или гарантии им равных результатов. Начиная

с 1970-х годов подобного рода практика напряженных обсуждений сформировала определенного рода стратегию Демократической партии, ориентированной на продвижение интересов «цветного» электората. Тогда вопросы о расовой диспропорции стали рассматриваться в рамках законов о гражданских правах и квалифицироваться в исковых заявлениях как «дифференцированное воздействие» (*disparate impact*). Смена вектора в защите своих прав произошла под влиянием изменившихся условий жизни. Если в 1960-х годах латиноамериканцы представляли собой более или менее однородную группу, в которой основная ее масса – мексиканоамериканцы – была рождена в США и могла заявить, что так же, как и афроамериканцы, страдала от дискриминации, то в 1990-х годах большинство из них были уже иммигрантами или детьми иммигрантов. Со временем правозащитная повестка для них становилась менее актуальной, что не снимает значимости Закона о гражданских правах 1991 г., регулировавшего взаимоотношения между работниками и работодателями.

Разделение населения по расам и этносам, закрепившее неравенство на государственном уровне, способствовало выделению угнетенных групп. Это явление восходит к рубежу XIX–XX веков, когда на американском Юге были приняты законы, создавшие там систему кастовости. Законы Джима Кроу, персонажа скетча драматурга и актера Томаса Райса, оголтелого расиста [1, с. 474], чье имя стало нарицательным и одновременно закрепилось как презрительное прозвище негров, были приняты законодательными собраниями бывших рабовладельческих штатов [1, с. 472, 862]. Несмотря на то, что гражданские права и свободы были гарантированы «Биллем о правах», а 13-я, 14-я и 15-я поправки к Конституции США провозглашали права негров, они носили скорее декларативный характер. Подобная ситуация сохранялась до середины XX века, когда под влиянием возросшего самосознания негритянского населения и появления внутри этой среды яркого лидера в 1950–60-х годах в США развернулось мощное движение в защиту гражданских прав. Поводом к нему стал арест чернокожей швеи Розы Паркс в городе Монтгомери, штат Алабама, отказавшейся сидеть в автобусе на задних местах, как то было предписано местным законом [1, с. 10]. Впервые в 1954 г. Верховный суд вынес новое решение взамен старому, которое гласило: «Мы делаем вывод, что в области государственного образования доктрина “раздельного, но равного” неуместна» [1, с. 862]. В результате конгресс США разработал ряд законов в интересах защиты гражданских прав в 1957 г., 1960 г., 1964 г. и 1968 г. Законы 1957 и 1960 гг. гарантировали неграм право голоса, законы 1964 и 1968 гг. имели своей целью ликвидировать расовую дискриминацию во многих областях жизни американского

обществ, в том числе при съеме и аренде жилья. Одним из важнейших был закон 1964 г. и особенно его разделы II, VI, VII [1, с. 181].

В ходе движения оформились группы граждан, признанные законодательством США особо нуждавшимися в защите и предоставлении равных возможностей при трудоустройстве, а также при приеме в учебные заведения. Для осуществления патронажа была создана комиссия по соблюдению равноправия при трудоустройстве независимо от расы, этнического происхождения, пола и т. д. [1, с. 293], полномочия которой были расширены новым Законом о равноправии при трудоустройстве [1, с. 292]. В отношении особых социальных групп граждан разрабатывались планы и программы «позитивных действий» «affirmative actions», направленные на устранение последствий расовой дискриминации. В 1941 г. в США уже была создана федеральная комиссия по найму на работу без дискриминации (в соответствии с указом Ф.Д. Рузвельта) с целью предотвращения дискриминации в фирмах-получателях военных подрядов. Однако из-за несоответствия целей полученным результатам она была распущена в 1946 г. Подобные организации стали создаваться и на местном уровне, и на уровне штатов. Только во время движения в защиту гражданских прав правительство действительно обратилось к решению проблем дискриминируемого населения страны, в том числе его цветной составляющей. В соответствии с Законом о гражданских правах 1957 г. была создана Комиссия по гражданским правам [1, с. 195], а по Закону о гражданских правах 1964 г. частным и государственным нанимателям, профсоюзам запрещалось проводить дискриминацию по признаку расы, вероисповедания, национальности и т. д. Ни одна дискриминируемая группа в тот период не воспринималась политическими лидерами как полноценная участница в борьбе за свои гражданские права [2]. Поэтому только объединив усилия и выступив единым фронтом меньшинства, они могли продвигать свои требования. Внутри движение было не равнозначно по силе влияния на политический процесс. Среди множества заинтересованных сторон в лидерах оказалась коалиция с сильным ядром афроамериканцев. На тот период латиноамериканцы не составляли им серьезной конкуренции. «Латинос» проживали преимущественно в юго-западных штатах и не могли находиться на передовой правозащитнической деятельности. При численности в 7 миллионов человек, без поддержки достаточного количества общественных организаций, способных на национальном уровне представлять их интересы, латиноамериканцам ничего не оставалось, как примкнуть к группе афроамериканцев. У них на тот момент уже функционировала «Национальная ассоциация содействию прогрессу цветного населения» [1, с. 630], а в 1967–1968 гг.

ее частью стал Мексиканоамериканский фонд по правовой защите и образованию [7].

Зачастую интересы участников движения не только не пересекались, но вступали в противоречие. Испаноязычные лидеры требовали включить в повестку обсуждений в рамках гражданского законодательства вопрос о реформировании иммиграционной системы и об увеличении своего политического влияния. Афроамериканцы были сконцентрированы на проблемах трудоустройства, не желая допускать в политические дебаты нового участника. Одно из первых политических столкновений между черными и испаноязычными произошло в 1975 г. когда в конгрессе рассматривались дополнения к Закону о гражданских правах 1964 г. Тогда афроамериканцы внесли поправки в защиту своих интересов, способствовавших упрощению процедуры признания результатов выборов на местах недействительными. Мексиканоамериканский фонд по правовой защите и образованию хотел того же для мексиканоамериканцев. Однако Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения не стала рисковать и не внесла поправки ни для «латинос», ни для других меньшинств. Противостояние афроамериканцев и «латинос» в деле защиты гражданских прав в 1980-х годах перешло в русло решения иммиграционного вопроса, который для первых всегда был острым. Они опасались, что новые латиноамериканские иммигранты вытеснят их с рынка труда и сыграют на понижении зарплат. В 1986 г., несмотря на сильное сопротивление латиноамериканцев, афроамериканцы и профсоюзы поддержали Закон об иммиграционной реформе и иммиграционном контроле, по которому на работодателей накладывались штрафы за прием на работу нелегалов. В результате работодатели проводили политику дискриминации в отношении испаноязычных американцев. Когда Национальная ассоциация содействию прогресса цветного населения, лоббирующая интересы этнических и национальных меньшинств, не предприняла попытку внести поправки в законопроект 1986 г., испаноязычные группы угрожали своим выходом из организации. Кризис удалось сгладить, когда была сделана некоторая уступка со стороны афроамериканцев в виде выступления за отмену санкции против работодателей. Однако на слушания в конгрессе этот протест не поступил. На протяжении 1980-х годов латиноамериканцам удалось продвинуться в выстраивании вертикали политического влияния, что немало обеспечило афроамериканцев и белых. Испаноязычные организации преуспели в 1986 г. в достижении компромисса по иммиграционной реформе и добились предоставления амнистии более 3 миллионам нелегалов, уже проживавших в США, и возможности легализовать свой статус. Они продвигали требования в защиту прав нелегалов в судах. В 1982 г.

Верховный суд США постановил, что дети нелегалов могли получать бесплатное образование в государственных школах, а суды в Калифорнии и Техасе поддержали нелегальных иммигрантов в части предоставления им материальной компенсации по безработице и добились допуска для них в государственные университеты.

Американское общество, существовавшее в условиях предоставления особой защиты отдельным группам населения страны около 30 лет, к концу 1980-х годов, казалось, устало от политкорректности, и в политических кругах зазвучали призывы сократить или вовсе отказаться от «позитивных действий». В подтверждение этому в 1989 г. Верховный суд США вынес шесть постановлений, противоречащих ранее утвержденным законодательным актам. В рамках «позитивных действий» защита гражданских прав не являлась прерогативой одной дискриминируемой группы. Под их защиту попадали все ущемленные лица по признаку расы, пола, возраста и религиозных убеждений. Поэтому в процессе законотворческой деятельности приходилось учитывать интересы многих сторон, что осложняло вынесение окончательного решения, удовлетворяющего интересам большинства. Во многом это объясняет большой временной разрыв между последним подобным законом 1968 г. и новым – 1991 г. В 1990 г. градус общественной и политической напряженности был настолько высоким, что, колеблясь, президент Дж. Буш впервые за всю историю правозащитного законодательства наложил вето на законопроект о защите гражданских прав. (S 2104 HR 4000). Он посчитал нецелесообразным отстаивать интересы меньшинств в ущерб работодателям. Вынесению подобного решения способствовала ситуация разделенного правления, когда демократический конгресс продвигал неудобный президенту-республиканцу билль. Подготовка законопроекта и его обсуждение в конгрессе показали определенную циничность обеих партий по поводу защиты гражданских прав. Дж. Буш в поисках компромисса стремился поддерживать свой рейтинг. Если законопроект прошел бы в конгрессе, он столкнулся бы с дилеммой, когда с одной стороны его уже поддержал большой процент афроамериканцев, ради которых он и пытался найти компромисс, с другой – президент рисковал оттолкнуть от себя бизнес-сообщество. Одновременно глава Белого дома не желал ссориться с однопартийцами. Уже в 1991 г., спустя два года после вынесенных скандальных решений Верховного суда 1989 г. и в связи с нарастанием конфликта между Дж. Бушем и афроамериканцами, закон о гражданских правах (S 1745 – PL 102–166) все-таки был подписан. После внесения S 1745 [5] на рассмотрение в сенат прошло чуть менее трех месяцев, когда Дж. Буш его узаконил 21 ноября 1991 г. Однако этому пред-

шествовала кропотливая работа по схожей инициативе палаты представителей HR 1 [4].

Приобретенные латиноамериканским сообществом под влиянием принятых и обсуждаемых законодательных инициатив, а также деятельности общественно-политических организаций особый социально-экономический статус и политическое самосознание обратили внимание ведущих политических партий к этой категории населения.

Библиографический список

1. Американа: Англо-русский лингвострановедческий словарь. – Смоленск: Полиграмма, 1996. – 1420 с.

2. *Chavez Linda*. Rainbow Coalition // *The New Republic*. – 1990. – November, 19. – P. 14–16.

3. Divided or together? Conflict and cooperation between African Americans and Latinos / K.J. Meier, P.D. McClain, J.L. Polinard etc. // *Polit. research quart.* – Salt Lake City, 2004. – Vol. 57, № 3. – P. 399–409; Neither enemies nor friends Latinos, Blacks, Afro-Latinos / ed. by A. Dzidzienyo, S. Oboler. – Houndmills: Palgrave Macmillan, 2005. – 323 p.

4. HR1: Civil Rights and Women's Equality in Employment Act of 1991 внесен на рассмотрение 03.01.1991 конгрессменом Дж. Бруксом (Дем.,

Техас) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.govtrack.us/congress/bills/102/s1745> (дата обращения: 13.03.2017).

5. S1745: Civil Rights Act of 1991. Спонсор законопроекта сенатор Дж. Денфорт (Респ., Миссури) внес его на рассмотрение 24.09.1991. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.govtrack.us/congress/bills/102/s1745> (дата обращения: 13.03.2017).

6. *Santiago A.M., Wilder M.G.* Residential segregation and links to minority poverty: the case of Latinos in the United States // *Social problems*. – Berkeley, 1991. – Vol. 38, № 4. – P. 492–515; *Aponte R.* Urban Hispanic poverty: desegregations and explanations // *Social problems*. – Berkeley, 1991. – Vol. 38, № 4. – P. 516–528; *Naikang Tsao.* Ameliorating environmental racism: A citizens' guide to combating the discriminatory siting of toxic waste dumps // *New York univ. law rev.* – New York, 1992. – Vol. 67, № 2. – P. 366–418.

7. *Teresa Palomo Acosta.* Mexican American Legal Defense and Educational Fund. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tshaonline.org/handbook/online/articles/jom01> (дата обращения: 13.06.2015).

«SI OVIESSE BUEN SEÑOR!»: «ИДЕАЛЬНЫЙ ВЛАСТИТЕЛЬ» В ХРОНИКАХ И ЭПОСЕ ИСПАНСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Тема статьи связана с исследованием основных характеристик образа «идеального монарха», каким он складывается в испанском средневековом эпосе и историографической прозе. Сохранившиеся тексты демонстрируют принципиально разный способ описания королей в эпике и хрониках, выразившийся как в устойчивых формулах/клише при имени короля, так и в совершаемых им поступках. «Книжный», ученый, и устный «фольклорный», способ представления правителя в том или ином тексте может помочь нам понять, какой именно источник – хроникальный текст или предание, бытующее в устной форме, лег в основу сохранившегося текста. Так, в случае с латинской «Historia Roderici» презентация образа короля Альфонсо VI и его отношений с Родриго Кампеадором позволяет с большой уверенностью допустить наличие «устного» источника у латинского жизнеописания.

Ключевые слова: «Песнь о моем Сиде», романсеро, средневековые хроники, «История Родерика», идеальный властитель, эпический монарх.

Поскольку в данной статье речь пойдет о хрониках и эпосе, то в первую очередь следует уточнить, что именно включается в понятие испанского эпоса. Испанская эпика вобрала в себя те формы существования эпических сказаний, которые складывались устным традиционным образом и которые этот устный генезис и специфически эпический способ сюжетосложения, повествования и бытования отразили в своем нынешнем облике, т.е. «песни о деяниях» (*cantares de gesta*) и историко-легендарные романсы. Эпическая песнь и романс – разные формы, но их сюжетный и формульный тезаурус пересекаются и являются общими. Разделение письменной и устной традиции, устного или книжного происхождения, эпического или легендарного (а он часто строится по законам эпического повествования) сюжета оказывается чрезвычайно значимым при изучении и интерпретации того или иного памятника средневековой словесности. Одним из способов понять, откуда пришел в конкретно взятый текст определенным образом трактуемый персонаж, становится реконструкция сферы формирования его основных характеристик и их словесного оформления.

Образ идеального/не-идеального правителя – забота многих фольклорных, литературных, историко-назидательных жанров средневековой словесности. Каждый формирует его по-своему. В сказке одним образом, в жизнеописании и хронике – другим, в эпической традиции – третьим. При этом роль реализуется, с одной стороны, сюжетно, т.е. в определенном типе действий и функций, а с другой стороны, – в устойчивом наборе риторических клише или формул, которые идут при имени того или иного правителя.

«Идеальный властитель» в испанских хрониках – это условно-обобщенный образ определенного типа персонажа, под которым, в первую оче-

редь, понимается король, император, а не всякий сюзерен или господин (*señor*). Хроники, сообщая о конкретных правителях, вместе с тем естественным образом формируют у слушателя/читателя представление о требуемых положительных и отвергаемых отрицательных качествах некоего идеального монарха. Более того, историческая оценка того или иного события зачастую вытекает и связывается хронистом с персональной характеристикой правителя, оказываясь следствием его разумных или неразумных свойств и поступков. Характеристики эти, если присмотреться, выстраиваются в некую иерархию и, как правило, сопровождаются риторическим оформлением в повторяющихся словесных клише.

Канон описания властителя начинает складываться в Испании в исторических сочинениях Исидора Севильского, отправной точки всего, что касается испанской историографии, причем не только для ее исследователей, но и для нее самой. В «Истории готов» формируется самое общее и вполне традиционное описание – правители «сообразительны и понятливы по природе»; они обладают «сильным чувством долга»; это «великие войны» и обладатели «громкой славы. Устойчивых риторических клише при имени короля в «Истории готов» почти не возникает (лишь «*rex Gothorum*», «*rex captus et interfectus est*»), но система ценностных (и оценочных качеств) выявляется совершенно ясно. Достоинства четко складываются в иерархию: 1) воинская доблесть, избран для ведения войны, войной увеличил королевство и казну, короли «скорее полагаются на силы, чем на мольбы» (*vires eos potius quam preces adhibuisse* – His. Goth., 67–69); 2) благочестие и стремление к миру (*fide pius et pace praeclarus*). Дурно, если королю не достает благочестия (*offuscavit in eo error impietatis gloriam tantae virtutis*); но еще хуже отсутствие

воинской доблести. Например, о короле Сигерихе сказано так: «В эру 454 (= AD 416) на двадцать вторым году императоров Аркадия и Гонория, Сигерих был избран королем на место Атаульфа. Усердный в достижении мира с Римлянами, он вскоре был убит своими людьми» (*Aera CDLIV, ann. imperii Honorii XXII post obitum Athaulfi, a Gothis Sigericus princeps electus est, qui, dum ad pacem cum Romanis esset promptissimus, mox a suis est interfectus* (*His. Goth., 20*)). Столь короткая характеристика, помимо отсутствия многих сведений, означает, что поскольку нет воинских побед, то нет и предмета для рассуждений хрониста.

Ценностная иерархия начинает несколько меняться по мере возрастающего осуждения готских королей за приверженность арианской ереси и осознания необходимости приобщения их к католической вере. Постепенно идеальный вариант правителя «Истории готов» начинает выстраиваться на отталкивании от традиционного идеала правителя-воина. Идеалом оказывается король Рекаред, последний из готских королей к моменту жизни св. Исидора Севильского; да и вообще, как несложно догадаться, чем ближе по времени живет правитель и чем значимее он для самого хрониста, тем ярче и похвальнее его характеристика. Хвалебная характеристика Рекареда вполне традиционна, единственное, что ее отличает, так это высокая плотность положительных характеристик: «Он был благочестивым человеком, отличным от отца по образу жизни. Тогда как один был неверующим и предрасположенным к войне, другой был миролюбивым и деятельным в мирное время; один распространял могущество народа Готов через искусство войны, другой возносил народ посредством победы веры. <...> Провинции, захваченные отцом с помощью войны, Рекаред сохранял в мире, управлял ими справедливо, властвовал умеренно. Он был добрым и мягким, необычайно ласковым, и настолько сердечным и доброжелательным, что даже плохие люди желали его любви. Он был настолько великодушен, что своей властью вернул частным гражданам и церквям богатства, которые его отец постыдным образом изъяс в казну. Он был настолько милосердным, что часто уменьшал подати своего народа, даруя ему прощение» (*«Mauricii, Leovigildo defuncto, filius ejus Recaredus regno est coronatus, cultu praeditus religionis, et paternis moribus longe dissimilis. Namque ille irreligiosus, et bello promptissimus, hic fide pius et pace praeclarus; ille armorum artibus gentis imperium dilatans, hic gloriosus eamdem gentem fidei trophaeo sublimans. In ipsis enim regni sui exordiis catholicam fidem adeptus totius Gothicae gentis populos, inoliti erroris labe deserta, ad cultum rectae fidei revocat* (*His. Goth., 52*) <...> *Provincias autem quas pater bello acquisivit, iste pace conservavit, aequitate disposuit, moderamine rexit. Fuit autem placidus, mitis, egregiae bonitatis;*

tantamque in vultu gratiam habuit, et tantam in animo benignitatem gessit, ut omnium mentibus influens, etiam malos ad affectum amoris sui attraheret. Adeo liberalis, ut opes privatorum, et Ecclesiarum praedia, quae paterna labes fisco associaverat, juri proprio restauraret. Adeo clemens, ut populi tributa saepe indulgentiae largitione laxaret» (*His. Goth., 55*)).

Вся последующая латинская историография в средневековой Испании в значительной мере наследует Исидору Севильскому в способе определения положительного и отрицательного образа правителя (подробнее об иерархии добродетелей в латинской испанской историографии Средних веков см.: [8, с. 133–149]). Так Лука Туйский, в своей «Всемирной хронике» (*Lucae Tudensis, Chronicon mundi*, 1236) уже в Прологе, ссылаясь на св. Исидора, определяет качества сильного правителя, требуя от него определенных характеристик: «agnoscere Deum» (знать бога), «fidem catholicam confitere» (исповедовать истинную веру), «regnum in pace conservare» (хранить мир в королевстве), «iustitiam exhibere» (поддерживать справедливость), «hostes viriliter expugnare» (мужественно сражаться с врагами). Когда король обладает «sapientia», «fortitudo» и «consilium», то ни легкомыслие, ни безрассудство, ни гнев не властны над ним. Тут же рядом хронист определяет и качества слабого правителя: «Больше прочих злых дел государи должны гнушаться святотатства, распутства и алчности, из-за которых главным образом и гибли предыдущие государи, так что те, которые были славными победителями многих народов, жалким образом покорялись своим врагам, после того как вызывали гнев Божий святотатством, распутством и алчностью» (*«Pre cunctis malis sacrilegium, luxuriam et auariciam debent principes execrari, quibus maxime preteriti principes corrueant, adeo ut qui multarum gentium gloriose victores exstiterant prouocato Deo sacrilegiis, luxuria et auaricia, suis subderentur miserabiliter inimicis*» (*Chron. mun., II. 11–9*)). Ему вторит Родриго Хименес де Рада, архиепископ Толедский, в своей латинской хронике «О делах испанских» (*Rodrigo Himenez de Rada, De rebus hispaniae*, 1243), когда говорит в прологе, что опишет «...также деяния государей, одних из коих нерадивость делает ничтожными, а других мудрость, смелость, великодушие и справедливость освящает для грядущих веков» (*«Gesta etiam principum? quorum aliquos ignavia fecit uiles alios sapientia, strenitas, largitas et justicia futuris seculis comendavit*» (*De rebus hisp. Prologus, 33–34*)).

Каждый из описываемых монархов должен стать примером либо благого, либо дурного деятеля, имеющего определенный способ поведения; эта назидательная цель перейдет соответственно и в испаноязычную хроникальную традицию, в частности, в главные сочинения Испании в XIII в. – истории короля Альфонсо X Мудрого.

В прологе к «Истории Испании» («Первой всеобщей хронике»), представляющем собой перевод-переложение пролога Родриго Толедского, целях и предмете хроники сказано, что мудрецы древности «описали деяния государей как тех, кто поступал во благо, так и тех, кто поступал дурно, чтобы те, кто придет следом, из-за благих деяний стремились бы совершать добро, а из-за дурных исправлялись бы в делах злых, и тем самым выправились бы ход мира в каждом из элементов, составляющих его порядок» («Et escriuieron otrossi las gestas de los principes, tan bien de los que fizieron mal cuemo de los que fizieron bien, por que los que des pues uiniessen por los fechos de los buenos et punnassen en fazer bien, et por los de los malos que se castigassen de fazer mal, et por esto fue enderecado el curso del mundo de cada una cosa en su orden» (PCG, Prólogo, 28–35)). Постепенно от латинских хроник XII в. к историям Альфонсо Мудрого вырабатывается и набор соответствующих клише, которыми в обязательном порядке описывается король в историографическом типе дискурса.

Совсем иным предстает образ правителя в устной традиции. Если говорить об эпическом идеале правителя, то его можно реконструировать только от противного. Дело в том, что во всем испанском эпосе, по крайней мере, в том, что имеется в наличии, ни одного идеального эпического монарха нет. Материалом для анализа в данном случае, как уже было сказано, стала «Песнь о моем Сиде» и испанские «старые романсы». Они возникают позже, с конца XIV в., но формульная система и мотивная структура эпоса и романа по сути едина.

В «Песни о моем Сиде» короля дон Альфонсо описывают несколько устойчивых формул: «el buen rey don Alfonso», «rey ondrado»; «mi señor natural», «el rey castellano», buen emperador. Все они представляют собой не оценочные формулы, сообщают качества не персональные, но статусные, по сути фиксирующие лишь социальное положение короля и его статус по отношению к герою песни. «Добрый король», «честный король», «мой природный сеньор» – это все формулы статусные, подчеркивающие, что тот, о ком это сказано, по праву занимает место короля, в сущности, просто является королем. Никакой оценочности в этих эпитетах нет, изначальная семантика (правильным, должным образом исполняемых обязанностей короля) погашена. Все деяния короля (благие или дурные) оцениваются, прежде всего, его действиями, его ролью в сюжете, характером его отношений с героем.

В старых устных романах, по крайней мере, в том корпусе, который сохранился и дошел до нас, король имеет только один постоянный эпитет «el buen rey», и он тоже ни в коей мере не является характеристикой природы монарха, его добронравия и положительности. Если обобщить, то единственный тип монарха, который склады-

вается и преобладает в романсной эпике это «не-идеальный король». Причиной этого может быть либо слабость монарха, либо его злонамеренность. Вот его-то качества и действия выявлены в романсере необычайно полно и определено.

«Не-идеальный король» в испанской эпической поэзии: слушает навет завистливых вельмож (король Фернандо по отношению к Педро Карвахало); верит дурному совету (король Альфонсо верит Гарсии Ордоньесу в его клевете на Сиде); сам дает плохой совет, принимает неверное решение (король Альфонсо, король Педро Жестокий); упрекает за ложь, за беззаконие, несправедное убийство. Может быть, поэтому на формульном уровне, в отличие от хроник (и латинских, и особенно кастильских, где закрепление на уровне устойчивых клише гораздо сильнее), никаких устойчивых «качественных» характеристик «правитель» в эпике и романсере не приобретает. Число устойчивых формул здесь еще меньше, чем в «Песни о моем Сиде»: buen rey, el rey castellano; mi señor rey.

Как мы видим, письменная и устная традиции обращаются с идеалом правителя весьма различным образом. И хотя и в том, и в другом случае такого рода примеры не единичны в европейской хроникальной литературе и эпосе, их четкая поляризация и устойчивость в испанской средневековой словесности позволяет рассматривать способ представления правителя в том или ином тексте как показатель того, что послужило основой сюжета или текста, дошедшего до нас только в книжном виде – хроникальный текст или предание, бытующее в устной форме. Особенно это касается хроник, в которых рассказывается об известных эпических героях. Известно, что переложение эпических сказаний в средневековых хроникальных сводах – традиционная форма бытования эпического сюжета (кастильские хроники XIII–XV вв., французские хроники XII–XIV вв., русские летописные своды и пр.). При этом замечено, что хронист, отбирая информацию о реальном или вымышленном персонаже (как, например, вроде как реальный Роланд или не вполне реальный Бернардо дель Карпио) обращается к самым разным источникам (и фольклорного и книжного происхождения); при этом ориентирован он не только на пополнение фактического материала, но и на его изложение в самой популярной и распространенной версии, что почти исключает полное искажение материала, но не исключает его трансформации.

В числе первых книжных источников о Родриго Диасе де Бивар оказывается так называемая «История Родерика», латинская хроника-жизнеописание деяний Родриго Кампеадора (Historia Roderici, другое название – Gesta Roderici Campidoctoris, [1, p. 160]. Изначальная датировка памятника подверглась за последние несколько лет существенному пересмотру; так, А. Монтанер и А. Эскобар

предлагают самую позднюю из существующих датировку памятника, относя время ее создания к 1185–90 гг. [3, с. 77–87]. Изучение «Истории Родерика» не раз заставляло ее исследователей предположить, что биография героя могла быть составлена на основе письменных и устных источников [7, с. 14]. Устность одного из источников мотивируется либо лингвистически (лексической простотой языка и слабой риторичностью стиля, отсутствием ссылок на античные сочинения, цитат из авторитетных источников, полным отсутствием метафоры и риторических тропов), либо сугубо исторически – анализом достоверности той или иной информации, упоминанием тех или иных реалий. Так А. Монтанер, отметив отсутствие точных перечней участников событий в битве за Валенсию, и – наоборот – их точность и достоверность в списках пленных после битвы при Кабре и Мореле, полагает, что в одном случае данные взяты из документов архива Сида, а в другом – из устных сказаний, где это не является важным и первостепенным. А Баутиста строит свои «устные предположения» на том, что точно списки пленных мог знать только очевидец событий или кто-то из записавших их со слов очевидца, соответственно меняя тем самым и датировку памятника [4, р. 4–30]. При этом зачастую под устным следом подразумевают «устную историю», рассказы и предания, а порой даже предполагаемый источник обозначается взаимоисключающими понятиями. Менендес Пидаль полагал, что одним из источников могла быть короткая песнь о первом изгнании или что мог существовать единый латинский источник для «Песни о Сиде» и «Истории Родерика». Предполагал он и наличие поэтического источника (то ли устного, то ли письменного) для описания битвы при Теваре. (Менендес Пидаль верил в фактографическую достоверность «Истории Родерика», полагая, что письма Родриго и графа Барселонского, перечни даров Валенсийскому собору, перечень мест, даруемых Альфонсо Родриго, четыре клятвы носят документальный характер, а автор, современник Сида, был малообразованным солдатом или странствующим клириком [6, р. 917].) Известный британский испанист К. Смит тоже считал, что в основе этого эпизода лежит латинская поэма или устная романская песнь, не делая различий между этими двумя принципиально разными источниками.

Поиски устного следа не случайны. Исследователями замечено, что написанная на латинском языке «История Родерика» не встраивается в латинскую историографическую традицию. И прежде всего, на наш взгляд, это заметно на способе описания монарха, короля Альфонсо VI. В более поздних латинских хрониках Луки Туйского и Родриго Толедского Альфонсо VI всегда представлен как идеальный монарх. Его характеристики традиционны для всей средневековой историографиче-

ской риторики и вполне каноничны. Вот, скажем, как описан Альфонсо VI в хронике Родриго Толедского: «Он был знаменит весьма деятельным характером, замечателен доблестью, отмечен исключительной славой» («Hic fuit strenuitate maxima nobilis, uirtute excelsus, gloria singularis») (*De Reb. Hisp.*, 6-XXI). Еще более пышную и хвалебную характеристику обретает этот король в «Первой всеобщей хронике», редакторы которой прекрасно знакомы с эпическими событиями «Песни о моем Сиде»: «Был этот король дон Альфонсо весьма ловким и очень опытным в военном деле, так как был знатен родом и возвышен властью, но еще более знатен и высок он был своим сердцем и своими делами (PCG, cap. 846)» («Este rey don Alffonso fue muy hardit et muy atreuido en armas assi que si noble era por linnage et alto por poder, et noble et mas alto era de coraron et de fechos» (PCG, cap. 846)). Пространное описание положительных качеств короля Альфонсо VI занимает в хронике целую главу (846). Никаких специфически личных свойств в обоих описаниях, как мы видим, не указано, однако приличествующая хронике характеристика и не должна их содержать. Важен сам факт ее наличия, а также степень концентрации положительных свойств (в данном случае она очевидно превышает статистическую норму).

Ни одного из тех определений-характеристик, которые мы встречаем применительно к монархам в латинских хрониках Исидора, Родриго Толедского, Луки Туйского, в «Истории Родерика» не появляется. Однако есть действия короля, и все они связаны с тем, что король Альфонсо слушает дурные советы, злится, завидует Родриго и строит козни герою:

– «Король был возмущен и разозлен, поверив этому дурному и завистливому обвинению. Он изгнал Родриго из королевства» (*Hujusmodi prava, ac invida suggestione rex injuste commotus, et iratus ejecit eum regno suo*). (His.Rod., 11).

– «Император также вынашивал в своем сердце большую зависть и дурной умысел изгнания Родриго из его земли» (*Sed imperator adhuc tractavit in corde suo multa invidia et consilio maligno, ut ejiceret Rodericum de terra sua*). (His.Rod., 19).

– «Когда король услышал это лживое обвинение, он поверил ему, и его охватила страшная ярость. Он приказал, чтобы все замки, владения и блага, которыми тот владел от его имени, были кофискованы» (*Rex autem hujusmodi accusatione falsa audita motus et accensus ira maxima statim jussit ei auferre catella, villas et omnem honorem, quem de illo tenebat*) (His.Rod., 34).

Зависть и несправедный гнев короля, неоднократно акцентированные в «Истории Родерика», не дают автору вставить ни одного положительного эпитета, присущего этому монарху в испанской историографии.

В то же время Родриго Кампеадор в хронике представлен как верный вассал (неоднократно подчеркиваемое качество), он гневлив по отношению к врагу и яростен в бою: «яростно сражался и опустошал страну» (*debellavit itaque ea fortiter et devicit atque depraedatus est ea* (His.Rod., 31). «Услышав это, Родриго выглядел очень разгневанным. Согреваемый пламенем ярости, он говорил с Юсуфом презрительно, утверждая, что слова его пусты». (*Quod audito, Rodericus iratus valde videtur. Flammea itaque accensus ira, nimium eum sprexit et verba illusionum ei dixerit* (His.Rod., 57)). Его главное качество – воинская доблесть, также все время подчеркивается, что он заботится о пропитании своих людей, подсчитывает богатую добычу, делит ее между своими людьми. Даже если принять точку зрения М. Вакеро, согласно которой изначально эпический Сид был выстроен по модели французских «мятежных баронов» (типа Гильома Оранжевого) [9, р. 74–81], то уже в «Истории Родерика» его мятежность и яростность по отношению к королю Альфонсу сглажена и, наоборот, сохранена в отношении остальных противников. Родриго занят добычей, данью, осадами крепостей и битвами. Его определение *vir bellator fortissimus* вполне равнозначно эпической формуле – *buen lidiador*.

Таким образом, описание и действия двух главных персонажей, и в данном случае едва ли не более существенным является описание правителя – короля Альфонсо – даны совершенно не в русле хроникальной традиции. Зато очевидно, что основные объяснения отношения короля к Родриго очень схожи по мотивации с эпической традицией. В «Песни о моем Сиде» сам Сид изображен несколько иначе (хотя остаются и указания на его ярость по отношению к врагам, и гнев по отношению к инфантам и их сторонникам), но в том, что касается противопоставления короля и Сиды, а также интерпретации поступков короля и движущих им мотивов сходство представляется очевидным. Конфликт короля и Родриго, как он описан в «Истории Родерика», строится на очень характерном зачинном мотиве испанского эпоса – мотиве ссоры короля и героя. В сущности, в «Истории Родерика» это единственная причина всех распрей, мало мотивированная. Причина всех «изгнаний» и уходов героя – зависть короля и клевета недругов; при этом в начале хроники в главах 7, 11, 19 это объяснение имеет характер очевидной вставки. Можно даже предположить, что почти механический повтор объяснения гнева короля перенесен с основного изгнания (2-го), заканчивающегося взятием Валенсии, на более ранние уходы Родриго из Кастилии, становится своего рода оправданием службы Родриго на мавританских эмиров.

Эпическим выглядит и еще один мотив – гнев правителя, выражающийся в пленении близких героя (в разных версиях он встречается во многих

испанских эпических сюжетах). Альфонсо запирает жену и детей Родриго. То же происходит, скажем, и с родителями Бернардо дель Карпыо (*Chron. mundi*. 2, XIV, 282): в гнев король пленил отца и отдал в монахини мать. Здесь можно видеть еще один пример различия в использовании фольклорного мотива в эпосе и хронике: эпика всегда трансформирует фольклорный мотив и органично вставляет в повествование, а историография делает это достаточно механически и не разворачивает вовсе. В конце той же главки, после оправдания Родриго, король отпускает семью героя, хотя с Родриго не мирится. Похожим образом все происходит и в «Песни о моем Сиде», где король Альфонсо после очередного послания даров отпускает Химену с дочерьми к Сиду, однако не дает официального прощания герою.

Как можно предположить, в «Истории Родерика» происходит последовательная героизация предания о Родриго Кампеодоре; кроме того, она была создана, по-видимому, с преимущественной ориентацией на устную эпическую традицию. Образцом для этого могли быть не только сказания и предания о Сиде (в более ранней версии, чем тот текст, который сохранился), но и многочисленные французские жесты о героях типа Гильома Д'Оранжевого. Образ Родриго к моменту написания латинской историографии в достаточной мере оформился в легендарную фигуру в устных сказаниях. Вероятно, к моменту написания латинской биографии уже существует устное сказание о Сиде, хотя оно и не тождественно в полном виде «Песни о моем Сиде»; похоже, речь идет о некоей древней устной версии, легшей в основу и латинской биографии, и эпической песни. Последующая история Сиды в ее устном бытовании (романсы) не сохранит ни одного из эпизодов битв с участием Родриго, за исключением перечня первых подвигов. Но почти все эпизоды эпической биографии испанского героя в фольклорном бытовании сохранили мятежный характер героя, его конфликт с королем Альфонсо и почти со всеми королями, которые встретятся на его пути (Фернандо, Уррака и пр.). Неизменным, лишенным хвалебных и даже просто традиционных историографических клише останется в эпике и образ правителя, короля Альфонсо. Так, на наш взгляд, способ представления персонажа и сопровождающие его характеристики могут помочь в определении предполагаемого – устного или письменного – источника средневекового текста, в нашем случае – латинского жизнеописания Родриго Диаса де Бивар.

Библиографический список

1. *Montaner Frutos A.* La construcción biográfica de la *Historia Roderici*: datos, fuentes, actitudes // *Edad media*. Revista Histórica. – 2011. – № 12. – P. 159–191.

2. *Montaner A.* El Cantar de Mio Cid // Cantar de mio Cid / Ed. Alberto Montaner. Real Academia Española. – Barcelona, 2010. – P. 256–560.

3. *Montaner Frutos A.; Escobar Chico Á.* (eds.) Carmen Campidoctoris o Poema latino del Campeador. – Madrid, 2001. – P. 77–87

4. *Bautista Fr.* Memoria y modelo: una lectura de la *Historia Roderici* // Journal of Medieval Iberian Studies. – 2010. – Vol. 2. – № 1. – P. 1–30.

5. *Hlgashi A.* Los maiores en los *Gesta Roderici* y en el *Carmen Campidoctoris*: historia y literatura // Revista de Literatura Medieval. – 2004. – № XVI. – P. 63–79.

6. *Menéndez Pidal R.* La España del Cid. – Madrid, 1929. – 2 vol. – P. 1006.

7. *Powell B.* Epic and Chronicle: The Poema de Mio Cid and the Crónica de Veinte Reyes. – London, 1983. – P. 204.

8. *Rodríguez Ana.* De rebus Hispaniae frente a la *Crónica latina de los reyes de Castilla* : virtudes regias y reciprocidad política en Castilla y León en la primera mitad del siglo XIII // Cahiers de linguistique et de civilisation hispaniques médiévaux. – 2003. – № 26. – P. 133–149.

9. *Vaquero M.* «El cantar de la Jura de Santa Gadea y la tradición del Cid como vasallo rebelde» // Olifant. – 1990. – XV. – P. 47–84.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ШОТЛАНДИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОЭЗИИ

Статья представляет собой краткий обзор современной политической поэзии Шотландии. На протяжении XX века и в начале XXI века Шотландия отстаивала своё право на национальное самоопределение и на получение независимости от Соединённого Королевства или автономии в рамках одного государства. Специфической чертой движения за независимость в Шотландии является решение политических вопросов не только посредством политических, но и литературных дебатов. Участие писателей, поэтов и драматургов в политических кампаниях и референдумах беспрецедентно. В статье рассматриваются наиболее яркие поэтические произведения, ставшие знаковыми во время последних политических событий. Шотландские стихи о независимости, написанные на английском, скотс и гэльском, появились в начале XX века в противовес англоязычной литературе «капустной грядки», идеализовавшей Шотландию как часть Британской империи. Для шотландской поэзии XX–XXI веков характерно использование символов, которые позволяют интерпретировать один и тот же текст по-разному, что отражает неоднозначность политической ситуации в стране. Референдум 2014 г. по вопросам независимости, а также референдум 2016 г. о выходе Великобритании из Европейского Союза стали не только политическими, но и литературными событиями в Великобритании.

Ключевые слова: Шотландская литература, литература «капустной грядки», шотландский Ренессанс, референдум по вопросу шотландского парламента, референдум о независимости Шотландии, Хью Мак Дермид, Эдвин Морган.

Современная шотландская литература практически неизвестна читателю за пределами Великобритании. Знакомство с Шотландией по литературным произведениям для многих ассоциируется с литературой «капустной грядки» XIX века. В произведениях этого направления Шотландия описывается как идиллический уголок Британской империи, причём слово «шотландец» синонимично слову «британец». Литература «капустной грядки» в самой Шотландии не пользовалась популярностью, так как в реальности регион являлся неразвитым аграрным районом, а доходы от угледобывающей промышленности шли в бюджет Империи.

Первая мировая война и политические события в Ирландии (Пасхальное восстание 1916 года) вновь заставили шотландцев задуматься о месте Шотландии на политической карте мира. До войны и Шотландия, и Ирландия были экономически отсталыми регионами Империи, поэтому вступление Британии в войну ухудшило и без того тяжёлое положение обеих частей страны. Однако Шотландия, несмотря на имеющиеся опасения британского парламента, не пошла по пути вооружённого сопротивления английским властям. Шотландцы избрали более долгий, но и менее кровопролитный способ национального самовыражения.

Стремление к независимости изначально было продиктовано желанием шотландской общественности доказать, что понятие «шотландец» не равнозначно понятию «британец». Однако позже социальные и культурные проблемы вышли на первый план [2; 12]. 20-е годы XX века стали началом так называемого шотландского Ренессанса. Шотландские поэты и писатели решили вернуть популярность языку скотс (Scots), на котором разговаривают жители южной, равнинной части Шотландии. Статус скотс и до настоящего време-

ни остаётся крайне неопределённым, так как этот язык по-прежнему не имеет статуса официального, но, тем не менее, уже включён в школьную программу многих шотландских учебных заведений.

За возрождение шотландской культуры посредством языка скотс выступал Хью Мак Дермид, один из величайших современных поэтов.

«Пьяница смотрит на чертополох», (*A Drunk Man Looks at the Thistle*) [3] – самая знаменитая поэма Мак Дермида, написана на скотс, так как поэт стремился доказать, что скотс – не просто вульгарный язык простонародья. Здесь же Мак Дермид выступает против клишированного восприятия шотландской культуры. По его мнению, традиционная символика (чертополох, килт, вольнка и др.) должны остаться там, откуда они пришли – в литературе времён Вальтера Скотта, который в своё время предпринял огромные усилия по популяризации Шотландии.

Однако вскоре Мак Дермид пришёл к осознанию парадоксального факта: произведения, написанные на «языке завоевателя» [4; 12] имеют больше шансов быть услышанными за пределами Шотландии и привлечь внимание общественности к проблемам региона.

Поэтому со времён Мак Дермида и практически до конца XX века шотландские поэты, писатели и драматурги не делали попыток писать полнотой на скотс.

Мак Дермид оказал влияние не только на шотландскую литературу, но и на образование. Именно ему современная шотландская школа благодарна за то, что шотландская литература включена в учебный план. И хотя это произошло в 2012 году, но идея принадлежит, бесспорно, Мак Дермиду.

Радикальные взгляды поэта привели к тому, что любая попытка писать на «шотландскую тему» рассматривалась Лондоном как экстремистская.

Джеймс Робертсон утверждает, что литературная жизнь Эдинбурга и Глазго тщательно контролировалась британскими спецслужбами [8, с. 204].

Первым поэтом, который явно поддерживал стремление Шотландии к независимости, но считал, что она должна сначала проявиться в культуре, а затем экономике и, наконец, политике, стал Эдвин Морган.

Политические взгляды Эдвина Моргана отражают не только ситуацию в Шотландии. Морган писал на английском языке (с отдельными вкраплениями на скотс) и на абсурдном языке, который использовался им для изображения политического противостояния. Например, в стихотворении «Первые люди на Меркурии» (*The First Men on Mercury*) описан диалог между СССР и странами НАТО, причём обе стороны в конце стихотворения приходят к компромиссу [6, с. 17]:

– *No. You must go back to your planet.*

*Go back in peace, take what you have gained
but quickly.*

– *Stretterworra gawl, gawl...*

– *Of course, but nothing is ever the same,
now is it? You'll remember Mercury.*

Морган критиковал Шотландскую национальную партию за то, что она слишком углубляется в шотландские проблемы и мало внимания уделяет мировым вопросам, а также вопросам качественного образования.

Вместе с тем, именно Эдвин Морган впервые за долгое время после Хью Мак Дермида обратился к идее Шотландии как парламентской республики в стихотворении «Монета» (*The Coin*), в котором путешественники во времени находят монету шотландской республики. Таким образом, Морган противопоставил своё мнение тем политикам, которые считали, что Шотландия должна получить независимость от Короны по образцу политической системы, существовавшей до Унии 1707 года, когда страна была парламентской монархией [7, с. 42].

Став шотландским макармом, то есть поэтом-лауреатом, Эдвин Морган посвятил множество стихотворений тому, как должен функционировать шотландский парламент. По итогам референдума 1997 года, инициированного новым британским премьер-министром Тони Блэром, Шотландия и Уэльс высказались за политическую автономию, то есть за создание национальных парламентских структур. Здесь следует отметить, что шотландская общественность давно поддерживала идею о проведении референдума под влиянием политики Тэтчер, закрывшей большинство угольных шахт региона, что привело к росту безработицы. Развитие же нефтедобычи в Северном море было для Шотландии невыгодным, так как доходы направлялись в государственный, а не местный бюджет.

Парадоксально, но безработица привела к тому, что многие безработные решили попробовать себя

в качестве писателей. Ярким примером является Джеймс Келман, лауреат Букеровской премии 1994 года.

В отличие от Уэльса, Ассамблея которого создана по образу и подобию британского парламента, Шотландия сразу решила, что её национальный парламент должен отличаться во всех отношениях, начиная с архитектурного, и заканчивая принципами работы парламентариев.

Эдвин Морган не оставил эти принципы без внимания и выразил их в стихотворении, которое в настоящее время выбито в граните при входе в Парламент. Оно было написано по случаю открытия нового здания Парламента в 2004 году (*For the Opening of the Scottish Parliament, 9 October 2004*) [5, с. 10–11].

Эдвин Морган упоминает архитектурные и дизайнерские особенности здания, противопоставляя их «имперским», хоть и современным, постройкам: *Not here, no thanks! No icon, no IKEA, no iceberg (...)*

Большое значение имеет множество света:

*Open the doors! Light of the day, shine in;
light of the mind, shine out!*

We have a building which is more than a building.

Здесь следует отметить, что многие стены Парламента сделаны из стекла, что позволяет любому человеку с улицы наблюдать, работают ли парламентарии. Однако не только архитектура является особенностью шотландского парламента.

К политикам поэт обращается уважительно: *“Dear friends, dear lawgivers, dear parliamentarians”*, потому что, по его мнению, это думающие люди, которым избиратели дают наказ не только решать текущие проблемы, но и сделать первый шаг на пути к мечте о независимости, которая была у парламента до 1707 года: *a good sense of what was once in the honour of your grasp.*

Накануне референдума 2014 года литература Шотландии стала все более политизированной. Как сторонники, так и противники отделения Шотландии высказывали свою точку зрения на страницах альманахов и газет.

Кэрол Энн Даффи, современная шотландская поэтесса, очень точно выразила настроение шотландцев после референдума в стихотворении, написанном на английском языке, но озаглавленном на гэльском, втором официальном языке Шотландии, как *Tha gaol agam ort* («Я Вас люблю») [1].

A thistle can draw blood,

so can a rose,

growing together

where the river flows, shared currency,

across a border it can never know;

where, somewhen, Robbie Burns might swim,

or pilgrim Keats come walking

out of love for him.

Aye, here's to you,

cousins, sisters, brothers,

*in your brave, bold, brilliant land:
the thistle jags our hearts,
take these roses
from our bloodied hands.*

Стихотворение парадоксально по своей сути, что отражает положение дел в Шотландии после референдума, а также показывает двойственность произошедшего. В первых строках поэтесса размышляет об общности исторической и литературной традиции Англии и Шотландии: и роза, и чертополох растут вместе, и можно пораниться до крови и тем, и другим. Поэты Роберт Бернс и Китс черпали вдохновение в одних и тех же пейзажах, хотя и смотрели на них с разных берегов. Кажется, что, обращаясь к англичанам как к сёстрам и братьям, поэтесса поддерживает сторонников сохранения Шотландии в составе Соединённого Королевства. Однако последние три строки указывают на то, что итоги референдума стали для многих шотландцев ударом. Некоторые критики обвинили поэтессу в использовании традиционных символов-клише для создания образов Шотландии и Англии (чертополох и роза), однако в данном случае растения символизируют не только две страны, но и болезненные отношения между ними (оба растения – неуживчивые и колючие). Гэльское название стихотворения подчёркивает стремление к независимости, которое осталось непоколебимым даже после оглашения итогов референдума.

Традиционно Шотландия всегда тяготела к континентальной Европе, нежели к Лондону, поэтому

результаты референдума 2016 года о выходе Великобритании из состава Европейского союза, снова подняли вопрос о независимости Шотландии. Брекзит стал причиной не только многочисленных политических споров, но и поэтических дебатов, поэтому с большой вероятностью можно сказать, что вскоре на суд читателей будут вынесены стихи, посвящённые и этой проблеме.

Библиографический список

1. *Duffy Carol Ann*. Tha gaol agam ort. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/books/2014/sep/23/carol-ann-duffy-poem-scottish-independence-referendum-september-2014> (дата обращения: 25.01.2017)
2. *Lyall Scott*. Hugh MacDiarmid's Poetry and Politics of Place. – Edinburgh University Press, UK. – 2006. – 201 p.
3. *Mac Diarmid Hugh*. A Drunk Man Looks at the Thistle. – Edinburgh, UK. – 1926.
4. *Mac Diarmid Hugh*. Speaking for Scotland. – Edinburgh, UK. – 1946.
5. *Morgan Edwin*. For the Opening of the Scottish Parliament, 9 October 2004 // A Book of Lives. – Carcanet, UK. – 2007.
6. *Morgan Edwin*. The First Men on Mercury // A Book of Lives. – Carcanet, UK. – 2007.
7. *Morgan Edwin*. The Coin // A Book of Lives. – Carcanet, UK. – 2007.
8. *Robertson James*. And the Land Lay Still. – Penguin, UK. – 2010. – 803 p.

К.С. АКСАКОВ О СУЩНОСТИ СЛОВЕСНОГО ТВОРЧЕСТВА

Статья содержит характеристику литературно-критической позиции К.С. Аксакова в её развитии и наиболее характерных проявлениях. В основе этой позиции было сочетание немецкой философской диалектики и догматического православия, в соответствии с которым искусству предназначалась исключительно служебная роль, а само искусство должно быть творением не отдельной личности, а коллектива, поскольку православие, по мнению славянофилов, отвергает творческое начало индивидуума. К. Аксаков не принимает основанное на личном авторстве европейское искусство, авторство он признаёт лишь как переходный этап от народного творчества к новому «целостному осмыслению жизни» на основе преобладания этического начала над эстетическим. В этой недооценке художественности в искусстве славянофилы сближались со своими идейными противниками – радикальными демократами.

Ключевые слова: философская диалектика и православие, коллективное и индивидуальное в творчестве, соотношение этического и эстетического начал, словесное творчество, славянофилы.

В конце 1848 г. К.С. Аксаков в письме своей знакомой С.М. Великопольской высказал мнение, что «искусство в настоящем смысле слова есть язычество и несовместимо с жизнью христианскою. В католицизме оно могло существовать, ибо католицизм есть (по крайней мере, во многом) христианское язычество; в нашей русской жизни, верою православною основанной, оно быть, как искусство, самостоятельно не может; оно может принять лишь служебный характер, как принимает оно в иконописи» [1, с. 451]. Ещё раньше, в 1845 г., он в краткой форме высказал подобную мысль в письме своему приятелю и единомышленнику историку А.Н. Попову: искусство «в настоящем значении своём с христианством несовместно, а основание жизни, единое, истинное – есть христианство» [4, с. 33–34]. В тезисах к ненаписанной статье «Искусство и художественность» (конец 1840-х годов) он утверждает, что христианство «для искусства неуловимо». И далее: «...личность необходима для изображения художественного, но личность по началам христианства есть грех, уже потому христианин, русский человек, личность отвергающий, в искусстве неуловим». В словесности «нехудожественность, бестелесность изображения... единственная возможность» [2, с. 186].

Для славянофила К. Аксакова подобные умозаключения вполне логичны: общество, которое славянофилы считали нормой, должно существовать на основах православия, при котором в принципе нет места светскому искусству (не случайно и народное творчество в допетровской Руси преследовалось как языческое). Эпоха Возрождения в Западной Европе воспринималась в допетровской Руси как уступка языческой античности. Современная европейская культура, и прежде всего искусство, ведёт начало от древнегреческой традиции, когда сакрализовалась (обожеествлялась) сама красота, которая была в античности сродни религии. Это не могло быть принято православной (ор-

тодоксальной) концепцией прекрасного, в основе которой – духовное, нравственное начало.

Сформулированные К. Аксаковым представления об искусстве – это норма, к которой, по его мнению, необходимо стремиться, а пока что приходится иметь дело с тем искусством, с той литературой, которую даёт современное общество. Поэтому в его суждениях о литературном процессе и о писателях имеют место различные оценки и выводы, близкие бытовавшим в середине XIX века критическим методам, прежде всего философской критике. Об эстетической и литературно-критической позиции К.С. Аксакова, как и славянофилов вообще, написано немало интересных исследований. Прослежена связь славянофильской эстетики с немецким идеализмом: её истоки в шеллингианстве, а более основательные философско-эстетические принципы близки Гегелю. Диалектика немецкого идеализма способствовала формированию социальной и философской доктрины русского славянофильства, включая позицию эстетическую, литературно-творческую и литературно-критическую. В последние годы литературоведы обращают внимание на соотношение славянофильских представлений о литературе и искусстве с религиозными верованиями (В.А. Котельников, Е.И. Анненкова). Однако не всё в этом отношении прояснено. Попробуем проследить динамику представлений К.С. Аксакова о литературе как искусстве.

До середины 1830-х годов его эстетические взгляды в целом совпадали с русскими романтиками-шеллингианцами. В.А. Кошелев, много сделавший для изучения творческого наследия славянофилов, их философско-эстетических и литературных взглядов, приводит немало доказательств этому, в частности подчёркивая, что К. Аксаков исходит «из понимания художественного образа как системы целостного отражения мира. Произведения искусства есть высшая ступень познания “внутренней жизни” предмета, которая составляет “идею” этого предмета... “Звук” и “смысл” поэтического

произведения (то есть форма и содержание. – В. Т.) должны... соотноситься и оформляться в некое высшее единство» [4, с. 65]. В отличие от разумной деятельности, уточняет В.А. Кошелев позицию К. Аксакова, поэзия как творчество «есть способ целостного осмысления жизни и непосредственного воссоздания её» (курсив автора) [4, с. 67].

Романтические представления об искусстве как самосознании духа у К. Аксакова постепенно трансформировались в поиски «цельного» искусства, «национально сознанным», национально определённым. Ещё С.А. Венгеров в начале XX века достаточно подробно проследил связь историко-литературной позиции К. Аксакова с философией и эстетикой Гегеля [3, с. 131–133]. В статье «О некоторых современных собственно литературных вопросах», над которой К. Аксаков работал в 1838–39 годах, он, по мнению его брата И.С. Аксакова, попытался «оправдать православие Гегелевой философией» [2, с. 490]. По выражению П.Б. Струве, усилиями «русской метафизической мысли» «произошло то химическое соединение немецкой философии с византийской богословской мыслью, которое есть идейное существо славянофильства» [6, с. 20–21].

Гегелевскую диалектику развития К. Аксаков распространяет на процесс развития литературы вообще и русской в частности – от коллективного народного творчества («первичного эстетического самоощущения народа») к этапу авторской «индивидуальности» в собственно литературном творческом акте и в перспективе – к возникновению нового «синтетического» искусства [4, с. 73]. Литература, как и культура в целом, соотносится с национальной историей и поэтому специфична у каждого народа. По мнению К. Аксакова, «чем более народ наполняется через индивидуумов общим содержанием, тем истиннее, тем просветлённое становится народность» [4, с. 74]. В процессе развития литературы происходит синтез социального, национального, эстетического, духовного бытия народа. Носителем этого синтеза («перехода») становится «индивидуум», «гений», «автор», через его индивидуальность проявляется «общее», и это «общее» снимает, уничтожает индивидуальное [4, с. 78]. В ранний период своих философско-эстетических исканий К. Аксаков выше литературы ставит фольклор, а литература авторская как необходимый этап творчества, по его мнению, – лишь путь к будущей гармонии целостного поэтического восприятия окружающего мира, его созерцания [4, с. 79].

Поэтому К. Аксакова не удовлетворяла новая русская литература как выражение ложного личного начала и «безнародности», следовательно «антинародности» творчества – в отличие от русской словесности допетровской Руси.

До середины 1840-х годов К. Аксаков интересовался главным образом общими проблемами

становления русской литературы в соотношении с европейской, а также вопросом специфики литературы как искусства с точки зрения современной эстетики и в соотношении с православием. Редкие случаи непосредственного обращения к характеристике литературных произведений также определялись стремлением подтвердить и испытать соответствующее направление творчества. Это проявилось, например, в известной статье «Несколько слов о поэме Гоголя: “Похождения Чичикова, или Мёртвые души”» (1842 г.), которая вызвала резкую отповедь со стороны Белинского. Аксаков не даёт целостного анализа «Мёртвых душ», основа критической характеристики поэмы у него – синтез, целостное восприятие произведения, выявление специфики присущего поэме эпического начала, столь дорогого славянофильскому сознанию критика, противопоставлявшему его европейскому индивидуализму. Гоголь для К. Аксакова, как и для всех славянофилов, – знамя и начало той русской литературы, какой она должна стать. Критику важно обнаружить проявление творческого гения Гоголя, соответствовавшего православному представлению о прекрасном как отражении и реализации духовных ценностей.

Споры о «Мёртвых душах» не только окончательно развели сторонников разных представлений об искусстве, основанных на социальных или религиозных принципах (в частности, К. Аксакова и В. Белинского), но и продемонстрировали специфику соответствующих критических методов. Единомышленники К. Аксакова обратили внимание на то, что он заметил способность Гоголя возводить «пошлую сторону жизни в мир искусства», что, по его мнению, «смешное у Гоголя, определившее несерьёзное отношение к нему читателей, не смешно, ибо за ним кроется нечто большее» [4, с. 115, 116]. Вопреки характерным для славянофилов представлениям о единстве этического и эстетического начал в художественном произведении, в оценке «Мёртвых душ» К. Аксаков, по существу, попытался отделить форму от содержания, выдвинув на первый план общую, по его мнению, для Гоголя и Гомера способность к эпическому созерцанию в самом акте творчества, при осознании различий в его сущности. Это противоречило высказанному ещё в 1839 году его же суждению: «Когда внешнее (форма) есть соразмерное выражение внутреннего (идеи), тогда перед собою видим мы живое явление... Но как скоро эта гармоническая связь нарушена, тогда явление становится недействительным» [2, с. 45]. В то же время несомненным приобретением К. Аксакова – критика и теоретика искусства – было его представление о том, что «поэзия заключается уже в самом наименовании, в простом выговаривании словом того, что есть», то есть понимание онтологичности, сакральности слова [4, с. 45].

Современная литература, утверждает критик, изображает жизнь обыкновенных людей, художественное слово «измельчалось», утрачена его логосность, его связь с религиозным началом, и оказался невозможным возврат к прежнему эпосу, к воспроизведению действительности в её «непосредственном величии». Гоголь – исключение, но у него эпическое начало трансформировалось в комическое, причём комическое в русской литературе специфично: «Другое значение имеет у нас комедия и вообще вся комическая сторона литературы. <...> В ней обличение лжи нашей общественной жизни, и потому наша комическая поэзия имеет в себе много трагического. <...> В нашей литературе восторг часто смешон, а смех серьёзен» [4, с. 118]. В другом месте К. Аксаков пишет: «Юмор в наше время есть то, что необходимо сопровождает самое полное и спокойное созерцание поэта, и у Гоголя он находился с самого начала его деятельности; но это не тот юмор, который выдаёт, выставляет субъект, уничтожая действительность... но тот, который связывает субъект и действительность, сохраняя и тот и другую» [2, с. 90].

Усвоив школу философской диалектики Гегеля, К. Аксаков, естественно, постарался проследить динамику русского литературного процесса в соотношении с европейским. Этой проблеме он посвятил ряд статей в конце 1830-х и в 1840-е годы, получивших итоговое развитие в обширной работе «Обозрение современной литературы» (Русская беседа. 1857. № 1). В известной степени историко-литературный экскурс К. Аксакова противостоял обозрениям Белинского в том, что касалось представлений об особенностях русского литературного процесса.

К. Аксаков не согласен с мнением о том, что русская литература началась после петровских реформ (именно это утверждал Белинский). Понимая литературу как «выражение жизни народной в письме и слове», подчёркивая, что это «выражение было по преимуществу духовное», он утверждает, что эта словесность сохранилась в русском народе, но стала чужой для «преобразованного общества», потому что «сам образ его жизни лишён присутствия веры» [2, с. 152, 153]. С эпохи Петра началась «вся эта вереница стихотворений и прозаических сочинений, весь этот бумажный хлам, которым мы довольно богаты» [2, с. 152]. «Литература с Петра есть... литература отвлечённой стороны народа, литература дворянская... правительственная» [2, с. 155].

В подобном духе К. Аксаков оценивает почти всю русскую литературу XVIII века, в основе своей панегирическую. Нечто новое появилось у Карамзина, который покинул «пафосность» классицизма, но не ради интереса к русской жизни, а придуманного «руссизма». В его творчестве нет места народу, но у него заговорило «русское чувство», и это

был шаг вперёд в русской словесности к утверждению «русского направления» [2, с. 185]. В первые десятилетия XIX века русская словесность достигла определённых успехов, в ней как будто зазвучала «любовь к России», но это была та удобная любовь, которая не мешала быть вовсе чуждым своей родной земле. <...> Самостоятельная жизнь ещё не обнаруживалась, стремления к пониманию русской земли, сознания ложности пути западного просвещения ещё не было» [2, с. 189]. И Пушкин – не исключение в ряду писателей своего времени.

По мнению К. Аксакова, сознание необходимости народного начала в русской мысли и русской литературе впервые возникло у А.С. Хомякова [2, с. 189–190]. Почти одновременно в противовес этой тенденции возникла литературная натуральная школа, значительно повлиявшая на «литературу современную» и ставшая настоящей «фабрикой повестей и романов» [2, с. 197, 199]. Сторонники натуральной школы утверждают, что «она создана Гоголем; нет, она возникла вследствие ложного понимания художественного гения, вследствие усвоения себе внешних его приёмов, но не идеи... Механическое отражение жизни, со всеми её мелочами, но без её смысла, производило обратное впечатление, и вся эта наружная верность жизни была клеветой на жизнь» [2, с. 339].

Ещё одна особенность современной литературы – засилие журналов, мода на которые тоже пришла с Запада [2, с. 198–199]. В то же время Аксаков манифестирует появление в русской литературе «целого направления», основанного на «самостоятельности нравственной и жизненной» (курсив автора. – В. Т.) [2, с. 203]. Для этого направления характерно преодоление «сухого, холодного эгоизма», который ещё в поэзии Лермонтова обнаружил «сокровенное зло прежнего отвлечённого направления» [2, с. 204]. На первый план выходят поэты, отрицающие «услаждение стихом», поэты мысли: Ф.И. Тютчев, А.С. Хомяков, И.С. Аксаков. У них «содержание, мысль не укладывается в стихотворение, переходит его пределы», «стремится воплотиться в жизни, в действительности»; «в наше переходное время только такие стихотворения и могут иметь настоящее живое достоинство» [2, с. 205]. Сейчас же и поэты, и прозаики «сочиняют изящные сочинения», даже с «претензией на художественность», но «всё же вместе холодно и безжизненно до крайности» [2, с. 206]. «Чаша поэзии выпита, – утверждает К. Аксаков, – сейчас «поэтическое может быть только средством, одним из способов литературы будущего дня» [2, с. 225]. Эта мысль критика повторяет высказанное им же более раннее суждение в письме И.С. Тургеневу (начало 1850-х годов): «Я откинул притязания на художественность, откинул их давно; всюду занимает меня только мысль, для неё беру я художественные формы как средство» [5, с. 217].

Как позитивный факт К. Аксаков воспринимает то, что русские писатели всё чаще стали обращаться к народной теме, но, задаёт вопрос критик, «поняли ли они русский народ? исполнились они, хотя отвлечённо, хотя б разумом, его духа?» [2, с. 226]. Он затрагивает проблему, которая спустя несколько десятилетий будет волновать русских народников: способность понимания народной психологии, народной культуры людьми, относящимися к другому сословию и другой культуре: «Писатели наши жадно кидаются на все внешние признаки народности... и не видят... что истинная народность, и быт, и слова ускользают от них за этими внешними признаками» [2, с. 227].

Отличительное качество современной русской литературы, считает К. Аксаков, – её «стремление к общественному значению» [2, с. 340], и это критик приветствует. Более строг он по отношению к конкретным писателям – не славянофилам. Например, негативно оценивает раннее творчество И.С. Тургенева, особенно поэтическое, видя в нём продолжателя лермонтовского направления, «бездушного эгоизма», однако, начиная с «Записок охотника», выразившего «направление, совершенно противоположное прежнему» [2, с. 241, 342], и не только по отношению к народной теме, но и в изображении «духовного начала, нравственной истины» [2, с. 345]. Этим Тургенев отличается от других талантливых писателей, склонных к копированию действительности (А.А. Потехина, А.Ф. Писемского), в произведениях которых критик не находит авторской позиции, «благого внушения», без чего у них остаётся «копия, не имеющая ни достоинства искусства, ни достоинства действительности» [2, с. 352]. В отличие от них, «нравственный смысл» К. Аксаков находит в «Бедной невесте» А.Н. Островского, а в раннем творчестве Л.Н. Толстого он обнаруживает «прямое отношение к предмету», «уважение жизни», интерес к «личному миру человека, его душе» [2, с. 356]. Отношение К. Аксакова к Толстому было сложным: признавая его большой талант, глубину и оригинальность анализа, он в то же время констатирует «несоразмерность» и «опасность» этого анализа, чрезмерное внимание к личности, которое «искажает... собственную душу». Критик утверждает: «Надо меньше заниматься собою, обратиться к Божьему миру, яркому и светлому... и тогда, не теряя самосознания, станешь и себя чувствовать в настоящей мере и настоящем свете» [2, с. 357, 358].

В 1850-е годы К. Аксаков стал более основательно и объективно оценивать новые явления русской литературы, даже в том случае, если они не соответствовали славянофильской доктрине. Он положительно отнёсся к «Губернским очеркам» М.Е. Салтыкова-Щедрина, отметив их «общественный интерес», оценив как «утешительное явление», хотя это «не произведение искусства» [2,

с. 358]. Для него всё меньшее значение имел художественный элемент в творчестве – в том случае, если перед нами «произведения, полные искренности, полные мысли, истинного чувства, душевной красоты» [2, с. 359]. Таково, по его мнению, творчество Н.Д. Хвощинской (псевдоним «Вс. Крестовский») – без всякого притязания на художественное значение» [2, с. 359]. В целом современное состояние русской литературы К. Аксаков оценивает как переходное от периода подражательного к «самобытному», к «сознанию русского начала жизни», но пока ещё «светится какая-то, чуть видная, заря литературного будущего дня» [2, с. 361].

Судя по конкретным оценкам литературных явлений, развитие русской литературы К. Аксаков связывал с обязательной обусловленностью художественного творчества православными духовными и этическими ценностями. В упомянутом выше письме С.М. Великопольской, имея в виду свою историческую драму «Освобождение Москвы в 1612 году», он признаётся: «Здесь жизнь является без всякой личности, без героя; здесь является смирение, а не гордость; здесь, как и в русской жизни, люди русские всё относят к Богу, а не к себе. Драма моя не есть художественное произведение: здесь искусство только как средство, чтобы начертать такой высокий строй жизни... какой не поддаётся силе художественной» [1, с. 451]. Впрочем, опыт новой драмы, задуманный К. Аксаковым, оказался неудачным, перенесение на сцену исторического «действия» в его непосредственном виде, без художественных условностей не убеждало ни зрителей, ни критиков.

Стремление следовать в отношении к художественному произведению заранее определившимися установкам постоянно проявлялось в статьях К. Аксакова [7]. Показательна его оценка первых произведений Ф.М. Достоевского – романа «Бедные люди» и повести «Двойник». Критик находит в этих произведениях лишь «тенденцию», мешающую им «быть изящными», и противопоставляет их гоголевскому творчеству, при том, что, уверен Аксаков, Достоевский Гоголю во многом подражает: в «Шинели» у Гоголя «глубокая, примиряющая красота художественного произведения обняла и внесла между тем в вашу душу новую жизнь, новое начало», чего нет у Достоевского [2, с. 138]. Мировоззренческая категоричность явно мешала К. Аксакову понять новаторский характер раннего творчества Ф.М. Достоевского по сравнению, например, с В.Н. Майковым, который руководствовался в оценке тех же произведений самим их смыслом, а не теоретической установкой.

Ориентация на приоритет религиозных (православных) ценностей повлияла на отношение К. Аксакова, как и других славянофилов, к просвещению народа. В статье «Два слова о народном обучении» (Молва. 1857. № 35) он пишет: «При настоящем

положении наше дело может выразиться только одним: предложением народу средств просвещения, но не просвещения самого, нами выбранного и обработанного для народа. Это средство есть единственное: грамотность церковно-славянская и русская; об ней надобно заботиться и вместе о составлении деревенских библиотек, состоящих из книг, и без того требуемых народом, то есть Евангелия, Апостола и вообще церковно-славянских книг» [2, с. 307]. Светская литература, тем более современная, для народного чтения не допускалась. Здесь проявляется явное желание славянофилов законсервировать духовную культуру народа в рамках православия и отгородить её от культуры светской. Славянофильская консервативная утопия в понимании природы и роли словесного искусства, как это ни парадоксально, сближается с позицией оппонентов – русских радикальных демократов: крайности, как известно, сходятся... И это закономерно, потому что к подобным результатам приводит игнорирование специфики искусства, его творческого начала.

Библиографический список

1. Аксаков К.С. Письмо С.М. Великопольской (1848 г.) // Русский архив. – 1904. – № 7. – С. 451.
2. Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. – М.: Искусство, 1995. – 526 с.
3. Венгеров С.А. Передовой боец славянофильства. Константин Аксаков. – СПб.: Прометей, 1912. – 248 с.
4. Кошелев В.А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840–1850-е годы). – Л.: Наука, 1984. – 196 с.
5. Письма С.Т., К.С. и И.С. Аксаковых к И.С. Тургеневу. – М., 1894. – С. 217.
6. Струве П.Б. Москва и Санкт-Петербург (Сопоставления, характеристики и размышления) // Первопрестольная: далёкая и близкая. Москва и москвичи в литературе русской эмиграции / сост. М.Д. Филин. – М.: Русский мир, 2003. – Вып. 1. – С. 20–21.
7. Тихомиров В. В. Московские литературные и учёные сборники (1846 и 1847 гг.) в контексте русской литературной критики и журналистики 1840-х годов. Статья вторая // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – № 3. – С. 138–139.

ПОВЕСТЬ Л.Н. ТОЛСТОГО «КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА» В РЕЦЕПЦИИ Н.С. ЛЕСКОВА: НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ ЗАМЫСЛЫ*

Статья посвящена анализу художественной рецепции Н.С. Лесковым повести Л.Н. Толстого «Крейцерова соната», полемика вокруг которой стала крупнейшим событием отечественного литературного пространства начала 1890-х гг. Значимость комплексного рассмотрения корпуса неоконченных текстов Лескова, замысел которых родился у писателя после знакомства с «Крейцеровой сонатой», определяется тем, что взгляд Толстого на центральную для повести проблему семьи был одним из немногих положений толстовского учения, к которым Лесков относился нескрываяемо критически. Практико-ориентированный ум писателя не мог принять крайностей подхода Толстого, что и нашло отражение в незавершенных текстах, полемически заостренных против толстовской проповеди воздержания. Однако в статье сделан принципиальный вывод о том, что, хотя тексты Лескова входят в противоречие с толстовскими идеями, писатель старается обойти наиболее острые вопросы и на первый план выдвигает свою солидарность с Толстым. Прямолинейность же и дидактичность, с которыми Лесков выражает свои мысли, актуализируя фигуру автобиографического нарратора, могут интерпретироваться как одни из ярких примеров стилистической ориентации писателя на манеру позднего Толстого.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой, «Крейцерова соната», «По поводу Крейцеровой сонаты», рецепция, полемика, исповедь.

Н.С. Лесков познакомился с текстом «Крейцеровой сонаты» по предпоследней редакции повести, которая, начиная с середины 1889 года, распространялась в многочисленных списках. А.Н. Лесков вспоминал, что 15 февраля 1890 года он «прочитал взволнованные строки отца»: «“Соната” вчера решительно запрещена. <...> В Литературном обществе произнесли Толстому осуждение. “Он сошел с ума и исписался”. Этому аплодировали. Фофанов вскочил и крикнул: “Комары и мошки напали на льва”. Полагали, что он пьян, но он был трезв» [9, с. 453].

Со второй половины 1880-х гг. Лесков напряженно следил за работой Толстого. Пристальное внимание Лескова привлекала и резонансная деятельность писателя (Голодные харчи Толстого // Петербургская газета. 1891. № 305. 6 ноября), и публикации о Толстом в столичной прессе (Курская трель о Толстом. Письмо в редакцию // Петербургская газета. 1891. № 23. 24 января; Сплетни о Толстом // Петербургская газета. 1891. № 39. 9 февраля; Нападки г. Михайловского на Л. Толстого // Петербургская газета. № 19. 20 января), и движение «толстовцев» («Зимний день», 1894). Не мог не откликнуться Лесков и на выход в свет «Крейцеровой сонаты», полемика вокруг которой стала крупнейшим событием отечественного литературного пространства начала 1890-х гг. В 1890 году Лесков под влиянием повести Толстого начал ряд художественных произведений, впрочем, так и оставшихся незавершенными: это наброски ««Особенно чувствительно уязвила...»» и «Короткая расправа» [15], фрагмент «рассказа к стати» «По поводу Крейцеровой сонаты».

В наибольшей степени репрезентативным из этих неоконченных текстов является рассказ «По поводу Крейцеровой сонаты». О работе над ним Лесков писал к издателю «Русской мысли» В.М. Лаврову 13 марта 1890 года: «Рассказ к стати: по поводу “Крейцеровой сонаты” я начал и половину написал, но тут подошли неприятности (писатель имеет в виду цензурное запрещение VI тома своего собрания сочинений – А. Ф.), и работа выпала из рук» [8, с. 455]. А.Н. Лесков свидетельствует о том, что произведение первоначально имело другое название: «В 1890 году набрасывается не то полупролог, не то первая, по лесковской манере, вступительная часть остро психологического описания “По поводу Крейцеровой сонаты”, по другому наименованию – “Дама с похорон Достоевского”. Написанное пока только “вдоль”, возможно, представляло собой подход к самым интересным раскрытиям со стороны мужа только что трагически погибшей женщины» [9, с. 98].

Основным признаком изобретенного Лесковым жанра «рассказа к стати», к которому принадлежит и отрывок, являлась для писателя установка на фактографизм. Лесков подчеркивал, что он «очень любит эту форму рассказа о том, что “было”, приводимое “к стати” (à propos), и не верит, что это вредно и будто бы непристойно, так как трогает людей, которые еще живы» [10, с. 569]. А.И. Фаресов вспоминал, что Лесков не раз рассказывал ему о событии, которое легло в основу «По поводу Крейцеровой сонаты»: «Однажды пришла к нему неизвестная дама под густой вуалью и сказала: “Как вы скажете мне, так я и поступлю. Я хочу знать ваше мнение о себе самой”. Лесков часто

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Поздний Н.С. Лесков: научная подготовка к изданию художественных и публицистических произведений 1890-х годов» (грант № 15-04-00192).

говорил мне о ней: “Знаете, зачем она приходила? Спрашивала совета: признаться ли ей мужу в том, что она любит другого, или продолжать ей обманывать его”» [16, с. 185–186].

Характер названий, которые Лесков предполагал использовать для рассказа («По поводу Крейцеровой сонаты», «Дама с похорон Достоевского»), показывает, что житейский случай мыслится писателем в литературном контексте. Подсказанная жизнью коммуникативная ситуация (обращение дамы к писателю с просьбой о совете) неслучайно вызвала у Лескова ассоциации с творчеством Достоевского. В период издания «Дневника писателя» (1876–1877) к Достоевскому неоднократно обращались читательницы с подобными просьбами. Как отмечает С.А. Ипатова, «корреспондентки писателя, убежденные, что творческая мощь Достоевского способна разрешить не только “вечные” и важные общественно-нравственные вопросы... но и частные, житейские, сугубо личные, повествуют о своих любовных драмах и семейных проблемах, просят быть руководителем в жизни и литературе... ждут сердечного утешения и наставления» [3, с. 247]. Некоторые из этих историй попали на страницы «Дневника писателя», в котором Достоевский подчеркивал: «“Дневник писателя” дал мне средство ближе видеть русскую женщину; я получил несколько замечательных писем: меня, неумелого, спрашивают они: “что делать?” Я ценю эти вопросы и недостаток уменья в ответах стараюсь искупить искренностью» [4, с. 119].

В процессе претворения жизненного случая в художественную прозу Лесков прежде всего детализирует и наполняет психологическими подробностями фактически не представленный в воспоминаниях Фаресова монолог-признание героини. Ситуация признания сближает рассказ Лескова с толстовским претекстом произведения – повестью «Крейцерова соната». Монолог героини создан с нехарактерной для прозы Лескова ориентацией на жанр исповеди. Можно предположить, что писатель выбрал подобный жанровый ориентир в том числе и учитывая повесть Толстого. Это предположение тем более оправдано, что Лесков точно воспроизводит отдельные детали антуража претекста: разговор один на один между совершившим «преступление» и его слушателем, вечернее время суток, желание «исповедующегося» скрыть лицо: «“Мне неприятен этот свет, можно закрыть?” – сказал он, указывая на фонарь. Я сказал, что мне все равно, и тогда он поспешно... встал на сиденье и задернул шерстяной занавеской фонарь» [14, с. 15], «В темноте мне не видно было его лицо» [14, с. 17], «Она попросила меня сесть в кресло перед лампой, бесцеремонно подвинула зеленый тафтяной кружок на абажуре лампы так, что весь свет падал на меня и затемнял ее лицо» [11, с. 33]. Основой для сближения двух произведений служит

сходство их сюжетных коллизий: если в «Крейцеровой сонате» перед читателями исповедует муж, убивший жену по подозрению в измене, то в тексте Лескова о своем проступке рассказывает совершившая измену жена.

Близость, вплоть до детального совпадения, сюжетов двух произведений делает очевидным и отличия в художественной организации текстов. Наиболее принципиальное из них – изменение в образе слушателя исповедующегося героя. В «Крейцеровой сонате» его роль минимальна. В одной из ранних редакций повести Толстой предполагал положить в основу произведения противопоставление монолога преступника и реплик слушателей его признания, однако писатель быстро отказался от своего замысла. Если в начале повести роль слушателя заключается в том, что он задает короткие вопросы, поддерживающие разговор, то впоследствии слушатель становится незаметным за речью главного героя.

В «рассказе кстати» также, как и у Толстого, присутствует эксплицитный диегетический непричастный нарратор, которому доверяется быть слушателем исповеди главного персонажа. Однако роль его не ограничивается отслеживанием того, чтобы разговор не заглохнул. Принципиальное качество нарратора в «рассказе кстати» – его близость самому автору. Лесков старается создать иллюзию неразличимости нарратора и самого себя. Такая иллюзия поддерживается не только многократными упоминаниями о писательском ремесле нарратора, но и наделением его образа автобиографическими деталями: нарратор посещает похороны Ф.М. Достоевского, в его доме живет девочка-сиротка, он совершает заграничное путешествие. Впрочем, следует отметить, что лесковский автобиографизм не следует преувеличивать: похороны Достоевского состоялись на кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге 31 января 1881 года, в то время как четырехлетняя девочка Варя, которая с течением времени стала приемной дочерью Лескова, появилась в его доме лишь в 1883 г. Летом 1884 г. Лесков действительно ездил на лечение в Мариенбад, после которого заграничное путешествие писателя было прервано в Праге в связи с исчезновением бумажника с деньгами, документами, аккредитивом и паспортом [9, с. 275–280]. Однако маршрут, который Лесков описывает в «По поводу Крейцеровой сонаты», был избран им для поездки 1875 года: писатель выехал на воды в Мариенбад после того, как более месяца провел в Париже [9, с. 8–31].

Наделение нарратора автобиографическими чертами необходимо Лескову для создания образа максимально компетентного слушателя. Подобная установка подчеркивается и на сюжетном уровне. Если в повести Толстого встреча слушателя и Позднышева случайна, то главная героиня «рассказа кстати» намеренно ищет разговора с narra-

тором: «ко мне пришла какая-то незнакомая дама и не хочет уходить, а настойчиво просит, чтобы я ее принял. Дамские посещения к нашему брату, пожилому писателю, вещь довольно обыкновенная» [11, с. 32]. Догадки нарратора о цели визита дамы держат сюжетное напряжение в завязке повествования. В начале они подчеркнута прагматичные: «Немало девиц и дам ходят к нам просить советов для их литературных опытов или ищут у нас какого-нибудь содействия в устройстве их дел с незнакомыми редакциями» [11, с. 34], затем – преувеличенно конспираторские: «На этот раз мне прежде всего пришло в голову, что эта дама также обуреваема политическими страстями, что у нее есть какой-нибудь замысел, который, по несчастии, пришло в голову мне доверить; вступление ее беседы имело много похожего на это» [11, с. 35].

Домыслы нарратора обостряют драматизм ситуации для того, чтобы после раскрытия «тайны» его гости неожиданно снять остроту положения: «Я не сомневался, что вслед за этим последует откровение политического характера, и неохотно сказал: “Я вас слушаю”. Несмотря на двойную вуаль, я чувствовал на себе пристальный взгляд моей гостьи, которая глядела на меня в упор и твердо проговорила: “Я неверная жена! Я изменяю моему мужу”. К стыду моему должен сказать, что с сердца моего при этом открытии спала великая тяжесть; о политике, очевидно, не было и помину» [11, с. 35]. Подробное описание Лесковым внутренних колебаний нарратора при виде гостьи показательны. Роль этих психологических ремарок, конечно, не только в том, чтобы поддержать нужную писателю интригу. Одолевающие нарратора сомнения дают Лескову возможность употребить важнейшую для него реплику «К стыду моему должен сказать, что с сердца моего при этом открытии спала великая тяжесть», которая комически не соответствует предшествующему ей признанию «Я неверная жена! Я изменяю моему мужу». Ироническая ремарка, стилистически близкая разговорной речи («не было и помину», «к стыду моему»), которая вызывает улыбку читателя, позволяет писателю резко снизить градус накала описываемого события. В кругозоре нарратора проступок посетительницы не имеет того драматизма, которым он наделен с точки зрения самой героини. Несовпадение двух ракурсов (экзальтированной женщины и умеренного опытом сдержанного мужчины) является основным приемом организации повествования в первой части рассказа.

Включенная в рассказ фигура слушателя, функционально фактически отсутствующая в «Крейцеровой сонате», выступает своеобразным посредником между исповедующимся героем и читателем. По интересному выводу С. Зассе, Толстой «избрал исповедь, или признание, как жанр для «Крейцеровой сонаты», так как в этих жанровых рамках

он <...> передавал читателям настрой на самоотчет» [6, с. 163]. Заразительным (в толстовском смысле заражения как важнейшей черты искусства) примером исповеди Позднышева Толстой стремится подвигнуть читателей на переосмысление их собственной греховной жизни и принятие толстовской теории ради воздержания. В этом случае излишне прописанная фигура слушателя только препятствовала бы «заражающему» воздействию исповеди на читателя.

В «рассказе кстати» Лескова благодаря детально прописанной фигуре автобиографического нарратора акцент читательского внимания смещается с исповедующейся героини на ее слушателя, а точнее, на то, какой совет он может ей дать. Выбранная Лесковым структура повествования принципиально отличается от толстовской: если в «Крейцеровой сонате» читатель повести, который, по Толстому, существует в тех же ненормальных общественных условиях, что и Позднышев, должен почувствовать себя на одном уровне с героем, то в «рассказе кстати» роль читателя заключается в корректировке собственного отношения к проблеме супружеской измены, в чем ему и старается оказать содействие нарратор. Читатель, идентифицирующий себя с нарратором, в этой ситуации оказывается в роли судьи (или, точнее, духовника) героини.

Главная особенность «суда» нарратора, который позиционирует себя как человек, в соображении которого «входит гораздо больше практицизма, чем отвлеченной философии и возвышенной морали» [11, с. 38], заключается в «снижении» драматического напряжения ситуации и в убедительном доказательстве героине необходимости продолжать сохранять ее проступок в тайне. Подобное «решение» полемически заострено против обоих претекстов повести. Спор с Достоевским Лесков делает прозрачным. Среди реплик героини, склоняющейся к необходимости признания в своем проступке, встречается показательная фраза: «Моя душа очистилась бы страданием» [11, с. 42]. Целительная роль страдания является одной из ключевых идей этики позднего Достоевского. Мысль о необходимости признания в совершенном преступлении, занимавшая ум писателя еще со времен работы над «Преступлением и наказанием», законченное выражение получила в «Братьях Карамазовых». Ситуация сомнений в необходимости признания, которая лежит в основе «Рассказа кстати» Лескова, особенно схожа с сюжетом главы «Таинственный посетитель» части «Из жития в бозе преставившегося иеросхимонаха старца Зосимы». Достоевский рассказывает о визитах к старцу мужчины, совершившего в прошлом убийство, а сейчас – счастливого семьянина. «Таинственный посетитель» после долгих колебаний признается в содеянном им преступлении, убежденный словами Зосимы и чтением Евангелия: «Знаю, что наступит рай для меня,

тотчас же и наступит, как объявлю. Четырнадцать лет был во аде. Пострадать хочу. Приму страдание и жить начну. Неправдой свет пройдешь, да назад не воротиться. Теперь не только ближнего моего, но и детей моих любить не смею. Господи, да ведь поймут же дети, может быть, чего стоило мне страдание мое, и не осудят меня! Господь не в силе, а в правде» [4, с. 189].

Лесков ставит под сомнение идею Достоевского, вновь используя характерный для «рассказа кстати» прием: экзальтированная реплика героини соседствует с иронически снижающими ее пафос словами нарратора: «Мне казалось, что я вижу ее душу: это была душа живая, порывистая, но не из тех душ, которых очищает страдание. Потому я ничего не ответил о ее душе и снова упомянул о детях» [11, с. 42]. Показательно, что для полемически заостренного против Достоевского рассказа Лесковым выбрана стратегия фактографического повествования. Писатель противопоставляет рассказываемый им «реальный» случай выводам Достоевского, которого Лесков не раз упрекал в излишней литературности (показательный пример – статья «О куфельном мужике и проч. Заметки по поводу некоторых отзывов о Л. Толстом»), утверждая, что найденные героями писателя решения могут быть неприменимы для «обычных» людей.

Полемика с Толстым выстраивается Лесковым с гораздо большей осторожностью. Необходимо подчеркнуть, что центральная проблема «Крейцеровой сонаты» – проблема семьи – была одним из тех в принципе немногих положений толстовского учения, к которым Лесков относился нескрывая критически (об этом подробнее см.: [5; 15]). Очевидно, что Лесков не мог не заметить того приговора институту семьи и брака, который выносит Толстой в «Крейцеровой сонате».

До нас дошло немного высказываний писателя о повести. Среди наиболее ценных из них – сохранившееся в воспоминаниях сына Лескова утверждение о том, что «В нем (Толстом. – А. Ф.) важны и ценны новые намёты, которые он делает, отвращая мысль нашу от дурного и поворачивая ее к хорошему. В “Крейцеровой сонате” важен вовсе не призыв к идеальному воздержанию людей от плотской любви, а то, как Толстой отвращает нас оттуда, где мы развращаем себя и женщину» [9, с. 413]. Фраза Лескова весьма показательна: понимая крайности толстовской позиции, писатель в то же время отказывается от критики наиболее уязвимых сторон мысли Толстого. Лесков предлагает два варианта прочтения «Крейцеровой сонаты»: идеалистический – как призыв к полному воздержанию от супружеской жизни и прагматический – как некое анти-руководство по выбору спутника жизни и построению счастливой семьи.

Две эти интерпретации толстовской повести «персонифицированы» Лесковым в незавершен-

ном отрывке «Особенно чувствительно уязвила генерала Попятин “Крейцеровая соната”». Фрагмент представляет собой диалог двух персонажей по прочтении повести Толстого: «Повесть всем понравилась... и присутствовавших на чтении мужей с женами не перессорила и не разлучила... Извините... начал «подыскиваться»... генерал... Для меня там самое главное и самое ясное, что Толстой совсем против всякого выбора, потому что он против брака... перебивал Словцов, – я кое-что еще не успел продумать, но главную принимаю и разделяю... то, что надо, чтобы человек выбирал себе жену за ее ум, характер и хорошее умение жить, а не за джерси да за нашлепку...» [15, с. 494].

К сожалению, этот лесковский замысел так и остался незавершенным, однако понравившаяся писателю толстовская фраза вошла в начало опубликованного рассказа «Продукт природы» (1893): «У меня был родственник, муж моей тетки, обрусельный англичанин. Он был человек недюжинный и в одном отношении предупредил даже на сорок лет этику “Крейцеровой сонаты”. Опасаясь, чтобы на него при выборе жены не подействовали подкупающим образом “луна, джерси и нашлепка”, он отважился выбирать себе невесту в будничной простоте и для того объехал соседние дворянские дома, нарядившись “молодцом” при разносчике» [12, с. 341]. Лесков приводит цитату из «Крейцеровой сонаты» в сокращении, имеющем характер эфемеризма. Писатель отсылает читателю к фрагменту повести, в котором Позднышев описывает процесс выбора будущей супруги, делая это в достаточно резкой натуралистической форме: «В один вечер, после того как мы ездили в лодке и ночью, при лунном свете, ворочались домой и я сидел рядом с ней и любовался ее стройной фигурой, обтянутой джерси, и ее локонами, я вдруг решил, что это она... Удивительное дело, какая полная бывает иллюзия того, что красота есть добро... От этого эти джерси мерзкие, эти нашлепки на зады, эти голые плечи, руки, почти груди. Женщины, особенно прошедшие мужскую школу, очень хорошо знают, что разговоры о высоких предметах – разговорами, а что нужно мужчине тело и все то, что выставляет его в самом заманчивом свете; и это самое и делается. Да, так вот меня эти джерси, и локоны, и нашлепки поймали» [14, с. 21–22]. В рассказе Лескова острота высказывания Толстого перенесена в подтекст, что придает ему двусмысленный характер. Чрезмерно же высокая оценка англичанина («человек недюжинный», «отважился», «предупредил даже на сорок лет этику “Крейцеровой сонаты”») бросает вездесущий у Лескова иронический отсвет и на героя, и на «этику» повести Толстого, которая сводится здесь к рациональному выбору невесты.

В «рассказе кстати» писатель также предлагает прагматическое прочтение «Крейцеровой сонаты». Если Толстой в «Крейцеровой сонате» акцентирует

проблему распада семьи, то Лесков пытается показать возможность ее сохранения. В то время как Толстой сосредоточен на отношениях между супругами и чувствах Позднышева, Лесков ставит в центр своего произведения проблему семьи в целом, чья гармоничная целостность попадает под угрозу в результате нарушения женой супружеской верности. Отсюда – и детально прописанный образ сына героини, трагическая гибель которого является поворотным моментом сюжета произведения. В этой связи неслучайным выглядит и ряд переключек «рассказа кстати» с «Анной Карениной» (образ мужа-чиновника, страстная любовь главной героини к сыну, наконец, ее финальное самоубийство), романом Толстого, в котором следствием измены является и разрушение личности, и разрушение брака.

Основной пафос рассказа Лескова сводится к оправданию проступка героини, изменившей супругу. И первым аргументом писателя становится, как это ни парадоксально, текст «Крейцеровой сонаты», выбранный им в качестве эпиграфа: «Всякая девушка нравственно выше мужчины, потому что несравненно его чище. Девушка, выходя замуж, всегда выше своего мужа. Она выше его и девушкой, и становясь женщиной в нашем быту» [11, с. 32]. Эпиграф является контаминацией нескольких высказываний главного героя «Крейцеровой сонаты» из предпоследней редакции повести. В главе XVII литографированной редакции Позднышев говорил, что его жена, выходя замуж, была несравненно выше его, как всегда всякая девушка несравненно выше мужчины, потому что несравненно чище его, что «рядовая девушка, молодая девушка до 20 лет большею частью прелестное существо, готовая на все самое прекрасное и высокое» и что, наконец, «девушка, становясь женщиной, продолжает быть выше мужчины в нашем быту» [14, с. 586].

Эпиграфом в «рассказе кстати» Лескова начинается линия двусмысленного изображения неприязнательного мужа героини, намеки на неподобающее поведение которого неоднократно даются в тексте: «благобразный, но испитой муж» [11, с. 43], «муж ее как-то не любил поездок, у него болело колено, он прихрамывал, и притом, не могу разобрать, что с ним происходило: не то он тяготился женой, не то даже желал быть свободен, приволокнуться за одною или даже, может быть, не за одною из приехавших дам сомнительных репутаций» [11, с. 44].

Необходимость оправдания героини, заданная эпиграфом, утверждается в «рассказе кстати» в форме взволнованного авторского отступления: «если женщина такой же совершенно человек, как мужчина, такой же равноправный член общества и ей доступны все те же самые ощущения, то человеческое чувство, которое доступно мужчине, как это дает понять Христос, как это говори-

ли лучшие люди нашего века, как теперь говорит Лев Толстой и в чем я чувствую неопровержимую истину, – то почему мужчина, нарушивший завет целомудрия перед женщиной, которой он обязан верностью, молчит, молчит об этом, чувствуя свой проступок, иногда успеваешь загладить недостойность своих увлечений, то почему же это самое не может сделать женщина? Я уверен, что она это может» [11, с. 39]. Языковое оформление высказывания вступает в диссонанс с основным текстом рассказа и близко стилистике позднего Толстого. Эффект толстовской стилизации возникает и благодаря его лингвистическим особенностям (развернутый синтаксис, ссылка на Евангелие, вопросно-ответная форма предложения), и в результате подчеркнута дидактической интонации.

Повесть Толстого «Крейцера соната», по словам современника, «явилась настоящим землетрясением в читающем мире» [8, с. 125]. Для Лескова принципиальная важность этого текста была связана с тем, что его центральной проблемой стал кризис института семьи. Практико-ориентированный ум писателя не мог принять крайностей подхода Толстого, что и нашло отражение в незавершенных фрагментах произведений, полемически заостренных против толстовской проповеди воздержания.

Лесков солидаризируется с Толстым в понимании того, что причины измен супругов необходимо искать в кризисе института брака, каким он сложился к концу XIX века. Для позднего Толстого единственным достойным выходом из сложившейся ситуации стало отрицание необходимости этого института как такового, Лесков же пытается найти «положительное» решение проблемы и в свойственном ему прагматическом ключе делает в «По поводу Крейцеровой сонаты» заключение о необходимости будущим супругам быть более осмотрительными в момент создания семьи и не руководствоваться исключительно физиологическими соображениями: «Дурно, что сближением полов до сих пор главным образом руководят “плоть и кровь”, а не дух, не разум» [7].

Интерес этих отрывков, однако, и в том, что хотя номинально они входят в противоречие с толстовскими идеями (показательно, что в окончательной редакции Толстой исключил используемую Лесковым в качестве эпиграфа речь Позднышева), писатель старается обойти наиболее острые вопросы и на первый план выдвигает свою солидарность с Толстым. Прямолинейность же и дидактичность, с которыми Лесков, актуализируя фигуру автобиографического нарратора, выражает свои мысли о путях создания семьи, не вполне гармоничны для индивидуального стиля писателя и могут интерпретироваться как одни из ярких примеров стилистической ориентации Лескова на манеру позднего Толстого (о ее важных особенностях см. подробнее: [1; 2]).

Несмотря на настороженность, с которой Лесков отнесся к «призыву к идеальному воздержанию», который он, несомненно, увидел в «Крейцеровой сонате», эта идея привлекла большое внимание писателя и получила свое развитие в женских образах поздних шедевров Лескова – в законченных повестях «Полунощники» (1890) и «Зимний день» (1894).

Библиографический список

1. Андреева В.Г. Бесконечный лабиринт сцеплений в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина». – Кострома: Авантитул, 2012. – 296 с.
2. Андреева В.Г. О нескольких центральных антитезах в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 5. – С. 131–134.
3. Достоевский: Материалы и исследования. Т. 13: К 175-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского. – СПб.: Наука, 1996.
4. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 13. – СПб.: Наука, 1989–1996.
5. Евдокимова О.В. Мнемонические элементы поэтики Н.С. Лескова. – СПб.: Алетейя, 2001. – 317 с.
6. Зассе С. Яд в ухо. Исповедь и признание в русской литературе. – М.: РГГУ, 2012. – 400 с.
7. Лесков Н.С. Письма к М.О. Меншикову. Архив // Институт русской литературы: Рукописный отдел. – Ф. 22574. – CLVIII б. 61.
8. Книжки «Недели». – 1891 (сентябрь).
9. Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям: в 2 т. Т. 2. – М., 1984.
10. Лесков Н.С. Письма 1881–1895 годов // Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 11. – М., 1958.
11. Лесков Н.С. «По поводу Крейцеровой сонаты» // Собрание сочинений: в 11 т. Т. 11. – М., 1958. – С. 32–50.
12. Лесков Н.С. Продукт природы // Собрание сочинений: в 11 т. Т. 9. – М., 1958. – С. 356–388.
13. Столярова И.В. Нравственно-эстетическая позиция Н.С. Лескова в «рассказах кстати» («По поводу Крейцеровой сонаты», «Дама и фефела») // Нравственно-эстетическая позиция писателя. – Ставрополь, 1991. – С. 82–99.
14. Толстой Л.Н. Крейцерова соната // Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 27. Произведения 1889–1890-х гг. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1936. – С. 5–79.
15. Творчество Лескова в 1880–1890-е годы. Неосуществленные замыслы // Литературное наследство. Т. 101. – Кн. 1: Неизданный Лесков. – М.: Наследие, 1997.
16. Фаресов А.И. Н.С. Лесков в последние годы // Живописное обозрение. – 1895. – Т. 1. – С. 185–186.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К СОЗДАНИЮ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ А.Н. ОСТРОВСКОГО*

В статье раскрываются особенности готовящегося к изданию Полного собрания сочинений и писем А.Н. Островского. Впервые читателям будут представлены все известные на сегодняшний день художественные произведения разных жанров (пьесы, очерки, стихотворения, переводы и переделки пьес иностранных авторов, оперные либретто), дневниковые записи, статьи о литературе и театре, выступления, деловые бумаги, а также обширный эпистолярный драматурга (значительная его часть никогда не публиковалась). Тщательное изучение рукописных источников, хранящихся в различных архивах Москвы и Санкт-Петербурга, позволило устранить в подготовленных томах ошибки и опечатки, исправить неточности, лексические недочёты, восполнить лакуны, которые имелись в предыдущих изданиях. Свод редакций и вариантов наглядно демонстрирует специфику работы драматурга над текстом, помогает выявить и осветить его творческую историю. В аналитических статьях творчество Островского рассматривается в историко-литературном контексте, во взаимосвязях с традициями устного народного творчества, народного театра, с библейскими мотивами. Раскрывается значение текстологического комментария, историко-литературного и реального комментария, значительно расширенных в сравнении со всеми предыдущими собраниями сочинений драматурга.

Ключевые слова: публикация, текст, жанр, автограф, варианты, редакция, критика, комментарии, издания, цензура.

Создание Полного собрания сочинений и писем А.Н. Островского – дело очень трудоёмкое и требующее решения целого ряда сложных проблем, относящихся к составительской работе, исследованию рукописных источников и написанию научных комментариев, а также к области пунктуации и орфографии. Название статьи объясняется тем, что собрания сочинений драматурга издавались неоднократно, но до настоящего времени нет такого издания, в котором были бы собраны все произведения Островского, включая переводы и переделки, оперные либретто, наброски, планы, статьи, письма. Всё это изучается и будет представлено в готовящемся Полном собрании сочинений и писем А.Н. Островского. О масштабном проекте я уже писала в 2013 году, когда работа над ним только начиналась [10].

При подготовке текстов трудности возникают на каждом этапе. Прежде всего необходимо определить, какое конкретно издание можно считать каноническим. Как первую публикацию драматург воспринимал постановку пьесы на сцене, ею он занимался очень серьёзно, принимал участие в подборе актёров, в репетиционном процессе. В журнал отправлялась писарская копия. Для цензуры, для московского Малого и петербургского Александринского театров текст переписывался с помощью писцов, невольно вносивших ошибки, искажения, неточности, которые драматург мог не заметить. Чтение корректуры он нередко доверял своим друзьям С.В. Максиму и И.Ф. Горбунову. Ю.В. Лебедев отмечает: «Точно так же он устранялся от участия в работе над переизданиями своих произведений, передоверяя это приятелям. Собрания сочинений Островского выходили

при жизни автора, но бесспорно установлено, что лишь для первого издания (Сочинения А. Островского. Т. 1–2. СПб.: Изд. гр. Г.А. Кушелёва-Безбородко, 1859) Островский специально пересмотрел и исправил тексты ранних пьес...» [8, с. 174]. Этими обстоятельствами объясняются различные недочёты, перекочёвывающие из одного издания в другое.

Будущее Полное собрание делится на две серии: Сочинения и Письма. В основу серии сочинений положен жанрово-хронологический принцип с отдельными отступлениями, оговорёнными в комментариях. Произведения располагаются в хронологическом порядке их написания или, если дата не установлена, первой публикации. Тексты печатаются, как правило, по последнему авторизованному изданию с учётом тех исправлений, которые были сделаны Островским в рукописных источниках, в авторизованных писарских копиях, а в отдельных случаях – по первым публикациям.

Вопросы, связанные с составом и структурой каждого тома, требовали длительных обсуждений. При определении состава 1-го тома, в котором представлены сочинения 1843–1854 годов, мы исходили из того, что генетически ранняя драматургия А.Н. Островского связана с физиологическим очерком в пору его расцвета. Для литературы этого периода было характерно жанровое «многоголосие»; лирика и проза оказывали влияние на драматургию, в свою очередь, драма и лирика существенно обогатили поэтику рассказа, очерка, повести и романа. Как замечает Ю.В. Лебедев, драматурга «привлекает в драме не столько итог, сколько сам процесс рождения драматического в повседневном потоке жизни», и «из интереса к потенциальному

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ исследовательского проекта № 16-04-00323.

драматизму жизни вытекает пристрастие Островского к «сценам» и «картинам» [9, с. 9].

Поскольку «Записки замоскворецкого жителя» органически связаны с ранней драматургией Островского и являются частью замысла большого произведения, в котором проза переходит в драму или включает в себя ряд драматических сцен, в 1-м томе нет раздела «Художественная проза», принятого в предыдущих изданиях, и «Записки...» публикуются в едином контексте с драматическими сценами и в том виде, в каком они были напечатаны в газете «Московский городской листок» (1847), то есть состоящими их двух очерков: «К читателям» и «Иван Ерофеич». Изучение рукописей показало, что с 1843 по 1846 г. Островский пишет несколько рассказов, которые можно объединить в один цикл под условным названием «Очерки Замоскворечья», встречающимся в черновом автографе: «Замоскворечье в праздник», «Две биографии», «Кузьма Самсоныч (из найденной рукописи)». А.А. Виноградов отмечает: «Название цикла постоянно меняется: “Замоскворечье в праздник”, “Очерки Замоскворечья”, “Тетрадь 1-ая”. В дальнейшем Островский предпринимает ещё несколько попыток развить ту же тему, где снова возвращается к одному и тому же названию: “Очерки Замоскворечья”» [2, с. 79]. Все эти очерки не были завершены, но они «родственными узами» связаны с другими произведениями писателя. О намерении Островского создать цикл замоскворецких очерков свидетельствуют автографы, хранящиеся в Институте русской литературы: черновой автограф «К читателям»; набросок «Замоскворечье в праздник»; набросок «Введение»; вторая часть очерка «Две биографии»; белой автограф «Записок замоскворецкого жителя»; набросок «Тетрадь 1-ая»; набросок «Предисловие»; черновой автограф «Замоскворечье в праздник»; черновой автограф «Кузьма Самсоныч»; первая часть очерка «Две биографии». Все очерки даны с учётом авторской правки в разделе «Приложения. Другие редакции и варианты», где представлено и первое дошедшее до нас художественное произведение Островского – «Сказание о том, как квартальный надзиратель пускался в пляс, или От великого до смешного только один шаг». В ходе изучения автографа «Очерков Замоскворечья» значительно дополнены и уточнены комментарии к тексту, в особенности толкования профессионализмов и топонимов. Приведённые в неотправленной записке Островского, адресованной редактору университетской газеты (1848–1849 гг.), цитаты свидетельствуют «о намерении писателя продолжить публикацию замоскворецких очерков», – резонно считает А.А. Виноградов [2, с. 340]. В раздел «Приложения» 1-го тома включены ранние стихотворения «З. Ф. К.-ъ» («Снилась мне большая зала...») и «Акростих» («Зачем мне не дан дар поэта...»), поскольку установлено, что они написаны во второй

половине 1840-х годов, когда Островский бывал в доме Ф.А. Корша. В отличие от предшествующих изданий, был использован текст первой публикации в журнале «Русская мысль».

Впервые в истории изучения произведений Островского для подготовленных томов составлен полный список редакций и вариантов и дан их свод. Читатель получает возможность познакомиться с характером исправлений и дополнений, так как публикуются планы и черновые наброски, ранние редакции, варианты рукописей и авторизованных писарских и театральных копий, варианты цензурных копий, разночтения, то есть неатрибутированные отличия от основного текста. На протяжении сценической жизни той или иной пьесы Островский неоднократно вносил в текст исправления, вызванные, как правило, требованиями цензоров и театральной администрации, а также постоянным и вполне понятным желанием его усовершенствовать. Поэтому проследить историю всех изменений в хронологической последовательности иногда не представляется возможным: в писарские копии вносились новые варианты и многочисленные поправки, делались купюры (разных цветов чернилами и карандашом) как самим автором, так и другими лицами.

Рукописи драматурга, «рассеянные» по архивохранилищам Москвы и Санкт-Петербурга, подчас приходится, что называется, собирать по кускам, так как автографы в «разорванном» виде могут находиться в разных архивах. Кроме того, Островский целые фрагменты, реплики, ремарки вписывал на полях, сверху и внизу страниц, в рукописях других своих произведений и просто на отдельных листах, не всегда используя знак вставки. Особенно сложными оказались автографы пьес «Свои люди – сочтёмся!», «Бедная невеста», «Доходное место», «На всякого мудреца довольно простоты», «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский». Комедия «Бедная невеста» писалась с перерывами много месяцев. Драматург то чувствовал усталость от пьесы и желание отдохнуть, то, пережив охлаждение, снова возвращался к ней, заново переписывая текст, о чём свидетельствуют черновые наброски, первоначальный план и список действующих лиц, редакции 1-го и 2-го действия, черновые автографы, авторизованной писарской копии. Анализ рукописных источников показал, как менялся замысел пьесы, как со временем «печоринские мотивы заметно приглушаются», а главная героиня «из тоскующей по любви и свободе современной барышни постепенно превращается в девушку, ждущую любви, но понимающую долг; готовую к решительному шагу, но не к слепому безрассудству» [1, с. 151].

Нелегко далась драматургу и комедия «Не в свои сани не садись». Рукописи наглядно отражают творческий процесс, когда, как отмечает Н.В. Капустин, автором «проводилась существенная композиционная правка, изменялись реплики и монологи героев,

уточнялись характеристики места действия и пр.» Объясняя, почему Фёдор Фёдорович Ганц становится Виктором Аркадьичем Вихоревым, исследователь пишет: «Явленная в фамилиях контрастность русского и европейского... на раннем этапе работы над пьесой дана с отчётливой... резкостью. Но, скорее всего, именно эта... резкость и определила отказ Островского от немецкой фамилии героя... Действительно, художественная концепция комедии основывается не на антитезе “Россия – Европа”, а на противопоставлении “провинция – столица” (в данном случае это Москва), что, вероятнее всего, и заставляло Островского искать русскую версию фамилии героя» [7, с. 5].

Черновой автограф «Доходного места» содержит значительные расхождения с окончательной редакцией текста. Подвергая критике чиновничье-бюрократическую систему, основанную на взяточничестве, казнокрадстве, круговой поруке, драматург видел, что образованная и наиболее совестливая часть поколения 1850-х годов мечтала о справедливом и честном обществе, о труде на благо человечества. Но, учитывая требования цензуры, автор сокращал «обличительные» монологи Жадова, рассуждения Кукушкиной о воспитании, вычёркивал упоминания о чиновничестве и т. д. А «в истории запрета и разрешения комедии “Доходное место”, – как выявил К.Ю. Зубков, – отразились противоречия, существовавшие в системе театральной цензуры и актуализировавшиеся в связи с появлением “обличительной литературы”» [5, с. 71]. Начало комедии «На всякого мудреца довольно простоты» драматург писал, вращая лист по часовой стрелке, что удалось установить Н.Г. Михновец, тщательно исследуя автограф. Иногда сделанные сопоставления рукописей и первоначальных изданий подтверждали, как отмечают текстологи, целесообразность принятых составителями предшествующих собраний сочинений Островского различных решений, касающихся отдельных изменений.

В аналитических статьях, подготавливающих к восприятию самих комментариев, драматургическое творчество Островского рассматривается в широком историко-литературном контексте, в органических взаимосвязях с традициями народного театра, с эстетикой балагана и скоморошества, с библейскими мотивами и апокрифами, народными сказками и праздничными обрядами, с прозой натуральной школы, с творчеством русских писателей, с классическими традициями Данте и Шекспира, с очерковой прозой литературно-художественных журналов середины и второй половины XIX века. В статьях последовательно раскрывается эволюция эпической основы творчества Островского, являющейся характерной особенностью его драматургического дарования, и содержится аналитическое описание жанрового разнообразия пьес Островского: народные драмы трагедийного типа, комедии,

картины, сцены, наполненные элементами мелодрамы, водевиля, балагана, сказочными мотивами, трагическими ситуациями. В аналитической характеристике пьес Островского конца 1860 – начала 1870-х годов обнаруживаются эстетические предпосылки к зарождению «новой драмы» А.П. Чехова – внутренний драматизм повседневной жизни, объясняющий особенности финала, в котором сохраняются жизненные противоречия.

В текстологической части комментариев содержатся описания рукописей, их анализ, проливающий свет на историю создания произведений. В результате реконструирована, например, история создания комедии «Свои люди – сочтёмся!». Изучены: черновые автографы, хранящиеся в ИРЛИ и РГБ, цензурная писарская копия, цензурный театральный экземпляр. В разделе «Приложения. Другие редакции и варианты» представлены «Сцены из комедии “Несостоятельный должник (Ожидание жениха)”», отражающие одну из ранних редакций комедии. Выявлено, что Островский неоднократно переписывал пьесу, каждый раз внося в неё многочисленные поправки и дополнения. Например, первоначально драматург предполагал написать комедию в пяти действиях, но затем сократил её до четырёх актов. Монолог Подхалюзина, узнавшего о намерениях Большова объявить себя банкротом и выдать дочь замуж за приказчика, автор переписывал пять раз. Текст, представленный в «Москвитяине», из-за вмешательства цензуры был переработан, в частности, переписан финал. В таком виде, а также с учётом практически всех поправок, сделанных цензором в цензурной писарской копии, комедия переиздавалась в последующих собраниях сочинений драматурга. Оригинальный текст комедии (с незначительными изменениями) был опубликован лишь в собрании сочинений Островского под редакцией Н.Г. Мартынова (1885 г.), что явилось определяющим фактором при выборе текста для публикации в готовящемся издании.

Уточнены текстологические данные творческой истории комедии «Не в свои сани не садись», «Гроза», «На всякого мудреца довольно простоты», «Горячее сердце» и др. В.Я. Лакшин и Е.И. Прохоров полагают, что Островский сначала трудился над комедией «Горячее сердце», а потом по какой-то неизвестной причине отложил этот замысел и увлёкся другим сюжетом. Однако автографы свидетельствуют о том, что две комедии Островского («На всякого мудреца довольно простоты» и «Горячее сердце»), созданные летом – осенью 1868 г., выросли, как выявила Н.Г. Михновец, из одного замысла и какое-то время сосуществовали в его рамках.

Текстологи находят новые материалы, внося коррективы в сложившиеся представления о рукописных источниках произведений Островского. Так, первая цензурованная писарская копия комедии «Шутники», датированная 24 сентября 1864 г.,

считалась утерянной. Но, очевидно, ею является найденная в спецбиблиотеке Государственного академического Малого театра рукопись, на последней странице которой есть следующая запись: «К представлению. С.-Петербург. 24 сентября 1864 года. Цензор действительный статский советник Нордстрем». В этой рукописи, предназначенной для режиссёра, были обозначены актёры петербургского Александринского театра, а затем – московского Малого театра. Эти факты, в том числе вырванный титульный лист, как резонно полагает Н.Г. Михновец, объясняют необходимость создания для Александринского театра второй цензурованной театральной писарской копии, в которой разрешение датировано 27 ноября 1865 г.

Исследователями большее внимание обращено на жанровое своеобразие пьес, предложены новые аргументированные жанровые определения в соответствии с современными научными изысканиями. Например, комедия «Бедность не порок» несёт в себе качества «святочной комедии» – и потому, что действие в ней происходит во время святок и в её сюжет включено много фольклорных элементов, и по характерному для святочного действия благополучному финалу, а также на основании явной переключки пьесы с жанром «рождественских» рассказов Ч. Диккенса. Были высказаны некоторые суждения о жанровом своеобразии драмы «Гроза». Определения пьес Островского как «пьес жизни», «народных комедий», «народных драм» не отражают глубину их содержания и художественного своеобразия. Так, отмечено, что для «Грозы» характерно постоянное ощущение катастрофичности жизни. Островский создал трагедию нового типа, где финал предreshён не только особенностями характера двух женских натур, не только мучительной борьбой между чувством и долгом, но и, прежде всего, обострённой совестью, которой наделена Катерина. Система контрастов, психологических, бытовых, социальных (жизнь в «Грозе» представлена в сложном единстве бытового с надбытовым, волжского простора – с теснотой интерьера, стремления к воле – с традициями, регламентирующими частную жизнь людей, религиозности – с греховностью, жажды знания – с невежеством), подчёркивает кризисное состояние общества, утрачивающего патриархальную цельность.

Пьеса «Горячее сердце» написана в 1868 г., в то время, когда драматург был увлечён итальянским театром, переводил и перерабатывал комедии итальянцев: «Островский использовал некоторые приёмы итальянского народного театра с целью обновить собственную драматургическую систему. Комедия “Горячее сердце” имеет явно экспериментальный характер, направлена на переосмысление традиционной для русского драматурга тематики и сочетание жанровых признаков русского народного театра с европейской театральной традицией».

По мнению В.В. Тихомирова, жанр пьесы «можно определить как лироэпическую сатирическую комедию», которая «ещё ожидает своего истинного театрального воплощения и более глубокой научной характеристики» [11, с. 64]. Но новаторские качества пьесы не были поняты театральными постановщиками. Проанализированные отзывы наглядно показали несправедливость оценок современников драматурга, которые воспринимали её как бытовую комедию, упрекали Островского в карикатурном изображении жизни, а в новые средства художественной выразительности квалифицировали как свидетельство упадка его таланта.

Стремясь к объективной оценке критических позиций литературных и театральных рецензентов, комментаторы проанализировали и процитировали также многочисленные рецензии и критические статьи, в том числе не переиздававшиеся после их единственной журнальной или газетной публикации.

Большое внимание в развёрнутых научных комментариях уделяется характеристике позиций критиков различной эстетической ориентации, отображающей общую картину восприятия современниками новаторства драматургии Островского. Комментаторы учитывают то, что было сделано прежними издателями, в то же время они уточняют и расширяют реальный комментарий, включив в него слова и выражения, которые, по нашему мнению, нуждаются в пояснении. Так, текст комедии «Бедность не порок» содержит немало устаревших и простонародных речений, а также многочисленные фрагменты песен, исполняемых персонажами. Это показатель стремления автора погрузить действие комедии в мир народной культуры и народного быта, что потребовало достаточно подробного комментирования. Привлечение новых материалов позволило выявить актуальные для критиков того времени проблемы. Это, кроме проблемы жанра, и отношение к взглядам писателя. После появления пьесы «Не в свои сани не садись» многие критики (П.Н. Кудрявцев, Н.С. Назаров, Н.П. Некрасов, Н.Г. Чернышевский, Н.Ф. Павлов, Е.И. Утин, А.М. Скабичевский и др.) упрекали Островского за симпатии к славянофилам, к русской патриархальности. И либерально настроенные критики, и сторонники радикальных взглядов нередко обвиняли драматурга в защите косности и отсталости, что и стало причиной полемики в критике, связанной с пьесами «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок», «Грех да беда на кого не живёт». Искренне поддерживающий драматурга в его художественных исканиях А.А. Григорьев новаторство пьес видит «в новости быта, вводимого автором и до него ещё не начатого», «в новости отношения автора к изображаемому им быту и выводимым лицам», а также в «новости манеры изображения» и «в новости языка» [4, с. 105]. К пониманию правоты Григорьева

при жизни Островского пришли не все критики. Характерно, что «из десятка рецензий, посвящённых премьере “Снегурочки” в мае 1873 года, только одна была по-настоящему положительной» [12, с. 109].

В комментариях ко всем пьесам значительно объёмнее стал раздел, посвящённый театральной критике, в том числе постановкам пьес драматурга на сценах провинциальных театров, рецензиям на любительские спектакли. К.Ю. Зубков справедливо отмечает: «Островский добился успеха на провинциальной сцене именно потому, что совмещал роли автора сочинений для театра и автора произведений “большой” литературы. Это сделало его произведения устойчивыми в репертуаре, а само его имя – по определению привлекательным для антрепренёров. Более того, провинциальные театры явно оказывали некоторое давление на театральную цензуру. Об этом свидетельствует полученное в 1863 г. разрешение к постановке “Доходного места”, которому предшествовал целый ряд отклонённых прошений. Именно двойственность положения Островского между литературой и театром во многом определила долговременность его сценического успеха и широкую известность: признанный как в театре, так и в литературе драматург определял русский репертуар не только при жизни, но и в течение многих десятилетий после смерти – результат, которого не удалось добиться, например, А.А. Шаховскому или другим драматургам первой половины XIX в., чьё огромное значение для русской драматической литературы подчёркивал сам Островский» [6, с. 80–81].

При написании комментариев учитывался современный и многоликий адресат издания, которым наряду со специалистами по истории русской литературы XIX века будут пользоваться и школьник, и самый широкий читатель. Чтобы подчеркнуть сложность пути пьес к читателю и зрителю, комментаторы стремились сочетать хронологический принцип изложения с компактным выделением важнейших тематических блоков: творческая история произведения; цензура, общая и в особенности театральная, от заключений которой зависели публикация и постановка пьесы, изменения в её тексте; чтения пьес в узкой или достаточно широкой аудитории, обычно предшествовавшие их публикации; оценки и интерпретации пьес критиками разных направлений; премьеры спектаклей и театральная критика. Завершаются комментарии по сложившейся традиции лексической частью, где разъясняются слова и выражения, которые могут быть непонятны современному читателю; в данном Полном собрании сочинений их объём значительно возрос по сравнению с предыдущими аналогичными изданиями.

Библиографический список

1. *Белякова Е.Н.* «Печоринский элемент» в характерах героев ранних драматических опытов А.Н. Островского (этюд «Неожиданный случай»)

и первые варианты комедии «Бедная невеста») // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова.* – 2014. – Т. 20. – № 3. – С. 149–152.

2. *Виноградов А.А.* «Очерки Замоскворечья» А.Н. Островского: формирование замысла (статья первая) // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова.* – 2015. – Т. 21. – № 3. – С. 79.

3. *Виноградов А.А.* Неизвестная записка А.Н. Островского // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 г.* / отв. ред. Т.С. Царькова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. – С. 336–342.

4. *Григорьев А.* О комедиях Островского и их значение в литературе и на сцене // *Москвитянин.* – 1855. – № 3. – Кн. 1. – С. 97–118.

5. *Зубков К.Ю.* Островский, «обличительная» драматургия и цензура Третьего отделения // *А.Н. Островский: материалы и исследования: сб. науч. тр. / отв. ред., сост. И.А. Овчинина.* – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. – Вып. 4. – С. 64–71.

6. *Зубков К.Ю.* А.Н. Островский в репертуаре провинциальных театров: 1849–1865 гг. // *Учёные записки Казанского государственного университета.* – Т. 156., кн. 2: Гуманитарные науки. – Казань: Казанский гос. ун-т, 2014. – С. 77–84.

7. *Капустин Н.В.* Комедия А.Н. Островского «Не в свои сани не садись»: поиски имени // *Вестник Ивановского государственного университета.* Сер.: Гуманитарные науки. – Иваново: ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет», 2014. – Вып. 3 (7): Филология. История. Философия. – С. 3–8.

8. *Лебедев Ю.А.* Издания Островского // *А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина.* – Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. – С. 174–176.

9. *Лебедев Ю.В.* О национальном своеобразии драматургической системы А.Н. Островского // *А.Н. Островский. Материалы и исследования: сб. науч. трудов / отв. ред., сост. И.А. Овчинина.* – Шуя: Изд-во «Весть» ШГПУ, 2006. – С. 4–14.

10. *Овчинина И.А.* Создание Полного собрания сочинений и писем А.Н. Островского как научная проблема // *А.Н. Островский: материалы и исследования: сб. науч. тр. / отв. ред., сост. И.А. Овчинина.* – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. – Вып. 4. – С. 3–8.

11. *Тихомиров В.В.* Жанровое своеобразие комедии А.Н. Островского «Горячее сердце» в рецепции литературной и театральной критики и литературоведения // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова.* – 2015. – Т. 21. – № 6. – С. 61–64.

12. *Тихомиров В.В.* «Снегурочка» А.Н. Островского: проблемы оценки и интерпретации (1873–1900) // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова.* – 2016. – Т. 22. – № 6. – С. 107–113.

**МОТИВ ОТСТУПНИЧЕСТВА
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ХРОНИКЕ А.Н. ОСТРОВСКОГО «ТУШИНО»:
К ВОПРОСУ О ГЕНЕАЛОГИИ СЮЖЕТА
(на материале чернового автографа пьесы)***

В статье затрагивается проблема генеалогических связей исторической хроники А.Н. Островского «Тушино» с древнерусскими повестями XVII века. Опираясь на материал чернового автографа (ЧА) пьесы, автор статьи развивает мысль, высказанную ранее Н.Г. Морозовым, о сюжетной близости текста Островского с «Повестью о Савве Грудцыне» и «Повестью о Горе-Злочастии». В качестве главного тезиса выдвинуто утверждение, что в ранних вариантах ЧА сцена искушения и отпадения юноши от праведного пути была выстроена в традициях древнерусской литературы. В подтверждение высказанного суждения, в частности, представлен фрагмент чернового наброска диалога главных героев хроники (тушинца Савлукова и молодого дворянина Максима Редрикова), не вошедший в печатный текст. Обозначенный фрагмент ЧА публикуется впервые.

Ключевые слова: генеалогические связи, авторский замысел, сюжет, мотив отступничества, традиция русской литературы, историческая хроника, древнерусская повесть, образ героя.

Не так давно, давая оценку современному спектаклю по хронике А.Н. Островского на сцене Историко-этнографического театра (МГИЭТ) под руководством М. Мизюкова, поэт и театральный критик Фазир Муалим справедливо заметил: «Пьеса А.Н. Островского “Тушино” – одна из самых малоизвестных. <...> Достаточно сказать, что в Москве (а возможно, и в современной России) это единственная постановка драмы» [5]. В то же время о низком интересе к пьесе со стороны научного сообщества свидетельствует современный исследователь творчества А.Н. Островского И.А. Овчинина, объясняя этот факт прежде всего характером самой хроники: «Камерность содержания, преобладание частной сюжетной линии, развивающейся на историческом фоне, отсутствие заметного трагического характера, очевидно, и объясняют эту холодность. Даже такой знаток исторической драматургии Островского, как Н.П. Кашин, буквально отмахнулся от хроники, посчитав её откровенно слабой пьесой, не заслуживающей никакого внимания» [6, с. 32].

Однако, оставив в стороне рассуждения о «слабости» сценического действия, мы обнаружим, что «Тушино» по сей день представляет собой значимое произведение для историков русской словесности. Так, специалист по древнерусской литературе Н.Г. Морозов указал на то, что именно в этой пьесе «впервые в истории отечественной драматургии выведен характер предателя, разрушителя своей Родины, осквернителя её святынь. Островский показывает, как становятся тушинцами русские люди. И вот здесь обнаруживаются интересные соотношения драмы “Тушино” с некоторыми древнерусскими повестями XVII века» [4, с. 37]. В частности, автор статьи указал на несомненную близость текста Островского с «Повестью о Савве Грудцыне».

Развивая идею Н.Г. Морозова, можно предположить, что не менее интересные параллели обнаружат себя и при сопоставлении «Тушино» с «Повестью о Горе-Злочастии». Сюжетная близость исторической хроники Островского с древнерусскими повестями, описывающими грех горделивого своеволия молодого человека, станет ещё более очевидной, если принять во внимание рукописный источник пьесы. Сохранившийся черновой автограф с многочисленными исправлениями драматурга даёт возможность проследить некоторые этапы становления авторского замысла.

Начнём с наблюдения, высказанного, в частности, Н.Г. Морозовым, о несомненном сходстве образов героев-отступников в драме Островского и в древнерусской повести. Эти герои, каждый на свой лад, пренебрегают заповедью послушания и смирения, особенно отчётливо выраженной в «Повести о Горе-Злочастии»:

Не буди ты спесив на чужой стороне,

Покорися ты другу и недругу,

Поклонися стару и молоду... [1, с. 352]

То же наставление звучит и в словах Дементия Редрикова, предупреждающего назревающий конфликт сына, Максима Редрикова, с тушинцем Савлуковым, намеренно дразнящим «добра молодца»: «Потише ты! Пушай его смеется!» <...> «Не заводите же драку / Из малости с проезжим человеком! / Остынь, остынь!» [7, т. 7, с. 131]. Но, подобно героям древних повестей, молодой дворянин пренебрегает отцовским наставлением, провозглашая горделивое «Я сам большой, я сам себе хозяин!» [7, т. 7, с. 132]. Вслед за осознанием собственной воли как воли главенствующей, закономерно и неизбежно грехопадение молодца.

«Так, в “Повести о Савве Грудцыне” отпадение юноши, купеческого сына Саввы, от семьи к корпорации объясняется сатанинскими кознями. Но ведь

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-04-00323.

и в сценах обращения дворянского сына Максима Редрикова в тушинца есть нечто близкое эпизодам соблазнения бесом купеческого сына Саввы. Пообещав своей жертве дружбу и помощь, бес принял облик красивого, богато одетого юноши, ставшего “названным братом” Савве. Этот “брат” увлѣк купеческого сына в волшебный город своего отца, главного, верховного дьявола, где Савва и скрепил кровью своей некую “грамоту” о продаже души отцу “брата” в обмен на удовольствие суетной жизни. В драме “Тушино” таким “братом”, лжедоброхотом оказывается молодой дворянин Савлуков, ярый тушинец» [4, с. 37].

Н.Г. Морозов, говоря о древнерусской повести, останавливает взгляд на внешнем описании беса, принявшего «облик красивого, богато одетого юноши». Эта деталь обретает особое значение, если мы, опираясь на ЧА пьесы Островского, отследим эволюцию образа Савлукова. Достаточно сказать, что в ранних вариантах текста этот герой значился человеком, одетым не «посадским», а «крестьянским» [8, л. 10 об.]. Однако позже драматург вносит характерное изменение в описание его облика, и вот вместо простого человека, обременѣнного тяжѣлым сельским трудом, перед нами горожанин, для которого более, чем для крестьянина, пристало быть хорошо, даже щеголевато одетым. Согласно описанию Н.И. Костомарова, посадские люди XVII в. не чурались нарядной одежды, и из всех цветов предпочитали красные, «из них особенно любили червчатый отлив (красно-фиолетовый). Этот цвет был в таком употреблении, что один иностранец заметил, что все городские жители (посадские) носят платье такого цвета» [2, с. 69]. Таким образом, с большой долей вероятности мы можем предположить, что движение мысли драматурга в отношении создания образа Савлукова определялось желанием приблизить характеристику лукавого героя к традиционному пониманию образа беса-соблазнителя.

Дальнейшее знакомство с рукописью ещё более заставляет нас утвердиться в этом предположении. В ранних вариантах ЧА сцена искушения и отпадения юноши от праведного пути была выстроена в традициях древнерусской литературы. В отличие от печатного текста, где Максим Редриков становится как бы случайным свидетелем разговора Савлукова и Скурыгина (сцена III), в рукописи сохранился эпизод, позже вычеркнутый Островским, в котором молодой человек сам включается в диалог с Савлуковым. Генетическая близость этой сцены эпизодам древнерусских повестей, где Горь-Злочастье или брат-бес искушают и уклоняют от праведного пути своевольного молодца, кажется очевидной. Представим здесь первоначальный текст этого фрагмента, позже существенно изменѣнный драматургом:

Савлуков

Ну, если за обиду
Считаешь ты, что старший поколотит,
Так много ты обид таких увидишь,
Притерпишься. У нас такой порядок.
Коль старший ты летами или званьем,
Так и лупи молодых, – перед старшим
И [спину гни] сам согнись, и рыло подставляй.

Максим Редриков

А разве где другие есть порядки?

Савлуков

Каб не было, так жить нельзя на свете.

Максим Редриков

А где же есть?

Савлуков

Да в Тушине.

Максим Редриков

Ну, полно!

Савлуков

Там все равны, живут по божью слову,
Боярину большому, дворянину
И ратнику простому честь одна.
Обидел кто тебя – убей до смерти,
Ответа нет.

Максим Редриков

Вот это хорошо.

Савлуков

А если ты давнишнюю обиду,
Хоть за десять годов, желаешь вспомнить
И выместить, – охотники [найдутся] сбегутся,
Товарищи, и вольною толпою
Пойдут с тобой обидчика искать
На дне морском, лишь покажи дорогу;

[Максим Редриков

А в городе запрется.

Савлуков

Не защита.

Не устоят и каменные стены].

Максим Редриков

И что ж потом?

Савлуков

И дом его сожгут,
И самого на угольях изжарят,
Разграбят все.

[Максим Редриков

Ну, мне того и надо.

Я зарожден на зло. На свет с зубами
Родился я, так мне простору нужно.
Мне тесно здесь.] А где туда дорога?

Савлуков

Я покажу.

Максим Редриков

[Ты сам-то кто такой]

Савлуков

А помнишь ли, в дороге побрались
И чуть с тобой не подрались.

Максим Редриков

Ну, помню.

[Савлуков

Тогда тебя я попытать хотел].

Максим Редриков

Считаться мы с тобой теперь не станем.

А вот что, друг – ты будь мне вместо брата

И всей семьи. [А где тебя найти?] Ты в Тушино когда же?

Савлуков

[Везде найдешь, мы после потолкуем (*подходит к Скурыгину*)

Еще один попался]

Пойдем теперь, мои коротки сборы.

А ты готов?

Максим Редриков

Готов хоть в преисподню,

Хоть в Тушино, лишь только б не на Пресню.

Савлуков

(*Скурыгину тихо*)

Еще один попался.

Скурыгин

Ой, уйдет.

Глядеть за ним!

Савлуков

Нет, этот не сорвется [8, л. 12–12 об.].

Заметим здесь, что сцена диалога братьев, где Максим прощается с Николаем и сообщает ему о своём решении отправиться в Тушино, включена в текст позже и, очевидно, оказала влияние на изменение структуры второй половины сцены. В частности, напротив диалога, начинающегося словами М. Редрикова «Скажи ты мне, какой ты человек», Островский делает запись: «После сцены братьев» [8, л. 12 об.], свидетельствующую о некотором изменении авторского замысла. Далее драматург вносит существенные коррективы в первоначальный текст, выстроив сцену так, что Максим Редриков из участника диалога превращается в зрителя разыгранного для него представления. Таким образом, усложняется система отношений, «работающая» на искушение героя. Подобный разворот сюжета придаёт хронике большую эффектность, делает эпизод отпадения юноши от нравственно-родовой традиции более сценичным. Однако, учитывая тексты черновых набросков пьесы, можно утверждать, что одна из отправных точек авторского замысла была неразрывно связана с каноничным сюжетом древнерусских повестей о грехе горделивого своеволия неопытного юноши.

Столь очевидное соответствие произведения драматурга XIX века древнерусской традиции представляется закономерным явлением. «Художественная одарённость русского народа органически связана с коренными особенностями его православно-христианского мирозерцания», – утверждает исследователь литературы XIX в. профессор Ю.В. Лебедев [3, с. 149]. Потому вполне естественным кажется тот факт, что наша отечественная словесность «нового времени сполна унаследовала коренные традиции древнерусской письменности» [3, с. 151].

Библиографический список

1. Изборник. Повести Древней Руси. – М.: Худ. литература, 1986. – 447 с.
2. *Костомаров Н.И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. – СПб.: Тип-я Карла Вульфа, 1860. – 215 с.
3. *Лебедев Ю.В.* Русская литература о святости труда писателя // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014 – № 6 – С. 149–153.
4. *Морозов Н.Г.* Традиции древнерусской повести в драмах А.Н. Островского // А.Н. Островский в новом тысячелетии: материалы науч.-практ. конф. – Кострома: Промдизайн-М, 2003. – С. 34–38.
5. *Муалим Ф.* Неожиданное «Тушино» // Rara Avis – Открытая критика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rara-rara.ru/menu-texts/neozhidannoe_tushino (дата обращения: 14.10.17).
6. *Овчинина И.А.* Человек и история в драматической хронике «Тушино» // А.Н. Островский. Материалы и исследования: сб. науч. трудов. – Шуя: Изд-во ГОУ ВПО «ШГПУ», 2008. – Вып. 2. – С. 32–40.
7. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. – М.: Искусство, 1973–1980.
8. *Островский А.Н.* Тушино: Черновой автограф первоначального текста // Российская государственная библиотека. – Ф. 216. – М. 3251.

Ермолаева Нина Леонидовна
 доктор филологических наук, профессор
 Ивановский государственный университет
 ninaermolaeva1@yandex.ru

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ А.Н. ОСТРОВСКОГО О САМОЗВАНЦАХ В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ КРИТИКИ 1860–1870-Х ГОДОВ*

В статье осмысливаются суждения целого ряда как известных, так и безымянных критиков о драматических хрониках Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» и «Тушино». Объективные или относительно объективные оценки произведений появились лишь в статьях А.В. Никитенко о пьесе «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» и в безымянной статье газеты «Голос» о пьесе «Тушино». Большинство же критиков обвиняют Островского в подражательстве, зависимости от исторических источников, художественных просчётах, говорят о падении его таланта. Автор статьи уясняет причины появления множества необъективных оценок этих произведений и видит их в отсутствии у ряда критиков профессионализма и необязательности ответственности за свои суждения, в стремлении навязать драматургу свою идеологическую позицию. Особое внимание в статье уделяется суждениям о женских образах в исторических хрониках. При этом автор статьи соглашается с представлениями Н.Н. Страхова, Н.С. Лескова, А.М. Скабичевского и др. о том, что талант Островского – это прежде всего талант комедиографа, однако признаёт несомненную художественную значимость драматических хроник о самозванцах и то обстоятельство, что современные им критики в абсолютном большинстве своём были далеки от их объективной оценки.

Ключевые слова: подражательство, «переложение» исторических трудов, искажение исторических характеров, падение таланта, дарование комедиографа, непрофессионализм и субъективизм критиков.

«Грозный», «Тушино», «Шуйский Василий»
 «Воевода», «Козьма Сухорук»,
 «Царь Феодор»... нельзя без усилий
 Счесть их всех, не опомнившись вдруг!..
 Ах, когда одного Сухорука
 Просмотреть нестерпимая мука,
 Что ж, коль «Тушино» нам поднесут?

Д.Д. Минаев [29, с. 60]

В 1860–1870-е годы, после смерти Н.А. Добролюбова, А.А. Григорьева, А.В. Дружинина, русская критика переживала «трудное время». Н.Н. Страхов в статье 1868 года «Бедность нашей литературы» скажет об этом так: «...мы не знаем своей литературы... у нас не выработано прочных, ясных понятий о тех, хотя бы и скудных и неблистательных, явлениях, которые составляют эту литературу» [30, с. 48]. О справедливости этих слов очевидно свидетельствуют отклики критиков на появление произведений нового жанра и с новым содержанием. Таковыми явились в эти годы исторические пьесы А.Н. Островского и его современников.

Драматические хроники писателя были встречены с недоверием. Уже в первой из них – «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» – критики не увидели художественных открытий. Лишь «голоса А.А. Григорьева и П.В. Анненкова», «по достоинству оценивших хронику Островского», прозвучали «диссонансом хору этих критиков» [22, с. 127]. Особенно много упреков драматургу предстояло выдержать в связи с хрониками о самозванцах «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» и «Тушино». В печати пьесы появились почти одновременно, в первых номерах журналов за 1867 год: «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» – в «Вестнике Европы», а «Тушино» – в журнале «Всемирный труд». Уже

в первых рецензиях на хронику «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» драматургу предъявили обвинение в подражании Пушкину, Шиллеру, Шекспиру, другим авторам. Известный к тому времени театральный критик, издатель журнала «Антракт» А.Н. Баженов обнаруживает сходство некоторых сцен и фраз в хрониках Чаева, Погодина, Хомякова, Полозова и Островского. Баженов считает, что сцена с Мариной и Самозванцем, в сравнении с Пушкиным, «ничтожна», а сцена встречи Самозванца с Марфой, по его оценке, «лучшая» в пьесе, но «ею автор позаимствовался у Шиллера» [4, с. 6]. П.Д. Боборыкин прямо осудил Островского за подражание шекспировским хроникам [9, с. 39]. Начиная с критик А.С. Суворин в рецензии на премьерный спектакль в Петербурге писал, что хроника «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» является переложением в стихи Пушкина, А. Толстого, Шиллера [19, с. 2]. Автор газеты «Гласный суд», видимо, скрывшийся под псевдонимом Ф. Весёлкин, счёл драматические хроники Островского лишь данью моде. Он позволил себе даже зло иронизировать: «Кузьма Минин, Сон на Волге, Тушино, Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский! Четыре попытки занять вакантное место русского Шекспира». И язвительно поучать драматурга: «Не пора ли перестать баловаться?» [10, с. 3].

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ исследовательского проекта № 16-04-00323.

Кроме подражательства, Островского обвинили в том, что его пьесы – лишь «переложение» исторических трудов Н.И. Костомарова. В газете «Москва» появилась статья Н.М. Павлова, автор которой заявил, что пьеса «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» «отличается чисто внешней исторической верностью, грубой верностью больше хронологического и топографического свойства... <...> Вся она представляет характер какой-то компиляции... мы говорим о статьях Костомарова в “Вестнике Европы” о смутном времени» [7, с. 3]. Костомарова же Павлов обвиняет в искажении характеров Шуйского и Самозванца, а Островского в том, что он это повторил. Мысль Павлова подхватил тот же Ф. Весёлкин, который назвал исторические труды Костомарова историческими фельетонами. По его мнению, как и Костомаров, Чаев и Островский кинулись «сочинять» Самозванца. Эти два Самозванца¹ – «два близнеца, сшитые по одной мерке, и при равной степени отсутствия даже намёков на творчество со стороны их мастеров» [10, с. 3]. Вслед за этими критиками выступил А.С. Суворин. По его мнению, Островский использовал исторические труды не только Костомарова, но и С.М. Соловьёва. Но если у Костомарова Самозванец вызывает сочувствие как трагический герой, то у Островского Самозванец «только говорит монологи... вовсе не действует, он проходит тенью по хронике» [17, с. 3]. Н.И. Костомаров был вынужден выступить в защиту Островского, публично заявив о том, что хроника «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» появилась раньше, чем его собственный «Названный царь Дмитрий» [15, с. 3]. Но и после выступления Костомарова некоторые критики продолжали настаивать на таком заимствовании (см., например: [26, с. 1]. Даже в более поздней аналитической статье П.Д. Боборыкин упрекнул Островского в том, что он является «простым комментатором известных исторических взглядов» [8, с. 33].

Ответственность за резкость суждений не только об Островском, но и о других писателях во многом снимало то обстоятельство, что оценки пьесам нередко давались авторами, скрывавшими своё имя под псевдонимом или же просто не подписывающими статьи. Рецензент «Петербургского листка», например, смело обобщает: «“Тушино” принадлежит к числу тех же неудачных исторических пьес, которыми наводнена в последнее время русская сцена» [5, с. 1]. На премьерный спектакль по пьесе «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» в Москве откликнулись «Русские ведомости»: «Поистине блестящее представление, которое чрезвычайно сильно бьёт в глаза, и в уши, но не затрагивает ни одного внутреннего чувства, не шевелит ни одной мысли» [18, с. 5]. Автор прибегает к сравнению пьесы с другими историческими сочинениями и приходит к выводу: «Там и лица живее, действительнее, и факты, конечно, вернее, и драматического движения больше. А у г. Островского и лица мертвы

до крайности, и драматического движения никакого». Кроме того, критик делает вывод: «Такие драмы “вредно действуют на актёров”» [18, с. 6].

Субъективизм в оценке произведений в статьях большинства критиков объясняется и невыработанностью эстетических критериев, отсутствием чётких представлений о специфике художественного произведения, тем более произведений с исторической тематикой. Следствием этого явилось явное расхождение авторов в толковании отношения драматурга к историческому источнику. Одни критики требовали строгого соответствия содержания пьес историческим фактам, как, например, автор одной из рецензий на премьеру пьесы «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» в Малом театре [25, с. 2]. Другие, как рецензент «Сына отечества», упрекали Островского за то, что хроника «ничего не прибавила» к знаниям о времени, о характерах исторических лиц. Судя по пафосу статьи, складывается убеждение, что её автору хотелось бы видеть в драматурге не художника, но учено-историка. Критик считает, что в пьесе остаются «недовыясненными» образы Самозванца, Шуйского, царицы Марфы. Как и Весёлкин, он позволяет себе ироническое заключение: «...лучше бы г. Островскому не тянуться попасть в Шекспира, хотя бы и русские, а продолжать писать комедии с типами московских самодуров» [11, с. 2].

В массе своей критики не прислушивались к мнению наиболее авторитетных и талантливых современников. П.В. Анненков, например, в статье, посвящённой хронике «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» допускает возможность того, что историческая пьеса является «художественной разработкой предания» [2, с. 408] и считает, что произведение Островского является первым серьёзным опытом «русской исторической драмы после *Бориса Годунова* Пушкина» [2, с. 412]. В статье о произведении Н.А. Чаева и А.К. Толстого Анненков приветствует пьесы, в которых история является «обработанной не по приёмам учёного специалиста, а художественным способом» [3, с. 66], и говорит о слепом следовании историческому источнику как о недостатке пьесы Чаева. Ещё не опубликованную, но прочитанную в Артистическом кружке 20 сентября 1866 года пьесу «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» в письме Островскому Анненков охарактеризует как «великолепное драматическое... создание» [20, с. 15].

В статьях некоторых авторов просматриваются явные противоречия в предъявленных драматургу требованиях. А.С. Суворин, например, следование историческим трудам не ставит в вину Островскому, поскольку таковое, по его мнению, встречается и трагедиях Шекспира и Пушкина. Однако, как и другие рецензенты, упрекает драматурга в том, что сцена встречи Самозванца с матерью исторически неверна: «Самозванец свиделся с матерью при всём народе, на глазах всех, а не в закрытом

шатре... <...> Сцена эта – одна из самых неудачных у г. Островского: её историческая, жизненная неправда вышла с глубокою художественною фальшью» [17, с. 3]. По мнению Суворина, Островский не уяснил для себя различия между историком и драматургом, но скорее всего этот упрёк можно было бы обратить в адрес самого Суворина.

В эпоху идеологических противоречий 60–70-х годов неудивительно и то обстоятельство, что критики забыли о требовании Н.А. Добролюбова не задавать «автору никакой программы» [12, с. 166]. Одной из причин субъективизма в оценках драматических хроник о самозванцах являлось и то, что автор статьи хотел от писателя соответствия его взглядов и убеждений собственной идеологической позиции. Чаще всего подобного рода пожелания встречаются в статьях критиков, близких народничеству. Скрывшийся за инициалами Л. П. автор статьи в журнале «Записки для чтения», например, говорит о том, что в драматическом произведении об истории он прежде всего ищет «народа, его деятельности, его стремлений, определяющих события...» [23, с. 2]. А. Толстой и Островский, с его точки зрения, должны были сказать, что «народ хотел не Дмитрия, не Бориса, не Шуйского, не Владислава, а *хотел воли*, и из неё бился...» [23, с. 9]. Если же драматурги народ не понимают, «то не для чего... и писать о “смутном времени”» [23, с. 10].

В свою очередь, Н.В. Шелгунов хотел бы видеть в литературе своего времени истинно героические натуры, способные вдохновить и повести за собой читателя-современника, он склонен был требовать от писателя создания идеальных, откровенно тенденциозных «положительных примеров» [31, с. 271–272]. Однако, по мнению Шелгунова, в пьесе «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» отражена такая эпоха, в которой не было истинно героических личностей. Источником драматизма в хронике, по мнению критика, мог стать только малозначительный образ Марины Мнишек, женщины европейской, которая, в отличие от русской девушки Людмилы Сеитовой из пьесы «Тушино» («женщины, чисто теремной, как женщина Турции...»), способна «создавать действительных героев...» [33, с. 69].

Наиболее последовательно мнение большинства критиков об изображении исторических лиц в пьесе «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» выразил, пожалуй, А.Н. Баженов. Он писал, что традиционно Самозванца изображали злодеем. Островский же понял, что такой герой не может быть интересен публике, а потому наделяет «своего Лжедмитрия многими светлыми свойствами характера, пытается сделать из него человека пылкого, предприимчивого, умного, храброго, готового на всякое добро и откровенность». Но в Самозванце Островского «мы беспрестанно видим совмещение свойств несовместимых», поэтому «личность героя представляется чем-то непоправимо

расколоченным». При этом критик делает вывод, что «с главным детищем своей хроники Островский не сладил» [4, с. 4]. Баженов, как и большинство критиков, считает, что Василия Шуйского драматург изобразил лукавым злодеем, но лицо Шуйского «слишком не дорисовано и также не удалось. <...> Марина у Островского выкроена по слишком известной мерке». Лицо царицы Марфы «тоже слишком недостаточно очерчено автором» [4, с. 5].

Положительные отзывы о пьесах были единичны. Лишь в середине 70-х годов, когда страсти уже улеглись, прозвучал голос А.В. Никитенко. В большой статье о хронике «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», появившейся в известном сборнике «Складчина», редко выступавший как литературный критик, но авторитетный в литературных кругах литератор убедительно заявил: «В пьесе нет выдуманных произвольно и напрасно ни лиц, ни событий и страстей...» [21, с. 450], дал объективный подробный анализ сложных, противоречивых образов как главных, так и второстепенных героев пьесы. Особое внимание Никитенко уделил художественной стороне произведения: «Пьеса г. Островского заключает в себе замечательные художественные красоты. <...> Предназначив себе цель из избранного им исторического мотива извлечь его драматические стихии, он воспользовался ими не только с полным знанием истории, но и с искусством опытного и даровитого поэта» [21, с. 449–450]. Отвечая на распространённые в критике заявления о том, что пьеса скучна и затянута, Никитенко говорит: «Действие в его пьесе развивается в постепенно возрастающей занимательности само собою, без всяких искусственных усилий со стороны поэта...» [21, с. 450]. В контексте разногласий в критике по поводу языка и стиха хроники Островского значительными для её оценки представляется и то, что о языке пьесы Никитенко говорит «с полным уважением. Это чистый русский язык, употреблённый и обработанный вполне художественно. Он жив, отчётлив, лёгок и благороден...» [21, с. 452].

Как и традиционная по своей форме драматическая хроника «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», новаторская по жанру, «пьеса-катастрофа» [13, с. 12] «Тушино» оценивалась критиками очень невысоко. В одном из первых отзывов о ней А.С. Суворин писал: «Вообще вся хроника представляет какую-то программу, лёгкие черновые наброски, а не зрело обдуманную и гармоническую драму» [16, с. 3]. Мнение Суворина, видимо, во многом определило отношение к пьесе других критиков. В появившейся позже, уже в связи с постановкой пьесы, статье М.П. Фёдорова высказаны типичные для критических статей о произведении претензии по поводу изображения исторических лиц: «...ни личность Шуйского, ни личность тушинского вора не являются целостными, законченными; в очертании их видна недоделанность, небрежность в рисовке, весь труд отзывается

спешностью работы...». Общее представление о пьесе Фёдоров выразил и в словах о том, что пьеса «Тушино» «принадлежит к числу слабейших произведений нашего драматурга» [32, с. 1].

Наиболее доброжелательно отозвался о пьесе «Тушино» безымянный рецензент газеты А.А. Краевского «Голос»: «В обществе и в печати довольно распространено мнение, что “Тушино” – слабейшая из хроник г. Островского. Мы не разделяем этого мнения. “Тушино” имеет уже то преимущество перед “Дмитрием Самозванцем” и перед “Мининым”, что главное действие разыгрывается в этой драме между вымышленными, а не историческими лицами. Это даёт автору большую свободу в изображении эпохи, и надо сказать, что действительно эпоха тушинского вора начертана автором мастерски...». Именно в этой статье дана во многом объективная оценка образов вымышленных героев пьесы – братьев Максима и Николая Редриковых, Людмилы Сеитовой [6, с. 1].

Причину неудач Островского в жанре драматической хроники некоторые критики видели в материале, к которому обратился драматург. Об этом пишет Н.В. Шелгунов. Анализируя пьесу «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», он приходит к категоричному выводу: «...в самом материале, которым пользуется г. Островский, нет драматического содержания, которое могло бы позволить выработать из него драму для нашего времени» [33, с. 73]. На другую причину указывает А.А. Плещеев: «Кроме того, г. Островский – мастер изображать женские типы; но всем известно, какую ничтожную роль играют женщины в русской истории...» [24, с. 6]. Интересно в связи с этим, что в большинстве статей о пьесе «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» не обойдены вниманием образы Марины Мнишек и царицы Марфы, а в пьесе «Тушино» критиками особо отмечен образ Людмилы Сеитовой. Одним из первых оценку этому образу дал Н.С. Лесков. Он увидел в пьесе Островского стремление «разнообразить» семейную жизнь допетровской эпохи, которое «помимо греха перед исторической правдой может вести к целой бездне несообразностей, не исключая даже опыта изобразить в русской женщине эпохи самозванцев нигилистку XVII века...» [29, с. 38]. Однако другие критики не поддержали подобную оценку образа героини. В безымянной рецензии на пьесу в газете А.А. Краевского «Голос» автор характеризует образ Людмилы как новую попытку «нарисовать идеальную русскую женщину. Людмила – натура блестящая в полном смысле этого слова: своевольная, капризная, но умная, способная, страстная, великодушная...». Отец – «простая игрушка в руках дочери. Но все её прихоти законны, и воля её направлена на доброе» [6, с. 1]. Интересно, что после премьеры спектакля по пьесе «Тушино» критик той же газеты, подписавшийся инициалами С. П., высказал несогласие с такой оценкой образа героини. По его мнению, драматург «старался очер-

тить нам идеал русской женщины в лице Людмилы, дочери воеводы Сеитова, но это ему не вполне удалось: вышла женщина смелая, своевольная, упрямая, без строгих нравственных начал, с своеобразным взглядом на жизнь, с отвагою мужчины, но не думаем, чтобы так рисовался идеал русской женщины» [25, с. 1]. И всё-таки в большинстве своём критики дают положительную оценку образу героини и нередко связывают это с мастерством драматурга. Ф.М. Фёдоров, например, пишет: «В создании этой своевольной и грациозно-капризной барышни узнаёшь прежнего Островского, мастера создать тип несколькими штрихами» [32, с. 1]. Уже после смерти драматурга Д.А. Коропчевский, характеризуя мастерство Островского, скажет: «Девушкам того времени мало приходится выступать на сцену, благодаря их замкнутой теремной жизни. Однако, по большей части, в пьесах Островского они отличаются смелостью и упорством в достижении своей цели, когда этой целью бывает союз с любимым человеком. Такова Людмила Сеитова (“Тушино”), несравненно более энергичная, чем её возлюбленный Николай Редриков» [14, с. 46].

Появившиеся в большинстве статей невысокие оценки драматических хроник дали повод современникам говорить о падении таланта Островского. Эту мысль прямо высказал скорый на умозаключения А.С. Суворин [16, с. 3]. Другие, более авторитетные современники, не спешили с голословными заявлениями. Н. С. Лесков, например, писал по этому поводу: «...Постоянно падающий и даже почти сходящий на нет успех г. Островского есть явление самое печальное... <...> И вот ныне... г-на Островского не смотрят, г-на Островского находят скучным, г-на Островского читают только по старой памяти и только по старой памяти его щадят газетные фельетонисты...» [29, с. 37]. Но в исторических пьесах Островского Лесков видит «не упадок сил автора, а нечто иное, более зависящее от форм его новых произведений и от выбора сюжетов» [29, с. 38]. Лесков считает, «что теперь, после *Тушина*, не рискуя впасть в большую ошибку, можно сказать, что г-ну Островскому не даются исторические русские хроники. Его род пьес, в которых он всего сильнее, есть бытовая драма и комедия...» [29, с. 38]. С мнением Лескова во многом созвучны суждения Н.Н. Стрехова, положительно оценивавшего исторические произведения Островского. В статье «Бедность нашей литературы», появившейся в 1868 году, а позднее в статье о пьесе «Лес» он высказывает своё представление о них: «Его исторические драмы замечательны как бытовые картины допетровской Руси...» [1, с. 64]. Не расходится с современниками в своих представлениях и А.М. Скабичевский. Он считал Островского художником с комическим дарованием, мастером бытового жанра: «Но чуть он отклонялся куда-либо в сторону от этого пути, талант тотчас же изменял ему. Так, например, не вполне удались г. Островскому его попытки подвизаться

на поприще исторической драмы. И замечательно при этом, что наилучшие сцены в исторических драмах г. Островского, в которых талант его проявляется во всей своей силе, остаются всё-таки бытовые сцены» [27, с. 218]. И хотя с подобными суждениями трудно не согласиться, поскольку и наше время видят и ценят прежде всего талант Островского-комедиографа, нельзя не признать несомненную художественную значимость исторических пьес драматурга и то обстоятельство, что современные им критики в абсолютном большинстве своём были далеки от их объективной оценки.

Примечание

¹ Имеется в виду пьеса Островского и пьеса Н.А. Чаева «Дмитрий Самозванец».

Библиографический список

1. –2– [Страхов Н. Н.] «Лес», комедия А.Н. Островского // Заря. – 1871. – № 2 (февраль): Журналистика. – С. 58–72.
2. Анненков П. О Минине и его критиках // Русский вестник. – 1862. – Т. 41. – № 9–10. – С. 397–412.
3. Анненков П. Новейшая историческая сцена // Вестник Европы. – 1866. – № 1 (март). – С. 66–83.
4. Баженов А.Н. Вокруг да около: (По поводу бенефиса Васильевой) // Антракт. – 1867. – № 6. – 9 февр. – С. 1–7.
5. Бенефис Леонидова // Петербургский листок. – 1867. – № 177. – 26 ноября.
6. Библиография и журналистика. «Тушино», драматическая хроника в стихах Островского // Голос. – 1867. – № 156. – 8 июня.
7. Б., Н. [Павлов Н. М.] «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский». Драма Островского // Москва. – 1867. – № 55. – 10 марта. – С. 3–4.
8. Боборыкин П. Островский и его сверстники // Слово. – 1878. – № 8. – Авг. отд. 2. – С. 1–45.
9. Боборыкин П. Русский театр // Дело. – 1871. – № 11 (ноябрь): Совр. обозр. – С. 33–53.
10. Весёлкин Ф. Лакомый кусок // Гласный суд. – 1867. – № 155. – 12 марта.
11. «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский». Драматическая хроника А. Н. Островского // Сын отечества. – 1867. – № 68. – 24 марта.
12. Добролюбов Н.А. Тёмное царство // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 3 т. – М.: ГИХЛ, 1952. – Т. 2. – С. 156–278.
13. Ермолаева Н. Л. Пьеса «Тушино» в контексте творчества А.Н. Островского // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2017. – Вып. 1 (17): Филология. – С. 5–13.
14. Корончевский Д. Бытописатель денежной силы: (Критический этюд о произведениях А. Н. Островского) // Дело. – 1886. – № 3–4 (июль – август): Совр. летопись. – С. 1–54.
15. Костомаров Н. Разные известия. По поводу драматической хроники Островского // Голос. – 1867. – № 89. – 30 марта.
16. И-н, А. [Суворин А.С.] Журнальные и беллетристические заметки // Русский инвалид. – 1867. – № 21. – 21 янв.
17. И-н, А. [Суворин А.С.] Журнальные и библиографические заметки // Русский инвалид. – 1867. – № 77. – 18 марта.
18. Московский театр // Русские ведомости. – 1867. – № 16. – 7 февр.
19. Незнакомец [Суворин А.С.] Театр: (Мариинский театр. Бенефис Жулёвой «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский») // Санкт-Петербургские ведомости. – 1872. – № 50. – 19 февр.
20. Неизданные письма. Из архива А.Н. Островского. – М.; Л.: Academia, 1932. – 744 с.
21. Никитенко А.В. Об исторической драме г. Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» // Складчина: Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии. – СПб., 1874. – С. 431–453.
22. Овчинина И.А. «Минин» А.Н. Островского на перекрёстке мнений // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2016. – № 5. – Т. 22. – С. 125–129.
23. П., Л. «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» // Записки для чтения. – 1867. – № 4. – Отд. 6. – С. 1–10.
24. Плещеев А. Московский театр. Бенефис Садовского («Василиса Мелентьева») // Антракт. – 1868. – № 2. – 14 янв. – С. 4–10.
25. П., С. Московская жизнь: (...«Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский») // Голос. – 1867. – № 38. – 7 февр.
26. Псевдоним. Московская жизнь: (...Историческая хроника Островского) // Голос. – 1866. – № 275. – 5 окт.
27. Скабичевский А.М. Особенности русской комедии // Отечественные записки. – 1875. – Т. 218 (февраль): Совр. обозр. – С. 199–248.
28. С., М. [Лесков Н. С.] Русский драматический театр в Петербурге // Отечественные записки. – 1867. – Т. 171. – № 3. – Отд. 7. – С. 37–38.
29. Современный Сатирик [Д.Д. Минаев]. Фельетон в стихах // Искра. – 1867. – № 4. – С. 60.
30. Страхов Н.Н. Бедность нашей литературы // Страхов Н.Н. Литературная критика. – М.: Современник, 1984. – С. 44–95.
31. Тихомиров В.В. Русская литературная критика середины XIX века: теория, история, методология. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – 376 с.
32. Ф., М. [Фёдоров М.П.] Фельетон. Театральное обозрение // Биржевые ведомости. – 1867. – № 320. – 28 ноября.
33. Языков Н. [Шелгунов Н.В.] Бессилие творческой мысли: (Собрание сочинений А.Н. Островского: 8 томов. СПб., 1874) // Дело. – 1875. – № 4 (апрель). – С. 50–84.

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОМ СВОЕОБРАЗИИ И ПОЭТИКЕ ОЧЕРКА Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО «ИБСЕН»

В статье раскрываются жанровое своеобразие и поэтика очерка критической прозы Д.С. Мережковского «Ибсен». В жанрово-типологическом плане работа Мережковского представляет собой очерк-портрет критической прозы, соединивший в себе аналитику литературно-критической статьи с элементами литературоведческого исследования и поэтику, средства создания образности, близкие к художественной прозе писателя. Мережковский рисует в очерке образ Ибсена, используя элементы портретной и психологической характеристик, «речевое» раскрытие и самораскрытие героя. Опираясь на конкретный литературный биографический материал, Мережковский создает собственную биографию норвежского драматурга, оценивает его пьесы с точки зрения актуальности их проблематики и новаторства, вписывает их в контекст мировой литературы и культуры. Особое внимание критика привлекает проблема семьи в ее социальных и нравственных аспектах, и ей он дает собственную интерпретацию, прослеживая варианты решения в ряде пьес Ибсена.

Мережковский высоко оценивает новаторство творчества Ибсена, видя в драматурге предтечу поворота литературы и культуры от разрушающих теорий к созидующей художественной и философской работе современной эпохи.

Ключевые слова: критическая проза, очерк-портрет, структура очерка, средства создания образности, проблематика, жанровое своеобразие, поэтика.

Объект нашего исследования – очерк Д.С. Мережковского «Ибсен» – является частью сборника «Вечные спутники». Очерк не привлек особого внимания современной Мережковскому критики и получил оценку ряда современников – В.Д. Спасовича [14], А.Г. Горнфельда [5], Скабичевского [13], В.Л. Величко [4], Б.В. Никольского [9] – лишь в рамках общей критической характеристики сборника. Среди современных исследователей литературно-критической деятельности Мережковского оценку очерку дала Е.А. Андрущенко [1; 2; 3], очень интересную статью о Мережковском и Г. Ибсене написал Г.М. Фридендер [15]. На особенности субъективной критики Мережковского в сборнике «Вечные спутники» обратили внимание А.А. Журавлева [6], А.Н. Николокин [10]. Фактор влияния художественного творчества на литературную критику в теоретическом плане продуктивно рассмотрен в работе М.Г. Зельдовича [7]. Привлекли наше внимание также работы Е.А. Осьмининой [11] и И.С. Приходько [12], в которых проанализированы культурологические аспекты изучения Мережковским образов «вечных спутников» мировой литературы и культуры.

Целью нашей статьи является выявление жанровой природы очерка, посвященного Ибсену, анализ структуры очерка, его поэтики и средств создания образа героя.

Мы относим данный очерк к критической прозе Мережковского. Норвежский драматург Генрик Ибсен, которому он посвятил одноименный очерк «Ибсен», появившийся в первом издании «Вечных спутников» в 1897 году, становится героем критической прозы писателя. В отдельном издании очерк вышел в Санкт-Петербурге в 1907 году. Время возникновения замысла очерка и его созда-

ния исследователи с точностью установить не могут: Е.А. Андрущенко называет начало 90-х годов XIX века [2, с. 736], возможно, 1896 год [3, с. 23], а Г.М. Фридендер в своей работе указывает, что время создания – 1894 год [15, с. 414].

Е.А. Андрущенко очень верно подмечает особенность очерка Мережковского: в нем, как в одном из наиболее ранних очерков цикла, содержится реализация целей, изложенных в предисловии к «Вечным спутникам», а также создается художественный образ Ибсена и дается оценка его творчества [2, с. 736–737]. Исследователь очень верно выделяет основные элементы критической прозы как типа художественно-критического мышления, соединяющего в себе литературно-критическую, литературоведческую и художественную составляющие.

Одним из современников Мережковского, который обратился к «Вечным спутникам» и оценил очерк «Ибсен», был В.Д. Спасович. Он видит в Ибсене и в Мережковском одну общую черту – чело-веконенавистничество и обвиняет критика в субъективности, заявляя, что он вычитывает у Ибсена то, чего в пьесе «Гедда Габлер» нет [14, с. 657].

Очерк критической прозы «Ибсен» представляет собой очерк-портрет, причем литературный портрет Генрика Ибсена строится и на элементах его биографии (с первоосновой-биографией норвежского драматурга, написанной Г. Йегером), и на анализе его творчества.

Очерк состоит из трех глав, которым предшествует небольшая вступительная часть, констатирующая характер оценки и уровень славы Ибсена в России и Европе. Предисловие показывает, что Мережковский внутренне готов к тем литературным сражениям, которые могут развернуться по поводу его очерка.

Именно это вступление, как и общая тональность оценок Мережковского, и вызывает наибольшее неприятие Спасовичем очерка. Он считает, что Мережковский субъективно интерпретирует творчество Ибсена и жаждет славы пророка, предсказавшего всемирную славу Ибсена. Последнее утверждение напоминает нам споры вокруг Достоевского, желание современников либо объявить его властителем дум эпохи, либо упрекнуть в жестокости таланта. В конце предисловия Мережковский делает акцент на том, что его очерк построен на впечатлении об Ибсене как о человеке, драматурге, который судил свой век беспощадным судом.

Очерк «Ибсен», по нашему мнению, в жанровом плане представляет собой идеальную модификацию очерка критической прозы, а именно очерка-портрета. Факты биографии удачно вплетаются в сюжет очерка и предшествуют непосредственной портретной характеристике героя. Выбор конкретно этих фактов из опубликованной биографии максимально способствует раскрытию образа Ибсена именно таким, как он видится Мережковскому, с расставленными идейными доминантами и оценками творчества.

Факты биографии Генрика Ибсена помогают Мережковскому составить субъективированный психологический портрет героя, что позволяет объяснить выбор тем и мотивов творчества, его реакцию на критику в адрес первых произведений.

Истоки мировоззренческих установок Ибсена, философских и социальных, Мережковский видит в условиях детства героя, во влиянии на впечатлительного юношу образа Катилины и, конечно же, стихийной свободы сурового северного моря.

Мережковский выделяет два периода в творчестве Генрика Ибсена: период интереса к национальной истории, воплотившийся в создании цикла национально-исторических драм, навеянных норвежскими преданиями, и период, характеризующийся интересом к современной жизни. Первый период удостаивается общей характеристики, более же подробно Мережковский анализирует три пьесы: «Нора», «Призраки», «Гедда Габлер». Отметим также, что к личности и творчеству Ибсена Мережковский уже обращался раньше, в трактате «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы».

Уже в первой главе очерка образ Ибсена дан в самом широком историческом и литературном контексте, в синтезе национального и интернационального, мирового культурологического контекста. Творчество Ибсена сопоставляется с лучшими образцами мировой драматургии и литературы в целом, начиная с античности (Платон), Данте Алигьери и заканчивая Байроном, Шекспиром, Л.Н. Толстым. Возникают ассоциативные аналитические связи, сравнения «Комедии любви» Ибсена с «Перчаткой» Мартиниуса Бьернсона и «Крейце-

ровой сонатой» Льва Толстого. Психологический анализ образов Фалька и Свангильды как будто смог приоткрыть для Мережковского особенности душевного склада самого автора, Генрика Ибсена, его отношения к проблемам любви и брака, нашедшим воплощение и в поздних пьесах драматурга, о которых критик будет говорить в очерке ниже.

На протяжении всего очерка Мережковский прослеживает, как каждый шаг Ибсена к славе сопровождался не возрастающей любовью, а возрастающей ненавистью толпы. Осмеяние норвежского духовенства, мещанства, узости мышления обывателей не могли способствовать народной любви к драматургу. Мережковский отмечает, что в последних драмах Ибсен подвергает острой критике сами основы современной буржуазной европейской жизни, и если Ибсен бежал ранее из Норвегии, которая представлялась ему тюрьмой, в Европу, то очарование Европой скоро прошло, ибо европейские страны испытывают те же проблемы, что и Норвегия. «За чертой горизонта, замыкающей Северное море, он больше не видит нового мира. И здесь, и там – глубокое вырождение человеческой личности, торжество посредственности и мнимого либерализма» [8, т. 17, с. 216].

Здесь важно отметить, что при создании образа Ибсена в очерке Мережковский использует не только изданную Йегером биографию Ибсена и произведения драматурга, но и его переписку, то есть звучит прямое слово героя, а не только интерпретация его текстов. То есть речевое раскрытие героя очерка складывается из двух составляющих, прямого и опосредованного слова Ибсена.

Уже первая глава очерка показывает меняющееся мировоззрение Ибсена, как рушатся его иллюзии и надежда на начало всеобщего обновления. Значительную роль в этом Мережковский отводит литературной критике и реакции читателей, театральных зрителей, обывателей, подтверждая свои суждения примером реакции на драмы «Комедия любви», «Союз молодежи», «Дикая утка», «Нора», «Призраки», «Гедда Габлер», поэму «Бранд». Мережковский иронизирует над рецензентом пьесы «Комедия любви», связывавшим восхваление безбрачия с религиозным мировоззрением автора и назвавшим пьесу «абсурдом»: «Это обвинение Ибсена, свободнейшего из скептиков, в затаенной католической тенденции – памятник поучительный для потомства» [8, т. 17, с. 212]. Сам же критик объясняет интерес Ибсена к этой теме исключительно веянием времени, интересом литературы к теме семейных отношений.

Завершается первая глава очерка портретной характеристикой героя, причем это не впечатления Мережковского после созерцания портрета Ибсена, а отсылка к той же биографии Йегера. И эта «портретная характеристика» с претензией на психологию для Мережковского является еще одним сви-

детельством субъективного восприятия и оценки Ибсена его соотечественниками и современниками.

Вторая глава очерка посвящена анализу и интерпретации пьесы Ибсена «Призраки». В ней Мережковский видит ответ Ибсена тем критикам, которые осудили его за финал «Норы», где героиня бросает своих детей во имя свободы. В главе много цитат из пьесы, пересказа сюжета, сопровождающихся минимальными критическими комментариями. Мережковский видит в пьесе протест самого Ибсена против теории смирения и покорности, против ханжества и лицемерия в семейной жизни, когда общественное мнение и фасад внешнего благополучия важнее, чем сама семья.

На материале пьесы Мережковский скрупулезно исследует внутрисемейные отношения, социальную гендерную психологию. Ему импонирует символика пьесы, нашедшая отражение в названии. Критик обращает внимание на галерею «призраков» в ней, в числе которых видит и призрак любви сына к матери, сына, ставшего жертвой безнравственности отца и генетики, предрасположенности Освальда к безумию. В глазах критика Освальд является первой жертвой мира, его моральных и социальных устоев, мира, обреченного на смерть. Поэтому для Мережковского Ибсен «в этом произведении так же, как в большинстве других своих драм, мистик и в то же время натуралист» [8, т. 17, с. 227].

По мнению критика, трагизм в произведениях Ибсена граничит с высшей красотой, и драматург показывает, что люди живут и страдают для прекрасных и одиноких мгновений высшего идеализма, о котором рассуждал еще Платон. Мережковский видит в Ибсене художника, не укладывающегося в определенные эстетические формулы: романтика – по глубине поэтического чувства, натуралиста – по смелости изображения современного общества, классика – по архитектуре произведений. Но критик высказывает предположение, что Ибсен подобен старцу Протею, умевшему принимать самые разные облики, и здесь нам вспоминаются суждения Достоевского о «протеизме» А.С. Пушкина. В этом случае Ибсен по своей первоначальной природе не натуралист, не романтик, не классик. «В поэзии Ибсена восстание против общества и философский идеализм находятся в глубокой преемственной связи с таким же веянием свободы и идеализмом у поэтов начала XIX века – у Гёте, в его юношеских произведениях, и у Байрона» [8, т. XVII, с. 228].

Мережковский в своем очерке проявляет себя как символист и романтик, завершая вторую главу рассуждениями о двух стихиях, вере и знании, идеализме и реализме, которые он интерпретирует в диалектическом духе закона о единстве и борьбе противоположностей. Проявление обеих этих стихий видится ему в искусстве поэзии. Финал второй главы очерка декларирует идею Мережковского об

Ибсене – предтече поворота от разрушающих теорий к созидательной художественной и философской работе современной эпохи.

В третьей главе предметом исследования становится его драма «Гедда Габлер». Это уже четвертая пьеса, посвященная проблемам любви, семьи и брака в очерке, о которой подробно говорит Мережковский. Критик видит в фигуре главной героини широкое философское обобщение, которое охватывает аспекты современной нравственной жизни, и в то же время выделяет в ней индивидуальность, личность. Все остальные действующие лица и персонажи сгруппированы так, чтобы выдвинуть на первый план Гедду Габлер, яркий драматический образ.

Мережковский обращает внимание на описательный элемент в драме, на характеристики действующих лиц. Основную идею образа Гедды критик видит в том, что «ее одинокое, властолюбивое сердце, лишенное веры, сжигает и доводит до ненависти, до отвращения к жизни последняя страсть – бесплодная любовь к недостижимой красоте» [8, т. 17, с. 231]. И эта страсть, по мнению Мережковского, толкает героиню на безнравственные поступки, ведь ее эгоизм, ревность, злоба приводят Левборга к самоубийству, а позже толкают на самоубийство саму Гедду.

Подбор Мережковским для анализа пьес Ибсена, сюжетообразующим мотивом которых является проблема любви, семьи и брака, позволяет показать различное решение этой проблемы в реальной жизни, оценив также роль социальной среды и влияния общественного мнения на частную жизнь. Критик связывает решение этой проблемы с нравственным выбором героев и, несмотря на неоднозначное отношение к образу Гедды, показывает разрушительное влияние страстей, не облагороженных нравственным чувством, акцентирует внимание на трагизме судеб, ставших жертвами нравственного нигилизма или общественного мнения.

В финале очерка Мережковский не делает философских обобщений или общих оценок образа Ибсена, он опосредованно показывает взгляд Ибсена на разные варианты решения представленных в пьесах проблем.

Завершается очерк сентенцией: «Мы понимаем трагическую судьбу поколений, обреченных рождаться и умирать в эти смутные, страшные сумерки, когда последний луч зари потух и ни одна звезда еще не зажглась, когда старые боги умерли и новые не родились» [8, т. 17, с. 242]. В этих словах нам видится не только оценка «героев времени» Ибсена, но и самого времени, реального времени эпохи рубежа веков.

Библиографический список

1. Андрущенко Е.А. Забытая книга: «Вечные спутники» Д.С. Мережковского // Филологическо-

- му семинару – 40 лет. – Смоленск, 2008. – Т. 1. – С. 156–166.
2. Андрущенко Е.А. Спутники Д.С. Мережковского // Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы / подг. текста, ком. Е.А. Андрущенко. – СПб.: Наука, 2007. – С. 703–757.
3. Андрущенко Е.А. Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. – М.: Водолей, 2012. – 248 с.
4. Величко В.Л. Вечные спутники. Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. – С. 685–686.
5. Горнфельд А.Г. Критика и лирика // Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. – С. 602–641.
6. Журавлева А.А. «Вечные спутники» Мережковского как образец субъективной критики // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. 11: Журналистика. – 2005. – № 1. – С. 99–108.
7. Зельдович М.Г. Парадоксальность литературной критики как творчества: программа исследования // Литературоведение и журналистика: межвузов: сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2000. – С. 149–154.
8. Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 17. – М.: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1914. – С. 205–242.
9. Никольский Б.В. «Вечные спутники» г. Мережковского // Исторический вестник. – 1897. – № 11. – С. 593–601.
10. Николукин А.Н. Феномен Мережковского // Д.С. Мережковский: Pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 7–28.
11. Осьминина Е.А. Образы мировой культуры в прозе Д.С. Мережковского. – М.: Поли-экспресс, 2009. – 304 с.
12. Приходько И.С. «Вечные спутники» Мережковского (К проблеме мифологизации культуры) // Д.С. Мережковский. Мысль и слово. – М.: Наследие, 1999. – С. 198–207.
13. Скабичевский А.М. Вечные спутники, портреты из всемирной литературы. Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. – СПб.: Наука, 2007. – С. 601–602.
14. Спасович В.Д. Д.С. Мережковский и его «Вечные спутники» // Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. – СПб.: Наука, 2007. – С. 641–682.
15. Фридендер Г.М. Д.С. Мережковский и Генрик Ибсен (У истоков религиозно-философских идей Мережковского) // Русская литература. – 1992. – № 1. – С. 43–57.

МОТИВЫ И ОБРАЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОЗЕ РУССКОГО НЕОРЕАЛИЗМА

В статье рассматривается рецепция мотивов и образов русской национальной культуры М. Ремизовым, М. Горьким, М. Пришвиным. Познание писателями-неореалистами народной жизни изнутри (А. Ремизов), погружение в словесную стихию мифа, фольклора, ориентация на духовные смыслы неофициального, так называемого народного православия расцениваются в данной работе как онтологическая, художественная тенденция русской прозы первых десятилетий XX века. В значительной степени она складывалась как оппозиция ценностям культуры официальной.

В работе анализируется рецепция архетипа народного мудреца (мудрого простеца), мотивов ухода, обретения чудесных даров и других; выявляются межтекстовые переключки, глубинные связи произведений. Установлены преемственность содержания, образности, поэтики произведений русских писателей и славянского язычества, традиционного мифологизма, неомифологизма начала XX века. При этом открытия, состоявшиеся на рубеже XIX–XX столетий, не утратились, но обрели особую силу уже через подтекст в произведениях Горького, Пришвина советского периода, дальнейшее изучение чего представляется перспективным.

Ключевые слова: мотивы, образы национальной культуры, миф и мифопоэтика, фольклор, русский неореализм.

Влечение русских деятелей искусства, литературы к так называемой неофициальной культуре и её типам резко обострилось на рубеже XIX–XX столетий. Язычество, миф, народное православие, апокрифы были восприняты по-новому в художественном и онтологическом аспектах [5]. Остановимся на рецепции фольклорно-мифологического архетипа *народного мудреца* и близких ему мифопоэтических мотивов. Означенные связи изучали в своё время А.Н. Афанасьев, С.В. Максимов, о них говорили Е.Н. Трубецкой, В.Н. Лосский, на уровне сказочных персонажей их функции систематизировал В.Я. Пропп.

Для А. Ремизова, М. Горького, М. Пришвина *народные мудрецы* являлись представителями мира природно-стихийного, древнего, глубинного, языческого; они были носителями заветной правды, скрытой от просвещённого сознания европейски образованного интеллигента. Каждый из них по-своему пытался через постижение этого загадочного типа приобщиться к потусторонним силам, мистическим соответствиям духа и стихии, человека и невидимого мира. В сочинениях Горького, Пришвина данный архетип накладывается на развитие сюжетных мотивов дороги, бродяжества, гаданий, сна, поисков *иногo царства*, обретения чудесных даров. С.В. Максимов ставил русское странничество над логикой и здравым смыслом [7]. Влечение к типу у Горького, Пришвина сложнее и активнее. Горьковские странники «по святым местам» [8, т. 1, с. 359] «опьянены» широким простором «богатой земли», они – «пленники русской страсти к бродяжеству» [3, т. 4, с. 406–407]. Интерес писателя к означенному типу был стойкий, о чём свидетельствует хотя бы то, что внешне обычные, подчас незаметные, но талантливые «люди из народа» регулярно встречаются в разных по времени создания сочинениях, вплоть до публицистики советских лет. Эти индифферентные к злу или добру пронизательные старички могут быть окрашены образными характеристиками свя-

того человека или колдуна. Горьковские плотники, мельники, кузнецы владеют секретами мастерства, ремесла, знают вещи, тайные слова. Дурачки, блаженные, или облачённые в рубище бродяги-юродивого, или прикрытые скоморошьей ролью безумца, они появляются в наиболее важных для автора местах повествования: преодолевают бремя плоти, социальные, родовые тяготы, ищут *Бога живого*. Таковы Лука в пьесе «На дне», Антипа Вологонов, Осип из цикла рассказов «По Руси», персонажи автобиографической трилогии, землекоп и дворник Тихон Вялов в романе «Дело Артамоновых», ловившие сома, поднимавшие колокол мужики в повести «Жизнь Клима Самгина» – все излучают разные тайные импульсы. Их мудрость – в явных или скрытых знаках, приметах, случайно оброненных словах, странных, сознательно *дурацких* фразах, обрывках песен, кусках лицедейств.

«Маленький старичок» Антипа Вологонов (рассказ «Нилушка»), очень «интересный и значительный», имеет двойственные портретные характеристики. Это простой человек, но с явными атрибутами колдуна: «неуловимый» взгляд, глаза «всё время меняют цвет» [3, т. 4, с. 322–329]. Антипа находится будто в центре «старинной, жуткой сказки», нанизывает повседневность на глубинные таинственные смыслы, и его познания, сведения о людях происходят не из интереса к обыденной повседневности-бытовой рутине (в чём он тоже прекрасно осведомлён), но из древней языческой, апокрифической мудрости. Он «страшно много знает о неудачах жизни людской и любит рассказывать о них» [3, т. 4, с. 330]. Методично сплетая нити словесной паутины, с «непоколебимой уверенностью» говорит он о том, что «иначе не может, не могло быть» [3, т. 4, с. 330]. Любит старик и библейские слова, но «не за смысл, а только за то, что они особенные» [3, т. 4, с. 326]. Антипа не отводит «испытующего взгляда неуловимых глаз» [3, т. 4, с. 337] от ангелоподобного Нилушки, «вдумчиво хмурая густые, с чужого лица

брови», прислушивается к речам дурачка. Нилушку и его мать Фелицату Вологонов учит словам «тёмным», «многозначным», «иных красок, помудрёней, позвончей», накладывая их на магическую схему, мотив вещего сна: слово – сон – поворот судьбы. Сон должен быть о «старце некоем» из «претёмного леса» [3, т. 4, с. 339]. Рассказчик охвачен гипнотической силой тихого голоса, странных слов Антипы. «Горе – вода, счастье – огонь; воды больше – тонут чаще, огня меньше – горят реже» [3, т. 4, с. 673]. Другая сентенция: «Надобно знать, что есть настоящее и что – не есть настоящее. Очень много на земле греха-горя оттого исходит, что часто за настоящее принимают предстоящее и люди торопятся поспешно, тогда как надо тихо ожидать, испытывая» [3, т. 4, с. 335]. Образ Антипы – не единственный из созданных М. Горьким в означенном ряду.

Горький мог и объединить типы колдуна и старца, возможно, намекая на некое корневое родство этих типов в фольклорной традиции, усилить образы мотивом двойничества и принадлежности к ремеслу. Таковы два старика-плотника из рассказа «В ущелье». «Оба были похожи друг на друга и на колдунов: оба маленькие, острые, как шилья, зеленоватые во тьме» [3, т. 4, с. 156]. «Старшой у плотников – костлявый старичок, в белой рубахе и штанах» напомнил «святого отшельника – маленький, сухой и чистый». Он учит, «шевелия пальцами, точно колдуя <...> Уродливое лицо его, очень древнее <...> снова напоминало великих грешников, уходивших от мира в леса и пустыни» [3, т. 4, с. 481–482].

В романе «Дело Артамоновых» данный тип представляет аккуратный плотник Серафим с «бойкими, нестарческими глазками» [3, т. 6, с. 584], гусями, прибаутками. «В этом веселом делателе гробов было, соответственно имени его, что-то небесно-радостное, какой-то легкий трепет»; петь он мог напевом «слепцов-нищих» [3, т. 6, с. 584]. Серафим – плотник, и Осип из рассказа «Ледоход» – плотник. Думается, что Горький, причисляя столь близкий ему персонажей к данному ремеслу, отсылал читателя к хорошо известному библейскому архетипу плотника Иосифа.

Мудрецы Горького владеют языческой балаганной, скоморошьей культурой, воспроизводят феноменальную традицию юродства на Руси. «Исключительно богатая восточная агиография наряду с житиями святых-монахов приводит много примеров духовного совершенства, достигнутого в миру простыми мирянами, людьми, живущими в браке. Она говорит также о странных и необычных путях, святости, о «Христа ради юродивых», совершающих нелепые поступки, чтобы под отталкивающей личиной безумия скрыть свои духовные дары от взоров окружающих или, вернее, вырваться из уз мира сего в их наиболее глубоком и наименее приемлемом для разума смысле – освободиться от уз своего социального «я» [6, с. 18]. Р.В. Иванов-Разумник: «Великие силы ума прятались за

искус и обет вечного юродства. Примерами полна вся история России средних веков» [4, с. 147]. М. Горький: «У нас до начала XVII века тоже были свои “лицедеи”-скоморохи, свои мейстерзингеры – “калики перехожие”; они разносили по всей стране “лицедейства” и песни» [1, т. 26, с. 421]. О том же – в рассказе: «В памяти вставали... образы лучших и любимых людей русской земли: бесконечной вереницей мимо сердца шли житийные люди... вспоминались стихи слепых и нищих... и множество красивых, но безжизненных образов, в которые Русь вложила свою напуганную, печальную душу, свое покорное, певучее горе» [3, т. 4, с. 342].

Н. Пиксанов подтвердил интерес Горького к разным жанрам и направлениям фольклора, в том числе и магическим, «чёрным», к так называемой «блатной музыке» [9, с. 30], скоморошьей культуре. Последняя – словесная, музыкальная, хореографическая, магически-медитативная – основывается на культах языческих богов. В. Пропп «момент безумия» в индоевропейских сказках толковал как момент вселения духа, приобретения «соответствующих способностей» [15, т. 2, с. 182]. В язычестве разные формы притворства, превращений и проч. служат освобождению от плоти, физической оболочки и выходу к духовной медитации. «Соединенность с Богом выражается иногда в харизматических дарах... в даре духовного руководства «старцев». Чаще всего это монахи... Они имеют дар проникновения в сокровеннейшие глубины человеческой совести, обнаруживая в них грехи и трудности... поддерживают поникшие души, наставляя их не только на пути духовном, но также и руководя ими на всех путях житейских» [6, с. 19]. Такими свойствами владыки народные мудрецы и Горького, и Пришвина.

В творчестве Горький развернул то, что в 1923 г. определил как одну из желанных перспектив России: «Русь сама себя научает тому... чтоб каждая минута бытия казалась великим событием, чтоб каждое мгновение было насыщено каким-то русским смыслом, неуловимым для слова, таинственным» [8, т. 2, с. 166–167]. Иллюстрацией такого не одномоментно сформированного убеждения Горького может стать рассказ «Ледоход» из цикла «По Руси». Плотник Осип переводит товарищей с одного берега реки на другой по льдинам, будто подчиняя своей воле движение воды, льда. Осип ненавязчиво сопоставляется с покровителем водной стихии Николаем Чудотворцем. На воде Осип властвует над силами природы, на берегу – юродствует: заметив полицию, старается быть безучастным и равнодушным к тому, что произошло на воде, а для большего эффекта притворяется, будто сломал ногу. Из опыта Осипа почерпнуто поразительное открытие, трудно понимаемое, но уже доступное рассказчику новое знание о человеке: «Вот как надобно дела делать – чтобы никто ничего не понял, а каждому чудилось, будто он и есть – главная пружина... Пускай каждый думает, будто его душа – дело совершила» [3,

т. 4, с. 283]. Наблюдая за Осипом, рассказчик думает о чудесном преображении, исключительных силах человека в трудную минуту. Показательны в этом смысле и сцены из повести «Жизнь Клима Самгина»: подъём колокола, ловля несуществующего сома. Постановщиками и одновременно главными действующими лицами подобных спектаклей Горький делал именно «простых мирян», наделив их духовными дарами. Писатель обнаружил потенциальные возможности *среднего*, казалось бы, заурядного человека, увидел за искусом юродства *чудо* преобразования личности, выявил подспудные духовные резервы личности. Таковы истоки более поздних, высказанных в публицистике, переписке идей Горького о тайне перехода материальной природы, «органического вещества» в бессмертную, духовную энергию, о «творческих силах, ещё не опознаваемых нашим дневным сознанием» (письмо О. Форш, сентябрь 1926 г.) [8, т. 2, с. 230].

Близок земле Тихон Вялов (роман «Дело Артамоновых»), человек с «мерцающими глазами». «Я не глазами думаю», – говорит он [3, т. 6, с. 562], намекая на способность невидимого зрения и тайного знания. Прорицания Тихона созвучны вологовским, но, в сравнении с Антипой, Тихон – более глубокая проработка образа народного мудреца. Если Антипа говорил от себя, а Осип как бы подключён был к стихии воды, то Тихон – к земле. Он – землекоп и дворник, а в народной традиции земля понимается как источник правды. «Я и ещё много знаю; и не то ещё могу сказать. <...> Я для себя знаю. Мое знанье спрятано у скупого в сундуке, оно никому не видимо, будь спокоен» [3, т. 6, с. 516].

Самобытны, оригинальны представители архетипа мудрого простеца в сочинениях М. Пришвина. Внимательно приглядывался он к разным носителям народного миропонимания: старообрядцам, сектантам, лесным жителям. Пришвин знал в деталях традиции русского иночества, скоморошью культуру, юродство. В отличие от Горького, Пришвин *Бога живого* пытался открыть в фольклорном и природоведческом пластах культуры. Такова была специфика его *религиозного знания*. «На границе природы и человека нужно искать Бога» [14, с. 226]. Находясь под влиянием религиозно-философских идей Д.С. Мережковского, В.В. Розанова, будучи «желанным гостем у самых изысканных слушателей “искусства для искусства”, равно как и среди... представителей таких глубоких народных слоев, куда редко проникает глаз образованного человека» [13], Пришвин постигал Абсолют в сложной сфере переживаний. Не без уроков Розанова сложилось убеждение Пришвина: личность создают стихии мужского и женского, в области пола находятся и истоки *различности* людей между собой. Его мудрец, в соответствии с авторским планом, корректировал, выверял интеллигентские представления о жизни по «вечным биологическим и культурным устоям»; ему предписывалось объединить

самые тайные, даже интимные стороны духовного бытия, природу человека и Мира.

В безграничных пространствах язычества и пантеизма, обогативших его внутренний опыт, Пришвин обрёл свой эквивалент философского камня – *корень жизни*. «Просто поэт в душе» [12, т. 1, с. 555], как говорил о себе он, на какое-то время растворился в образе бродяги, странника, а в идеале – жреца, народного мудреца. Приближение к ним во многом определило не только художественное мышление, но и тип личного поведения писателя. *Народный мудрец* Пришвина предельно субъективен, в разных сочинениях он близок и повествователю, и автору; не совпадая с ними, корректирует их опыт. Исак («Черный араб»), Крыскин («Мирская чаша»), Лувен («Жень-шень») и другие персонажи принадлежат к указанному типу.

Мифопоэтика подчинила структуру, образность, окрасила стилистику сочинений Пришвина; пейзажи, сюжетные схемы его книг имеют метафизический подтекст. Центральные персонажи из цикла «Волшебный колобок», сказки-были «Кладовая солнца», повести-сказки «Корабельная чаша», романа-сказки «Осударева дорога» подобны персонажам волшебных сказок, мифов. Странники Пришвина испытываются сном, отгадыванием загадок, страхом перед дикими животными и *временной смертью*. Они могут быть наделены волшебными предметами, чудесными дарами, магическим, сакральным знанием, проходить обряды посвящения-инициации.

Мудрецы Пришвина, двигаясь по степи, лесу, воде, входят в метафизическое пространство иного мира, *Иного царства*, как называл его Е. Трубецкой, что на уровне подсознательно-психологическом символизирует изживание первородных комплексов несовершенства, тревожных предчувствий и ожиданий, преодоление социальных и родовых *тягот*.

В повести «Мирская чаша», которую Пришвин назвал «коренной вещью» 1920-х годов, тип народного мудреца варьирует огородник из мешан Крыскин. Он необходим автору, чтобы оценить с фольклорных, апокрифических позиций представленную на евангельском и историческом фоне проблему народа и интеллигенции. Лейтмотив повести состоит в том, что народ в быту неизменен, а русская интеллигенция совершает крестный путь, подобный жертвенному подвигу Христа. «История страдания сознательной личности, или это есть история России?.. Распятый просил, чтобы миновать ему эту чашу» [10, с. 21–22]. Будем считать чашу одним из свойственных поэтике Пришвина «личных образов-символов», уходящих, полагаем, к раздумьям автобиографического персонажа первых книг о той примитивной, стихийной душе, какую она выходит из рук Бога. В этой повести Чаша символизирует и душу русской интеллигенции, из которой все пьют-причащаются, и стихию народной жизни. Акценты в повести расставлены менее в христианской,

более в народно-апокрифической ценностной традиции. Так, апокрифическим, в знамениях времени, со ссылкой на полулегендарную Марушу, которая Ленину «нагадала», выглядит предсказание итога, результата революционных событий: обратное прочтение «Молот серп» даёт «престолом».

Интеллигенция и народ по-разному понимают культуру и смысл жизни, Христа и «хлеб единый». Дворянская усадьба символизирует культуру интеллигенции, и она – от Христа; культура народа иная, от «хлеба единого». Представления интеллигенции о служении народу надуманы; учительство – подвиг самопожертвования, но народ не нуждается в нём; неизменен быт народа, и Христос у него свой, фольклорно-легендарный, апокрифический. В главе «О хлебе едином» перефразированы притчи, переосмыслено Евангелие. Это и есть апокриф. Суждения Крыскина о книгах, учении Христа отдалённо перекликаются со словами разбойника, хулившего Христа. Народ видит правду в жизни здесь, на земле, но не в отдалённом будущем. «Хлеб наша проверка», а «антиинтеллигенцию» «черт обманул», и ей Крыскин предлагает жить «книжкой». Обманул же потому, что интеллигенция вслед за дьяволом «хочет хлеб сделать из камня посредством *трактора*» [10, с. 72]. Тогда как человек на земле жив «единственно собственным хлебом», «а все прочее притча» [10, с. 72]. Отсюда вытекает и оценка прогресса, и христианства. Народ живет на земле и только хлебом. И аргументация Пришвина в опосредованной полемике с традицией русской литературы о русском народе-богоносце очень убедительна. В народном понимании интеллигенция, настаивая на принципе «не хлебом единым», не работает. «Вы в это потому верите, что на себя переводите: я, мол, учитель, и тоже, как Христос, могу ходить, учить и не работать» [10, с. 73]. «Распятие – это быстрое дело... Распятие идет по скорому времени, по-советскому, а жизнь идет по-солнечному, тихо, работа медленная... Его путем нам спастись невозможно» [10, с. 73]. Позиция Крыскина воспроизводит мысли самого писателя из дневника. «Революция движется линейно, события и лица проходят... без ритма, а время общей жизни мира (солнце всходит и заходит) идет ритмически... это понимание (мое) не “революционно”, это биологизм» [13]. Писатель осмыслил саркастически эволюцию по Дарвину: «раб обезьяний, раб, ожидающий воскресения себя из числа» [10, с. 39].

Идеи Пришвина о «желанном слове», связавшем бы «неумирающей силой» «подённо утекающую в безвестность жизнь миллионов людей» [10, с. 86], созвучно горьковским воспоминаниям об «образах лучших и любимых людей русской земли», «красивых, но безжизненных», в которые Русь вложила свою «напуганную, печальную душу, своё покорное, певучее горе» [3, т. 4, с. 342].

В повести «Жень-шень» функциями сказочно-го мудреца, посвящённого в тайны растительного царства, учителя, знахаря, колдуна наделен китаец

Лувен. От него главный герой воспринял *хитрую науку*: чуткость к шуму ветра и движению воды, знание языка птиц и зверей, наконец, способность влиять на природный мир. В Лувене удивляет «не то, что он мог разбираться в жизни тайги, а все на свете оживлять» [11, с. 42]. Основой подобных талантов Пропп называл «уменье, а не знание» [15, т. 1, с. 195]. Для Пришвина идеальным воплощением такого дара мог бы стать сказочный *звериный царь* или языческий Велес – властелин растительного царства. Просветленная концепция бытия, выраженная в художественных произведениях Пришвина, определила его жизненное credo и в реальном мире. В дневниках последних лет социальным катаклизмом он противопоставил самоуглубление, созидание, чтобы с его высоты даже во зле увидеть *проток* к добру: «непременно же в процессе творчества зло переходит в добро» [13].

Рожденная на рубеже веков идея пересоздания сущего, столь близкая искусству Серебряного века, обрела в русском неореализме высшую философско-эстетическую значимость.

Библиографический список

1. Горький М. Собрание сочинений. Т. 10–20. – СПб.: 1914–1916.
2. Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. / ИМЛИ. – М.: ГИХЛ, 1949–1955.
3. Горький М. Собрание сочинений: в 12 т. – М.: Современник, 1987.
4. Иванов-Разумник Р.В. Творчество и критика. 1908–1922. – Пг., 1922. – 246 с.
5. Иванов Н.Н. Особенности внутренней формы слова в прозе А.Н. Толстого (расширение художественной выразительности) // Ярославский педагогический вестник: науч. журнал. Сер.: Гуманитарные науки. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – № 4. – Т. 1. – С. 214–217.
6. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие. – М.: СТСЛ, 1991. – 289 с.
7. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб., 1903. – 530 с.
8. Переписка М. Горького: в 2 т. – М., 1986.
9. Пиксанов Н.К. Горький и фольклор. – Л.: Художественная литература, 1935. – 78 с.
10. Пришвин М.М. Мирская чаша: сб. – М.: Художественная литература, 1990 – 272 с.
11. Пришвин М.М. Родники Берендея: повести и рассказы. – М.: Советская Россия, 1977. – 392 с.
12. Пришвин М.М. Собр. соч.: в 6 т. – М.: ГИХЛ, 1957.
13. Пришвин М.М. Наши берега (из книги «Искусство как образ поведения») // Центральный государственный архив литературы и искусства. – Ф. 2569 (Н.Н. Замошкина). – Оп. 1. – Ед. хр. 535. – Л. 3–203.
14. Пришвин и современность. – М.: Современник, 1978. – 334 с.
15. Пропп В.Я. Собрание трудов. Т. 1–2. – М.: Лабиринт, 1998.

ОЧЕРК В ДООКТЯБРЬСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ А.С. СЕРАФИМОВИЧА

Реализм А.С. Серафимовича органично сочетал в себе «жизнь» и «искусство», именно поэтому в раннем творчестве писателя таким востребованным оказался жанр очерка, аккумулирующего художественное и публицистическое начала. Очеркистика Серафимовича, тематически и стилистически многогранная, являлась стартовой площадкой для начала философских рассуждений автора, для реализации его потенциала – прежде всего писательского, а уже потом – журналистского. В статье рассматриваются очерковые циклы писателя – «Мариупольские картинки» и «Заметки обо всём», выявляются характерные особенности жанра.

Ключевые слова: А.С. Серафимович, очерк, публицистический очерк, художественный очерк, проблемный очерк, реализм в литературе, натурализм в литературе, демократическая литература, поэтика жанра.

Не гнулся и не сдавался этот кремниевый человек – ни в испытаниях, ни в искушениях житейских... Не сошёл с боевого пути, никогда не сфальшивил ни в жизни, ни в литературной работе...¹

Д.А. Фурманов

В пределах социальной темы ранний А.С. Серафимович часто обращается к жанру очерка, демонстрирующего сложное взаимодействие жизненного факта и художественного вымысла. Очерк, по замечанию О.Н. Хайруллиной, имеет широкий тематический диапазон – «от публицистики и социологии до сокровенного сложного внутреннего мира человека» [9, с. 3]. Жанр прошёл долгий путь развития: своё начало он берёт ещё в древнерусской литературе, продолжает развитие в XVIII столетии в сатирических журналах и творчестве А.Н. Радищева, а затем уже и в золотом веке, когда возникают очерки писателей-декабристов. Значимой вехой в истории жанра явилось формирование в рамках натуральной школы физиологического очерка, ознаменовавшего демократизацию литературы. Очерковая литература «оказывала огромное влияние на читательскую публику», а «прямое практическое содержание произведений, учитывающее реальные условия труда и быта народа, притягивало к ним внимание читателей» [4, с. 138].

Популярность очерка на рубеже XIX–XX вв. сигнализирует о переходе реалистического искусства в модернистскую плоскость, жанр обнаруживает структурно-смысловую открытость: очерк соединяет «бытовой материал с преобразённым автором особым миром», и последний «оказывается едва ли не более значимым, нежели реальные впечатления» [8, с. 135]. Именно в очерке можно ставить знак равенства между автором и автором-повествователем, то есть между «я»-повествователем и авторским «я». Это связано с тем, что в основе очерка – реальный факт, случай, событие. Жанр «не создаёт, а воссоздаёт действительность “в форме жизни”» [2, с. 264]. Рассматривая очерковый текст как медиатекст, Д.И. Арзуманян указывает на «преобладание в тексте эмоций, чувств над рассуждениями, раз-

мышлениями, художественной составляющей над публицистической» [1, с. 42].

Серафимович репродуцирует специфические черты жанра: отметим актуальность информационного повода и характерные источники фабулы (письмо в редакцию, жизненные наблюдения автора), сентенциозность, сатирический пафос. Традиционный мотив пути не только превращает очерк в «маленькую историю путешественника», но и свидетельствует о социологизации жанра, о его претенциозности и даже о приобретении им черт *investigative journalism*. Очерку Серафимовича присущи острота и злободневность (обращение к насущным социальным проблемам), сатирический пафос, документальность (поводом для написания являются события, свидетелем которых был автор, письма читателей), диалогичность повествования (обращение к читателю на «вы» сближает очерки с жанром духовной беседы), поучительность, связывающая спектр социальных явлений с проблемами нравственного плана (отсюда обилие фразеологии, паремий, цитации, иноязычных вставок).

В жанре очерка Серафимович расширил границы своего реализма, и рассматривать эти тексты нужно в русле искусства, сочетающего все валентности жанра – просветительскую, проблемную, биографическую. Серафимович превращает «живущий один день» газетный текст, опубликованный на страницах «Приазовского края», «Донской речи» или «Курьера», в произведение, стремящееся к уровню настоящей литературы. Заметим, что устроиться в «Курьер» Серафимовичу помог Л.Н. Андреев, который в то время и сам уже занимался злободневной беллетристикой. Предложение редактора позволило Серафимовичу окончательно перебраться в Москву и обрести в большом городе стабильную материальную базу. В этом смысле можно говорить и об истоках того сострадания, которым исполнена ранняя очеркистика автора, го-

дами скитавшегося без денег и места, написавшего значительное количество писем с просьбами о поддержке Г.И. Успенскому и В.Г. Короленко.

Примечательно, что рассказы Серафимовича носят характер очерковый, а его очерки отличаются нарративностью. По нашему убеждению, *публицистика Серафимовича не столько воплотила в себе журналистские амбиции автора, сколько явилась базой для реализации его писательского, литературного потенциала* – настолько она самобытная, узнаваемая, порой манерная. Серафимович-очеркист исполнил сразу несколько ролей – и писателя, и журналиста-хроникёра, и общественного деятеля. Предшествующее писательство не прошло даром: автор может поднимать любую локальную проблему, однако непреложной чертой и условием создания очерка остаётся его антропоцентричность, устремлённость к познанию человека. Выделим некоторые тематические группы очерков: на «рабочую» тему («Нет мест», «Даровой труд», «Ещё раз о даровых рабочих», «Война с прислугой», «Фабрика инвалидов»), о детях («Фараоны», «Дети», «Маленькие рабы», «Малолетние бродяги»), о положении женщины («Женская доля», «Обыкновенная история»), о деградации русского общества («Золотой телец», «Город самоубийц», «Студенты», «Собачья жизнь», «Отравители»).

Изображая жизнь трудового народа, Серафимович не ограничивается теперь лишь созерцанием: очерк отличается призывностью, автор открыто обращается к общественным организациям, городскому управлению. Метко сказал о писателе Г.А. Ершов: «Серафимович не “общался”, не “интересовался”, а жил жизнью народа» [7, с. 407]. Писатель-реалист, идущий от конкретного жизненного материала, обнаруживает мастерство художественного обобщения: не принципиально, о ком идёт речь – железнодорожнике или шахтёре; важно, что автор имеет своей целью повлиять на работу сознания человека, привести его к пониманию своего достоинства. У Серафимовича, наблюдающего, как «старая Россия» медленно уходит в прошлое, появляются сатирические ноты, а некоторые очерки, особенно обличающие хищническую сущность хлебной торговли, сближаются с жанром фельетона.

Возьмём сцену «охоты» кулаков на крестьянина: «...Каждый кулак садится на бегунки и в ноги ставит смертоносное оружие... – бутылка с сивухой... Эти кавалеристы выезжают подальше от города и, завидя мужика, направляют на него жерло ужасного орудия... Мужик, ухмыляясь, вытерев на обе стороны усы и перекрестившись, выпивает и... продаёт всего себя с хлебом, с потрохами, с своей пьяненькой душой» («В лапах амбарщика») [7, с. 152].

Сатирически изображая негативные стороны социальной жизни, Серафимович словно ощущает приближение Первой революции. Виктор Чалмаев, автор единственной в своём роде художественной

биографии писателя, подробно описывая мытарства Серафимовича по редакциям, начиная с «Приазовского края» и заканчивая «Курьером», отмечает: «Уже первые очерки... резко выделялись среди прочих материалов “Приазовского края”... Вчерашний поднадзорный писал с ошеломляющей прямоотой» [10, с. 106]. Сатирический пафос подчёркивает специфику самого метода Серафимовича, соответствующего известной марксистской формуле «человечество, смеясь, расстаётся со своим прошлым». Создавая свою революционную антибуржуазную философию, К. Маркс указывает на очищающее начало, свойственное комическому: «История... проходит через множество фазисов, когда уносит в могилу устаревшую форму жизни. Последний фазис всемирно-исторической формы есть её комедия... Это нужно для того, чтобы человечество весело расставалось со своим прошлым» [3, с. 418].

Образ прислуги, к примеру, традиционно представлявший в виде социального бича и зла, получает у Серафимовича двойное толкование: в няньке-убийце, пятнадцатилетней девочке, отданной «в люди», рассказчик увидел прежде всего живую душу, человека, заслуживающего счастья, – здесь берёт своё начало гуманизм Серафимовича, демократический пафос его публицистики. Прившаяся тема получает в буржуазном обществе новую трактовку: «Пока публика не привыкнет смотреть на выросший слой прислуги как на людей, в полной мере считаясь с этим, до тех пор семья внутри себя постоянно будет чувствовать молчаливого врага» («Война с прислугой») [5 с. 135]. И здесь автор следует своей жанровой схеме: жизненный факт (телеграфное сообщение), размышление автора (оценка события и другие подобные примеры), мораль (от факта к более широким проблемам – семье, нравственности, человеческого достоинства).

Писателя не оставляла равнодушным и детская тема. Мы согласимся с советскими исследователями, разглядевшими в раннем Серафимовиче социалиста: классик отдаёт дань таким мощным и в то же время «невыгодным» буржуазии силам, как образование и воспитание. Именно научное знание, по Серафимовичу, приведёт человека к осознанию своего достоинства. В то же время у писателя-марксиста обнаруживается и достаточно чёткое представление о ценности отдельно взятой человеческой жизни. Пример тому – следующий портрет мальчика: «крохотный мальчуган с прелестным, но очень бледным личиком, с ясными большими наивными глазками, которые он то подымал и глядел на сверкающую и колеблющуюся сталь, то опускал и напряжённо следил за маленькими измучившимися ножонками» («Малолетние бродяги») [5, с. 190]. Автор далее уходит от конкретной картины к проблеме детской беспризорности вообще и, резюмируя сказанное, обращается к любителям подменять истинную заботу о человеке «душеспасительной»

подачкой. Так, общество, лояльно относящееся к факту детского бродяжничества, должно готовиться к порождению его закономерного продукта – проституток, воров и убийц. Серафимович доказывает: не всегда добро сеет новое добро, но зло продуцирует лишь зло, ещё более масштабное и циничное. В Таганроге группа хулиганов расправилась с мальчиком-гимназистом, до смерти избив его («Фараоны»). Этот случай стал поводом для рассуждения о природе агрессии: не отрицая животного начала в человеке, Серафимович находит жестокость свойством приобретённым, социально обусловленным: «Вы теперь видите, что избавиться от этого гнетущего, сосущего страха можно только, сделав из “фараонов” людей путём... путём просвещения, школ, народных чтений...» [5, с. 131].

Последний пример иллюстративен: в любом очерке мы видим повествовательную стратегию Серафимовича – от частного явления писатель уходит к более широкой проблеме. Спецификой повествовательной манеры автора являются непосредственность, простота подачи материала с позиции мысли, сочетающиеся с экспрессивностью, изысканностью языка. Здраво оценивая состав читательской публики, писатель смело экспериментирует с языком: включает фразеологические (и вообще устойчивые) сочетания и их трансформации (*карающий меч Немезиды, tempora mutantur et nos in illis mutantur, добрыми намерениями дорога шоассирована в самое пекло*), сравнения, заключающие наглядно-чувственные образы (*наша жизнь переплетается с жизнью прислуги, как нитки в холсте*), апеллирует к читателю в форме несобственно-прямой речи (*Я вижу, уважаемый читатель, вы меня слушаете; Вы думаете, вы воспитываете детей? Ошибаетесь*).

Основное противоречие в писательской позиции Серафимовича, наверное, в том, что его литературный дар как раз и мешает ему писать «просто». Призывая к «простоте» восприятия, писатель при этом демонстрирует всю его глубину: «Самое большое несчастье – потеря непосредственности. <...> Мы не умеем любить непосредственно и сильно, не оглядываясь, не рассчитывая, просто потому, что любовь – счастье; мы не умеем наслаждаться солнцем, рекой, озарённой луной, лесом, дремлющим в весеннем тумане... Ко всему подходим с кислой, скептической улыбкой, корректные, сдержанные, полулюбим, полунаслаждаемся, полужалеем, полуненавидим и никогда не смеёмся, а только улыбаемся» («Из всех зол и несчастий...») [6, с. 538]. По мнению классика, «просто» и интеллект всегда дополняют друг друга, при этом Серафимович-очеркист отличается сложным, витиеватым, глубоко образным языком.

Г.В. Краснов предлагает целую классификацию очеркового жанра [2]. Наиболее подходящим применительно к публицистике Серафимовича

является такое определение: *очерк – лирико-философское раздумье*. Несмотря на довольно прочные теоретические представления о жанре лишь как о *literatura* («написанное»)², очерку Серафимовича нельзя отказать в его художественной ценности, принадлежности к искусству. Главным достижением Серафимовича является то, что, отталкиваясь от частных фактов и наблюдений, он вышел к проблемам не столько социального, сколько нравственного плана, а значит, обеспечил своим произведениям по-настоящему долгую «жизнь». Несомненно, давно ушёл в прошлое «старый мир», отражённый в очерках и фельетонах писателя, однако очевидным и осязаемым остаётся то объединяющее эти малые жанры эпическое начало, через которое формируется в сознании читателя целая панорама русской жизни начала XX века.

Примечания

¹ См.: *Фурманов Д.А.* О «Железном потоке» А. Серафимовича // *Фурманов Д.А.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 3: Повести, рассказы, очерки, литературно-критич. статьи, рецензии. – М.: ГИХЛ, 1961. – С. 287–288.

² Например, Н.Д. Тамарченко пишет об очерке, что «чаще всего этот жанр принадлежит литературе, но не искусству слова» (см.: *Теория литературы*: в 4 т. Т. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 229).

Библиографический список

1. *Арзуманян Д.И.* Каковы возможности несобственно-прямой речи в художественно-публицистических жанрах (к постановке вопроса)? // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. – 2008. – № 70. – С. 40–43.
2. *Краснов Г.В.* Очерк малая повествовательная форма // *Вестник Чувашского государственного университета*. – 2006. – № 6. – С. 260–265.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: в 39 т. Т. 1. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1955. – 699 с.
4. *Подлевских Т.Н.* Становление жанровых и функциональных особенностей русского очерка 40-х годов XIX века // *Вестник Вятского государственного университета*. – 2009. – № 4. – С. 134–139.
5. *Серафимович А.С.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. – М.: ГИХЛ, 1947. – 448 с.
6. *Серафимович А.С.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 2. – М.: ГИХЛ, 1959. – 680 с.
7. *Серафимович А.С.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. – М.: Правда, 1980. – 416 с.
8. *Скибина О.М.* Жанр путевого очерка на страницах периодики 80–90-х гг. XIX в. // *Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика*. – 2009. – № 6. – С. 132–145.
9. *Хайруллина О.Н.* Очерк второй половины XIX века: жанрово-стилевая характеристика (на материале очерков о российском Дальнем Востоке): дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2001. – 172 с.
10. *Чалмаев В.А.* Серафимович. Неверов. – М.: Мол. гвардия, 1982. – 399 с.

ЖАНР «НОКТЮРНА» В СБОРНИКЕ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА «ГРОМОКИПЯЩИЙ КУБОК» (1913)

В статье рассматривается функционирование жанра ноктюрна в сборнике Игоря Северянина «Громокипящий кубок» (на примере стихотворений «Ноктюрен» (1908), «Nocturno» (1909), «Nocturne» (1911)). Выявляется логика художественного освоения Северяниным литературной и музыкальной традиций «ноктюрна».

В работе делается вывод о том, что ноктюрены, представленные поэтом в сборнике «Громокипящий кубок», довольно органично продолжают романтическую традицию «ночных» стихотворений. Помимо описания вечерних и ночных картин природы, в них присутствует мотив чудесного преображения человеческой души. Северянинское «ощущение ночи» близко «ночной» лирике поэтов «чистого искусства», Тютчева и Фета, что указывает на значимость преемственности в жанровом мышлении поэта-эгофутуриста.

Связь с музыкальным жанровым прототипом в рассмотренных произведениях также довольно очевидна: они отличаются напевностью, нежным звучанием, мягким ритмом. Как и музыкальный «ноктюрен», «ноктюрены» Северянина имеют трёхчастную структуру.

Ключевые слова: Северянин, поэзия, музыка, жанр, ноктюрен, ночная поэзия, пейзаж, романтизм.

О образ ночи играет важную роль в мифологических, библейских, литературных текстах.

Традиция «ночной поэзии» активно развивалась как в рамках русской, так и европейской лирики. В.Н. Маймин отмечает, что «в соответствии с традицией философского романтизма, ночь – это время и условие познания: время духовной ясности и раскрепощения мысли. В ночи полнее и глубже постигаются тайны человеческие и тайны мироздания. Так это было в поэтическом представлении Юнга и Новалиса, в представлениях русских поэтов-любомудров и Тютчева» [1, с. 91–92]. Произведения, в которых разрабатывается тема «ночи», присутствуют в творчестве многих русских и зарубежных авторов (М.В. Ломоносова, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В.Ф. Одоевского, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, И.Ф. Анненского, О.Э. Мандельштама, К.Д. Бальмонта, И.А. Бродского, Новалиса, Ф.Г. Лорки, И.В. Гёте, А. Рембо). Наиболее широкое распространение эта тема приобрела в художественном мире поэтов-романтиков. Приоритет мистического над бытовым, бессознательного над сознательным, иррационального над рациональным, характерный для романтической литературы, выражается в преобладании «ночной» темы над «дневной».

Однако выделение «ночной темы» в качестве основного структурно-семантического критерия «ночной поэзии» является весьма спорным. Вопрос о принципах объединения «ночной поэзии» в художественную целостность поднимает Л.Н. Тихомирова в своей работе ««Ночная поэзия» в русской романтической традиции: генезис, онтология, поэтика». Исследовательница считает, что «в подавляющем большинстве произведений, причисляемых исследователями к данной поэтической системе, ночь выступает, скорее, как фактор, порождающий определённую лирическую ситуацию, а не как предмет художественного изображения.

Тематически же стихи, входящие в неё, могут быть весьма разнородными» [4, с. 3].

Л.Н. Тихомирова вводит категорию «ночного сознания» в значении «бодрствующего ночного сознания» как некий модус, объединяющий «ночные стихи» на идейно-содержательном уровне. При этом она выводит за рамки «ночного сознания» психопатологические и искусственно вызванные состояния сознания, сферу бессознательного. Автор диссертации выявляет следующие критерии, позволяющие рассматривать «ночную поэзию» в качестве сверхтекстового единства. Во-первых, в качестве основы художественной онтологии «ночной» поэзии исследовательница выделяет ситуацию напряжённого размышления над сложными (зачастую предельными) вопросами бытия, встроенную в ночной хронотоп. Во-вторых, Л.Н. Тихомирова указывает на определённые внутренние причины и некий внешний фактор/повод для возникновения этой ситуации «размышления». В качестве такого повода чаще всего выступает конкретное обстоятельство (вынужденное бодрствование, ночная прогулка, бессонница). В-третьих, автор работы считает, что в напряжённом поиске истины, созерцании красоты, осмыслении сложных жизненных положений и т. д. человек переживает своего рода личностное преображение. Этот принцип позволяет отделить «ночную» поэзию от пейзажной, любовной и социальной лирики, в которой ночь становится лишь фоном разворачивающихся событий, а не условием перехода души в новое метафизическое состояние. В-четвертых, по мнению Л.Н. Тихомировой, тексты «ночной» поэзии объединены сходством внутреннего строя – состоянием неуспокоенности, эмоциональной несбалансированности, нестабильности душевного равновесия [4, с. 5–6].

Иная точка зрения на «ночной» текст сформировалась у В.Н. Топорова. В работе ««Текст ночи» в русской поэзии XVIII – начала XIX века» автор вычленяет стихотворения из контекста русской

поэзии на основании включения в него только тех произведений, «которые носят название “Ночь”, “Ночной” или имеют заголовки, состоящие из слова “ночь” с разного рода определениями» [5, с. 209–210]. В случае же «отсутствия заглавия (а иногда и при его наличии)» учёный предлагает определять принадлежность того или иного произведения к выявляемой структурно-семантической модели «по первому стиху» [5, с. 209–210].

При анализе лирических произведений с «ночной» атмосферой необходимо также указать на их связь с музыкальным жанром ноктюрна. Ноктюрн (фр. Nocturne, ит. Notturmo) – ночной. Музыкальный жанр «ноктюрна» имеет старинные традиции. Изначально этим термином называли часть католической ночной литургии, которая исполнялась на открытом воздухе. На протяжении веков ноктюрн не выходил за пределы церковного искусства.

Широкое распространение «ночная музыка» получает в XVIII веке. Ноктюрн связывает группу синтезирующих жанров с областью чистой лирики. По определению О. Шпенглера, ноктюрн в XVIII в. – это «многочастное произведение, близкое к дивертисменту, серенаде, для ансамбля духовых инструментов, иногда в сочетании со струнными; как правило, ноктюрн исполнялся вечером, на открытом воздухе» [6, с. 357]. Ноктюрн XVIII в. состоял из нескольких частей, различных по характеру: оживленных, лирических, танцевальных, шуточных, бодрых и энергичных. Нередко он начинался и заканчивался маршем, как бы изображая приход и уход музыкантов, так как он обычно исполнялся у дома в честь какой-либо особы. Образцы таких ноктюрнов встречаются у Й. Гайдна и В.А. Моцарта. Как отмечает О.В. Соколов, «помимо инструментальных ноктюрнов в XVIII в. существовали и вокальные – сольные и ансамблевые, с сопровождением и без него. В XIX веке в творчестве композиторов-романтиков жанр ноктюрна переосмысливается. Ноктюрны романтиков – это уже не обширные ночные сюиты, а небольшие инструментальные пьесы мечтательного, задумчивого, спокойного характера, в которых они стремились передать различные оттенки чувств и настроений, поэтические образы ночной природы. Мелодии ноктюрнов в большинстве случаев отличаются певучестью, широким дыханием. Жанр ноктюрна выработал свою, “ноктюрнообразную” фактуру сопровождения; она представляет собой колышущийся, покачивающийся фон, который вызывает ассоциации с пейзажными образами. Композиционное строение ноктюрнов – трехчастная форма, то есть такая, в которой третья часть повторяет первую; при этом обычно крайним, более спокойным и светлым частям противопоставляется взволнованная и динамическая средняя. Темп ноктюрнов бывает медленный или умеренный. Однако середина (если три части) обычно пишется в бо-

лее оживлённом темпе» [3]. Свои интерпретации жанра «ноктюрн» создавали композиторы разных эпох: Филд, Шопен, Лист, Моцарт, Гайдн, Шуман, Григ, Дебюсси, Глинка, Чайковский. Важно отметить пейзажный фон и элегическое настроение музыкальных произведений данного жанра.

В лирическом сборнике Игоря Северянина «Громокипящий кубок» мы встречаем три «ночных стихотворения»: «Ноктюрн» (1908), «Nocturno» (1909), «Nocturne» (1911). Все они посвящены описанию картин природы, вечерних предзакатных пейзажей и обладают медитативной созерцательной атмосферой.

«Ноктюрн» (1908) можно обозначить как «текстовый пейзаж». Северянин создаёт сочную картину экзотического заката, где над головами людей «обнимаются» лианы, плетут кружева листья пальм, сияют, словно алмазы, струи водопадов. Природа предстаёт перед нами замороженной своей красотой. В закатных лучах витают густые, пряные запахи тропических цветов. Музыкальные мотивы раскрываются через пение птиц, восхищённых закатом; танец стрекоз:

Бледнел померанцевый запад,
В горах голубели туманы,
И гибко, и цепко сплетались
В объятьях над вами лианы.

Сквозь кружева листьев ажурных
Всплывали дворцов арабески,
Смеялись алмазы каскадов
Под их пробужденные плески.

Вам слышался говор природы,
Призывы мечтательных веток,
И вы восхищались пляской
Стрекоз, грациозных кокеток.

Растенья дышали душисто
Вечерним своим ароматом,
И птицы, блаженствуя, пели –
Как вы, восхищаясь закатом [5, с. 81].

В двух последних четверостишиях автор противопоставляет мир природы и мир людей. Причём это сравнение – не в пользу человечества. Природа с закатом оживает, радуется и ликует, выходит на новый уровень бытия. Люди же, наоборот, отказываясь от созерцания, от красоты, от той энергии, которая могла способствовать их «духовному» пробуждению, становятся чужими гармоничному миру природы. В этих строфах выражено сожаление лирического героя по поводу того, что люди так глухи и слепы по отношению к животворящей красоте природы:

Весь мир оживал при закате
По странной какой-то причуде...
И было так странно, так дивно
Вам, жалкие тёмные люди!

И было вам всё это чуждо,
Но так упоительно ново,

Что вы поспешили... проснуться,
Боясь пробужденья иного... [5, с. 81]

Максимальная концентрация пейзажных мотивов наблюдается в северянинском стихотворении «Nocturno» (1909):

Навели смуть былого окарины
Где-то в тихо вечеревшем далеке, –
И сирены, водяные балерины,
Заводили хороводы на реке.

Пропитались все растенья соловьями
И гудели, замирая, как струна.
А в воде – в реке, в пруде, в озёрах, в яме
Фонарями разбросалась луна.

Засветились на танцующей сирене
Водоросли под луной, как светляки.
Захотелось белых лилий и сирени, –

Но они друг другу странно далеки... [5, с. 121]

Северянин рисует поразительно гармоничную картину вечера на реке. Стихотворение изобилует яркими и запоминающимися образами. Первая часть ноктюрна посвящена стихии воды. Водомерки, так поэтично названные поэтом «водяными балеринами», чертят замысловатые пируэты на поверхности воды. Первая строка второго четверостишия, посвящённого музыке, – поистине гениальный образ. Северянин создаёт метафору поющих растений, оркестр из камышей: «Пропитались все растенья соловьями» // «И гудели, замирая как струна». Важно отметить, что образная система данного произведения структурно выстроена – каждая последняя строка четверостишия тематически связана с первой строфой. Например, в первой строфе, «водной», последняя строчка, в которую поэт вводит элемент танца, соотносится с «музыкальной» второй строфой («Пропитались все растенья соловьями»). Но и данная строка имеет связь с предыдущей, так как растения не просто наполнились, а «пропитались соловьями», словно намокли от звуков. Последняя строка второго четверостишия намекает нам на световые ассоциации, из которых складывается метафорика третьей строфы: «Фонарями разбросалась луна». Но опять же в третьем четверостишии «светятся» под луной водоросли, речные растения, что ещё раз усиливает связь указанных образов с «водными» символами первой строфы. Образ луны, уподобленный фонарю, весьма забавен и необычен, Северянин вносит в картину природы элемент городской культуры, но дисгармонии при этом не возникает. Данный ноктюрен, как и предыдущее стихотворение, обладает некой мелодичностью, напевностью, мягкостью перекрёстной рифмовки.

В стихотворении «Nocturne» (1911) поэтом создаётся разноуровневая композиция (картина-звук) вечера на природе: «Я сидел на балконе, против заспанного парка // И смотрел на ограду из подстриженных ветвей»; «Вдалеке заливался невидимка-соловей». Как и музыкальный ноктюрен,

стихотворение имеет трёхчастную структуру. В северянинском стихотворении словно угадывается сплав двух музыкальных традиций ноктюрна: классицистической и романтической. Во втором четверостишии даётся описание вечерних гуляний, доносятся женские голоса, поёт хор девушек: Ночь баюкала вечер, уложив его в деревья. В парке девушки пели, – без лица и без фигур. Точно маки сплетали новобрачной королеве, Точно встретился с ними коробейник-балагур...

[5, с. 52]

Третье же четверостишие отсылает читателя к меланхолическим раздумьям:

Может быть, это хоры позабывшихся монахинь?..
Может быть, это нимфы обездоленных прудов?

Сколько мук нестерпимых, целомудренных и ранних,
И щемящего смеха опозоренных родов... [5, с. 52]

Свежий вечерний воздух, распахнутая дверь балкона, лёгкий ветерок в кронах деревьев наталкивают поэта на размышления о том, кем же являются эти девушки. Может быть, это монахини, с сожалением вспоминаящие о «мирской» жизни, или фантастические русалки-самоубийцы, плачущие при луне? Пение девушек теперь имеет мало общего с праздником в парке. Оно трагично и пронзительно – эти звуки вызывают в сердцах читателей щемящую тоску.

Таким образом, на материале анализируемых стихотворений можно сделать вывод о том, что ноктюрены, представленные поэтом в сборнике «Громокипящий кубок», довольно органично продолжают романтическую традицию «ночных» стихотворений. Помимо описания вечерних и ночных картин природы в них присутствует мотив чудесного «преображения» человеческой души. Важную смыслообразующую роль играют также мотивы томления, медитации, рассуждений о бытии, вызванных особым состоянием человека в этот период суток. Северянинское «ощущение ночи» близко «ночной» лирике поэтов «чистого искусства», Тютчева и Фета. Автора-эгофутуриста роднит с предшественниками романтизация ночного пейзажа и воспевание красоты природы. Этот фактор и лежит в основе творческой преемственности Северяниным жанровых традиций поэтического «ноктюрна». Связь с музыкальным жанровым прототипом в данных стихотворениях очевидна как на тематическом, так и на формальном уровнях. Тексты отличаются напевностью, нежным звучанием, мягким ритмом. Как и музыкальный ноктюрен, стихотворения Северянина имеют трёхчастную структуру. Поэт вводит в текст своих ноктюренов элементы музыки и танца: поющие и танцующие люди, насекомые, птицы, растения – все герои художественного пространства северянинских ноктюренов находятся во власти музыки. Именно музыка связывает воедино все структурные части ноктюрна (душевное состояние человека и ночной пейзаж) воедино и приводит их к абсолютной гармонии.

Библиографический список

1. *Маймин В.Н.* Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи». – Л.: Наука, 1975. – 325 с.

2. *Северянин И.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 1 / сост., подг. текста В.А. Кошелева, В.А. Сапогова. – СПб.: Logos, 1995. – 596 с.

3. *Соколов О.В.* Морфологическая система музыки и ее художественные жанры. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.opentextnn.ru/music/Perception/?id=1091/> (дата обращения: 2.04.2017).

4. *Тихомирова Л.Н.* «Ночная поэзия» в русской романтической традиции: генезис, онтология, по-

этика: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2010. – 235 с.

5. *Топоров В.Н.* «Текст ночи» в русской поэзии XVIII – начала XIX века // Из истории русской литературы. Т. 2. Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 209–210.

6. *Шпенглер О.* Закат Европы. Образ и действительность. Т. 1 / вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.

Коптелова Наталия Геннадьевна
 доктор филологических наук
 Костромской государственной университет
 nkoptelova@yandex.ru

ОСМЫСЛЕНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В АДРЕСОВАННОЙ ЛИРИКЕ З.Н. ГИППИУС 1917–1918 ГОДОВ

В данной статье рассматривается, какое осмысление получила Октябрьская революция в некоторых адресованных стихотворениях З.Н. Гиппиус 1917–1918 годов. Характер адресата в этих произведениях не только определяет коммуникативную стратегию и стилистику, но в целом влияет на особенности истолкования событий Октябрьской революции. Смысловое наполнение мотивов и образов в рассмотренных стихотворениях, во-первых, идёт по линии идеализации и сакрализации (Лавр Корнилов, декабристы, Христос). Во-вторых, оно запечатлевает сложное отношение и рефлексию автора по отношению к близким людям, ставшим далёкими («потерянные дети» Блок и А. Белый). В-третьих, – воплощает резкое и категоричное обличение поэтессой представителей нации, допустивших историческую катастрофу. Но во всех стихотворениях присутствует христианская символика, свидетельствующая о том, что оценка событий Октября, как и участников революционных потрясений с обеих «сторон баррикад», производится у Гиппиус по религиозной шкале.

Ключевые слова: З.Н. Гиппиус, адресованная лирика, революция, коммуникативный аспект, диалог, христианство.

В последнее десятилетие изучение художественного наследия З.Н. Гиппиус заметно активизировалось (диссертационные работы Я.В. Лейкиной [8], О.А. Маркевич [11], Е.М. Криволаповой [5], Е.Ю. Пановой [15], И.Б. Кондрашиной [4] и др.). Однако до сих пор не становилась предметом специального исследования литературоведов коммуникативная сторона её лирики. А между тем многие характерные черты поэтических произведений Гиппиус связаны с воплощёнными в них коммуникативными заданиями.

В поэзии Гиппиус, как и в творчестве многих лириков Серебряного века, выделяется довольно обширный пласт так называемых «адресованных» стихотворений, то есть произведений, ориентированных на диалог с тем или иным адресатом [6]. Не случайно в лирике Гиппиус новую жизнь обретает жанр послания. Стремление вовлечь другого человека или даже целый круг лиц в сферу собственных мыслей и переживаний, разделить с ними свои искания и сомнения, а иногда разоблачить и беспощадно заклеить, явно усиливается в стихах Гиппиус, написанных под впечатлением событий Октября.

В данной статье мы рассмотрим, какое осмысление получила Октябрьская революция в некоторых адресованных стихотворениях Гиппиус 1917–1918 годов; проследим, как характер адресата и связанная с ним коммуникативная установка повлияли на содержательно-формальные особенности этих произведений.

Диалогический импульс, например, воплощён в стихотворении Гиппиус «Липнет» (30 октября 1917 года). Примечательно, что это произведение обращено не к конкретной личности, а к петроградской газете «Новая жизнь», которая издавалась при ближайшем участии А.М. Горького, публиковавшего там цикл статей «Несвоевременные мысли» в 1917–1918 годах. Как известно, в «Несвоевременных мыслях» Горький выразил своё резкое

неприятие Октябрьской революции. Но Гиппиус со свойственным ей крайним максимализмом обрушивает на «Новую жизнь» лавину сарказма, обвиняя газету в соглашательстве с кровавым насилием революции, не щадящим даже женщин и детей:

Не спешите, подождите, соглашатели,
 кровь влипчива, если застыла;
 пусть сначала красная демократия
 себе немножко мыла...
 Детская-женская – особо вьедчива,
 Вы потрите и под ногтями [3, с. 195].

Пафос инвективы пронизывает это стихотворение. Сам поэтический стиль Гиппиус несёт на себе отпечаток жестокого и беспощадного революционного времени. Произведение заканчивается гневным предупреждением газете о возмездии за предательство и духовный соблазн читателей, которые Гиппиус воспринимает как величайший грех: «А то смотрите: как бы не повесили // Мельничного жернова вам на шею» [3, с. 195]. На религиозный подтекст заключительных строк стихотворения намекает выражение «как бы не повесили // Мельничного жернова вам на шею» восходящее к Евангелию от Матфея: «И кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Мф. 18:6).

В стихотворении «14 декабря 17 года», адресованном Д.С. Мережковскому, Гиппиус противопоставляет духовный феномен декабризма свершившейся Октябрьской революции, оценивая её как полную утрату всех нравственных ценностей и святость. При этом она говорит об общей вине нации, используя в произведении форму лирического «мы»:

Простят ли чистые герои?
 Мы их завет не берегли.
 Мы потеряли всё святое:
 И стыд души, и честь земли [3, с. 196–197].

Главное преступление революции видится Гиппиус в варварском уничтожении религиозной

основы русской жизни, зашифрованной в символе «Невесты»:

Мы были с ними, были вместе,
Когда надвинулась гроза.
Пришла Невеста... И невесте
Солдатский штык проткнул глаза.

Мы утопили, с визгом споря,
Её в чану Дворца, на дне.
В незабываемом позоре
И в наворованном вине [3, с. 197].

Символ «Невесты», очевидно, генетически связан с апокалиптическим образом, иносказательно представляющим церковь: «И дух и Невеста говорят: прииди!» (Откр. 22:17).

Гиппиус представляет деятелей революции в гиперболических, зооморфных образах, подчёркивающих всю глубину их нравственного падения:

Ночная стая свищет, рыщет,
Лёд на Неве кровав и пьян...
О, петля Николая чище,
Чем пальцы серых обезьян! [3, с. 197].

Символ «серых обезьян» у Гиппиус в то же время коррелирует с размышлениями Д.С. Мережковского, представленными в критическом исследовании «Л. Толстой и Достоевский». Мережковский истолковывает фразу Ставрогина, обращённую к Верховенскому: «Я на мою обезьяну смеюсь» [12, с. 130]. Критик-символист стремится выявить в этом выражении религиозный смысл, полагая, что главный герой романа Достоевского «Бесы» не только подчёркивает рабское подражание ему Верховенского, оказывающегося пародирующим двойником, но и намекает на известное изречение: «Дьявол – обезьяна Бога» (приписывается священномученику Иринею Лионскому и блаженному Августину).

Серый цвет в стихотворении Гиппиус становится приметой дьявольского начала, что вполне согласуется не только с мифотворчеством Мережковского («Лермонтов. Поэт сверхчеловечества», «Гоголь и чёрт», «Л. Толстой и Достоевский»), но и с общесимволистским мировидением. Любопытно, что тот же мистический код для смысловой дешифровки серого цвета в статье «Священные цвета» (впервые опубликована в книге «Арабески» (1911)) заимствует у Мережковского и А. Белый. Он пишет: «Воплощение небытия в бытие, придающее последнему призрачность, символизирует серый цвет. И поскольку серый цвет создаётся отношением чёрного к белому, постольку возможное для нас определение зла заключается в относительной серединности, двусмысленности. Определением чёрта, как юркого серого проходимца с насморком и хвостом, как у датской собаки, Мережковский заложил прочный фундамент для теософии цветов, имеющей будущее» [1, с. 201]. Дьявольское, по Мережковскому и Гиппиус, воплощается в «серединной пошлости», в серости, то есть той духовной «теплоте», которая отвергается

в «Откровении Святого Иоанна Богослова» (3 гл., ст. 15 и 16): «...знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч: о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тёпл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих». Отсюда – удвоение семантики демонического в образе «серых обезьян», созданного Гиппиус в стихотворении: слова «обезьяны» и «серые» в равной мере маркируют принадлежность к миру Дьявола.

Осмысляя Октябрьскую революцию как величайшее бедствие, святотатство и предательство, Гиппиус не только вступает в диалог-согласие с Мережковским. Она ведёт скрытую полемику и со стихотворением самого близкого и любимого своего поэта Ф.И. Тютчева [7, с. 17, 27, 36] «14-е декабря 1825» («Вас развратило самовластье...»). Уже само название произведения Гиппиус соотносится с заголовком тютчевской инвективы в адрес декабристов. Поэтесса опровергает уничижительную и скептическую оценку исторических и духовных результатов революции декабристов, данную Тютчевым («И ваша память от потомства, // Как труп в земле, схоронена»). Напротив, в этом стихотворении она утверждает мысль о вечной правде декабризма, являющегося нравственным эталоном, а самих декабристов буквально «причисляет к лику святых». Только возвращение к идеалам декабристов, соединяющих религиозность и общественность, по Гиппиус, может духовно спасти Россию:

И вот из рва, из терпкой муки,
Где по дну вьётся рабий дым,
Дрожа, протягиваем руки
Мы к вашим саванам святым.

К одежде смертной прикоснуться,
Уста сухие приложить,
Чтоб умереть – или проснуться,
Но так не жить! Но так не жить [3, с. 197].

В лирической системе Гиппиус важную функцию выполняет принцип автокоммуникации [10], превращающий поэзию в своеобразный «внутренний» диалог автора с самим собой. Через год, вновь отмечая дату восстания декабристов, Гиппиус откликается на своё стихотворение «14 декабря 17 года», но при этом перечёркивает собственные чаяния, выраженные в нём. В стихотворении «14 декабря 18 г.» поэтесса уже с горечью признаётся в том, что её соотечественники полностью забыли идеалы декабристов: «Нас больше нет. Мы всё забыли. // Взвихрясь в невиданной игре» [3, с. 210]. Параллельно она солидаризируется с ранее оспариваемой точкой зрения Тютчева, предсказывавшего в будущем гибель дела декабристов и исчезновение памяти о них из сознания потомков. Но причину предательства идейного наследия декабристов поэтесса покаянно видит в «слепоте души» своих современников, утративших право на жизнь вечную:

Заветов тайных Муравьёва
Свились напрасные листы...

Напрасно, Пестель, вождь суровый,
В узле пеньковом умер ты.

Напрасно всё: душа ослепла,
Мы преданы червю и гле,
И не осталось даже пепла
От «Русской Правды» на земле [3, с. 210].

Тему священной жертвенности и связанной с ней вечной памяти, разрабатываемую в стихотворении «14 декабря 17 года», Гиппиус по-своему продолжает и развивает и в стихотворении «Имя», посвящённом генералу Добровольческой армии Лавру Георгиевичу Корнилову, погибшему в ходе гражданской войны во время так называемого «ледяного похода». Это произведение звучит как торжественный гимн герою, пожертвовавшему своей жизнью в борьбе с большевизмом, как метафизическим воплощением зла. По мнению Гиппиус, имя генерала Корнилова обретёт святость и бессмертие, станет прорывом в вечность, в отличие от кровавых событий революции, которым суждено погрузиться в небытие:

Безумные годы совьются во прах,
Утонут в забвеньи и дыме
И только одно сохранится в веках
Святое и гордое имя.

Твоё, возлюбивший до смерти, твоё,
Страданьем и честью венчаный.
Проколет, прорежет его острие
Багровые наши туманы [3, с. 201].

Гиппиус пытается прочесть скрытое пророчество, заключённое в имени и отчестве адресата стихотворения (Лавр Георгиевич):

От смрада клевет не угаснет огонь,
И лавр на челе не увянет
Георгий, Георгий! Где верный твой конь?
Георгий Святой не обманет. –

Он близко! Вот хруст перепончатых крыл
И брюхо разверстое Змия... [3, с. 201].

Это ведёт поэтессу к мифологизации образа и судьбы Корнилова, к созданию собственного «неомифологического текста». Философская интерпретация имени «Лавр» выражается в метонимии: «лавр на челе не увянет». Гиппиус намёками создаёт образ лаврового венка, связанного в христианстве с представлениями о победе и восприимчивого как знак вечной жизни. Отчество Корнилова также прочитывается в стихотворении Гиппиус как сакральное послание, в котором генералу предначертан путь христианского святого, великомученика Георгия Победоносца, одержавшего победу над Змеем, воплощением дьявольских сил. Стихотворение завершается гневной угрозой, обращённой к революционной России: «Дрожи, чтоб Святой и тебе не отмстил // Твои блудодейства, Россия!» [3, с. 201]. Образ Георгия Победоносца в стихотворении «Имя» вписывается в ряд общих религиозных символов, используемых Гиппиус и Мережковским в одном смысловом ключе.

Ранее этот образ встречается в статье Мережковского «Пророк русской революции» (1906), вошедшей в состав книги «Не мир, но меч» и транслирующей идею «религиозной революции». Через облик Св. Егория (фольклорная рецепция образа Святого Георгия), «победителя дракона, змия древнего» [13, с. 441]. Мережковский раскрывает активное, действенное, воинственное начало мужика Марая, героя из рассказа Ф.М. Достоевского, олицетворяющего «русский “народ-богоносец”» [13, с. 441]. С.С. Аверинцев в энциклопедической статье, посвящённой толкованию семантики образа Святого Георгия, отмечает, что легенда о нём активно осваивалась писателями конца XIX – начала XX веков в контексте «религиоведения» эпохи [13, с. 275]. Гиппиус вслед за Мережковским трактует этот образ в свете концепции религиозной революции, противостоящей событиям Октября, и проецирует его на личность Корнилова.

Вектор расширения адресата организует композицию диптиха Гиппиус «Шёл» (1918), оказывающегося важной вехой на пути осмысления Октябрьской революции. Коммуникативная амплитуда этого произведения весьма широка: от интимного послания «далёким близким» «Белому и Блоку» автор переходит к обращению, звучащему, как «колокол на башне вечевой»: «Всем, всем, всем». Первое стихотворение диптиха является полемическим откликом Гиппиус на публикацию поэм А. Блока «Двенадцать» и А. Белого «Христос воскрес», по-своему освящающих Октябрьскую революцию. Гиппиус же оценивает «псевдорелигиозные» творения своих соратников по литературе как отпадение от Христа. При этом свои упреки Белому и Блоку, отступившим от заветов «истинного христианства», она воплощает в форме лирического сюжета: на поиски нравственно и политически безответственных, духовно незрелых поэтов отправляется сам Христос:

По торцам оледенелым,
В майский утренний мороз
Шёл, блестя хитоном белым
Опечаленный Христос.

Он смотрел вдоль улиц длинных,
В стёкла запертых дверей.
Он искал своих невинных
Потерявшихся детей... [3, с. 203].

В интонационном рисунке стихотворения, обращённом Гиппиус к Блоку и Белому, выражены тонкие нюансы отношения автора к адресатам. В нём парадоксально соединяется осуждение, презрение, сожаление и отчаяние. Поэтесса находит оригинальный образ для того, чтобы выразить свою позицию. Это – символ «потерявшихся (потерянных) детей», сопровождаемый эпитетами «невинные», «неразумные». Он переосмысливает представления о Божьих детях, выраженное в стихотворении Гиппиус «Свобода»: «Мы не

рабы, – но мы Божьи дети. // Дети свободны, как Он» [3, с. 121]. В стихотворении Гиппиус «По торцам оледенелым...» образ «потерянных детей» замещается перифразом: «сироты малые». Генезис этого символа намечается ещё в дневниковой записи Гиппиус от 24 октября 1917 года: «Бедное “потерянное дитя” Боря Бугаев, приезжал сюда и уехал вчера обратно в Москву. Невменяемо, Безответственно. < > Другое “потерянное дитя”, похожее, – А. Блок. Он сам сказал, когда я говорила про Бору: “И я такое же потерянное дитя”» [2, с. 380]. Композиционным центром стихотворения Гиппиус становится структурно не выявленный монолог Христа, содержащий просьбу, обращённую к Богу-Отцу вернуть «потерянных детей», вновь приблизить их к Сыну Божьему, выделив из массы многих заблудившихся чад:

Все – потерянные дети, –
Гневом Отчим дышат дни, –
Но вот эти, но вот эти.
Эти двое – где они?

Кто сирот похитил малых,
Кто их держит взаперти?
Я не знаю. Ты мне дал их,
Если отнял – возврати... [3, с. 203].

Концовка стихотворения звучит по-гиппиусовски резко, жёстко и категорично: «Никогда их не отыщет, // Двух потерянных, Христос» [3, с. 204].

Мотивика стихотворения «По торцам оледенелым...» подхватывается затем и в стихотворении Гиппиус «А. Блоку («Всё это было кажется в последний...»)» (1918), написанном на экземпляре сборника с апокалиптическим названием «Последние стихи» (1918) и подаренном адресату. В нём описание последней встречи с Блоком обрамляется, с одной стороны, эпитафией («Дитя, потерянное всеми...»), выражающей оценку Гиппиус блоковского восхищения Октябрьскими событиями. А, с другой стороны, – оно опоясывается строкой, выплескивающей гневное обличение автором стихотворения «бессознательности» и «инфантильности» «Рыцаря Прекрасной Дамы». Гиппиус не может примириться с тем, что Блок заморожен, загнипнотизирован «музыкой революции»: «Я не прошу. Душа твоя невинна. // Я не прошу ей – никогда» [3, с. 205]. Образ «потерянных детей», столь ёмкий по смыслу и весьма значимый для Гиппиус, становится предметом авторефлексии и в её письме к А. Белому от 1 сентября 1918 года [9, с. 480], а также в воспоминаниях («Мой лунный друг (о Блоке)») (1922) [2, с. 32].

Во втором стихотворении диптиха «Шёл» Гиппиус осваивает и трансформирует новозаветный сюжет, рассказывающий об изгнании Христом торговцев из храма и присутствующий в четырёх евангелиях: от Иоанна (2:13–17), от Матфея (21:12–13), от Луки (19:45–46), от Марка (11:15–17). Если

в первом стихотворении диптиха представлен образ «опечаленного Христа», то здесь Сын Божий – гневно карающий, воздающий справедливое возмездие всем, допустившим и радостно встретившим события Октябрьской революции:

По камням ночной столицы,
Провозвестник Божьих гроз,
Шёл, сверкая багряницей,
Негодующий Христос.

Тёмен лик Его суровый,
Очи гневные светлы.
На верёвке, на пеньковой
Туго свитые узлы.

Волочатся, пыль целуют
Змеевидные концы...
Он придёт, Он не минует
В ваши храмы и дворцы <...>
.....
Хлещут, мечут, рвут и режут,
Опрокинуты столы...
Будет вой, и будет скрежет –
Злы пеньковые узлы! [3, с. 204].

При этом в стихотворении Гиппиус в качестве источника образов на первое место выходит именно евангелие от Иоанна, где упоминается «бич из верёвок», которым Христос наказывал торговцев: «Приближалась Пасха Иудейская, и Иисус пришел в Иерусалим и нашёл, что в храме продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег. И, сделав бич из верёвок, выгнал из храма всех, также и овец и волов; и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул» (Ин. 2:13–17).

Причём очевидно, что Гиппиус даже усиливает интонацию гнева и негодования, звучащую в Новом Завете, конкретизирует и дополняет адресат обличительных обвинений. В евангелии Христос обращается к торговцам, превратившим храм в «вертеп разбойников» (в Евангелии от Луки (19:45–46), в Евангелии от Марка (11:15–17)). А в стихотворении Гиппиус возникает пространное обращение к носителям разных грехов, иносказательно представляющим всех современников поэтессы, так или иначе оказавшихся причастными к стихии революции, сознательно или бессознательно. Оно выражено весьма резкими и даже бранными словами:

К вам, убийцы, изуверы,
Расточители, скопцы,
Торгаши и лицемеры,
Фарисеи и слепцы! [3, с. 204].

Анализ данных стихотворений- посланий, созданных Гиппиус в 1917–1918 годах, показывает, что характер адресата в них не только определяет коммуникативную стратегию и стилистику, но в целом влияет на особенность осмысления Октябрьской революции, выраженного в специфических мотивах и образах. Их смысловое наполнение, во-первых, идёт по линии мифотворческой сакрализации («освящение» дела декабристов, проекция образа Святого Георгия на лич-

ность Л.Г. Корнилова, «осовременивание» образа Христа). Во-вторых, оно запечатлевает сложное отношение и рефлексии автора по отношению к близким людям, ставшим далёкими («потерянные дети» Блок и А. Белый). В-третьих, – воплощает резкое и категоричное обличение поэтессы всех представителей нации, допустивших историческую катастрофу (деятели революции; народ, предавший Россию; интеллигенции, проявившей малодушие в борьбе с большевиками). Но во всех стихотворениях присутствует христианская символика, свидетельствующая о том, что оценка событий Октября, как и участников революционных потрясений с обеих «сторон баррикад», проходит у Гиппиус по религиозной шкале. Для неё очень важно духовное измерение происходящего.

Библиографический список

1. *Белый А.* Священные цвета // Белый А. Символизм как миропонимание / сост., вступ. ст. и прим. Л.А. Сугай. – М.: Республика, 1994. – С. 409–417.
2. *Гиппиус З.* Живые лица. Воспоминания. Кн. 2. – Тбилиси: Мерани, 1991. – 383 с.
3. *Гиппиус З.* Сочинения: Стихотворения. Проза / сост., подгот. текста, вступ. ст., комм. К. Азадовского, А. Лаврова. – Л.: Худож. лит., 1991. – 672 с.
4. *Кондрашина И.Б.* Образы пространства и времени в поэзии З.Н. Гиппиус: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 194 с.
5. *Криволапова Е.М.* Литературное творчество З.Н. Гиппиус конца XIX – начала XX века (1893–1904 годов): религиозно-философские аспекты: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2003. – 230 с.
6. *Круглова Т.С.* Адресованная лирика русского модернизма: поэтологический аспект: дис. ... д-ра филол. наук – М., 2013 – 480 с.
7. *Лавров А.В.* З.Н. Гиппиус и её поэтический дневник // Лавров А.В. Русские символисты: этюды и разыскания. – М.: Прогресс-Плеяда, 2007. – С. 5–59.
8. *Лейкина Я.В.* Поэтический мир Зинаиды Гиппиус 1889–1919 годов: дис. ... канд. филол. наук. – Смоленск, 2000. – 191 с.
9. Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. – М.: Наука, 1982. – 862 с.
10. *Лотман Ю.М.* Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2000. – С. 159–165.
11. *Маркевич О.А.* Лирика З.Н. Гиппиус: Проблема творческой индивидуальности: дис. ... канд. филол. наук. – Вологда, 2002. – 183 с.
12. *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. – М.: Республика, 1995. – 622 с.
13. *Мережковский Д.С.* Не мир, но меч. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. – 720 с.
14. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – 672 с.
15. *Панова Е.Ю.* Стиль в системе художественного мироздания З.Н. Гиппиус: дис. ... канд. филол. наук. – Магнитогорск, 2008. – 197 с.

«ГОФМАНОВСКИЙ КОМПЛЕКС» У В.Э. МЕЙЕРХОЛЬДА

В статье рассматривается отражение «гофмановского комплекса» в эстетике В.Э. Мейерхольда, который последовательно воплощает в своем творчестве идеи немецкого романтика Э.Т.А. Гофмана: живописно-музыкальную гармонию (синестезия искусств), механизацию жизни и человека, двойничество и кукольность, зеркальность, а также романтическую иронию и романтический гротеск. Значимой вехой в процессе формирования нового театра является мейерхольдовская постановка пьесы А. Блока «Балаганчик», которая во многом перекликается с новеллой Гофмана «Принцесса Брамбилла». На основе идей Гофмана Мейерхольд создает принципы условного театра и входит в историю литературы как практик театрального гротеска.

Ключевые слова: Э.Т.А. Гофман, В.Э. Мейерхольд, синтез искусств, двойничество, кукольность, зеркальность, романтическая ирония и гротеск.

В.Э. Мейерхольд – русский режиссер, который вошел в историю литературы как практик театрального гротеска и создатель условного театра в России. Творческий путь Мейерхольда был отмечен постоянными поисками и разными литературными влияниями. Одну из значимых ролей в формировании его эстетики сыграл Э.Т.А. Гофман. О своем интересе к творчеству великого немецкого романтика Мейерхольд упоминал неоднократно. Отсылки к Гофману мы находим в его статье «Балаган» 1912 г., в лекциях о театральном искусстве, письмах, где он подчеркивал, что немецкий писатель оказал важное влияние не только на становление его творческой индивидуальности, но и русской литературы и театра в целом.

Так, в лекциях за 1918–1919 гг. Мейерхольд называет Гофмана одним из вдохновителей театрального искусства: «Я рекомендую вам здесь, в первых, особое чтение особых ролей, тех, которые особенно останавливаются на элементе театральном. Это, например, работы фантаста Гофмана, Эдгара По и Достоевского. Ибо эти и подобные произведения дают возможность делать воображение крылатым» [10, с.340]. Мейерхольд одним из первых в критике поднимает вопрос о роли Гофмана не только в русской литературе XIX века, но и начала XX века: «Вообще, в 30-х и 40-х годах [XIX века] Гофман имел громадное влияние на целый ряд русских писателей. Несомненно, например, что влияние это сказалось на Гоголе и Достоевском, – в этом легко убедиться, просматривая старые журналы, Калло влияет на Гофмана, Гофман на Гоголя, а Гоголь на Сапунова» [10, с. 399].

На значимость Гофмана для Мейерхольда указывали и исследователи его творчества. И.П. Уварова, например, пишет, что русский режиссер «Гофмана чтит выше всякой меры. Оба они носили длинные, многоступенчатые немецкие имена, одно из них было общим – Теодор. Можно сказать, Мейерхольд наследовал от Гофмана “ящик с игрушками”. Там были паяцы, гротески “в манере Калло”, как называл Гофман персон итальянской комедии дель Арте, автоматы. Там же хранился сонм чаро-

деев с хищными носами. Один из них, в малиновом камзоле с большими серебряными пуговицами, промышлял тем, что извлекал отражения незадачливых обывателей из зеркал» [15, с. 269].

Как известно, Мейерхольд в качестве своего псевдонима выбирает имя персонажа из произведений Гофмана – доктора Дапертутто (*dappertutto* – *итал.* везде, повсюду). Этот псевдоним ему придумал в 1910 году М.А. Кузмин, который, как и Мейерхольд, был поклонником творчества немецкого романтика. По словам Г.В. Титовой, «Гофмана Мейерхольд любил всего, целиком – «краносюртучный», «уродливый доктор Дапертутто» с его феерическим дьяволизмом принадлежал Гофману. Художественное окружение Мейерхольда воспринимало Доктора Дапертутто как символ мейерхольдовских и собственных «гофманиан» [13, с. 66]. Современники в самом облике Мейерхольда улавливали внешнее сходство с персонажами из Гофмана, о чем пишет В.Г. Сахновский в статье «Мейерхольд» в журнале «Временник РГО» (№ 1, 1924): «Меня маски, изменяясь до неузнаваемости как истый лицедей, мудрый, как химера... лицо из Гофмана или из Гоцци» [8, с. 75]. В духе Гофмана художником Б.Д. Григорьевым был создан и портрет Мейерхольда. По мнению Г.В. Титовой, «Есть что-то властное, подчиняющее, какая-то гипнотическая сила в строгости надменного лица, в пронзительности взгляда, в решительно вскинутой руке. И в то же время во всей фигуре – неустойчивость, неуверенность. Мейерхольд выглядит и повелителем, и марионеткой» [13, с. 175]. Двойственность и кукольность, которые проявились в портрете, являются непременными элементами художественного мира Гофмана. Таким образом, гофмановское влияние на Мейерхольда отмечалось и ранее, однако детально эта проблематика не изучалась, в связи с чем ее актуальность не вызывает сомнений. «Гофмановский комплекс» был интересен Мейерхольду в связи с идеей создания нового русского театра.

На наш взгляд, интерес Мейерхольда к Гофману был вызван последовательным воплощением

в творчестве немецкого романтика ряда важнейших для обновления театральной эстетики проблем: живописно-музыкальной гармонии, осмысления механизации жизни и человека сквозь призму кукольности, двойничества, зеркальности. Романическая ирония и романтический гротеск в произведениях Гофмана приобрели особую силу и индивидуальность, став узнаваемыми стилистическими приемами. Таким образом, можно говорить о присутствии цельного идейно-тематического комплекса, который делает стиль Гофмана узнаваемым в литературной традиции. Гофмановская проблематика и стилистика была близка эстетике символизма, поэтому они становятся актуальными как для литературы, так и для театра начала XX века.

Мейерхольд внес значительный вклад в создание театра нового типа. Его идеи совпали с формированием эстетических принципов символистов. Русский режиссер взял за основу своего нового театра «гофмановский комплекс», о чем свидетельствует А. Блок в своих дневниковых записях от 1 декабря 1912 года: «Он [Мейерхольд] развил длинную теорию о том, что его мировоззрение, в котором много от Гофмана, от его «Балаганчика», от Метерлинка, смешали с его техническими приемами режиссера (кукольность)» [2, т. 7, с. 187]. На важность творчества Гофмана для формирования эстетики нового театра указывали и современники. В.Н. Соловьев в 1917 году в статье «Театральный традиционализм» (Аполлон. 1917. № 8–10) пишет: «Современные теоретики театра глубоко ценят смысл последних строчек гофмановского рассказа «Seltsame Leiden eines Theaterdirectors»¹. Со словами “Вот моя труппа” посетитель в коричневом открыл крышку ящика, и посетитель в сером увидел большое количество таких хорошеньких и изящных марионеток, каких никогда в жизни не видывал» [6, с. 387].

Мейерхольд, разочаровавшись в режиссерских приемах своих учителей и увлекшись символистскими идеями, провозглашает новый принцип в театре – «все не так, как в жизни», а так как в сверхжизни, то есть в искусстве. Главные эмоции он вкладывает в пластику тела, в связи с чем его внимание начинает привлекать тема куклы, марионетки, разработанная Гофманом. Мейерхольд считает, что, «разрушая отождествление зрителя с происходящим на сцене, нельзя не прийти к депсихологизации актерской игры. А радикальная депсихологизация требует превращения актера в марионетку, в идеальный организм – тело, не имеющее ничего «внутреннего» и обладающее чистой выразительностью» [10, т. 1, с. 168]. В 1902 году Мейерхольд покидает Художественный театр, где он сыграл ряд ролей, и начинает самостоятельную режиссерскую деятельность сначала с труппой «Новая драма» (1902–1905), затем в Театре-студии

на Поварской. Вместе с ведущими режиссерами К.С. Станиславским, В.И. Немировичем-Данченко Мейерхольд пытается реформировать русский театр. Станиславский в 1905 году в своих воспоминаниях пишет, что он встретил Мейерхольда в период своих творческих исканий. Их идеи имели много общего, с той разницей, что Станиславский только стремился к новому, а Мейерхольд уже нашел новые приемы для реализации этих идей [12, с. 138].

Совместная работа Станиславского и Мейерхольда проявилась в подготовке к постановке в 1905 году «Смерти Тентажиля» Метерлинка, «Шлюка и Яу» Гауптмана. Затем они ставят в 1907 году «Драму жизни» Кнута Гамсуна, которая стала первым опытом применения найденных приемов внутренней техники. Драма не имела успеха, однако в процессе работы над этой пьесой Станиславский и Мейерхольд пришли к открытию нового приема – условности, которое произошло случайно. Станиславский пишет в очерке «Черный бархат», что для постановки им нужен был кусок черного бархата, который куда-то исчез. В процессе поисков обнаружилось, что он висит на самом видном месте. А не заметили его потому, что «за ним был повешен на стене другой такой же большой кусок черного бархата. На черном не было видно черного... Эврика! Открыт новый принцип! Найден сценический фон, который может скрыть глубину сцены и создать в ее портале однотонную черную плоскость» [12, с. 176–177]. Этот принцип позже нашел яркое воплощение в постановке пьесы Л. Андреева «Жизнь Человека», где, соединив условность с гротеском, Станиславский и Мейерхольд сказали новое слово в драматургии.

В этом же году Мейерхольд в театре В. Комиссаржевской ставит «Балаганчик» А. Блока, где он накладывает идеи символизма на гофмановскую эстетику и формулирует принципы нового театра, которые затем обосновывает в своей статье «Балаган» 1912 года. Мейерхольд за основу своего театра берет принцип синестезии – соединения живописи и музыки с текстом, который он заимствует у Гофмана. Русский режиссер в своих постановках вкладывал особый смысл в музыкальное оформление, так как считал, что «музыка наделена способностью постигать сущность явлений с гораздо большей полнотой, нежели разум, что музыка... намного превосходит рациональные и логические категории, что ей принадлежит в иерархии искусств недосыгаемое высокое место» [4, с. 19–20]. Эти идеи он заимствовал, по словам И.Д. Гликмана, «из концепции философа Шеллинга, Гофмана и других немецких романтиков» [4, с. 19–20]. Именно Гофман, который сам был музыкантом, утверждал, что музыка более понятна человеку, чем все остальные виды искусств, что она возвышает его душу, позволяет «почувствовать свое выс-

шее назначение и из пошлой суеты и повседневной жизни» [5, т. 1, с. 55]. В письме Б.В. Асафьеву от 9 января 1928 года В.Э. Мейерхольд пишет об особой роли музыки в своих пьесах: «Если бы Вы видели, как выстроил я «сцену за столом» (жрут фрукты и торты, пьют хересы *amontillado* – гофманская марка!) и как связал я эту сцену с ноктюрном Field’a № 5, Вы обязательно нарядили бы этот ноктюрн в оркестровую одежду» [9, с. 272].

Мейерхольд обращал особое внимание и на декорации, поэтому использовал вместо сценического макета оформленные декоративные панно, так как верил, что это позволит ему более точно выразить красоту и поэзию на сцене. В этом он следует идеям Гофмана, который утверждал значимость оформления сцены для постановки пьес: «А Вам, господин декоратор, я посоветую еще мимоходом рассматривать кулисы не как неизбежное зло, а напротив, как главное дело и каждую из них по возможности считать самодавяющим целым» [5, т. 1, с. 80].

Важной частью идей Гофмана является понятие маски, за которой скрывается истинное лицо героя. Его герои часто дwoятся, как, например, в новелле «Принцесса Брамбилла», романе «Эликсиры дьявола» и др. Мейерхольд вслед за Гофманом считает, что маска, в отличие от актера, дает более глубокое, двойственное прочтение героя. Например, «Арлекин – придурковатый простака, слуга-прйдоха, кажущийся всегда весельчаком. Но смотрите, что скрывает под собой его маска? Арлекин – могущественный маг, чародей и волшебник, Арлекин – представитель inferнальных сил. Маска способна скрыть под собой не только два столь противоположных образа. Два лица Арлекина – два полюса. Между ними бесконечно большое количество различных видоизменений, оттенков... Маска порождает двойников» [10, с. 210].

Большую роль Мейерхольд в своем творчестве отводил гротеску, мастером которого он называл Гофмана: «Невольно вспоминаю... Гофмана. Вот автор, о котором хочется поговорить особо для того, чтобы дать понять, что такое гротеск» [10, с. 214]. При этом немецкого романтика он считает одним из родоначальников трагического гротеска и обращает внимание на то, что в сценическом гротеске, как в гротеске Гофмана, значительным является *мотив подмены* [10, т. 1, с. 161–162].

Режиссер приходит к выводу, что «Смотреть на мир так, как смотрел на него Гофман и каким видит его Метерлинк, значит смотреть на него как на театр марионеток: “Люди только марионетки, которых приводит в движение Судьба, как Директор Театра Жизни”» [10, т. 1, с. 185]. Мейерхольд полагает, что без кукольности невозможно полно выразить ироническое начало: «Для того чтобы сгустить ироническое свое отношение к действительности, Метерлинку, как и Гофману, нужен те-

атр марионеток, но не только он. Если бы живой актер сумел игрой своей передать глубочайшую иронию автора еще какими-нибудь средствами, не только слепым подражанием марионетке, это было бы не менее значительно» [10, т. 1, с. 185–186]. Именно Гофман в своем очерке «Необыкновенные страдания директора театра» создает образ идеального театра, где лучшие актеры – это марионетки: «И Серый увидел множество марионеток, самых изящных и складных из всех, которые он когда-либо видел» [5, т. 1, с. 46]. Вслед за Гофманом Мейерхольд уподобляет актера произведению искусства – барельефу, статуе, кукле. В итоге русский режиссер провозглашает принцип театральной игры гротеска: «Для того, чтобы почувствовать себя по-настоящему и заиграть в духе гротеска... нужно, чтобы актеры не только внешним образом походили на зверя или птицу, а чтобы они задурили, чтобы зажили так, как соответствует этим нечеловеческим существам» [8, с. 41].

Неотъемлемой частью буффонады Мейерхольда стали гофмановские зеркала. Не случайно он выбирает себе псевдоним доктор Дапертутто. Это герой новеллы Гофмана «Приключения в ночь под Новый год», который похищал отражения людей. По словам И. Уваровой, «Перед нами усложненная магия зеркал, множаящая, собирающая, проявляющая дробные отражения невидимого. Кажется, эти зеркала, сложившиеся в определенную систему, явят собой очередное подобие символа» [14, с. 281]. Двойственностью, созданной с помощью зеркал, отличаются и портреты Мейерхольда: у А.Я. Головина Всеволод Эмильевич отражается в зеркале, а у Б.Д. Григорьева фигура режиссера раздваивается, выявляя иную сущность изображаемого.

Принципы нового театра Мейерхольда должны были создать условность происходящего, что и отразилось в «Балаганчике» Блока. В предисловии к книге «О театре» Мейерхольд писал: «Первый толчок к определению путей моего искусства дан был, однако, счастливой выдумкой планов к чудесному “Балаганчику” А. Блока» [10, т. 1, с. 75]. Пьеса «Балаганчик» по своему характеру, по стилю и приемам отличалась от спектаклей, поставленных режиссером в эту пору. Мейерхольд создал в нем особый условный мир живописно-музыкальной гармонии. Мейерхольд увидел в творчестве Блока идеи, близкие его творческим поискам. В архиве Блока сохранилось фото Мейерхольда со словами: «Александра Александровича Блока я любил еще до встречи с ним. Когда расстанусь с ним, унесу с собой любовь к нему прочную навсегда...».

Блоку понравилась постановка «Балаганчика», поэтому поэт ко второму изданию своей пьесы добавил: «Посвящается Всеволоду Эмильевичу Мейерхольду» [1, т. 89, с. 396]. Мейерхольд играл Пьеро в пьесе сам. Образ, созданный им, был правдив и трагичен. По словам Н.Д. Волкова,

Мейерхольдовский Пьеро «весь в острых углах, сдавленным голосом шепчущий слова нездешней печали... какой-то колючий, пронзающий душу, нежный и вместе с тем дерзкий. Он был проникнут внутренней болью, горьким чувством одиночества, непонятости и покинутости» [3, т. 1, с. 280]. В постановке пьесы Блока Мейерхольдом отражается гофмановская идея синестезии искусств (была намеренно обнажена вся механика сценического действия). Этому способствовали декорации художника Н.Н. Сапунова, построившего на сцене вторую сцену маленького «театрика», который имел свои подмостки, свой занавес. Верхняя часть этого театрика не была прикрыта, и веревки и проволоки оказывались на виду у зрителя: «Когда на маленьком «театрике» декорации взвиваются вверх, в настоящие колосники театра, публика видит все их движение» [2, т. 1, с. 259]. «В “Балаганчике” Мейерхольд использовал прием “театр в театре”, так как кукольный театр располагался на сцене. Актеры играли кукол, двигались и говорили как куклы, кроме того, из кулис показывались руки “кукловода”, который словно управлял невидимыми нитями. По словам И.П. Уваровой, “в символизме тема марионетки отразила идею зависимости, несвободности личности от социума, от самой природы человека, ото всего. Нитей много, если что-либо способно освободить людей от этих зависимостей, то только искусство”» [15]. По мнению Т.М. Родиной, «в “Балаганчике” действие развивается на трех уровнях: мечты, обыденности и того разрушительного самоотрицания, страшная сущность которого выступает у Блока в некоторой близости к романтической “гофмановской” традиции, как проявление адских, смертоносных сил» [11, с. 86]. Действительно, пьеса Блока наполнена глубинными смыслами, понимание которых во многом обусловлено именно гофмановской традицией, восходящей к его новелле «Принцесса Брамбилла» и пьесе «Принцесса Блондина»². Произведения имеют одноименных персонажей из *commedia dell'arte*, общие сюжетные переключки, а также их объединяет мотив двойничества.

Блок заимствует у Гофмана и способ изображения героев. Гофмановский метод характеризуется иронией, игрой, шуткой, переходящей в абсурд. Даже самые драматические ситуации не имеют у Гофмана губительных последствий. Так, например, сцену поединка Джильо с его двойником Гофман описывает исключительно в комическом свете: «После жаркой грозной... они бросились друг другу в объятья и зарыдали» [2, т. 3, с. 360]. Кукольное и человеческое у Гофмана смешиваются так, что провести грань между ними сложно, поэтому труп Джильо в результате поединка оказывается простой картонной куклой. Эти гофмановские приемы находим и у Блока: из головы паяца брызжет не кровь, а клюквенный сок, даль, види-

мая в окне, оказывается нарисованной на бумаге, а невеста – картонной куклой. Однако их значение другое – трагикомическое: Что делать! Она упала ничком... / Мне очень грустно. А вам смешно? [2, т. 4, с. 21].

В основе пьесы Блока лежит романтический гротеск, который, по мнению Мейерхольда, Блок заимствовал у Э. По и Гофмана. Русский поэт привносит в пьесу драматизм, основанный на идее механизации жизни. По мнению автора, жизнь стала искусственной, но страдания человека в ней настоящие. Конфликт кукольного и человеческого у Блока достигает максимально трагического звучания. Блок в письме В.Э. Мейерхольду дает рекомендации о том, как лучше показать драматизм переживаний Пьеро через движения: «Пусть он говорит еще проще, но и призывнее, хотя и деревянно, и пусть чертит круг перед нею по земле мечом еще более длинным и матово-серым, как будто сталь его покрылась инеем скорби» [2, т. 8, с. 171]. Блоковский «Балаганчик» переключается и с пьесой Гофмана «Принцесса Бландина», где актеры взбунтовались против ролей, которые они играют. В их протесте звучит важная для Гофмана, а затем и для Блока проблема слияния маски и лица, которая стала частью его проблемы двойничества. По мнению Гофмана, актер не имеет возможности выбирать роль, которую вынужден играть, что является насилием над личностью. Искусно сыгранная роль не проходит бесследно для человека, она способна трагически отразиться на его жизни. Мейерхольд вслед за Гофманом считает, что метод «переживания» вреден для актера, так как он может привести к психическим нарушениям. Этому методу игры он противопоставлял свой – «биомеханический», суть которого в точном выполнении физических движений и ракурсов тела.

Значение драмы «Балаганчик» трудно переоценить, она имела большой успех в литературных кругах, благодаря ей в русскую литературу вошла итальянская комедия масок, которая стала важной проблемой эстетики начала XX века, а также создала моду на куклы и маски. Уварова пишет, что «кажется, как раз после “Балаганчика” в богемном Петербурге началось поветрие. Слово “кукла” стало самым распространенным в словаре эстетов. Сказать о даме – кукла – сделать комплемент» [15].

После успеха «Балаганчика» Мейерхольд продолжил кукольную тему, создав «Дон-Жуана» Мольера в виде марионеток. Благодаря новому методу русский режиссер приходит к новому прочтению образа Дон Жуана в литературе: «Дон Жуан для Мольера лишь носитель масок. Мы видим на нем то маску, воплощающую распущенность, безверие, цинизм и притворство кавалера двора Короля-Солнца, то маску автора-обличителя, то кошмарную маску, душившую самого автора, ту мучительную маску, которую пришлось

ему носить и на придворных спектаклях, и перед коварной женой» [10, с. 204]. Затем Мейерхольд поставил первую в России драматическую пантомиму А. Шницлера «Шарф Коломбины», сложность и значимость которой заключалась в том, что все в ней выражалось через движение – и текст, и подтекст. Преимуществом пантомимы как жанра было то, что в ней лучше всего на сцене получался романтический гротеск. По мнению Г.В. Титовой, «С момента появления псевдонима на афише «Дома интермедий» начинается гофмановский период в творчестве Мейерхольда, ознаменованный появлением сценических вариаций на тему Гофмана (например, постановка «Исправленного чудака» М.А. Кузмина по мотивам истории доктора Коппелиуса «Песочный человек»), шницлеровская пантомима «Шарф Коломбины», опыты по реконструкции комедии дель арте, гофмановские мотивы в «Дон Жуане» и «Маскараде» [13, с. 68]. В 1916 году Мейерхольд принимает активное участие в создании нового театра «Привал комедиантов», в котором зрительный зал был расписан Судейкиным и получил название «Зала Карло Гоцци и Эрнеста Теодора Амадея Гофмана». По свидетельству театрального критика Н.Д. Волкова, «Художественной частью должен был заведовать Доктор Дапертутто. Для него Судейкин сделал эскиз костюма, в котором Доктор Дапертутто приветствовал бы гостей. Это был «розовый атласный камзол с серебряными пуговицами, синий плащ, лакированная треуголка с плюмажем, маска-клюв, закрывающая лоб и часть носа» [3, с. 213]. В репертуар этого театра были включены «Шарф Коломбины» Шницлера, «Кот в сапогах» Тика, намечались пьесы Клоделя, Метерлинка, Стриндберга, Миклашевского, М. Кузмина и др.

Влияние Гофмана проявилось и в поздних постановках Мейерхольда, на что указывали его современники. Так К. Острожский в «Новом времени» (1917, от 25 октября) пишет о постановке Александринского театра комедии-шутки А.В. Сухова-Кобылина «Расплюевские веселые дни» («Смерть Тарелкина»): «Г. Мейерхольд, ставивший “Смерть Тарелкина”, усмотрел в ней нечто от Гофмана и от его фантастики. Я бы сказал, что г. Мейерхольд обнаружил чутье и ловкость, потому что налет фантастики только и в состоянии хотя несколько примирить реалистическую форму с грубостью преувеличений карикатур» [6, с. 367]. Гофмановские традиции в постановке «Смерти Тарелкина» увидел и В.Н. Соловьев (Жизнь искусства. 1924. № 25): «В “Смерти Тарелкина” видимая реальность уступает место кажущейся, и комические персонажи пьесы, возникшие у Сухова-Кобылина не без влияния рассказов Гофмана и романов Жана Поля, принимают очертания кошмарных образов русской фантастики» [7, с. 73]. В своей статье В.Н. Соловьев особенно подчер-

кивал гротескные элементы самой пьесы, которые позволяли режиссеру быть на грани между комическим и трагическим, как у Гофмана, что придавало спектаклю ощущение двойственности [7, с. 73]. Отрицательную рецензию мейерхольдовской постановке делает Уриэль в статье «“Левый фронт” или эксцентрический парад (“Смерть Тарелкина”»)» (Известия. 1922. 2 декабря). Однако критик также признает влияние Гофмана в этой пьесе: «Полубыт, полуфантастика, насыщенная гофманщиной, трагически-жуткая пьеса Сухова-Кобылина была преподнесена В.Э. Мейерхольдом в плане вульгарной буффонады с исполнителями ниже среднего и большей частью плохими» [7, с. 58]. А.Б. Ромашов в постановке «Доходного места» Островского в Театре Революции (Известия. 1923. 25 мая) в Юсове увидел образ гофмановского доктора – «соединение самостоятельных и не вяжущихся друг с другом элементов: непонятного конструктивистического оформления, гофмански-фантастического характера пьесы» [7, с. 14]. **Гофмановские черты театральные критики отметили и в постановке** Мейерхольда «Пиковая дама». Так, Конст. Державин в статье «Тема спектакля Мейерхольда» (Рабочий и театр. 1935. № 4) пишет: «В повести сквозь ее иронический реализм и гофмановскую фантастику звучит типичный для Пушкина этих лет мотив социального отщепенчества» [7, с. 353].

Таким образом, Мейерхольд в процессе создания условного театра опирается на гофмановскую эстетику, из которой он заимствует ряд важнейших черт: живописно-музыкальную гармонию, осмысление механизации жизни и человека, двойничество и кукольность, романтическую иронию и гротеск. Многие символисты были вовлечены в процесс обновления русского театра, поэтому формирование символистской эстетики перекликалось с театральными поисками режиссеров. Новаторская постановка драмы «Балаганчик», созданная по новым принципам, способствовала актуализации гофмановских образов и мотивов в литературе, а также создала общую моду на арлекинаду.

Примечания

¹ «Удивительные страдания одного директора театра» (нем.).

² Подробнее о сравнительном анализе произведений Блока и Гофмана смотри в статье В.В. Королевой: Пьеса А. Блока «Балаганчик» и новелла Э.Т.А. Гофмана «Принцесса Брамбилла» // Филологические штудии: сб. науч. трудов. – Иваново, 2006. – Вып. 10.

Библиографический список

1. Блок А.А. Письма к жене // Литературное наследство / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1978. – Т. 89. – 414 с.

2. Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. – М.; Л.: Гослитиздат, 1960–1963. – Т. 5. – 800 с.
3. Волков Н.Д. Мейерхольд: в 2 т. – М.; Л.: Academia, 1929. – Т. 1. – 280 с.
4. Гликман И.Д. Мейерхольд и музыкальный театр. – Л.: Советский композитор, 1989. – 351 с.
5. Гофман Э.Т.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. – М.: Художественная литература, 1991.
6. Мейерхольд Э. в русской театральной критике: 1898–1918 / сост. и коммент. Н.В. Песочинского, Е.А. Кухты, Н.А. Таршис. – М.: Артист. Режиссер. Театр, 1997. – 527 с.
7. Мейерхольд в русской театральной критике: 1920–1938 / сост. и коммент. Т.В. Ланиной. – М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000. – 655 с.
8. Мейерхольд В.Э. Лекции 1918–1919 / под ред. Н.Н. Панфиловой, Е.П. Перегудовой, З.П. Удальцовой и др. – М.: ОГИ, 2001. – 399 с.
9. Мейерхольд В.Э. Переписка 1896–1939. Искусство. – М., 1976. – 464 с.
10. Мейерхольд В.Э. Статьи. Речи. Письма. Беседы. Ч. 1. 1891–1917. – М.: Искусство, 1968. – Т. 1. – 792 с.
11. Родина Т.М. Александр Блок и русский театр начала XX века. – М.: Наука, 1972. – 312 с.
12. Станиславский К.С. Мое гражданское служение России. – М.: Правда, 1990. – 656 с.
13. Титова Г.В. Э. Мейерхольд и поведенческие модели модерна: учеб. пособие. – СПб.: СПбГАТИ, 2006. – 175 с.
14. Уварова И.П. «Балаган вечен»: Об эссе Вс. Мейерхольда и Ю. Бонди «Балаган» // Вопросы театра. – 2009. – № 1/2 (январь – июнь). – 265–284 с.
15. Уварова И.П. Кукла Мейерхольда [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/09/uvarova09.shtml>.

ОБРАЗНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОТИВА ИЗГНАННИЧЕСТВА
В ЭМИГРАНТСКОЙ ПОЭЗИИ Г.В. ИВАНОВА:
ТРАДИЦИОННОЕ И НОВАТОРСКОЕ

В статье показывается, что мотив изгнанничества, прослеживающийся в стихотворениях эмигрантских сборников Г.В. Иванова «Розы», «Отплытие на остров Цитеру», «Портрет без сходства», «Rayon de rayonne», «Дневник», «Посмертный дневник», репрезентируется через переосмысление образов лодки, паруса, корабля, устойчивых для русской классической литературы. Доказывается, что Иванов продолжает традиции Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, М.Ю. Лермонтова: в его лирике названные топорсы так же, как и в творчестве поэтов-предшественников, символизируют поиск смысла жизни, истины, счастья или одиночество и смерть. В то же время в работе делается вывод о том, что в данной образной репрезентации мотив изгнанничества в эмигрантской поэзии Иванова получает индивидуально-авторское смысловое наполнение.

Ключевые слова: Г.В. Иванов, мотив изгнанничества, репрезентация, образ паруса, образ лодки, образ корабля, Державин, Жуковский, Лермонтов, традиция, новаторство.

Осенью 1922 года на германском пароходе «Карбо-2» петербургский поэт Георгий Иванов покидает Россию. Эмиграция затянулась до конца его дней (27.08.1958). Точно отмечает В. Крейд: «У многих ностальгия по родине со временем притуплялась, у Георгия Владимировича, напротив, – с годами обострялась. Мало кто в первой эмиграции – как он да ещё Бунин – переживал отрыв от России так горько» [5, с. 403]. В то же время отплытие от родных берегов означало и новый этап в литературном творчестве Иванова: были созданы поэтические сборники «Розы», «Отплытие на остров Цитеру», «Портрет без сходства», «Rayon de rayonne», «Дневник», «Посмертный дневник». В его эмигрантских стихах всё чаще начинает звучать мотив изгнанничества, сопряжённый с мотивами поиска смысла жизни, истины и счастья.

Как точно указывают авторы Лермонтовской энциклопедии, мотив изгнанничества является устойчивым в русской литературе: он характерен для поэзии А.Н. Радищева, Г.Р. Державина, П.А. Вяземского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова [7]. В эмигрантской поэзии Г.В. Иванова этот мотив репрезентируется через образы лодки, паруса, корабля. В «Словаре символов» Дж. Тресиддера находим следующее толкование этих образов: «лодка – символ загробного мира, символ последнего пути богов и людей»; «паруса – символ воздуха, ветра, дыхания жизни, души»; «корабль – символ безопасности; символ поиска и перехода на другие уровни существования» [8]. Образы лодки, паруса, корабля встречаются также в поэзии Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.Ф. Анненского и др. Эти топорсы полисемантчны. Они оказываются стержневыми символами образного мира Иванова-эмигранта и помогают раскрыть сложный и противоречивый мир лирического героя его сборников.

В стихотворении «Это только синий ладан...», вошедшем в сборник «Розы» (1931), лодка не опи-

сывается, но метонимически обозначается через упоминание действия лирического героя: это – взмах весла. Взмах весла символизирует стихийное движение героя по «морю бытия». Эпитет «чёрный» характеризует это бытие как трагическое: жизненный путь героя не изменить, всё предопределено уже свыше:

Взмахи чёрных вёсел шире,
Чище сумрак голубой...
Это то, что в этом мире
Называется судьбой [4, с. 267].

Стихотворение Иванова «Это только синий ладан...» отсылает читателя к стихотворению М.Ю. Лермонтова «Атаман». В основе лермонтовского произведения лежат мотивы народных легенд и песен «разинского цикла» [7, с. 667]. Его главная тема – тема гибели девушки, брошенной атаманом в Волгу за её неверность. В пространственной символике, весьма значимой в лирическом сюжете стихотворения «Атаман», стержневым образом оказывается топорс лодки: именно лодка становится местом роковой смерти красавицы.

1
Горе тебе, город Казань,
Едет толпа удальцов
Сбирать невольную дань
С твоих беззаботных купцов.

Вдоль по Волге широкой
На лодке плывут;
И вёслами дружными плещут,
И песни поют.

2
Горе тебе, русская земля,
Атаман между ними сидит;
Хоть его лихая семья
Как волны шумна, – он молчит;

И краса молодая
Как саван бледна
Перед ним стоит на коленях [7, с. 84].

Судьба лирического героя Иванова так же, как и у героини Лермонтова, овеяна ореолом смерти,

присутствие которой прочитывается в следующих образах: «синий ладан», «сон во сне», «пустынный сад», «тишина», «прохладный свет», «прохладная глубина». Стоит заметить, что авторы выбирают совершенно разные эпитеты для создания образов: у Иванова – это «чёрные вёсла», а у Лермонтова – «дружные вёсла». Но и у того и другого поэта символ вёсел ассоциируется с предсказанием смерти, гибели.

В стихотворении «В сумраке счастья неверного...», также включённом Ивановым в сборник «Розы», уже появляется образ «лёгких лодок», намекающий на бесконечную изменчивость земного мира, где ничто не вечно. Этот символ сопрягается с образами «лёгких туч» и «лёгкой звезды»:

Лёгкие тучи растаяли
Лёгкая встала звезда.
Лёгкие лодки отчалили
В синюю даль навсегда [4, с. 268].

Символ лодки в этом стихотворении передаёт главную мысль сборника – о новом пути героя в чужой земле, о поиске смысла жизни и счастья уже без России. Но в то же время эпитет «лёгкие» вносит в образ лодок негативную коннотацию, подчёркивая ощущение героем внутренней пустоты.

В стихотворении «Синеватое облако...» (сборник «Розы»), используя сравнительный оборот «словно лодка с детьми», поэт старается описать очаровательную картину природы. Иванов характеризует её следующими словосочетаниями: «синеватое облако», «старинная» и «простодушная яблоня», «бесконечные леса». Это чужая земля, но вместе с тем она напоминает герою о покинутой родине:

Всё какое-то русское –
(Улыбнись и нажми!)
Это облако узкое,
Словно лодка с детьми [4, с. 288].

Символ лодки здесь расшифровывается как некое мимолётное воспоминание о России, он ассоциируется с ностальгией.

В заключительном стихотворении сборника «Розы» «Все розы, которые в мире цвели...» Иванов пытается найти истоки исторической трагедии России: он уже называет её «забытой Богом страной». Философский и символический смысл этого стихотворения углубляют образы «парусов», «кораблей», вписывающихся в картину социальной и духовной катастрофы России, перерастающей в мировой апокалипсис, о котором сигнализирует мотив гибели «Титаника»:

И все соловьи, и все журавли,

И в чёрном гробу восковая рука,
И все паруса, и все облака,

И все корабли, и все имена,
И эта, забытая Богом, страна!

Так чёрные ангелы медленно падали в мрак,
Так чёрною тенью Титаник клонился ко дну,

Так сердце твоё оборвётся когда-нибудь – так
Сквозь розы и ночь, снега и весну... [4, с. 294].

В русской поэзии образ корабля традиционно трактуется как посредник, соединяющий мир живых с миром мёртвых [8]. Именно этот смысл Лермонтов вкладывает в символ корабля, созданный в стихотворении «Воздушный корабль (Из Зейдлица)». Это произведение является вольным переложением баллады Й.К. Цедлица «Корабль призраков», посвящённой Наполеону [7, с. 687]:

По синим волнам океана,
Лишь звёзды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несётся
Несётся на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И, молча, в открытые локи
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нём капитана,
Не видно матросов на нём;
Но скалы и тайные мели,
И бури ему нипочём [7, с. 192].

На каждую годовщину смерти Наполеона корабль прилетает на остров, где похоронен император. Волшебный корабль пробуждает Наполеона от вечного сна. И уже вместе со своим верным другом – воздушным кораблём – Наполеон плывёт во Францию, на свою родину:

Несётся он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнём.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идёт,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовёт [7, с. 193].

Образ Наполеона у Лермонтова интерпретируется в трагическом ключе, что подчёркивается метафорическими словосочетаниями: «несётся к Франции милой», «сердце трепещет», «очи пылают огнём», «тяжко вздыхает», «капают горькие слёзы». Только волшебный корабль остаётся рядом с поверженным императором, нет уже ни «былой славы», ни сына, ни верного войска. Корабль в этом стихотворении поэта-романтика – связующее звено между миром живых и миром мёртвых. Но в то же время этот символ соотносится с судьбой Наполеона и художественно маркирует мотивы изгнанничества, одиночества и оторванности героя от родной земли. Аналогичный подход к истолкованию образа кораблей реализуется и в стихотворении Иванова «Все розы, которые в мире цвели...». Корабли напоминают об изгнании, раз-

луке с родиной и становятся вестниками смерти, мирового апокалипсиса: «Так сердце твоё оборвётся когда-нибудь – так / Сквозь розы и ночь, снега и весну...» [4, с. 294].

В сборнике Иванова «Отплытие на остров Цитеру» (1937) мотив изгнанничества и разлуки с родиной оказывается ведущим. В стихотворении «Это месяц плывёт по эфиру...» разлука с родиной воспринимается лирическим героем как смерть. Мотив духовной смерти соплагается с метафорой «лодки»:

Это лодка скользит по волнам...
 Это смерть улыбается нам
 <...>
 Обрывается лодка с причала
 И уносит, уносит её...
 Это детство и счастье сначала,
 Это детство и счастье твоё [4, с. 288].

Смысловое наполнение образа лодки в лирике Иванова восходит отчасти и к традиции Г.Р. Державина. Лирический герой стихотворения Державина «На выздоровление мецената» становится свидетелем страшной картины:

Ко берегу лодка приплывала,
 Приблизилась она ко мне;
 Тень белая на ней мелькала,
 Как образ мраморный во тьме.
 <...>
 На брег из лодки вылезает
 Старик угрюмый и седой
 И, озираясь, подпирает
 Себя ужасною косою [2, с. 94].

Образ «угрюмого старика» с «кровавыми кохтями» сближается с мифологическим образом Харона, переправляющего на лодке души умерших в царство мёртвых, Аид.

Тогда по берегу раздалися
 Надгробный плач и вой людей,
 Отсюда к старику сошлись
 Бесчисленны толпы теней;
 Прискорбны, бледны и безгласны,
 Они, потупя взоры, шли;
 Цепями фурии ужасны
 К морскому берегу их вели.
 Старик кровавыми кохтями
 К себе на лодку их влечёт:
 Богач и нищ, рабы с царями,
 Все равно оставляют свет [2, с. 95].

Образ лодки у Державина становится ключом к философскому пониманию человеческой судьбы: перед смертью становятся все равны; стираются социальные различия между людьми, разделяющие их при жизни. Семантика образа лодки у Иванова и у Державина генетически связана с мифологической традицией: это – символ движения к смерти, к пристанищу мёртвых.

В стихотворении Иванова «Только тёмная роза качнётся...», входящем в состав сборника «Отплытие на остров Цитеру», присутствует уже образ паруса, отправляющегося на север. Этот символ ассоциируется с уходящей жизнью героя,

с его потерей души. Подобную интерпретацию образа (в другой вариации – только уже корабля) мы встречаем и в стихотворении «Ветер тише, дождик глуше...», вошедшем в сборник «Портрет без сходства» (1950):

Ветер тише, дождик глуше,
 И на всё один ответ:
 Корабли увидят сушу,
 Мёртвые увидят свет [4, с. 344].

В сборнике «Rayon de rayonne» (1958) опять возникает образ лодки, но он уже осмыслен Ивановым в романтическом ключе. В стихотворении «Зазеваешься, мечтая...» герой на минуту очаровывается прекрасным морским пейзажем («рыбка золотая», «серебряный крючок», «солнце, ветер и вода»), который гармонично дополняет образ лодки. Благодаря использованию автором метафоры «лодка ластилась к воде», создаётся впечатлительная идиллическая картина.

Это стихотворение Иванова по своей смысловой направленности близко к стихотворению В.А. Жуковского «Желание». Произведение Жуковского начинается с риторических вопросов: «Где найду исход желанный? / Где воскресну я душой?». Герой романтика Жуковского тоже мечтает попасть в иной, прекрасный мир, который характеризуется с помощью метафорических словосочетаний: «обитель тишины», «благовония весны», «не слышны вихри злые», «юных роз дыханья». Анафорическое местоимение «там» (в тексте употребляется 6 раз) призвано очертить и выделить пространство инобытия, вызывающее восторг и восхищение у лирического героя Жуковского:

О предел очарованья!
 Как прелестна там весна!
 Как от юных роз дыханья
 Там душа оживлена! [3, с. 49].

Лодка становится для героя Жуковского посредником между реальным и идеальным миром. Образы парусов и вёсел дополняют чарующую картину:

Лодку вижу... где ж вожатый?
 Едем!.. будь, что суждено...
 Паруса её крылаты,
 И весло оживлено.
 Верь тому, что сердце скажет;
 Нет залогов от небес;
 Нам лишь чудо путь укажет
 В сей волшебный край чудес [3, с. 49].

Символы паруса и корабля также открывают сборник Иванова «Дневник» (1958). В стихотворении «Торжественно кончается весна...» они соотносятся с образом благополучной Европы, где нашёл прибежище лирический герой. Чужой край по-своему прекрасен, он даже напоминает рай. В его описании акцентируются следующие приметы: расцветшие розы, океан, блеск, тишина. Но паруса и корабли дают толчок горьким воспоминаниям героя о России, «невероятной стране», безжалостно изгнавшей лучших своих представителей:

Узнает ли когда-нибудь она,
Моя невероятная страна,
Что было солью каторжной земли?
А впрочем, соли всюду грош цена:
Просыпали – метёлкой подмели [4, с. 370].

Образ «лёгкой лодки» вновь появляется у Иванова в стихотворении «Волны шумели: “Скорее, скорее!”...». Но он переосмысливается поэтом. Так, в сборнике «Розы» «лёгкая лодка» была связана с мотивом поиска нового жизненного пути героя на чужбине, а в сборнике «Дневник» – это метафора неминуемой смерти лирического субъекта:

Волны шумели: «Скорее, скорее!»
К гибели лёгкую лодку несли,
Голубоватые стебли порея
В красный туман прорастали с земли [4, с. 418].

Итак, мотив изгнанничества репрезентируется через развитие образов лодки, паруса, корабля, являющихся устойчивыми в русской поэзии. Например, они концептуально значимы в лирике Державина, Жуковского, Лермонтова. Творческий опыт этих авторов по-своему и осваивает Иванов, маркируя мотив изгнанничества символами лодки, паруса, корабля. Названные топосы используются Ивановым в традиционных значениях: в лирике поэта-эмигранта они многозначны и так же, как у предшественников, создают поле особой философской метафоричности, связанной с идеями поиска смысла жизни, истины и счастья или ассоциированной с трагедией одиночества и предчувствием смерти. Но в то же время эти образы обретают ярко выраженную индивидуально-авторскую семантику. В частности, новаторство Иванова в интерпретации образов лодки, паруса, корабля, репрезентирующих мотив изгнанничества, заключается в том, что поэт-эмигрант выстраивает названные символы в градационный ряд. Ничего подобного мы не наблюдаем в поэзии предшественников. Этот

градационный ряд выглядит следующим образом: «взмах весла» – «лодка» – «парус» – «корабль» – «Титаник». В данном композиционном приёме угадывается особый смысловой код: в эмигрантских стихах Иванов усиливает трагическое и даже апокалиптическое звучание упомянутых топосов, подчёркивая неотвратимость личной и мировой катастрофы, связанной с историческим сломом и утратой родной духовной почвы.

Библиографический список

1. *Гаспаров Б.М.* Литературные лейтмотивы: Очерки по русской литературе XX века. – М.: Наука: Восточная литература, 1993. – 304 с.
2. *Державин Г.Р.* Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1957. – 472 с.
3. *Жуковский В.А.* Избранное. – Л.: Художественная литература, 1973. – 456 с.
4. *Иванов Г.В.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Стихотворения. – М.: Согласие, 1993. – 656 с.
5. *Крейд В.П.* Георгий Иванов. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 430 с.
6. *Лермонтов М.Ю.* Лермонтовская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lermontov.niv.ru/lermontov/dictionary/lermontov-encyclopedia/fc/slovar-192-2.htm#zag-76> (дата обращения: 13.08.2017).
7. *Лермонтов М.Ю.* Сочинения: в 2 т. Т. 1 / сост. И.С. Чистовой. – М.: Правда, 1998. – 720 с.
8. *Тресиддер Дж.* Словарь символов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/5601664/> (дата обращения: 25.05.2017).
9. *Ушакова О.Н.* Концепция музыки в поэтическом сборнике Г.В. Иванова «Отплытие на остров Цитеру» в свете традиции русской классической поэзии // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 84–88.

УДК 821.161.1.09 Маяковский В. В.:821.161.1.06 Полонский В. П.

Алексеева Олеся Ярославовна

кандидат филологических наук
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
baranovski54@mail.ru**В.В. МАЯКОВСКИЙ В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ В.П. ПОЛОНСКОГО:
ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА РГАЛИ***

В статье исследуются авторизованные машинописи статей В.П. Полонского, в которых упоминается В.В. Маяковский. Авторизованные машинописи были обнаружены в личном фонде В.П. Полонского, одного из ведущих критиков и активных участников литературного процесса 1920–1930-х гг. Изучение выявленных между текстами авторизованных машинописей и опубликованными статьями В.П. Полонского различий позволяет проследить процесс работы В.П. Полонского над статьями о В.В. Маяковском и определить динамику оценок личности и творчества поэта. В целях всестороннего и объективного исследования архивных материалов о В.В. Маяковском, хранящихся в личном фонде В.П. Полонского, в статье подробно исследуются все дневниковые записи В.П. Полонского о В.В. Маяковском, а также воссоздается контекст литературной полемики «Леф или блеф» 1927 г., развернувшейся между В.П. Полонским и В.В. Маяковским. Для этого привлекается стенограмма диспута в Политехническом музее и отчеты, опубликованные в центральных газетах. Результаты данного исследования позволяют расширить представление о процессе формирования оценки личности и творчества В.В. Маяковского в литературной и общественной жизни конца 1920-х – начала 1930 гг.

Ключевые слова: В.В. Маяковский, В.П. Полонский, футуризм, литературный процесс, дневник, диспут, Политехнический музей.

«Я впервые увидел его в 14 году. Познакомились у Венгрова. Он пришел с женщиной, так удивительно им воспетой» [11, № 4, с. 127]. Так, согласно записи от 14 апреля 1931 г. в дневнике В.П. Полонского, состоялось его личное знакомство с В.В. Маяковским. Однако с непоименованной в этой записи, но, безусловно, имеющейся в виду Лилей Брик В.В. Маяковский познакомился только в июле 1915 года [5, т. 3, с. 451]. Из этого следует, что, фиксируя по памяти дату знакомства с В.В. Маяковским, В.П. Полонский, скорее всего, ошибся.

Дневник В.П. Полонского охватывает временной период с мая 1920 г. по январь 1932 г. Записи о В.В. Маяковском носят фрагментарный и избирательный характер. Появляются с февраля 1927 г. и в основном отражают реакцию самого В.П. Полонского на развернувшуюся в 1927 г. полемику вокруг журнала «Новый Леф». Следующая запись появляется лишь в 1930 г. и связана она с трагической смертью поэта, которая произвела на В.П. Полонского неизгладимое впечатление: «17.IV.30. – 14-го – самоубийство Маяковского. Неожиданно. Непонятно. Как гром – чудовищно. В клубе Федерации у гроба <2 сл. замазаны>. Я сказал – слабые уходят. Он: “Не всегда. Уходят и сильные. Есть сильные, но не гибкие. Не умеют вовремя сложиться – вот как складной аршин. Не сгибается, – ну, – эпоха отрывает голову”» [11, № 2, с. 151].

Записи 1931 г. о Маяковском появляются в дневнике в преддверии годовщины смерти поэта. И связаны они и с осознанием собственной вины от произошедшего: «Заговорили (с Н.Н. Асеевым. – О. А.) о Маяковском: я сказал, что вот – жил Маяковский, и мы как-то недооценивали его. Я лично чувствую

свою вину. Он прервал: “Если бы я, – говорит, – чувствовал, что вы действительно виноваты перед ним, – я бы не подавал вам руки. Вы к Маяковскому относились лучше, чем многие его друзья. Что ж, что дрались. Мы все дрались”» (29 марта 1931 г.) [11, № 3, с. 143], с ощущением тяжелой утраты: «Да и вообще: знаем ли мы Маяковского? Признаюсь: я его только сейчас, после его смерти, и начал понимать» (15 апреля 1931 г.) [11, № 4, с. 129] и с горечью от незаслуженного забвения: «Это поразительно, как быстро забыли Маяковского. Года еще нет, – а он позабыт, как будто его и не существовало. Был он, нет его – не все ли равно» (12 марта 1931 г.) [11, № 2, с. 151].

Несмотря на то, что в записях отразилась авторефлексия В.П. Полонского над завершившейся в конце октября 1930 г. работой по подготовке к изданию брошюры о творчестве Маяковского [12], на наш взгляд, самые ценные из них – это воспоминания В.П. Полонского о встречах с В.В. Маяковским. «Маяковский ходил гигантскими шагами. Всегда очень быстро, точно отмахивая расстояния. “Версты улиц взмахами шагов мну”. Ему трудно было ходить по тротуару: люди сторонились и смотрели на него боязливо. Он часто поэтому шагал по мостовой. Обдумывая что-то, бормоча строки, с папирской, висящей в углу рта, – он шел, как трактор. Его голова. Он на целую голову был выше толпы. Перед ним сторонились, давали дорогу, отступали в сторону. Он шагал, ничего не замечая» (18 марта 1931 г.) [11, № 3, с. 140]; «Про Маяковского нельзя было сказать, что он был крупен. Он был огромен. Все пропорции в нем были преувеличены. Его плечи были шире, чем это надле-

* Статья написана по материалам исследований, выполняемых при финансовой поддержке РФФИ (ОГиОН). Проект 17-04-00132а «Новые материалы к биографии В.В. Маяковского: историко-литературный и общественно-политический контексты».

жало по его росту. Его руки были длинны и узловаты, казались необычайными. Черты лица его были крупны, широкий мятый рот, широкие скулы, широкий нос – от этого голова его на плечах казалась головой Голиафа. Все в нем превышало меру, выходило из ряда, переступало границы, как его голос, его жесты, движения» (14 апреля 1931 г.) [11, № 4, с. 126]; «Читал он изумительно. Первый раз я слушал его при первом же знакомстве. У него темнели глаза, и все движения его делались ритмическими. Влияние его голоса, его манеры было несравненно. Голос могучий, мягкий, густой и зычный, гулкий – при отчетливой дикции производил неотразимое впечатление» (14 апреля 1931 г.) [11, № 4, с. 127]. Эти записи помогают сформировать личностный портрет поэта, так объемно и рельефно переданный не просто его современником, но прежде всего – непримиримым оппонентом.

В записях 1931 г. содержится также ряд сведений об известных событиях литературной жизни, в которых участвовал и В.В. Маяковский. Это диспут 1926 г. «Наши иллюстрированные журналы» в Доме печати, диспут 1927 г. «Упадочное настроение среди молодежи («есенинщина»)» в Коммунистической академии и диспут «Леф или блеф» в Политехническом музее, записи об «Окнах РОСТА», о сотрудничестве В.В. Маяковского с журналами «Новый мир» и «Красная новь», о его взаимоотношениях с ГИЗом и Торгсектором ГИЗа. Ряд упомянутых в дневнике событий, связанных с Маяковским: воспоминание о вечере в Доме печати, на котором была исполнена частушка о Маяковском («Эх сыпь, эх жарь, Маяковский бездарь»), об инциденте между Маяковским и Натаном Венгровым в журнале «Летопись», о заступничестве за Есенина в журнале «Новый мир», о выступлении на вечере в Большом театре с докладом об искусстве и др. – требуют уточнения. Поскольку дневниковые записи носят ретроспективный характер, это сказывается на фактографической неточности дат и деталях упомянутых событий.

К творчеству В.В. Маяковского В.П. Полонский впервые обратился в небольшой обзорной статье «Литература в 1917 году», появившейся в издаваемой под патронажем А.М. Горького газете «Новая жизнь». В статье отмечалось, что Маяковский «в противовес своим соратникам оказался обладателем выдающегося поэтического дарования» и «недавно выпущенная в свет “Война и мир” покажет, вероятно, и многим хулителям Маяковского, что в его лице мы имеем крупного поэта» [9, с. 4].

С этого периода любое значимое событие, связанное с творческой деятельностью Маяковского, не оставалось без внимания Полонского. И здесь следует учитывать, что В.П. Полонский был активным участником литературного процесса 1920-х – начала 1930-х гг. и редактором ведущих журналов: июль 1921 – март 1929 г. – организатор и редактор

журнала «Печать и революция», 1926–1932 гг. – редактор литературы, искусства и языка «Большой советской энциклопедии», 1926–1931 гг. – редактор журнала «Новый мир» и член редколлегии журнала «Красная Нива». Так, например, в 1922 г. в майском номере журнала «Печать и революция» он опубликовал свою работу, посвященную русскому революционному плакату, в которой внимание было уделено и Маяковскому. Статья эта послужила поводом для полемики между Маяковским и Полонским «о месте и роли плакатов “Окон РОСТА” вообще и, в частности, работы и плакатов самого Маяковского в общей панораме советского революционного плаката эпохи Гражданской войны» [3, с. 366].

Откликнулся Полонский и на бурное обсуждение выхода в 1923 г. журнала «Леф». Проанализировав два номера журнала и указав на недостатки, Полонский в целом дал положительный отзыв: «Но каковы бы ни были неверные шаги нового нашего собрата на литературном фронте – мы приветствуем его появление. Плеяда “Лефа” заключает в себе несколько крупных поэтов, искренно одушевленных идеями пролетарской революции, которые могут похвастать рядом талантливых произведений, с блеском отразивших отдельные моменты нашей исключительной эпохи. Поэты “Лефа” имеют немалые заслуги в прошлом, в деле Борьбы с буржуазным эстетизмом. <...> Этому течению не менее, чем другим, свойственно совершать ошибки, делать ложные шаги, издавать фальшивые звуки. Все это можно исправить дружеским советом, критикой, вовлечением в сферу тесного коммунистического влияния, но не с помощью отсечения головы, каковой способ, кажется, т. Соновский считает наилучшим» [14, с. 292].

Дальнейшее молчание со стороны Полонского было прервано в начале 1927 г. после выхода первых номеров журнала «Новый Леф».

В 1927 г., прежде чем вновь вступить в полемику, у Полонского состоялся разговор с редактором газеты «Известия»: «Ив.Ив. Скворцов рассказывал мне, как Маяковский громил его за фельетон Ольшевца о ЛЕФе: “ЦК партии поручил мне это дело и одобряет, а вы ругаете”. Скворцов: “Я также – член ЦК, а не знаю, когда вам ЦК это поручил”. Маяковский ретировался. Груб, нахален, невыносим» (18 февраля 1927 г.) [11, № 1, с. 149]. В свете состоявшегося разговора между Полонским и Скворцовым-Степановым все последовавшие за этим события воспринимаются как организованная кампания против ЛЕФа и Маяковского.

В конце февраля 1927 г. в «Известиях» была опубликована разгромная для журнала «Новый Леф» статья Полонского «Заметки журналиста: Леф или блеф». Несмотря на попытки Маяковского обозначить позицию журнала по критике в газете «Известия» и прекратить дискуссию [15],

был организован диспут в Политехническом музее. В ряде центральных газет были опубликованы отчеты о диспуте, однако составить объективное представление о ходе дискуссии не представлялось возможным. В отчетах о диспуте в Политехническом сообщался состав участников: Маяковский, Асеев, Шкловский, Левидов (за ЛЕФ), Полонский, Бескин, Нусинов (против него) и Авербах, занявший в прениях позицию третейского судьи. В отчетах бегло было дано представление о выступлениях участников прений и подробно освещалась речь Полонского. Суть выступления Маяковского отражена не была, а сами отчеты сводились к нелицеприятным комментариям в его адрес: «Диспут начался докладом В. Маяковского. Это был лихой наскок на противника, который на этот раз олицетворялся Полонским... и отчасти Ольшевцом, также в свое время непочтительно отозвавшимся в “Известиях” о Лефе. Не стесняясь в выражениях и не затрудняя себя в выборе полемических приемов, Маяковский стремился доказать, что Полонский кругом не прав в своих напаках на Леф и что его отрицательное отношение к этой литературной группировке подсказано ему, Полонскому, чувством и соображением скупщика литературного материала» [6, с. 5]. К этому же заключению пришел и обозреватель «Вечерней Москвы», добавив, что «диспут о “Лефе” из всех возможных путей пошел по наихудшему, по пути персональной перебранки» [7, с. 3]. Примерно так же была воспроизведена речь Маяковского в отчете журнала «На литературном посту», опубликованном в апрельском номере этого же года [1]. Однако из стенограммы выступления Маяковского становится очевидным, что выдвинутые Полонским обвинения против ЛЕФа, в частности, в претензиях ЛЕФа на монополизм и гегемонию в советском искусстве и в притеснении молодых пролетарских поэтов, были им аргументированно отвергнуты.

Из этой стенограммы становится понятно, что в отчетах смысл сказанного Маяковским не только не доносился до читателей, но и искажался. Так, в отчете журнала «На литературном посту» появилось заявление от имени Маяковского о том, что «“Леф” в дальнейшем будет работать вместе с ВАППом под его идеологическим руководством» [1, с. 73]. На самом деле Маяковский заявил следующее: «Да, мы ругаемся с пролетарскими писателями, но против вас, товарищ Полонский, будем вместе с ВАППом» [2, с. 58], что полностью подтверждает опубликованное в журнале «Новый Леф» опровержение о том, что «слов о работе “под идеологическим руководством” он не произносил» [4, с. 29].

Вскоре в журнале «Печать и революция» Полонский опубликовал статью «Критические заметки: Блеф продолжается» [8]. Формально статья явилась ответом Полонского на обвинения, выдвинутые

против него Маяковским на диспуте в Политехническом и в «Протоколе о Полонском». Однако вместо конструктивных ответов в статье содержалось эмоциональное негодование Полонского в адрес ЛЕФа, переходящее в прямые оскорбления: «Но спешу успокоить слабонервного читателя. Явное безумие, нечто среднее между циркулярным психозом и бредом параноика. Но спешу успокоить слабонервного читателя: желтый дом нашему Дон-Кихоту не грозит – хотя нелюбовь к врачам и именно к психиатрам у него на лице. Маяковский здоровехонек и переживет многих “умных психиатров”, но он и в самом деле одержим манией величия, развившейся не на патологической почве, а на почве мещанско-богемского подражания жестам и ухваткам великих мира сего» [8, с. 151].

В РГАЛИ в фонде Полонского сохранились разрозненные листы авторизованной машинописи, представляющие собой отрывок развернутого ответа лефам на утверждение о том, что Полонский «не организатор литературы, а перекупщик» [15, с. 40]. Часть ответа вошла в статью «Критические заметки: Блеф продолжается» (глава V). За пределами публикации остались нюансы денежных взаимоотношений Маяковского с «Новым миром», история публикации отрывка из поэмы «Лейтенант Шмит» Б. Пастернака в журналах «Новый Леф» и «Новый мир». В этих набросках содержалась и оценка самого Маяковского: «Маяковский уловил методы нахрапа, беззастенчивого наскока, старые методы бульварного героя, богемца, которые продолжает культивировать в наши дни, когда на него во все глаза смотрит наше подрастающее поколение литературного молодняка. Эти богемские манеры не случайны и характеризуют не только личные выступления Маяковского. Если б дело ограничивалось только этим, можно было бы более снисходительно смотреть на них. Но в том-то и дело, что начинают проскальзывать нотки глубоко реакционные, сеют семена, которые дадут рано или поздно дурные плоды» [16, л. 21].

В период полемики с «Новым Лефом» Полонский готовил к публикации цикл очерков о русской литературе постреволюционного периода. Часть этой работы была опубликована в ноябрьском номере журнала «Печать и революция» (1927) под названием «Литературное движение октябрьского десятилетия», а в 1928 г. очерки вышли отдельным изданием [13].

В РГАЛИ, в фонде Полонского, сохранилась часть текста авторизованной машинописи, в которой отражена работа автора над подготовкой раздела о ЛЕФе для «Очерков литературного движения революционной эпохи» (1928). Для «Очерков...» было дописано вступление, в котором дается краткая справка о деятельности лефовцев до выхода первого номера журнала «Леф» (1923). А также им были сокращены большие фрагменты текста –

в основном о зарождении футуризма и возникновении ЛЕФа. Сокращена развернутая характеристика творчества Маяковского футуристического периода: «В пылу борьбы, в полемическом азарте я могу сказать, что барабан – единственный инструмент, на котором играет Маяковский. И это будет убедительно, но лишь на первый взгляд. Он и в самом деле, когда появляется на улице, на площади, буйный и шумный, широкий и грохочущий, как площадь, он шумит и грохочет, больше всего напоминает, действительно, этот инструмент. И в поэзии его барабан, действительно, занимает далеко не последнее место. Но ведь мы знаем очень хорошо, что бывают минуты, когда Маяковский заходит, откладывает барабан в сторону, уходит с площади в один из темных переулков своего творчества, и трудно бывает поверить, что вот этот самый барабанщик футуризма извлекает совершенно изумительные звуки из “Флейты-позвоночник”. Маяковский очень широк – он гораздо шире своего амплуа “барабанщика” – и эта его широта мешала иногда увидеть в нем виртуоза» [16, л. 3].

Раздел о ЛЕФе повторял ряд положений, опубликованных Полонским в статьях «Леф или блеф» и «Блеф продолжается». Однако раздел был организован по иному принципу. Он целиком строился на утверждениях о том, что ЛЕФ не смог справиться ни с одной из поставленных им задач: «задача насущная и положительная, которую объявил “Леф” в передовой статье первого номера своего журнала: “Собрать воедино левые силы” то есть мастеров, работающих во всех почти областях искусства, оказалась для него непосильной» [13, с. 138]; «попытка “Лефа” с помощью теории “социального” заказа засыпать пропасть между собой и пролетариатом не оказалась успешной» [13, с. 138]; «Попытки “Лефа” построить новую эстетику, устанавливающую правильный взгляд на искусство, также не удалась» [13, с. 139]; «Футуризм умер еще в 1918 г. вместе с рождением пролетарской революции. Он возродился под знаменем “Лефа”; в новых одеждах, но под новой “кожей” билось старое сердце буржуазного богемца. Перед “лефами” стояла задача это свое прошлое преодолеть, стряхнуть с себя дурное наследство своей “футур-старинны”. Она оказалась неразрешенной» [13, с. 141].

В процессе подготовки к изданию Полонским было сокращено окончание этого раздела, видимо потому, что оно противоречило основной его установке, а именно: доказательству несостоятельности ЛЕФа: «Есть ли будущее у этого направления? В этом нельзя сомневаться. Но это будущее, по-нашему, будет тем плодотворнее, чем меньше будут Лефы пытаться взять на себя тяжелое бремя руководства и возглавления развития литературы. С того момента, как Маяковский и Асеев перестанут чувствовать себя вождями современной

литературы, ее учителями и пророками – с этого момента вновь подымется их влияние как мастеров. С того момента, как Леф перестанет быть единственным представителем и защитником “настоящего” революционного и даже пролетарского искусства, а сделается просто-напросто одним из отрядов современной нашей левой литературы, одним из отрядов на левом фронте искусств – с того момента с него упадут тысячи ненужных для него и раздражающих обязанностей. С этого момента поэты смогут вновь стать самими собой, то есть поэтами, которые перестанут писать плохие статьи, разрушающие в их почитателях уважение к ним как к поэтам. Тогда они смогут выбросить за борт неудачные попытки теории социальных заказов. И когда с них спадет вся эта шелуха теоретизирования, которая им не идет, потому что у них нет данных для этого, как только они отбросят свои маниакальные претензии и сделаются поэтами, тогда их влияние вспыхнет с новой силой» [16, л. 18].

Как известно, битва вокруг «Нового Лефа» продолжалась весь 1928 г. Затем последовали события, которые привели В.В. Маяковского к выходу из группы. В 1929 году была предпринята попытка создания РЕФа («Революционного фронта»). К сожалению, архивных документов в личном фонде Полонского по этому периоду не сохранилось, хотя известно, что он продолжал участвовать, пусть не так активно, в дискуссиях о «Новом Лефе». Это отразилось в его заметках, опубликованных в журнале «Печать и революция».

Большая и развернутая статья Полонского о Маяковском появилась вскоре после смерти поэта в июньском номере журнала «Новый мир» [10]. В статье «Маяковский. Памяти поэта» анализируется его творчество 1913–1929 гг. В процессе работы над статьей Полонский, конечно же, ощущал внешнее давление в виде сложившихся в литературной критике 1920–1930-х гг. стереотипных взглядов на Маяковского и футуризм. Это становится особенно очевидным, если обратиться к исследованию текста авторизованной машинописи этой статьи, хранящейся в РГАЛИ [17].

Текст авторизованной машинописи отличается от опубликованного в журнале «Новый мир». Статья первоначально не имела подзаголовка – «памяти поэта». Статье был предпослан эпиграф из поэмы «Люблю» (1921–1922): «На мне ж / с ума сошла анатомия / Сплошное сердце / гудит повсеместно. / <...> Их груз нерастраченный – просто несносен. / Не сносен не так, / Для стиха, а буквально». В опубликованном варианте этот эпиграф заменен на двустихие из стихотворения «Я и Наполеон» (1915): «Мой крик на граните времени выбит / И будет греметь и гремит».

В окончательном печатном варианте в тексте появляются новые уточнения и пояснения, призванные направить читателя в “правильное” русло.

Так, для «Нового мира» в девятой подглавке первой главы был дописан целый абзац, существенно скорректировавший оценку и восприятие Маяковского: «Это был лишь “криворотый мятеж”. Маяковский бунтовал против зажившего мещанского быта. Вот враг, которого ненавидел он кровью сердца, потому что видел близко, вплотную, ощущал его дыхание, испытывал его косную тяжесть. Чувствовал его в самом себе. Маяковский родился и вырос именно в мещанской среде: большевистское подполье в его биографии было эпизодом. Много лет спустя, в зените революционной славы, в поэме “Про это”, как бы отколовшейся от массива дореволюционного его творчества, он снова ощущал мещанство как враждебную стихию» [10, с. 184–185]. Объективно подобные рамки принижают значимость Маяковского и его творчества.

И наоборот, из текста статьи в печатном варианте исчезает ряд слов и предложений. Так, например, в первой подглавке второй главы авторизованной машинописи «Обсмеянный, битый поэт глубочайше верил в свое призвание вождя. Он наяву мог стать им. Для этого не приходилось менять ни ораторской установки, ни формы обращений, столь свойственных его манере, ни даже синтаксиса. Маяковский включался в революцию как поэтический вождь. Он пишет приказы по армии искусств, марши и гимны, зовет, увлекает, командует» [17, л. 25]. В печатном варианте исчезает фраза «Маяковский включался в революцию как поэтический вождь» [10, с. 189]. Во второй подглавке второй главы авторизованной машинописи из фразы «начиная с первых оглушительных побед, когда футуризм получил власть громить ненавистную Академию, вплоть до распада Лефа футуризм терпел одно поражение за другим» [17, л. 28] в журнальной публикации исчезает слово «оглушительных» [10, с. 191]. Ниже из авторизованной машинописи «Но такой вывод революции не был убедительным. Пути футуризма и революции расходились. Футуризм отказывался от классического наследства. Революция, напротив, этим наследством хотела овладеть» [17, л. 28] выбрасывается фраза «Пути футуризма и революции расходились» [10, с. 191].

В РГАЛИ сохранилась книжная верстка без помет, предназначенная для публикации этой статьи в отдельном издании [12]. В верстку уже была внесена незначительная правка, которая отличала статью 1930 г. от ее переиздания в 1931 г. В фразе «Перед нами – поэт другого мира, иных образов, чужих страстей» [10, с. 174] слово «чужих» было заменено на нейтральное «других», а в фразе «Любовь – постоянная лирическая тема поэзии. У Маяковского она оказалась проклятием» [10, с. 189]

предлог «у» был заменен на предлог «для», что придавало многозначность ее интерпретаций.

Изучение выявленных архивных материалов о работе Полонского над литературно-критическими статьями о Маяковском и «Новом Лефе», в контексте литературных дискуссий и дневниковых записей, помогают расширить представление о процессе формирования оценки личности и творчества Маяковского в литературной и общественной жизни конца 1920-х – начала 1930-х гг.

Библиографический список

1. Б.п. Диспут в Политехническом. «Леф или Блеф?» // На литературном посту. – 1927. – № 7. – С. 72–73.
2. Выступления на диспуте «Леф или блеф?» 23 марта 1927 г. / публ. А.В. Февральского // Литературное наследство. Т. 65: Новое о Маяковском. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 47–70.
3. Дядичев В.Н. «Окна РОСТА» Маяковского в критике и свидетельствах современников // Творчество В.В. Маяковского. Вып. 3: Текст и биография. Слово и изображение. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – С. 360–379.
4. Записная книжка Лефа. Надо исправить // Новый Леф. – 1927. – № 4. – С. 29.
5. Маяковский В.В. Я сам // Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Правда, 1968.
6. Н. Леф или блеф // Известия. – 1927. – 25 марта.
7. ОРТ «Леф» или «Блеф»? Диспут в Политехническом // Вечерняя Москва. – 1927. – 24 марта.
8. Полонский В.П. Критические заметки: Блеф продолжается // Новый мир. – 1928. – № 5. – С. 147–166.
9. Полонский В.П. Литература в 1917 году // Новая жизнь. – Пг., 1917. – № 214.
10. Полонский В.П. Маяковский. Памяти поэта // Новый мир. – 1930. – № 6. – С. 173–198.
11. Полонский В.П. «Моя борьба на литературном фронте». Дневник. Май 1920 – янв. 1932 // Новый мир. – 2008. – № 1–4.
12. Полонский В.П. О Маяковском. – М.; Л.: ГИХЛ, 1931. – 68 с.
13. Полонский В.П. Очерки литературного движения революционной эпохи (1917–1927). – М.; Л.: ГИЗ, 1928. – 334 с.
14. Полонский В.П. [Рецензия на журнал «Леф». 1923. № 1–2] // Печать и революция. – 1923. – № 4. – С. 291–292.
15. Протокол о Полонском // Новый Леф. – 1927. – № 3. – С. 39–46.
16. РГАЛИ. – Ф. 1328. – Оп. 3. – Ед. хр. 58. – 28 л.
17. РГАЛИ. – Ф. 1328. – Оп. 3. – Ед. хр. 71. – 94 л.

«ЭКФРАСТИЧЕСКИЙ СЛЕД» В ПОВЕСТИ Б. ПАСТЕРНАКА «ДЕТСТВО ЛЮВЕРС»

В статье на примере подробного анализа нескольких эпизодов рассматриваются особенности построения образов в повести Бориса Пастернака «Детство Люверс». Предметы в повести предстают как нечто постоянно изменяющееся, их границы становятся зыбкими. Мы показываем, что в некоторых эпизодах произведения прослеживаются живописные аллюзии, хотя экфрастические описания конкретных художественных полотен отсутствуют. Это позволяет говорить об «экфрастическом следе»: образы и предметы в повести как будто складываются в подобие описания картины. Картины, предстающие перед взором героини, тем не менее не остаются статичными. Они наделены внутренней динамикой, которая проявляется и непосредственно в движении предметов, и в постоянном сдвиге их восприятия, и во взаимодействии цвета, света и тени в описаниях.

Ключевые слова: экфрасис, экфрастический след, живописный код, динамика, статика, Б. Пастернак.

Повесть Бориса Пастернака «Детство Люверс» впервые была опубликована в альманахе «Наши дни» в 1922 году. Повесть традиционно рассматривается через призму сознания героини – девочки, постепенно переходящей из состояния младенчества и детства к взрослению. Такой подход продиктован спецификой самого произведения Бориса Пастернака, его сюжетом, образами. В 1924 году в статье «Литературное сегодня» Ю.Н. Тынянов писал: «Если на мир смотреть в микроскоп, – это будет особый мир. Таково “Детство Люверс” Пастернака. Все дано под микроскопом переходного возраста, искажающим, истончающим вещи, разбивающим их на тысячи абстрактных осколков, делающих вещи живыми абстракциями» [10, с. 150–166].

Пространство повести заполнено предметами, которые становятся как бы «отдельными частями» мира, в котором существует Женя Люверс. Но этот мир не рассыпается, вещи не существуют отдельно друг от друга, они оказываются соединенными связями, часто почти неуловимыми, существующими лишь как ассоциации, но создающими впечатление взаимопроникновения образов. Но также все эти вещи обозначают границы, на которые «наталкивается» сознание девочки, а поскольку сама героиня преобразуется, границы и предметы, их представляющие, тоже становятся зыбкими. Они то разрастаются, заполняя весь мир, то уходят на задний план; то наделяются способностью к движению, то застывают в неестественной для них неподвижности. Нашей целью является рассмотрение особенностей построения образов в повести «Детство Люверс», которые создают особое пространство: в нем организуются то расплывающиеся, становящиеся «живыми абстракциями», то максимально выдвигающиеся из небытия предметы.

В связи с этим нам хотелось соотнести обозначенные особенности структуры произведения с проблемой экфрасиса. Термин «экфрасис», как неоднократно отмечали исследователи, необычайно размыт [6, с. 29], чаще всего под ним понимают словесное описание живописного или скульп-

птурного произведения, появляющееся в тексте. В этом смысле в повести Пастернака экфразы нет, отсутствуют упоминания как реально существующих, так и вымышленных произведений живописи. Но в некоторых произведениях писателя исследователи отмечали присутствие ассоциаций с изобразительным искусством¹. Так, например, Вяч.Вс. Иванов проводит параллель между описанием инфанты в финале стихотворения Б. Пастернака «Бабочка-буря» и портретами Веласкеса. Исследователь видит также отражение раннего кубизма в строках «...как образ входит в образ / И как предмет сечет предмет» («Волны») [5, с. 336–339]. Б.М. Гаспаров также подчеркивает, что в текстах Пастернака (в частности, стихотворении «Зеркало») создается картина предметного мира, которая смотрится как кубистический коллаж [3, с. 196]. В.С. Баевский же приводит подробное описание образов «гипса», «слепков» и «маски» и их соотношение с произведениями живописи и графики [2, с. 509–514]. Другие литературоведы говорили об экфрастичности стихотворения «Ожившая фреска» [4, с. 43–56] и о «приемах визуализации» в «Воздушных путях», более характерных для живописи и кинематографа [7, с. 46–53]. Кроме того, мы ранее рассматривали некоторые живописные подтексты, появляющиеся в цикле «Пять повестей» в книге стихов «Темы и вариации» [1, с. 40–41, 54].

Мы попытаемся показать, что в «Детстве Люверс» тоже можно выделить некий намек на живописные полотна, «экфрастический след»², и в первую очередь нас интересует описание того, как возникает этот след³. Поэтому мы рассмотрим образы и предметы в повести, как будто складывающиеся в подобие описания картины, через призму особенностей языка ранних произведений Бориса Пастернака.

Само повествование в прозаических текстах поэта строится таким образом, что все его составляющие наделяются особой внутренней динамикой, благодаря которой образы теряют свои очертания, преобразуются, получают дополнительные, не всегда поддающиеся расшифровке смыслы. Так,

в первых же строках повести детские игрушки как будто превращаются в воспоминания, тонущие в медвежьих шкурах, а одна из этих шкур, с которой в наибольшей степени связаны детские впечатления Жени Люверс, обращается огромным «пушистым» цветком («Белая медведица в ее детской была похожа на огромную, осыпавшуюся хризантемой»). Происходит наслоение друг на друга образов медвежьей шкуры и цветка, которые сами по себе разворачиваются в систему сложных пересекающихся ассоциаций: Е. Фарыно соотносит образ «Белой медведицы» с зодиакальной «Большой Медведицей», «куклами»-куколками («через лингвистическое сходство названия личинок *chrysalide* и хизантемы *chrysanthemon* от *chrysos* – «золото» и *anthemon* – «цветок»), с китайско-японским символом солнца и, через определение «осыпавшаяся», с «концом лета», то есть с «августом», «Преображением» и, в связи с биографическим контекстом⁴, с «хромым незнакомцем» [11, с. 6–7].

К перечисленным толкованиям сравнения шкуры медведицы с «осыпавшейся хризантемой», предложенным Е. Фарыно, хотелось бы добавить, что в нем можно проследить еще и метафорически переосмысленное описание самой шерсти: в характеристике «осыпавшаяся» проступает ощущение тяжести, под которым склоняется головка цветка, как будто именно поэтому лепестки осыпаются на пол и превращаются в «белую медведицу». Но и эта «тяжесть» превращается в «пушистость» шерсти, придает ее образу необычайную легкость и «воздушность», ведь лепестки цветка воспринимаются уже как нечто такое, что может быть унесено в любой момент порывом ветра. Здесь легкость начинает ассоциироваться с «мгновенностью», постоянным ускользанием, что соотносит медвежью шкуру с теми воспоминаниями⁵, которые в ней «тонут» («Как когда-то ее кораблики и куклы, так впоследствии ее воспоминания тонули в мохнатых медвежьих шкурах, которых много было в доме»). Шкуры становятся своеобразным воплощением ускользающей памяти, но и они сами – забвение, Лета, в которой «тонут» воспоминания – границы между памятью и забвением снимаются, максимально размываются. А медвежьи шкуры наделяются такими качествами, как безграничная глубина и заполнение собой всего мира, поглощение всего вокруг. В повести весь мир как будто тонет в этих шкурах, появляющихся в первых же предложениях произведения. Но здесь же появляется уточнение «так впоследствии ее воспоминания», из которого, как нам кажется, следует, что все описанные в повести события в дальнейшем превращаются в воспоминания, «тонущие в медвежьих шкурах». То есть весь мир «Детства Люверс» погружается в забвение, в Лету.

Мы попытаемся показать, что экфрастический след – один из возможных вариантов разворачи-

вая смысла образов, возникающих в повести «Детство Люверс». Заметим, что рассмотренный выше образ белой медведицы, сопоставленный с осыпавшимся цветком, тоже несет в себе живописные черты, превращает описание комнаты в своеобразный натюрморт, в котором соединяются и медвежьи шкуры, и осыпавшаяся хризантема, и кораблики, и куклы. Мы подробнее остановимся на двух эпизодах повести, которые занимают важное место в «Детстве Люверс», поскольку они становятся переломными моментами в жизни героини и в ее преображении. В них, на наш взгляд, наиболее ярко проявляются черты, соотносимые с намеком на живописное искусство.

Первым из этих эпизодов является описание момента ночного пробуждения Жени, когда происходит выход девочки из младенчества, состояния, о котором еще невозможно говорить, поскольку все впечатления и мысли Жени «тонут в медвежьих шкурах», то есть они неуловимы и непознаваемы. Этот эпизод часто рассматривают через призму темы имени, поскольку девочке сообщают название того неизведанного, что она увидела ночью, и одного имени «Мотовилиха» оказывается достаточно, то есть познание становится возможным через наименование⁶. Мы проанализируем особенности описания непонятного, пугающего, открывшегося перед взором девочки. Приведем текст интересующего нас отрывка:

«Женю в те годы спать укладывали рано. Она не могла видеть огней Мотовилихи. Но однажды ангорская кошка, чем-то испуганная, резко шевельнулась во сне и разбудила Женю. Тогда она увидела взрослых на балконе. Нависавшая над брусьями ольха была густа и переливчата, как чернила. Чай в стаканах был красен. Манжеты и карты – желты, сукно – зелено. Это было похоже на бред, но у этого бреда было название, известное и Жене: шла игра.

Зато нипочем нельзя было определить того, что творилось на том берегу, далеко-далеко: у того не было названия и не было отчетливого цвета и точных очертаний; и волнующееся, оно было милым и родным и не было бредом, как то, что бормотало и ворочалось в клубах табачного дыма, бросая свежие, ветренные тени на рыжие бревна галереи. Женя расплакалась...»

Этот эпизод во многом пересекается с описанием детских впечатлений самого Бориса Пастернака, приведенных им в биографическом очерке «Люди и положения»:

«Записанную Родионовым ночь я прекрасно помню. Посреди нее я проснулся от сладкой, щемящей муки, в такой мере ранее не испытанной. Я закричал и заплакал от тоски и страха. Но музыка заглушала мои слезы, и только когда разбудившую меня часть трио доиграли до конца, меня услышали. Занавеска, за которой я лежал и которая разделяла комнату надвое, раздвинулась. Показа-

лась мать, склонилась надо мной и быстро меня успокоила. Наверное, меня вынесли гостям, или, может быть, сквозь раму оконной двери я увидел гостиную. Она полна была табачного дыма. Мигали ресницами свечи, точно он ел им глаза. Они ярко освещали красное лакированное дерево скрипки и виолончели. Чернел рояль. Чернели сюртуки мужчин. Дамы до плеч высывались из платьев, как именинные цветы из цветочных корзин...»

Первое, что объединяет приведенные отрывки, – это сюжетное сходство: и в том и в другом случае описано пробуждение ребенка ночью, за которым следует столкновение с чем-то ранее неизвестным: с «Мотовилихой» в «Детстве Люверс» и с искусством в «Людах и положениях». Но при различии деталей описания, есть сходство в том, как оно строится в каждом случае.

И в воспоминаниях Бориса Пастернака, и в повести «Детство Люверс» можно говорить о живописности текста: оба они насыщены цветом и в них присутствует мотив мгновенности открывающейся перед взором ребенка картины. В этой сиюминутности, внезапности есть соотношение с воспоминаниями, о которых мы уже говорили выше, и присутствие в «теперь», одномоментность. Это сразу же сближает приведенные тексты с изобразительным искусством: «Картина выводит изображенное на ней за пределы времени и предлагает его взору зрителя (субъекту) в момент «теперь» [15, с. 59–60]. Оба события даны как то, что вспоминается, восстанавливается в памяти через какое-то время, причем это задано уже в самом начале: «Женю в те годы спать укладывали рано»; «Записанную Родионовым ночь я прекрасно помню», – но то, что видит Женя, и то, что видит маленький Боря, как будто разворачивается, рисуется прямо сейчас.

Цветовая палитра приведенных отрывков различна. В «Детстве Люверс» отчетливость и яркость цветов того, что происходит на балконе («Чай в стаканах был красен. Манжеты и карты – желты, сукно – зелено»), противопоставляется тому, что видит девочка за рекой, – оно не имеет ни очертаний, ни цвета. В «Людах и положениях» также есть несколько цветовых пятен («красное лакированное дерево скрипки и виолончели», чернеющий рояль и черные сюртуки), но они как будто проступают сквозь дым, о котором говорится раньше, то есть становятся размытыми, нечеткими.

В повести также интересно то, что спросонья Женя Люверс видит взрослых на балконе как будто застывшими. То, что девочка смотрит на взрослых через оконную раму, тоже намекает на то, что перед нами предстает описание картины, очерченной от всего остального мира рамкой. А ольха, нависающая над брусьями, превращается в своеобразный занавес, который на мгновение приоткрывается, и это позволяет увидеть и игру, и Мотовилиху⁷. Ощущение статичности создается с помощью

того, как именно описывается картина: «Нависавшая над брусьями ольха была густа и переливчатая, как чернила. Чай в стаканах был красен. Манжеты и карты – желты, сукно – зелено». В тексте появляется параллелизм предложений, который усиливается тем, что все цвета выражены яркими и эмоциональными краткими прилагательными: «чай – красен», «манжеты и карты – желты», «сукно – зелено». В тексте задается ритм, прозаическое описание «превращается» в стихи. Отметим, что подобный прием, хотя и в меньшей степени выраженный, есть также в приведенном выше отрывке из воспоминаний Бориса Пастернака, только в качестве повторяющегося слова со значением цвета выступает глагол «чернеть»: «Чернел рояль. Чернели сюртуки мужчин». Ритмичность прозы как будто замедляет восприятие этого фрагмента, заставляя все предметы и образы замереть, застыть.

Но и статичность «картины» неполная: переливается, как будто меняет свой цвет ольха, мерцает, движется то неизведанное, которое будет названо Мотовилихой, и происходящее на балконе, как только взгляд переходит с него на находящееся за рекой тоже как будто «оживает»: начинает «бормотать» и «ворочаться», появляется табачный дым, размывающий границы, появляются движущиеся тени («...у того не было названия и не было отчетливого цвета и точных очертаний; и волнуемое, оно было милым и родным и не было бредом, как то, что бормотало и ворочалось в клубах табачного дыма, бросая свежие, ветреные тени на рыжие бревна галереи»). Сама статичность, о которой мы писали выше, не абсолютная; внутри замершей, застывшей картины как бы прячется возможность движения. Например, в сравнении ольхи с чернилами «выдвигается» признак текучести, а значит и подвижности. Кроме того, «чернила» часто в поэтической речи становятся заменителем, знаком вдохновения и творчества (что придает этой жидкости значение подвижности особого, возвышенного порядка), а в художественном мире Бориса Пастернака «чернила» наделяются еще большей экспрессией (см., например: «Февраль. Достать чернил и плакать! / Писать о феврале навзрыд...»), даже стихийностью.

Движение и неподвижность в рассматриваемом отрывке постоянно сменяют друг друга. Как только читатель воспринимает одно из этих состояний, оно сразу же меняется на противоположное, как будто ускользает – в тексте происходит постоянный внутренний динамический сдвиг, картины и образы то оживают, то застывают, и этот процесс непрерывен.

Второй эпизод, на котором мы хотели бы остановиться, связан с важной для повести темой «другого», с фигурой Цветкова, героя, который практически не задействован в событиях повести. Он остается лишь объектом наблюдения, становится

лишь лицом пострадавшим: девочка случайно замечает «хромого из господ», случайно узнает его имя, постоянно видит его, но этот образ постороннего наделяется в сознании героини особой значимостью. Р. Якобсон отмечает, что «апогей активности этой героини, и придающий трагедии повествования фатальный характер, состоит в ментальном изменении окружающего: заметив кого-то “без нужды, без пользы, без смысла”, она мысленно ввела его в свое существование» [14, с. 324–338].

С образом Цветкова, по нашему мнению, тоже связан мотив оживающей картины, то есть картины динамичной: находясь в состоянии покоя в момент, когда она предстает перед читателем, наблюдаемое приходит в движение, оживает, но затем возвращается в первоначальное состояние. Мы подробнее остановимся на том моменте, когда Жене, еще не знающей о смерти Цветкова, является призрак⁸. Этот эпизод предшествует финалу повести и во многом перекликается с уже описанным нами моментом ночного пробуждения девочки в начале повести:

«Так прошла неделя, и к концу другой, в четверг, на рассвете она опять его увидела. Лизина постель была пуста. Просыпаясь, Женя слышала, как за ней брякнула калитка. Она встала и, не зажигая огня, подошла к окошку. Было еще совершенно темно. Но чувствовалось, что в небе, в ветках деревьев и в движениях собак та же тяжесть, что и накануне. Эта пасмурная погода стояла уже третьи сутки, и не было сил стащить ее с обрывавшей улицы, как чугуна с корявой половицы.

В окошке через дорогу горела лампа. Две яркие полосы, упав под лошадь, ложились на мохнатые бабки. Двигались тени по снегу, двигались рукава призрака, запахивавшего шубу, двигался свет в занавешенном окне. Лошадка же стояла неподвижно и дремала.

Тогда она увидела его. Она сразу узнала его по силуэту. Хромой поднял лампу и стал удаляться с ней. За ним двинулись, перекашиваясь и удлиняясь, обе яркие полосы, а за полосами и сани, которые быстро вспыхнули и еще быстрее метнулись во мрак, медленно заезжая за дом к крыльцу».

Пробуждение, вызванное внешним воздействием (шевелившейся кошкой в начале «Детства Люверс» и стуком калитки в конце), картина, открывающаяся перед взором девочки, световые пятна, которые создают эту картину, – все это объединяет два названных эпизода. Так же, как и в моменте перехода от младенчества к детству, в этом отрывке Женя смотрит в окно, и оконная рама ограничивает пространство, как будто создает рамку для картины. И эта картина тоже кажется статичной («Лошадка же стояла неподвижно и дремала»), но движение передается сначала теням и свету («Двигались тени по снегу, двигались ру-

кава призрака, запахивавшего шубу, двигался свет в занавешенном окне»), а затем фигуре Цветкова с лампой, за которым начинают двигаться и сани («Хромой поднял лампу и стал удаляться с ней. За ним двинулись, перекашиваясь и удлиняясь, обе яркие полосы, а за полосами и сани, которые быстро вспыхнули и еще быстрее метнулись во мрак, медленно заезжая за дом к крыльцу»). Причем динамизм нарастает – в описании появляются все более экспрессивно окрашенные слова: «двинулись, перекашиваясь и удлиняясь»; «быстро вспыхнули», «еще быстрее метнулись».

Заметим, что слово «призрак» в тексте появляется раньше, чем фигура хромого («двигались рукава призрака, запахивавшего шубу»), призраком назван человек, сидящий в санях, а не Цветков, и он становится лишь фигурой, возникшей в результате игры света и тени, как бы вписанной в картину. Но и сам Цветков только силуэт в освещенном окне, то есть тоже – «тень», и вся картина, которую рассматривает Женя, – только причудливое движение, перекрещивание и взаимопроникновение световых полос и теней, и в отличие от первого рассмотренного нами эпизода здесь отсутствуют яркие цветовые пятна, а общая палитра картины передана через «тяжесть», «пасмурность», «темноту». Все это опять напоминает об импрессионистских пейзажах. Нужно отметить еще одну живописную ассоциацию, на которую указал Е. Фарыно: «некие типологические совпадения» описания Цветкова с картиной английского художника-прерафаэлиты Уильяма Холмера Ханта «Светоч мира» (William Holmer Hunt «The Light of the World», 1851–1853) [11, с. 78].

Два рассмотренных эпизода повести «Детство Люверс», в которых изображены переломные для героини моменты перехода от младенчества к детству, а затем к взрослению, наполнены живописными аллюзиями, и то, что рассматривает Женя Люверс, описывается так, что все представляется своеобразной картиной, заключенной в символическую рамку. Все это позволяет говорить об «экфрастическом следе», который присутствует в повести, но эти подобию живописных полотен не становятся застывшими, они постоянно то замирают, то приходят в движение, а все объекты, которые в них включены, находятся в сложной взаимосвязи: границы между ними становятся зыбкими, сами предметы теряют свои очертания и наделяются внутренней динамикой – картины «оживают».

Примечания

¹ Здесь мы не учитываем прямые отсылки к живописи, встречающиеся в произведениях Бориса Пастернака, например, известный отрывок из «Доктора Живаго»: «Вдруг Юра подумал, что Блок это явление Рождества во всех областях русской жизни, в северном городском быту и в новей-

шей литературе, под звездным небом современной улицы и вокруг зажженной в гостиной нынешнего века. Он подумал, что никакой статьи о Блоке не надо, а просто надо написать русское поклонение волхвов, как у голландцев, с морозом, волками и темным еловым лесом». Или «Как жизнь, как жемчужную шутку Ватто, /Умеют обнять табакеркою» в стихотворении «Любимая, – жуть! Когда любит поэт...».

² Мы используем термин, предложенный Р. Ти-менчиком [9, с. 654].

³ Мы в некоторой степени следуем за замечанием О. Фрейденберг о том, что «экфраза описывает произведения пластического искусства с точки зрения того, что на нем изображено и как изображено. Описание этого “как” и составляет душу экфразы» [13, с. 320].

⁴ День Преображения и август в сознании Бориса Пастернака сопоставлялся с несчастным случаем – падением с лошади, в результате которого он получил увечье – хромоту, а также со способностью к творчеству [8, с. 67–68].

⁵ Мы исходим из того, что «мгновенность» – неотъемлемая черта воспоминания, поскольку человек вспоминает что-либо «вдруг», в неувольнимый момент «теперь», невозможно определить тот отрезок времени, в который появляется воспоминание.

⁶ См., например, позицию Л. Флейшмана: «Содержание “Детства Люверс” в принципе сведется к сопоставлению имени и называемого объекта, стержневая тема – взросление героини – окажется неоднаправленным движением между непониманием и пониманием, узнаванием и неузнаванием, называнием и неназыванием...» [12, с. 364–365]. Кроме того, исследователь говорит о том, что «корни пастернаковской «изобразительности» – не «показывание» вещи в живописи, а столкновение “показывания” с “называнием”» [12, с. 372]. То есть тема имени, тема узнавания также связаны с «экфрастическим следом» в произведениях Бориса Пастернака.

⁷ Вяч.Вс. Иванов вспоминает, что в одном из разговоров Борис Пастернак предложил зрительный образ, «объединяющий его собственную поэтику с современным научным мировосприятием»: «мы видим не сам мир и предметы, а только занавес, их закрывающий. Но занавес колышется, и искусство, как и наука, передают его колыхание» [5, с. 336].

⁸ Здесь происходит необычный временной «сбой», и нам кажется, что он является еще одной яркой иллюстрацией того, что Б.М. Гаспаров называет «контрапунктным течением времени»: «разные фабульные нити разворачиваются каждая в своем собственном режиме, так что их стечение в какой-либо точке повествования каждый раз обрачивается новой стороной, открывая новые возможности их соположения, высвечивающие в них

новые смыслы» [3, с. 155]. Женя Люверс и Цветков как будто движутся в разных временных потоках: Цветков уже погиб, а для девочки он существует и без сомнений узнается в силуэте, увиденном в окне, – но все же эти временные линии пересекаются, встречаются несколько раз на протяжении повести.

Библиографический список

1. *Абрамова К.В.* Композиционная структура книги Б.Л. Пастернака «Темы и вариации»: дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2013. – 219 с.
2. *Баевский В.С.* Пушкинско-пастернаковская культурная парадигма. – М.: Языки славянской культуры, 2011. – 736 с.
3. *Гаспаров Б.М.* Борис Пастернак: по ту сторону поэтики (Философия. Музыка. Быт). – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 272 с.
4. *Есаулов И.А.* Экфрасис в русской литературе нового времени: картина и икона // Проблемы исторической поэтики. – 2001. – Т. 6. – С. 43–56.
5. *Иванов Вяч.Вс.* Пастернак. Воспоминания. Исследования. Статьи. – М.: Азбуковник, 2015. – 696 с.
6. *Константины М.* Экфрасис: понятие литературного анализа или бессодержательный термин // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С. 29–34.
7. *Кушницук Н.П.* Визуализация как повествовательный принцип в прозе поэта Б. Пастернака («Воздушные пути», 1924) // Вестник Ленинградского университета им. А.С. Пушкина. – № 4. – Т. 1. – С. 46–53.
8. *Пастернак Е.Б.* Борис Пастернак: Материалы к биографии. – М.: Советский писатель, 1989. – 688 с.
9. *Ти-менчик Р.* Ангелы – люди – вещи: в ореоле стихов и друзей. – М.: Мосты культуры: Гешарим, 2016. – 832 с.
10. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 574 с.
11. *Фарыно Е.* Белая медведица, ольха, Мотовилиха и хромой из господ. Археопозитика «Детства Люверс» Бориса Пастернака. – Stockholm, 1993. – 84 с.
12. *Флейшман Л.* От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 784 с.
13. *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 896 с.
14. *Якобсон Р.О.* Заметки о прозе поэта Пастернака // Якобсон Р. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – С. 324–338.
15. *Ямпольский М.* Живописный гнозис. – М.: Ш.П. Бреус, 2015. – 144 с.

СИМВОЛИКА ДЕТСТВА КАК УНИВЕРСАЛЬНОЕ СРЕДСТВО ОЦЕНКИ МИРО- И ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА В ЛИРИКЕ Н.А. НЕКРАСОВА И С. ГАБИЕВА

В статье поднимается проблема способов и путей влияния некрасовских образов-символов детей на лирику дагестанского поэта и публициста С. Габиева.

Обращается внимание на предельную обобщённость и одновременно конкретную чувственность некрасовских образов, принципы построения которых творчески освоены С. Габиевым. Анализируются в основном стихотворения Некрасова «Плач детей» и С. Габиева «Подмастерье».

Выявляются разные типы интертекстуальных связей между обоими текстами. Выясняются конкретные художественные механизмы влияния некрасовских образов-символов на поэзию С. Габиева.

Ключевые слова: символы, детство, страдания, подмастерье, интертекстуальность, овеяние, аллюзии.

В литературоведческой науке уже привычными стали понятия «архетип», «литературный архетип», «символ», «мифологема», «концепт», «дискурс». Современная гуманитарная мысль отмечает неоднозначность, сложность точной характеристики этих понятий, тем не менее она достигла определённых успехов в интерпретации привычных литературных явлений.

Авторы чаще оперируют понятиями «символ», «литературный архетип», «миф», опора на которые позволяет по-новому осмысливать известные литературно-художественные тексты, в частности произведения, отражающие образы детей и символику детства.

Тема детства освещается в творчестве Лермонтова, Толстого, Достоевского, Бунина, Горького и других русских писателей и поэтов, но у Некрасова осмысление образа детства, детей происходит на другом уровне: Некрасов изображает детство не только как «золотую» наивную пору, но и как социальную и нравственную трагедию маленького человека, символизирующую неблагоприятность бытия.

В этом контексте представляется важным исследование проблемы воздействия некрасовской символики детей и детства на творчество дагестанского поэта, публициста и революционера С. Габиева.

О влиянии некрасовских образов на лирику С. Габиева писал известный учёный Р.Ф. Юсуфов. Этот вопрос освещался и в нашей статье «Идеи и образы гражданской лирики Некрасова в творчестве С. Габиева» [4].

Как человек чуткий к страданиям и проблемам людей, С. Габиев не мог остаться равнодушным к поэзии «печальника горя народного». Знакомство с лирикой Некрасова состоялось во время учёбы в Ставропольской гимназии через К. Хетагурова, а потом в Санкт-Петербургском университете (1905–1911 гг.).

Одно из самых социально и нравственно острых стихотворений С. Габиева – это «Подмастерье», в котором отражаются не только факты эмпирической действительности (судьба несчастных

мальчиков-подмастерьев), но и важные эстетические и этические проблемы.

Стихотворение С. Габиева навеяно некрасовскими образами (налицо аллюзии, скрытые реминисценции).

Интертекстуальные связи стихотворения С. Габиева «Подмастерье» и некрасовского стихотворения «Плач детей» выявляются на семантическом, лингвистическом, интонационном и философском уровнях. Эти художественные пресечения можно обозначить по следующим позициям:

а) в обоих стихотворениях труд выступает как нивелирующая и отчуждающая сила;

б) описание воображаемых родных мест (прежде всего образ матери и пейзаж) – последнее прибежище детей;

в) плач детей, не вызывающий сочувствия;

г) образы надсмотрщиков-хозяев (символ палачей);

д) персонификация вещей предметного мира, воспринимаемых как мифопоэтические символы.

Стихотворение Некрасова «Плач детей» является своеобразным поэтическим переложением произведения английской писательницы Элизабет Баррет Браунинг, но Некрасов создал совершенно новый текст, творчески переработав её стихотворение и внеся в него русское содержание (известно, что Некрасов наблюдал труд детей на фабриках Ярославской и Костромской губерний).

Некрасов признавался, что он очень дорожит стихотворением «Плач детей», что говорит о важности образов детей в эстетической системе русского поэта.

Ключевым образом в некрасовском стихотворении служит колесо, символизирующее безликую беспощадную силу нивелирования детского сознания:

Целый день на фабриках колёса
Мы вертим-вертим-вертим!

Колесо не слышит, не щадит:
Хоть умри – проклятое вертится.
Хоть умри – гудит-гудит-гудит [8, с. 83].

У С. Габиева отупляющая сила тяжёлого и однообразного труда передана в строках:

И снова прозябанье тупое,
Работа – целый день... [3, с. 148]

В детском сознании непрерывный цикл труда воспринимается как враждебная сила, и, естественно, в обоих текстах возникают образы «золотого детства», но дети лишены его, и образы возникают в воображении.

Некрасов:

Только нам гулять не довелось
По полям и нивам золотым... [8, с. 83]

По «ликующему пейзажу» скучает и герой С. Габиева, родная природа и мать для него – последнее прибежище от несчастной жизни в мастерской:

Заснув, я забываю мастерскую.
Сменяются стремительные сны.
Я вижу поле, реку в день весны.
Я в бедной сакле мать свою целую [3, с. 148].

Образ матери-заступницы (архетипический мотив) изображён и в стихотворении «Плач детей»:

Там, припав усталой головою
К груди бледной матери своей,
Зарыдав над ней и над собою,
Разорвём на части сердце ей [8, с. 84].

Интертекстуальный диалог с некрасовским стихотворением ведётся здесь на уровне аллюзий, где ключевым образом-символом выступает мать. С. Габиев не разрушает структуру предтекста, лишь вносит в него некоторые актуальные смыслы. Например, в стихотворении «Подмастерье» появляется новый смыслопорождающий элемент: побои под пьяную руку – здесь возможна отсылка к другому некрасовскому стихотворению «В дорожке», в котором ямщик говорит:

А слышь, бить – так почти не бивал,
Разве только под пьяную руку [7, с. 13].

Среди ключевых символов стихотворений Некрасова и С. Габиева – плач детей, отражающий крайнюю степень несправедливого миро- и жизнеустройства:

Некрасов:

Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей,
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей? [8, с. 83]

С. Габиев:

И, голосу не веря моему,
Я плачу, сам не знаю почему [3, с. 148].

В текстах С. Габиева и Некрасова вырисовывается и мотив тупика, то есть когда героям «некуда идти» (мотив Достоевского), дети из некрасовского стихотворения хотели бы очутиться на поле, в траве, дома – но нигде нет спасения, семантическая оппозиция габиевского стихотворения «мастерская – дом» существует в воображении подмастерья; на самом деле и габиевскому герою тоже «некуда идти» – они жертвы общественного миропорядка.

Монологичная структура стихотворений «Плач детей» и «Подмастерья» воспринимается как диалог, направленный во внешний мир.

Известный философ В.В. Бычков замечает: «Символизация понимается как диалогический процесс “творчества – восприятия – сотворчества”, в центре которого находится художественный символ, и сквозь него «просвечивает» глубинный смысл символизируемого (метафизической реальности), которое само обретает полную актуализацию только в художественном символе» [2, с. 81].

В некрасовском стихотворении «Плач детей» актуализирована древнейшая фольклорная функция плача: рассказ-жалоба на несправедливо устроенную жизнь.

Как социокультурная форма плач в текстах Некрасова и Габиева нацелен на реакцию внешнего мира и выражает определённые этические и жизненные представления.

Символом враждебной силы в произведениях Некрасова и С. Габиева выступают образы надсмотрщицы («Плач детей») и мастера («Подмастерье»).

Некрасов:

Красный нос безжалостной старухи,
Что за нами смотрит сквозь очки... [8, с. 83]

С. Габиев:

Мехи, клещи, кувалду чищу рьяно,
Не то сердиться будут мастера.

Под праздники от мастера побои
Он во хмелю был на руку горяч [3, с. 148].

Художественно-эстетическая функция образов «безжалостной старухи» и «мастера» однозначна: оба персонажа олицетворяют греховность и жестокость мира взрослых.

Нет сомнений, что между компонентами габиевского и некрасовского текстов существует имплицитная перекличка.

Образы стихотворений С. Габиева и Некрасова, несомненно, предметны, но они обладают большой глубиной и многозначностью. Недаром известный учёный С.С. Аверинцев замечал: «Предметный образ и глубинный смысл выступают в структуре символа как два полюса, немислимые один без другого (ибо смысл теряет вне образа свою явленность, а образ вне смысла рассыпается на свои компоненты), но и разведённые между собой и порождающие между собой напряжение, в котором и состоит сущность символа» [1, с. 155].

В качестве демонической силы, противостоящей образам детей, в текстах Некрасова и С. Габиева выступают вещи и предметы:

У Некрасова:

Стены, окна, двери, потолки, –
Всё и все [8, с. 83].

У С. Габиева:

Мехи, клещи, кувалда [3, с. 148].

Обыкновенные элементы интерьера в детском сознании воспринимаются как соучастники

преступления и символизируют безысходность и жизненный тупик: предметный ряд габиевского стихотворения (мехи, кувалды, клещи) персонифицируются, воспринимаются подмастерьем как ненавистные атрибуты зла.

Взаимодействие некрасовского и габиевского текстов происходит за счёт поэтико-синтаксических средств, внутреннего драматизма, эмоциональной и идейной направленности.

Любое жизненное явление Некрасов стремится оценить глазами детей (мотив, подхваченный потом Достоевским), поэтому, наверное, одно из своих самых исповедальных произведений Некрасов посвятил детям («Крестьянские дети»).

«Образ ребёнка в некрасовских текстах каждый раз символически обозначает точку отсчёта в нравственной системе координат», – замечает учёный Г.В. Мишина [6, с. 170].

В стихотворении «Крестьянские дети» акценты резко смещены по сравнению с «Плачем детей»: автор передаёт крестьянский естественный мир детства, сопрягая его с библейской символикой (стихотворение «Крестьянские дети» насыщено библейской лексикой и тропами («как в поле цветы», «святая доброта» и т. д.). О том, что проблема невинно страдающих детей у Некрасова освещена символическим библейским светом и что Некрасов наделяет своих персонажей детской чистотой, писал известный литературовед Ю.В. Лебедев. Так, оценивая образ дедушки из поэмы Некрасова «Дедушка», Ю.В. Лебедев замечает: «Детскость и мудрая простота героя тоже восходят к евангельским заповедям» [5, с. 38].

В некрасовских и габиевских образах детей присутствуют мотивы жертвы и сиротства, и ответственность падает на взрослых.

О чрезвычайной актуальности проблемы обездоленного детства, поднятой Некрасовым, говорит и дальнейшая судьба этого мотива в русской литературе. Ни один русский классик не обошёл тему детства своим вниманием. В частности, продолжение некрасовских традиций изображения детей мы наблюдаем и в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка (рассказы «Кормилец», «В ученье», «Вертел» и т. д.). Рассказ «В ученье» строится по некрасовской художественной модели: мальчик-подросток попал в бесчеловечные условия – подвальную сырую мастерскую – и мысленно переносится в прежний мир, видит церковь, речку, поля. Как у Габиева и Некрасова, «поле» воспринимается как символ воли и естественной чистоты жизни.

Некрасовский образ колеса, символизирующий полное отчуждение от результатов человеческого

труда, изображается и в другом рассказе Мамина-Сибиряка «Вертел».

И в стихотворении Некрасова «Плач детей», и С. Габиева «Подмастерье» вещи, отделившись от сознания ребёнка (колесо, мехи, клещи, кувалда), переходят в разряд самостоятельных персонажей, противостоящих человеку, более того, господствующих над ним, то есть происходит процесс полного овеществления.

Проблема тяжкой доли подмастерьев стала предметом изображения не только у С. Габиева, но и других дагестанских поэтов и писателей (А. Гафуров, Г. Саидов и др.), но С. Габиев сумел создать, опираясь на некрасовские традиции, духовную целостность, сконструировать образы, восходящие в основе своей к художественным символам.

Таким образом, некрасовские традиции символизации способствовали созданию образов детей в творчестве С. Габиева. Интертекстуальные связи габиевского стихотворения «Подмастерье» и некрасовского «Плач детей» обнаруживаются не только на поэтико-синтаксическом и структурно-композиционном, но и на концептуальном уровне.

В стихотворении С. Габиева «Подмастерье» актуализируется как конкретно-чувственное выражение образов Некрасова, так и художественная символика образов детей в произведениях русского поэта.

Библиографический список

1. *Аверинцев С.С.* София-Логос: Словарь. – Киев, 2001. – 185 с.
2. *Бычков В.В.* Символизация в искусстве как эстетический принцип // Вопросы философии. – 2012. – № 3. – С. 81–91.
3. *Габиев С.* Стихи // Поэзия Дагестана. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1971. – 364 с.
4. *Гасанов И.А.* Идеи и образы гражданской лирики Некрасова в творчестве С. Габиева // Вестник социально-педагогического института им. С. Стальского. – Дербент, 2011. – Вып. 1. – С. 34–38.
5. *Лебедев Ю.В.* «Наш любимый, страстный к страданию поэт» // Литература в школе. – 1996. – № 5. – С. 34–44.
6. *Мишина Г.В.* Образотворческая триада детство – природа – Храм в произведениях Н.А. Некрасова: дис. ... канд. филол. наук. – Стерлитамак, 2007. – 195 с.
7. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Т. 1. – Л.: Наука, 1981. – 720 с.
8. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Т. 2. – Л.: Наука, 1981. – 447 с.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК И СОЛОВКИ В ЖИЗНИ СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО И ПИСАТЕЛЯ МИХАИЛА ПРИШВИНА

В статье проводится сопоставление двух эпизодов из жизни священника Павла Флоренского и писателя Михаила Пришвина. Рассказывается, по каким причинам они оказались сначала на Дальнем Востоке, а потом на Соловках. В этих местах советской властью были организованы концентрационные лагеря, куда отправляли ни в чем не повинных людей с целью получения бесплатной рабочей силы. Одним из таких людей стал священник Павел Флоренский, который был осужден и отправлен в лагерь сначала на Дальний Восток, а потом – на Соловки. Рассказывается, что по его письмам можно воспроизвести то, как он воспринимал окружающую его природу, чем занимался. Параллельно реконструируется путешествие Пришвина почти в то же время сначала на Дальний Восток по заданию редакции газеты «Известия», а затем – на Соловки по собственному желанию. Из этих поездок Пришвин привозит материал для своих книг «Жень-шень», «Золотой луг», «Отцы и дети», «Колобок». Дается краткая история этих книг. Выясняется, что Пришвин не замечает страданий заключенных в лагеря людей, чей труд эксплуатировался самым жестоким образом, принимая большевистскую идею «перековки» прежних (неправильных) людей в новых, советских (правильных).

Ключевые слова: биография, советская власть, концлагерь, творчество, письма, дневник, мировосприятие, путешествие, заключение.

Между прочим, почитайте М. Пришвина.
 Священник П.А. Флоренский

Слова о Павла, приведенные в качестве эпиграфа, взяты мной из его письма к жене от 11–12 декабря 1936 года, когда он томился в Соловецком лагере. Приведу фрагмент целиком: «Между прочим, почитайте М. Пришвина “Север” (собр. соч., т. 1). Написано скучновато, а местами в неверном освещении, но много подробностей, в частности о Соловках, которые могут быть вам интересны» [12, с. 562]. В этом томе собраны новые (советские) и старые (досоветские) тексты, подкорректированные автором в соответствии с советской идеологией. Так, прежнее название первой своей книги «В краю непуганых птиц. Очерки Выговского края» (1907) Пришвин изменяет: «В краю непуганых птиц (Онего-Беломорский край)». Из названия уходит старообрядческая тематика, связанная с Выговским краем и потерявшая всякую актуальность в советское время, а ей на смену приходят актуальные лагерные сюжеты. Онего-Беломорский край, конечно же, вызывает ассоциацию с Беломорско-Балтийским каналом (кстати, в дневниковой записи от 14 ноября 1933 года читаем: «Закончена книга “В краю н. п. (Беломорский канал)”» [8, с. 315]), а далее эта ассоциация будет реализована в текстах раздела «Отцы и дети», все десять главок которой написаны под впечатлением от поездки на Беломорско-Балтийский канал. Прежнее название «За волшебным колобком. Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии» (1908) сокращается до «Колобка», первой частью которого становится вновь написанный текст «Солнечные ночи», а вторую часть – «К варягам» – составляют тексты из до-революционной книги. Замечу, сам Пришвин прекрасно понимает, что идет на сделки с совестью,

что попытка следовать утверждению «приспособляться, оставаясь самим собой», неумолимо разламывает его «я». Он признается: «Страшно увидеть себя в зеркале страшного времени» [8, с. 467].

Приведенные слова Флоренского о Пришвине – это первое и последнее упоминание о нем в опубликованных текстах отца Павла. Нет никаких свидетельств и об их личном общении [11, с. 162], хотя в 1926 году Пришвин купил для своей семьи дом в Сергиевом Посаде (в советское время – Загорск) и подолгу здесь жил, о чем свидетельствуют его дневниковые записи. Тем не менее их пути мистическим образом пересекутся.

В июле – ноябре 1931 года по заданию редакции газеты «Известия» Пришвин совершает поездку на Дальний Восток. Напомню, что после «Правды» эта газета – второй официальный рупор большевиков, потому всех подряд там не печатали, только идеологически правильных. А здесь еще и по заданию редакции командировка – маленькая, но о многом говорящая подробность из жизни «певца природы», который даст в написанной по итогам путешествия книге «живое литературное доказательство, что... созидание даже в советских условиях возможно, что даже живя в пещере, можно приносить радость людям» [1, с. 330]. По заданию газеты, в командировке, может быть, и можно «приносить радость людям», а в заключении? Но этот вопрос, как и ответ на него, явно не входил в задание от газеты и задачи самого Пришвина. Он по заданию редакции отправился изучать олений и местную экзотику.

Большую часть пути Пришвин едет той же дорогой, по которой в августе – октябре 1933 года отец Павел вместе с другими заключенными будет

страдать в переполненных душных и дурно пахнущих вагонах. Из рассказов аборигенов Пришвин знал, что на Дальнем Востоке есть ссыльные, что работают они на лесозаготовках и что некоторые («беглецы-неудачники») пытаются выбраться из заключения, неизбежно при этом утрачивая человеческий облик [8, с. 390]. Пришвин словно забывает, что человек в заключении теряет все: ФИО, родных, профессию, права гражданина. В лагере вместо человека – трудовая единица под определенным номером, которая обязана жить в трудиться в нечеловеческих условиях. А впереди – только смерть. В советские концлагеря и отправляли за смертью.

В Дневнике Пришвин записывает о станции Сквородино Амурской области: «Сквородино. Жара. Ведьмедь. Оказалось, это тот самый... который был в Ельце у красноармейцев при наступлении на Мамонтова. Он вырос на войне. Красноармейцы – лучшие дрессировщики... И рассказал, как его (автора рассказа. – И. Е.) расстреливали: вывели босым на мороз и почти совсем заморозили... Ну, зато и им же досталось от нас! – Неужели вы сами расстреливали? – Я? Нет! Я только одного попа расстрелял... из пушки. Воздухом разнесло так, что ничего и не видели» [8, с. 391–392]. Станным образом Пришвин записал этот рассказ именно на станции Сквородино, именно про попа (так в дневниковых записях начала тридцатых годов он всегда именуется священников). Чуть далее Пришвин описывает природу: «Однообразная редкая выбранная тайга, слабый рельеф и речки не радуют...» [8, с. 396].

Примечание. Из истории станции Сквородино. «При постройке Амурской железной дороги станцию назвали Невер-1 – по имени речки, которая там протекает, затем Рухлово – в честь министра путей сообщения Сергея Васильевича Рухлова. Он был крестьянским сыном, и исключительно благодаря своему таланту и трудолюбию достиг министерского поста... В октябре 1918 года в возрасте 62 лет крестьянский сын Рухлов был расстрелян на Северном Кавказе большевиками как «царский сатрап» – представитель «проклятого прошлого»... В 1927 году поселку Рухлов был присвоен статус города и дано новое название – Сквородино... Афанасий Сквородин был председателем поселкового Совета, его тоже расстреляли в 1920 году, но уже японские интервенты» [10].

Впечатления от поездки лягут в основу книг Пришвина «Золотой рог» и «Жень-шень», поэтических сказок со счастливым концом, которые считаются одной из вершин его творчества. Сам Пришвин называл «Жень-шень» *сотворенной легендой*, видимо понимая все-таки, насколько описанное им далеко от реалий жизни за колючей проволокой. С точки зрения исследовательницы творчества Пришвина, «центральный образ “Жень-шеня”... корень жизни», а вся книга – «лирико-философская романтическая поэма, дающая представление о глубине осмысления Пришвиным

человека и окружающего его мира» [14, с. 64, 65]. Но вот когда поместишь рядом историю из жизни священника Павла Флоренского, то *глубина* вдруг оборачивается нежеланием видеть жестокую правду советской действительности, жестокую, а потому неудобную.

Для понимания некоторых сторон в жизни Пришвина интересна еще одна подробность. В 1934 году в издательстве «Московское товарищество писателей» «Жень-шень» выйдет отдельной книгой с рисунками Владимира Фаворского. Известно, что Пришвин сам попросил художника проиллюстрировать книгу, они были хорошо знакомы. Но вот оценка своей работы художником: «делал как бы между прочим» [2, с. 97]. В известной монографии о Фаворском, написанной Г.А. Загянской, об иллюстрациях к книге Пришвина нет ни одного слова. Рождается ощущение чужести текста Пришвина художнику. Отсюда, наверное, эти «между прочим» и *фигура умолчания* в монографии. В рисунках Фаворского к «Жень-шеню» прочитывается не свойственный для его художественной стилистики «иллюстративный натурализм». Да и сам Пришвин видел разницу между собой и Фаворским: «Один художник, прежде чем серьезно заняться материалом, готовит для него форму, и эта глубоко продуманная форма вбирает в себя материал: это художники-формалисты. Другой художник погружается умом и сердцем в материал, который после личного усвоения как бы сам собой вызывает для себя нужную форму. Первый художник – Фаворский, второй – я» [8, с. 751]. При таком понимании существа художественного дарования Фаворского зачем нужно было Пришвину обращаться к нему с просьбой об иллюстрации «Жень-шеня»? Может быть, с целью прояснения для читателя собственного замысла: один погружается умом и сердцем, другой – только умом. У меня нет однозначного ответа, остается лишь напомнить, что Фаворский был в дружеских отношениях с отцом Павлом Флоренским, высоко ценил его понимание существа искусства, отрицавшее копирование мира и прямое ему подражание в искусстве. Станным образом эти утверждения вовсе не чужды Пришвину-художнику, способному «искать и открывать в природе прекрасные стороны души человеческой» [7, с. 410]. Иными словами, Пришвин по своему дарованию – символист, умеющий проникать в сущность явленных природных феноменов. Но символизм Пришвина и символизм отца Павла разнятся в своих основаниях: Пришвин – пантеист, его бог – природа; Флоренский – православный священник, искренне верующий «во единого Бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым» («Символ веры»).

В Сквородино отец Павел оказался в феврале 1934 года. Он отмечает «приятный пейзаж – волнистый горизонт, холмы кругом, кажется, есть

и речка. Сквородино – маленький провинциальный городок» [12, с. 81]. Работая на опытной мерзлотной станции, он обнаруживает множество московских знакомых из научной среды. Бесконечно страдая от разлуки с семьей, он признается: «Я принимал за это время удары за вас, так хотел и так просил Высшую Волю (так в письмах шифровалось слово Бог. – *И. Е.*)» [12, с. 92]. Отец Павел ни на что не жалуется, не описывает никаких ужасов (хотя, конечно, вряд ли бы ему это позволили – ведь письма перлюстрировались лагерным начальством), кроме случаев нападения диких животных на людей. От его писем веет тихой грустью и нежностью к жене и детям.

Если Пришвин проезжал через Сквородино, мучаясь от невыносимой жары и слушая рассказы о расстрелянном попе, то арестованный священник Павел Флоренский вынужденно обживал Сквородино, замечая изменения в природе и пейзаже, изучая воздействие мороза на воду, растения и насекомых.

Отца Павла Флоренского арестуют в ночь с 25 на 26 февраля 1933 года в его московской квартире (ныне там музей его имени), 26 июля определяют срок заключения – десять лет в исправительно-трудовом лагере, а 15 августа отправят по этапу в лагерь «Свободный» на Дальний Восток.

Примечание. Из истории города Свободный. «Краткая история города Свободный такова. Он был заложен 30 июля (12 августа по новому стилю) 1912 года при сооружении Амурской железной дороги и железнодорожного моста через реку Зею. Назван Алексеевском в честь наследника российского престола царевича Алексея, сына Николая II. В марте 1917 года был избран Временный городской комитет, который принял решение переименовать город Алексеевск в Свободный» [10].

В эти места уже съездил Пришвин. Вот начало дневниковой записи Пришвина времени ареста отца Павла: «26 февраля. Прощеный день» [8, с. 258]. Давняя (дореволюционная) привычка жить по церковному календарю никак не покидает его сознания, да еще рядом первая жена Пришвина – простая русская женщина, верящая в Бога. Прощеный день – это последнее воскресенье перед Великим постом, седьмое воскресенье перед Пасхой. Отца Павла словно специально арестовали именно в этот день, когда нужно всех и всё прощать накануне тяжких испытаний Христовых. Символическая оболочка ареста, конечно, не могла пройти мимо сознания отца Павла. Но что самое поразительное, Пришвин в записи рассуждает о... врагах народа, конечно, не в связи с арестом отца Павла, о котором он не мог знать, но его рассуждения отражают «время» (Ап. Григорьев): «Враг – это кто мешает нам творить жизнь и радоваться творчеству. Мы не хотим счастья, пусть оно достается другим: будущим поколениям и даже будущим народам; но мы должны радоваться творчеству жизни... Я рекомендовал им (пришедшей к нему

за консультацией молодежи. – *И. Е.*) для изображения врага пользоваться Гоголем: он именно этим и занимался» [8, с. 259]. Как видим, несмотря на Прощеное воскресенье, ни о каком прощении врагов речи не идет. Относительно же Гоголя – как не вспомнить пророческие слова Василия Розанова о разрушительной силе таланта этого писателя, которая в дневниковой записи Пришвина явила себя вполне открыто. Напомню, что Розанов был хорошо знаком и Пришвину, и отцу Павлу.

Летом 1933 года Пришвин с сыном Петром совершит поездку на Север, где уже бывал четверть века тому назад (см. «В краю непуганых птиц», 1907), чтобы воочию увидеть современную «осудареву дорогу» – Беломорско-Балтийский канал им. И.В. Сталина. По его собственному признанию, он «задумал пересмотреть все написанное... начиная с очерков севера, и начать издание своих сочинений в свете самокритики» [5, с. 308]. Но в «коллективный труд» – «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства 1931–1934 гг.» (М., 1934) под общей редакцией «великого гуманиста» М. Горького, умевшего лить слезы по самому ничтожному поводу, но не заметившего многотысячных страданий заключенных, – Пришвина не взяли, в отличие от М. Козакова, В. Шкловского, В. Катаева, Е. Габриловича, В. Инбер, Вс. Иванова, Л. Никулина, А. Толстого и др. В результате он «переработал и сдал в печать свою первую книгу “В краю непуганых птиц”», куда включил очерк «Отцы и дети (Онего-Беломорский канал)», а через некоторое время и другую переработанную книгу о Севере – «Колобок», в которую вошел очерк «Соловки» [5, с. 309]. Так оба очерка попали в тот самый первый том, о котором пишет отец Павел [6].

Автор современной биографии Пришвина, А.Н. Варламов, поражается тому, как писатель сумел в очерках «Отцы и дети» и «Соловки» показать подлинные факты, хотя бы и оставив их по понятным причинам без комментариев [1, с. 334–348]. Действительно, в очерке «Соловки» Пришвин пишет о чайках, вскользь упоминая о разрушенных церквях, о приливах и отливах, о «сухой» воде, песках, но в конце концов вынужден коснуться и жизни на Соловках, и вот тут, казалось бы, от лагерной тематики уже было не уйти. Но Пришвин ловко прячется в аббревиатуру КВЧ – культурно-воспитательная часть, представители которой сопровождали его в «путешествии» по Соловкам. В результате он пересказывает истории о «счастливым» исправлении заключенных и описывает природу. Потому на Секирной горе, куда заключенных отводили для наказания и умерщвления, у Пришвина начинается «чтение увлекательной книги природы» [6, с. 375].

В дневниковых записях за 1933 год Пришвин вполне благополучен, особенно в сопоставлении

с отцом Павлом. Пришвин признается (и справедливо!), что он живет много счастливей в сравнении с другими [8, с. 248]. Действительно, квартира в Москве (в Лаврушинском переулке, ровно напротив Третьяковской галереи), одно за другим выходят собрания сочинений, дом в Сергиевом Посаде, дача, машина в дар от правительства – «сверхъестественное чудо – машин ни у кого не было» [4, с. 359]. Бедному отцу Павлу и не снились все эти богатства, он уже был осужден и отправлен сначала на Дальний Восток, а затем – на Соловки. В этом и разница: отец Павел не наблюдал несвободу, а вынужденно пребывал в ней, Пришвин – с любопытством разглядывал как материал для будущих очерков.

В процессе поездки Пришвин бесстрастно фиксирует (замечу: не в очерке, а в дневниковой записи): «Один из этапных сегодня пробовал убежать. Стрелок попал ему в голову» [8, с. 286]. Пришвин осматривает лагерные пункты и замечает, что «жизнь кипит». Но вот ему захотелось «хоть одним глазком заглянуть в лагерный быт Соловецкого острова, давшего главные силы в строительстве канала <приписка: тема: перековка>». А после того как мы удовлетворили это наше желание, мы продолжали наблюдать лагерь на материке, в Кеми». Далее Пришвин задается вопросом: «Чьей силой создан канал?» И дает ответ: «Первое, крестьяне, потом люди города, больше как руководители, и, наконец, инженеры, работавшие как специалисты – это основная работа, а потом уже идут блестящие бригады бывших соц. вредителей, оправдавших на деле свою социальную близость к пролетариату» [8, с. 288–289]. Эта констатация фактов прочитывается как их приятие, никаких оценок Пришвиным в записях для самого себя не обнаруживается. Позиция Пришвина полностью совпадает с позицией правительства. Потому столь буднично звучит информация об отце Павле, которую он узнал, побывав у Фаворского: «Слышал там о Флоренском, что его выслали и будто бы семье сказали – куда-то близко, а письмо получено из Свердловска, на пути в г. Свободный: где же находится Свободный, точно не знают, будто бы на Амуре» [8, с. 301].

Осенью 1934 года арестованный священник Павел Флоренский будет этапирован с Дальнего Востока на Соловки, совершив по территории Карелии тот же путь, что и Пришвин (и сегодня – это все та же дорога) чуть больше года тому назад: Медвежья гора – Кемь – Соловки. Но в отличие от Пришвина, ничего, кроме набитого людьми вагона да сидения в изоляторах, не видел. А когда, наконец, увидел – не обрадовался. Из письма к жене от 13 октября 1934 года: «...Все это время голодал и холодал... очень отошал и ослаб. Кемь город отвратительный – сплошная грязь, серо, тускло, безрадостно, хуже не придумаешь» [12, с. 139].

Вспоминаю свою поездку на Соловки летом 2007 года (подробнее см.: [3]). От железнодорожного вокзала в Кеми ехали на автобусе времен моего глубокого детства, пыльном и грязном. Ехали довольно долго, пока не оказались на так называемой пристани. Кругом заброшенно и почти безлюдно. Белое море супилось волнами. Только солнце горячим теплом умягчало безрадостный мир вокруг. Под стать автобусу оказался и утлый кораблик, на котором отправились мы через море к Соловецким островам. На Кеми несмываемо осталось – «пересыльный пункт», временное прибежище, памятное неизбывным страданием. Безрадостно и тускло...

В июле 1933 Пришвин с сыном Петей собираются, о чем есть соответствующие записи в Дневнике, в поездку на Соловки [8; с. 271, 272, 273]. «Утром, когда открываются учреждения, мы явились в Услаг за пропуском на Соловки и просили дежурного передать начальнику Услага записку из Москвы с простым содержанием, написанную второпях, кое-как чернильным карандашом: начальник главного управления лагерями просил оказывать мне всякое содействие в отношении передвижения, питания, жилища, с особенной просьбой показать все интересующее нас» [6, с. 355]. Услаг – это лагерное управление. Подробность, рассказанная здесь Пришвиным, в 1930-е годы была, наверное, чем-то вполне естественным. Но из сегодняшнего дня рождает много вопросов, среди которых главный – почему Пришвин получил такой пропуск? Как штатный осведомитель? По чьей-то значимой протекции? Как советский писатель, который «правдиво» (то есть идеологически правильно) расскажет о «перековке» старого человеческого «материала» в новый? Ком у могут написать такого рода документ «второпях»? На все эти вопросы прямых ответов у меня нет, не дает их и Пришвин, но те, что приходят в голову, рожают только нехорошие мысли. Особенно вкупе с дневниковыми записями этого времени, например, о строительстве Беломорско-Балтийского канала: «Прочно, скоро и дешево» [8, с. 291] (еще бы: лишили свободы ни в чем не повинных людей, заставили трудиться день и ночь, не платя при этом ни копейки, кое-как кормя, высокая смертность заключенных никого не смущала – еще посадят, сколько нужно) или об итоге поездки на Соловки: «23–28 Октября. В Москве. Переписка “Отцы и дети”. Получение машины (26-го)... Привели машину в Загорск» [8, с. 312]. Кажется, эта запись не нуждается в комментариях.

Но обращусь к тексту «Отцов и детей», написанному в форме писем к «дорогому другу». Такая вот странная переключка с книгой свящ. П.А. Флоренского «Столп и утверждение Истины» (1914), состоящей из двенадцати писем и тоже обращенных к другу, которого, правда, уже не было в живых. У Пришвина «дорогой друг» – всего лишь

прием, но прием характерный, позволяющий быть предельно искренним. Оно и понятно, ведь «целью всего путешествия было понимание строительства и назначения Беломорского канала» [6, с. 355]. Пришвин быстро усваивает местные особенности, преподнося их в виде жанровых сцен: слушание игры оркестра из заключенных сменяет *полезный осмотр* лагерных мастерских, где «многие тысячи всяких людей в конвейерной работе над одеждой и обувью для всех лагерей СССР» [6, с. 356]; наблюдение над тем, как «люди перекованные» на маленьком буксире «Ударник» сменяют самых первоначальных заключенных, «сырой материал, или просто навал», на огромном судне «Клара» [6, с. 358], из «навала» выбирали работников: «Вот так именно канал и создавался: надо было так сотни тысяч людей разобрать и поставить всех на свои места» [6, с. 363]. Пришвин не видит ни страданий, ни слез, ни бесчеловечного отношения к заключенным, он мыслит государственными категориями – надо построить и всё! Сотни тысяч заключенных в лагерь людей никак не трогают ни его сердца, ни его сознания. Правда, пока это не касается его лично: «Дорогой друг! Не хотел бы я быть заключенным» [6, с. 370]. Его *обильно кормят, везде водят, всё (!)* показывают, он *видит*, как *меняются* люди (в лучшую сторону, естественно), мечтает устроить тут «грандиозный санаторий».

Для сравнения. Священник П.А. Флоренский, заключенный, в письме семье от 4–5 июля 1936 года признается: «...на Соловках больших расстояний нет и нет места, куда бы нельзя пойти пешком в несколько часов. Это уютно, и если бы Соловки не были Соловками, то вполне соответствовало бы моему эллинскому миропониманию. Не люблю безграничных пространств и бесформенности, ищу великого, а не большого, а малое пространство легче воспринять, как великий мир, чем большое» [13, с. 360]. Даже здесь, в нечеловеческих условиях, он сохраняет мужество и черпает силы в высокой культуре эллинского миропонимания.

«Если бы Соловки не были Соловками...» – сколько несказанного стоит за этими словами человека из «навала». В кого должны были *перековать* отца Павла, гениального мыслителя-богослова и ученого? В трудовую единицу без рода и племена – таков замысел захвативших власть большевиков-марксистов, верных ленинцев. Для них Россия изначально была всего лишь опытной площадкой по распространению коммунизма во всем мире. Они умели только разрушать и убивать, потому создание концлагерей, направленных на массовое использование труда людей и их уничтожение – идеальная модель их мироустройства. Как только концлагеря прекратили свое существование, как только ушел страх перед физическим уничтожением, бесчеловечный морок в виде СССР рухнул, ибо изначально был противоестествен.

На Соловках и отец Павел, как и Пришвин, наблюдает за природными явлениями. Письма отца Павла к родным полны зарисовок изучаемых им водорослей, он откроет здесь целебные свойства йода, которые сегодня активно используются в фармакологии. Человек интеллектуального труда, он не может не работать, не может не думать, не анализировать. Можно только догадываться, сколько нереализованных замыслов осталось, сколько идей не получили окончательного оформления: ведь писать что-либо для себя не разрешалось, только письма, и то в ограниченном количестве. На этом фоне как кощунственно выглядит дневниковая запись Пришвина, сделанная им на Соловках: «“Перековка” человека в лагерях состоит в том, что бродяга, анархист или мелкий собственник **[специальных]** (выделено мной. – И. Е.) знаний заключается в систему действий, непосредственно полезных для советского государства. Предполагая, что принципы сов. государства являются лучшей целью всего человечества, все равно как раньше был Бог, заключение человека в дело осуществления этих принципов тем самым является и делом исправления» [8, с. 291].

Таковы два эпизода из биографии двух талантливых людей, живших в одно время. Священник Павел Флоренский, «русский Леонардо», был обвинен советской властью в том, чего никогда не совершал, и расстрелян в возрасте пятидесяти пяти лет; а писатель Михаил Пришвин той же властью был облагодетельствован – орденосеиц, прожил долгую, восьмидесятилетнюю, жизнь, войдя в историю советской литературы как «певец природы». Труды отца Павла увидели свет только в постсоветское время, высоко оценены в России и за рубежом, только с их публикацией стало понятно, какой высочайший ум, какая личность были погублены ни за что, во имя каких-то выморочных идей. В этом году (мистическое совпадение со 135-летием со дня рождения и 80-летием со дня трагической гибели отца Павла Флоренского) завершена публикация Дневников Пришвина, которые, кажется, изначально писались не для себя, а для издания в советское время.

Из последней записи от 31 декабря 1954 года: «– Ляля! – спросил я, – Боков систематически преследует меня “великим”. Не дразнит ли это он меня? – Почему дразнит, ответила она. – я убеждена в том, что ты не меньше Тютчева или Фета, но к тебе прибавляется, учитывая наше время, такой большой плюс, что из одного этого хочется... почтить тебя великим» [9, с. 502]. А вот последнее, что успел в своей жизни написать отец Павел из Соловецкого лагеря 19 июля 1937 года: «Соловецкие впечатления мои теперь ограничиваются людьми, то есть мне наименее интересным. Рисовать водорослей уже давно не приходится за отсутствием микроскопа, места и красок. Но я доволен,

что удалось зарисовать для вас и то небольшое, что ты видела. К сожалению, кажется, не все дошло до вас. Я здоров, но работать по-настоящему сейчас невозможно, а отсутствие правильной и напряженной работы и расслабляет и утомляет одновременно» [12, с. 717].

Этими двумя записями и завершу свою статью, оставляя пространство для размышлений над историей культуры российской.

Библиографический список

1. *Варламов А.Н.* Пришвин. – М.: Молодая Гвардия, 2003. – 848 с.
2. В.А. Фаворский. Воспоминания современников. Письма художника. Стенограммы выступлений / сост. и примеч. Г.А. Загянской, Е.С. Левитина. – М.: Книга. – 384 с.
3. *Едошина И.А.* Печальная глава отечественной истории, или о прошедшей в Медвежьегорске конференции // *Энтелехия* / гл. ред. И.А. Едошина. – Кострома. – 2012. – № 26 (июль – декабрь). – С. 144–151.
4. *Заганская Г.* Владимир Фаворский. Обстоятельства места и времени. – М.: ГИТИС, 2006. – 511 с.
5. «Михаил Пришвин рапортует XVII съезду» / публ. Е. Гибет // *Вопросы литературы*. – 1977. – № 8. – С. 308–309.
6. *Пришвин М.М.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Север. – М.: Гослитиздат, 1935–1939. – 410 с.
7. *Пришвин М.* Зеркало человека / сост. и послесл. Т.Н. Бедняковой. – М.: Правда, 1985. – 672 с.
8. *Пришвин М.М.* Дневники. 1932–1935. Книга восьмая / подгот. текста и коммент. З.Я. Гришиной. – СПб.: Росток, 2009. – 1008 с.
9. *Пришвин М.М.* Дневники. 1952–1954 / подгот. текста Я.З. Гришиной, Л.А. Рязановой. – СПб.: Росток, 2017. – 832 с.
10. *Прядкин В.* Бамлаг // *Проза.ру*: сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2013/07/01/727> (дата обращения: 4.08.2017).
11. Священник Павел Флоренский в воспоминаниях своих детей Кирилла и Ольги / сост. игумен Андроник (А.С. Трубачев), О.С. Никитина-Трубачева, М.С. Трубачева. – М.: Ваш полиграфический партнер, 2011. – 208 с.
12. *Флоренский П.А., свящ.* Сочинения: в 4 т. Т. 4. Письма с Дальнего Востока и Соловков / сост. и общ. ред. игум. Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. – М.: Мысль, 1998. – 795 с.
13. *Флоренский П.В.* ...Пребывает вечно: Письма П.А. Флоренского, Р.Н. Литвинова, Н.Я. Брянцева, А.Ф. Вангейма из Соловецкого лагеря особого назначения: в 4 т. Т. 3. – М.: Международный Центр Рерихов: Серебро Слов, 2016. – 836 с.
14. *Холодова З.Я.* Творчество М.М. Пришвина и литературный процесс: учеб. пособие. – Иваново: ИВГУ, 1994. – 142 с.

Самосюк Наталья Львовна

Военный институт (инженерно-технический)
 Военной академии материально-технического обеспечения
 имени генерала армии А.В. Хрулёва, г. Санкт-Петербурге
 s.n.l@rambler.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА КАРТИН М. ШАГАЛА И РАССКАЗА Э. КУСТУРИЦЫ «В ОБЪЯТИЯХ ЗМЕИ»

В работе представлен сравнительно-сопоставительный анализ художественных образов в рассказе Э. Кустурицы «В объятиях змеи» (2015) и творческой концепции М. Шагала, воплощенной в его картинах. Анализ образной системы показал наличие в рассказе параллелей с творческим методом М. Шагала, схожесть символической интерпретации образов, которая восходит к единым концептуальным феноменам европейской культуры в их национальном варианте. Подтверждение этой гипотезы нашло свое отражение в анализе образов влюбленных, символической сущности бытовых деталей, которые достигают библейского уровня понимания. Левитирующие персонажи, символика дерева, змеи, войны и смерти, так же как и важнейшие события в жизни человека – рождение, свадьба и похороны, – составляют программные образы для картин М. Шагала и художественного мира в рассказе Э. Кустурицы. Немаловажную роль в доказательстве играет анализ стилистических особенностей художественного метода М. Шагала и Э. Кустурицы: совмещение бесхитроного наивного взгляда на мир сочетается у них с трагедией, комичное и незначительное – с общечеловеческими проблемами.

Ключевые слова: Э. Кустурица, М. Шагал, цитация, интертекстуальность, художественный метод, образы войны, цирк, фольклорные и библейские символы.

Проблема влияния живописных образов М. Шагала на формирование кинонаррации в фильмах сербского режиссера Э. Кустурицы вынесена за пределы данного исследования, поскольку в работе речь идет о репрезентации образов пространственного вида искусств, коим является живопись, в системе образов литературного произведения, а именно рассказа «В объятиях змеи». В центре внимания исследования – ситуация перекодирования элементов визуального ряда в ряд семиотических знаков, зафиксированных в тексте художественной литературы.

Связь между живописью М. Шагала и произведениями Э. Кустурицы со всей очевидностью видна в вышеназванном рассказе «В объятиях змеи», входящем в сборник «Сто бед» (2015). Рассказ посвящен событиям времен конфликта Боснийской войны (1992–1995). Признание Эмира Кустурицы в том, какое влияние оказало на него творчество М. Шагала, говорит об оправданности сопоставления тем и образов художника со стилистическими особенностями прозы сербского режиссера [8].

Фильмы Эмира Кустурицы позволяют находить сходство тем и красок с картинами М. Шагала. В отношении рассказа «В объятиях змеи» речь может идти о единстве тем, поскольку оптическая иллюзия цвета не выявлена: цветовая палитра не представлена на лексико-семантическом уровне, а вынесена в контекстуальные реалии каждого конкретного эпизода.

Репрезентация концептов, заявленных в живописи М. Шагала, в художественной ткани рассказа отражает тенденции современного литературного процесса и связана с интермедийностью культурного пространства, что в свою очередь соответствует стилистике произведений сербского режиссера.

Вопрос создания интермедийных образов в рассказе Э. Кустурицы решается посредством приращения семиотических значений, которое

происходит за счет переложения визуальных образов в иную знаковую систему, усложненную посредством контекстуальных связей. Если живопись М. Шагала представлена целиком в пространственном восприятии зрителя, то литературное произведение опирается на законы языка и использует доступные средства выражения смыслов посредством актуализации внутренних значений всех уровней языковой системы.

Оба художника создают свой поэтический мир, опираясь на мифы и образы культурного пространства своей малой родины, оказавшейся вовлеченной в исторические процессы современности. В случае с М. Шагалом речь идет о событиях, происходивших в России в начале XX века, в творчестве Э. Кустурицы это место занимает боснийский конфликт середины 90-х годов XX века.

На наш взгляд, наиболее точно объясняют суть отношения автора и к проблеме военного конфликта, и к присутствию магического элемента в рассказе следующие слова, высказанные в рецензии на фильм «По млечному пути» (2016), поставленному по мотивам рассказа «В объятиях змеи».

«Тут нет героики, нет подвига, ему негде быть. Тут есть два закона – закон войны, который попирает все человеческое, и закон природы – иногда в самые неожиданные минуты, проявляющий истинное лицо мироздания, не величаво-равнодушное, а глубоко милосердное» [1].

Сходство образов Э. Кустурицы с образами М. Шагала проявляется прежде всего в истории любви главных героев рассказа – Косты и Млады. Любовное переживание передается допущением левитации влюбленных. Невероятное спасение Косты и Млады в колодце, на дереве и в озере также могут быть сопоставлены с некоторыми сюжетами картин М. Шагала. Природа этих чудес, переданных при помощи цитации визуальных образов с картин художника, имеет фольклорные истоки,

которые сочетаются в рассказе с интерпретациями автора на притчи религиозного свойства.

Займствуя у художника образ любви как чуда, переданного через преодоление законов физического мира, Э. Кустурица вписывает полет влюбленных в собственную стилистику бурлеска, в которой перераспределяет значение высокого и низкого, реального и магического в соответствии с главной идеей рассказа: поиска закона, способного восстановить равновесие мира, вставшего в безумие насилия.

Образная система картин М. Шагала подчинена тем же поискам места для счастливых и несчастных в пространстве макрокосмоса, в то время как рациональное основание пространства оспаривается в пользу символического значения.

В рассказе Эмира Кустурицы идея принятия всего живого, всякой твари ассоциируется с образом главного героя. Солдат Коста обладает наивным, непосредственным взглядом на жизнь, который роднит его с ребенком. Несмотря на войну, он олицетворяет жизненную силу людей, способных любить этот мир от всей души: «Коста – вечный мальчишка. Расположившись на спине своего осла, он умело удерживал равновесие в седле. По словам товарищей по казарме, он улыбался, даже когда спал» [4, с. 140]. Рассказ начинается с описания улыбки главного героя, служащего интендантом, улыбкой главного героя, совершающего ежедневный свой путь паломника на гору, рассказ заканчивается. Эта улыбка, обращенная к миру в конце рассказа, демонстрирует силу чувства, прошедшего испытания страданием. «Он бы еще долго плакал, если бы вороны не воспользовались этим и одним прыжком не оказались на камне, где лежал виноград. Коста обернулся, и слезы высохли. Глядя, как птица клюет ягоды, он снова заулыбался» [8, с. 186].

Радость от причастности к простым ярким впечатлениям жизни передается в картинах М. Шагала, объединенных сюжетом циркового представления, например, «Цирк в городке» (1966), «Большой цирк» (1968), «Большой парад» (1980). Образ человека, способного воспринимать мир как поток впечатлений, в котором все есть принятие и смысл, имеет свои истоки в детских воспоминаниях художника и связано с образом отца. В автобиографии «Моя жизнь» отец показан М. Шагалом как человек, наделенный природной естественной невинностью души, которая делает его божим человеком, принимающим этот мир в радости и страдании. «Иногда же его лицо, то мертвенно, то изжелта-бледное, освящалось слабой улыбкой. Что это была за улыбка! Откуда она бралась?.. Отец представлял мне загадочным и грустным, каким-то непостижимым. Всегда утомленный и озабоченный, только глаза светятся тихим, серо-голубым светом» [6]. Схожесть эмоциональной тональности, зафиксированная в улыбке, отчетливо определяется у обоих художников как принципиальная черта характера человека, наделенного

способностью любить. У Марка Шагала в картине «Цирк в городке» (1969), у Э. Кустурицы – в образе солдата Косты. Центральное место в картине «Цирк в городке» занимает изображение молодого человека в костюме клоуна. Рядом с ним нарисован цирковой ослик, прижавшийся к его плечу, так что головы ослика и человека касаются друг друга, как на семейной фотографии. На спине ослика стоит девушка, которая принимает участие в представлении. Картина проникнута красотой непритязательности ее героев на исключительность. Рука со скрипкой опущена вниз, как будто только что закончили звучать последние звуки музыки, на лице клоуна и девушки «загогулька» улыбки, которая по законам детского рисунка нарисована и на морде ослика. Ослик и клоун улыбаются одинаково. Та же идея с теми же персонажами присутствует в картинах «Признание в цирке» (1969), «Фиолетовый петух» (1972). И если очеловечивание животных передается у М. Шагала уподоблением изобразительных средств детскому рисунку, то в рассказе Эмира Кустурицы осел наделен способностью говорить человеческим языком:

«К своему удивлению, он снова увидел змей!

– Ждут, чтобы им дали молока, – объяснил он ослу.

– Никогда такого не видел! Настоящее чудо! – отвечал тот.

– А? Я не ослышался?

– Нет.

Коста ни на мгновение не усомнился, что осел разговаривает с ним» [1, с. 148].

В картинах М. Шагала непосредственное детское требование к реальности подчиняться законам воображения передается через авангардистское изображение искаженного пространства, некую «неумелость» рисунка и отступления от всех достижений классического искусства. «Его стилизация почти тождественна раскрепощенному детскому рисунку, в котором нет страха перед формой. Особенно заметно это в эскизах картин, на которых необычность ракурсов, угловатость жестов не приобрела завершенности. В картинах художник переводит детскую идеограмму в знак. Приближенность к приемам примитива и детского рисунка стала следствием предельной шагаловской чувственности» [3].

Таким образом, детская непосредственность представляет собой одну из основ творческой концепции обоих художников. Если у М. Шагала она выражается в стилистике детской манеры написания образов, то Э. Кустурица для осуществления этой идеи прибегает к созданию характера главного героя, разговаривающего с ослом, представляющего летающих невест. Религиозная идея возникает в рассказе опять-таки в связи с образом главного героя. Косту называют «божий человек», когда он умудряется невредимым пробежать с кухни, несмотря на стрельбу снайперов. «Пули тебя не замечают... Ты Божий избранник или как?» [8,

с. 144]. В образе Косты совмещено аскетическое, трагическое мировосприятие Косты-паломника с фольклорным чудаковатым простаком, для которого нет четкой грани между чудом и реальностью. В картинах М. Шагала религиозные образы только отчасти касаются темы влюбленных на картинах, посвященных сюжету изгнания Адама и Евы из рая: «Изгнание Адама и Евы» (1961), «Художник у окна и распятие» (1968) и имеют сложную структуру внутренних соответствий, связанных с личными переживаниями художника.

Непосредственность, неискушенность героя рассказа «В объятиях змеи» проявляется и в отношении к своей возлюбленной, и к традиционным христианским заповедям, которым он противопоставляет народное толкование вины и греха.

Возвращаясь домой после встречи с Младой, Коста мечтает о новой встрече с девушкой. Его воображение создает образ себя, летящего по небу от счастья, и Младу, которую чувство любви отрывает от земли. «Сидя на осле задом наперед, Коста глядел на деревню и думал о Младе. Погода портилась. Две лохматые тучи затеяли в небе акробатический этюд. Их несет любовь, подумал Коста. Зрелище увлекло молодого солдата, ему тоже захотелось так же свободно нестись по небу. Еще мгновение, и он представил, что парит, точно птица. А вот и Млада взлетает. В этот самый момент осел резко встал и замер на месте» [8, с. 134].

Природа любви героев Э. Кустурицы передается через образ мира земных радостей, в котором обнаруживают себя законы мифологического сознания людей, позволяющие им сохранить свое духовное начало там, где цивилизация охвачена раздором войны. Передаваемое в народном танце, который танцуют главные герои рассказа вместе с жителями деревни, узнав о том, что война закончилась, чувство родства со всем миром, легкость, с которой они преодолевают законы физического мира, говорит об их способности жить вне логики причинно-следственных связей, подчиняясь по-детски наивному стремлению к чуду.

В творчестве М. Шагала эта идея воплощается в уникальном авторском видении любви как силе, способной преодолеть физические законы мира. Э. Кустурица в своем рассказе цитирует образы влюбленных, созданные М. Шагалом в картинах «Прогулка» (1934) и «День рождения» (1918), перенося их в сюжет. Общими в данном случае являются парящие над землей люди, освобожденные от законов реальности силой любви и воображения.

Любовь Косты и Млады удивляет своей силой, заставляющей героев быть вместе, несмотря на угрозы и требования подчиниться правилам, установленным традицией. Оно сродни тому, как понимал настоящее чувство М. Шагал. По словам художника, для того, чтобы подняться в небо «мало мечтательности, нужен темперамент, восторг, теснящий грудь, страсть, поднимающаяся в воздух» [6]. Появление магического элемента как в картинах

М. Шагала, так и в рассказе Э. Кустурицы говорит о возможном преодолении с точки зрения авторов естественных сил физического мира и создании реальности, существующей по законам любви.

Как и в рассказе Э. Кустурицы, мир влюбленных у М. Шагала зачастую вписан в обособленное пространство. Это может быть густая крона дерева или куст сирени, как это видно на картинах «Любовники в сирени» (1930), «Три свечи» (1940), «Древо жизни» (1948), «Пара и рыба» (1964), «Древо Иисуса» (1975). В этом случае обнаруживают себя явный параллелизм образов влюбленных у М. Шагала с героями рассказа «В объятиях змеи». Особенно четко соответствия проявляются в эпизоде, в котором герои, преследуемые солдатами, прячутся в кроне листья огромного платана. Образы влюбленных, залезающих на дерево и влюбленных, чьи тела сплетаются в порыве любви, обнаруживают себя как на картинах М. Шагала, например: «Она слезала с дерева» (1948), «Влюбленные в сирени» (1930) так и в рассказе: «Небеса словно разверзлись, ливень стоял стеной. Сплетаясь в любовном объятии, Коста и Млада неподвижно, точно прикованные, остались сидеть в кроне платана. Скрытые листвой, тесно прижавшись друг к другу, они сознавали, что всякое неосторожное движение может оказаться для них роковым... Дождь не ослабевал, время от времени вспышка молнии освещала их сплетенные тела, а крупные капли текли по лицам, выражение которых свидетельствовало о незаурядной любви» [8, с. 168].

Дерево становится спасительным местом для Косты и Млады, убегающих от солдат. Изолированность влюбленных, их отстраненность от мира людской суеты приближает их счастливое существование к жизни до грехопадения.

Оказавшись в безопасности, они обнаруживают, что ими владеет великая сила, заставляющая их быть единым целым. Именно таким чувством избранности в любви проникнуты образы на картинах М. Шагала, изображающих влюбленных. Идиллический образ возлюбленных, вписанных в крону дерева, их гармоничное состояние, передаваемое в фигурах, сливающихся с листвой, отсылает к образам Адама и Евы, пребывающих в состоянии блаженства в эдемском саду.

К образу райского дерева добавляется значение дерева как укрытия, которое также перекликается с фольклорным мотивом. Солдаты, проходя мимо дерева, даже смотрят вверх, но не могут увидеть героев «под надежной защитой листвы» [8, с. 166]: «Мы их видим, а они нас – нет», – шепнул Коста, когда солдаты остановились прямо под деревом» [8, с. 166].

Существование фольклорных мотивов в творчестве М. Шагала связано с «примитивизацией пластического языка» [2], которая является характерной для манеры письма художника. Образы чистоты и любви как признания единой плоти передаются через угловатую манеру письма, при

котором линии одного тела сливаются в едином изгибе с линиями возлюбленного, например, «Влюбленные в небе Венеции» (1960).

В творчестве Э. Кустурицы сочетание высокого и низкого, сиюминутного и вечного передано через бурлеск, который в повествовательной форме обнаруживает себя в приключениях влюбленных Косты и Млады. С фольклорными образами героев роднит чудесное спасение в колодце. Млада предлагает Косте соломинку, через которую можно дышать, погрузившись под воду. Оба они сидят под водой и дышат через соломинку, в то время как солдаты стреляют по порхающей над водой бабочке.

Эпизод с озером, в котором герои играют с тыквой, прыжок в расселину, похожий на прыжок в пропасть, так же могут быть сопоставлены с образами картин М. Шагала. Например, картина «Время – река без берегов» (1939), на которой в центре изображены огромные часы, в то время как влюбленная пара, затерявшись на синем фоне, сливается с потоком реки, а крылатая рыба парит над ними и над часами, нарушая все законы перспективы. Или на картинах «Голубой цирк» (1950), «Невеста» (1950), «Залив ангелов» (1960), «Битва цветов» (1967) влюбленные возлежат на цветах или парят в воздухе. На картине «Падение Икара» на заднем плане два силуэта прыгают в реку, утекающую за горизонт. На картине «Акробат с букетом» (1963) фигура человека застыла в невообразимом сальто, которое длится уже ни одно десятилетие. В рассказе чувство свободы передается падением героев с обрыва в бесконечную синеву озера. Образ влюбленных Косты и Млады, ищущих друг друга под водой, а затем в едином порыве стремящихся к воздуху, схож с жестами влюбленных на картинах М. Шагала «Синие любовники» (1914) или «Влюбленные в лунном свете» (1949). Синий фон на картине «Синие любовники», в котором тонет лицо женщины, ее жест, которым она крепко обнимает лицо возлюбленного, его закрытые глаза и плотно сжатые губы передают состояние любовного трепета, такое близкое к чувству Млады и Косты. «Какое-то мгновение они искали друг друга под водой, потом крепко обнялись и всплыли, слившись воедино. Цепляясь друг за друга, они видели, как мимо проплыла змея» [4, с. 170]. На картине «Пейзаж на Клюквенном озере» (1944) фигуры людей свободно парят в синеве. Сложно сказать, чем является синий фон, на котором парят герои картины, – пространством воды или пространством неба. Парение и оторванность от земли свидетельствуют о свободе, которая свойственна счастливым людям.

И у того и у другого художника бытовая деталь и библейский символ существуют в едином образе, например, домашнего животного, молока, колодца, платана и т. д.

В обращении к библейской символике следует искать общий источник вдохновения и размышлений над вопросами бытия как в творчестве М. Шагала, так и Э. Кустурицы.

В этом случае связь с библейской традицией у Э. Кустурицы очевидна. В рассказе также приведено наставление, взятое из Евангелия от Матфея, которое кашевар то ли в шутку, то ли всерьез цитирует Косте: «” Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби...” – процитировал поп, который вдобавок к своим церковным обязанностям еще и кашеварил» [8, с. 145].

Автор рассказа имеет собственное представление о соотношении любви и греха. Коста не видит в змее, которую кормит, прообраз врага-искусителя. Свой жест милосердия он объясняет, опираясь на слова дедушки, по словам которого змея, хотя и соблазнила Еву, то есть явилась временным обитателем зла, послужившим падению человека, так же как и человек, покинула райский сад и пришла в мир. Это не значит, что у змеи был выбор остаться в раю или уйти из него – как и человек, она была изгнана. Однако дедушка Косты смотрит на проблему искушения и наказания с позиции прощения и смирения, которое на первое место выдвигает идею равенства всего живого и желающего жить. Он говорит Косте: «Конечно, именно змеи подтолкнули нас к греху, но, когда пришлось покинуть рай, они ушли вместе с нами» [8, с. 141].

Идея равнозначности всего сущего проявляется в творчестве М. Шагала в характерном для него стиле трансформации пространства.

Так, например, образ коровы на картине «Я и деревня» (1911) причудливым переплетением линий связан с профилем человека. Заполняя собой большее пространство картины, они создают космогоническую форму мироздания, в котором присутствует прообраз дерева познания и бытовая сельская зарисовка (женщина доит корову, косарь идет вслед за девушкой, которая повисла вверх головой, прикрепившись ногами к крышам сельских домов). Надо заметить, что Коста первый раз видит Младу, когда она доит корову. Единство мира как универсума, в котором все находится в равнозначных отношениях со всем, передано через нарушение очевидных пространственных и временных характеристик. То, что на картине передается при помощи искажения пространственных соответствий, в тексте передается контекстуальными соотношениями, то есть совершается перекодировка визуального кода в условиях вербальной формы искусства. Принятие мира, несмотря на утверждение его несовершенства, представлено в рассказе через нарушение традиции обвинительных выпадов в адрес змея-искусителя и разделение греховности по степени виновности. Змея, которую кормит Коста, не является ему врагом, она также пострадала и была изгнана израя, как и люди.

На картине «Я и деревня» все времена суток слиты в едином пространстве. Одновременно здесь можно увидеть день, который обозначен через элемент пространства голубого цвета, и ночь, выраженную черным фоном для пейзажа с деревенской церковью. Глаз животного и глаз челове-

ка замерли в едином взгляде друг на друга, свидетельствуя о неразрывной связи всего живущего в неограниченном и неопределенном пространстве вселенной. Абсурд ситуации, созданной в художественном пространстве картины, снимается только при прочтении ее в контексте космогонического мифа. Образ мира, заключенного в цикл смены дня и ночи, свидетельствует о глубинной потребности мифологического сознания к непрерывности как вечному возрождению. В рассказе «В объятиях змеи» образ вечного возрождения передается через эпизод, когда змея, обвившись вокруг тела Косты, вырастает до размеров мифологического существа, способного удерживать человека в своих крепких объятиях смерти.

Война в рассказе Э. Кустурицы носит принципиально неопределенный в социальном плане характер. У солдат с той и другой стороны нет ни знаков отличия, ни привязанности к каким-либо подразделениям. Нет как такового даже образа врага, которого следует уничтожать. Солдаты, убившие часовых, поваренка и других сослуживцев Косты, убивали уже мирных жителей, которые только что отпраздновали конец войны. Именно объявление об окончании войны ослабило бдительность постовых.

В ужасных картинах, которые Коста видит, вернувшись в деревню, просматриваются эсхатологические черты. О конце как всеобщем разрушении свидетельствует бессмысленная жестокость, с которой были совершены убийства. «Его деревня горела. К небу поднимались столбы дыма. Он бросился в хлев и наткнулся там на тела повешенных солдат. Когда он обнаружил валяющуюся на столе отрезанную голову поваренка, его вывернуло наизнанку. На деревенской площади, где накануне все шумно праздновали победу, был распят на кресте ребенок, а кашевар и его подручные за ноги подвешены на металлических крюках. В слезах Коста рухнул на колени» [8, с. 161]. Эта картина бесчинства перекликается с изображением туши быка, освежеванного и подвешенного за ноги на картине М. Шагала «Освежеванный бык» (1947).

Венчает эту картину жестокости распятый ребенок, оставленный в деревне. Символ распятия, здесь, безусловно, неслучаен. Его смысловая нагрузка очевидна: за безумие сильных расплачиваются невинные. Этот закон вписан в мир человеческий, ожидающий расплаты за свою жестокость. И Коста, спасенный змеей от смерти, утратив потом свою любовь, станет мучеником, подвижником, искупающим грехи. Образ мира, охваченного пожаром, также можно найти и на картинах М. Шагала.

Картина М. Шагала «Война» (1964–1965) наиболее близка образам войны в рассказе Э. Кустурицы. На картине видны всполохи пламени от горящей деревни, убитые на дороге, люди в панике покидают деревню на телеге, а в правом верхнем углу на сером небе видно распятие. На картине «Белое крещение» (1938) война, революция и распятие соединены в круговой композиции картины.

Религиозная тема в творчестве М. Шагала – явление достаточно сложное и противоречивое [5], однако распятие как символ страдания объединяет творчество и того и другого художника.

В художественном мире рассказа наблюдается та же концептуальная идея вписанности образа распятия в универсум, где война и смерть предопределены самой природой мира. Можно утверждать, что война в «Объятиях змеи» представлена как идея трагической обреченности самой жизни, требующей от человека стойкости и мужества в испытаниях.

Образная система рассказа Э. Кустурицы в этом случае имеет прямые аллюзии на визуальные символы картин М. Шагала. Благодаря соотношению с картинами М. Шагала народная, фольклорная и библейская символика в рассказе приобрели четкие визуальные характеристики. Сама возможность связи высокого и низкого трактуется у М. Шагала и Э. Кустурицы в категориях универсума, как единство земного и небесного в равноправии существования. Особенностью стиля М. Шагала является сочетание детского, наивного взгляда на мир с обобщенностью, свойственной иконописи. Те же черты присутствуют и в символической системе образов рассказа Э. Кустурицы «В объятиях змеи».

Библиографический список

1. *Авакова Ю.* И младенец будет играть над норою аспиды. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tg.ru/2017/01/17/> (дата обращения 21.09.2017).
2. *Вакар Л.* К проблеме примитивизма в творчестве Юдея Пэна и Марка Шагала // Шагаловский сборник: материалы Шагаловских чтений в Витебске (1991–1995). – Витебск: Изд-во Н.А. Панькова, 1996. – С. 64–75. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chagal-vitebsk.com> (дата обращения 21.09.2017).
3. *Клепацкая О.А.* Цирк Марка Шагала на фоне русского авангарда // Вестник вятского государственного гуманитарного университета. – 2008. – Вып. 3. – Т. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vivliophica.com> (дата обращения 22.09.2017).
4. *Кустурица Э.* Сто бед: рассказы / пер. с фр. М. Брусовани. – СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2015. – 256 с.
5. *Робинсон Р.* Иисус в еврейском искусстве. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://togaart.com/index> (дата обращения 21.09.2017).
6. *Сарабьянов Д.* Ускользающий лик Шагала. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.m-chagall.ru> (дата обращения 21.09.2017)
7. *Шагал М.* Моя жизнь. [Электронный ресурс]. – М.: ЭЛЛИС ЛАК, 1994. – Режим доступа: http://lib.ru/MEMUARY/SHAGAL/my_life.txt (дата обращения 21.09.2017).
8. Эмир Кустурица: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kustu.com/w2/en:keys_for_underground (дата обращения 21.09.2017).

К ВОПРОСУ О ВНУТРЕННИХ ПРОЦЕССАХ В АВТОРСКОМ СВЕРХТЕКСТЕ САШИ СОКОЛОВА. СТАТЬЯ 2: ДЕКОНСТРУКЦИЯ ДИАЛОГА

В статье рассматривается воспроизведение мотива вопрошания, разработанного Сашей Соколовым в «Школе для дураков», в одном из поздних его произведений – «Газибо». В новом тексте вопрошание формирует структуру диалога, причем диалог здесь предстает и темой, и способом подачи материала, и конструктивным приемом. Наблюдается последовательная деконструкция диалога: расщепление связки вопрос – ответ на две самостоятельные конструкции; разработка эмансипированных сюжета вопроса и сюжета ответа, а также самостоятельного сюжета диалога и пространства диалога; формирование диалога межуровневого, осуществляющегося между уровнями текста. В результате диалог становится самодостаточным, обращается внутрь себя, развивает собственную структуру и, как следствие, обладает порождающей способностью и высвобождает активность текста. И в этом развороте можно говорить о следующем сдвиге: от диалога об искусстве («изящное» – ключевая метафора «Газибо») Соколов переходит к диалогу искусства, то есть к формированию самого тела искусства, текста как говорящей плоти.

Ключевые слова: современная русская литература, Саша Соколов, «Газибо», «Школа для дураков», текстовый корпус, деконструкция диалога, диалоговая структура текста.

Итак, начальная фраза «Газибо» Саши Соколова: «А что там, / поскольку, что ли, осведомились, / спросили то есть по поводу, / где-либо повстречав...» [1, с. 61], представляя собой практически автоцитату из первого романа «Школа для дураков», воспроизводит и сам мотив вопрошания, разработанный в этом тексте, и структурно-семантический комплекс «пришли и спросили», его представляющий, и историю его трансформаций, уже осуществленных автором. Остановка в процессе прохождения, случайная встреча, внезапно возникший вопрос – вот та новая ситуация, которая дается как потенциальная в финале «Школы» и с которой начинается одна из последних прозе Соколова.

Новое движение исходит из актуализации элемента случайности, непреднамеренности, незакрепленности: «спросили по поводу», «где-либо повстречав». Намеренная неконкретизация дублируется и высвобождением спектра значений: «по поводу» рассеивается от клише канцелярита и косноязычия обыденной речи до интеллектуальной эскизности набросков и заметок (подобно «к вопросу о»). Это балансирование на семантической и стилистической грани сопровождается уже ожидаемыми соколовскими множащимися уточнениями и пока едва заметной тавтологизацией: «осведомились, спросили то есть по поводу». Коннотационные различия между «осведомиться» и «спросить по поводу», без сомнения, есть, но важен действительно факт умножающегося повтора, который через поток объяснений, уточнений, мнимых подробностей акцентирует принципиальный момент: осведомиться – не то же самое, что получить правдивый ответ. А вспомним, именно с этой цели начинали Те Кто Пришли в «Школе».

Нынешняя цель зыбка даже на уровне постановки. «А что там», «что именно», «что собствен-

но» – внешне конкретное и настойчивое повторение формулы в результате скорее опустошает ее, чем конкретизирует. Кроме того, из трех внешне похожих структур только первая («А что там») является вопросом-вопрошанием о смысле, вторая («что именно») – это вопрос переспрашивающего ответчика (с явным или неявным отсылком к Диалогам о счастье Пригова), а третья («что собственно») – одновременно и очередной повтор уточняющего вопроса ответчика, который, замыкая трехкратное повторение, уже совсем утрирует сам вопрос, и самостоятельная конструкция, распадающаяся на союз «что» и частицу «собственно», которые имеют значение уже в контексте новой текстовой фразы («что собственно человек...»). В результате такого рода нестабильности и рассеивания формируется симуляционная форма вопрошания: с одной стороны, соблюдены все формальные признаки ее присутствия, с другой – активно демонстрируется мнимость ее существования, вопрос последовательно растворяется в детализации и повествовании о деталях. Заметим, что и необходимость в перечислении/описании последних также весьма сомнительна. Подобная необязательность элементов текста, по-своему дублирующая их мнимость, необходима для нейтрализации целеполагания в исходном высказывании: очевидно, вопрос ставится не для того, чтобы получить на него ответ. Не то же ли самое становится результатом трансформаций мотива прихода и вопрошания в «Школе»? А чтобы окончательно утвердить этот новый, уже деконструированный вариант формулы «Те Кто пришли», удаляется всякая личная или указательная форма действующего лица: рассказчик/нарратор лишь угадывается по неопределенно-личной форме предиката («осведомились, спросили то есть по поводу»). Дальше в тексте появятся знакомые связки с «мы», но на начальной стадии

нового текста нужно напомнить о произошедших трансформациях и восстановить координаты.

Обезличенность персонажей будет усилена их формальной неразличимостью, подменой говорящих и несоблюдением порядка подачи реплик, вплоть до отсутствия каких-либо маркеров диалога. В результате пришедшие не столько начинают диалог или даже полилог (поскольку количество голосов нестабильно и неучитываемо), сколько запускают новый уровень звучания/общения/существования. Думается, речь идет о попытке создания межуровневого общения, диалога между голосами, находящимися на разных уровнях текста, между текстами в тексте.

Очевидно, если акцент будет переноситься с выяснения правды (ответа на вопрос) на самую встречу и собственно диалог, то **1-й уровень** будет конструироваться чисто формально – элементами, воспроизводящими структуру разговора, причем самыми узнаваемыми и легко считываемыми (и молвил, и удивились, и отвечал им и т. п.). По ходу текста выстраивается своеобразный каталог словесных формул, в которые могут быть облечены инвариантные «спросил – ответил», случайно или все-таки преднамеренно начинающийся со знакомого варианта:

подошли и спросили:

и возражал им: / и молвил:

и удивились:

и отвечал им:

безучастно:

одушевленно: / знайте: / не беспокойтесь:

не забывайте: / излагайте:

извольте:

Заметим, что именно стилистическое, коннотативно-семантическое и даже эмоциональное разнообразие форм отвлекает этот каталог от характерного в подобных случаях опустошения. Здесь, напротив, уже сама конструкция развивающегося диалога превращается в сюжет. Или, говоря точнее, в фабулу, поскольку именно перерастание этой фабулы в сюжет можно рассматривать как свидетельство самостоятельного существования 1-го уровня текста.

Вместе с тем сюжет будет весьма специфическим: это история создания пространства диалога. И ситуация «пришли и спросили» будет своеобразной завязкой и одновременно генератором новых маркирующих, оформляющих или презентующих диалог форм. Так, на протяжении всего текста предлагаются разнообразные виды и типы имитации разговора: обращение к собеседнику/оппоненту (*коллега, господин, капитан мой, генерал, сударь, ваша милость*), призывы к нему (*мы призываем вас; излагайте детальней*), использование вводных слов и конструкций, обращенных к собеседнику и привлекающих его внимание (*извините; надеюсь; знаете; вы даже сами не знаете; знаете, что; вы не ослышались; я бы сказал;*

признаться), внутренних вопросов (*вы согласны*), иногда с парными ответами (*вы согласны – естественно*), диалоговых клише (*виноват покорно; позвольте откланяться; погодите; до свиданья*). Параллельно происходит отработка стандартных форм диалога: официальный, дружеский, интеллектуальный, диалог с оппонентом/чужим. Наконец, уже представленный выше список фабульных реплик показывает, что, несмотря на отсутствие в тексте привычных знаков, оформляющих диалог (кроме сохраненного, но не во всех случаях, двояточия), говорящие без труда вычлениваются и реплики атрибутируются. И здесь же, следуя за сменой голосов, подающих реплики, мы обнаруживаем самый характерный для диалогового сюжета конфликт – антагонистический, а также его самую популярную в литературе разновидность – конфликт романтический:

не далее как однажды к нему подошли и спросили:

коллега,

где правильнее сочинять изысканные композиции и вообще изящное,

и возражал им:

изящное, чтоб вы знали, обязано быть виртуозно,

и сочинять его правильнее в вертоградах,

причем, в предрассветных... [1, с. 67]

Внешне несколько немотивированное и агрессивное «и возражал им» – в романтическом регистре вполне органичная реакция на запрос «правильнее». Отсюда естественное в этой парадигме манифестирование виртуозности как основного требования к изящному, вертограда как основного места его существования или происхождения и предрассветности как идеального трансгрессивного времени. Подобная исходная (завязочная) вопросно-ответная конструкция, построенная на противоречии нормы и выхода за ее пределы, обеспечивает неразрешимость спора, невозможность достижения компромисса и, закономерно, незавершаемость диалога.

Таким образом, тщательно проделанная Соколовым работа по организации архитектоники этого уровня позволяет нам усмотреть здесь своеобразный текст диалога, имеющий свое пространство (пространство диалога) и свой сюжет (сюжет диалога).

2-й уровень вводится через предмет разговора спросивших и отвечающего/отвечающих и, соответственно, через разработку темы вопрошания и косвенно – смысла этого вопрошания. В «Школе» темой вопрошания была правда, а смыслом – преобразование (в той или иной интерпретации). Здесь тема – изящное (искусство), а вот цель и смысл не так однозначны. Формально, безусловно, можно говорить о своеобразном постижении искусства (его специфики, тела, «сора» и т. п.), которое происходит в процессе чтения «Газибо». Отсюда же необъятность, ненареченность/неназываемость искусства: уже фраза «насчет изящного» предпола-

ет весьма приблизительную возможность объять этот предмет как в практико-прагматическом смысле (словечко «насчет» демонстрирует косноязычие канцелярита), так и в интеллектуальном («насчет» читается как еще одна версия «к вопросу о ...»). Закономерно весь текст будет являть собой невозможность определения и даже уловления изящного, тем более что соответствующий комплекс приемов давно Соколовым освоен: нелинейность, тавтологичность, возвращение к началу и прочие способы создания нон-финальности.

Поэтому обратим внимание на другой момент: на расщепление связки вопрос – ответ на две самостоятельные конструкции. В самом деле – вопрос никогда не получает внятного ответа и на выходе даже как будто пресекается, игнорируется («итак, до свиданья, / всего вам самого удивительного, / возникайте в любое удобное, побормочем...» [1, с. 163]) или симулируется мнимым договором («ну, значит, договорились: / отныне от утренних сумерек и до первых звёзд / об изящном – ни звука» [1, с. 165]), а ответ пренебрегает необходимостью следовать запросам вопрошающего и разрастается в самостоятельную наррацию, вплетая в свой строящийся текст даже возникающие вдруг реплики оппонента.

В таком случае своеобразная эмансипация вопрошания и отвечающего, позволяющая воспринимать их как потенциально автономные системы, параллельно развивающиеся в тексте, переакцентирует внимание с определения или неопределения специфики изящного как основы сюжета на взаимоотношение вопросной и ответной систем. И уже здесь можно зафиксировать первые отсылы-запросы к 1-му уровню текста как к формульной базе, поскольку именно там разрабатывалось пространство диалога и принципы диалогового сюжета. Взаимодействие этих двух уровней и вызывает тот диалог иного масштаба, в котором осуществляется одновременное строительство диалоговой конструкции как каркаса текста и расщепление этой конструкции при выходе в семантическое поле. Разговор усложняется еще и при попытке определения границ дефиниций: диалог в «Газибо» предстает и темой, и способом подачи материала, и конструктивным приемом, и, как показывает ход наших рассуждений, способом взаимодействия элементов внутри текста. Итак, мы имеем диалог-конструкцию (в форме которой строится текст в целом) и диалог между элементами этой конструкции (вопросом и ответом). Что же происходит на пересечении этих диалогов, или в диалоге диалогов?

Вопрощание, по определению, завязанное на обозначении пустот и, следовательно, потребности в их заполнении, будет в тексте выполнять роль катализатора ответообразования. Следовательно, чем больше будет образовываться в тексте дубли-

рующих вопросов, чем активнее будет работать симуляция вопросной ситуации, тем шире будет спектр коннотативных нюансов и, соответственно, внутритекстовых и интертекстуальных развитий в системе ответов. В результате мы получаем не конкретный ответ на конкретный вопрос, а взаимодействие текста Вопроса и текста Ответа, или сюжета Вопроса и сюжета Ответа. Иначе говоря, в результате межуровневого диалога на 2-й уровень переносятся не правила осуществления диалога, или его формульность, представленные на 1-м, а тот креативный момент превращения диалога в саморазвивающееся пространство или сюжет, отмеченный нами там же. И сюжет диалога дублируется параллельно развивающимся сюжетом вопроса и сюжетом ответа. Более того, начинается подробная разработка версий и вариантов обозначившегося «сюжета».

Так, именно подобного рода взаимодействие Вопроса и Ответа реализовано в структуре сократического диалога, который активно развивается на этом уровне текста. Механизм анакризы замещает попытки утверждения истины инвокацией и провокацией слова. Вопрощание становится средством вызывания слов собеседника и организатором его последующего максимального высказывания. Поэтому текст Вопроса будет двигаться в сторону проработки собственно ситуации вопрошания и сопровождающих компонентов, насыщая его побуждением, мотивацией, конкретизацией, обозначением параметров, дополнительными эмоциями и т. п. («вас пригласили на роль спеца», «мы призываем вас поделиться взглядом», «но как видится это явление субъективно, приватно вам», «вы звучите обще, излагайте детальней, детализированней», «говорите отчётливей, вы невнятны»). А текст Ответа, оказавшийся в комфортных условиях, начнет умножать собственные сюжеты (несколько версий истории музыканта/музыкантов, история «учетчика-арифметчика», история вдовы, история полковника и многочисленные их пересечения).

Той же цели создания ситуации столкновения/пересечения линий ответа служит и близкий к сократическому лиминальный диалог – то, что Бахтин в свое время называл «диалогом на пороге». «Пороговость» соколовской ситуации задана буквально: введением порога дома/здания, на котором в «Школе» задается вопрос. Но так же буквально воспроизводится она и в «Газибо»: «и на самом пороге газибо назвать себя, / изложить цель явления: / зашёл, мол, коснуться кое-каких аспектов / изящного и вообще побеседовать...» [1, с. 72].

Однако теперь симуляция целеполагания манифестируется и поддерживается далее рассеиванием события: от неосуществления цели визита до ее бесконечного тавтологического варьирования – невозможности окончить беседу. В этом смысле умножающиеся лиминальные знаки свидетельствуют

об уже ожидаемом переносе акцента с результата процесса на его нон-финальность. Набор знаков пороговости вполне типичен: ночь («третья стража», «сугубая темень», «вызвездило») и предрассветное время-пространство («предрассветные вертоград»), мрак экзистенциальный («внешний мрак»), пересечение географических границ (с особенной настойчивостью рек), напластование времен и т. д. Важно другое: все их бесчисленные вариации находятся не в зоне Вопросов и даже не в промежутке между вопросом и ответом – они сосредоточены в тексте Ответа, что очевидно нарушает бинарность вопросно-ответной конструкции с ее трансгрессивным преодолением порога и ожиданием за ним ответа, освобождения, (пере)рождения.

Добавим еще нюанс: у Соколова «диалог на пороге» имеет и свою предельную вариацию – это диалог мертвых. По сути, все истории в «Газибо» – истории умерших, рассказанные голосами умерших (так в «Школе» говорит/рассказывает умерший Норвегов). В этом смысле и сюрреалистичность, и прерывистость/незавершенность, и закольцованность сюжета имеет весьма конкретную причину: рассказчики умерли, а потому сюжет движется внутри нарративного кольца, в прямом смысле не предполагая выхода и ответа. Как следствие, полюса диалоговой структуры утрачивают свою маркированность: вопрос становится ответом и наоборот, нарушается логическая последовательность реплик, одна из составляющих утрачивается и т. п., вплоть до замещения диалоговой формы нарративной.

Таким образом, деконструкция диалога в «Газибо» приводит к концептуальной перемене его функции: он не только не обеспечивает поиск истины в полифоническом множестве вариантов, но даже вовсе не озабочен производством ни истин (пусть даже множественных), ни собственно полифонии. Диалог здесь выступает функциональным организующим принципом текста, парадоксально – но отчасти внешним, своеобразным кодом, легко считываемым и потому безупречно действующим, создающим ту формульную бинарность, которая уже не работает на уровне содержания, но отлично срабатывает на уровне формы, обеспечивая и разрывы, нуждающиеся в заполнении, и противоречия, движущие текст, и т. п. Уходя в форму, диалог теряет свою уже ставшую символической роль, но, вероятно, обретает что-то не менее ценное: шанс на новый виток существования как в тексте художественном, так и исследовательском.

Возможно, поэтому некоторые места «Газибо», выглядящие прямым высказыванием, действительно можно воспринимать как манифестационные. По всей видимости, подлинный диалог у Соколова наступает не тогда, когда читатель впервые обнаружит наличие двух голосов и диалогически соотносящихся реплик, а когда вопрошание превращается в беседу. Начало этого события отчетливо

маркировано: персонажи знакомятся. Именование не только переводит ситуацию в новый статус, но и снимает агрессивность реакций и концептуальные противоречия, характерные для развития любого диалога:

... вы предложили о нём
 побеседовать до того внезапно,
 что не успели даже представиться, <...>
 виноват покорно, я нынче же назову себя,
 называйте, а я – себя
 называют, знакомятся,
 слышен звук, наводящий на мысль,
 что откупили <...>
 мне не просто приятно,
 мне познакомиться просто прекрасно,
 взаимно,
 вот видите, до чего мы совпали... [1, с. 84]

Этот кульминационный момент текста завершает нейтрализацию идеи вопрошания, акцентируя в «беседе» элементы единения и недифференциации: от пародийно культурологического «откупили» до симулятивной индивидуализации (я – себя, а я – себя) и, наконец, окончательного смешения голосов («совпали»). Несмотря на то, что совпадение происходит не по существу разговора или именно поэтому (совпадение подчеркнуто ритуальное, на формальном уровне приветствия), с этого момента голоса начнут переплетаться, а персонажи замещать и подменять друг друга. И далее установка формулируется достаточно откровенно и откровенно пародийно: «то нам остается лишь уточнить программу, / лишь выверить вектор, курс дискурса, / то есть давайте же, наконец, отрешимся, / вернее, решимся на нечто определенное...» [1, с. 88].

Показательно, что далее голоса сливаются в дружеском разговоре, и вопрошающий начинает рассказывать, уходя в наррацию. Таким образом, мы вновь и вновь сталкиваемся с сознательным опустошением Соколовым содержательной составляющей диалога. Что же дает высвобождение его формальной стороны?

Во-первых, порождение в тексте разного рода диалоговых вариантов, способных организовать параллельный текст или текст в тексте. Например, одним из перспективных форм вопрошания выглядит интервью и, в частности, интервью нарративное, известное своей направленностью на провоцирование наррации, или истории, о прошлом. Именно интервью соотносится с ключевой для соколовского сверткста фразой «пришли и спросили», а его психоаналитическое применение – с блужданиями по лабиринтам памяти/сознания, представленным в «Газибо». В этом ракурсе нарративное интервью вполне заслуживает самостоятельного анализа, поскольку будет выступать и двигателем текста/сюжета (вопросы должны породить истории ответчика/пациента), и координатами в композиционном лабиринте (вопросы

должны поддерживать стабильность и возвращать потерявшего нить рассказчика к основной линии повествования), и спусковым крючком механизма выхода в интертекстуальное поле (вопросы должны провоцировать ассоциации, вызывающие воспоминания о прошлом, в нашем случае в первую очередь о «Школе для дураков»).

Во-вторых, вплетение в текст многообразных построенных на диалоге устойчивых структур или концептов. Самым очевидным, видимо, будет традиционный литературный мотив размышлений о «назначении поэзии». В самом деле, вопрошание об изящном, представленное в романтической форме разговора поэта с филистерами / критиками / издателями, реконструирует целый историко-литературный комплекс. Не останавливаясь на нюансах сходств и различий отдельных текстов, принадлежащих к тому же к разным эпохам, заметим в целом, что Соколов деконструирует и этот мотив: варианты предназначения изящного становятся самим изящным, когда воплощаются/ трансформируются в истории, фрагменты нарративов, то есть становятся текстом. Соответственно, и здесь на очередном витке совершается межуровневый диалог: отсыл к диалоговой форме размышлений о поэте и поэзии превращается в диалоговую и полилоговую форму самого текста прозы Соколова. А эта форма порождает текст: поэт, критик, издатель (производные культурных кодов или интертекстуальные голоса), к которым присоединяется еще одно новое, современное лицо – читатель, слушатель историй, зритель, соучастник, свидетель – становятся голосами-нарраторами, они создают текст собой, своей плотью, порой буквально своим телом или его мутациями-метаморфозами (воскресают умершие герои, превращаются в насе-

комых, меняют статусы, хронотопы, имена; создаются внутренние тексты – истории, рассказы, объяснения, нотные записи – «фолианты изысканных композиций», письма, эпистолы и т. д.).

Все эти версии родственны в одном: диалог становится самодостаточным, обращается внутрь себя, развивает собственную структуру и, как следствие, обладает порождающей способностью и высвобождает активность текста. И в этом развороте можно говорить о следующем сдвиге: от диалога об искусстве Соколов переходит к диалогу искусства, то есть к формированию самого тела искусства, текста как говорящей плоти. В связи с этим выглядящее неупорядоченным с точки зрения прояснения сути изящного разветвление историй-сюжетов оказывается совершенно органичным наполнением структуры текста, где параллельно развивающиеся сюжеты работают друг на друга (находятся в диалогическом состоянии).

Варианты можно продолжать, несомненно одно: начиная «Газибо» с очевидной автоцитации, Соколов не может не учитывать привлечение в новый текст вместе с аллюзией всего комплекса идей, кодов, текстовых движений, разработанных ранее. Значит, совершая это сознательно, автор рассчитывает вновь поработать с этим набором. И, как оказывается, ему есть, что показать.

Библиографический список

1. Соколов Саша. Газибо // Соколов Саша. Триптих. – М.: ОГИ, 2011. – 286 с.
2. Тюленева Е.М. К вопросу о внутренних процессах в авторском сверхтексте Саши Соколова. Статья 1. Трансформация мотива // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – №3. – С. 145–149.

СТРУКТУРА АВТОРСКОГО «Я» В ПОЭЗИИ БОРИСА РЫЖЕГО

Статья обращена к рассмотрению субъектной организации поэзии Б. Рыжего, а именно принципа полифонии, которым определяется структура лирического «я» в ряде его стихотворений. Доказывается, что субъект высказывания у него зачастую распадается на две внутренне связанных ипостаси, одна из которых приближается к авторскому полюсу, а другая фактически сливается с геройным. Особенности их взаимоотношений – преимущественно диалогического характера – как раз и обуславливается поэтика конкретного текста. Подробный анализ стихотворений «Ода», «Темнеет в восемь – даже вечер...» и «Мой герой ускользает во тьму» позволяет выявить градацию субъектных форм, в которых реализуется полифония в поэзии Рыжего, а также ключевые структурные признаки каждой из них.

Ключевые слова: Б. Рыжий, «я» и «другой», субъектная структура, полифония, диалогические отношения в лирике.

Давно замечено, что «формую... переживания действительного человека является корреляция... категорий “я” и “другого”» [3, с. 117]. В неклассической лирике эта максима реализуется в субъектных отношениях, при которых «я» видит себя со стороны – как «до конца не объективируемого “другого”... неопределенное лицо или состояние, отделенное от... носителя» [6, с. 320; см. также: 7]. При этом дистанция между автором и героем не только эстетически разыгрывается [6, с. 320], но и становится предметом рефлексии, в результате чего возникает своего рода полифония (в том смысле, в каком ее понимал М.М. Бахтин [4]) – сосуществование в сознании автора «голосов, воспринимаемых им в качестве субъектов общения» [8, с. 273]. По образному выражению И.В. Кукулина, авторское «я» в подобных случаях «проецируется как бы в одно или несколько... фиктивных тел», которые одновременно и отчуждены от него, и «неразрывно, кровью» с ним связаны [9]. Иными словами, субъект высказывания в каждом отдельно взятом тексте распадается на несколько ипостасей, одна из которых вплотную приближается к авторскому полюсу, а другие – фактически сливаются с геройным. Особенности их взаимоотношений – преимущественно диалогического характера – в конечном итоге и определяется поэтика конкретного стихотворения.

Очерченная субъектная ситуация, свойственная лирике конца 1990 – начала 2000-х гг. (прежде всего текстам Д. Воденникова, В. Зельченко, Е. Лавут и др.), актуальна и для поэзии Бориса Рыжего, о которой далее пойдет речь. По мнению Т.А. Арсеновой, его произведения отличает особый характер саморефлексии – переживание себя как героя – и точка зрения, дистанцирующая говорящего от собственной социокультурной роли поэта [2, с. 33]. Автометаописанием такой «оптики» (ею и порождается полифония) можно считать строки из стихотворения «Падал снег» [13, с. 162], обращенные к осмыслению художественного акта:

«И радость посторонняя и боль – / все равно вызывало отвращенье. / И мне казалось даже: нет меня. / Я, вероятно, превратился в ноль. / Я жить ушел в свое стихотворенье – / погас на пепле язычком огня» [13, с. 162]. Любопытно, что механика творческого процесса, обрисованная поэтом, оказывается созвучна теоретическим взглядам М.М. Бахтина, считавшего непеременимым условием авторства «внежизненно активную позицию» субъекта¹ [3, с. 203]. Именно о такой позиции, как представляется, и говорит Б. Рыжий («Я, вероятно, превратился в ноль»), однако не исключает для себя возможности быть не только автором, но и героем создаваемого им текста («Я жить ушел в свое стихотворенье...»). И дело не столько в общеродовых свойствах лирики, так и не изжившей субъектный синкретизм, сколько в умении поэта видеть себя как «другого» – в пределе почти автономного по отношению к автору субъекта.

Среди стихотворений Рыжего полифоническим принципом мышления объединен небольшой, но весьма репрезентативный корпус текстов, где интересующее нас явление воплощается в трех различных формах. Первая предполагает, что (1) авторское «я» реализуется одновременно и как протагонист, и как описывающий его извне лирический повествователь, на чье видение сориентирована точка зрения текста («К Олегу Дозморову» [13, с. 162], «Ода» [13, с. 300], «Море» [13, с. 442] и др.). В рамках второй формы (2) внимание субъекта сосредоточено на персонаже, который наделяется сходными с автором биографическими, психофизическими и т. д. характеристиками и воспринимается как нераздельный, но и неслиянный с ним «двойник» («От ближнего света снег бел и искрист...» [13, с. 186], «Темнеет в восемь – даже вечер...» [13, с. 325], «Жил на свете господин...» [12, с. 145–146] и др.). Наконец, третья форма основана на (3) отчетливой оппозиции автора и героя, причем виртуальный, подчеркнуто литературный статус последнего намеренно акцентируется («Мой герой ускользает во тьму» [13, с. 369]). Рассмотрим

каждую из этих форм на примере текстов, полифоническая природа которых не вызывает сомнений, а отношения между «я» и «другим» характеризуются особенной напряженностью.

(1) Стихотворение «Ода», строящееся как субъектно не маркированное высказывание, интересно прежде всего особенностями точки зрения. Первоначально в кругозор лирического повествователя попадают лишь патрулирующие город «милиционеры» (благодаря нестандартной орфографии отсылка к творчеству Д.А. Пригова очевидна²), и только в третьей строфе возникает собственно герой, увиденный со стороны и глазами этих «милиционеров»: «Вдруг Синицын: “Стоп, машина”. / Скверик возле магазина / “Соки-воды”. На скамейке / человек какой-то спит» [13, с. 300]. Из цитаты видно, что поле зрения героя (позднее он будет обозначен как «Борька Рыжий») существенно ограничено: для него не существуют ни созерцающие его «блюстители порядка», ни скрывающиеся «в тени аллей» «извращенцы», которых они выслеживают [13, с. 300]. Лишенный «привилегий» в мире стихотворения, он, на первый взгляд, такое же действующее лицо, как и все остальные, занимающее к тому же пассивно-страдательную позицию. Однако адекватное восприятие протагониста невозможно без учета акцентов, которые расставляются «анонимным» голосом, неотделимым от него, но и внеположенным ситуации.

Так, принципиально важно, что милицейский патруль представлен в произведении как единый кумулятивный образ: простое перечисление, вводящее персонажей, «захватывает» даже атрибут одного из них, обозначенный именем собственным («Иванов. Синицын. Жаров. / Лейкин сорока двух лет, / на ремне его “Макаров”. / Впрочем, это пистолет» [13, с. 300]). Рядоположение, повторяющееся в тексте неоднократно, способствует стиранию субъектной границы и фактически лишает героев индивидуальности (ту же функцию выполняет и общая для всех портретная деталь – восемь «печально-синих» глаз [13, с. 300]). Однако не менее значимо, что впервые «милиционеры» входят в стихотворение в окружении условно-поэтических слов-сигналов: «ночь» и «звезда», а также словоупотребление, отсылающее к текстам Пригова, обнажают их нарочитую литературность, «невсамделишность». В отличие от них ономастически тождественный автору субъект показан «крупным планом» и не вписан ни в какие ряды; несмотря на легкую стилизацию «под Есенина», он лишен отчетливого реминисцентного флера и потому гораздо «реальнее» своих оппонентов. Впрочем, даже у них его исключительность не вызывает сомнений: «А, пустяк, – сказали только, / выключая ближний свет, – / это пьяный Рыжий Борька, / первый в городе поэт» [13, с. 300].

С учетом сказанного получается, что субъектная структура «Оды» предусматривает реализа-

цию двух принципиально разных интенций. Одну из них, формально закрепленную за повествователем, можно назвать «воспевающей»: фигура протагониста целенаправленно укрупняется, а «фон», на котором она изображена, только высвечивает ее уникальность (не столько декларируемую, сколько «упрятанную» в подтекст). Другая же, тоже напрямую не выговоренная, принадлежит самому «воспеваемому», чья позиция – быть как все и ничем не выделяться³ (поэтому его и принимают вначале за вора или бандита [13, с. 300]). Своеобразие стихотворения как раз и состоит в том, что носителем разнонаправленных интенций оказывается одно и то же сознание, воплощенное, однако, в двух противопоставленных друг другу субъектных формах.

(2) Сходный пример – стихотворение «Темнеет в восемь – даже вечер...» [13, с. 325] – отличается от разобранных тем, что на авансцене здесь оказывается уже не «я», пусть и увиденное со стороны, а реальный «другой», более или менее удаленный от автора. Однако с лирическим героем (основным субъектом у Рыжего) его связывают отношения эквивалентности, суть которых задолго до современного поэта сформулировал И.Ф. Анненский: «Не я, и не он, и не ты, / И то же, что я, и не то же: / Так были мы где-то похожи, / Что наши смешались черты» [1, с. 9]. Иными словами, «другой» становится в стихотворении как бы «двойником» «я», поэтому все (или почти все), что говорится о нем, справедливо и по отношению к протагонисту. Нераздельность-неслиянность их сосуществования задается уже на уровне заголовочно-финального комплекса, играющего немаловажную роль в оформлении субъектных отношений.

Для понимания стихотворения существенно, что при жизни поэта оно публиковалось под заглавием «Вертер» [11, с. 57], которое ориентировало читателя если не на чужой, отличный от авторского, опыт, то по крайней мере на определенный психотип, в целом не характерный для героя Рыжего⁴. Зыбкость субъектной границы ощущается уже в первой строфе, которая открывается словом неопределенного лица, а завершается введением субститута, отделенного от своего обладателя: «Темнеет в восемь – даже вечер / тут по-немецки педантичен. / И сердца стук бесчеловечен, / предельно тверд, не мелодичен» [13, с. 325]. При такой форме высказывания невозможно с точностью определить, какому субъекту принадлежит стук сердца – лирическому повествователю (он выступает в качестве носителя речи) или персонажу, который появляется лишь во второй строфе («И пиво пьет обрюзгший немец, / скорее скучный, чем печальный» [13, с. 325]). Подкрепленное заглавием определение «немец» заставляет воспринимать героя как «другого», однако налицо и его теснейшая связь с автором – отмеченный выше субъектный неосинкретизм. Их нераздельность подчеркивает-

ся даже таким сугубо формальным моментом, как датировка: последняя строфа содержит указание на возраст «Вертера» («В семнадцать лет страдает Вертер, / а в двадцать два умнеет, что ли» [13, с. 325]), который совпадает с возрастом Рыжего на момент создания текста – в 1997-м (именно такая дата стоит под стихотворением) поэту как раз двадцать два года⁵.

Что же касается разделяющей автора и героя дистанции, то наиболее рельефно она эксплицирована в последнем процитированном фрагменте. Если протагонист фактически лишен рефлексии (в произведении показаны лишь отдельные ее симптомы), то лирический повествователь, будучи субъектом авторского плана, обнаруживает явное и хорошо развитое аналитическое начало (его финальный вывод – «И только ветер, ветер, ветер / заместо памяти и боли» [13, с. 325] – относится в равной степени как к герою, так и к нему самому). Двойничество, таким образом, может интерпретироваться как крайняя степень самоотстранения, позволяющая занять по отношению к своему «я» своеобразную метапозицию (заведомо более высокую, чем геройная) – не просто увидеть себя как «другого», но и в буквальном смысле стать этим «другим».

(3) Еще более радикальный случай – стихотворение «Мой герой ускользает во тьму...» [13, с. 369], где несовпадение автора («я») и его литературной проекции («он») становится непосредственной темой высказывания. По справедливому замечанию Т.А. Арсеновой, дистанция между разными ипостасями лирического субъекта здесь наибольшая – и именно она акцентируется исследовательницей в ее анализе [2, с. 36]. Действительно, конструктивной опорой текста является оппозиция реального (настоящего, неподдельного) и условного (вымышленного, искусственного), спроецированная на его субъектную структуру. Автор⁶ настойчиво обличает оппонента во всевозможных пороках, приписывая свои слабости alter ego и объясняя существование последнего собственной легкомысленной прихотью («Я придумал его потому, / что поэту не в кайф без героя» [13, с. 369]). В конечном счете претензии персонажа на самостоятельность объявляются и вовсе смехотворными: он всего лишь посредник в диалоге поэта с Богом – и без него вполне можно обойтись («Это – бей его, ребя! Душа / без посредников сможет отныне / кое с кем объясниться в пустыне / лишь посредством карандаша» [13, с. 369]). Однако вполне осознанная оппозиция субъектов просвечивает у Рыжего более архаическими отношениями параллелизма, в свете которых сюжет стихотворения не столь однозначен.

Как известно, параллелизм предполагает эквивалентность, если не тождество составляющих его элементов [5, с. 43], поэтому автор и герой

в стихотворении не только разводятся, но и приравниваются друг к другу. Особенно интересна в этом плане третья строфа, распадающаяся на два двустихия, каждое из которых представляет собой отдельное предложение: «Он бездельничал, “Русскую” пил, / он шмонался по паркам туманным. / Я за чтением зренье садил / да коверкал язык иностранным» [13, с. 369]. Прежде всего бросается в глаза разница мироотношений автора и героя: первый полностью погружен в себя, второй – скорее экстриверт, ищущий приключений. Однако синтаксический облик фраз нивелирует внешние различия, выдвигая на первый план сходство, поддержанное рифмой: благодаря своим позициям в стихе слова «пил» («Русскую») и «садил» (зренье) обнаруживают общее семантическое ядро – саморазрушение субъекта. Аналогичным образом, даже несколько сложнее, построена и четвертая строфа: «Мне бы как-нибудь дошкандыбать / до посмертной серебряной рентгы, / а ему, дармоеду, плевать / на аплодисменты» [13, с. 369]. «Несовместимость» субъектов, выраженная на этот раз еще и формально – «смазанностью» структурных совпадений между двустихиями, – противопоставляется их единству, заданному синтаксическими и верификационными средствами: сказуемые в стихах позиционно изоморфны, а рифмующиеся слова «рентга» и «аплодисменты» (относящиеся к миру автора и героя соответственно) воспринимаются как контекстуальные синонимы.

Сделанные наблюдения позволяют переосмыслить систему мотивировок, лежащую в основе событийной организации текста. В изложении Т.А. Арсеновой его сюжет выглядит следующим образом: видение ускользающего во тьму героя, подстрекательство шпаны к расправе над ним – и, наконец, собственный побег автора от милиции, снимающий его с привилегированной «олимпийской» позиции [2, с. 36]. Финал стихотворения интерпретируется исследовательницей как «расплата» субъекта за насилие над оппонентом: если «хулиган-посредник ликвидирован», то протагонист, «игравший роль “автора-поэта”, за не менее хулиганские действия вынужден проявлять “геройную” активность» [2, с. 36]. Однако такая концепция не учитывает, что автор и герой у Рыжего – единое целое, и если погибает один, то за ним непременно следует и другой. Показательно, что параллелизм, проявляющий эту связь, организует не только отдельные сегменты текста, но и композицию произведения в целом: начало стихотворения («Мой герой ускользает во тьму. / Вслед за ним устремляются трое» [13, с. 369]) и его концовка («Слышу рев милицейской сирены, / нарезая по пустырям» [13, с. 369]) соотносены «через голову» более чем пяти строф. Если граница между поэзией и действительностью исчезает, платой за свободу от героя и обретение подлинного «я» становится

ся жизнь пишущего – но вместе с ней неизбежно прекращается и поэзия.

Таким образом, в «полифонических» текстах Б. Рыжего (то же, впрочем, можно сказать и о других поэтах его поколения) важен не только зазор между различными ипостасями лирического субъекта, но и неявные моменты сходства между ними. Однако именно от дистанции, разделяющей автора и героя, зависит градация субъектных форм, в которых реализуется полифония: например, в стихотворении «Ода» она наименьшая, в «Темнеет в восемь – даже вечер...» – средняя (при всей условности такого обозначения), а в «Мой герой ускользает во тьму» – наибольшая. В любом случае диалогические отношения в подобного рода текстах оказываются неотъемлемой частью их поэтики и одним из основных маркеров рассматриваемого явления.

Примечания

¹ См. также его ставшее хрестоматийным высказывание: «Чистая творческая активность, из меня исходящая, начинается там, где ценностно кончается во мне всякая наличность, где кончается во мне все бытие как таковое» [3, с. 203].

² Сознательный характер апелляции к текстам Д.А. Пригова (см., например, его цикл «Апофеоз милищанера» [10, с. 149–165]) подтверждается стихотворением, где осмысливается сам факт заимствования у старшего поэта: «Под огромной звездой / сердце – под Рождество / с каждой тварью земною / ощущает родство. <...> И блуждая по скверам / с пузырьком коньяка, / с этим милищанером / из чужого стиха» [13, с. 230; курсив автора. – А. Б.].

³ Ср. в другом стихотворении: «Быть, быть как все – желанье Пастернака – / моей душой, которая чиста / была, владело полностью, однако / мне бокком вышла чистая мечта» [12, с. 203].

⁴ Тем не менее персонаж И.В. Гете появляется еще в одном стихотворении поэта – «Писатель», и вновь как форма авторского инобытия, заслуживающая, впрочем, крайне негативной оценки: «... чуть не плачет, идет / прочь из дома, на волю, на ветер – / синеглазый худой идиот, / переросший трагедию Вертер...» [13, с. 304].

⁵ См. ссылку на «паспортный» возраст автора в стихотворении того же года «Ночь – как ночь, и улица пустынна...»: «Как и все хорошие поэты, / в двадцать два / я влюблен – и, вероятно, это / не слова» [13, с. 278].

⁶ Речь, разумеется, идет не о реальном биографическом авторе, а об «авторской» ипостаси лирического субъекта.

Библиографический список

1. *Анненский И.Ф.* Лирика. – Минск: Харвест, 1999. – 432 с.
2. *Арсенова Т.А.* «Мой герой ускользает во тьму...»: лирический герой и его двойники в поэзии Бориса Рыжего // Литература сегодня: знаковые фигуры, жанры, символические образы. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2011. – С. 32–38.
3. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Русские словари: Языки славянских культур, 1997–2012. – Т. 1. – С. 69–263.
4. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Русские словари: Языки славянских культур, 1997–2012. – Т. 6. – С. 6–300.
5. *Бройтман С.Н.* Историческая поэтика // Теория литературы: учеб. пособие: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. – М., 2004. – Т. 2. – 368 с.
6. *Бройтман С.Н.* Лирический субъект // Введение в литературоведение: учеб. пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, А.Я. Эсалнек и др.; под ред. Л.В. Чернец. – М.: Высш. шк., 2004. – С. 310–322.
7. *Бройтман С.Н.* Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики (субъектно-образная структура). – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1997. – 307 с.
8. *Вязмитинова Л.Г.* В поисках утраченного «Я» // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 39. – С. 271–280.
9. *Кукулин И.В.* Заметки по следам статьи Людмилы Вязмитиновой. О стихах Дмитрия Воденикова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litkarta.ru/dossier/kukulin-o-vodennikove> (дата обращения: 16.09.2017).
10. *Пригов Д.А.* Советские тексты. – СПб.: Издво Ивана Лимбаха, 2016. – 272 с.
11. *Рыжий Б.* Стихи // «Urbi»: литературный альманах. – 1998. – Вып. 15. – С. 47–58.
12. *Рыжий Б.* Стихи. – СПб.: Пушкинский фонд, 2003. – 376 с.
13. *Рыжий Б.Б.* В кварталах дальних и печальных: Избранная лирика: Роттердамский дневник. – М.: Искусство – XXI век, 2014. – 576 с.

ОБ ОМОНИМИИ В «СТАРШЕЙ ЭДДЕ»*

В статье изучается феномен омонимии в «Старшей Эдде». Доминирование омофонов по сравнению с омоформами свидетельствует о том, что фактор созвучия приобретает ключевое значение, и данное явление следует интерпретировать в рамках поэтической игры. Обнаружена тенденция, позволяющая установить связь между частотностью омонима и его длиной, которую можно сформулировать так: омоним тем продуктивнее, чем меньше его протяжённость. Значительное преобладание служебных частей речи по сравнению со знаменательными частями речи недвусмысленно свидетельствует об окказиональном характере образования омонимов. Омонимы, поддающиеся семантизации, мотивируются в рамках эддического мифа творения: они относятся к двум стратам – собственно космогонической, описывающей происхождение и устройство Вселенной, и эпистемологической, относящейся к уровню метаописания и характеризующей стратегию познания. Омонимы как окказиональное явление, чисто поэтический эксперимент получают смысловую нагрузку и семантизируются в рамках мифа творения, образующего каркас архаичной мифопоэтической модели мира.

Ключевые слова: омонимия, омофоны, омоформы, древнеисландский эпос, частотность, служебные и знаменательные части речи, миф творения, космогония, эпистемология, метаописание.

Гипотеза «неосознанного авторства», выдвинутая М.И. Стеблин-Каменским [20], заключается в постулировании нерасчленённости формы и содержания как наиболее релевантной особенности эпического произведения. В русле этой концепции форма не имеет самостоятельной ценности, она детерминирована содержанием, которое является общим достоянием, зафиксированным архаичной устной традицией. Что касается формы древнегерманского эпического произведения, то в качестве главного поэтического приёма выступала аллитерация, то есть звуковой повтор в сильноударных слогах долгой строки, которая изначально была содержательна, так как выделяла при помощи созвучий ударные слоги значимых единиц – корневых морфем, входящих в состав обозначений важнейших понятий эпической модели мира. «Аллитерация – это исконный знак сродства. <...> Многообразные виды аллитерации и других поддерживающих её созвучий... скрепляют не только стих, но и сам героический мир; в стихе находит выражение его целостность. <...> Звуки перебрасывают мосты между мыслями» [17, с. 190]. Специфика древнегерманского (в том числе и древнеисландского) эпоса заключается в поэтической номинации, реализуемой прежде всего в сфере имён существительных и прилагательных. Как известно, в эпосе «обилие имён, в том числе синонимических¹ наименований одного и того же предмета, выполняет две функции. С одной стороны, оно позволяет поэту представить эпический мир во всём его многообразии и богатстве, отразить разные стороны ключевых эпических предметов и понятий. С другой стороны, оно позволяет ему справиться с требованиями

аллитерационного стиха, то есть по ходу повествования подобрать имя, начинающееся с нужного для построения строки звука» [7, с. 22]. Если роль *синонимии* в древнегерманском эпосе общепризнана, и ей без преувеличения посвящено огромное количество детальных исследований², то противоположное явление – *омонимия* – осталось совершенно вне поля зрения специалистов. Принимая во внимание неразработанность этой сферы, а также её принадлежность к спорным и нерешённым проблемам германистики, попытаемся заполнить эту лауну и хотя бы частично ликвидировать дисбаланс между изучением синонимии как предела фонетического и морфологического варьирования слова и омонимии как предела лексико-семантического варьирования слова [2, с. 5]. Опираясь на тезис о тесной взаимосвязи формы и содержания в древнегерманском эпосе, стадияльно отражающем этап «неосознанного авторства», обратимся к исследованию такого феномена в «Старшей Эдде», как омонимия³ и попытаемся ответить на вопрос, в какой степени она является средством удовлетворения требований формы или содержания. Прежде всего следует привести определение этого лингвистического термина.

«Омонимия – это звуковое совпадение двух или нескольких языковых единиц, различных по значению» [24]. Различают несколько видов омонимии:

- а) графическая, ср. омографы (от греч. *homos* – одинаковый + *grapho* – пишу) – разные слова, совпавшие по написанию (но не по произношению)⁴;
- б) фонетическая: ср. омофоны (от греч. *homos* – одинаковый + *phone* – голос, звук) – это разные слова, одинаково звучащие, но имеющие разное написание⁵;

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00119 «Исследование лексической омонимии в зонах взаимодействия языка и диалектов (на примере нижненемецкого ареала)».

в) грамматическая: ср. омоформы (от греч. *homos* – одинаковый + лат. *forma* – форма) – это омонимичные формы; слова, совпадающие в своем звучании лишь в отдельных формах (той же части речи или разных частей речи)⁶;

г) лексическая: ср. омонимы (от греч. *homos* – одинаковый + *onoma*, *onoma* – имя) – это слова, принадлежащие к одной и той же части речи и одинаково звучащие, но различные по значению⁷;

д) синтаксическая – это совпадение в синтаксической конструкции (словосочетании или предложении) двух значений⁸;

е) словообразовательная: ср. оморфемы (от греч. *homos* – одинаковый + *morphe* – форма) – морфемы, совпадающие по своему звуковому составу, но различные по значению (омонимичные морфемы)⁹.

По степени совпадения парадигмы выделяют две группы омонимов:

а) *полные* (абсолютные) – это омонимы, у которых совпадает вся система форм¹⁰;

б) *частичные* – это омонимы, у которых совпадают по звучанию не все формы¹¹.

Омонимы *простые* – производные слова, совпавшие по звучанию: клуб (дыма) – клуб (завода), пол (паркетный) – пол (мужской, женский). Омонимы *производные* – омонимы, возникшие в процессе словообразования: заставить (мебелью, обставить) – заставить (принудить), заплыть (далеко, от плыть) – заплыть (жиром) [24].

После предварительных замечаний можно перейти к анализу эддического материала.

1. Омонимия зафиксирована в примерах, которые можно классифицировать в зависимости от количества элементов, на которое распространяется действие данного грамматического явления.

Один элемент: *verðrat íss á á* (Vm. 17) «не становится лёд на реке»¹²; *á ec undir steini stað*; // *vagna verð ec em á vit kominn* (Alv. 3) «имею я под камнем жилище»; // к Возничему¹³ ныне я пришёл»^{*}.

Два элемента: ... *snorts mannz hiarta verðr sialdan glatt*, // *ef sá er alsnotr, er á* (Háv. 55) «...у умного человека сердце редко радуется, // если он *есть* всеумный, *который* имеет»^{*}; *Er a sá nú hýtt, er ór holti ferr* (Vkv. 16) «Не *есть* тот друг, *который* из леса идёт»^{*}; *Tenn hánom teygiaz, er hánom er téð sverð* (Vkv. 17) «Зубы у него скалятся, *когда* ему *есть* показанный меч»^{*}; *þá er er fram komið* (Sg. 52) «*когда же вы* приедете»^{*}; *hundrað rasta hann er á hverian veg*, // *sá er þeim völlr vítaðr* (Vm. 18) «по сто переходов она *есть* в каждую сторону, // *которая* им долина предназначена»^{*}; *Ey var mér týia, meðan við lífðom*, // *nú er mér engi, er ec einn lífic* (Akv. 27) «Раньше было меня сомнение, *когда* мы (оба) жили, // теперь нет (не *есть*) мне никакого, *когда* я один»^{*}; *Kostir ro betri, heldr enn at klösqva sé*, // *hveim er fúss er fara* (Skm. 13) «Лучше выбрать, чем сдать // тому, кто *есть* готовый,

чтобы поехать»^{*} 14; *Sal sá hon standa solo fiarri*, // *Náströndo á, norðr horfa dyrr*; // *fallo eitrdropar inn um líóra*, // *sá er undinn salr orma hryggjom* (Vsp. 38) «*Видела* дом, далёкий от солнца, // на Береге Мёртвых, дверью на север; // падали капли яда сквозь дымник, // *этот* дом сплетён из спин змей»^{*}; *sá þeir á bast bauga dregna*, // *siau hundruð allra, er sá seggr átti* (Vkv. 7) «*видят* – на лыке кольца подвешены, – // было семьсот их у *этого* воина»; *Mann veit ec engi fyr mold ofan*, // *þann er fleira sé fram enn þú, Grípir*; // *scalattu leynd, þótt líótt sé* (Grp. 22) «Человека я не знаю на земле такого, // *который бы видел* вперёд больше, чем ты, Грипир; // не должен ты скрывать, хотя бы *было* ужасным»^{*}; *enn mic bráðan qveða goð öll oc gumar*; // *því em ec hér hróðugr, at drecca Hroptz megir* // *allir öll saman* (Ls. 45) «меня быстрым считают боги *все* и люди, // поэтому я удостоен славы пить с сыновьями Хрофта // *всеми пиво* вместе»^{*}; *Öl goðir þú, Ægir, enn þú aldri munt* // *síðan sumbl um gora*; // *eiga þín öll, er hér inni er, leiki yfir logi* (Ls. 65) «*Пиво* сделал ты, Эгир, но никогда // больше пира не сделаешь; // пусть *все* твоё имущество, *которое есть* внутри, // сгорит в пламени»^{*}.

Три элемента: *fár er fullrýninn, far þú í sinn annat!* (Am. 11) «*опасность* указана рунами, *езжай* в обратный путь!»^{*}; *Mær er mér tíðari enn manni hveim*, // *ungom, í árdaga* (Skm. 7) «*Дева* есть мне желанней, чем любому человеку, // юному в древние времена»^{*}; *Sér þú þenna mæki, mær...* // *nema þú mér sætt segir* (Skm. 23) «*Видишь ты меч, дева...* // если ты мне согласишься не скажешь»^{*}; *margullinn mær mér þótti afli bera* (HHv. 26) «морезолотая *дева* мне показалось силу приносить»^{*}; *Nú er sagt, mær, hvaðan sacar goðoz*; // *því var á legi mér lítt steict etið* (HHv. 9) «*Вот и сказано, дева, какая причина, // что в море мне* мало жареного елось»^{*}; *nú vill dyliaz döglingr fyr mér*, // *enn Högna mær Helga kennir* (HHv. 13) «теперь ты хочешь, герой, от *меня* таиться, // но Хёгни *дева* узнает Хельги»^{*}; *þú scalt, mær ung, at mér lifa*, // *ætt áttu, in góða, er ec síámс* (HH. II 18) «ты должна, *дева* юная, жить со *мною*; // род, который ты имеешь, хорошая, я не боюсь»^{*}; *Mér unni mær fyr mann hvern* (Sg. 28) «*Меня* любила *дева* из всех мужей [одного]»^{*}; *Mun góða qván Gunnarr eiga*, // *mærr, með mönnom – mér segðu, Grípir?* (Grp. 42) «*Должен* Гуннар хорошую жену иметь, // *знаменитый* среди людей, // *мне* скажи ты, Грипир?»^{*}.

Четыре элемента: *vorðr goða dressr í væro ranni*, // *gladr, inn góða mið* (Grm. 13) «там страж *богов* пьёт в прекрасном чертоге, // радостный, *хороший* мёд»^{*}; *-hverr kann um þat* // *goðmálugra goðr at scilia-*, // *hver af hraunbúa hann um fecc* (Hym. 38) «*каждый*, кто знает слова о богах-, // *котёл* от жителя лавы¹⁵ он получил»; *Stóð hon und stoð* (Gðr. I 27) «*Стояла* она у *столба*»^{*} 16.

Пять элементов: *Hér má Höðbroddr Helga kenna*, // *flótta traudan, í flota miðiom* (HHv. 20)

«Здесь может Хёдбродд Хельги узнать, // к бегству несклонного в середине флота»*.

2. Прежде чем перейти к анализу содержательного аспекта омонимов, следует отметить некоторые формальные особенности. В частности, зафиксированы примеры функционирования одновременно двух пар омонимов в пределах одной строфы. Ср.: *Öl gorðir þú, Ægir, enn þú aldri munt // síðan sumbl um gora; // eiga þín öll, er hér inni er, leiki yfir logi* (Ls. 65) «Пиво сделал ты, Эгир, но никогда // больше пира не сделаешь; // пусть всё твоё имущество, которое есть внутри, // сгорит в пламени»*¹⁷. О насыщенности омонимами свидетельствует и их контактное расположение. Ср.: *verðrat íss á á* (Vm. 17) «не становится лёд на реке»*; *þá er er fram komið* (Sg. 52) «когда же вы приедете»*; *margullin mæR mér þótti afli bera* (ННv. 26) «морезолотая дева мне показалось силу приносит»*. С точки зрения звуковой организации эти примеры разнородны: в первом близость предложения и соответствующего существительного абсолютно естественна, она продиктована общеязыковой нормой, в то время как во втором и третьем примерах можно усмотреть чисто поэтическую интенцию, цель которой заключается в усилении эффекта от столкновения омонимов. Взаимное тяготение омонимов проявляется и в их дистантном расположении, если их разделяет всего одно слово, к тому же часто служебное. Ср.: *...snorts mannz hiarta verðr sialdan glatt, // ef sá er alsnotr, er á* (Háv. 55) «...у умного человека сердце редко радуется, // если он есть всеумный, который имеет»*; *Tenn hánom teygiaz, er hánom er téð sverð* (Vkv. 17) «Зубы у него скалятся, когда ему есть показанный меч»*; *Kostir ro betri, heldr enn at klöcva sé, // hveim er fúss er fara* (Skm. 13) «Лучше выбрать, чем сдать // тому, кто есть готовый, чтобы поехать»*; *MæR er mér tíðari enn manni hveim, // ungom, í árdaga* (Skm. 7) «Дева есть мне желанней, чем любому человеку, // юному в древние времена»*; *Mér unni mæR fyr mann hvern* (Sg. 28) «Меня любила дева из всех мужей [одного]»*. Аттракцию омонимов подтверждает и их близкое расположение относительно друг друга, когда между ними вклиниваются слова минимальной протяжённости. Ср.: *Eu var mér týia, meðan við lifðom, // nú er mér engi, er es einn lific* (Акv. 27) «Раньше было меня сомненье, когда мы (оба) жили, // теперь нет (не есть) мне никакого, когда я один»*; *nú vill dyliaz döglingr fyr mér, // enn Högna mæR Helga kennir* (ННv. 13) «теперь ты хочешь, герой, от меня таиться, // но Хёгни дева узнает Хельги»*; *Stóð hon und stoð* (Gðr. I 27) «Стояла она у столба»*; *Hér má Höðbroddr Helga kenna, // flóttá traudan, í flota miðiom* (ННv. 20) «Здесь может Хёдбродд Хельги узнать, // к бегству несклонного в середине флота»*. В целом можно констатировать, что в «Старшей Эдде» омонимы благодаря близкому – линейному – расположению

(контактному или дистантному) взаимно ориентированы и используются как поэтический приём, принципиально отличающийся от аллитерации, так как соплагаются, как правило, семантически не связанные лексемы¹⁸. Иными словами, в данном случае мы имеем дело с поэзией в «чистом» виде.

3. Подводя итоги исследования эддического материала, можно обратиться к статистике и сделать некоторые выводы. В «Старшей Эдде» репрезентировано 28 примеров омонимии, причём ядро образуют омофоны (их 16, то есть 57%), ср.: *er* ‘же’ – *ér* ‘вы’ (Sg. 52), *öll* ‘все’ – *öl* ‘пиво’ (Ls. 45; 65), *fár* ‘опасность’ – *far* ‘езжай’ (Am. 11), *mér* ‘мне’ – *mæR* ‘дева’ (ННv. 9; 13; 26; Skm. 7; 23; НН. II 18; Sg. 28), *mæR* ‘дева’ – *mærr* ‘знаменитый’ (Grp. 42), *góða* ‘богов’ – *góða* ‘хороший’ (Grm. 13), *hverr* ‘каждый’ – *hver* ‘котёл’ (Нум. 38), *stóð* ‘стоял’ – *stoð* ‘столб’ (Gðr. I 27), *flóttá* ‘бегству’ – *flota* ‘флота’ (ННv. 20). На периферии находятся омоформы (их 12, то есть 43%), самые «узкие» (частичные) омонимы, ограниченные совпадением элементов только в одной форме: *á* ‘на’ – *á* ‘реке’ (Vm. 17), *á* ‘имею’ – *á* ‘к’ (Alv. 3), *er* ‘есть’¹⁹ – *er* ‘который’ (Háv. 55; Vkv. 16; 17; Vm. 18; Акv. 27; Skm. 13; Ls. 65), *sá* ‘видел’ – *sá* ‘этот’ (Vsp. 38; Vkv. 7), *sé* ‘видел бы’ – *sé* ‘был бы’ (Grp. 22). Другие группы омонимов, в том числе и лексические омонимы, наиболее полные омонимы, демонстрирующие совпадение парадигм, не представлены в «Старшей Эдде». Судя по языковым данным, явление омонимии совершенно не типично для древнеисландского эпоса, в котором зафиксировано микроскопически малое их число – всего 28. При этом репрезентированы самые «ущербные» разряды – *частичные* омонимы. Доминирование *омофонов* по сравнению с *омоформами* свидетельствует о том, что фактор созвучия приобретает ключевое значение, и данный феномен следует интерпретировать в рамках поэтической игры. Иначе говоря, основой эддической омонимии является материальное тождество звуковых оболочек слов при их смысловом различии; лишь в одной паре слов-омонимов обнаруживается общность семантического признака, легшего в основу внутренней формы этих слов (ср. *stóð* ‘стоял’ – *stoð* ‘столб’ (Gðr. I 27)). В омонимах, засвидетельствованных в «Старшей Эдде», наблюдается полный разрыв семантических отношений, заключающийся в невозможности мотивировать связь между значениями этих слов при синхронном подходе. Таким образом, эддическая омонимия возникает под влиянием *фонетических* и *морфологических* процессов.

4. Наблюдается следующее распределение лексем по группам с точки зрения их частотности: два элемента (13 примеров), три элемента (9 примеров), четыре элемента (3 примера), один элемент (2 примера), пять элементов (1 пример). Таким образом, наименее продуктивными оказываются са-

мые протяжённые *пятикомпонентные* омонимы, в то время как наиболее распространены омонимы средней длины – *двухкомпонентные*. Такое количество компонентов можно считать оптимальным, так как отрезок, образуемый всего *одним* элементом, слишком мал и нерелевантен, поскольку он может заполняться абсолютно случайными единицами. Это заключение подтверждается тенденцией, позволяющей установить связь между *частотностью* омонима и его *длиной*, которую можно сформулировать так: омоним тем продуктивнее, чем меньше его протяжённость (ср. 9 примеров трёхкомпонентных омонимов *vice versa*, 3 примера четырёхкомпонентных омонимов).

5. Картина, наблюдаемая с эддическими омонимами, нуждается в детализации: новая информация может быть получена, если изучить, какие части речи включаются в отношения омонимии. В рамках каждой группы омонимов представлены следующие модели²⁰.

Два элемента: 8 примеров – глагол *бытия* в наст. вр. 3 л. ед. ч. *есть* + союз в функции относительного местоимения *который / когда*; 2 примера – претерит глагола *видеть* 3 л. ед. ч. *видел* (а) + указательное местоимение *этот*; 2 примера – определительное местоимение *весь* во мн. ч. им. пад. *все* + существительное *пиво*; 1 пример – глагол *видеть* в наст. вр. сослагательного наклонения + глагол *бытия* в наст. вр. сослагательного наклонения.

Три элемента: 7 примеров – существительное '*дева*' + личное местоимение *я* в дат. пад. ед. ч. (*мне*); 1 пример – существительное '*дева*' + прилагательное '*знаменитый*'; 1 пример – существительное '*опасность*' + императив глагола *ехать* (*езжай*).

Четыре элемента: 1 пример – существительное '*котёл*' + определительное местоимение *каждый*; 1 пример – существительное '*бог*' в мн. ч. род. пад. (*богов*) + прилагательное '*хороший*' слабого скл. ед. ч. им. пад.; 1 пример – существительное '*столб*' (ед. ч. вин. пад.) + претерит глагола '*стоять*' (*стоял*).

Один элемент: 1 пример – существительное '*река*' (ед. ч. вин. пад.) + предлог '*на*'; 1 пример – глагол '*иметь*' в ед. ч. им. пад. (*имею*) + предлог '*к*'.

Пять элементов: 1 пример – существительное '*бегство*' в ед. ч. дат. пад. (*бегству*) + существительное '*флот*' в ед. ч. род. пад. (*флота*).

6. Нельзя не обратить внимания на огромный удельный вес служебных частей речи, прежде всего *местоимений*, в участии в омонимических отношениях. Ср.: 8 примеров (глагол *бытия* в наст. вр. 3 л. ед. ч. *есть* + союз в функции относительного местоимения *который / когда*) + 2 примера (претерит глагола *видеть* 3 л. ед. ч. *видел* (а) + указательное местоимение *этот*) + 2 примера (определяющее местоимение *весь* во мн. ч. им. пад. *все* + существительное *пиво*) + 7 примеров (существительное '*дева*' + личное местоимение *я* в дат. пад. ед. ч. (*мне*)) + 1 пример (существитель-

ное '*котёл*' + определяющее местоимение *каждый*) + 1 пример (существительное '*река*' (ед. ч. вин. пад.) + предлог '*на*') + 1 пример (глагол '*иметь*' в ед. ч. им. пад. (*имею*) + предлог '*к*') = 22 примера (более 75 %). Наибольшую частотность обнаруживают глаголы, которые не только могут выступать в качестве полнозначных лексем, но и выполнять служебные функции – использоваться для образования глагольных форм (времен и наклонений) – *быть*: ср. 1 пример (глагол *видеть* в наст. вр. сослагательного наклонения + глагол *бытия* в наст. вр. сослагательного наклонения). Таким образом, на долю других элементов, участвующих в омонимических отношениях, приходится всего 5 примеров (то есть менее 18 %). Столь существенное доминирование служебных частей речи по сравнению со знаменательными частями речи недвусмысленно свидетельствует об *о к к а з и о н а л ь н о м* характере образования омонимов и невозможности семантизации этого процесса.

7. Если всё же предпринять попытку мотивировать использование тех или иных лексем в составе омонимов, то явно не случайно в контексте эддического мифа творение употребление глагола *бытия* (8 примеров (глагол *бытия* в наст. вр. 3 л. ед. ч. *есть* + союз в функции относительного местоимения *который / когда*)), а также его варианта – глагола '*стоять*' (ср. 1 пример (существительное '*столб*' (ед. ч. вин. пад.) + претерит глагола '*стоять*' (*стоял*)), характеризующего ключевое действие объектов космизированной Вселенной, в том числе и основной вертикали, *axis mundi* – мирового ясеня Иггдрасиль²¹. Специального упоминания заслуживает функционирование в составе омонимов глагола '*видеть*' (2 примера (претерит глагола *видеть* 3 л. ед. ч. *видел* (а) + указательное местоимение *этот*) + 1 пример (глагол *видеть* в наст. вр. сослагательного наклонения + глагол *бытия* в наст. вр. сослагательного наклонения)) = 3 примера), весьма актуального для эддической модели мира и кодирующего один из ключевых способов восприятия информации при помощи *зрения*. Как известно, самая знаменитая песня «Старшей Эдды» – «Прорицание вёльвы» – представляет собой видение. «Он содержит грандиозную и проникнутую напряженным драматизмом картину истории мира от сотворения и золотого века (то есть того, что вёльва «помнит» и «видела») до его трагического конца – так называемой гибели богов – и второго рождения, которое должно быть торжеством мира и справедливости (то есть того, что вёльва «видит»²²)» [19, с. 214]. В эддической модели мира глагол '*видеть*' относится к эпистемологической сфере, так как *прозрение* эквивалентно *знанию*, постижению тайн мироздания. Ср. наиболее показательный контекст, трижды повторяющийся в «Прорицания вёльвы», в котором эти глаголы изофункциональны: *fiöld veit hon fræða*,

fram sé ec lengra // um ragna gös, gömm, sigtýva (Vsp. 44; 49; 58) «много *знает* она сведений, вперёд *вижу* я далеко // судьбу богов могучих»*.

Если обратиться к существительным, зафиксированным в составе омонимов, то нельзя не заметить, что они кодируют в большинстве случаев сакральные объекты эддической модели мира: ‘*боги*’ (др.-исл. *göð*), демиурги в космогоническом мифе; ‘*столб*’ (др.-исл. *stod*) – основная вертикаль, axis mundi, эквивалент мирового древа; ‘*река*’ (др.-исл. *á*), важнейший элемент космогенеза²³; ‘*котёл*’ (др.-исл. *hverr*), сакральный предмет, сюжеты о добывании которого для пира богов посвящена «Песнь о Хюмире»; ‘*пиво*’ (др.-исл. *öl*), сакральный напиток, употребление которого приводит субъекта в экстагическое состояние и открывает ему доступ к высшей мудрости – сведениям о происхождении и устройстве Вселенной²⁴.

Что касается прилагательных, то они, несомненно, маркируют *идеальные* качества субъектов и объектов космогенеза и служат для обозначения основных ценностей на аксиологической шкале архаичной мифопоэтической традиции: ‘*хороший*’ (др.-исл. *góðr*) – признак бога; ‘*знаменитый (известный)*’ (др.-исл. *mærr*) – ключевой эпитет эпоса.

На основании анализа языковых данных можно констатировать применительно к омонимам, поддающимся семантизации, их мотивированность в рамках эддического мифа творения и наличие двух страт – собственно космогонической (I), описывающей происхождение и устройство вселенной, и эпистемиологической (II), относящейся к уровню метаописания и характеризующей стратегию познания. Такое членение реализуется во всех частеречных разрядах.

Первая страта представлена: глаголами – *быть, стоять*; существительными – субъектом (*боги*) и объектами космогенеза (*столб, река, котёл*); прилагательным – *хороший*.

Вторая страта репрезентирована: глаголом – *видеть* (= *знать*); существительным – *пиво*; прилагательным – *знаменитый (известный, тот, о котором рассказывают в эпосе)*.

Естественно, сфера метаописания вторична и редуцирована по сравнению с первичной сферой космогонического нарратива.

Функционирование омонимов, имеющих непосредственное отношение к эддическому мифу творения, представляется вполне органичным, так как для мифопоэтического сознания всё космологизировано, поскольку входит в его состав. Как отмечалось исследователями, «актуальная картина мира неминуемо и неразрывно соотносится с космологическими схемами и «историческими» преданиями, рассматриваемыми как прецедент, служащий образцом для воспроизведения уже в силу того, что он имел место в первоначальные времена, «в начале». Для архаического сознания мифопоэ-

тической эпохи всё, что есть, – результат последовательных воспроизведений прецедента, первособытия, экспликация исходной ситуации (творение) применительно к новым условиям «оплотняющегося» космологического бытия» [21, с. 60].

Омонимия в «Старшей Эдде» имеет свою специфику и не характеризуется в целом теми же особенностями, что и аналогичные явления общего – древнеисландского – языка. Итог исследования состоит в наличии двух разрядов омонимов в «Старшей Эдде» – *омофонов* (57 %) и *омоформ* (43 %). Они ведут себя по-разному. Есть основания полагать, что омофоны порождены *случайными* причинами, связанными с характером словообразования в древнеисландском языке, в результате которого могут возникать одинаковые по звучанию слова, но не совпадающие по значению. Однако этот феномен используется в поэтике «Старшей Эдды»: компактное и близкое дистантное расположение омонимов служит для привлечения внимания к форме без акцентуации на содержании. Для омоформ же, совпадающих по своим грамматическим характеристикам в определённых локусах, становится более вероятной близость (хотя, быть может, и неочевидная) их семантических свойств. Окказиональное явление, поэтический эксперимент (форма ради себя самой), то есть факт чистого искусства, получает смысловую нагрузку и семантизируется в рамках мифа творения, образующего каркас архаичной мифопоэтической модели мира.

Примечания

¹ Разрядка наша. – Т. Т.

² Среди отечественных работ достаточно упомянуть: [16; 6; 15 и др.].

³ О теоретической разработке вопросов омонимии применительно к русскому литературному языку см. [1; 3; 4; 5; 9; 14; 22]. Ср. также относительно недавние работы – в основном диссертации – на данную тему: [8; 10; 11; 12].

⁴ Ср. примеры: *замок* (дворец) – *замок* (на двери), *мука* (мучение) – *мука* (продукт), *уже* (сравнит. степень от узкий, узко) – *ужё* (наречие) [24].

⁵ Ср.: *луг* – *лук*, *плод* – *плот*, *род* – *рот*, *труд* – *трут*, *туш* – *тушь* [24].

⁶ Ср.: *вожу* (от водить) – *вожу* (от возить), *лечу* (от лететь) – *лечу* (от лечить), *печь* (имя существительное) – *печь* (глагол); *стих* (стихотворение) – *стих* (форма прошедшего времени от глагола стихнуть), *три* (имя числительное) – *три* (повелительное наклонение от глагола тереть), *шагом* (форма творительного падежа от существительного шаг) – *шагом* (наречие) [24].

⁷ Ср.: *брак* (супружество) – *брак* (испорченная продукция), *толстовка* (последовательница учения Л. Толстого) – *толстовка* (фасон блузы), *свесить* (узнать вес товара) – *свесить* (опустить ткань так, чтобы один конец висел) [24].

⁸ Ср.: чтение Маяковского (Маяковский читает или читают произведения Маяковского; см. родительный субъекта и родительный объекта); советую ему помочь (двойное толкование: 1) советую || ему помочь; 2) советую ему || помочь) [24].

⁹ Ср.: суффикс -тель в существительных преподаватель (значение действующего лица) и выключатель (значение действующего предмета); суффикс -ец в словах мудрец, самец, резец и братец; суффикс -к(а) в словах речка, тренировка, массовка и аспирантка. Приставка из- в глаголах изгнать (значение удаления) и израсходовать (значение исчерпанности действия); приставка о- в словах оклеить (значение совершения действия вокруг) и ослепнуть (аффикс для образования формы совершенного вида). Окончание -а в словах гора (окончание именительного падежа единственного числа), серебра (окончание родительного падежа), веера (окончание именительного падежа множественного числа), взяла (глагольное окончание единственного числа женского рода) и т. д. [24].

¹⁰ Ср.: ключ (для замка) – ключ (родник), горн (кузнечный) – горн (духовой инструмент) [24].

¹¹ Ср.: ласка (животное) – ласка (проявление нежности) (расходятся в форме родительного падежа множественного числа: ласок – ласк); искупать (вину) – искупать (в ванне) (форма разных видов глагола). См. омоформы.

¹² Знак * обозначает дословный перевод.

¹³ «Возничий – Тор. Намек на его колесницу, запряженную козлами» [19, с. 233].

¹⁴ Ср. перевод Корсуна: «Что толку скорбеть, если сюда // путь я направил?» [19, с. 42].

¹⁵ «Житель лавы – великан, в данном случае Эгир» [19, с. 229].

¹⁶ Форма глагола в претерите и существительное этимологически родственны: они производны от глагола ‘стоять’.

¹⁷ Похожая ситуация наблюдается и в НН. II 18: þú scalt, **mær** ung, at **mér** lifa, // **ætt áttu**, in góða, er es síámс (НН. II 18) «ты должна, *дева* юная, жить со мной; // *род*, который ты *имеешь*, хорошая, я не боюсь»*. Единственное отличие состоит в том, что вторая пара не является омонимом в строгом смысле слова, так как звуковой состав её элементов очень близок, хотя и не идентичен, а контактно расположенные **ætt** и **áttu** к тому же обнаруживают этимологическое родство.

¹⁸ Впрочем, есть и исключения. Ср. омонимы (омоформы), восходящие к общему глагольному корню ‘стоять’: **Stóð** hon und **stoð** (Gðr. I 27) «Стояла она у столба»*.

¹⁹ Ед. ч. 3 л. от глагола *бытия*.

²⁰ Материал располагается в порядке убывания частотности омонимов.

²¹ Ср. контексты с глаголом ‘стоять’: Þriár roetr **standa** á þriá vega // undan asci Yggdrasil (Grm. 31)

«Три корня *стоят* на три стороны // под *ясенем* Иггдрасилья»*; Asc veit es **standa**, heitir Yggdrasil // hárf baðmr (Vsp. 19) «Ясень, я знаю, *стоум*, называется Иггдрасиль, // высокое дерево»*.

²² Разрядка наша. – Т. Т.

²³ Ср., в частности, мифологему о *реке*, разделяющей этот мир и мир иной: **ár-straumr** þiccir ofmikill // valgláumi at vaða (Grm. 21) «*Реки* поток кажется слишком большим, // мёртвых шумящим вброд перейти»*.

²⁴ Ср. соответствующие контексты из мифологического фрагмента «Речей Высокого»: Óminnishegri heitir sá er yfir **öldrum** þrumir (13) «Цапля забвенья над напившимся пивом кружит»*; **Ölr** ek varð, varð **ofrölv** // at ins fróða Fjalars; // því er **öldr** bazt, at aftr um heimtir // hverr sitt geð gumi (14) «Напившимся пивом я [бог Один] был, стал слишком напившимся пивом у мудрого Фьялара; // но лучшее в пиве – что хмель от него исчезает бесследно»*.

Сокращения названий эдических песен

Alv. – Alvíssmál «Речи Альвиса»; Akv. – Atlaqviða in grœnlensca «Гренландская песнь об Атли»; Am. – Atlamál in grœnlensco «Гренландские речи Атли»; Bdr. – Baldrs draumar «Сны Бальдра»; Fm. – Fáfnismál «Речи Фафнира»; Ghv. – Guðrúnarhvöt «Подстрекательство Гудрун»; Grm. – Grímnismál «Речи Гримнира»; Grp. – Gríþisspá «Пророчество Грипира»; Grt. – Grottasöngr «Песнь о Гротти»; Gðr. I – Guðrúnarqviða I «Первая Песнь о Гудрун»; Gðr. II – Guðrúnarqviða önnor «Вторая Песнь о Гудрун»; Gðr. III – Guðrúnarqviða in þriðia «Третья Песнь о Гудрун»; Háv. – Hávamál «Речи Высокого»; Hdl. – Hundlojóf «Песнь о Хюндле»; НН. I – Helgaqviða Hundingsbana in fyrri «Первая песнь о Хельги убийце Хундинга»; ННv. – Helgaqviða Hiorvarðzsonar «Песнь о Хельги сыне Хьёрварда»; НН. II – Helgaqviða Hundingsbana önnor «Вторая песнь о Хельги убийце Хундинга»; Нlr. – Helreið Brynhildar «Поездка Брюнхильд в Хель»; Нm. – Hamðismál «Речи Хамдира»; Hrbf. – Hárbarðzljóf «Песнь о Харбарде»; Hunn. – Hunnenschlachtlied «Песнь о битве готов с гуннами»; Нум. – Нумисqviða «Песнь о Хюмире»; Ls. – Lokasenna «Перебранка Локи»; Od. – Oddrúnargrátr «Плач Одрун»; Rm. – Reginsmál «Речи Регина»; Rþ. – Rígsþula «Песнь о Риге»; Sd. – Sigdrífomál «Речи Сигдривы»; Sg. – Sigurðarqviða in scamma «Краткая песнь о Сигурде»; Skm. – For Scírnis «Поездка Скирнира»; SnE – Edda Snorra Sturlusonar «Младшая Эдда»; Vkv. – Völundarqviða «Песнь о Вёлунде»; Vm. – Vafþrúðnismál «Речи Вафтруднира»; Vsp. – Völuspá «Прорицание вэльвы»; Þrk. – Þrymsqviða «Песнь о Трюме».

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики //

Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1969. – № 1. – С. 39–57.

2. *Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1957. – 295 с.

3. *Введенская Л.А.* К вопросу о путях развития омонимов в русском языке // Русский язык в школе. – 1963. – № 3. – С. 50–52.

4. *Виноградов В.В.* О грамматической омонимии в современном русском языке // Русский язык в школе. – 1940. – № 1. – С. 1–11.

5. *Галкина-Федорук Е.М.* К вопросу об омонимах в русском языке // Русский язык в школе. – 1954. – № 3. – С. 14–19.

6. *Гвоздецкая Н.Ю.* К проблеме многозначности имён чувств в «Старшей Эдде» // Скандинавский сборник. – Таллин: Олион, 1990. – Вып. 33. – С. 166–171.

7. *Гвоздецкая Н.Ю.* Язык и стиль древнеанглийской поэзии. Проблемы поэтической номинации: учеб. пособие. – Иваново: Ивановский государственный университет, 1995. – 151 с.

8. *Головня А.И.* Омонимия как системная категория языка. – Минск: БГУ, 2007. – 132 с.

9. Дискуссия по вопросам омонимии на открытом заседании ученого совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР // Лексикографический сборник. – 1960. – Вып. 4. – С. 35–92.

10. *Качурин Д.В.* Проблема разграничения омонимии и полисемии применительно к практике составления толковых словарей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2014.

11. *Климова Е.Н.* Омонимия и смежные с нею явления во фразеологии русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2012. – 22 с.

12. *Королева О.Э.* Проблемы субстантивной омонимии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 16 с.

13. *Лукьянова Н.А.* Явления синонимии и омонимии в лексической системе современных сибирских говоров (на материалах говоров Новосибирской области) // Вопросы языка и литературы: тематический сборник. – Вып. 1. – Ч. 1. – Новосибирск, 1966. – С. 132–154.

14. *Новиков Л.А.* К проблеме омонимии // Лексикографический сборник. – 1960. – Вып. 4. – С. 93–102.

15. *Пименова Н.Б.* Селекция и комбинация синонимов «морья» в «Беовульфе» // Слово в контексте литературной эволюции: заговор, эпос, лирика. – М., 1993. – С. 56–65.

16. *Смирницкая О.А.* Синонимические системы в «Беовульфе» // Вестник МГУ. – Сер. 9: Филология. – 1980. – № 2. – С. 44–57.

17. *Смирницкая О.А.* Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия. – М.: Наука, 1982. – С. 171–232.

18. *Смирницкий А.И.* К вопросу о слове (проблема «тождества слова») // Труды Института языкознания АН СССР. – Т. 4. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 4–49.

19. *Стеблин-Каменский М.И.* «Старшая Эдда» // Старшая Эдда: Древнеисландские песни о богах и героях / пер. А.И. Корсуна; ред., вступ. ст. и коммент. М.И. Стеблин-Каменского. – М.; Л., 1963. – С. 181–213.

20. *Стеблин-Каменский М.И.* Историческая поэтика. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. – 176 с.

21. *Топоров Т.В.* Предыстория литературы у славян: опыт реконструкции: Введение к курсу истории славянских литератур). – М.: Изд-во РГГУ, 1998. – 188 с.

22. *Шведова Н.Ю.* К изучению омонимов // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. – 1948. – Вып. 6. – С. 40–45.

«РЕЧЕВОЙ ГОЛОС» КАК ОСНОВНАЯ КАТЕГОРИЯ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ В АНТИЧНОЙ РИТОРИКЕ

В статье рассматривается сложный многокомпонентный звуковой феномен «речевой голос». В центре внимания автора – исследование речевого голоса и его составляющих в античной риторике. Первые попытки системного изучения звукового поведения оратора принадлежали древним грекам и римлянам, поскольку голос признавался важным средством риторического воздействия. В связи с этим древними риториками были разработаны специальные упражнения, направленные на формирование релевантных звуковых качеств голоса, способных создать экспрессивные образы в речи. Особое внимание уделялось таким компонентам речевого голоса, как интонация, качество голоса, или тембр, голосовое модулирование и тон голоса. Такие фонетические параметры, как дикция, качество артикуляции и звучность также играли важную роль при подготовке публичного выступления. В этот период были предприняты первые попытки разделения голосовых качеств на физиологически обусловленные и профессионально обусловленные. Описание составляющих речевого голоса носило импрессионистический характер, однако уже в это время было начато изучение речеголосовых качеств по трем направлениям: артикуляционному, акустическому и перцептивному.

Ключевые слова: античная риторика, красноречие, речевой голос, речеголосовые качества, риторическое воздействие, экспрессивные звуковые образы, импрессионистический метод.

Изучение понятия «речевой голос», выделение его составляющих и в целом систематизация знаний о звучащей речи были начаты более двух тысяч лет назад древними греками и позже римлянами в рамках риторического учения, которое определялось как искусство убедительной, эффективной и уместной речи. Древние риторики уделяли большое внимание звуковому оформлению речи, от которого зависела ее красота и красноречие оратора – по мнению Цицерона, оно являлось единственной по своей трудности вещью в мире [6].

Овладение красноречием возможно было только при развитии голосовых возможностей, именно поэтому голос (vox), будучи важным средством риторического воздействия, занимал ведущую позицию наравне с образом самого оратора, поскольку уже в этот период звучащий голос воспринимался как источник различного рода информации, прежде всего физиологической, свидетельствующей о природных возможностях голоса и личностной идентификации говорящего, психоэмоциональной, раскрывающей темперамент и характер человека, а также социальной, указывающей на социальный статус оратора. Известное высказывание древнегреческого философа Сократа является подтверждением этому: «Заговори, чтоб я тебя увидел» [2, с. 6].

Изучение речевого голоса античными риториками существенно отличалось от современных лингвистических методов исследования, однако уже в этот период предпринимаются попытки рассмотрения речевого поведения оратора исходя из их артикуляционного, акустического и перцептивного подходов. В рамках артикуляционного и звукового аспектов большое внимание уделялось работе над органами речи и дыханием. Таким образом, важными фонетическими параметрами являлись дикция оратора, качество артикуляции и звучность голоса,

зависящая от правильного дыхания. В связи с этим древние риторики стремились к разработке определенной системы упражнений, которая позволяла либо улучшить артикуляционные черты либо избавиться от недостатков, а также научиться управлять фонационными процессами. Например, древнегреческий оратор Демосфен, у которого была «некоторая слабость голоса, неясное произношение и прерывистое дыхание, создававшее паузы между периодами и затемнявшее смысл произносимого», старался ликвидировать данные недостатки следующим образом: «Невнятный, шепелявый выговор он пытался исправить тем, что, набравши в рот камешков, старался ясно и отчетливо читать отрывки из поэтов; голос, укрепляя тем, что разговаривал на бегу или, поднимаясь в гору, произносил, не переводя дыхание, стихи или какие-нибудь длинные фразы» [3, с. 10–11]. Данный пример свидетельствует об отсутствии научной основы при анализе артикуляционных качеств и техники речи. Основная задача, которую преследовали древние риторики, заключалась в предоставлении определенных рекомендаций, направленных на улучшение качества звучания.

Перцептивный подход (связанный с восприятием слушателями звучащего голоса оратора) заключался в выявлении голосовых компонентов и изучении звуковых техник, направленных на создание эффективного звучания речевого голоса. Исследование и описание звуковых характеристик рассматривались в рамках единого понятия «голос» и носили импрессионистический характер. Важно отметить, что античными риториками были выделены основные составляющие речевого голоса, изучение которых было продолжено в дальнейшем современными исследователями. Ораторы уделяли особое внимание таким интонационным компонентам, как высота тона, громкость, темп.

Интонация могла также рассматриваться как отдельное звуковое явление. Большое внимание уделялось мелодии, паузации, ритмической организации речи, качеству голоса и тону голоса.

В это время была предпринята первая попытка разделения звуковых характеристик на природно обусловленные и профессионально обусловленные. К главным голосовым качествам, которыми должен был обладать профессиональный оратор, относили прежде всего: громкость (от природы), твердость и гибкость (от обучения): *magnitudo*, *firmitudo*, *mollitudo* [1]. Как видим, все три характеристики относятся к разным фонетическим явлениям: громкость в современной фонетике является одним из компонентов интонации; твердость больше соотносится с качеством голоса (*voice quality*), а гибкость свидетельствует о возможности оратора модулировать свой голос, то есть использовать голосовую маневренность, которая применялась для трех видов вербальной коммуникации – разговора, спора и возвеличивания (*sermo*, *contentio*, *amplification*) [1, с. 55]. Последний компонент речевого голоса признавался сильным средством выразительности, поскольку голосовые модуляции способствовали созданию экспрессивной речи, обладающей большим контактным потенциалом.

Что касается громкостных характеристик, так же как и высоты тона голоса, то следует отметить, что важным признавалось умение использовать вариативное звучание. Например, Цицерон в своем трактате «Об Ораторе», обсуждая использование громкости во время выступления, писал: «...пусть в нашей речи среди всего этого восхитительного великолепия кое-что будет и приглушенно, и затенено, чтобы на этом фоне ярче блистало и выделялось главное» [6, с. 225]. Те же требования он предъявлял к высоте тона, которую ораторы должны были либо повышать, либо понижать, ослаблять, усиливать или видоизменять: «Поистине удивительна природа голоса, который при помощи только трех звучаний – низкого, высокого и переменного – достигает столь разнообразного и столь сладостного совершенства в напевах» [3, с. 20]. Таким образом, уже в это время в рамках высоты тона выделяется три тональных уровня: низкий, средний, высокий.

Важно отметить, что правильное интонационное оформление также предполагало использование релевантного ритмического рисунка и паузации. Аристотель в своей книге III «Риторика», обсуждая стиль ораторской речи, первостепенное значение уделял ритму: «Стиль, лишенный ритма, имеет незаконченный вид, и следует придать ему вид законченности, но не с помощью метра, потому что все незаконченное неприятно и невразумительно... поэтому-то речь должна обладать ритмом» [5, с. 27]. Позже Цицерон также признает важную роль ритма и выделит три типа пауз – ма-

лую, среднюю и большую. Он будет рассматривать паузу как средство членения текста на фразы, колонны и периоды.

Наравне с тремя основными качествами – громкостью, твердостью и гибкостью – античные риторы уделяли также особое внимание еще одному голосовому качеству – тону голоса: «Разговор предполагал в голосе одно постоянное качество, достоинство (*dignitas*) и три, проявляемых от случая к случаю: повествовательность для спокойного изложения, изобразительность для наглядного выражения и шутливость для эмоциональной окраски (*narratio*, *demonstration*, *iocatio*). Спор предполагал двоякое использование голоса: непрерывное при связном изъяснении мысли и прерывное при обмене репликами с партнером (*continuatio*, *distributio*). Возвеличивание предполагало две цели, для которых служил голос: возбуждение негодования по отношению к обвиняемому и возбуждение сострадания по отношению к подзащитному (*cohortatio*, *conquestio*)» [1, с. 55]. Упомянутые в данном примере качества – достоинство, повествовательность, изобразительность, шутливость – указывают на характеристики тона голоса, который было важно использовать при создании определенного мелодического образа. По мнению, например, Демосфена, тон голоса способен был придать речи большую убедительность.

Аристотель, в свою очередь, предостерегал ораторов от неуместного звучания тона голоса, что могло привести к отрицательной реакции слушателей и, как результат, к провалу вербальной коммуникации: «Итак, если оратор говорит жестким тоном нежные вещи или нежным тоном жесткие вещи, он становится неубедительным» [5, с. 27]. Позднее Цицерон предложил целую палитру звуковых оттенков. Он отмечал, что звучание тона голоса зависит от эмоционального состояния оратора и степени экспрессии, которую он хочет достичь во время выступления. Таким образом, гнев должен выражаться резким, возбужденным и порывистым тоном голоса. Жалостный, отчаянный, слезный тон голоса передает состояние тоски и уныния. При помощи подавленного, растерянного и унылого тона голоса создается образ испуганного человека. И, наоборот, напряженное, твердое, грозное звучание способно передать образ решительного оратора. Для радостного состояния характерен открытый, мягкий, нежный и непринужденный тон голоса. Противоположная эмоция – подавленность – создается при помощи сдавленного и приглушенного голоса с оттенком мрачной жестокости [6].

Данный краткий обзор показывает, что тон голоса рассматривался древними риториками как окказиональное голосовое средство, свидетельствующее о сиюминутном психоэмоциональном состоянии выступающего, направленное на созда-

ние экспрессивных мелодических образов с целью оказания сильного воздействия на слушателей.

Античная риторическая теория также отводила значительное место такому компоненту речевого голоса, как качество или тембр голоса. Данные голосовые качества считались тождественными, поскольку обучение технике речи было построено на описании положительных и негативных характеристик голоса и на стремлении избегать последних в своих выступлениях. Как отмечалось ранее, описание качеств голоса носило импрессионистический характер. Данный подход, как известно, используется в лингвистике и по сей день. Изучение работ древних риториков показывает, что была создана богатая палитра тембральных характеристик, которые должен был иметь в своем мелодическом арсенале искусный оратор. Среди них можно отметить «мягкое», «приглушенное», «затишающее», «нарастающее», «приятное», «благозвучное» качество голоса. Использовать подобное звучание оратор должен был «всегда в согласии и в соответствии с предметом обсуждения» [5, с. 43]. К голосовым недостаткам относили «слабое», «умирающее», «с отдышкой», «немузыкальное», «глухое» звучание [5].

Важно отметить, что, выявляя сильные и слабые стороны голоса оратора, античные мастера часто обращались к общему понятию «речь», которое охватывало все компоненты голоса (интонацию, качество, тембр и тон голоса). Таким образом, происходило тесное объединение «голоса» и «речи», которое стирало границы между двумя феноменами, образуя одно звуковое явление «речевой голос». Среди ключевых, эффективных характеристик речевого голоса выделялись «изящество», «красота», «благородство», «чувствительность», «пленительность», «страстность»; непозволительны были «небрежность» и «однообразие» речи, навевающие скуку. Все перечисленные качества отражали прежде всего общий голосовой образ оратора, который должен был оказывать эмоциональное воздействие на аудиторию. Таким образом, значение фактора «слушателя» был приоритетным уже для античной риторики. Цицерон в своем трактате «Оратор» писал: «Красноречие ораторов всегда руководствовалось вкусом слушателей. Всякий, кто хочет иметь успех, следит за их желаниями и в согласии с ними слагает свою речь целиком применительно к их суждениям и взглядам» [6, с. 335]. Данное высказывание доказывает, что аудитория была одним из ключевых аспектов для ораторов при подготовке своей речи.

Важной функцией речевого голоса являлась эмотивная функция, связанная с сознательной демонстрацией эмоций оратора, «которая используется в стратегических целях в самых разнообразных ситуациях общения. Основное ее предназначение – повлиять на восприятие собе-

седником речевой ситуации и на ее понимание» [4, с. 90]. Отличие эмотивности от эмоциональности состоит в том, что эмоциональность является в большинстве случаев незапланированным, иногда бессознательным проявлением эмоций индивида, в то время как эмотивность всегда является целенаправленной демонстрацией эмоций, направленных на объект воздействия [4, с. 90].

Эмотивная функция тесно связывалась с перцептивным аспектом речи, то есть с восприятием психологического состояния оратора слушателем. Древние риторы профессионально умели использовать акустические качества речевого голоса с целью создания эмотивного накала речи. Степень вовлеченности как оратора, так и публики в речевую коммуникацию была чрезвычайно важным фактором для античной риторики. Привлечь слушателей к своему выступлению, по мнению Платона, Аристотеля, Демосфена, Цицерона, Квинтилиана, могла именно проникновенная страстность, которая воздействовала на волю людей и побуждала к активной деятельности. Понятие «страстная речь» было одним из ключевых при подготовке публичного выступления, так как эмотивность оратора вызывала эмоциональное сопереживание у публики, порождающее интерес к содержанию речи. Экспрессивность и воодушевляющая манера исполнения, создающие необходимое настроение у аудитории, способствовали реализации целей выступающего. Страстность и живое изображение вещей считались настолько эффективными риторическими приемами, что признавались подчас намного более важными, чем семантика произносимого текста: «В своей “Риторике” Аристотель писал, что слушатель всегда сочувствует оратору, который говорит с душой, даже в том случае, если он не говорит ничего основательного, важного» [3, с. 125].

Интересно отметить, что для античной риторики важно было изучение не только звукового поведения выступающего, но и кинесических средств, используемых им. Ораторы понимали, что невербальные средства играют важную роль при создании эффективной и гармоничной коммуникации между говорящим и слушателями. В связи с этим уделялось внимание использованию уместных жестов, поз и особенно выражению лица, умению «владеть глазами»: «Ведь движущая сила исполнения – душа, а образ души – лицо, а выразители ее – глаза... Поэтому очень важно уметь владеть глазами, тем более, что остальные черты лица не должны чрезмерно играть, чтобы не впасть в какую-нибудь глупость или уродливость» [6, с. 250–251].

Итак, данный краткий обзор позволяет сделать следующие выводы. «Речевой голос» как звуковое явление впервые начали изучать античные риторы. Данный феномен не рассматривался как научная фонетическая категория, но признавался эффективным звуковым средством, способным создать

мелодический образ эмотивного характера. В рамках речевого голоса выделялись такие составляющие, как интонация, качество голоса, или тембр, гибкость, или голосовое модулирование, тон голоса, которые необходимо было совершенствовать. Описание данных составляющих носило импрессионистический характер и не было четко классифицировано, хотя уже предпринимались попытки изучения речевого голоса по трем направлениям: артикуляционному, акустическому и перцептивному. Важнейшей функцией речевого голоса признавалась эмотивная, направленная на преднамеренную демонстрацию эмоций оратора с целью воздействия на слушателей. При этом отмечалась важность уместности и целесообразности звукового оформления речи.

Библиографический список

1. Античная поэтика. – М.: Наука, 1991. – 70 с.
2. Антонов В.П. Эффективность речевого общения и культура звучащей речи. – Абакан, 1996. – С. 6.
3. Кохтев Н.Н. Основы ораторской речи. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 240 с.
4. Ларина Т.В. Эмоциональность и эмотивность в коммуникации // Межкультурная коммуникация и перевод: материалы межвузовской конференции. – М., 2002. – 160 с.
5. Толмачев А. Об ораторском искусстве. – М.: Гос. изд-во политической лит-ры, 1959. – 343 с.
6. Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М.Л. Гаспарова. – М.: Наука, 1972. – 471 с.

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ МОРФЕМООБРАЗОВАНИЕ В МОНАСТЫРСКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ БЕЛОЗЕРЬЯ КОНЦА XIV–XV В.

В памятниках монастырской деловой письменности Белозерья конца XIV–XV в. нашли отражение процессы формирования посессивных топо- и антропоформантов. Изучение данных процессов является актуальным, поскольку морфемообразование играет важную роль в становлении ономастической подсистемы языка. В работе для описания материала используется функционально-типологический подход: определены сильные и слабые морфемы, выявлены особенности эволюционного движения посессивных суффиксов в сфере ономастического морфемообразования. Процесс ономастического морфемообразования рассматривается в эволюционном цикле. Анализ материала показал, что изменение способа выражения ономастического значения приводит к изменению сигнификативной значимости морфем, результатом этого является образование новых топо- и антропоформантов.

Ключевые слова: антропоним, топоним, антропоформант, топоформант, апеллятив, ономастическое морфемообразование, деловая письменность.

В исследованиях, посвященных изучению морфемной структуры имен собственных современного русского языка, ономастический материал классифицируется на основании общности основ и формантов, выявляются структурные типы и модели онимов [6; 9]. Описание морфемного состава имен собственных, зафиксированных в памятниках письменности Белозерья конца XIV–XV в., сопряжено с рядом сложностей, обусловленных тем, что онимия исследуемых текстов представляет собой систему проприально-апеллятивного характера. Отличительной особенностью монастырских актов является наличие вариантов именованых лиц и географических объектов: Григорей *Михаилов сын* Перхушкова – Григорей *Михаилов* (АСВР 2, 330, 1484 г.), *Гущина деревня* (АСВР 2, 223, 1473) – дер. *Гущино* (АСВР 2, 290, ок. 1492), *деревня Левишина* – *деревня Левишинская* (АСВР 2, 287, ок. 1492 г.). Варьирование языковых единиц в монастырских актах отражает динамическое состояние ономастической подсистемы языка конца XIV–XV в. Наличие в текстах вариантов позволяет на материале одного синхронного среза описать диахронические процессы в морфемной структуре именованых лиц и географических объектов.

В статье рассматриваются процессы топонимического и антропонимического морфемообразования на базе посессивных суффиксов *-ов-/-ев-*, *-ин-* в монастырской деловой письменности Белозерского края. В работе используется функционально-типологический подход, продуктивность которого доказана в трудах Л.Г. Яцкевич [5; 11]. Основу функционально-типологического подхода составляет положение о функциональной неоднородности морфем в слове. Данный подход предполагает описание процессов изменения функционального и структурного статуса морфем в составе слова: сильная морфема → сильная морфема в слабой позиции → слабая морфема → субморф. Особо важным является выявление факторов, обуславливающих эволюционное движение морфем.

1. Топонимическое морфемообразование на базе посессивных суффиксов *-ов-/-ев-*, *-ин-*

Как отмечают исследователи, словопроизводственный процесс может развиваться в направлении «от синтаксически выраженного (в словосочетании) содержания к его лексическому объективированию» [10, с. 17]. Структура однословных топонимов является результатом процесса лексико-грамматической конденсации (своеобразного свертывания, синтетического сжатия, стяжения синтаксического целого). Процесс формирования посессивных топонимов может рассматриваться как эволюционный цикл, как заданная системой путь развития языковых единиц, используемых для номинации географических объектов. Становление посессивных топонимов представляет собой поэтапное движение от раздельноформленных топонимических сочетаний, в которых разрядное значение выражено географическим термином (*Федоров луг* – АСВР 2, 290, ок. 1492 г.), к собственно топонимам, реализующим разрядное значение с помощью специализированного топоформанта (*пустошь Тарасово* – АСВР 2, 192, 1491 г.). Функциональный и структурный статус форманта непосредственно зависит от стадии эволюционного цикла.

Сильные посессивные суффиксы *-ов-/-ев-*, *-ин-* в сильной позиции

Использование в текстах для номинации географических объектов посессивных синтагм, включающих в свой состав географический термин и притяжательное прилагательное на *-ов-/-ев-*, *-ин-*, отражает начальный этап цикла топонимического морфемообразования. Именования *Мосеикова нива* (АСВР 2, 298, ок. 1490-х гг.), *Морозов починок* (Арх. еж., 5, ок. 1489–1492 гг.), *Мохирева деревня* (АСВР 2, 230, ок. 1475–1480 гг.), *Олешкова пустошь* (АСВР 3, 272, 1497 г.) являются формами с живым посессивным значением. Это подтверждается наличием в актах антропонимов, послуживших производящей базой для притяжа-

тельных прилагательных: «...с тою поженкою, которую Нестерко у *Ондreja* выменил в *Ондрееве наволоце*» (АСВР 2, 3, 1397–1410 гг.), *Серков огород* (АСВР 2, 10, 1397–1427 гг.) – *Серко* (АСВР 2, 22, 1397–1427 гг.), *Нестеров огород* (АСВР 2, 6, 1397–1410 гг.) – *Нестерко Мямля* (АСВР 2, 3, 1397–1410 гг.). В конструкциях типа *Ондреев наволоц*, *Серков огород* посессивные форманты *-ов/-ев-*, *-ин-* полностью реализуют свою функцию, следовательно, находятся в сигнификативно сильной позиции.

Слабые суффиксы *-ов/-ев-*, *-ин-*

В исследуемых текстах зафиксированы варианты именований географических объектов, различия между которыми связаны с наличием или отсутствием согласования в роде притяжательного прилагательного и географического термина: *пустошь Сыроежкина* (АСВР 3, 267, ок. 1450 г.) – *Сыроежкино земля* (АСВР 3, 272, 1497 г.), *пустошь Глебцево* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.) – *пустошь Глебцева* (АСВР 2, 316, 1556 г.), *дер. Горнчарова* (АСВР 2, 223, 1473 г.) – *дер. Горнчарово* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.). Варьирование отражает нестабильность положения посессивной морфемы в слове, в данных наименованиях произошла субстантивация, суффикс утрачивает свою первичную значимость, однако в ряде случаев сохраняется согласование географического термина и топонима. На данной стадии топонимического морфообразования флексия *-о* (*пустошь Глебцево*, *дер. Горнчарово*) находится в сильной позиции и выполняет топонимобразующую функцию.

Формирование сильных топоформантов *-ов(о)/-ев(о)*, *-ин(о)*

Процессы эллиптической субстантивации топонимических сочетаний и лексикализации формы единственного числа среднего рода притяжательного прилагательного приводят к десемантизации посессивной морфемы. В топонимах *дер. Пенково* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.), *починок Дурово* (АСВР 2, 267, 1485 г.), *пустошь Михалево* (АСВР 2, 266, 1484 г.), *землица Пробудово* (АСВР 2, 3, 1397–1410 гг.), *деревня Медведево* (АСВР 2, 288, ок. 1492 г.), *деревня Сычево* (АСВР 2, 267, 1485 г.) суффиксы *-ов/-ев-*, *-ин-*, исконно имеющие значение посессивности, изменяют свою функцию. Как отмечает Ю.А. Карпенко, «старые суффиксы прилагательных *-ов-*, *-ин-* фактически превратились в пределах топонимии в суффиксы существительных, так как топонимы с этими суффиксами субстантивировались и, сохранив нечленное склонение, полностью оторвались от прилагательных» [3, с. 13].

Данная стадия цикла топонимического морфообразования связана с выделением новых функционально значимых морфемных блоков, топоформантов *-ов(о)/-ев(о)*, *-ин(о)*, в составе которых посессивные суффиксы *-ов/-ев-*, *-ин-* утрачивают свою сигнификативную значимость. О десеманти-

зации посессивных морфем в составе топонимов свидетельствует сочетаемость конечных *-ов(о)/-ев(о)*, *-ин(о)* с основами апеллятивного характера (*дер. Передово* – АСВР 2, 290, ок. 1492 г.). Употребление в текстах топонимов на *-ов(о)/-ев(о)*, *-ин(о)*, образованных способом вторичной аффиксации от основы притяжательного прилагательного (*дер. Понтиново* – АСВР 2, 290, ок. 1492 г.), переоформление под влиянием топонимов на *-ов(о)/-ев(о)*, *-ин(о)* географических наименований, образованных по йотово-посессивной модели: *Миллобудь* (АСВР 2, 140, 1448–1470 гг.) – *Миллобудово* (АСВР 2, 142, 1448–1470 гг.).

Несмотря на то что формальное согласование топонимов второго типа с географическим термином отсутствовало, опущения определяемого существительного обычно не происходило: *пустошь Кузнецово* (АСВР 3, 475, 1508 г.), *пустошь Безопишино* (АСВР 3, 267, ок. 1450-х гг.), *Апышкино земля* (АСВР 3, 272, 1497 г.). Регулярное употребление географического термина при топониме объясняется, по мнению Ю.С. Азарх, необходимостью поддерживать «первично складывающееся разрядное значение имени собственного» [1, с. 141]. Обязательное использование географического термина могло быть обусловлено характером исследуемых текстов. Официально-деловая форма записи топонима в XIV–XV вв., вероятно, требовала обязательной фиксации номенклатурного слова при географическом названии.

Формирование сильных топоформантов *-овск-/евск-*, *-инск-*

Процессу топонимизации также подверглись прилагательные на *-ск(ий)*, образованные на базе посессивов со значением индивидуальной принадлежности и выражающие значение неотторжимой принадлежности. В результате процесса эллиптической субстантивации, косвенным показателем которого является препозиция географического термина (*деревня Захарьинская* – АСВР 2, 285, ок. 1492 г., *пустошь Прокинская* – АСВР 2, 14, 1397–1427 гг.), суффиксы прилагательных *-ов/-ев-*, *-ин-*, *-ск-* десемантизируются и переходят в разряд слабых морфем.

Эллиптическая субстантивация, десемантизация аффиксов сопровождается переразложением основы и формированием самостоятельных вторичных морфем, топоформантов *-овск-/евск-*, *-инск-*, в составе которых *-ов/-ев-*, *-ин-*, *-ск-* являются субморфемами. Как отмечает Ю.С. Азарх, ономастические форманты не имеют специализированного словообразовательного значения, они прежде всего выполняют структурную функцию и могут указывать на разряд имени собственного [2, с. 15]. Собственно топонимический характер формантов *-овск-/евск-*, *-инск-* подтверждается наличием в монастырских документах образований с данным топоформантом, генетически не связанных

с посессивными формами: *деревня Погореловская* (АСВР 2, 173, ок. 1460–1470 гг.), *Березниковская пустошь* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.), *огород Передовский* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.). Дополнительным свидетельством того, что к концу XV века *-овск/-евск-, -инск-* – самостоятельные морфемы, является наличие в актах топонимов, образованных в результате вторичной аффиксации: *Михеиновская деревня* (АСВР 2, 17, 1397–1427 гг.), *Чюпиновское дворище* (АСВР 2, 168, ок. 1455–1475 гг.).

В работах, посвященных исследованию названий населенных пунктов XVI–XVII вв., отмечены многочисленные случаи взаимозамены топонимизированных формантов *-ов(о)/-ев(о), -ин(о)* и *-овск/-евск-, -инск-* в названиях населенных пунктов [4; 7]. Случаи варьирования данных морфем представлены и в нашем материале: *пустошь Кочевино – пустошь Кочевинская* (АСВР 2, 290, 1492 г.), *пустошь Тарасово* (АСВР 2, 192, 1491 г.) – *пустошь Тарасовская* (АСВР 2, 218, 1472 г.), *дер. Кружково – дер. Кружковская* (АСВР 2, 296, ок. 1496–1505 г.), *Пицалинское селище* (АСВР 2, 252, 1478–1482 гг.) – *Пицалино селище* (АСВР 2, 241, 1476–1482 гг.). Как отмечает Ю.С. Азарх, «с наличием у ономастического форманта лишь разрядного значения связана вариативность формантов у собственных имен в пределах одного разряда» [1, с. 142]. В вариантах топонимов *дер. Пестово – Пестовская деревня* (АСВР 2, 296, 1496–1505 г.), *дер. Вышатино – дер. Вышатиновская* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.) форманты уже не реализуют значения неотторжимой принадлежности, условного отношения к лицу, данные аффиксы являются собственно ономастическими формантами.

В текстах монастырских актов зафиксированы топонимы на *-овск(ое)/-евск(ое), -инск(ое)*: *земля Трушенинское* (АСВР 3, 263, ок. 1440-х гг.), *пустошь Сысоевское* (АСВР 2, 286, ок. 1492 г.), *пустошь Высоковское* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.), *деревня Павшинское* (АСВР 2, 267, 1485 г.), *деревня Куриловское* (АФЗХ, 288, 1495–1511 гг.), *дер. Овдеевское* (АСВР 3, 271, ок. 1496 г.). В данных географических названиях окончание среднего рода является дополнительным средством выражения топонимического значения.

Таким образом, эволюционное движение морфем в сфере географических названий имеет два направления. Первое направление связано с актуализацией референтной соотносительности географического наименования. В этом случае сохраняется согласование топонима и географического термина: *Захарьинский наволоок* (АСВР 2, 32, 1397–1427 гг.), *Никоновская пожня* (АСВР 2, 168, 1455–1475 гг.), *Саврасовская пустошь* (Арх. еж., 4, ок. 1455 г.). Процесс морфемообразования может завершаться лексикализацией формы среднего рода: *земля Оникеевское* (АСВР 3, 263, ок. 1440-х гг.), *дер. Сидоровское* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.). В этом

случае подчеркивается субстативированный, топонимизированный характер именования географического объекта.

2. Антропонимическое морфемообразование на базе посессивных суффиксов *-ов/-ев-, -ин-*

В монастырской деловой письменности Белозерья конца XIV–XV в. широко употребительны патронимические сочетания аппеллятивного характера, построенные по моделям «посессив на *-ов/-ев-, -ин-*, образованный от личного имени + номен» (Ивашко *Котов сын* – АФЗХ, 298, 1464–1473 гг.), «посессив на *-ов/-ев-, -ин-*, образованный от личного имени + номен + дополнительный компонент именования в форме родительного падежа» (Оладья *Андреев сын Клименьева* – АФЗХ, 299, 1464–1473 гг.). Для именования лица в текстах используются посессивные образования, имеющие в составе номены *дети, брат, зять, племянник*: Осташь *дьяк попов зять Павлов* (АСВР 2, 11, 1397–1427 гг.), Первунька да Илейка да Лучка *Панеевы дети* (АСВР 2, 296, ок. 1496–1505 г.), Добрыня *Филимонов брат* (АСВР 2, 58, 1428–1434 гг.), Иван Андреев сын *Борисов племянник* (АФЗХ, 302, ранее 1473 г.).

Патронимы, построенные по данным моделям, являются формами с живым посессивным значением. Сигнификативно сильные суффиксы *-ов/-ев-, -ин-* в составе притяжательных прилагательных находятся в сильной позиции. В конце XIV–XV в. наметилась тенденция к изменению статуса суффиксов *-ов/-ев-, -ин-* и формированию особой антропонимической категории фамилий. В актовой антропонимии Белозерского края активно употребляются синтетические патронимы (Курьянь *Еремин* – АСВР 2, 335, 1499–1500 гг., Филиско *Демехов* – АСВР 2, 285, 1492 г., Тимоня *Соколов* – АСВР 2, 63, ок. 1420–30-х гг.), которые могут являться именованьем по отцу или именованьем по деду. Определить статус синтетического патронима можно путем сопоставления различных именованьем одного лица, в которых варьируется форма записи патронима: Микита *Ондреев* – у Микиты *у Ондреева сына* у Кормилицына (АСВР 2, 14, 1397–1427 гг.), Семен *Шастин* – с Семеном Ивановым сыном *Шастина* (АФЗХ, 308, 1498–1499 гг.), Иван *Злобин* – Ивана Левонтиева сына *Злобина* (АСВР 2, 250, ок. 1478–1481 гг.).

По мнению С.Н. Смольникова, расширение денотативной соотносительности личного или неличного антропонима (прозвища, патронима) – основная движущая сила процесса формирования фамилий как особой антропонимической категории [8, с. 100]. В исследуемый период на базе суффиксов *-ов/-ев-, -ин-* начинают формироваться новые форманты, лишённые значения посессивности и выражающие разрядное антропонимическое значение. Наличие в текстах синтетических патронимов, восходящих к личному имени деда (*Ивашко Рукин*,

отец *Павел Рукин*, дед *Иван Рука*), свидетельствует о том, что в исследуемый период начался процесс десемантизации посессивных суффиксов. Свидетельством этого является наличие в памятниках письменности вторых личных имен, оформленных морфемами *-ов/-ев-, -ин-*: Иван *Щербина* (АСВР 2, 165, 1455 г.) – Иван *Щербинин* (АСВР 2, 167, 1455–1470 гг.), Сысойко *Савел* (АФЗХ, 308, 1498–1499 гг.) – Сысойко *Савелов* (АФЗХ, 308, 1498–1499 гг.), Данило Васильевич *Блин* (АСВР 2, 329, 1483/84 г.) – Данило Васильев сын *Блинов* Монастырева (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.).

Таким образом, в составе наименований лиц, географических объектов суффиксы *-ов/-ев-, -ин-* являются функционально неоднородными. Изменение сигнификативной значимости посессивных морфем приводит к структурной нестабильности именований. Результатом данных процессов является преобразование существующих морфем и формирование на их основе новых антропо- и топоформантов.

Сокращения

Арх. еж. – Грамоты XIV–XV вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря // Археографический ежегодник. – М., 1970.

АСВР – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. – Т. 2, 3. – М., 1958.

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства. – Т. 1. – М., 1951.

Библиографический список

1. *Азарх Ю.С.* Апеллятивный и ономастический словообразовательные типы // Лексика и фразеология севернорусских говоров. – Вологда: ВГПИ, 1980. – С. 137–144.

2. *Азарх Ю.С.* О грамматических и лингво-географических различиях имен нарицательных и собственных с омонимичными суффиксами // Ономастика и грамматика. – М.: Наука, 1981. – С. 5–30.

3. *Карпенко Ю.А.* Становление восточнославянской топонимии (закономерности словообразования) // Изучение географических названий. – М.: Географгиз, 1966. – С. 7–18. – (Вопросы географии. Вып. 70).

4. *Короткова Т.А.* Суффикс *-ск-* в ономастике Среднего Урала // Ономастика. Типология. Стратиграфия. – М.: Наука, 1988. – С. 228–233.

5. Морфемика и словообразование русского языка: учеб. пособие / под ред. Л.Г. Яцкевич. – Вологда: Русь, 2002. – 283 с.

6. *Никонов В.А.* Славянский топонимический тип // Географические названия. – М.: Географгиз, 1962. – С. 17–34. – (Вопросы географии. Сб. 58).

7. *Рубцова З.В.* Типы варьирования в белорусской и русской топонимии // Ономастика. Типология. Стратиграфия. – М.: Наука, 1988. – С. 52–65.

8. *Смольников С.Н.* Антропонимическая система Верхнего Подвинья в XVII в. (на материале памятников местной деловой письменности): дис. ... канд. филол. наук. – Вологда, 1996.

9. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 367 с.

10. *Торопцев И.С.* Словопроизводственная модель. – Воронеж: ВГУ, 1980. – 148 с.

11. *Яцкевич Л.Г.* Эволюционные процессы морфемообразования на базе праславянского корня **-pel-* в русских народных говорах (Статья первая: алломорф **-pel-*) // Вестник Вологодского государственного педагогического университета. – № 2. – 2011. – С. 95–104.

Ростов Олег Робертович

кандидат филологических наук
Ивановский государственный политехнический университет
olegrost@gmail.com

Лобанова Татьяна Анатольевна

кандидат филологических наук
Ивановский государственный университет
lobanta@yandex.ru

Борисова Юлия Алексеевна

Ивановский государственный университет
borisovaj97@mail.ru

**РОЛЬ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С СОЮЗОМ И
В РАСКРЫТИИ СОДЕРЖАТЕЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЗАМЫСЛА:
АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(по рассказу В.И. Даля «Кому жить веселее: пьяному аль трезвому?»)**

*Растет интерес исследователей к изучению функционирования служебных слов, в частности сочинительных союзов, частиц, конструкций с ними. Намечилась и отчетливая тенденция связать служебные слова с «фигурой говорящего», а также описать структурообразующую и смыслообразующую роль союзов и частиц в художественном произведении. Причина внимания писателей к союзу **и** видится в стремлении приблизить стиль своего изложения к живой народной речи, поскольку данный союз в ней доминирует. В этом плане интересны «статьи» из народных сборников Даля. Союз **и** – актуализатор отношений сходства, тождественности, который реализует свою семантику, в том числе, через аксиологические значения сегментов сочинительной конструкции. Авторами рассмотрены особенности реализации некоторых аксиологических моделей в простых и сложносочиненных предложениях с союзом **и**. Выявлено: для данных конструкций характерны модели с тождественной оценкой в сегментах, такие как «хорошо **и** хорошо», «плохо **и** плохо»; формирование аксиологических значений в конструкциях происходит не только за счет семантики лексических единиц, но и за счет текста произведения в целом, мыслей и чувств, им сформированных.*

Ключевые слова: служебные слова, союз **и**, аксиологическая модель, синтаксическая конструкция, сегмент конструкции, тождество, оценка, «хорошо **и** хорошо», «плохо **и** плохо».

Растет интерес исследователей к изучению использования служебных слов, в частности сочинительных союзов, частиц, конструкций с ними и т. д., не только с точки зрения выявления особенностей практики русского синтаксиса в синхронии/диахронии или обоснования, развития, доказательства положений его теории. Делаются попытки связать служебные слова с «фигурой говорящего» [12], то есть определить смысловую роль союзов и частиц в речи (текстах), место в идиостиле того или иного писателя [4; 9].

Давно привлекает внимание слово **и** [8], которое функционирует и в системе языка (речи), и в художественной литературе прежде всего как союз и как частица, будучи в них одним из самых частотных. Так, по наблюдению Г.О. Винокура, А.С. Пушкин использовал союз **и** «очень часто»: только в 1-й песне «Полтавы» он встречается 103 раза [3, с. 307, 313]. В.В. Виноградов ставит **и** на первое место в ряду сочинительных союзов, которые «чаще всего употреблялись» Н.М. Карамзиным, а у А.С. Пушкина видит преобладание «форм бессоюзного сцепления», а также «присоединительных конструкций с союзами **и**, **а**, **но**». Далее отмечается, что то и другое у Пушкина способствовало «логической ясности и грамматической компактности» [2, с. 199, 275].

Думается, что в качестве важной причины внимания к слову, в частности союзу **и**, нужно

выделить стремление писателей – от Н.И. Новикова, Н.М. Карамзина и А.С. Пушкина – приближать свой художественный стиль к «живой речи». В этом плане интересны и поиски В.И. Даля – современника Карамзина, соратника Пушкина, следовавшего завету поэта «говорить по-русски и не в сказке». Ведь Даль ориентировался почти исключительно на «живую речь» – «живой язык русский, как он живет поныне в народе» [5, т. 8, с. 536]. Показательны в данной связи и «статьи» из Далевых народных «складчин всякого добра» – сборников солдатских и матросских «Досугов» (1843, 1861 и 1853) и «Бывальщинок для крестьян» (1862) [5, т. 4, 5; 6]. Мы исходим из того, что эти сборники – народные книги и по форме, и по стилю, и по восприятию адресатом [10, с. 80]. Народное же мировосприятие отличает синкретизм: соединение не только тождественного-сходного, но и различного, порой противоположного. Вот и «складчины» Даля сочетают «нынешнее и былое», «смех и горе», «время и безвременье», «дело и безделье» [10, с. 79]. При этом Даль находит не только адекватные этому жанровые формы и пишет в стилистике устной словесности, но применяет и наиболее подходящие языковые ресурсы и средства.

Одним из главных языковых актуализаторов сходства самых разных явлений и отношений действительности, как тождественных, так и нетождественных, является союз **и**, который еще и домини-

рует в «живой» речи [8, с. 25]. Вот как «толкует» о нем Даль-лексикограф: «И, союз, означающий соединение, совокупление предметов, понятий, предложений: да, также, еще, с, вместе. Шар земной состоит из суши и воды. Я и ты и он, мы пойдем в поле. Истина и добро нераздельны. Прошу любить и жаловать. Дешево и прочно. Ах и ох не пособники. || Хотя, хотя и, хотя бы. Тут и слизнешь, так ничего не возьмешь. И знаешь, да не взлаешь. || Даже. Давал и пять, и шесть, да не берет. И не думай, и не затевай. || И так, и потому, выражает продолжение, последствие чего; следовательно, посему; иногда, и вм. и потому. Он обещал, и верно придет. Предложение начинают союзом и, если прямо выражается совокупность, совместность, или условно и противоположно союзам: да, но, однако. И я, и ты, и все мы пойдем. И хочется, и колется, и матушка не велит. И хочет, и не хочет, и сам не знает, чего хочет. И всяк споет, да не как скоморох. И купил бы, да купила нет. И на добра коня спотычка живет. В выражении: И какая тебе охота с ним связываться! союз приближается, по смыслу, к междометью. И вдоль и поперек. Что посеяно, то и взойдет (и вырастет). Мышь сыта, и мука горька. Приелось толокно, и в горле першит. Море, что горе: и берегов не видно. В дураке и царь (и Бог) не волен. Кто чем торгует, тот тем и ворует...» [7, т. 2, с. 5]. Иллюстрации показывают, что основную специфику союза **и** Даль прочувствовал, прислушиваясь к народным «слухам и толкам». А «русское ухо» у Даля было очень «чутким»: эту чуткость, как и «русское чувство», он «вырабатывал в себе вслед за Пушкиным в 1830–1850-е годы» [10, с. 80].

«Простые беседы» с солдатами, матросами, крестьянами помогли Дालю взглянуть на «язык и слог русский» как на «мерило наше умственное» [5, т. 8, с. 554], то есть выделить в нем и аксиологический план. А теперь известно, что «весь язык буквально утопает в оценочной семантике», что «все языковые значения буквально разыгрываются не только на субстрате объективно-когнитивных оценок реалий в плане их аналогичности и неаналогичности, но и на субстрате субъективно-аксиологических оценок в аспекте “хорошо”, “плохо” или “нейтрально”» [13, с. 64], что «само осмысление оцениваемого в языке происходит через номинацию, через выявление и актуализацию в слове того конкретного смысла, который имеет тот или иной объект для познающего субъекта» [1, с. 276] и т. д. И живая речь – «народный язык», «говор», «склад речи», «самые слова» – манифестирует оценочность народного мировосприятия наглядно. А Даль владел народной речью: она была частью его «языковой личности» (см.: [11]).

Особенности реализации ряда аксиологических моделей с использованием сочинительных конструкций с союзом **и** в практике «живой»

речи представим на материале рассказа Даля «Кому жить веселее: пьяному аль трезвому?» [5, т. 5, с. 65–69; 6]. Как видно по заглавию, которое «должно... выражать... смысл и дух сочинения» [7, т. 1, с. 32], в нем речь идет о пьянстве¹. В Дале «складчине» пьянство, наряду с воровством и трусостью, – основная причина тяжелого солдатского бесчестия, позорного наказания «прогулкой по зеленой улице», разжалования и изгнания из «солдатского братства», и этот порок резко осуждается. На примере Сидорки Долгопятого-Мокрого и Назойкова (Набокова) Даль показывает, как еще при жизни солдаты-«пьяноги» лишаются своего «честного имени», которое однополчане заменяют для них обидным прозвищем, чуть ли не кличкой, как после смерти нет им и просто «доброе помину», не говоря уж о «честном помине», как их хоронят «втихомолку», и даже «креста православного поставить на могиле некому» [5, т. 5, с. 67].

Пьянство, показывает Даль, не только ведет к гибели личности, расчеловечиванию и обезличиванию: пьяница, что, быть может, еще важнее с точки зрения народно-христианской нравственности, живет «не по-людски», не боясь «Бога и честных людей» (в другой редакции: «Бога да честных людей»), а значит, нарушает и ломает выстраивавшуюся веками и поколениями «честных людей» гармонию жизни как таковой. Думается, что эту гармонию крестьянской трудовой жизни, повседневных человеческих отношений передают в тексте «Кому жить веселее...» такие словосочетания и предложения с союзом **и**, как: «работа сильная **и** не постылая», «хозяйка добрая **и** хорошая»; «...барин добрый, **и** в семь лет службы своей Назойков не видал от него худого слова, не только побоев»; «Отдал барин за него хорошую девку... **и** были уже у него ребятишки»; «...одежда щегольская, сыт бывал завсегда **и** деньжонками барин дарил его бывало...» [6]. В этой гармонии трезвой жизни развивался как личность и сам Назойков, который, служа у господ кучером, не только «сбрую **и** упряжь держал в порядке», но и «самоучкой стал коновалом **и** шорником таким, каких... ученых найдешь не много». Попав же в армию, «он служил в гусарах, был молодец собою, **и** грамотен, **и** ездил на коне славно, умел обойтись со всякою лошадей **и** выездить хоть самую наровистую». Закономерно, что «его было скоро произвели... в унтера» [6].

Все, связанное с трезвой жизнью, оценивается как «хорошо» прежде всего самим персонажем: «...жить ему было, как сам он и ныне говорит, **хорошо**...»; «Назойков, и тогда сказывал и ныне тоже говорит, что **лучшего** житья не надо...» [6]. Его оценка объективна. Доказывают это и выявляемые в представленных выше конструкциях с союзом **и** (словосочетаниях, предложениях) аксиологические модели. В данном случае речь идет о модели «хорошо **и** хорошо» (в простом предложении)

и модели «хорошо, *и* хорошо» (в сложносочиненном предложении).

Как известно, общая оценка (положительная, отрицательная, нейтральная) того, что отражает синтаксическая конструкция (факта, явления, события и т. п.), формируется за счет семантики лексических единиц, образующих сегменты данных сочинительных конструкций с союзом *и*. Союз, указывая на аксиологическую тождественность сегментов друг другу, отмечает и закрепляет то или иное оценочное впечатление от внеязыковой информации, которая передается данной сочинительной конструкцией в целом. Так, в сочетании *хозяйка добрая и хорошая* положительная характеристика хозяйки достигается на основе лексемы «добрая» в левом сегменте однородного ряда с союзом *и*, а также положительной аксиологической семантики лексемы «хорошая» в правом сегменте. Думается, что положительная аксиологическая семантика лексемы «хорошая» понятна уже потому, что она и есть собственно языковая номинация данного оценочного значения как объективно существующего явления. Благодаря же союзу *и*, отождествляя «хорошее» и «доброе», сознание готово положительно оценить и второе качество хозяйки. А простолюдины знают, что «добрая хозяйка всякие скопы в урочное время впрок западает», и это уже хорошо: запасивая, скопчивая, укупчивая хозяйка-скопидомка – это бережливая, хорошая хозяйка [7, т. 4, с. 192]. О добром же человеке они имеют неоднозначные сведения: это человек «дельный, сведущий, умеющий, усердный, исправный; добро любящий, добро творящий, склонный к добру, ко благу: мягкосердый, жалостливый», но «притом иногда слабый умом и волей». Потому-то порой в глазах простолюдина «добрый человек, хвала двусмысленная: не видно, есть ли воля и ум». Более того, «от добрых людей мир погибнет, от потворщиков. И надолба добрый человек. <...> Не нашли Бог врага, а добрые люди найдутся, ирония» [7, т. I, с. 443–444]. Однако в случае *хозяйка добрая и хорошая* актуализирован набор положительно характеризующих качеств, к тому же не просто «доброта человека», а именно «доброты хозяйки». Ведь хозяйка по логике здравого смысла должна прежде всего уметь хозяйничать – «заниматься, управлять хозяйством; распоряжаться порядком занятий, работ, приходом и расходом, держать домашний порядок, копить, собирать» [7, т. 4, с. 557]. Умение хозяйничать «дельно», «исправно», быть в этом «сведущей» и делает ее «добротой». А далее уже на этот семантический фон ассоциативно наслаиваются такие, тоже положительные, семы, как «добро творящая, склонная к добру, ко благу: мягкосердая, жалостливая», говорящие о душе, характере «доброты хозяйки», ее отношении к окружающим. Но и без учета того, о ком идет речь, в рассматриваемой синтак-

сической конструкции однозначно указывает на доминирование выделенных положительных сем в слове «добрая» как раз изначально (вне контекста) положительный правый сегмент «хорошая». Ведь поскольку сочинительная конструкция с союзом *и* обуславливает тождество своих сегментов, то и в левом сегменте, как и в правом, тоже должно отмечаться преобладающее наличие аксиологически положительной семантики, а значит, сегмент «добрая» нужно маркировать оценочным оператором «хорошо». Подобным образом выявляется соответствие и других приведенных выше сочинительных конструкций с союзом *и* аксиологическим моделям «хорошо *и* хорошо», «хорошо, *и* хорошо».

Если трезвый человек способен объективно оценивать действительность, себя и свои поступки, то поразмыслить-рассудить о том, адекватно ли мировосприятие пьяницы, Даль предлагает на примере «житья» то ли «знатного барина», то ли «горемыки бесталанного» Сидорки Долгопятого, которого за пьянство «сами однокашники прозвали мокрым». Ключевым в данном случае видится сочетание *праздник и веселье* из предложения «...что день у Господа, то у Сидорки праздник *и* веселье». В изолированном виде, вне контекста, выявляется ее соответствие аксиологической модели «хорошо *и* хорошо». Несомненно положительные семы лексем обоих сегментов, а также их логическое соответствие, практически тождество друг другу, поскольку едва ли не любой праздник – «праздники Господни, Господские, установленные в честь Господа»; «праздник царский, рожденье, именины государя, память коронованья и пр.»; «праздник семейный, домашний»; «храмовый праздник» [7, т. 3, с. 381; т. 4, с. 564] и т. п. – трудно представить без веселья – состояния «радости, удовольствия, утех, отрады; <...> радостного расположения или состояния духа, и всего что доставляет его, что утешает и радует». Так и в народе, зная, что «есть время плакать, есть и вселиться», говорят: «Откладывай веселье до праздника». Да и русское языковое сознание вообще, и «элитарное», и «народное», легко связывает праздник и веселье, например, при понимании слова «ликовать» как «торжествовать, праздновать шумно, веселиться гласно; радоваться, оглушать воздух кликами радости» [7, т. I, с. 186; т. II, с. 729, 252]. Однако рассматриваемая синтаксическая конструкция, будучи образованной по аксиологической модели «хорошо *и* хорошо», благодаря окружающему ее контексту, приобретает в итоге вид «плохо *и* плохо». Уже здравый смысл простолюдина сеет у него сомнение в том, что праздник и веселье каждый день – «что день у Господа» – это однозначно хорошо. Несмотря на то, что русский календарь праздников, в том числе и крестьянских, обширен и разнообразен, житейская норма – жизнь «на опыте» и «по заветам отцов» – требует чередовать их

с «работными днями, буднями»: «Праздник помни, а будни знай»; «В праздник белоличка, в будень чумичка». Это у «Бога всегда праздник», «у Бога, что день, то и праздник», да разве еще и «богачу все (завсе, ежедень) праздник». Простой же человек, кто не ленив, не глуп, а работающ, скорее впадет в другую крайность: «Мужик проказник работает и в праздник»; «Что праздник, что будни, все работа» [7, т. III, с. 273, 381; т. IV, с. 6, 614, 610]. Традиционное сознание воспринимает негативно всякую крайность, любое отклонение от привычного распорядка-гармонии. Но каждодневный праздник, который Сидорка устраивает себе, тем более нарушает ее, а значит, «плохо» – объективная оценка этому событию. Если только Сидорка Долгопятый не «знатный барин».

А ведь вроде бы именно так и представлен персонаж в зачине Далева рассказа! Но описание праздной и веселой жизни «знатного барина» Сидорки – не что иное, как скоморошество и ирония в народном духе. В арсенале Даля тут и элементы «языковой игры», прежде всего с опорой на «превратное значение»² лексем *честить* и *жаловать*, когда *честить* означает не «почитать, уважать», «оказывать почтение или честь, почет, изъявлять уважение или отдавать должное, приличные почести», а «бранить, ругать, поносить, хулить» [7, т. 4, с. 599–600]: «...товарищи его честят да жалуют по заслугам: в казарме нет ему прохода, нет места; к кому не подойди, либо гонит, либо трунит над ним да подымает на смех». Противоположная словарной семантика появляется тут и у слова *жалуют*, связанного с *честить* отношениями сходства/тождества посредством союза *да* соединительного (в значении *и*). Соответственно, о положительной оценке не может быть и речи. Наконец, имя персонажа – тоже негативный аксиологический маркер. Ведь «знатного барина» Сидоркой звать попросту не могли: такая форма имени (от Исидор → Сидор → Сидорка) издревле считалась «полумименем», да еще не только «умалительным», но и «унизительным» [7, т. 3, с. 251]. Уже эти факторы (фоновые знания простолюдинов о чередовании будней и праздников как нормы, «превратное значение» лексем *честить* и *жаловать*, форма имени персонажа) доказывают, что для конструкции *праздник и веселье*, входящей в предложение «...что день у Господа, то у Сидорки праздник *и* веселье», аксиологическая модель «хорошо *и* хорошо» преобразуется в модель «плохо *и* плохо».

Таким образом, когда говорится о том, в чем «черт попутал» и «лиха беда одолела» (так определяются Далем причины пьянства и связанное с ним нарушение жизненной гармонии и привычного бытового уклада), аксиологическая модель «хорошо *и* хорошо» становится контекстно неустойчивой и трансформируется в противоположную, то есть в модель «плохо *и* плохо». В позитивном ключе не-

возможно рассказать, как от выходок пьяниц страдают близкие им люди (однополчане, односельчане и соседи, члены семьи), показать, что пьянство лишает человека разума, способности адекватно воспринимать происходящее, отвечать за свои поступки, проявить волю и т. п. А обо всем этом Даль и рассказывает, используя, в частности, сочинительные конструкции с союзом *и*.

Естественно, аксиологическая модель «плохо *и* плохо» («плохо, *и* плохо») реализуется и в «чистом виде». Так, опамятавшегося было Назойкова за хорошую службу «произвели в унтера». Но, продержавшись «года с три», он опять взялся за старое. И «...разжаловали Назойкова опять в рядовые, *и* поставили его на одну доску с ледащими пьянюгами, с последним человеком в полку» [6]. «Жалование» и «разжалование» [7, т. 1, с. 525; т. IV, с. 29] – аксиологически противоположные понятия. У «служилых людей» жалование чина всегда считалось наградой и честью («хорошо»), а разжалование – лишение чина или понижение в чине – воспринималось не просто наказанием, а было для разжалованного большим бесчестьем и публичным позором («плохо»). Так, у разжалованных унтер-офицеров показательно – перед строем однополчан и в присутствии офицеров – срезали «унтерские галуны»: «Спороть галуны, разжаловать унтера в рядовые, в солдаты» [7, т. 4, с. 287]. Отметим, что в солдатской «складчине» призыв «выслужитесь верой и правдой» – настоятельное требование к солдату. При этом четко расставлены и оценочные акценты, в том числе и с точки зрения народно-христианской аксиологии: «Ты червь, былинка, выслужишься верой и правдой, окупи душу свою, скажись сам человеком – будет тебе почет и здесь и там; а коли житья тебе нет ни на этом свете, ни на том, так куда же ты денешься и с головой своею, что станешь делать?» [5, т. 5, с. 102]. Реплики о простолюдинах, выслужившихся в офицеры, Даль бросает и в Словаре: «Он выслужился до капитанов»; «Он выслужился из отдаточных, из солдат»; «Выслужился из сдаточных, дослужился до полковника». Все это – положительные примеры: то, к чему солдату должно стремиться. Упоминает Даль в этом ряду и одного из самых уважаемых «рядовичами» генералов: «Скобелев из сдаточных выслужился в генералы, из сданных рекрутов, из рядовых» [7, т. 1, с. 314; т. 2, с. 721; т. 4, с. 224, 166]. Неспособные выслужиться, не прилагавшие должных усилий к тому солдаты считались «ледащими» – «плохими, негодными, дрянными, хилыми» и «последними», то есть «самыми плохими», занимая в солдатской среде «низшее, плохое, худшее» положение [7, т. 2, с. 244; т. 3, с. 336]³. Отрицательная аксиологическая семантика данных дефиниций очевидна. Таким образом, сочинительная конструкция «...разжаловали Назойкова опять в рядовые, *и* поставили его на одну доску с леда-

щими пьянюгами, с последним человеком в полку» соответствует аксиологической модели «плохо, и плохо».

Примечания

¹ Нелицеприятные высказывания Даля о пьянстве находим в Словаре: «Пагубное ремесло – пьянство, гибельное, губительное»; «Общий народный порок у нас, это пьянство»; «Пьянство вконец развращает»; «Пьянство свойственно русскому человеку»; «Пьянство сгубное дело»; «Народ наш не славится трезвостью»; «Человекогубительное пьянство» и т. д. [7, т. 3, с. 6, 320; т. 4, с. 20, 154, 165, 428, 588].

² Не хотел ли Даль показать этим еще до систематических исследований энантиосемии, как широко – вплоть до противоположных своих значений – может варьироваться в речи семантика слов русского языка? Учитывая лингвоцентризм творчества Даля, положительный ответ тут очевиден.

³ Даль представляет и своего рода иерархию, выработанную солдатским братством [5, т. 5, с. 73]: *трезвые, славные, старые* в нем пользовались почетом и уважением, нейтральное отношение оно проявляло к *ребятам средней руки*, а *ледащие* считались чуть ли не изгоями; *молодых* же, рекрутов, назначая им *дядек*, оно учило быть солдатами.

Библиографический список

1. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М.: Индрик, 2002. – 336 с.
2. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. – М.: Высш. шк., 1982. – 529 с.
3. Винокур Г.О. О языке художественной литературы / сост. Т.Г. Винокур. – М.: Высш. шк., 1991. – 448 с.

4. Голованевский А.Л. Союз-частица *И* в языке поэзии Ф.И. Тютчева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/14_APSN_2008/Philologia/32088.doc.htm (дата обращения: 15.08.2017).

5. Даль В.И. Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Терра: Книговек, 2017. – Т. 1–8.

6. Даль В.И. Тексты произведений в старой орфографии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philolog.petsu.ru/dahl/html/texts.htm> (дата обращения: 24.06.16).

7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 2002.

8. Ереценко М.В. Конструкции со служебным словом «И» и их разновидности в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 2001. – 149 с.

9. Краснова Е.А. Сочинительные конструкции в динамическом процессе их функционирования в идиостиле В.М. Шукшина (на материале рассказов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2011.

10. Ростов О.Р. Лексические маркеры жанра народных сборников В.И. Даля «Солдатские досуги», «Матросские досуги», «Два сорока бывальщинок» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – № 1. – С. 79–82.

11. Ростов О.Р. «Живой язык русский – статья самая главная и важная»: изучение народной жизни в творчестве В.И. Даля // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – № 4. – С. 145–149.

12. Урысон Е.В. Союзы *а* и *но* и фигура говорящего // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 64–83

13. Холодов Н.Н. За древними тайнами русского слова «и» – тайны иных масштабов: учеб. пособие. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1991. – 119 с.

Ухова Лариса Владимировна

доктор филологических наук

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

larissauchowa@mail.ru

Гусева Любовь Алексеевна

кандидат филологических наук

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

lagusevank@mail.ru

«НОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СТАРЫХ СЛОВ»: К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ СЛОВА РИТОРИКА

Активное использование в СМИ слова *риторика* обусловлено возрождением риторической науки, а также развитием технических и гражданских форм публичного общения, что актуализирует проблему формирования общественного мнения. Слово *риторика* в языке печатных СМИ XXI века употребляется в значении 'обязательный элемент публичного общения', 'инструмент в борьбе за общественное мнение'. В этом значении концентрируются такие смыслы, как 'субъект', 'адресат', 'содержание', 'цель'. Благодаря синтагматическим связям создается образ *риторики*, воспринимаемый внешним наблюдателем, – жесткой или мягкой, интенсивной, изменчивой, конкурирующей с реальностью.

Ключевые слова: *риторика, язык СМИ, лексическая семантика, синтагматика.*

Это слово заболтали...

Л.М. Баткин. Неуютность культуры

«Это слово заболтали...» – так начинается статья известного культуролога и литературоведа Л.М. Баткина, и речь в ней идет о культуре. Полагаем, что сегодня те же самые слова можно отнести и к *риторике*.

Риторика, в соответствии с данными толкового словаря Н.Ю. Шведовой, – это «1) теория ораторского искусства; 2) напыщенная и бессодержательная речь» [9, с. 834]. *Предвыборная риторика*, кстати, поясняется как «громкие и пустые обещания» [9, с. 834]. Несколько иначе толкуется семантика слова *риторика* в словаре С.А. Кузнецова: «1) теория красноречия, ораторское искусство... С середины 20 в.: наука об условиях и формах эффективного речевого общения; 2) излишняя приподнятость изложения, напыщенность в ущерб содержанию...; 3) в России в старину: название младшего класса духовной семинарии» [8, с. 704]. Обратим внимание на появление в словарной статье устаревшего значения слова (*младший класс духовной семинарии*) и на временную характеристику лексического значения: *с середины 20 века, в старину*. Практика использования слова *риторика* в языке современных СМИ говорит о том, что семантические изменения в слове *риторика* продолжают. Ни одно из указанных в словаре значений не объясняет семантику слова *риторика* в таком, например, высказывании: *Но судя по тому, что наша риторика, программа и цели, которые мы заявили, востребованы сейчас даже на уровне руководства страны, – нас поддержат многие* (Известия, 2012.10.01) [7].

Материалы, представленные в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ), говорят об активном использовании слова *риторика* в контекстах, описывающих политическую борьбу – между кандидатами в депутаты или президенты, между партиями, между государствами. Из 500 приме-

ров только 14 случаев связаны с употреблением слова *риторика* в значении 'учебная дисциплина', 'учебник'. Это значение в определенной степени соотносится с основной словарной дефиницией 'теория красноречия'. Практически не встречается в газетном корпусе слово *риторика* с оценочным значением – 'пустые обещания, бессодержательная речь': *Увы, это только риторика* [7]. В основном в первые десятилетия XXI в. риторика воспринимается как обязательный элемент публичного общения, к которому следует относиться серьезно, так как она помогает общественным деятелям добиваться поставленных целей.

Активизация «старого» слова *риторика* в современном общественно-политическом дискурсе является закономерной. Переход слова из пассивного запаса в активное состояние (появление актуальной семантики у историзма) – это один из активных процессов современного русского языка [5, с. 34–37; 6, с. 67–70]. И то, что *риторика* является наукой, тоже повлияло на возрождение слова, известного еще с античных времен. Пополнение общепотребительного литературного языка терминологической лексикой, с сопутствующей этому процессу детерминологизацией, характеризует современный русский язык [5, с. 43–48; 6, с. 84–87]. В общественно-политических речевых жанрах широкой адресации *риторика* используется наряду с такими, например, терминами, как *адекватный, модальность, парадигма, симметричный* и т. д.

Однако у каждого слова есть и своя судьба. Термин *риторика*, по мнению А.К. Авеличева, «за всю свою многовековую историю никогда не имел однозначного понимания, и в этом нашла отражение изначальная природная двойственность этой науки» [1, с. 7]. Все разнообразие подходов к риторике условно можно свести к двум направлениям:

теоретическая философская риторика, освященная именем Аристотеля, и догматическая, нормативная риторика, связанная с трудами Квинтилиана. По Аристотелю, риторика нацелена на разработку «возможных способов убеждения относительно каждого данного предмета» [2, с. 19]. Нормативная же риторика со временем превращается в искусство красноречия как такового. А.К. Авеличев сформулировал определение, общее для античного понимания риторики: «Это наука о способах убеждения, разнообразных формах преимущественно языкового воздействия на аудиторию, оказываемого с учетом особенностей последней и в целях получения желаемого эффекта. Воздействие может осуществляться как в устной, так и в письменной форме с помощью аргументов, доказательств, демонстрации вероятностей и др. приемов с целью порождения при помощи используемых языковых и неязыковых средств определенных эмоций и ощущений, способных в свою очередь привести к направляемому формированию новых либо модификации изначальных стереотипов восприятия и поведения» [1, с. 10].

Важно отметить, что античная риторика была неотъемлемой частью целостного античного миропонимания, и без «общественной потребности в ораторском искусстве, исчезнувшей одновременно с угасанием античной полисной демократии», убеждающее красноречие лишилось своего творческого потенциала [1, с. 12]. В XX и особенно в XXI вв. изучение языка вновь обратилось к проблемам его эффективного использования, к анализу «латентных механизмов “незаметного искусства” речевого воздействия в рамках различных коммуникативных систем – от художественного языка до торговой рекламы и политической пропаганды» [1, с. 13–14]. Интерес к научной дисциплине *риторика* возрождается в 60-е гг. XX века, очевидно с развитием институтов демократии. И, как следствие научного изучения риторики в новых условиях публичного общения, само слово *риторика* закрепляется в языке СМИ, претерпевая при этом семантические преобразования. О популярности слова *риторика* говорит, например, тот факт, что даже невербальные способы передачи информации интерпретируются с помощью данного слова: *геориторика* [4], *монументальная риторика* [3].

Обратимся к более детальному рассмотрению синтагматических связей слова *риторика* в языке современных печатных СМИ, воспользовавшись языковым материалом, собранным в газетном корпусе НКРЯ. Словоформы, распространяющие слово *риторика*, можно разделить на две группы. К первой относятся обязательные распространители, называющие *автора* (субъектные распространители); *адресата*; *содержание* (тематические распространители); *цель* или *результат* риторики. Ко второй группе относятся внешние для ритори-

ческого события характеристики (*мнение «наблюдателя»*): временные показатели, соотношение с фактическим положением дел, интенсивность риторических действий, их изменчивость, степень агрессивности. Отмеченные смыслы регулярно воспроизводятся в контекстах со словом *риторика*.

Субъектные распространители могут быть выражены формой родительного падежа существительных, собственных или нарицательных, – *риторика Егора Гайдара, Михаила Саакашвили, Сталина и Молотова, президента, чиновников, Газпрома*. Субъектное значение развивается у прилагательных *российская, американская, западная риторика*. По традиции для обозначения руководства определенной страны используются топонимические метонимии – *риторика Москвы, Тбилиси, Китая, Вашингтона*; парафразы, включающие такие слова, как *руководитель, глава, лидер, власть, хозяин, администрация: риторика главы Елисейского дворца, новой американской администрации, финансовых властей, лидеров протеста, российского руководства* и т. д.

Для обозначения авторов риторического сообщения широко используется фразеологизм *из уст – из высокопоставленных уст, из уст иерархов РПЦ, из уст лидера «Единой России», из уст всех членов Совбеза*. Фразеологизации подвергся оборот *со стороны*, имеющий субъектное значение: *риторика со стороны грузинских властей, абхазских властей, с обеих сторон*. Слово *сторона* в данном значении восходит, очевидно, к другому устойчивому выражению – *сторона конфликта*. Субъект общественно-политической риторики для прессы, несомненно, важнее риторических приемов, поэтому лексико-грамматические формы авторизации *риторики* неуклонно развиваются: появляются не совсем обычные предложно-падежные формы с субъектным значением *между X и Y; от X; у X; для X*. Отметим, что субъектом риторического действия, как бы он ни был обозначен в тексте, является коллективный автор (политическая партия, правительство, финансовая структура и т. д.), занимающий видное место в практиках публичного общения и представляющий интерес для прессы.

Адресат является обязательным участником риторического действия, однако языковые формы обозначения адресата в языке СМИ гораздо беднее субъектных форм. Общий адресат общественно-политической риторики – *избиратель, электорат*. Для конкретизации электората используются следующие выражения: *простой народ; образованные, искушенные читатели; слабонервные граждане; соотечественники; внутренний потребитель; наши граждане; жители РФ; американцы; сирийцы; армянские коллеги; пожилые поляки; пожилой избиратель, воспитанный на антисоветской пропаганде* и т. д. Формы множественного числа при обозначении адресата подчеркивают его

массовость: для риторики «в зеркале СМИ» количественная характеристика адресата оказывается важнее качественной. Адресат риторики подвергается подчас уничижительной аттестации: *в отравленных головах маргинальной части населения; проникает в головы тех, кто податлив; люди, ключющие на популистские обещания.*

Содержание риторики обозначается постоянными эпитетами, сформированными в практике политической борьбы: *националистическая, либеральная, правая, левая.* Частотны прилагательные с приставкой *анти:* *антиамериканская, антироссийская, антикоррупционная, антисемитская, антицыганская, антизападная* и т. д. Гораздо реже используется приставка *про:* *пророссийская, просоветская, просоюзная.* Для краткой характеристики содержания используется родительной падеж: *риторика угроз и оправданий.* Для развернутой характеристики удобны распространенные обороты с глаголами *говорит, оправдывает, подчеркивает* и с причастиями *основанная, посвященная, обличающая, связанная:* «*До сих пор вся его риторика была основана на призывах к силовому разрешению конфликта вокруг автономий*» (Труд-7, 2003.12.03) [7]. Содержание риторических высказываний в ироническом ключе характеризуется с помощью коллоквиализмов или лозунгов: *риторика типа «куда они от нас денутся», «Россия встает с колен», «этот кандидат будет представлять наши интересы».*

Любопытны предложно-падежные формы существительных, обозначающие общее содержание риторики: кроме производных предлогов *относительно чего-либо, по поводу чего-либо, в отношении чего-либо, вокруг чего-либо,* используется простой непроизводный предлог *о:* *риторика о визовом режиме, о двух городах в границах одного Нью-Йорка, о дружбе и братстве двух стран.* Тематический предлог *о* сочетается со словом *риторика* в нарушение грамматической нормы (нормы управления), которая, кстати, слабо регламентирована в русском языке и подвергается постоянным изменениям. Употребление данного предлога актуализирует в слове *риторика* значение ‘высказывание, речь, текст’. Контаминация смыслов наблюдается, когда используется предложно-падежная форма *в адрес:* *риторика в адрес Пекина, Грузии, США и НАТО.* Буквальное прочтение формы *в адрес* определяет названные страны, организации в качестве адресата риторического действия, однако данное сочетание синонимично форме *по отношению к* и определяет тему сообщения: *о Пекине, о Грузии* и т. д.

Целенаправленность и результативность являются существенным отличием риторики от прочих видов речевой деятельности. Риторика служит инструментом в политической борьбе: ею пользуются, чтобы склонить на свою сторону, чтобы

изменить ситуацию и т. д. Цели риторики могут быть определены двумя эпитетами: *политическая* и *предвыборная.* Предикаты *способствует, приводит к результату, действует, влияет, позволяет, заставляет, вызывает (ответную реакцию)* вводят более точную оценку эффективности риторики. Оценка может быть либо *положительной* (*позволяет переманить на свою сторону, была поддержана, помогла получить ему дополнительные политические очки*), либо *отрицательной* (*вызовет разочарование, не могла принести никаких плодов, не дает ничего для решения кризиса*). С течением времени СМИ все больше внимания уделяют именно этой характеристике риторики. Положительная или отрицательная оценка результата риторического действия нейтрализует оценочное значение самого слова *риторика*, более того – появляются такие определения, как *правильная риторика, подлинная риторика.* Хотя надо сказать, что в предикативной функции у слова *риторика* сохраняется негативная оценочная семантика, которая поддерживается модальными операторами: *это всего лишь, не более чем риторика.* Но и данное словоупотребление нельзя соотносить с оценочным значением, прописанным в толковом словаре (‘красивые бессодержательные фразы’), так как в общественно-политическом дискурсе сама по себе фраза уже является свидетельством чего-либо, какой бы «пустой» она на первый взгляд ни казалась.

Субъект и адресат, содержание и цель высказывания – это необходимые элементы лексического значения слова *риторика.* Именно потому, что *риторика* – это публичное общение (вербальное и невербальное), определяющее общественно значимую позицию субъекта, его цели в политической борьбе, круг сторонников (адресатов), готовых поддержать сформулированные положения, в контекстах слова *риторика* происходит в той или иной форме заполнение данных семантических сегментов. В предложении «*Впрочем, антииммигрантская риторика на фоне горящих автомобилей действительно может оказаться выигрышной и поднять рейтинг правых политиков*» мы видим все обязательные для слова *риторика* распространители: субъект – *правые политики*, адресат имплицирован в слове *рейтинг*, содержание обозначено прилагательным *антииммигрантская*, цель – быть *выигрышной* и *поднять рейтинг.*

Риторика – это инструмент в борьбе за общественное мнение, это публичное действие, предполагающее элементы зрелищности, интригу, эмоциональную реакцию зрителя. Контексты слова позволяют говорить о создании образа *риторики.* Ряд эпитетов *риторики* имеет постоянный характер: *жесткая, воинственная, воинствующая, агрессивная – мягкая, миролюбивая.* Оценивается интенсивность риторики: *усилилась, резкая, ос-*

лабла. Внимание обращается на изменчивость *риторики*: *изменилась, стала жестче*. Изменения осуществляются во времени: *в последнее время, в последние годы, уходит корнями еще в холодную войну, снова в моде, нынешняя, в сегодняшней России, в августе – сентябре 2008 года*. Дополнительная интрига появляется при сопоставлении *риторики* и реального положения дел. Эта, казалось бы, излишняя информация (*риторика* – это только слова) включает дополнительную оценочную шкалу: фразы *«ценится не риторика, а дела», «риторика расходится с практикой»* тривиальны и не могут в полной мере принизить значимость *риторики*. Гораздо интереснее причинно-следственные отношения между событиями и *риторикой*: *риторика перестанет работать, и потребуются решительные действия; является ширмой для прикрытия энергетических устремлений; окрепшая с обрушением цен на нефть. Риторика* занимает место в однородном ряду с существительными *дело, действие*. Данные смыслы не характеризуют *риторику* как таковую, поэтому мы рассматриваем эту группу признаков в качестве внешних, отражающих взгляд стороннего наблюдателя. Однако регулярное обращение к этим характеристикам в языке печатных СМИ свидетельствует об их важности не только для автора журналистского текста, анализирующего события, но и для описания лексического значения слова *риторика* – того значения, которое сформировалось в современном русском языке.

Таким образом, наблюдения над синтагматикой слова *риторика* в газетном корпусе НКРЯ приводят нас к выводу о трансформации лексического значения слова. Кроме классического представления о *риторике* как о науке красноречия и о *риторике* как бессодержательном красноречии, оформилось новое понимание *риторики* – как обязательного элемента публичного общения, концентрирующего такие смыслы, как ‘субъект’, ‘адресат’, ‘содержание’, ‘цель’. В данном значении слово *риторика* входит в тематическую группу ‘публичное общение’, в рамках которой взаимодействует со словами *агитация, пропаганда, призывы, лозунги, заявления, декларации, эфир, информационное*

пространство и даже сленговым словом *хайп* (шумиха), вызвавшим недавно у пользователей Интернета ажиотажный интерес. Активное использование в СМИ слова *риторика* обусловлено, с одной стороны, ренессансом риторической науки, а с другой – дальнейшим развитием технических и гражданских форм публичного общения, заставляющих более внимательно относиться к приемам и способам формирования общественного мнения.

Библиографический список

1. Авеличев А.К. Возвращение *риторики* // *Общая риторика* / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др.; общ. ред. А.К. Авеличева. – М.: Прогресс, 1986. – С. 5–22.
2. Аристотель. *Риторика* // *Античные риторика* / под ред. А.А. Тахо-Годи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – С. 15–164.
3. Докучаев Д.С. «Дочки-матери»: женские аллегории этнорегионов России в постсоветской монументальной *риторике* // *Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований*. – Иваново, 2015. – № 4. – С. 82–95.
4. Ерёмченко Е.Н. *Геориторика* // *ИнтерКарто/ИнтерГИС*. – 2016. – Т. 22. – № 2. – С. 301–310.
5. Ермакова О.П. Семантические процессы // *Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков* / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 33–99.
6. Какорина Е.В. Трансформации лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 67–89.
7. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.07.2017).
8. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – М.: Ридерз Дайджест, 2004. – 960 с.
9. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2011. – 1175 с.

К ВОПРОСУ ОБ ОККАЗИОНАЛЬНОМ ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ: ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СОМАТИЗМОМ ГЛАЗ

В статье рассматривается вопрос о преобразовательном потенциале русских фразеологизмов с компонентом-соматизмом *глаз*. При исследовании трансформационной активности фразеологизмов учитывается особенность их семантики, образности, грамматических свойств. Раздельнооформленность фразеологических единиц позволяет производить окказиональные замены компонентов и расширение компонентного состава, при этом в соответствии с авторскими интенциями во фразеологизм включаются слова, конкретизирующие, либо интенсифицирующие, либо буквализирующие значение устойчивых единиц. Образность фразеологизмов обуславливает использование приёмов, направленных на буквализацию фразеологического значения. Вместе с тем выявляются особенности семантики и структуры фразеологизмов с соматизмом *глаз*, препятствующие активным преобразовательным процессам: двухкомпонентный состав фразеологизмов не позволяет осуществлять сокращение компонентного состава, так как существенно ослабляется деривационная связь с инвариантом и происходит дефразеологизация; большая часть фразеологизмов характеризуется отсутствием изоморфизма значения и формы, что затрудняет использование приёма сегментации и выделения ключевых слов; компоненты многих фразеологизмов имеют существенные ограничения семантической валентности, и это препятствует введению в состав фразеологизмов окказиональных компонентов; многие фразеологические образы, связанные с действиями *глаз* как органов зрения и действиями человека, направленными на глаза, не могут быть окказионально преобразованы в силу специфики образов. Также на снижение активности трансформационных процессов влияет тот факт, что в языке уже существуют фразеологические единицы, компоненты которых соотносятся как синонимы, антонимы, как варианты многозначных слов, а значит, этот ресурс образования окказиональных вариантов уже исчерпан самой системой языка.

Ключевые слова: фразеологизмы с компонентами-соматизмами, окказиональные трансформации фразеологизмов, преобразовательный потенциал фразеологических единиц.

Динамическое состояние языковой системы во многом обеспечивается изменчивостью единиц языка не только в диахронии, но и в синхронии. Креативная способность носителей языка, выработанная на протяжении тысячелетий, позволяет объяснить стремление многих «пользователей» языка к игре слов, к творческому обновлению элементов языковой системы. Процессы преобразования единиц активно происходят, в частности, при употреблении в речи фразеологизмов. Трансформации фразеологических единиц (ФЕ) описываются, исследуются учёными на протяжении длительного времени, и интерес к этому не уменьшается, так как в художественных, публицистических дискурсах постоянно появляются новые речевые единицы, созданные авторами с особым мастерством и даже изяществом.

Параллельно с описанием окказиональных трансформов, функционирующих в произведениях отдельных писателей, публицистов, проводятся исследования собственно процессов преобразования языковых единиц, определяются условия трансформации фразеологизмов, факторы влияния на осуществление, на активность самих трансформационных процессов; выявляются группы фразеологизмов, интенсивно трансформирующихся в современном русском языке.

Научный интерес в этом плане вызвала группа ФЕ с компонентами-соматизмами, являющаяся одной из самых больших во фразеологическом

корпусе. Фразеологические единицы с компонентами-соматизмами достаточно активно изучаются в структурно-семантическом, лингвокультурологическом, сопоставительном аспектах, однако данное исследование посвящено определению преобразовательного потенциала устойчивых единиц одной из групп, а именно ФЕ с компонентом *глаз* (*глаза*).

Фразеологизмы являются единицами языка, достаточно часто преобразуемыми в речи. Ряд свойств фразеологических единиц (раздельнооформленность, образность, изоморфизм значения и формы) обуславливает возможность изменения семантики и структуры ФЕ, предопределяет активность трансформационных процессов (см. об этом в [18; 20]). В данной работе рассматриваются особенности внутреннего плана фразеологизмов с компонентом *глаз* в связи с определением преобразовательного потенциала ФЕ, их трансформационной активности.

В грамматическом аспекте фразеологизмы данной группы представляют собой либо устойчивые сочетания слов разных грамматических типов (*вытаращить глаза, краем глаза, дурной глаз, глаза в глаза*), либо пропозициональные фразеологизмы (*глаз намётан, глаза загорелись, куда глаза глядят*), либо фразеологизированные предложно-падежные формы (*за глаза*). Внутри фразеологической модели компоненты этой модели сохраняют присущую им грамматическую валентность, а следовательно, носители языка трансформируют фразеологизмы,

актуализируя грамматические способности слов связываться с другими словами: глаголов – с существительными, наречиями, существительных – с прилагательными, причастиями, местоимениями и т. д. Именно эта особенность фразеологизмов позволяет использовать приём расширения компонентного состава.

Расширение компонентного состава ФЕ обусловлено разными авторскими интенциями. Говорящие включают во фразеологическую единицу слова, конкретизирующие фразеологическое значение относительно ситуации употребления; такими окказиональными расширителями становятся имена прилагательные, называющие признак по отношению к определённому лицу: *президентский, японский, мамин, женский, детский* и под. См.: «Вместе с гостем на нашу действительность *смотрел “японскими” глазами* и я. Смотрел и диву давался...» [3]; «– Ирод идёт!.. – слышались отовсюду тонкие голоса. – Братцы, Ирод вышел... – и *детские глазёнки совсем разгорелись*. – Ишь он, Ирод, какой!» [2]; «Сестра доедала килограмм конфет, фантики валялись повсюду. *Мамины глаза на лоб полезли*: на ночь диатез обеспечен» [17]; «На многое готов мужчина *ради прекрасных женских глаз*» [5] и под.

Необходимо заметить, что трансформационная активность ФЕ этой группы не является высокой, и причина этого видится в следующем. Многие фразеологизмы в словарях имеют сопроводители *у кого? чьи?*, и в контекстах при функционировании фразеологизмов слова-сопроводители, не входящие в компонентный состав ФЕ, называют конкретные лица, которым присущи действия, свойства, именуемые и характеризующие фразеологизмами; таким образом в предложении осуществляется конкретизация фразеологического значения без окказиональных трансформаций компонентного состава ФЕ (см. *глаза у мамы на лоб полезли*). Окказиональный вариант фразеологической единицы появляется в случаях включения в состав ФЕ относительного прилагательного, замещающего слово-сопроводитель (*глаза женщин – женские глаза, глаза японцев – японские глаза*).

Расширение компонентного состава может быть обусловлено стремлением автора буквализировать фразеологизм, создать впечатление «реальных глаз»; как правило, окказиональные компоненты рисуют цвет, размер, форму глаз. См.: «Поэт, для которого всё, сообщаемое редактором, являлось новостью, внимательно слушал Михаила Александровича, *установив на него свои бойкие зелёные глаза*» [3, с. 12]; «Пока он ждал чистой воды из стакана, он взглянул на свои *красные выплаканные глаза*, смотрящие через зеркало» [16]; «Нянька привела с гулянья в столовую раскрасневшегося и немного запотевшего мальчика, серьёзно и внимательно *заглядевшегося* на меня *во все свои синие глаза*» [19, с. 148].

Интенции авторов могут быть направлены на интенсификацию признаков, активизацию процессов, называемых фразеологизмами. См.: «Боевая биография Дерябы тоже изобиловала чудесами, поскольку до сих пор его руки, ноги и голова были на месте вопреки совершенно очевидным обстоятельствам. Так мудрено ли, что именно его *намётанный острый глаз* сумел обнаружить то, что прежде *открылось лишь умудрённым философией взорам* исчезнувших слесарей?» [13]; «Она прикуривала сигарету от сигареты, смотрела пустыми глазами в окно. *Выплаканными пустыми глазами*» [15]; «В финале фильма к выщербленной пулями и снарядами стене подходят женщины *с высохшими, заплаканными уже глазами*» [5], «Она удивлённо уставилась на меня своими *до дна заплаканными глазами*» [1] и др.

Окказиональные компоненты вводятся с целью придания языковым фразеологизмам добавочных оттенков смысла, особой экспрессии. См.: «Но иностранец ничуть не обиделся и превесело рассмеялся. – Бывал, бывал и не раз! – вскричал он, смеясь, но *не сводя несмеющегося глаза* с поэта, – где я только не бывал!» [3, с. 21]; «И вновь он услышал голос: – Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти... Пилат *поднял мученические глаза* на арестанта» [3, с. 29]; «Жадная к самым пикантным открытиям публика, видя и слыша это лицо... приучилась на все обстоятельства дела, даже безразличные, *смотреть его предубеждёнными глазами*» [10, с. 435] и др.

Следует отметить, что приём расширения компонентного состава фразеологизмов с соматизмом *глаза* используется наиболее часто в сравнении с другими приёмами окказионального преобразования данной группы фразеологизмов.

Грамматическая раздельнооформленность фразеологизмов позволяет использовать приём замены компонентов фразеологизмов. При заменах языковых компонентов окказиональными происходит актуализация парадигматических связей фразеологического компонента, в первую очередь синонимических и антонимических. Слово *глаза* входит в качестве доминантного в ряд синонимов: *глаза – очи – орган зрения – глазоньки – глазищи – зенки – моргала* и др. В зависимости от ситуации речевого общения, от целевых установок автора текста в состав фразеологизма вводится окказиональный компонент, становясь стилистическим маркером либо средством создания экспрессивного эффекта – каламбура, иронии и др.: *не смыкать органов зрения, очи в очи, глазёнки на лоб лезут* и под.

Также при замене субстантивных компонентов актуализируются связи слов в тематической группе; для слова-компонента *глаз*, входящего в тематическую группу «Органы чувств», коррелятами становятся слова *уши, нос, рот, язык*. При калам-

бурном обыгрывании фразеологизмов возможно появление трансформов с окказиональной заменой компонентов: *ухо намётано (глаз намётан), замазывать уши (замазывать глаза), разуть уши (разуть глаза), открывать нос (открывать глаза), краем носа (краем глаза), рот разгорелся (глаза разгорелись)* и т. д.

Окказиональная замена компонентов в составе фразеологизмов с соматизмом *глаз* имеет специфику, которая проявляется в следующем. Большая часть фразеологизмов с компонентами-соматизмами базируется на образных основах, запечатлевших в «картинках» либо действия органов зрения (*куда глаза глядят, открыть глаза, закрыть глаза, выплакать все глаза*), либо процессы, связанные с функционированием органов, с восприятием этих органов человеком в прямом и метафоризированном виде (*протирать глаза, глаза слипаются, глаза разбегаются, заливать глаза, колоть глаза, бросаться в глаза* и др.). Функциональное различие органов восприятия, особенности метафорического описания глаз как части человеческого организма во многих случаях препятствуют изменению фразеологического образа, а следовательно, затрудняют замену компонентов другими словами-соматизмами (см. **пялить нос, *губы на лоб лезут, *уши слипаются* и под.). С другой стороны, следует учесть существование языковых (не окказиональных) фразеологизмов со схожими компонентами: *открыть глаза – открыть рот, во все глаза – во весь рот, не верить глазам своим – не верить ушам своим*, а значит, процессов, направленных на окказиональную замену компонента *глаз* словами, называющими другие сенсорные органы, не происходит.

Специфика проявляется и в заменах глагольных компонентов фразеологизмов. Активность глагольных замен обычно обусловлена актуализацией парадигматических связей глаголов – компонентов ФЕ с широким кругом синонимов [22]. Однако многие компоненты-глаголы данной группы фразеологизмов коррелируют с незначительным числом синонимов либо вообще не имеют их (см. *проглядеть (проглядеть все глаза), пялить (пялить глаза), выплакать (выплакать глаза), осушить (осушить глаза)*), что затрудняет данный вид трансформации. Следует также учитывать, что некоторые глагольные компоненты уже зафиксированы в словаре с вариативными языковыми компонентами (см. *глаз набит (намётан), глаза слипаются (закрываются), насколько хватает (достает) глаз*), и такие замены имеют статус нормированных, а не окказиональных. К тому же в ряде ФЕ используются глагольные антонимы как компоненты разных языковых единиц с различной семантикой: *открыть глаза – закрыть глаза, глаза разгорелись – глаза потухли, протереть глаза – замазать глаза, бросать в глаза – ловить глазами*. Таким образом, фразеологизмы с компо-

нентами–соматизмами реже трансформируются на основе актуализации парадигматической связей слов-соматизмов, так как в языке уже существуют ФЕ, компоненты которых соотносятся как синонимы, антонимы, как варианты многозначных слов, а значит, этот ресурс образования окказиональных вариантов уже исчерпан самой системой языка.

На активность/неактивность окказиональных преобразований влияет количественный состав компонентов. ФЕ данной группы относятся в основном к двувёршинным фразеологизмам, то есть имеют два компонента – знаменательных слова, что препятствует сокращению компонентного состава. При отсутствии одного из компонентов ослабляются деривационные связи окказионального трансформанта с инвариантом, и фразеологический сегмент, функционирующий в тексте, не опознаётся как компонент фразеологизма. Сокращение компонентного состава происходит лишь у ФЕ, имеющих в своём составе три и более компонента: «У меня *глаза на лоб*: у кого золотые зубы? У нищих наших *крестьян?*» [2].

На активность трансформационных процессов также влияет специфика фразеологического образа: если основа фразеологизма представляет собой картину каких-либо действий, которые носители языка могут представить в виде «сценария», развёрнутого во времени, то, соответственно, становятся возможными замены глагольного компонента глаголами, обозначающими фазы «сценарного» действия. Подобное развёртывание «сценарного» действия можно увидеть на примере языковых фразеологизмов: *глаза разгорелись – глаза горят – глаза потухли*. Однако во фразеологизмах данной группы используются в основном глаголы, называющие действия, не имеющие фаз развития либо не имеющие видového коррелята: *пялить глаза, резать глаза, выплакать глаза, навести глаза* и под., что не способствует активизации трансформационных процессов окказиональной замены компонентов. Тем не менее, говоря о творчестве носителей языка, нельзя исключать появление контекстов с окказиональными трансформантами, к примеру, такими, как *глаза на лоб лезут – глаза сидят на лбу – глаза спустились (спрыгнули) со лба; глаза разбегаются – глаза сбегаются*.

Важным свойством фразеологизмов, обуславливающим возможность трансформационных процессов, является изоморфизм значения и формы ФЕ: компоненты фразеологизмов, обладающих этим качеством, приобретают символическое значение и способны функционировать в речи самостоятельно, репрезентируя элементы смысла и сохраняя деривационные связи с языковыми фразеологическими единицами. ФЕ с компонентом *глаз* в основном не имеют изоморфизма значения и формы, что уменьшает их трансформационную активность.

Более сложные преобразования фразеологических единиц (контаминация, образование окказиональных фразеологизмов по аналогии семантики, образной основы, изменение синтаксической модели языкового инварианта, переосмысление ФЕ) производятся авторами художественных и публицистических текстов в соответствии с творческими задачами. См. переосмысление языковой ФЕ: «Глаза в глаза измерена беда моя до дна. Я в бабье лето верила, как будто там – весна» [7, с. 14]; фразеонабор: «Уехал, чтобы с глаз долой – рубить, так уж с плеча. Как будто в омут с головой бросался сгоряча» [12, с. 21]; внесистемную замену компонентов: «А снег ещё не выплакал всю зиму» [14], «По свету бродит слепой шарманщик – не шарлатан, не хулиган и не обманщик. Скиталец нищий. Но кто осудит – маэстро струн, любимец *выплаканных судеб*» [6]. Такие трансформации, обычно существенно меняющие внешний облик фразеологизмов, нарушающие семантическую валентность, создающие яркий «эффект обманутого ожидания», как правило, сложны в исполнении и не являются частотными.

К названным выше причинам, на наш взгляд, необходимо отнести ещё одну, связанную с особенностями образной номинации ФЕ. Наглядно представить эти особенности позволяет сопоставление фразеологизмов с компонентом-соматизмом и фразеологизмов с компонентом-зоонимом. Так, исследования фразеологизмов с компонентами-зоонимами (*стреляный воробей, делить шкуру неубитого медведя* и др.) позволили выявить высокую трансформационную активность данной группы ФЕ именно в силу того, что под анимализмами (волк, медведь, воробей и др.) угадывается человек, а черты, поведение животных соотносятся с действиями, характером людей. Диапазон этих действий, внутренних и внешних признаков очень широк, что позволяет носителям языка производить самые разные трансформации (см., к примеру, только лишь один ряд замены компонента *воробей* во ФЕ *стреляный воробей: стреляные мужики, механики, актёры, президенты, женщины, девушки, бабы, народ, держиморда* и под. [21]). Фразеологизмы с соматизмами описывают поведение человека, дают ему оценку через действия глаз или через воздействие на глаза, являющиеся частью человека. Диапазон такого поведения (человека через глаза) существенно уже, чем диапазон действий или характеристик животных и – посредством зооморфной метафоры – человека, что, соответственно, не способствует активности трансформационных процессов в группе фразеологизмов с компонентом *глаз*.

Таким образом, исследование одной из самых больших групп фразеологических единиц в современном русском языке на предмет преобразовательной активности показало наличие существенных причин, затрудняющих трансформационные процессы.

Исследование процессов окказионального преобразования фразеологических единиц различных грамматических классов, фразеосемантических полей, групп позволяет конкретизировать условия трансформаций ФЕ, выявить факторы, повышающие либо понижающие трансформационную активность фразеологизмов, определить преобразовательный потенциал разных фразеологических единиц и таким образом описать динамическое состояние фразеологической системы современного русского языка в синхронии и диахронии.

Список источников

1. Астафьев В. Солдат и мать: рассказ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: lib2.podelise.ru/docs/539/index (дата обращения: 07.07.2017).
2. Бондарев Ю. Мир спасёт слово // Аргументы и факты. – 2006. – № 18.
3. Булгаков М. Мастер и Маргарита: роман. – М.: Худож. лит., 1988. – 384 с.
4. Бунин И. Жизнь Арсеньева. – М.: Вече, 2015. – 352 с.
5. Высоцкий В. О кино // Советский экран. – 1988. – № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: odin-fakt.ru/vysockii/vladimir (дата обращения: 10.05.2016).
6. Граф Вяч. Плейкаст «Шарманщик». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: playcast.ru/view/879130/ (дата обращения: 16.09.2017).
7. Иноземцева Т. Мелодия печальная // Любовь и хлеб: стихи. – Ярославль: Верхне-Волжское изд-во, 1977. – 87 с.
8. Немирович-Данченко В. Ирод: рассказ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://knigogid.ru/books/322032-irod/ (дата обращения: 16.09.2017).
9. Синалеев Ю. Мячик для битья // Московский комсомолец. – 2006. – № 2010.
10. Спасович В. Дело Давида и Николая Чхотуа и др. (Тифлиское дело) // Судебные речи известных русских юристов: сборник. – М.: Госюриздат, 1956. – С. 418–485.
11. Татаркин Ю. Жемчужины мысли. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: inpearls.ru/287960 (дата обращения: 15.09.2017).
12. Татьяничева Л. Избранное: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1976. – Т. 1. – 328 с.
13. Успенский М. Дорогой товарищ король. – СПб.: Азбука, 2002. – 448 с.
14. Цветаев В. А снег ещё не выплакал всю зиму. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: uarfiles.ru/show/625275/kogda (дата обращения: 16.09.2017).
15. О последней любви. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: alifon.livejournal.com/985098.html (дата обращения: 10.05.2016).
16. Статьи и фанфики о покемонах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: poke-universe.ru/articles/ (дата обращения: 10.03.2016).

17. Ярпортал: форум Ярославля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: yarportal.ru/topic773431s180.html (дата обращения: 14.09.2017).

Библиографический список

18. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст). – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – 456 с.

19. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь. – М.: Русские словари, 1997. – 864 с.

20. Третьякова И.Ю. Окказиональная фразеология: монография / под науч. ред. А.М. Мелеро-

вич. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – 290 с.

21. Третьякова И.Ю. Стреляные воробьи, мужики, президенты... // Фразеология, познание, культура: сб. докладов Второй междунар. науч. конф.: в 2 т. – Белгород: БГУ, 2010. – Т. 1: Фразеология и познание. – С. 387–391.

22. Третьякова И.Ю. К вопросу о преобразовательном потенциале глагольных фразеологизмов // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – № 6. – С. 122–125.

23. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.

ВЫРАЖЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ
В РЕЧИ КОММУНИКАНТА

Статья посвящена анализу выражения субъективной модальности в речи коммуниканта. Автор статьи подробно рассматривает процесс коммуникативного акта, анализируя целый ряд вопросов и проблем, которые находят непосредственное отражение в изучении характеристик модальности. При исследовании выражения субъективной модальности в речи участников коммуникативного процесса автор статьи опирается на метод когнитивного моделирования значения лексических единиц, метод инференции, статистический метод, а также дискурсивный анализ. На основе анализе практического материала в статье делается заключение, что для выражения своей уверенности в той или иной информации или же наоборот, сомнения в возможности события, адресант выбирает те или иные языковые средства, которые наиболее полно отражают его коммуникативное намерение.

Ключевые слова: модальность, восприятие речи, язык, речь, общество, значение, участник коммуникативного процесса.

Вопросы, касающиеся проблем дискурса, интересуют специалистов самых различных направлений [1, с. 28; 5, с. 70; 6, с. 227–230; 10, с. 28; 12, с. 56; 13, с. 37]. Действительно, на современном этапе своего развития «лингвистика приобрела свою новую динамику, “общий вектор” которой направлен в сторону расширения границ лингвистических исследований и смещения акцентов на человеческий фактор в языке» [8, с. 141].

Функционирование языка в речевом акте «зависит от целого ряда факторов, среди которых в первую очередь следует отметить разнообразие способов речевого общения в вербальном отражении подаваемой информации» [2, с. 114]. Следует также отметить и особую роль учета специфики цели передачи информации и способа адресованности, а также «дискретность порождения, восприятия и репрезентации информации» [2, с. 114].

Чешский лингвист И. Польдауф [6, с. 303–306] считает, что в коммуникативном акте сообщаемая информация часто имеет самое прямое отношение к точке зрения человека, который сообщает эту информацию. Так, например, в высказывающемся суждении «*She unfortunately lost her money*» слово *unfortunately* придает суждению модальность – «Я полагаю это достойным сожаления». Такие слова, как *unfortunately*, по мнению И. Польдауфа [6, с.135], относятся к средствам выражения интеллектуальной оценки со стороны лица, имеющего определенную заинтересованность.

Действительно, перед нами яркий пример того, что в речевом акте модальное значение имеет влияние на эмоциональное значение, поскольку смыслом высказывания является та или иная организованная составляющая деятельностно-личностных, и в том числе как ситуативно представленных эквивалентов значений, так и целостно представленных компонентов, которые непосредственно формируются в языковом сознании участника того или иного коммуникативного акта.

Опираясь на принятое в теории языка определение смысла, можно констатировать, что онтологически смысл формируется в сознании, т. е. в непосредственной коммуникативной деятельности участников коммуникативного акта, а не в самом акустическом или графическом высказывании отправителя информации.

Что касается модальности как языковой универсалии, то весьма важно подчеркнуть, что подобная модальность имеет персуазивное, т. е. говоря иными словами, субъективное значение модальности. Однако кроме названного типа, необходимо также выделить и онтологическое, т. е. объективное значение модальности. Объективная модальность указывает на характер объективных отношений в той или иной конкретной ситуации. Здесь находят отражение такие объективные связи, как действительные, возможные и необходимые связи.

Что касается субъективной модальности, которую иногда называют модальностью истинности, то необходимо подчеркнуть, что данный тип модальности в речевом акте выражает оценку отправителем разной степени информированности о возможных, необходимых и действительных связях. Иными словами, субъективная модальность в речевом акте призвана отражать степень достоверности точки зрения о той или иной конкретной ситуации. Уточним, что говоря о достоверности, мы имеем в виду категорическую, проблематическую и простую достоверности.

Как категорическая, так и проблематическая достоверности имеют несколько степеней достоверности. Так, например, проблематическая достоверность имеет шкалу достоверности от наименьшей до самой наибольшей степени достоверности сообщаемой информации, которая передается модальным значением «вполне вероятно», «весьма вероятно», «очень вероятно».

Для выражения своей уверенности в той или иной информации или же, наоборот, сомнения в возможности события, адресант выбирает те или

иные языковые средства, которые наиболее полно отражают его коммуникативное намерение. Так, например, в своем утвердительном высказывании отправитель сообщения может использовать такие слова, как *for sure, certainly, almost certainly, very probably, probably, perhaps*.

Далее для рассмотрения некоторых свойств выражения субъективной модальности в речи участников коммуникации, приведем пример из книги Ф.Е. Незнанского:

– *Вы торопитесь, Филипп?* – *мягко сказала Юлия и положила пальцы на его ладонь, которой он опирался о столешницу.* – *Вам действительно надо срочно бежать?*

– *Честно?* – *Он открыто посмотрел ей в глаза и засмеялся.*

– *Ну а как же еще?* [3].

На примере приведенного нами диалога можно констатировать, что субъективная модальность высказываний в речи участников коммуникативного акта находится не столько в самих высказываниях как предъявляемых в последовательной форме слушателю графических, т. е. акустических знаков, а сколько в сознании участников диалога – Юлии и Филиппа. Полученная информация реципиентом усваивается легче, если и отправитель речи, и получатель сообщения имеют общий набор пресуппозиций.

Однако необходимо учитывать и такое весьма важное обстоятельство, как информация, имеющаяся в опыте субъекта. Это важное обстоятельство было отмечено еще в 1983 году А.И. Новиковым в работе «Семантика текста и ее формализация», где ученый особо подчеркивает мысль о том, что «кроме непосредственно выраженной информации, в содержание текста включается также информация, имеющаяся в опыте субъекта, на основе которой это содержание приобретает целостность» [4, с. 110].

Еще один вывод, который напрашивается на основе анализа выше приведенного нами диалога, заключается в том, что диалог представляет собой дискурсивное образование, которое состоит из высказываний, продуцируемых обоими участниками коммуникативного акта и, следовательно, обладает целостной семантикой. Однако следует отметить, что сделанный нами вывод вовсе не говорит о том, что общая целостность семантики диалога означает однородность модальности высказывания.

В контексте описания выражения субъективной модальности в речевом сообщении участников коммуникативного акта весьма важно обратить внимание на семантическое единство диалога, к которому можно относиться как содержанию текста, под которым А.И. Новиков предлагает понимать «тот семантический комплекс, который возникает в мышлении автора в соответствии с замыслом, целями, условиями коммуникации и понимается адресатом в результате декодирования языковых

выражений, посредством которых он был задан в тексте. Он состоит из совокупности денотатов, отражающих иерархию тем и субтем. В мышлении он представляет собой единое целостное образование, поскольку базируется на системе предметных отношений, сформированных в интеллекте человека в его предшествующем опыте и новых отношениях, заданных текстом» [4, с. 110].

Немаловажная часть реальной действительности, с которой отправитель сообщения сверяет свое вербальное поведение, уже отражена в его речевых сообщениях. Например, в вышеприведенном примере такая реплика, как «Ну, а как же еще?» имеет весьма явную соотнесенность с репликами, высказанными ранее, как, например, «Честно?», «Вы торопитесь, Филипп?», «Вам действительно нужно срочно бежать?», и т. д. Таким образом, все перечисленные нами реплики вышеприведенного диалога хотя и имеет отношение к разным субъектам с разными коммуникативными интенциями и, соответственно, обладают разной индивидуальной модальностью, тем не менее, имеют общую специфическую целостную область референции.

Приведем еще один диалог с общей модальностью «возможная просьба».

– *Свидание чисто деловое, но я с удовольствием перенесу его на завтра. Если вы...*

– *Что – если я?*

– *Попросите меня об этом.*

Взгляд Фили был чист, как хрустальная вода горного источника. Ему просто нельзя было не верить. Даже если к недоверию имелись бы все основания.

– *Ну, предположим, что я попросила. Предположим! Что бы вы на это сказали?*

– *Спросил бы: какие у вас планы? Это во-первых. А во-вторых, попробовал бы внести в них некоторые коррективы, которые вам могли бы наверняка понравиться. Но – опять-таки если! Итак?*

– *Планов никаких, – честно ответила Юлия. – Целый день болела голова, а вы оказались в прямом смысле слова волшебником. Теперь я чувствую себя прекрасно. А что вы можете предложить?* [3].

Модальность «возможная просьба» в первом высказывании еще не просматривается, но имплицитно она уже представлена, тогда как второе сообщение фрагмента диалога уже представлено вопросом. Для отправителя сообщения, так же, как и для получателя, важны ценностные установки. Действительно, «язык как данность объектного (предметного мира) существует в виде определенной человеческой ценности» [9, с. 72].

Говоря иными словами, «речь здесь идет о ценностно-смысловом отношении к реальной действительности, которая окружает человека. Вместе с тем, в этом контексте также необходимо отметить и то, что ценность представляет собой сущност-

ную характеристику языка как абстрактного явления» [9, с. 72].

Что касается остальных реплик диалогического речевого акта, то они содержат общий денотат с прямым обозначением, который для вышеприведенного диалогического сообщения является непосредственным общим стержнем, выстраивающим вокруг себя очень четкую семантическую систему диалогического единства.

Таким образом, рассмотрев выражение индивидуальной модальности участниками коммуникативного акта, можно сделать вывод о том, что лучше всего понимать природу свойств диалогического дискурса функционально, поскольку в коммуникативном акте диалогический дискурс направлен не столько на актуализацию синтаксической схемы, сколько на то, чтобы реципиент диалогической реплики, который хорошо владеет набором синтаксических схем, мог сформировать в своей коммуникативной деятельности смысл, скоординированный со смыслом, замещенным данным высказыванием со стороны производителя диалогической реплики.

Немаловажным является условие, связанное с тем, чтобы отправитель сообщения, который явно осознает данную референтную ситуацию, обладал бы возможностью образовать в своем речевом сообщении смысл, который связан и скоординирован со смыслом, ожидаемым получателем информации. Таким образом, в речевом акте имплицитно происходит замещение сообщения.

Библиографический список

1. Вишневецкая Г.М. О роли дискурсивных маркеров в формировании связности иноязычной речи // Проблемы онтолингвистики – 2012. – СПб., 2012.

2. Князева Е.Г. Лингвокогнитивные механизмы речевого акта // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 114–116.

3. Незнанский Ф.Е. Профессиональный свидетель. – М.: Аст: Олимп, 2004. – 316 с.

4. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М.: Наука, 1983. – 216 с.

5. Павленис Р.И. Проблема смысла: (современный логико-философский анализ языка). – М.: Мысль, 1983. – 286 с.

6. Польдауф И. Место грамматики и лексикологии в изучении вопросов глагольного вида // Вопросы глагольного вида / под ред. Ю.С. Маслова. – М.: Иностранная литература, 1962. – 439 с.

7. Попова Т.Г. Лингвокультурные ценности в полиэтничном обществе. Коллективная монография / отв. ред.: В.И. Карасик, Е.А. Журавлева. – Волгоград, 2015. – С. 17–27.

8. Попова Т.Г., Мингалеева О.В., Анисеева И.Г. Метафора как ассоциативный механизм и объект интерпретации и восприятия речи // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – № 4. – С. 141–144.

9. Попова Т.Г., Бокова Ю.С. Категория «ценность» как сущностная характеристика языка // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2012. – № 2 (261). – С. 72–75.

10. Dijk T.A. van., Kintsch W. Strategies of Discourse Comprehension. – N.Y. etc.: Academic Press, 1983. – 418 p.

11. Halliday M.A.K. Explorations in the functions of Language. – London, 1974. – 208 p.

12. Goffman E. Interaction Ritual. – N.Y., 1967. – 521 p.

13. Leech G.N. Principles of Pragmatics. – L., N.-Y., Longman, 1983. – 250 p.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ
КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Статья посвящена анализу функционирования юридических терминов как составных частей терминологической науки. Автор статьи рассматривает анализируемый языковой материал с точки зрения когнитивной лингвистики, отмечает, что языковые единицы являются собой, в конечном счете, своеобразное отражение структур когниции, в то время как отражение в сознании индивидуума вещей и идей окружающей реальной действительности передается на уровне концептов именно средствами языка. При изучении юридической терминологии как составной части терминологической науки автор статьи опирается на целый ряд методов, среди которых – статистический метод, метод когнитивного моделирования значения лексических единиц, а также метод инференции.

Ключевые слова: когниция, термин, юридический дискурс, структура, язык, право, терминологическая система.

Терминологические единицы представляют собой объект анализа различных дисциплин. Таким образом, каждая парадигма знаний формулирует свои определения, вбирая специфические особенности, характерные для той или иной области знаний.

Известный терминолог В.М. Лейчик, ставя задачи перед специалистами, работающими в области терминологии, особо подчеркивает их важную миссию, отмечая, что, «задача терминоведов в том и заключается, чтобы превратить терминологический взрыв, носящий во многом стихийный характер, в управляемый процесс» [1, с. 21].

Такой подход ученого вполне оправдан, поскольку именно терминологические единицы являются материальной составляющей человеческой когниции, представляя собой «элементы научного аппарата теорий и концепций, а также такими знаковыми средствами, как номенклатура, собственные имена, символы, индексы, а также их комбинации в словесных формулировках, символьных формулах, схемах и т.п.» [1, с. 21].

Т.Г. Попова, С.А. Степанов и М.В. Полубоярова [5, с. 166–169], проводя анализ содержательной структуры термина с точки зрения когнитивного подхода, выявляют и подробно анализируют формирование содержательного ядра многозначного термина. При этом исследователи рассматривают целый ряд вопросов и проблем, которые находят непосредственное отражение в изучении алломорфных и изоморфных характеристик. Мы придерживаемся точки зрения Т.Г. Поповой, С.А. Степанова и М.В. Полубояровой [5, с. 166–169], которые считают, что термины способствуют четкому восприятию и отображению окружающей нас реальности.

Рассмотрим юридическую терминологию как составную часть терминологической науки с точки зрения когнитивной науки. Когнитивная парадигма знаний утверждает, что в языке находит свое начало утверждение о том, что языковые единицы являются собой, в конечном счете, своеобразное отражение структур когниции, в то время как отражение в сознании индивидуума вещей и идей окру-

жающей реальной действительности имеет место на уровне концептов именно средствами языка [3, с. 35; 4, с. 273–275; 7, с. 213; 8, с. 35].

Языковые знаки, которые используются для того, чтобы получать, обрабатывать и, соответственно, репрезентировать сообщения информанта, в том числе информанта в области права, представляют собой знаки условные [9, с. 34; 10, с. 45; 11, с. 11].

В понимании терминологической единицы мы будем опираться на точку зрения Т.Г. Поповой, С.А. Степанова и М.В. Полубояровой [5, с. 166–169], которые под термином имеют в виду «лексические единицы специального (естественнонаучного, коммерческого, технического, юридического, военного и т.д.) языка, используемое с целью адекватного выражения тех или иных специальных понятий, а также вербального выражения в языке предметов из различных профессиональных сфер». Кроме этого, под термином мы будем подразумевать слово без модуляции.

Речь юриста характеризуется убедительной, четкой, аргументированной и прозрачной композицией с использованием юридических штампов со специфическими сопутствующими определениями [6, с. 16–23]. В качестве примеров можно привести устойчивые сочетания, которые в речи юриста выступают как штампы, например, *иметь значение, резкая критика, активная поддержка, играть роль, постоянное внимание, в центре внимания, бойкое объяснение, включиться в борьбу, пристальное внимание*. Приведем также такие юридические штампы – словесные обороты, заменяющие предлоги: *за счет, в деле, по части, в связи, в свете* и т.д.

Дискламация, т.е. отказ участников правовых отношений от неких прав или возможностей, зафиксированных в договоре, в ситуациях, характеризующихся определенной степенью неуверенности, оспоримости или риска, имеет свои характерные терминологические особенности.

Отметим, что под дискламацией в гражданском праве понимается утверждение об отказе от ответственности, возникающей вследствие совершения

или несовершения определенных действий. При рассмотрении дела в зависимости от того, разрешает ли закон освобождение от ответственности в данной ситуации, и оговорено ли совершение или несовершение конкретного действия в формулировке самой дискламации, судами дискламация может игнорироваться.

В дискламации наличествуют как лексические единицы, которые выступают в прямом значении, так и терминологические единицы, которые не обладают экспрессивно-образными составляющими. Таким образом, соответственно, доминантной составляющей вокабуляра выступает специальная лексическая единица. Отметим также, что в ряду с коммерческими и юридическими терминологическими единицами в сообщениях дискламаций весьма важное место занимают термины из самых разных терминосистем.

Наш анализ практического материала выявил, что процедура дискламации характеризуется использованием многочисленных моносемантических имен существительных, применяемых для тех или иных специфических понятий. В качестве примеров приведем такие юридические термины, как *responsibility, liability, damage, claim, buyer, seller, company, shipment, merchantability*, а также терминологических словосочетаний, например: *limitation of liability, exclusion of liability, express / implied warranty, fitness for a particular purpose, as is, as available*.

Источником формирования юридических терминов являются латинизмы. Действительно, нельзя переоценить важную роль латинского языка в формировании юридической терминологической системы.

Большое количество латинизмов – юридических терминов были привнесены в другие языки из языка-оригинала еще во времена Ренессанса, когда появился доступ к классическому латинскому языку. В этой связи приведем такие юридические термины-латинизмы, как *bona fide, memorandum, certiorari, Alibi*. Множество юридических терминов было заимствовано английским языком из французского языка, например: *president, legislature, representative, congress, parliament* и т.д. и т.п.

Однако здесь необходимо отметить, что, в английском языке стали появляться самые разные варианты. Приведем такое прилагательное, взятое из латинского языка, как *legalis* – *законный*. Оно содержит несколько форм: 1) *loyal* – форма появилось в английском языке из старофранцузского языка; 2) *legal* – форма появилось в английском языке без языка-посредника, сразу же из латинского языка; 3) форма латинского имени прилагательного *legalis* имеет форму *leal* и вошла в английский язык из нормандского языка.

Таким образом, как видно из приводимых нами примеров юридических терминов-латинизмов многие латинские заимствования относятся к интер-

национальным словам. Соответственно, подобные слова встречаются во многих лингвокультурах.

Как показывает анализ нашей выборки, юридические специальные терминологические единицы обладают специфическим смыслом: *законная сила приговора, возмещение имущественного вреда*.

Специальные юридические термины можно распределить на две группы. Во-первых, это юридические терминологические единицы, вошедшие в язык юриспруденции из общего языка. Однако в языке права эти слова стали обладать другим значением. В качестве примера можно привести следующие лексические единицы, ставшие юридическими терминами: *деяние, производство, возбуждение, жалоба, выемка*, и т.п. Во-вторых, это – терминологические единицы, относящиеся лишь только языку права. Сюда относятся такие юридические термины, как *дееспособность, кассационная инстанция, иск* и т.д.

Как показывает анализ нашего практического материала, более всего в языке права наличествуют однословные терминологические единицы, общая численная составляющая которых равна 85%. Что касается 2-х терминологических единиц, то они составляют 12%, а около 3% остается на 3 и 4 составные слова из общего фонда специальных юридических терминов.

The juries are selected from a larger panel of citizens, commonly known as the venire – из более широкого круга граждан, обычно известного как *категория лиц, могущих исполнять функцию присяжных* выбираются судебные *присяжные*. *Venire* – это категория лиц, которые способны выполнять функции присяжных.

«Этимологический анализ позволяет реконструировать наиболее древнюю словообразовательную структуру слова и элементы его значения, которые в результате действия различных внутриязыковых, культурно-социальных, межъязыковых и территориально-временных процессов оказались нарушенными, смещенными, утраченными или контаминированными» [2, с. 6]. Что касается значения специальных технических терминов, употребляемых в процессуальном законе, то оно совпадает со значением, которое имеется у подобных терминов в соответствующей отрасли знаний. Речь идет, например, о словах *слепок* или *оттиск следа*.

Общепотребительные слова в юриспруденции применяются в том значении, которое данные слова имеют в общелитературном языке. К примеру, терминологическая единица *обвинитель* обладает тем же значением, что и общепринятая лексическая единица – человек, обвиняющий в чем-либо кого-либо. То же самое можно сказать и о таких терминологических единицах, как *свидетель, доказательство, защитник*.

Англо-русский словарь по международному частному праву (Англо-русский юридический сло-

варь по гражданскому и международному частному праву) у термина *chancellor* определяет такие два основных значения, как 1) *канцлер* и 2) *председатель «суда справедливости»* в ряде штатов США. В то же время слово *chancellor* имеет и следующие значения: 1) право справедливости; 2) «канцелярский суд»; 3) суд права справедливости.

Юридические терминологические единицы образуются на основе различных моделей. В первую очередь может быть названа такая модель, как имя существительное + имя существительное в косвенном падеже. К примеру, *явка с повинной, описание имущества, тайна переписки*, и т.п. Второй моделью юридических терминологических единиц является модель имя существительное + имя прилагательное: *административная комиссия, обвинительная речь* и т.п.

Таким образом, рассмотрев юридическую терминологическую систему как составную часть терминологической системы, мы приходим к выводу о том, что термины играют важную когнитивную функцию. При неадекватном применении терминологических единиц, без правильного подхода к особенностям понимания значения слова в звучащей речи, невозможно адекватно воспринимать терминологические единицы в любой области знаний, в том числе и в языке права.

Терминологическая система любой парадигмы знаний представляет собой семантическое ядро языков для специальных целей. Терминология языка права является семантико-функциональным единством, чьи составляющие взаимообусловлены и взаимосвязаны. Подобная единая составляющая семантико-логических функций подтверждает параллелизм функционирования юридической терминологической системы.

Библиографический список

1. *Лейчик В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. – М.: ЛКИ, 2007. – 256 с.
2. *Маковский М.М.* Английская этимология. – М.: Высшая школа, 1986. – 334 с.
3. *Попова Т.Г.* Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков). – М.: Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2003. – 179 с.
4. *Попова Т.Г.* Категория информативной насыщенности юридического дискурса // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе. – М.: РУДН, 2011. – С. 273–275.
5. *Попова Т.Г., Степанов С.А., Полубоярова М.В.* Терминологическое содержательное значение // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 3. – С. 166–169.
6. Судебные речи известных русских юристов: Часть 3. – М.: Изд-во СГУ, 2009. – 380 с.
7. *Dijk T.A. van., Kintsch W.* Strategies of Discourse Comprehension. – N.Y. etc.: Academic Press, 1983. – 418 p.
8. *Halliday M.A.K.* Explorations in the functions of Language. – London, 1974. – 208 p.
9. *Leech G.N.* Principles of Pragmatics. – L., N.-Y., Longman, 1983. – 250 p.
10. *Langacker R.W.* Concept, image and symbol: The cognitive basis of grammar. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1991. – 187 p.
11. *Marmaridou S.S.A.* Pragmatic Meaning and Cognition. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamin Publishing Company, 2000. – 179 p.

Баташёва Людмила Анатольевнакандидат филологических наук
Астраханский государственный университет
gis_00@mail.ru**Аглеева Зухра Равильевна**доктор филологических наук
Астраханский государственный университет
z.agleeva@yandex.ru

НЕПРЯМЫЕ НОМИНАЦИИ ЦВЕТА И ОСОБЕННОСТИ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В РЕКЛАМЕ ОДЕЖДЫ

В статье рассматриваются опосредованные (непрямые) цветообозначения, которые используются в рекламе одежды. Помимо традиционной колоративной лексики как непосредственной номинации цвета, в рекламных текстах используются и опосредованные обозначения, отличающиеся позитивной коннотацией. Собранный материал позволяет распределить исследуемую лексику по нескольким разным по объёму и экспрессивности группам. Мы останавливаемся на семи наиболее частотных группах. Анализируемая лексика подтверждает мнение психологов и специалистов в области рекламы о том, что самыми сильными и стойкими у человека являются вкусовые ощущения, они и лежат в основе большого количества опосредованных обозначений цвета.

Ключевые слова: язык рекламы, колоронимы, положительная коннотация, опосредованные обозначения цвета.

Язык рекламы, понимаемый нами вслед за Ф.И. Шарковым и В.И. Гостениной как «умение с помощью различных знаков создавать чёткие, яркие, объёмные картины, которые рождают слова и образы в нашем воображении» [3, с. 79], продолжает привлекать внимание лингвистов. Особенно велика роль слова при описании таких характеристик рекламируемого продукта, как запах и цвет (последний – особенно в рекламе одежды, причём слово, как показывают наши наблюдения, важно и при наличии, и при отсутствии видеоряда).

В данной статье рассмотрим, какие непрямые (опосредованные) обозначения цвета используются в рекламе одежды. Так, при всём богатстве колоративной лексики как непосредственной номинации цвета используются и опосредованные обозначения, отсылающие потенциального покупателя к какой-либо конкретной, всегда позитивно коннотированной в его сознании реальности. Собранный и обработанный нами материал даёт возможность распределить с этих позиций исследуемую лексику между некоторым количеством групп. Приведём наиболее частотные семь групп.

1. Номинация цвета через соотнесённость с цветами: *васильковый, фиалковый (цвета нежных пармских фиалок), цвета гортензии, цвета персидской сирени, цвета фуксии, цикламеновый, цвета лаванды, незабудковый (незабудково-голубой), цвета утренней розы (увядшей розы, вялой розы, пыльной розы)* и др.

2. Номинация цвета через соотнесённость с растениями вообще: *еловый, цвета зелёного мха, цвета молодой травы, цвета американской полыни, тростниковый (и тростниково-зелёный), цвета мяты, табачный, цвета весенней листвы, цвета жухлых листьев, цвета сухой хны* и др.

3. Номинации цвета, соотносимые с ягодами, фруктами, овощами: *цвета спелой вишни, цвета*

пьяной вишни, цвета зимней вишни, вишнёво-красный, ежевичный, брусничный, цвета чёрной смородины, малиновый, черничный, ягодный, цвета лесных ягод, цвета ванили, яркий апельсин, цвета марокканских апельсинов, оливковый, сливовый (и бархатный сливовый), киви, цвета лайма, салатный, папайя, гранатовый, цвета хурмы, лимонный, фисташковый, цвета восточных специй, цвета вяленой рябины, абрикосовый, дыня, цвета белого миндаля, баклажановый, виноградный (и виноградно-готичный), красный чили и др.

4. Номинации цвета, соотнесенные с гастрономическими реалиями (в частности, продуктами питания, напитками, пряностями): *цвета бургундского вина, цвета клюквенной пастилы, цвета нуги (и нугатный), цвета апельсинов на меду, цвета имбирного пряника цвета щербета, цвета карамели (и карамельный), мокко, цвета кофе (и кофе с молоком, кофе со льдом), цвета шампанского, молочный, цвета патоки, капучино, паприка, куркума, пряная гвоздика, коньячный, помадковый, малиновый пуни, цвета розового зефира* и др.

5. Названия цвета, соотносимые с окраской животных (птиц, рыб): *цвета лосося, омаровый, цвета океанских омаров, цвета креветки, цвета канадского волка, цвета полярной лисицы, цвета трёхдневных цыплят, цвета головки селезня, мышиный, цвета верблюжьей шерсти, яркого канареечного цвета* и др.

6. Названия цвета, соотносимые с минералами (драгоценными и полудрагоценными камнями): *бирюзовый, цвета бирюзы, цвета афганской (и как варианты – индийской, зимней) бирюзы, коралловый, рубиновый, розовый кварц, графитовый, янтарный, малахит, цвета антрацита, аметистовый, нефритовый, синий сапфир* и др.

7. Названия цвета, соотнесенные с определёнными предметами: *цвета асфальта (и мокрого ас-*

фальта), цвета морской волны, цвета мешковины, пудровый, песочный, кирпичный и др.

Если проанализировать представленные выше группы названий цвета, то можно заметить, что самыми объёмными (по крайней мере, в нашем материале) оказываются группы, соотносимые с ягодами, фруктами, овощами и продуктами. Непосредственно в рекламных текстах они также встречаются достаточно часто. Данный факт служит подтверждением точек зрения, сформулированных психологами и специалистами в области рекламы. Так, по утверждению психологов, самыми сильными и стойкими у человека являются вкусовые ощущения, а в данных группах представлены реалии, являющиеся едой, причём такой, которая даёт чувство наслаждения, обладает приятным или даже изысканным вкусом: бургундское вино, лучшие сорта кофе, сладкие продукты, употребление которых всегда связано с получением удовольствия, а кроме того, это самые вкусные ягоды и фрукты (в том числе экзотические). Особо обращает на себя внимание и такая номинация, как *цвета молока, томлённого в деревенской печи*. Здесь, помимо вкусовых, копирайтерами формируются и другие впечатления: то, что связано с детством, заботой взрослых и иными приятными воспоминаниями. При таких обстоятельствах понятно, что даже названия, ассоциирующиеся с цветами и драгоценными камнями, отходят на второй план.

Вторая точка зрения, на которую нам бы хотелось обратить внимание при анализе материала, высказана в многочисленных исследованиях по рекламе. В самом общем виде она может быть сформулирована так: реклама продаёт не товар, а впечатление. Подавляющее количество номинаций цвета, которое отражено в представленных выше семи группах, связано исключительно с положительными коннотациями и оставляет позитивное впечатление.

Впечатления, нужные производителю товара, формируются не только при помощи слов с «гастрономической» семантикой. Рассмотрим пример: *Изысканная куртка из высококачественного искусственного меха цвета канадского волка – это Ваш достойный выбор!* Позитивные впечатления конкретно в данном тексте создаются при помощи использования таких слов и оборотов, как *изысканная, высококачественный, достойный выбор*, и обозначение цвета изделия – через соотношение его с канадским волком (вероятно, что-то необычное, отличающееся от такого же животного, обитающего в нашей местности) вносит в решение данной задачи свою лепту через трансляцию семы ‘необычность, экзотика’.

Ещё один пример: *...остромодного в этом сезоне силуэта замечательная замшевая куртка цвета трёхдневных цыплят не оставит Вас равнодушной!* Как и в предыдущем контексте, по-

ложительное отношение к рекламируемой одежде формируется за счёт использования слов *остромодный, замечательный, не оставит равнодушным*, а при помощи такого необычного обозначения цвета (ср. стандартное: *жёлтого цвета*) транслируются такие семы, как ‘нежность’, ‘изящество’, ‘изысканность’. К тому же материал «замша» прекрасно коррелируется с реалией «пух трёхдневных цыплят», внося дополнительную позитивность.

В то же время, если мы обратимся к колоритам, лишённым, на первый взгляд, стойких положительных коннотаций, то всё равно можем увидеть, как в общем контекстном окружении эти слова работают на создание определённого образа и связанного с ним впечатления. Например: *Кожаная куртка антрацитового цвета. Почувствуй ветер странствий. Почувствуй вкус жизни. Ты всегда на коне!* (На фотографии – спортивного вида мужчина на дорогом мотоцикле, стильный, уверенный в себе. Рекламируемая куртка – часть этого образа.)

На формирование общего положительного впечатления направлены и сугубо метафорические номинации цвета, нередко не имеющие какой бы то ни было соотносённости с реально существующим цветом. Например, цвета: *«горячие губы», грозовое облако, безмятежность, персиковое послевкусие, персиковое эхо, фиеста, цвет вечерней зари, штормовая погода, цвет булонского леса, «Атлантида»* и др. Отметим при этом, что, когда текст сопровождается фотографиями, становится понятно – цвет мог бы быть обозначен и более традиционно («горячие губы» = ярко-красный; грозовое облако = иссиня-тёмно-серый).

Задача копирайтера состоит в том, чтобы даже одежду не очень популярных цветов сделать хорошо продаваемой. Один из путей к этому – дать такое название цвету, чтобы оно, перебив зрительное восприятие, стало осознаваться как более привлекательное. В связи с этим мы полагаем, что к такому цветообозначению в определённой степени применимо понятие «критическая коммуникация». Данный подход к характеристике явлений был обнаружен нами в исследовании Адриены Лерер (хотя изначально этот термин, со слов данного исследователя, принадлежит Арнольду Айзенбергу [A. Isenberg]). Критическая коммуникация, в отличие от научной, имеет задачу не сформулировать некоторые истинные утверждения о мире предметов (как в теории референции), а лишь достигнуть взаимопонимания между говорящими, или, как на этот счёт пишет сама Лерер, «In scientific language is judged by criteria of correctness, critical communication is judged by a criterion of success» [4, p. 217]. Ранее мы предпринимали данный подход к позиционированию запаха в рекламе парфюмерии и косметики [2, с. 14]. Представляется, что понятие критической коммуникации может рас-

пространяться и на приведённые выше метафорические названия цвета.

Выше мы уже приводили в подкрепление рекламного текста краткое описание сопровождающих его фотографий. И это неслучайно, поскольку рекламный текст в журналах, каталогах, в телевизионной рекламе с видеорядом можно в определённой степени считать креолизованным текстом, так как он имеет вербальную и иконическую (в большинстве своём это фотографии) составляющую. Вербальный ряд дополняется изобразительным, но степень взаимосвязи не одинакова: это может быть как частичная, так и полная креолизация (подробнее об этом, например, в статье Е.Е. Анисимовой [1, с. 75]). Полная (или приближающаяся к ней) креолизация текста призвана предоставить адресату максимально полную информацию при нетрадиционной номинации цвета одежды.

Данный факт даёт возможность обратить внимание ещё на одну возможность функционирования опосредованной номинации цвета. Во-первых, в подавляющем большинстве случаев опосредованное название цвета можно успешно заменить на традиционный колороним, наличие фотографий подтверждает правильность данного вывода. Например: *юбка цвета марокканских апельсинов = ярко-оранжевая юбка; шарф-палантин цвета молодой травы = ярко-зелёный* и т. п. Но в таком случае уйдёт часть позитивных впечатлений, что не очень выгодно рекламодателю.

Во-вторых, выбор цветообозначения часто связан с личными предпочтениями автора рекламного текста, так как один и тот же цвет на фото нередко имеет разные словесные обозначения. Например: *густо-фиолетовый = глухой фиолетовый = баклажанный; цвет молодой травы = цвет майской зелени; экрю = цвет мешковины = цвет верблюжьей шерсти = цвет жухлых листьев* и т. п.

Непрямые (опосредованные) колоронимы постоянно расширяются за счёт включения всё новых и новых реалий. Так, на нашем материале можно заметить, как расширяется группа цветообозначения за счёт привлечения топонимических определений: *цвет американской полыни, цвет булонского леса, цвет марокканских апельсинов, цвет пармских фиалок, цвет персидской сирени, цвет бургундского вина, цвет афганской (индийской) бирюзы, цвет канадского волка, цвета черепицы альпийских шале* и т. п. В одних случаях топонимические определения являются необходимым идентификатором (*афганская* и *индийская* бирюза, например,

отличаются цветовыми оттенками), в других случаях топонимическое определение – часть официального или достаточно распространённого названия растения (как в случае с *пармской фиалкой* и *персидской сиренью*). В основном же мы расцениваем номинацию цвета через топонимическую соотнесённость как обычный маркетинговый ход копирайтера (*цвет американской полыни, канадского волка* и особенно – *булонского леса*); фотографии рекламируемых вещей говорят о том, что их цвет мог бы быть обозначен более традиционно.

Явным подтверждением, что цветообозначение топонимической направленности представляет всего лишь маркетинговый ход, является колороним *цвета черепицы альпийских шале*. Слова *альпийский* и *шале* (последнее имеет значение 'небольшой сельский домик в швейцарском стиле; небольшая дача') демонстрируют семы 'необычность', 'избранность' (отдых в швейцарских Альпах является мечтой многих, но его могут себе позволить далеко не все) и подобные, и они автоматически переносятся нашим сознанием на рекламируемую вещь. Маркетинговая манипуляция нашим сознанием состоит в том, что признаком шале не является черепица (крыша вообще может быть покрыта другим материалом), тем более какого-то особого, свойственного только данным сооружениям цвета (главным характерологическим признаком шале являются сильно выступающие свесы крыши). И тем не менее удачно обозначенный цвет помогает рекламе успешно выполнить свою функцию.

Таким образом, можно сказать, что, наряду с непосредственными, прямыми, в рекламе одежды активно используются опосредованные, непрямые обозначения цвета, так как с ними связаны большие возможности в формировании позитивных представлений о товаре, что в конечном результате сможет способствовать успешности продаж.

Библиографический список

1. Анисимова Е.Е. О цельности и связности креолизованного текста (к постановке проблемы) // Филологические науки. – 1996. – № 5. – С. 74–85.
2. Баташева Л.А., Джальмамбетова И.П. Лексема «запах» и её лексико-семантические корреляты // Гуманитарные исследования. – 2014. – № 3 (51). – С. 13–16.
3. Шарков Ф.И., Гостенина В.И. Технология рекламы. – М.: РИП-холдинг, 2006. – 214 с.
4. Lehrer A. Wine and Conversation. – Oxford University Press, 2009. – P. 215–220.

Каплина Маргарита Михайловна
кандидат филологических наук
Костромской государственной университет
kaplinam@mail.ru

Жезлова Светлана Александровна
кандидат педагогических наук
Костромской государственной университет
zhezlova11@gmail.com

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННОЙ ИНОПРЕССЫ НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Авторы данной статьи предпринимают попытку анализа лексического уровня текстов языка СМИ на материале немецкой и французской прессы. Язык современного публицистического дискурса одновременно и консервативен, и подвижен. Использование клише и штампов, отражающих традиционную манеру изложения в публицистике, позволяет журналисту правильно оформить материал и быстро донести необходимую информацию. Медиатекст представляет собой феномен объективной действительности, самостоятельный организм, который содержит в своей структуре весь набор элементов системы языка и ресурсов его развития. Изучение материальных средств сообщения, то есть лексической составляющей – это один из необходимых этапов его комплексного анализа. Исследование фактического материала показало, что лексическая составляющая современного языка СМИ характеризуется все более высоким уровнем эмоциональности на фоне постоянно растущего информационного потока. Данный эффект достигается путем широкого использования лексических новообразований, англоязычных заимствований, ярких образов и метафор. Анализ лексического уровня медиатекстов представляет собой один из аспектов исследования такого сложного явления, каким являются средства массовой информации. В статье приводятся примеры словообразовательных моделей, лексических новообразований, англоязычных заимствований и аббревиаций, характерных для современных немецких и французских СМИ.

***Ключевые слова:** язык публицистического дискурса, языковая экономия, постправда, эмоциональность текста, медиатекст.*

Современные средства массовой информации во многом отображают и формируют языковую, социальную и культурную ситуацию в обществе. Сообщая информацию о важнейших событиях в мире, СМИ оказывают непосредственное влияние на мировоззрение читателя, формируют его тип мышления.

На рубеже XX–XXI вв., оставаясь важнейшим общественным институтом, СМИ существенно расширяют поле и формы своего функционирования. Стремительное развитие информационных технологий, появление Интернета не только обеспечило быстрый доступ к новой информации, но и изменило саму структуру и положение языка СМИ. Сегодня подавляющее число потребителей информации СМИ являются пользователями интернет-сети и читателями онлайн-изданий. В современном информационном обществе накопление и передача информации осуществляются в условиях жесткой борьбы за высокий рейтинг и внимание аудитории, а условием популярности информационного материала является создание яркого информационного образа, построенного на искусном использовании лингвистических средств.

Основным принципом работы для большинства современных публицистических изданий является регулярное обновление материалов, представленных на сайте, и включение актуальных слов в заголовки, что обеспечивает популярность материала при поисковом запросе.

Это означает, что уже на этапе формирования коммуникативного сообщения для онлайн-издания

автор подбирает ключевые понятия и формулировки, которые должны вызвать мгновенный интерес реципиента информации. Язык современного публицистического дискурса одновременно и консервативен, и подвижен. Использование клише и штампов, отражающих традиционную манеру изложения в публицистике, позволяет журналисту правильно оформить материал и быстро донести необходимую информацию.

Структурная и смысловая устойчивость штампов способствует экономии времени и упрощает восприятие читателем информации. С другой стороны, появление новых лексических единиц и ярких метафор в тексте привлекает внимание читателя и мотивирует его к потреблению информации.

Исследователи отмечают, что сегодняшний статус языка СМИ вынуждает пересмотреть классическую систему функциональных стилей. Так, Т.Г. Добросклонская определяет язык массовой информации как «особый вид функционально-стилевых единств» [1, с. 34]. В.Г. Костомаров квалифицирует массово-коммуникативные тексты как новое и очень влиятельное стилевое явление, или особую разновидность употребления единого языка, которая в известной мере синтезирует разговорную и книжные разновидности его употребления [3, с. 218]. Язык СМИ, как указывает Ю.Н. Караулов, обрел сегодня господствующее положение, вобрав в себя, ассимилировав ресурсы всех функциональных стилей: «обиходно-разговорного», «газетно-публицистического», «научного», «официально-делового» и «литературно-художественного».

Он представляет собой обобщенную модель, совокупный образ национального языка [2, с. 8].

В современном «информационном обществе», с точки зрения М.Н. Володиной, язык СМИ формирует литературную норму и фиксирует актуальные процессы ее изменения в рамках европейских языков. Медiateкст представляет собой феномен объективной действительности, самостоятельный организм, который содержит в своей структуре весь набор элементов системы языка и ресурсов его развития. Изучение материальных средств сообщения, то есть лексико-грамматической стороны текстов языка СМИ, – это один из необходимых этапов его комплексного исследования. Данный подход позволяет проанализировать и оценить степень использования и обогащения языковых ресурсов. Материалом для исследования послужили тексты статей современной французской и немецкой прессы. Анализ показал, что языки массовой коммуникации демонстрируют удивительную «яркую палитру» использования имеющихся и создания новых словообразовательных структур; расширение языковой семантики через метафоризацию, активный процесс адаптации англоязычных заимствований. Лексическая составляющая современного языка СМИ характеризуется всё более высоким уровнем эмоциональности на фоне постоянно растущего информационного потока.

Французский и немецкий языки используют традиционные модели словообразования, однако наиболее широко для словопроизводства в прессе привлекаются префиксы интенсивности, а также отрицания и противоположности: *super* – *super-héros (m)*, *super-riche (m)*, *Super-Idee (f)*, *super vernetzt*; *mega* – *mega-fondation (f)*, *Megabebe (n)*, *Megaprojekt (n)*; *hype* – *hypermediatisé*, *hyperoptimiste (m)*, *hyperkritisch*, *hyperaktiv*; *anti* – *anti-FN (Front National)*, *anti-Poutine*, *Anti-Trump-Hysterie*, *Anti-Regierungsdemo*; *non* – *Non-Stop*, *Non-Profit-Organisation (f)*.

Отдельного внимания заслуживают также новообразования, созданные на базе лексики, отражающей прогресс информационных технологий, без которых невозможно представить жизнь современного читателя. Например, *youtubeur (m)*, *self-made (pl)*, *blogueuse de Libé*, *cyber-paranoia (f)*, *twitter des photos*, *das Mikroblogging*, *der Follower*, *das Selfie*, *retweeten*, *twittern*, *die App*.

Стремление к экономии языковых средств проявляется в широком использовании разнообразных видов аббревиатур, что всегда было свойственно языку СМИ: обозначение организаций, политических партий и движений. Вместе с тем язык СМИ, впитывая в себя характерные черты разговорного стиля речи, нередко прибегает к усеченным словам: *être formé a minima*, *limiter l'apéro*, *toutes les manifs*, *une intox sur les réseaux sociaux*, *le net*, *Demo*, *homo*, *Uni*, *Studi*, *öko*.

Интересно отметить усечение целого прилагательного *électronique* в образовании *l'e-shopping* и телескопное производное *les edtech-technologies appliquées à l'éducation*, в немецком языке *e-Buch (n)*, *e-Lernen (n)*.

Одним из основных признаков языка современной западноевропейской прессы является также широкое использование и активная адаптация англоязычных заимствований. Данный процесс рассматривается многими лингвистами как естественный и органичный, поскольку английский язык доминирует во всех сферах человеческой деятельности, а глобализация информационного пространства ведет к значительному расширению его влияния. Язык СМИ становится своеобразным проводником не только языка, но и англоязычной и американской культуры. Т.Г. Добросклонская отмечает, что с концептуальной точки зрения заимствования отражают, как правило, наиболее развитые в рамках той или иной национальной культуры сферы деятельности [1, с. 11]. Немецкие и французские СМИ стремительно увеличивают количество английских слов в области информационных технологий (*roaming*, *likes*, *chat*, *update*, *account*), молодежной массовой культуры (*single*, *city*, *song*, *lovestory*) экономики (*les start up*, *des middle managers*, *analytic*, *controlling*, *deal*), спорта (*Champions-League*, *doping*).

Можно констатировать также, что английские вкрапления в национальные языки являются модным явлением и рассчитаны на тот факт, что подавляющее большинство образованных европейцев владеют английским языком. Вместе с тем употребление английского заимствования иногда делает медiateкст информационно экономным и в то же время более современным и эмоциональным.

Как отмечают британские исследователи, СМИ живут сегодня по законам так называемой «пост-правды» – данное понятие получило распространение в последние годы, с 2016 г. оно зафиксировано в Оксфордском словаре английского языка и означает «обстоятельства, в которых объективные факты менее влияют на формирование общественного мнения, чем эмоции или личные убеждения». Именно поэтому журналисты все чаще прибегают к ярким образам, метафорам и лексическим новообразованиям, привлекают внимание к форме текста, а не к его содержанию. Например, европейские СМИ часто используют метафорическое сравнение «Путин-царь», оно создаёт образ российского президента – властного политика, единолично принимающего жесткие решения: *Super star Poutine dans son pays* – *суперстар в своей стране*, *Icone de la Russie patriarcale* – *икона патриархальной России*, *Zar Putin* – *царь Путин*, *Boss im Kreml* – *кремлёвский босс*.

Нового президента США Дональда Трампа французская пресса окрестила жандармом мира

(*Donald Trump a redossé les habits de "gendarme de monde"*) и тайной советчицей гомосексуалистов (*égérie des homosexuels*).

Выбор или создание журналистами новых языковых средств оказывает непосредственное влияние на восприятие и осмысление окружающей нас действительности. Изучение языка СМИ актуальная задача для лингвистов. Анализ лексического уровня медиатекстов представляет собой один из аспектов исследования такого сложного явления, каким являются средства массовой информации.

Несмотря на то, что немецкий и французский языки принадлежат к разным группам языков и имеют свои особенности в сфере словообразования, адаптации заимствований и семантики, сегодня они обнаруживают много общего, так как «живут» по единым законам функционирования языка

СМИ. Анализ лексического уровня медиатекстов представляет собой один из аспектов исследования такого сложного явления, каким являются средства массовой информации.

Библиографический список

1. *Добросклонская Т.Г.* Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи) – М.: Едиториал УРСС, 2005. – С. 34.

2. *Караулов Ю.Н.* Язык СМИ как модель общенационального языка // Язык и дискурс СМИ в XXI веке: тезисы выступлений / под общ. ред. М.Н. Володиной, И.М. Кобозевой. – М.: МАКС Пресс, 2016. – с. 8.

3. *Костомаров В.Г.* Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики, 2005. – С. 218.

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫКОВОЙ БЫТОВОЙ АНЕКДОТ WORTWITZ О ДЕТЯХ: СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ, ЭКСПЛИКАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА СОЗДАНИЯ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА

В статье речь идёт об особенностях речевого взаимодействия персонажей немецких языковых бытовых анекдотов Wortwitz о детях. Утверждается, что в них коллективный автор знакомит реципиента с ситуацией ненамеренного ложного декодирования/толкования ребёнком в речи взрослого носителя языка определённого языкового знака. Показывается семантический механизм создания юмористического эффекта в анекдотах данного типа. Устанавливаются и описываются наиболее частотные экспликации семантического механизма создания юмористического эффекта в немецких языковых бытовых анекдотах Wortwitz о детях с различной степенью конкретизации персонажа-ребёнка. Подчёркивается неагрессивность и позитивность юмора коллективного автора, нацеленного на осмысление определённой конфронтации языковых кодов у детей и взрослых.

Ключевые слова: речевое взаимодействие, ложное толкование языкового знака, создание юмористического эффекта, опорный компонент.

В период совершенствования коммуникативной компетенции, занимающий годы, ребёнка подстерегают множественные встречи с неизвестными словами, а значит, и реальные ситуации ненамеренного неуспешного речевого взаимодействия с окружающими, в которых имеет место ложное толкование им в повседневной коммуникативной деятельности того или иного языкового знака. Например: Alma berichtet der Mutter, jemand von der Bushaltestelle habe angerufen. Großes Rätselraten, bis sich am Ende herausstellt, dass es natürlich die Bußgeldstelle war... [15]. В данном случае ненамеренное неуспешное речевое общение обусловлено тем, что маленькой девочке не удастся провести грань между неизвестным ей словом Bußgeldstelle и словом Bushaltestelle, уже известным ей на её уровне языковой компетенции.

Очевидно, что такие зафиксированные родителями ситуации ложного соотнесения ребёнком некоторой звуковой оболочки с «чужим» денотатом, способные поставить в тупик компетентного носителя языка, ещё не являются языковыми бытовыми анекдотами (ЯБА) о детях. Но именно они, по всей видимости, и служат благодатным исходным фактическим лингвистическим материалом для последних.

Немецким языковым бытовым анекдотом Wortwitz о детях, в нашем понимании, является изложенный коллективным автором как «сторонним наблюдателем» малоформатный сюжет, повествующий о ситуации бытового, семейного, повседневного и школьного речевого взаимодействия детей и взрослых, обретающий в финале благодаря неожиданному контрасту двух семантических планов неожиданную, ошеломляющую и разрушающую стереотипы традиционного восприятия интерпретацию его содержания, создающую юмористический эффект [7, с. 19–20].

Утверждая, что рассматриваемые нами анекдоты представляют собой немецкие языковые бытовые анекдоты Wortwitz о детях, мы подчёркиваем, что в них в функции реагирующего партнёра, то есть главного действующего персонажа, выступает ребёнок.

Отметим, что в массе немецких ЯБА о детях присутствуют сюжеты, в которых в персонаже-взрослом всегда аккумулируется обобщённый образ либо одного из родителей, либо одного из школьных учителей и наставников, либо одного из других представителей мира взрослых, тогда как персонаж-ребёнок обладает различной степенью конкретизации.

Так, ЯБА, в которых персонаж-ребёнок не обладает именем собственным, называем деперсонифицированными немецкими языковыми бытовыми анекдотами Wortwitz о детях. В таких сюжетах концепт «ребёнок» вводят лексемы ein Kind, ein kleiner Junge, ein Schulkind, zwei Mädchen, die kleine Tochter и т. д. Например: «Ein Vater geht mit seinem Kind spazieren. Das Kind grüßt einen fremden Mann. „Woher kennst du den?“ Kind: „Das ist der Mann vom Umweltschutz. Der kommt jeden Tag zur Mutti und fragt, ob die Luft rein ist“».

Сюжеты, в которых персонаж-ребёнок наделяется конкретным и определённым именем собственным (например, Martin, Rolf, Bella, Kathrin и т. д.), называем условно персонифицированными немецкими языковыми бытовыми анекдотами Wortwitz о детях. Условность персонификации главного действующего лица, по нашему мнению, объясняется тем, что во всех сюжетах этого рода речь идёт о среднестатистическом персонаже детского возраста, которому свойственна ещё не в полной мере сформировавшаяся лингвистическая компетентность как стабильно релевантная характеристика «детскости». При этом о детском возрасте персонажа сигнализирует либо уменьшительно-ласкатель-

ный суффикс *-chen* (Fritzchen, Paulchen, Klärchen и т. д.), либо сопутствующее имени собственному согласованное/несогласованное определение *klein* (*klein Erich, der kleine Jupp, die kleine Elfi* и т. д.): «Auf die Frage des Lehrers, woher der elektrische Strom komme, sagt Fritzchen: „Aus dem Urwald.“ – „Wie kommst Du denn darauf?“ – „Als gestern Abend das Licht ausging, sagte mein Vater: „Jetzt haben die Affen schon wieder den Strom abgeschaltet!“»

Представленные в нашем практическом материале сюжеты, известные немецкому этносу под общим названием *Klein Erna – Witze*, называем *персонифицированными немецкими языковыми бытовыми анекдотами Wortwitz o. d. d. E.* Это анекдоты о малышке Эрне, Эрне Ниссен (*Erna Nissen*), реально жившей в Германии, типичной гамбургской девчонке (*Gore, Deern*). Например: «Fritzchen und Klein-Erna spielen „Vater und Mutter“. Sagt Klein-Erna: „Machst Du mir jetzt auch ein Kind?“ – Fritzchen klärt Klein-Erna auf: „Kinder werden nicht gemacht, die werden geboren.“ – „Gut, bohrst Du mir eins?“» В 1950 г. эти сюжеты впервые собрала, записала и сопроводила иллюстрациями писательница Вера Мёллер (*Vera Möller*), присвоившая главному персонажу имя Эрна Пумаер (*Erna Pumeier*). Новейшее же издание анекдотов «*Klein Erna – Ganz dumme Hamburger Geschichten. Nacherzählt und gezeichnet von Vera Möller*» произошло в 2011 году благодаря усилиям издательства Ellert & Richter Verlag.

Называя немецкий бытовой анекдот *Wortwitz o. d. d. E.* языковым, мы подчёркиваем, что в ситуации речевого взаимодействия, запечатлённой в сюжете, непременно присутствует некий языковой знак (опорный компонент), который, демонстрируя в данном контексте свою семантическую дуальность, создаёт возможность двойной перспективы интерпретации его содержания, активно «работающей» на порождение юмористического эффекта. Например: «„Mama, wenn Onkel Heinz kommt, mußt du meine Spielsachen aber gut verstecken. „Aber wieso denn, Heidi?“ „Weil es neulich zu Papa gesagt hat, er habe wieder eine Menge ganz toller Puppen aufgerissen.“» Для понимания сути такого ЯБА необходима спроецированная на опорный компонент активизация мыслительно-языковой и мыслительно-речевой деятельности реципиента. Успешное декодирование заложенной в опорном компоненте семантической двойственности приносит реципиенту интеллектуальное удовлетворение, вызывает его смеховую реакцию.

Рассуждая о *речевом взаимодействии*, запечатлённом в немецком ЯБА о детях, мы вслед за исследователями этого вопроса в целом акцентируем в этом процессе функцию слушающего партнёра по коммуникации, которая заключается в восприятии и интерпретации информационного содержания реплики собеседника. При этом нами

поддерживается утверждение о том, что количество интерпретационных версий некоторого языкового выражения может быть достаточно велико, хотя обычно актуализируется та из них, которая в большей степени отвечает внутреннему миру интерпретатора [5], что адекватность интерпретации зависит также и от того, «насколько велико стремление понять собеседника, его поведение, мотивы, точку зрения» [9, с. 153]. Нами разделяется мнение исследователей о том, что ненамеренное ложное/неверное толкование получаемой от собеседника информации, зачастую возникающее у слушающего эту информацию, приводит к дисгармоничности, неуспешности, иногда абсурдности речевого взаимодействия. Поэтому в ситуациях ненамеренного неуспешного речевого общения, в результате которого происходит расхождение партнёров по коммуникации в понимании друг друга, имеет место полное или частичное неосуществление или неполное осуществление их коммуникативных намерений [2; 1; 6; 8].

Согласно нашим наблюдениям, в немецком ЯБА о детях эксплицитно представлено *речевое взаимодействие*, далёкое от идеального. Это, скорее, дисгармоничная коммуникативная деятельность членов социума, которая вместе с тем может порождать и её юмористическое осмысление коллективным автором как наблюдателем со стороны.

В ходе наблюдения за обширным аутентичным материалом [11–15] удалось установить, что в немецких деперсонифицированных, условно персонифицированных и персонифицированных ЯБА о детях коллективный автор с неизменным постоянством пользуется *определённым механизмом создания юмористического эффекта*, обращаясь при этом к *различным его экспликациям*, которые искусно реализуют семантический потенциал опорного компонента.

Так, в сюжете (1) опорным компонентом является полисемантический глагол *anfeuern*. (1) «*Klein Fritzchen läuft mit einem Stapel Holz unterm Arm aus dem Haus. Seine Mutter hält ihn an und fragt: „Aber Fritzchen, wohin willst du denn mit dem vielen Holz?“ „Zum Fußballspiel!“ „Aber da brauchst du doch gar kein Holz!“ „Doch, Papa hat gesagt, wir müssen die Mannschaft heute kräftig anfeuern!“*» Семантическую структуру виртуального языкового знака *anfeuern* представляет в современном немецком языке совокупность двух узуальных значений, релевантных для обсуждаемого сюжета. К актуализации ЛСВ *antreiben, anspornen* в опорном компоненте *anfeuern* подталкивает тематика ситуации, навеянная репликой Фрицхен “*Zum Fußballspiel!*” Однако ребёнок, имея в виду тот же языковой знак *anfeuern*, объективирует в нём совершенно другое содержание, передаваемое ЛСВ *anzünden, anheizen*, о чём свидетельствует его ответ «*Doch,...*» на реплику матери “*Aber da brauchst du doch gar kein*

Holz!» При этом реципиенту понятно, что ребёнок демонстрирует ложное и неадекватное в предлагаемой предметно-референциальной области сообщения декодирование языкового знака anfeuern. Смех реципиента вызывает в данном сюжете обескураживающая своей неожиданностью возможность двух перспектив интерпретации содержания анекдота благодаря столкновению-расхождению узуальных значений ЛСВ anzünden, anheizen и ЛСВ antreiben, anspornen опорного компонента.

В ЯБА (2) внимание реципиента привлекает существительное Christbaum. (2) «Vater: „Fritzchen, zünde doch bitte den *Christbaum* an!“ Nach einer Weile fragt Fritzchen: „Vati, die Kerzen auch?“». Лексическое значение существительного Christbaum может быть структурировано следующим образом: Tannenbaum; Weihnachtsbaum, Weihnachtsbaum mit Lichterschmuck aus Kerzen; Weihnachtsbaum mit Schmuck aus Spielzeugen. Интенционал (ИТН) значения опорной лексемы der Christbaum формируется двумя первыми семами. Последние две семы формируют его жесткий/сильный импликационал. При актуализации языкового знака der Christbaum в речи отца на первый план выступает сема жёсткого импликационала Lichterschmuck aus Kerzen. Её актуализация доказывается присутствием в просьбе глагола anzünden, который, как правило, ассоциируется с зажиганием спичек, сигарет, свечей и тому подобных вещей. Индивидуально-личные когнитивные ассоциации навязывают Фрицхену иное перераспределение сем в пределах интенционала и сильного/жёсткого импликационала при декодировании актуального значения лексемы der Christbaum. На первый план ребёнком выдвигается сема интенционала Weihnachtsbaum, в то время как признак Lichterschmuck aus Kerzen существенно приглушается и остаётся вне поля зрения. Об этом свидетельствует заключительный вопрос: „Vati, die Kerzen auch?“ Речевые семантические трансформации значения актуализированной лексемы der Christbaum в данной ситуации связаны с попеременным акцентированием в ней разными персонажами то ведущего признака интенционала Weihnachtsbaum, то одной из дифференциальных сем жёсткого импликационала Lichterschmuck aus Kerzen. Возникающие между отцом и сыном коммуникативное недоразумение эксплицируется в тексте анекдота за счёт столкновения-расхождения окказионального варианта значения опорной лексемы (интенционал – дифференциальная сема 2) и узуального значения опорной лексемы (интенционал).

В немецком ЯБА (3) реципиент обращает внимание на пару аналогично звучащих языковых знаков die Elemente – die Alimente, обладающих звуковым подобием. Широкое толкование паронимов как любых слов, близких по звучанию, позволяет нам признать паронимами и однокорневые паронимы

(обладающие одинаковой предметно-смысловой отнесенностью), и разнокорневые (обладающие различной предметно-смысловой отнесенностью) слова-парофоны, имеющие любое частичное звуковое подобие. В ЯБА (3) опорными лексемами являются схожие в своей фонетической манифестации разнокорневые *паронимы-заимствования*. Социально-психологическая составляющая этих ЯБА о детях состоит, по всей видимости, в высмеивании «некультурного простонародного преобразования заимствованных слов...» [4, с. 107]: (3) «In der Schule. „Was sind *die Elemente*?“, fragt der Lehrer. Fritzchen erklärt: „Das ist das Geld, das meine Mutter jeden Monat für mich bekommt.“»

В сюжете (4) коллективный автор акцентирует неомотивационное переосмысление ребёнком полнзначного слова и его семантическое конвертирование в сходное по звучанию, но качественно иное с точки зрения семантики раздельнооформленное словосочетание как причину диссонанса и дисгармонии в его речевом взаимодействии с взрослым партнёром по коммуникации: (4) «„Was heißt *analog*?“, fragt der Lehrer. Paulchen weiss es. „Die Vergangenheit von *Anna lügt*!“. В ЯБА (4) этот факт становится одной из экспликаций семантического механизма создания юмористического эффекта. Так, на юмористический эффект в ЯБА (4) с наглядностью «работает» столкновение-расхождение значений различных в своём правописании, но объединённых паронимическим подобием лексем: *analog – Anna log*.

Среди ЯБА о малышке Эрне обнаружены сюжеты, юмористический эффект в которых создаёт столкновение-расхождение значений различных в своём правописании, но объединённых паронимическим подобием лексем, в частности лексем *Wald weg – Waldweg* и *zwei G – Zweige*: (5) «Der Vater fragt klein Erna: „Weißt du, warum diese Straße eigentlich *Waldweg* heißt?“ „Na eben darum heiß sie ja so, weil der *Wald weg* ist.“»; (6) «Im Biologieunterricht fragt der Lehrer: „Welche Pflanze hat *zwei G*?“ Klein Erna: „Ein Baum – er hat *Zweige*!“. Важно заметить, что опорные лексемы в анекдотах данного типа, осмысливаемые нами как паронимы, коррелируют с омофонами (разновидность омонимов), наглядно демонстрируя факт существования языковых явлений, не поддающихся однозначной интерпретации и относящихся к диффузной зоне, расположенной на стыке смежных языковых феноменов.

Над дисгармоничностью ситуации речевого взаимодействия, зафиксированной в ЯБА (7), связанной с «непониманием» ребёнком значения ФЕ *das Geld zum Fenster rauswerfen*, «встроенной» в реплику маленького Максика *Weil Vati immer sagt, daß Mutti das Geld zum Fenster rauswirft*, коллективный автор также предлагает от души посмеяться: (7) «*Mäxchen* findet vor der Haustür einen Hundertmarkschein und sagt: „Der gehört meiner

Mutti!“ Ein Passant will wissen, woher der Kleine das so genau weiß. Mäxchen: „Weil Vati immer sagt, daß Mutti *das Geld zum Fenster rauswirft*“». Фразеологическое значение *sehr verschwenderisch sein* данной ФЕ оказывается неизвестным ребёнку и поэтому уступает место её буквальной интерпретации. Весьма вероятно, что в сюжетах подобного рода представлено устоявшееся в сознании взрослого населения, почерпнутое из лингвистики детской речи, но не всегда, кстати, обоснованное [3] представление о том, что фразеологический корпус языка начинает активно усваиваться детьми лишь с десятилетнего возраста.

В сюжете (8) реципиенту предлагается оценить с юмористических позиций неверную интерпретацию ребёнком семантики языкового знака в результате декодирования её внутренней формы по ложному ассоциативному образцу: (8) «Fragt Fritz die Oma: „Woraus besteht Milkschokolade?“ Die Oma darauf: „Aus Milch.“ Da fragt Fritz verwundert: „Und Kinderschokolade?“» Бабушка предлагает своему внуку-дошкольнику алгоритм декодирования внутренней формы сложного слова *Milkschokolade* = *Schokolade aus Milch*. Ребёнок делает из этого объяснения логически обоснованный вывод о том, что название любого вида шоколада можно декодировать, опираясь на мотивационную основу сложного слова *Milkschokolade*. При этом и ребёнок, и реципиент анекдота увлекаются на путь декодирования лексемы-коррелята *Kinderschokolade*, следуя внушённой им стратегии декодирования: первый элемент сложного слова называет то вещество, из которого состоит и производится шоколад. Однако дальнейшие размышления в этом направлении ребёнка настораживают. Реципиента же, осмыслившего, что декодирование содержания сложного слова *Kinderschokolade* происходит с опорой на чуждый ей алгоритм прочтения мотивационной основы, они, приводя к шокирующему варианту, побуждают рассмеяться.

Среди ситуаций ненамеренного неуспешного речевого взаимодействия взрослого и ребёнка присутствуют такие, в которых зафиксирована неверная сегментация ребёнком фрагмента речи взрослого. Над одной из них коллективный автор предлагает посмеяться, например, познакомившись со следующим немецким ЯБА о детях: (9) «Ein Kind malt die Weihnachtsszene: Maria und Josef, die Krippe, das Kind, die Tiere im Stall, die Hirten und neben der Krippe einen kleinen, lachenden Jungen. Alle loben das Bild: „Aber wer ist denn der kleine Junge neben der Krippe?“ Das Kind antwortet: „Ja, das ist der Owi.“ „Owi?“ „Es heißt doch im Weihnachtslied „Gottes Sohn *Owi lacht*...“» В данном сюжете ребёнком ложно декодируются слова *Oh, wie lacht...*, являющиеся фрагментом строки из немецкой всенародно известной рождественской песни. Ложное толкование фрагмента приводит к

необоснованному появлению в сознании ребёнка (как, впрочем, и на рисунке, изображённом им) дополнительного персонажа, участвующего в сценке рождения Христа, когда в хлеву помимо Марии, Ёзефа, ребёнка и животных рядом с яслями появляется ещё и некий смеющийся Ови.

Проанализированные немецкие ЯБА о детях, в основе которых лежит юмористическое осмысление «конфронтации различных языковых кодов» [10, с. 438] у детей и взрослых, утверждают реакцию персонажа-ребёнка на реплику персонажа-взрослого непониманием или неверным толкованием этой реплики *актуальным типом общения* в повседневном речевом взаимодействии взрослых и детей.

Подведём итоги. В немецких деперсонифицированных, условно персонифицированных и персонифицированных языковых бытовых анекдотах Wortwitz о детях коллективный автор неизменно знакомит реципиента с ситуацией дисгармоничного речевого взаимодействия персонажа-взрослого и персонажа-ребёнка при общении на бытовые темы, в котором имеет место ненамеренное ложное толкование ребёнком определённого языкового знака (опорный компонент анекдота), присутствующего в речи взрослого.

Неожиданный контраст двух семантических планов опорного компонента (семантический план, предлагаемый персонажем-взрослым, и семантический план, предлагаемый персонажем-ребёнком) и осмысление реципиентом парадоксальной возможности двух перспектив интерпретации сюжета анекдота (перспектива персонажа-взрослого и перспектива персонажа-ребёнка) порождает юмористический эффект. *Семантическим механизмом* формирования юмористического эффекта в таких сюжетах является столкновение-расхождение значений опорного компонента.

Частотными экспликациями семантического механизма формирования юмористического эффекта в них является столкновение-расхождение: а) лексико-семантических вариантов значения полисемантического опорного компонента; б) узального и окказионального вариантов значения опорного компонента; в) значений опорного компонента, представленного паронимами; г) обобщённого значения опорного компонента, представленного ФЕ, и буквального значения его переменного прототипа; д) значений опорного компонента при декодировании его внутренней формы по стереотипному и ложному ассоциативному образцу; е) значений более крупного опорного фрагмента при его сегментировании стереотипно и ложно.

Немецкий Wortwitz о детях, нацеленный на лудическое осмысление несовпадения языковых кодов у детей и взрослых, демонстрирует неагрессивность и позитивность юмора коллективного автора.

Библиографический список

1. *Арустамян Ж.Р.* Имплицитность как интеракциональная категория и механизмы её реализации во французском языке (на материале малого фольклорного жанра анекдота): дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2011. – 153 с.
2. *Барташова О.А., Полякова С.Е.* Соблюдение и нарушение принципов речевого общения в ситуациях деловой коммуникации: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2009. – 48 с.
3. *Бестугина Ю.Ф.* Фразеология в речи школьников: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2005. – 23 с.
4. *Девкин В.Д.* Малапропизм // Разноуровневые маргиналии в немецком и русском языке. – М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2006. – С. 106–109.
5. *Демьянков В.З.* Прагматические основы интерпретации высказывания / Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 368–377.
6. *Калинцева М.О.* Когнитивные структуры ситуационного анекдота на испанском языке // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – Вып. 1. – С. 41–47.
7. *Миловская Н.Д.* Юмор немецкого этноса. Языковой бытовой анекдот. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. – 192 с.
8. *Москалёва С.И.* Причины возникновения некооперативного коммуникативного поведения адресата в немецких языковых бытовых анекдотах // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. – С. 153–159.
9. *Тучина Е. В.* К проблеме взаимопонимания участников образовательного процесса в учебном диалоге // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. – Вып. 3. – С. 152–155.
10. *Шувалов В.И.* Ироюмористический ингредиент комического // Слово в языке и речи: аспекты изучения: материалы Междунар. науч. конф. к юбилею проф. В.Д. Девкина. – М.: Прометей, 2005. – С. 435–443.
11. *Das neue Superbuch der Witze.* – München: Bassermann Verlag, 2008. – 272 s.
12. *Die super Witze-Parade.* – München: Bassermann Verlag, 2007. – 400 s.
13. *Fuhrmann O.* Super Kinderwitze. – München: Bassermann Verlag, 2005. – 272 s.
14. *Gauger H-M.* Das ist bei uns nicht Ouzo. Sprachwitze. – München: Verlag C. H. Beck, 2006. – 141 s.
15. *Neues aus Sankt Eiermark. Das kleine Buch der Sprachwitze.* – München: Verlag C. H. Beck, 1997. – 125 s.
16. *Wackel D. F.* Das große Witze-Feuerwerk. – München: Knauer Taschenbuch Verlag, 2006. – 316 s.
17. *Wackel D. F.* Der große Witzeknaller. – München: Knauer Taschenbuch Verlag, 2006. – 330 s.
18. *Wackel D.F.* Die große Witze-Parade. – München: Knauer Taschenbuch Verlag, 2007. – 334 s.

ВИДЫ ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ПОВТОРОВ
В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается лексико-синтаксический повтор как художественный прием, используемый авторами современной немецкоязычной прозы. Исследуются различные аспекты повтора как синтаксического явления, воплощающего авторский замысел. Представлены основные точки зрения отечественных лингвистов на проблему определения структурного и функционального статуса лексико-синтаксического повтора. Автором дается оригинальное определение рассматриваемого понятия на основании критического анализа специальной литературы. Исходным материалом исследования послужили короткие рассказы немецких авторов XX–XXI веков. Основаниями для определения и выделения ключевых видов лексико-синтаксических повторов послужили такие критерии, как объем повторяющихся фрагментов, полнота синтаксического рисунка, степень точности воспроизведения фрагментов, расположение повторяющихся фрагментов.

Ключевые слова: повтор, лексико-синтаксический повтор, лексико-синтаксический фрагмент, микроконтекст, художественный текст.

Целью данной статьи является описание различных видов лексико-синтаксических повторов и анализ особенностей их функционирования в текстах художественных произведений. Задачи исследования включают: соотнесение различных трактовок понятия лексико-синтаксический повтор в отечественной и зарубежной научной литературе, демонстрацию роли лексико-синтаксического повтора в структурно-синтаксической организации текста, выявление функциональных возможностей повторов на примере немецкоязычного художественного текста. Также представляется целесообразным обозначить основные типологии повторов в трудах отечественных и зарубежных исследователей и провести анализ собранного практического материала с целью разработки собственной типологии повторов.

Результаты исследования вносят вклад в развитие теории повтора, в частности, в плане сравнения основных подходов к изучению лексических повторов в работах ведущих исследователей. Практическая значимость работы заключается в выявлении и систематизации особенностей функционирования лексико-синтаксических повторов в пространстве немецкого художественного текста. Материалы исследования могут быть включены в курсы практического немецкого языка, стилистики, а также использоваться на занятиях по интерпретации текста.

Материалом исследования послужили короткие рассказы немецких авторов XX–XXI веков общим объемом 4500 страниц, из которых методом сплошной выборки было изъято 500 примеров лексико-синтаксических повторов с последующим определением их видов.

Повтор – один из основополагающих принципов организации художественной структуры текста. В произведениях различных жанров, стилей, эпох, культур он действует с неизменным постоянством, подтверждая тем самым своё универсальное значение. В искусстве повтор находит более кон-

центрированное воплощение, выступая в качестве художественно-эстетического средства [7]. Повторы нередко выполняют текстообразующую функцию, участвуют в смысловом построении текста, с их помощью реализуется эмоционально-смысловая доминанта текста, так как они характерны для эмоциональной речи. Е.И. Махрова определяет синтаксический повтор как повтор значения, реализуемого в тождественном построении предложения или фрагментов речи, а также в повторении синтаксических конструкций, которые содержат лексические и семантические повторы [5, с. 144].

Комплексному изучению функционирования лексико-синтаксического повтора в художественном тексте посвящали свои исследования В.Я. Гак, И.В. Арнольд, И.Ю. Ковальчук, В.А. Кухаренко и др.

В.Г. Гак рассматривает повтор на уровне предложения, акцентируя внимание на отношениях тождества. Он указывает, что предложение может повторяться полностью с различными целями: выражения различных эмоционально-экспрессивных значений; реализации различных отношений – включения (то есть сужения или расширения смысла для актуализации внимания на оценке определенного события или отношении к данному событию говорящего), перекрещивания (частичного перекрытия с целью обнаружения причинно-следственных связей и смежности), соподчиненности (раскрытия отдельных качеств и свойств повторов с целью усиления воздействия на слушателя или читателя) [4, с. 24–33].

По определению И.В. Арнольд, повтором, или репризой, называется фигура речи, состоящая в повторении звуков, слов, морфем, синонимов или синтаксических конструкций в условиях достаточной тесноты ряда. При этом дополнительная информация, которую несет повтор, может быть самой разнообразной. Повтор способен заострить внимание реципиента на главной идее или теме текста. Та или иная микротема в целом тексте получает развитие с помощью так называемого кон-

тактного повтора, который выполняет смысловую и структурную функции. Такой тип повтора выделяет наиболее существенные фрагменты текста, способствуя как созданию связности текста, так и разграничению его микроотем. Дистантный же повтор актуализирует внимание читателя, выделяя важную деталь. Такой вид повтора участвует в создании сложной ткани структуры текста, являясь средством связи между его частями, а также в пределах макротекста [2, с. 205].

И.Ю. Ковальчук выделяет такой вид повтора, как позиционный. Он представляет собой повтор лексико-синтаксической единицы, которая занимает фиксированную позицию в микро- и макро-структурах текста [3, с. 86].

По мнению В.А. Кухаренко, сущность повтора заключается в повторении какой-либо языковой единицы (звука, слова, морфемы, синонима или синтаксической конструкции) два или несколько раз подряд. Стилистическая многофункциональность повтора и его способность сочетаться с другими выразительными средствами языка обуславливают широкое применение данного приема авторами [4, с. 273].

А.П. Сквородников изучает повторы с точки зрения позиции, которую они могут занимать в тексте. Рассматривая позиционно-лексический повтор в качестве стилистического явления, А.П. Сквородников обозначает его основные функции: повторы единиц текста подчеркивают значимость этих единиц, способствуют выделению главной идеи, существенных деталей, подчеркивают рему того или иного высказывания, служат для интенсификации действия, помогают синтаксическому распространению высказывания и т. д. [6, с. 71].

По мнению Ю.М. Лотмана, в системе художественного произведения слово претерпевает некоторые преобразования, приобретая новые значения и смыслы. При повторении слова и словосочетания в пространстве текста обрастают различными ассоциативными связями и становятся семантически осложненными [5].

Наблюдения над фактическим материалом позволяют классифицировать лексико-синтаксические повторы, выявленные в текстах рассказов немецких авторов, по следующим таксономическим критериям:

- объёму повторяющихся фрагментов;
- полноте синтаксического рисунка;
- степени точности воспроизведения фрагментов;
- расположению повторяющихся фрагментов относительно друг друга.

Рассмотрим данные группы лексико-синтаксических повторов в указанной последовательности.

С точки зрения *объёма повторяющихся фрагментов* в общей массе лексико-синтаксических повторов предлагаем различать:

1. Повторы лексико-синтаксических фрагментов, равных предложению: Baskoleit setzte die Flasche auf die Theke, sein Gesicht war blaß und unrasiert, und er blickte die Frau jetzt an und sagte: «*Meine Tochter ist gestorben – Elsa*» <...> «*Meine Tochter ist gestorben*», sagte Baskoleit. <...> «*Meine Tochter ist gestorben*», sagte er. <...> «*Meine Tochter ist gestorben*». Er sagte es automatisch, fast ohne Gefühl, stand jetzt am Schaukasten und blickte auf die Straße. <...> «*Ja. Sie ist tot*», sagte er. <...> «*Weintrauben aß sie gern – blaue, aber nun sie ist tot.*» <...> ...er stand in der Nahe des tropfenden Essigfassens am Schaukasten, sagte: «*Meine Tochter ist gestorben*» oder «*Sie ist tot*», ohne mich anzublicken. <...> ... und Baskoleit wandte sich zu ihr zu und sagte: «*Meine Tochter ist gestorben.*» (Heinrich Böll. Der Tod von Elsa Baskoleit).

2. Повторы лексико-синтаксических фрагментов, меньших по объёму, чем предложение: «*Sie haben mir ja auch nahegelegt, Heinrich Böll lieber nicht einzuladen!*» «*Soweit ich mich erinnere, war er dann aber doch da, lieber Gauselmann*», sagte der Intendant, schon im Gehen, ohne Gauselmann noch anzusehen. «*In der allerletzten Sendung! Jawohl! In der allerletzten Sendung!*» rief Gauselmann (Elke Heidenreich. Ein Sender hat Geburtstag).

Повторы лексико-синтаксических фрагментов, меньших по объёму, чем предложение, в нашем фактическом материале наиболее частотны.

С точки зрения *полноты синтаксического рисунка* в общем корпусе лексико-синтаксических повторов различаем:

1. Полные повторы лексико-синтаксических фрагментов – в этом случае повторяющиеся конструкции полностью идентичны друг другу синтаксически.

2. Усеченные повторы лексико-синтаксических фрагментов, отличающиеся неполным синтаксическим параллелизмом и наличием повторяющихся словоформ. Параллелизм – одинаковое синтаксическое построение (одинаковое расположение сходных членов предложения) соседних предложений и отрезков речи. Например: Aber *das wußte er ja nicht*. Ob der Bombenangriff auf den Flüchtlingszug vor oder nach der Fahrt über den großen Fluß erfolgt war, den sie die Oder nannten. Auch *das wußte er nicht* (Christa Wolf. August).

Усеченные повторы являются наиболее частотными в нашем фактическом материале.

По *степени точности воспроизведения повторяющихся фрагментов* нами были выявлены:

1. Калькированные повторы лексико-синтаксических фрагментов, характеризующиеся абсолютным синтаксическим параллелизмом в сочетании с повтором лексических единиц. Приведем пример калькированного лексико-синтаксического повтора: «*Was macht er?*» rief Mama von unten. Mit einem Mal schlug sein Umhang fest wie ein Flügel. Er stieß

sich vom Dach ab und flog durch den blauen Himmel. In seinen schwarzen Kleidern ähnelte er einer schnellen, zielstrebigem Schwalbe. «*Was macht er?*» schrie Mama und rüttelte an der Leiter (Marie Hermanson. Die Tochter des Zauberers). Калькированный повтор в нашем материале наиболее частотен.

2. Вариативные повторы лексико-синтаксических фрагментов, характеризующиеся возможностью возвращения к сказанному ранее в другом словесном оформлении, а также экспликацией одной и той же мысли другими словами. Приведем пример: «*Jans ist krank!*» schrie sie ihm ins Gesicht. «*Du Lump! Du Gauner! Jans ist krank!!*» – Manchmal fragte ein Nachbar auf dem Flur oder ein Gefährte bei der Arbeit: «*Nu, Jansen, dein Jans ist krank?*» – «*Ja, er ist krank*», erwiderte Jansen (Anna Seghers. Jans muss sterben).

С точки зрения *расположения повторяющихся фрагментов относительно друг друга* различаются:

1. Контактные лексико-синтаксические повторы, располагающиеся в непосредственной близости друг от друга в пространстве текста. Зачастую в данном случае имеет место двухкратное или многократное воспроизведение лексико-синтаксического фрагмента. Проиллюстрируем данную разновидность лексико-синтаксических повторов примером: Ich lächle. «*Nichts, nur müde, muss schlafen, tut mir leid.*» *Tut mir leid* (Finn-Ole Heinrich. Zeit der Witze).

2. Дистантные лексико-синтаксические повторы – повторяющиеся синтаксические фрагменты, расположенные на значительном удалении друг от друга в пространстве текста. Например: Als Steve mich an die rauhe See führte, regnete es. Ein kräftiger, vom Wind gepeitschter Regen, der uns ins Gesicht schlug. Ich sah den gelbbraunen Sand, das zerzauste Meer, eine Schar schaukelnder Möwen und bald nur noch Flecken, meine Augen trânten. Steve stemmte sich gegen den Wind, er war es gewohnt. *Come on!* <...> «*Was bleibst du immer zurück?*» Ich konnte Steves Tempo nicht halten, ob mit oder ohne Wind, ob hier oder anderswo. Kalt, mich fror. Er war in seinem Element. *Come on, girl!* (Ilma Rakusa. Steve).

Дистантные лексико-синтаксические повторы являются наиболее частотной разновидностью повторов с точки зрения расположения фрагментов относительно друг друга.

В свете вышеизложенного мы выработали в данном исследовании следующее рабочее определение лексико-синтаксического повтора: *лексико-синтаксический повтор – это неоднократное воспроизведение в обозримом пространстве художественного текста (микрореконтексте) некоторых лексико-синтаксических фрагментов.*

На основе проведенного анализа было установлено следующее количественное распределение повторяющихся единиц: лексико-синтаксические повторы, меньшие по объему, чем предложе-

ния, – в 304 микрореконтекстах; повторы, большие по объему, чем предложение, – в 196; усеченные лексико-синтаксические повторы – в 275; полные повторы – в 225; калькированные повторы – в 305; вариативные повторы – в 195; дистантные лексико-синтаксические повторы – в 435; контактные повторы – в 65.

В результате проведенного анализа и обобщения полученного материала были выявлены следующие закономерности функционирования лексико-синтаксического повтора в текстах рассматриваемой немецкоязычной художественной прозы:

1. Повтор как внутритекстовое явление не только обладает стилистической многофункциональностью, но и служит для синтаксического распространения высказывания.

2. Отдельные виды лексико-синтаксического повтора могут выполнять в тексте различные функции. Например, *контактный* повтор способствует развитию определенной микротемы в целом тексте, тогда как *дистантный* повтор актуализирует внимание читателя, обеспечивает связность текста.

3. В ходе исследования основные виды лексико-синтаксических повторов определяются по следующим критериям: объему повторяющихся фрагментов, полноте синтаксического рисунка, степени точности воспроизведения фрагментов, расположению повторяющихся фрагментов относительно друг друга.

4. Согласно вышеизложенным критериям, в исследуемом материале были обнаружены и описаны следующие виды лексико-синтаксических повторов: повторы лексико-синтаксических фрагментов, равных предложению, и меньших, чем предложение; полные и усеченные; калькированные и вариативные; контактные и дистантные.

5. В результате исследования было установлено, что в нашем фактическом материале преобладают меньшие по объему, чем предложение, усеченные калькированные дистантные лексико-синтаксические повторы.

Список источников

1. *Heinrich Böll*. Die wäge des Baalecks: zwölf Erzählungen 1951–1954. – Zürich: Arche Verlag, 1986. – 107 s.
2. *Elke Heidenreich*. Der Welt der Rücken. Erzählungen. – Wien: Carl Hanser Verlag, 2012. – 89 s.
3. *Finn-Ole Heinrich*. Gestern war auch schon ein Tag. – Hamburg: Mairisch Verlag, 2012. – 160 s.
4. *Marie Hermanson*. Das englische Puppenhaus. – Berlin: Suhrkamp Verlag, 2012. – 158 s.
5. *Ilma Rakusa*. Einsamkeit mit rollendem «т». Erzählungen. – Wien: Literaturverlag Droschl Graz, 2014.

6. *Anna Seghers*. Jans muss sterben. – Berlin: Aufbau Verlag, 2000. – 89 s.

Библиографический список

1. *Арнольд И.В.* Стилистика. Современный английский язык. – М.: Флинта, 2002. – 384 с.

2. *Гак В.Г.* Повторная номинация, ее структурно-организующие и стилистические функции в тексте // Лингвистические и методические проблемы преподавания русского языка как неродного. – М., 1987. – С. 24–33.

3. *Ковальчук И.Ю.* Повтор и его функции в тексте: дис. ... канд. филол. наук. – Пенза, 2004. – 149 с.

4. *Кухаренко В.А.* Стилистический прием повтора в произведениях Ч. Диккенса // Общее языкознание, грамматика, лексикология, стилистика. – Т. 19. – 373 с.

5. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

6. *Махрова Е.И.* Сравнительный аспект функционирования разновидовых повторов (на примере текстов художественных произведений французских авторов) // Вестник Оренбургского государственного университета. – № 11 (117). – Оренбург, 2010. – С. 141–142.

7. *Молчанов А.С.* Динамика восприятия повтора в музыкальном произведении: на материале остинатных форм композиторского творчества XX века. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/77/386/80534.php> (дата обращения: 11.03.2013).

8. *Сковородников А.П.* Позиционно-лексический повтор как стилистическое явление // Филологические науки. – 1984. – № 5. – С. 71–76.

ОСНОВНЫЕ ОБЩЕИНФОРМАТИВНЫЕ ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (на материале английского языка)

Предметом рассмотрения данной статьи являются особенности построения английского простого предложения в соответствии с коммуникативной перспективой (актуальным членением), а также особенности формирования на его основе общеинформативных типов предложения.

Цель данной статьи – выявление и описание основных общеинформативных типов предложения на материале произведений английской художественной литературы, а также выявление языковых средств, характерных для определённого коммуникативно-синтаксического типа. Материалом для исследования явились оригинальные произведения А. Кристи.

Ключевые слова: актуальное членение предложения, тема, рема, общеинформативные типы, порядок слов, средства выражения, выделительные конструкции, артикль, коммуникативный вариант, нулевая тема, препозитивная тема, постпозитивная тема.

Понимание предложения как коммуникативной единицы невозможно без учета его актуального (коммуникативного) членения, которое, по мнению исследователей, определяет не только основное содержание, но и формальное построение предложения [1, 3, 6–8].

К общеинформативным типам относятся предложения, которые отвечают на общий вопрос и в которых подлежащее и сказуемое одновременно выступают в качестве ремы. Объектом исследования в данной статье являются простые повествовательные предложения, которые включают подлежащее (S), сказуемое (V), обстоятельство (D) (тема – T, рема – R).

Общеинформативный тип может образовывать три коммуникативных варианта: 1) с препозитивной темой; 2) с нулевой темой; 3) с постпозитивной темой.

1. Общеинформативный тип с препозитивной темой

Данный тип является коммуникативно расчленимым высказыванием. В нем обстоятельство несёт функцию темы и занимает начальную позицию.

В качестве темы выступает второстепенный член предложения (дополнение или обстоятельство), а подлежащее и сказуемое образуют комплексную рему [5, с. 467].

Проанализированный фактический материал показал, что общеинформативный тип с препозитивной темой образует два варианта, которые отличаются друг от друга последовательностью подлежащего и сказуемого:

1. Коммуникативно-синтаксический тип

$$D^T - (S+V)^R$$

В данном варианте обстоятельство места, выполняющее функцию темы, занимает начальную позицию, а подлежащее и сказуемое, образующие комплексную рему, находятся во второй части предложения, при этом подлежащее предшествует сказуемому [5, с. 467].

Ср.: *In this village a strange man appeared;*

*Some time after 12 a postman came;
In the city a robbery happened.*

Так, в английском языке основным показателем комплексной ремы данного типа является неопределённый артикль перед существительным-подлежащим.

2. Коммуникативно-синтаксический тип

$$D^T - (V+S)^R$$

Как и в предыдущем типе, обстоятельство места, находящееся в начале предложения, выполняет функцию темы, а комплексная рема, выраженная подлежащим и сказуемым, занимает конечную позицию. Однако, в отличие от предыдущего, данный тип имеет другую последовательность главных членов предложения: сказуемое предшествует подлежащему. Таким образом, главным показателем рематичности подлежащего выступает здесь порядок слов – конечная позиция подлежащего. Неопределённый артикль усиливает рематичность подлежащего и служит дополнительным средством выражения комплексной ремы [9].

Ср.: *The next room occupied a pretty young lady;
In the day time came a maid;
In the hotel lived a foreign man;
In the street was a strange noise.*

Следует отметить, что в данном типе дополнение выражает функцию темы и находится на начальной позиции. Оно не несёт важной информации, а связывает информацию с предыдущим контекстом и является исходной точкой данного высказывания. Основная же информация выражена подлежащим и сказуемым. Подлежащее и сказуемое представляют собой комплексную рему и несут в себе главную, актуальную информацию.

2. Общеинформативный тип с нулевой темой (S + V + D)^R

Данный тип является коммуникативно нерасчленимым высказыванием. Для него характерно то, что ни один из его компонентов не указан предшествующим контекстом, и всё высказывание несёт новую, актуальную информацию [4]. Оно от-

вечает на широкий вопрос «что случилось?», «что происходит?» и т. п.

Ср.: *A man walked somewhere in the park;*
An incident happened somewhere in the castle.

3. Общеинформативный тип с постпозитивной темой

Исследование показало, что данный тип также может иметь два варианта.

1. Коммуникативно-синтаксический тип $(S+V)^R - D^T$

В данном типе высказывания подлежащее и сказуемое, находящиеся в первой части предложения, образуют комплексную рему, а обстоятельство места, занимающее конечную позицию, является постпозитивной темой. Как показал проанализированный материал, рематичность подлежащего в английском предложении подчёркивается неопределённым артиклем, а тематичность обстоятельства – определённым артиклем [2].

Ср.: *A little dog went to him;*
A beautiful lady came into the dining room;
A policeman came to Poirot.

2. Коммуникативно-синтаксический тип $(V+S)^R - D^T$

Тема высказывания в данном типе выражена обстоятельством места, находящимся в конце предложения, а комплексная рема, выраженная подлежащим и сказуемым, занимает начальную позицию. Тематичность обстоятельства подчёркивается определённым артиклем, а рематичность подлежащего – неопределённым [2].

Ср.: *There was only one woman in the castle;*
There is a note on the table;
There was only a dress in the wardrobe.

Итак, тема-рематический анализ предложений показал, что на основе данных предложений могут быть сформированы три общеинформативных типа: с препозитивной темой, с нулевой темой и с постпозитивной темой. Общеинформативные коммуникативно-синтаксические типы представляют собой наиболее характерные схемы реализации коммуникативного (актуального) членения предложения. Порядок слов, артикль и специальные ремовыделительные конструкции являются

коммуникативно однозначным показателем состава темы и состава ремы в английском языке, а следовательно, средством выделения того или иного коммуникативно-синтаксического типа.

Библиографический список

1. Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. – Прага: Academia, 1966. – 96 с.
2. Егорова О.С. Коммуникативно-функциональная типология высказывания в современном французском языке: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1999. – 263 с.
3. Егорова О.С. Языковые средства актуализации ремы предложения (на материале французского языка) // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов / отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: ИД ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – С. 377–379.
4. Егорова О.С. Структурно-функциональная типология предложения в русском и французском языках // Ярославский педагогический вестник: научный журнал. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – № 4. – Т. 1 (Гуманитарные науки). – С. 167–174.
5. Егорова О.С., Корнилова М.Ю. Типология высказывания в коммуникативно-синтаксическом аспекте // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов / отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: ИД ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – С. 466–468.
6. Кутцов А.Е. Лексические средства выделения темы в предложении (на материале испанского языка) // Когнитивные исследования языка. – 2012. – Вып. 11. – С. 383–385.
7. Реферовская Е.А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
8. Слюсарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. – М.: Наука, 1981.
9. Шевякова В.Е. Современный английский: Порядок слов, актуальное членение, интонация. – М.: Наука, 1980.
10. *Agatha Christie. The Murder of Rojer Ackroyd.* – Harper, 2011. – 230 s.

К ВОПРОСУ О «СЛОВНОСТИ» КОМПОНЕНТА ИДИОМЫ (на материале фразеологических единиц с общими компонентами в языках русском, французском и волоф)

В работе представлены результаты исследования фразеологических единиц, имеющих в своём составе общие компоненты, в трех языках – русском, французском и языке волоф. В качестве таких компонентов избираются слова, отражающие ключевые понятия, связанные с восприятием – зрительным (глаз/глаза), слуховым (ухо/уши), обонятельным (нос), вкусовым (язык) и осязательным (кожа). Цель анализа – установить, каким образом и в какой степени указанные слова, становясь компонентами идиом, сохраняют свои связи с общей семантикой фразеологической единицы. Анализ показал сходные результаты: во всех языках слово-компонент в составе идиомы утрачивает словесные качества, но играет существенную роль в процессе фразеологизации (превращения словосочетания в идиому) и трансформации фразеологических единиц.

Ключевые слова: русский язык, французский язык, язык волоф, идиоматика языка, компонент идиомы, семантическая группа, лексика и фразеология.

Для современной науки существование слов и фразеологических единиц, которые как компоненты словарного состава языка являются разными единицами, отличающимися друг от друга своей формой, содержанием и функциональным назначением в речи, но вместе с тем составляют основной класс номинативных и характеризующих единиц в словарном составе любого языка, представляется очевидным и не требующим каких-либо дополнительных доказательств. Доказанными также являются: возможность идеографического членения словарного состава языка, которое указывает и на его системность; единство (соотносительность и взаимообусловленность) формы и содержания слов и фразеологических единиц, функционирующих в языке как особые элементы, которые в целом могут определяться только как соотносимые, но не тождественные друг другу единицы языка; соотносительность фразеологизмов со словами по ряду параметров (свойств), которыми определяется возможность их связей и отношений друг с другом как особых единиц языка в парадигматическом и в синтагматическом плане.

С меньшей определенностью говорится о степени «словности» звукового комплекса, который определяется как компонент идиоматических выражений. Диапазон мнений по этому вопросу колеблется от признания компонента фразеологической единицы любого типа словом (Н.М. Шанский, А. В. Кунин, Л.И. Ройзензон и др.) до указания на утрату словом всех своих словесных качеств – лексического и грамматического значений, форм словоизменения, синтаксических связей со словами в границах идиомы и т. д. – в процессе фразеологизации, в результате чего компонент в составе идиоматических выражений может рассматриваться как слово лишь «этимологически», «орфографически», «по звуковому облику» (Б.А. Ларин, С.И. Абакумов, А.И. Молотков и др.). Существует и мнение о разной степени «десемантизации»

слов в составе идиом, допускающее возможность сохранения компонентом отдельных присущих слову качеств, касающихся лексического значения, лексико-грамматических свойств и др., в связи с чем считается возможным выделять лексическую, деривационную, лексико-грамматическую (категориальную) и т. д. деактуализацию, ср.: на *дружеской ноге* 'в приятельских отношениях', по *пьяной лавочке* 'в нетрезвом состоянии', *для отвода глаз* 'с целью отвлечь внимание', *не покладая рук* 'очень старательно, не переставая', *ни под каким видом* 'ни при каких условиях', *чесать языком*, глаг. 'сплетничать, сусловить', *тепленькое местечко*, имен. 'материально выгодная должность, доходная служба', *вдоль и поперек*, адverb. 'хорошо, во всех подробностях' и др. (см. об этом подробнее [2, с. 115–124]).

Вопрос о «словности» компонента идиомы, то есть о степени утраты тем или иным звуковым комплексом, выступающим как слово в обычных высказываниях, своих словесных качеств, является ключевым прежде всего для установления объекта и предмета фразеологии как науки, так как от решения вопроса о «словности» или «несловности» компонента фразеологизма зависит определение того, что считать фразеологической единицей в качестве объекта фразеологической науки и какие свойства таких единиц должны стать предметом её изучения (ср. так называемое «широкое» и «узкое» понимание фразеологической единицы и, соответственно, определение состава таких единиц в языке, задач фразеологии, направлений исследования и т. д.). Если фразеологической единицей признается устойчивое сочетание «словного» характера (то есть как устойчивое и воспроизводимое сочетание, состоящее из слов, сохраняющих свои словесные качества), то в состав таких единиц следует включать все устойчивые и воспроизводимые сочетания слов. В этот состав в настоящее время обычно включаются выделенные акад. В.В. Виноградовым фразеологические сочетания (*окладистая*

борода), фразеологические единства (*сматывать удочки*), фразеологические сращения (*как аршин проглотил*), а также определенные Н.М. Шанским как фразеологические выражения народные пословично-поговорочные выражения и крылатые фразы с установленным авторством.

Однако среди устойчивых выражений заметно выделяются идиомы – фразеологические сочетания и фразеологические сращения, представляющие собой семантически и грамматически «неделимые», «неразложимые» сочетания, которые, хотя и представляют собой по внешнему облику раздельнооформленные сочетания, в речи выступают как целостные единицы, имеющие формальные и содержательные признаки, свойственные единице в целом, а не отдельным ее компонентам. Эта целостность проявляется в ее синтаксическом поведении: в речи фразеологическая единица вступает в связи и отношения со словами окружения как единое образование. (В свое время это свойство идиом предлагалось использовать как критерий для отграничения идиоматических выражений от обычных сочетаний слов, см. [7].) Поэтому ряд ученых считает научно объективным признавать фразеологическими единицами только семантически и грамматически неразложимые, не членимые на отдельные слова сочетания, к которым могут быть отнесены только идиоматические выражения – фразеологические единства и фразеологические сращения (о форме, семантике, валентности, морфологических, синтаксических и др. свойствах идиом на материале русского языка см. [5; 6]). При таком понимании компонент фразеологизма-идиомы как слово можно рассматривать только генетически, если компонент восходит к реальному слову, или по внешнему облику, если речь идет об искусственно созданных компонентах (*на фуфу, тары-бары растабары, фигли-мигли, в дрыбадан* и т. п.). Именно то, что идиоматическое выражение всегда выступает как семантически и грамматически целостное образование, является основной причиной утраты компонентом самостоятельности как отдельного и полноценного слова в составе идиомы. Таким образом, вопрос о степени «десемантизации» слова в составе фразеологизма, который по своей сути есть вопрос о степени сохранения словом в составе фразеологизма своих словесных качеств, оказывается важной лингвистической проблемой, от решения которой зависит квалификация самой фразеологической единицы как особой единицы языка и места фразеологии в языковой системе.

Решению этой проблемы может способствовать исследование фразеологии разных языков, в том числе и в сопоставительном плане. Такого рода исследования, осуществляемые с разными целями, весьма многочисленны и представлены работами разных научных жанров. Среди них и работы, в ос-

нову которых положен анализ соотношения формы и значения фразеологических единиц с общими компонентами, генетически восходящими к словам определенных групп – именам собственным, числительным, терминам и т. д. (из последних работ см., например, [3]). Думается, что такого рода анализ фразеологических единиц разных языков может быть использован и в процессе разработки указанной выше проблемы. В данной работе представляются результаты исследования фразеологических единиц, имеющих в своём составе общие компоненты, в трех языках – русском, французском и языке волоф. В качестве таких компонентов избираются слова, отражающие ключевые понятия, связанные с восприятием – зрительным (*глаз/глаза*), слуховым (*ухо/уши*), обонятельным (*нос*), вкусовым (*язык*) и осязательным (*кожа*). Цель анализа – установить, каким образом и в какой степени указанные слова, становясь компонентами идиом, сохраняют свои связи с общей семантикой фразеологической единицы. С этой целью нами из словарей и других источников были выбраны фразеологические единицы трех языков с указанными компонентами. Этот материал был распределен по группам в зависимости от того, в какой степени слово-компонент сохраняет свои связи с общим значением фразеологизма и другими его свойствами. При отборе фразеологического материала принималось во внимание, с одной стороны, значение фразеологических единиц, а именно связь их значения с идеей восприятия, и, с другой стороны, соотносительность единиц по форме, в частности наличие или отсутствие в составе фразеологизмов слов-компонентов, входящих в лексическую зону поля восприятия. При выборке языкового материала не принимались во внимание лексико-грамматические, стилистические и др. свойства фразеологических единиц (отбирались все единицы), поэтому в языковом материале представлены фразеологические единицы разных лексико-грамматических разрядов, разной стилистической окраски и т. д.

Анализ фразеологического материала трех исследуемых языков показал одинаковые результаты: фразеологические единицы каждого языка с точки зрения их принадлежности к семантическому полю восприятия (выражению значений, связанных со зрением, слухом, обонянием, осязанием, вкусом) и наличию у них компонентов, восходящих к словам со значением восприятия, могут быть разделены на три основные группы.

К первой группе отнесены фразеологические единицы, значение которых непосредственно связано с восприятием и в составе которых есть компонент, восходящий к слову, которое входит в семантическое поле восприятия. В этой группе представлены фразеологические единицы всех микрополей (в качестве иллюстраций приводятся единичные примеры), ср.: 1) фразеологические

единицы зрительного восприятия с общим значением «смотреть как-либо» и компонентом *глаз/ глаза* (русск.: *впиваться глазами в кого, во что* ‘пристально смотреть на кого-либо, на что-либо’, *не отрывать глаз от кого, от чего* ‘пристально и долго смотреть’; франц.: *düvorer des yeux* (букв. есть глазами) ‘пристально и долго смотреть’, *avoir a l’oeil*, (букв. иметь глаз) ‘наблюдать внимательно’, *observer du coin de l’oeil* (букв. наблюдать углом глаз) ‘наблюдать тайно’; волоф: *xulli ay bët* (букв. открывать глаза) ‘смотреть на кого-либо, на что-либо с удивлением’, *xool ci biiri bët*, (букв. смотреть в глубину глаз) ‘пристально смотреть’, *wow bët* (букв. иметь сухой глаз) ‘смотреть не стесняясь’); 2) фразеологические единицы слухового восприятия с общим значением «слушать» и с компонентом *ухо/уши* (русск.: *наостривать уши* ‘внимательно прислушиваться’; франц.: *ktre tout oreilles*, (букв. целиком быть ухом) ‘слушать внимательно’, *tendre l’oreille* (букв. прилагать ухо) ‘внимать, выслушивать’; волоф: *may nopp* (букв. подарить ухо) ‘слушать внимательно’); 3) фразеологические единицы обонятельного восприятия с общим значением «издавать запах» и с компонентом *нос* (русск.: *бросаться в нос* ‘резко пахнуть’, *бить в нос* ‘издавать резкий запах’; франц.: *monter au nez* (букв. подниматься в нос) ‘об очень сильном запахе’; волоф: *saraax si bakan* (букв. резко войти в нос) ‘бьёт в нос’); 4) фразеологические единицы осязательного восприятия с общим значением «ощущать» и с компонентом *кожа* (русск.: *мороз по коже у кого* ‘ощущается озноб, вызываемый чувством сильного страха, волнения, возбуждения и т. п.’, *мурашки бегают по коже у кого* ‘ощущается озноб, вызываемый чувством сильного страха, волнения, возбуждения и т. п.’; франц.: *ktre dans sa peau* (букв. быть в коже) ‘чувствовать себя хорошо, комфортно’, *avoir dans la peau* (букв. иметь в коже) ‘испытывать страсть, сильные чувства’; волоф: *yaram buy daw* (букв. тело, которое бегаёт) ‘мурашки бегают по коже’, *yaram bu dee* (букв. тело, которое мертво) ‘кожа или тело, которое не чувствует’); 5) фразеологические единицы вкусового восприятия с общим значением «пробовать на вкус» и с компонентом *язык/рот* (русск.: *брать на язык что* ‘пробовать на вкус что-либо’, *брать в рот* ‘пробовать на вкус’; франц.: *prendre a la bouche* (букв. брать в рот) ‘пробовать на вкус’; волоф: *dug si gemic* (букв. войти в рот) ‘пробовать на вкус’).

Вторую группу образуют фразеологические единицы, значение которых связано с процессом восприятия, однако в их составе отсутствуют компоненты, восходящие к словам со значением восприятия. Такие фразеологические единицы в наших материалах также представлены широко, ср. например: 1) русск.: *брать под прицел кого, что* ‘сосредоточенно наблюдать за кем-либо или чем-

либо’, *краше в гроб кладут* ‘очень плохо выглядит, имеет очень болезненный вид’; франц.: *ne pas trouver de l’eau a la riviere*, (букв. не найти воду на реке) ‘не видеть ожидаемого’, *noir comme dans la gueule du loup* (букв. чёрный как морда волка) ‘ничего не видеть из-за отсутствия цвета’; волоф: *sentu ci gilem nga wacc ci mbaam*, (букв. ожидал верблюда, а пришёл осёл) ‘не увидеть ожидаемого’; 2) (русск.: *на всех перекрестках* ‘во всеулышание, повсюду, всем (говорить, рассказывать и т. п. о чем-либо)’, *про себя* ‘тихо, еле слышно, шепотом (читать, говорить, произносить и т. п.)’; франц.: *ktre dure de la feuille* (букв. быть твёрдым листом) ‘быть глухим’, *mon petit doigt m’a dit* (букв. мой маленький палец мне говорил) ‘услышать случайно какую-либо новость’; волоф: *for ci wewu bey* (букв. собрать из копыт коз) ‘услышать случайно’); 3) (русск.: *хоть монор вешиай где* ‘о тяжёлом, спертом воздухе в помещении’; франц.: *puer le bouc* (букв. пахнет козой) ‘очень плохо пахнет’, *tuer les mouches* (букв. убить мух) ‘пахнет очень сильно’; волоф: *box netetu* (букв. иметь в подмышках «netetu» (плохо пахнущая приправа)) ‘очень плохо пахнет’); 4) (русск.: *кровь бросилась в лицо кому* ‘кто-либо покраснел от смущения, стыда, досады и т. п.’; франц.: *avoir des fourmis dans les membres* (букв. иметь муравья в конечностях) ‘чувствовать покалывание’; волоф: *sankalec yuy dox* (букв. иметь муравья в теле) ‘чувствовать покалывание’); 5) (русск.: *пальчики оближешь* ‘очень вкусно, аппетитен, доставляет огромное удовольствие (о пище, питье и т. п.)’; франц.: *ktre un cordon-bleu* (букв. быть синим шурком) ‘вкусно готовить’; волоф: *kuddo riier ci loxo bi* (букв. ложка потерялась в руке) ‘о человеке, который очень вкусно готовит’).

Третью группу составляют фразеологические единицы, в составе которых имеются компоненты, восходящие к словам со значением зрительного восприятия, но значение самих фразеологических единиц не связано с процессом восприятия. Среди таких единиц выделим две разновидности. К первой разновидности отнесем фразеологические единицы, значение которых с осязательным восприятием непосредственно не связано, но компонент принимает участие в формировании образной основы фразеологизма, ср. например: 1) русск.: *расти в глазах кого, чьих* ‘приобретать уважение, признание у кого-либо, получать высокую оценку’, *тыкать в глаза кому* ‘постоянно, назойливо напоминать о чём-либо неприятном’; франц.: *ne pas avoir froid aux yeux* (букв. не иметь холода в глазах) ‘быть мужественным’, *faire les gros yeux a quelqu’un* (букв. делать большие глаза) ‘обвинять кого-либо’; волоф: *natt ci bët* (букв. мерить глазами) ‘приблизительно, на взгляд’; 2) русск.: *ухо в ухо* ‘совсем близко, рядом, наравне (идти, бежать и т. п.)’, *рот до ушей у кого* ‘о широкой улыбке, жизнерадостном смехе’; франц.: *l’oreille*

basse (букв. низкое ухо) 'состояние, когда человеку стыдно', *montrer le bout de l'oreille* (букв. показать конец уха) 'показать истинный характер', *tirer les oreilles*, (букв. тянуть уши) 'бить кого-либо'; волоф: *nopp amul kubeer* (букв. ухо не имеет крыши) 'получать информацию из любого источника', *yoor ay nopp*, (букв. распускать уши) 'о состоянии, когда человеку стыдно'; 3) русск.: *крутить носом* 'проявлять неудовольствие, несогласие с чем-либо, пренебрежение к чему-либо; отказываться от чего-либо; привередничать', *нос к носу* 'непосредственно, вплотную, очень близко'; франц.: *avoir dans le nez* (букв. иметь в носу) 'иметь враждебные чувства по отношению к кому-либо', *avoir du nez* (букв. иметь нос) 'обладать развитой интуицией'; волоф: *bakkan du jaay* (букв. нос не продаётся) 'не рисковать своей жизнью', *aj bakan* (букв. поднимать нос) 'выражение несогласия', *topp sa bakan* (букв. обслуживать свой нос) 'делать то, что захочется, не думая о последствиях'; 4) русск.: *лезть из кожи* 'прилагать огромные усилия', *одна кожа да кости* 'предельно исхудавший, измождённый', *толстая кожа у кого* 'о грубом, упрямом, нечутком, неотзывчивом человеке'; франц.: *faire la peau a*, (букв. делать кожу) 'убивать человека или животного', *vouloir la peau de* (букв. хотеть кожу) 'желать исчезновения кого-либо или чего-либо'; 'желать смерти кого-либо'; волоф: *yax der* (букв. грязнить кожу) 'наносить вред репутации', *setal sa der* (букв. очистить себе кожу) 'защитить себя от обвинения', *takk deru buki* (букв. одевать кожу гиены) – 'о человеке, которого везде замечают; 5) русск.: *язык на плече у кого* 'кто-либо сильно устал, утомился', *как корова языком слизнула кого, что* 'кто-либо (что-либо) в один миг бесследно исчез(ло), будто и не было'; франц.: *tirer la langue* (букв. вытягивать язык) 'быть уставшим'.

Вторую разновидность фразеологических единиц третьей группы представляют фразеологизмы, у которых ни значение, ни компонент не связаны с процессом восприятия, например: 1) русск.: *синь порох в глазу* 'о близком, дорогом человеке; о назойливом, мешающем своим присутствием человеке'; франц.: *consommer a l'oeil, manger a l'oeil* (букв. есть глазами) 'бесплатно питаться'; 2) русск.: *ни уха ни рыла* 'совершенно ничего (не знать, не понимать, не смыслить и т. п.)'; франц.: *laisser entendre* (букв. дать слышать) 'предлагать наряд'; волоф: *noppi lekk* (букв. уши кролика) 'о грибах'; 3) русск.: *зарубить на носу* 'запомнить крепко-накрепко'; франц.: *se casser le nez* (букв. сломать нос) 'потерпеть неудачу в каком-либо деле'; волоф: *bakkan jamm la blgg* (букв. нос любит мир) 'о желании покоя'; 4) русск.: *девичья кожа* 'лакомство, приготовляемое из отвара алтейного корня с белками и сахаром'; франц.: *peau d'vne* (букв. кожа осла) 'диплом любой ценности', *culotte de peau* (букв. кожаные штаны) 'о старом,

опытном солдате'; волоф: *takk der* (букв. одевать кожу) 'о солдате'; 5) русск.: *общий язык* 'полное взаимопонимание, согласованность в действиях'.

Анализ фразеологического материала приводит нас к заключению, что лексические и грамматические значения слова, выступающего в качестве компонента идиомы, не играют существенной роли в передаче (презентации) ее общего значения: фразеологические единицы могут иметь значения, связанные с процессом восприятия, независимо от того, имеются в ее составе компоненты, восходящие к словам со значением восприятия, или нет. С другой стороны, фразеологические единицы, имеющие в своем составе компоненты, восходящие к словам со значением восприятия, могут быть как в тематической группе со значением восприятия, так и в группах с другими значениями. Фразеологический материал разных языков показывает нам, что такое соотношение есть общая черта идиоматических выражений как особых единиц языка, так как это наблюдается во всех исследованных нами языках.

В составе идиом компоненты утрачивают свою самостоятельность и вместе с этим и присущие слову признаки: лексическое и грамматическое значения (русск.: *битый час*, адverb. 'очень долго; давно'; франц.: *a toute jambe* 'очень быстро'; волоф: *ca taam adama* (букв. от дедушки Адама) 'очень давно'), формы словоизменения (русск.: *как ни в чем не бывало*; франц.: *ni chair ni poisson* 'ни рыба ни мясо'; волоф: *du benn du caar* (букв. ни один ни два) 'много раз'), синтаксические связи в пределах идиомы (русск.: *по пьяной лавочке*; франц.: *clou de la saison* (букв. гвоздь сезона); волоф: *su ginaar saxe ay bęc* (букв. когда у куры появляются зубы).

На это указывает и возможность разной трактовки компонента идиомы при установлении ее происхождения. Ср., например, этимологии фразеологических единиц *держать нос по ветру*, *оставить с носом*, *зарубить на носу*: «ДЕРЖАТЬ НОС ПО ВЕТРУ. Приспосабливаться к обстоятельствам, беспринципно меняя свои убеждения, свое поведение. 1. Из речи моряков. Первоначально имелся в виду нос корабля, так как нельзя было отправляться в плаванье при противном, дующем в нос корабля ветре. <...> 2. Оборот отражает особенности поведения собак. <...> 3. Из речи охотников и рыбаков. <...> «ОСТАВИТЬ С НОСОМ кого. Оставить ни с чем; обмануть, одурачить. 1. По древнему обычаю жених подносил родителям невесты *нос* (производное от глаг. *нести*) «подарок, выкуп». Если жениху отказывали, подарок отвергали – жених оставался «с носом». <...> 2. *Нос* – «взятка, подношение». *Остаться с носом* значило «уйти с не принятым подношением, взяткой, не договорившись». <...> 3. Провинившемуся наклеивали пестрый нос из папье-маше. <...>

4. На развитие значения «провести» повлияли оборот *водить за нос* и жест наставления носа в качестве насмешки. <...>; «ЗАРУБИТЬ НА НОСУ. Запомнить накрепко, навсегда. 1. Словари фиксируют варианты этого оборота: *зарубить на лбу, зарубить на коже*. В других славянских языках представление о прочном запоминании связано и с другими подобными наименованиями: *записать за уши, на ум*. Поэтому *нос* в обороте *зарубить на носу* следует понимать анатомически. Метафорически *нос* соотносится с биркой, на которую заносят зарубки для памяти. Оборот *зарубить на носу* первоначально означал шутивную угрозу. <...> 2. *Нос* – производное от глаг. *носить* – то, что носили при себе, бирка, на которой ставили зарубки, чтобы вести учет работы, долгов и т. д. На Руси такую дощечку раскалывали и одну половинку отдавали должнику. При расчете обе половинки складывались. <...>» [1, с. 408–409].

Вместе с тем было бы ошибкой признавать компонент идиомы лишь «пустой» оболочкой слова. Сопоставление компонентного состава фразеологической единицы со словосочетанием-прототипом (этимомом) показывает, что свойства слов, составляющих данное сочетание (их форма, значение и т. д.) оказывает непосредственное влияние на формирование формальных и содержательных свойств самого фразеологизма в процессе фразеологизации. Сведения о происхождении фразеологических единиц, содержащиеся в научных работах и словарях, доказывают это (см., например, материалы указанного историко-этимологического словаря русской фразеологии [1]). Важно указать также, что и при превращении слова в компонент фразеологической единицы в процессе трансформации переменного сочетания слов в идиому былые свойства слова сохраняются в компоненте в «свернутом» виде, в «зародыше», так как носителями языка компонент идиомы так или иначе ассоциируется с соответствующим словом. Это создает условия для «обыгрывания» и трансформации фразеологических единиц при их употреблении в речи, ср., например, такие приемы трансформированного использования фразеологических единиц, как замена компонентов, буквализация значения, двойная актуализация и др. [4]. Потенциальные возможности компонентов, которые могут быть активированы при употреблении идиом в речи, а также механизмы их реализации на примере целого ряда фразеологизмов представлены в работе И.Ю. Третьяковой «Окказиональная фразеология» [8].

Проведенный анализ приводит нас к выводу о том, что решение вопроса о «словности» ком-

понента идиомы в том виде, в каком он ставится в научных работах (сохраняет ли слово свои качества в составе идиоматических выражений?), оказывается невозможным. Решение этого вопроса, на наш взгляд, возможно при условии более или менее полного описания, с одной стороны, процессов фразеологизации (причин, условий, источников, механизмов образования фразеологических единиц, в том числе и роли слов-компонентов в этом процессе), а с другой – процессов и способов трансформации фразеологических единиц при их употреблении в речи. Важным, на наш взгляд, является исследование фразеологии в указанных направлениях на материале разных языков, так как это позволит увидеть то общее, что характеризует фразеологическую единицу как особую единицу языка.

Библиографический список

1. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
2. *Жуков В.П.* Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.
3. *Матвеева Ю.О.* Межъязыковые соответствия фразеологических единиц с компонентом – музыкальным термином в английском и русском языках // Филологические науки. Зарубежная филология: в 2 т. – 2016. – № 3 (21). – Т. 1. – С. 38–45.
4. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи: Словарь. – М.: Русские словари: Астрель, 2001. – 856 с.
5. *Молотков А.И.* Основы фразеологии русского языка. – Л.: Наука, 1977. – 283 с.
6. Русская фразеология и фразеография: К 100-летию А.И. Молоткова. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. – 312 с.
7. *Тагиев М.Т.* Глагольная фразеология современного русского языка (Опыт исследования фразеологических единиц по окружению). – Баку: Маариф, 1966. – 251 с.
8. *Третьякова И.Ю.* Окказиональная фразеология. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – 290 с.
9. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Федоров. – М.: АСТРЕЛЬ, 2007. – 878, [2] с.
10. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: АСТРЕЛЬ, 2001 510, [1] с.
11. *Cisse M.Th., Gueye M., Toure M.* Proverbes Wolof (Centre de Linguistique Appliquée de Dakar (CLAD). – Dakar, 1982.

СЛОВА ИСЛАМСКОЙ ТЕМАТИКИ В СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается вопрос о полноте фиксации и качестве лексикографического описания в словарях русского языка слов и сочетаний, связанных с исламской религией и культурой. Такие слова и словосочетания, определяемые в статье как слова исламской тематики, широко употребляются в современной русской речи и в текстах СМИ, однако часто ошибочно и с негативной окраской, что в значительной степени связано с недостаточной работой их в словарях. Анализ качества лексикографического описания таких слов и сочетаний, а также устранение обнаруженных несоответствий даст возможность предотвратить их некорректное употребление в речи и в текстах, адресованных широкому кругу читателей, и будет способствовать укреплению взаимопонимания и толерантности между представителями разных конфессий на территории РФ.

Ключевые слова: русский язык, лексикография, лексика, слова исламской тематики, ислам, исламская культура, язык СМИ.

В последние годы в живой речи и особенно в СМИ наблюдается значительная активизация в употреблении слов и сочетаний, связанных с исламской религией и культурой. Такие слова и словосочетания мы определяем как слова исламской тематики. Круг данных слов (в наших материалах около 400 таких слов и сочетаний) разнообразен с точки зрения формы, содержания и использования в речи. В отношении лексико-грамматических свойств основную часть таких слов составляют существительные (*исламизм, исламист, суннизм, суннит, шиизм, шиит* и др.; всего около 80 %), меньшую часть – прилагательные (*исламский, исламистский, ваххабитский, суннитский* и др.; всего около 10 %), единичными примерами представлены глаголы и наречия (*байрамничать, басурманить, исламизировать, омусульманиться* и др., *по-басурмански, по-мусульмански*). Имеется и несколько словосочетаний: *Аллаху Акбар, иншааллах, машааллах, ас салям-aleyкум, альхамдулиллях, Бисмиллях, Субханаллах* и др.

Большинство слов исламской лексики представляют собой экзотизмы – в русском языке нет к ним эквивалента. Вероятно, поэтому они вошли в русский язык в определенной форме и мало известны носителям русского языка, не исповедующим ислам. С такими словами пользователь может встретиться лишь в исламской и исламоведческой литературе, на различных исламских порталах в Интернете, а также в повседневной речи исповедующих ислам лиц (ср.: *фикх, баракат, дуа, акида, нафс*). Среди слов исламской тематики можно найти и такие, которые деэкзотизировались и являются общеизвестными словами: *ислам, мечеть, минарет* и др. Среди слов исламской тематики выделяется и группа единиц со сниженной стилистической и негативной эмоционально-экспрессивной окраской; сферой функционирования таких слов является, как правило, просторечие и социальные диалекты (ср.: *джихад-повозка, шахид-такси, заматашка, меишкорыло* и т. п.; см. также *басурман, басурманицина*). Часть слов исламской тематики

относится к числу устаревшей лексики (в словарях снабжаются пометой «устар.»), например: *агаряне, сарацины, басурмане, басурманицина, магометане, байрамщики, коранный/кураанный, мечетный, муфтийев, басурманить*. Значительная часть слов исламской тематики имеет варианты формы, например: *рамадан / рамазан, Коран / Куран, ваххабит / ваххабит, суфий / суфист, кафир / кяфир, закят / закят / закят, Мухаммад / Мухаммед / Мохаммед / Магомет* и др. Данное явление можно объяснить тем, что слова исламской тематики попадали в русский язык как со стороны мусульманского Востока, так и со стороны христианского Запада.

С точки зрения выражаемых понятий слова исламской тематики можно распределить по нескольким тематическим группам. Мы выделяем следующие тематические группы: названия видов одежды, принадлежностей и предметов туалета (*абая, бурка, джилъбаб*); термины, связанные с догмами вероучения, канонами, абстрактными категориями (*иман, шахада, баракат*); названия высших существ (*Аллах, джинн, Иблис*); термины, связанные с исламским правом и политикой (*иджма, иджтихад, кияс*); термины, связанные с обрядами, традициями, праздниками (*зикр, намаз, саят*); названия молельных храмов и их частей, мест поклонения и святых мест, паломничество (*мечеть, минарет, Мекка*); названия священных книг и источников вероучения (*Коран, шарият, Сунна*); наименования понятий, связанных с характеристикой действий и поступков (*халяль, харам, мубах*); названия месяцев (*Рамадан, Шавваль, Мухаррам*); наименования духовных лиц, титулов (*улама, аятолла, дервиш*); наименования течений, школ, движений, объединений (*вирд, джадидизм, джамаат*); наименования ислама и приверженцев мусульманской религии (*ислам, магометанство, мусульманин*); имена пророков, выдающихся религиозных деятелей (*Мухаммад, Айша, Хатиджа*); религиозные формулы, приветствия (*Амин, Аллаху Акбар, ас салям-aleyкум*); экономические термины, названия налогов, милостыня (*закят, махр,*

садака); обозначения приверженцев других религий, неверующих, язычников (*кяфир, гяур, зандака*); названия рая и ада, загробного мира (*джанна, джаханнам, сират*); термины, связанные с наукой об исламе (*исламоведение, востоковедение, корановедение*); сленговые номинации, восходящие к словам исламской тематики (*шахид-такси, джихад-повозка, заматашка*).

Как показывают наши материалы (материалом послужили тексты онлайн-изданий газет, различного рода блоги, песни, произведения художественной литературы и анекдоты), слова исламской тематики функционируют во всех сферах языка. Они активно употребляются мусульманами в ежедневном общении, учеными-богословами, исламоведами, писателями и публицистами. Частотность употребления многих таких слов в текстах СМИ является причиной того, что они становятся частью активного словарного запаса широкого круга носителей русского языка. Однако это касается не всех слов исламской тематики. Большая часть исламской лексики и слов исламской тематики известна лишь мусульманам, ученым-богословам и исламоведам. Эта лексика используется лишь на специализированных исламских сайтах и в научной литературе, посвященной вопросам ислама. Такая лексика в мусульманских источниках выполняет обычно функцию образовательную и информационную. На страницах общероссийских СМИ слова исламской тематики и исламская лексика используются иначе и часто ошибочно или тенденциозно. Так, многими авторами исламская лексика используется в таких значениях, которые не соответствуют или даже противоречат догмам ислама. Также стираются различия между определенными понятиями и обозначающими их словами, например *ислам* и *исламизм*, *исламизм* и *исламский фундаментализм* и др. Частым также является использование слов исламской тематики в негативно окрашенных контекстах, в сочетаниях со словами, связанными с терроризмом и экстремизмом, ср.: *исламский терроризм, исламский экстремизм, воины ислама, джихадистский террор, воинствующий ислам* и т. п. В связи с частым обсуждением проблем терроризма в СМИ на основании слов исламской тематики начинают возникать новые слова и сочетания: *джихадизм, шахидизм, хиджабизация, ваххабизация, джихад-мобиль, шахид-такси* и др. Слова исламской тематики часто используются в текстах русских анекдотов, доминирующими темами которых являются терроризм и положение мусульманской женщины, которая часто изображается либо как террористка, либо как бесправное существо, которое безотказно подчиняется своему мужу. Слова исламской тематики могут выступать и в качестве компонентов фразеологических единиц, обычно при варьировании или трансформации компонентов (*бог/аллах знает, страха ради магометанска* и т. п.)

Особенности использования слов исламской тематики в современной русской речи и российских СМИ во многом определяются полнотой и качеством их описания в словарях русского языка, которые ориентированы прежде всего на практическое использование и которые выступают для пользователя как пособие, предоставляющее объективную и точную информацию о форме, значении и правильном употреблении слова в речи. В исследованных нами словарях русского языка обнаружено всего 89 слов исламской тематики; при этом количество зафиксированных слов по словарям сильно отличается. Особое положение среди проанализированных нами словарей занимают три словаря, в которых отражено больше всего слов исламской тематики: это «Словарь иностранных слов и терминов» А.Е. Яновского [10], «Толковый словарь иноязычных слов» под ред. Л.П. Крысина [8] и «Большой толковый словарь русского языка» под ред. А.С. Кузнецова [1]. В других словарях зафиксировано в среднем до 30 слов исламской тематики. Наши данные показывают, что в словарях русского языка не находит отражения большая часть (2/3) слов исламской тематики, использующихся в современной русской речи.

Анализ материалов показал, что слова исламской тематики в словарях русского языка описываются с разной степенью полноты и точности. С этой точки зрения наш материал можно разделить на несколько групп.

К первой группе отнесем слова, которые в словарях описываются с достаточной степенью полноты и точности: *минарет, кадий, Кааба, мечеть, мусульманин, муэдзин, шариат, намаз*. Например:

«**КАДИ**, нескл. м. В мусульманских странах судья, осуществляющий судопроизводство на основе мусульманского права (шариата) [Араб *kadi*]» [5, с. 12]; «**КАДИЙ**, я, м., одуш. и Кадий, нескл., м., одуш. В мусульманских странах: судья, рассматривающий дела на основе шариата» [8, с. 428]; «**МЕЧЕТЬ**, -и, ж Молитвенный дом у мусульман *В темноте видны были очертания крыши саклей и здание мечети с минаретом*. Л. Толстой, Хаджи Мурат. *По вечерам с высоких минаретов их [жителей Татарской слободы] зовут в мечети странные голоса муэдинов*. М. Горький, Мои университеты. [От араб *masqid*]» [5, с. 263]; «**МИНАРЕТ**, -а, м Башня мечети, с которой муэдзины призывают мусульман на молитву *За мавзолеем высоко подымались минареты старинной мечети*. Тихонов, Рассказы о Пакистане. [От араб *manara* – место освещения]» [5, с. 272]; «**МУЭДЗИН**, -а, м Служитель при мечети, возглашающий с минарета часы молитвы *На минарете появился муэдзин, долго выкрикивал нараспев свои призывы к молитве*. Вересаев, За гранью [Араб *muaddin*]» [5, с. 316]; **МУСУЛЬМАНИН**, а, мн. мусульмане, мусульман, м., одуш. Тот, кто исповедует ислам. Мусуль-

манка – женщина-м. Мусульманство – то же, что ислам. Мусульманский – свойственный мусульманам, мусульманству. || Ср. буддист, христианин» [8, с. 661]; «**НАМАЗ**, а, м. У мусульман: совершаемая в определенное время дня молитва, состоящая в чтении отрывков из Корана, которой предшествует омовение. *Совершить н.*» [8, с. 665] и др.

Ко второй разновидности отнесем словарные статьи, в которых слова исламской тематики получают точное толкование, однако иллюстративный материал либо не соответствует в точности определению слова, данного в дефиниции, либо содержит дополнительные оттенки коннотативного характера, которые не находят отражения в описании слова. Например: «**Исла́м**, а, м. Рел. Одна из самых массовых религий мира, исповедующая единого Бога – Аллаха и признающая основателя этой религии пророка Мухаммеда его посланником на земле; мусульманство. *Я очень боюсь мусульманского экстремизма. Хотя в самом исламе нет ничего антигуманного, предосудительного. Как и все мировые религии, это собрание прекрасных этических норм поведения человека, но в злых руках, при нерешенности многих экономических проблем, при безграмотности огромных человеческих масс, мусульманский, впрочем, как и любой другой экстремизм, может принести огромные бедствия.* МН, 07.12.99 – 13.12.99. *Ислам – это религия от мира сего, наряду с почитанием Бога она твердо фиксирует весь общественный порядок, давая возможность наиболее воинствующим элементам пытаться силой установить его, используя законы VII века.* РМ, 06.01.00 – 12.01.00. *На минувшее десятилетие, по общему признанию, пришлось возрождение ислама в России. Точнее, после крушения советской власти оживились все конфессии, но, пожалуй, именно исламу в наибольшей степени удалось восстановить свои позиции среди традиционно мусульманских народов.* ЕЖ, 2003, № 64. *Сейчас много говорится о все возрастающей роли ислама в Европе, но мало внимания уделяется тому вкладу, который может внести православное христианство в формирование европейской цивилизационно-культурной идентичности.* Церковный вестник, 2004, № 24» [9, с. 426] «**Джихад**, а, м. [араб., букв. рвание, усердие] 1. В исламе: внутреннее самоусовершенствование на пути к Аллаху как одна из главных обязанностей мусульман. *Исламский терроризм угрожает не только Америке, но подлинному джихаду.* ТВ, 09.11.02. 2. «*Священная война*», война, ведущаяся мусульманина в защиту своей веры, против неверцев. *Формы джихада. Война против угнетателей и оккупантов может рассматриваться как джихад. После того как общая истерика немного спала, появилось несколько научных статей, где внятно, без истерии объяснялось, что Коран пишет о джихаде именно как о военном*

действии. Понятие о духовном джихаде возникло как инновация, придуманная суфийскими мистиками несколько столетий спустя. Сейчас в прессе слово «джихад» используется без экивоков – именно в значении «священной войны». Консерватор, 14.03.03. *Исламское центральное духовное управление мусульман Святой Руси объявило джихад США. Верховный муфтий России Талгат Таджуддин подчеркнул, что российские мусульмане официально объявляют джихад иностранной державе второй раз за всю историю государства. Впервые это произошло в 1941 году – тогда джихад был объявлен Германии.* ЧР, 04.04.03. *Прокуратура усмотрела в объявлении российского джихада США разжигание религиозной розни, что противоречит российской Конституции.* Ставропольская правда, 05.04.03» [9, с. 396]; «**Корань (Курань)**, м. Коран, священная книга мусульман. *Проклятые книги его (Магомета), корань зовомыи, прехваляет божественное... евангелие.* М. Гр. I, 75. XVI–XVII вв. ~ XVI в. *Коран нарицается бесерменского скверного закона книга.* Алф., 121 об. XVII в. (1564): *Девлет-Кри... правду на куране учинили на то, что было ему со царем и великим князем быти вкрепкой дружбе.* Алекс. Нев. Лет., 337. – Ср. алкорань» [6, с. 305]. Обратим внимание на то, что в иллюстративном материале к слову *ислам* приводятся цитаты, характеризующие ислам с негативной окраской (говорится о мусульманском экстремизме). В описании слова *джихад* хотя и разграничиваются два его значения – священная война и внутреннее усердие человека, – в иллюстративном материале приводится следующее: *После того как общая истерика немного спала, появилось несколько научных статей, где внятно, без истерии объяснялось, что Коран пишет о джихаде именно как о военном действии. Понятие о духовном джихаде возникло как инновация, придуманная суфийскими мистиками несколько столетий спустя.* Такая иллюстрация de facto исключает второе значение. Подобные цитаты, по нашему мнению, не должны включаться в иллюстративные материалы словарных статей изданий нормативного типа. Они могут быть уместны только в словарях ненормативных, регистрирующих, описательного типа, ср. иллюстративный материал к слову *Коран* из «Словаря русского языка XI–XVII вв.», где также приведены негативно окрашенные контексты.

К следующей разновидности отнесем словарные статьи, в которых содержатся определенные неточности и ошибки. Например: «**БАЙРА́М**, а, м. У мусульман: состоящий из двух частей праздник, первая часть которого (трехдневный малый б.) начинается непосредственно после Рамазана, а вторая (трехдневный большой б.) – через семь дней после первой» [8, с. 158]; «**Байра́мь, Бейра́мь**, перс, тур. Два мусульманск. праздника, один из которых Большой (трехдневный) справляется

после Рамадана, а другой Малый (двухдневный) спустя 70 дней после большого» [10, с. 131]; «**Рамазань**, тур. иначе рамаданъ, курбанъ-байрамъ, 9-й месяц года магометанъ, 29-дневный постъ» [10, с. 606]; «**РАМАЗАН, РАМАДАН**, а, м. 1. Девятый месяц мусульманского лунного календаря. 2. Сорокадневный строгий пост у мусульман» [8, с. 833]. Ошибки и неточности в такого рода словарных описаниях связаны с отсутствием у составителей достаточных сведений и знаний об объекте наименования. Так, в некоторых словарных статьях указывается, что Курбан-байрам празднуется спустя то 7, то 70 дней после Ураза-байрама (правильно 70 дней); в некоторых описаниях курбан-байрам (праздник) отождествляется с Рамаданом (месяцем поста); иногда утверждается, что пост длится 40 дней (мусульманский пост длится не более 29 дней).

Неточностью является и отождествление (синонимия) слов *газават* и *джихад*, Ср.: «**ГАЗАВАТ**, а, мн. нет, м. У мусульман: предписания Кораном священная война против неверных, т. е. немусульман; то же, что джихад» [8, с. 242] и «**ДЖИХАД**, а, мн. нет, м. То же, что газават» [8, с. 339]. В словарях слова *газават* и *джихад* определяются как священная война мусульман с неверными и рассматриваются как синонимы. Однако *газават* имеет в исламе лишь значение 'священная война', а слово *джихад* имеет значения 'священная война против неверных' и 'внутренняя борьба человека со своими пороками'. Как правило, вооруженную борьбу мусульман с неверными принято обозначать сочетанием *малый джихад*, внутреннее усердие – *большой джихад*. Поэтому утверждение, что *джихад* – это то же, что и *газават*, является неверным.

Укажем также на словарные статьи, в которых слова исламской тематики получают неправильное толкование и даются неправильные сведения о содержательной стороне слова. Например, праздник Байрам отождествлен с мусульманским постом в следующем описании: «**Байрамъ**, а, с. м. Магометанский постъ» [7, с. 41].

Особо следует выделить словарные статьи, в которых ясно видна идеологизированность подхода составителей к описанию слова. В таких словарных статьях отчетливо ощущается предубежденное и явно негативное отношение к исламу, ср.: «**ИСЛАМ** [**ар. Islam покорность**] – религия, основанная, по арабским преданиям, пророком Мухаммедом (Магометом) в 7 в. и изложенная в коране; и. возник в Аравии в период перехода к феодальному обществу; как и всякая другая религия, и. является орудием в руках эксплуататорских классов и требует от верующих покорности своим угнетателям; получил большое распространение в Азии и Сев. Африке; иначе – мусульманство, магометанство» [4, с. 287]; «**ЧАДРА** – верхняя одежда женщин мусульманского Востока, состоящая из

покрывала во весь рост, которое закрывает голову и лицо, оставляя лишь незначительные отверстия для глаз. Обычай носить чадру, связанный с закрепощением и бесправием восточной женщины, изжит у народов СССР» [4, с. 779]; «**Коран** [**ар. Qur'an чтение**] – рел. «священная книга ислама, сборник разнообразных легенд и мифов; содержит изложение веры, правила нравственности, а также бытовые и юридические нормы, легшие в основу писаного мусульманского права (шариата). К. используется господствующими эксплуататорскими классами в зарубежных странах Ближнего и Среднего Востока как орудие духовного порабощения трудящихся» [4, с. 366].

Ошибки в описании слов исламской тематики часто связаны и с использованием составителями словарей «христианской» лексики для объяснения реалий и понятий исламской религии и культуры. Так, например, в исламе отсутствует институт монашества, потому что ислам институт монашества не одобряет, так как считается, что каждый человек имеет право приобрести счастье в семье, а в словарях находим следующие определения: «**Дервишь**, перс. Мусульманский нищенствующий монах» [10, с. 313]; «**Дервиш** [дэ], а, м., одуш. Нищенствующий мусульманский монах; то же, что марабут. || Ср. факир 1» [8, с. 331]; «**ДЕРВИШ** м. мусульманский нищенствующий монах [2, с. 429]. См. также: «**КОРА'Н** [ар. qur'an чтение] – главная священная книга ислама, собрание проповедей, религиозно-догматических, правовых текстов, обрядовых установлений, молитв и др.» [3, с. 253].

Многие слова исламской тематики требуют более точного и полного толкования, см., например: *суфизм, тарикат, дервиш, Сунна, хадис* и др.

Исследование описания слов исламской тематики в словарях русского языка приводит нас к мнению о том, что такие слова фиксируются и описываются весьма избирательно; при этом совсем не учитывается важность степени полноты и точности описания таких слов для лиц, исповедующих ислам, и для тех, кто с ними общается. Поэтому в словарях русского языка отсутствует множество слов, характеризующих религиозную практику мусульман РФ и распространенных в живой речи. Поэтому считаем необходимым фиксировать в словарях русского языка и дать качественное лексикографическое описание слов, имеющих хождение в ряде регионов России и важных для лиц, считающих себя причастными к исламу. К числу таких слов следует отнести: *мазхаб, халяль, харам, зикр, тарика, накшабандия, кадирия, хиджаб, никаб, фикх, никах, джадидизм, салафия, ифтар, сухур, мюршид, муджтахид* и др.

Необходимым условием, обеспечивающим полноту и качество описания слов исламской тематики в словарях русского языка, является их специальное изучение. Разнообразие таких слов с точки

зрения их формы, значения, происхождения, сферы употребления и других свойств указывает на необходимость их всесторонней и комплексной характеристики. Грамотное описание слов исламской тематики в словарях русского языка разных типов позволит отразить специфику ислама и исламской культуры и поможет лучше понять материальную и духовную сферы жизни мусульман. Это будет способствовать укреплению взаимопонимания и дружбы между представителями разных религиозных и культурных групп, исторически связанных с Россией и русским народом.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. А.С. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
2. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – СПб., 1880. – 736 с.
3. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний / под ред. Е.Н. Захаренко, Л.Н. Комарова, И.В. Нечаева. – М.: Азбуковник, 2003. – 783 с.
4. Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина, Ф.Н. Петрова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1954. – 853 с.
5. Словарь русского языка. Т. 2 / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1986. – 736 с.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. – М.: Наука, 1980. – 403 с.
7. Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. 1. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1847. – 415 с.
8. Толковый словарь иноязычных слов / под ред. Л.П. Крысина. – М.: Русский язык, 2000. – 856 с.
9. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складчиковской. – М.: Эксмо, 2006. – 1136 с.
10. *Яновский А.Е.* Словарь иностранных слов и научных терминов. – СПб., 1905. – 782 с.

ВЛИЯНИЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА УСВОЕНИЕ НЕРОДНОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена социолингвистическим факторам, влияющим на процесс усвоения неродного языка русскими и мексиканскими билингвами. Рассматриваются такие факторы, как условия изучения языка и условия его использования. Обсуждается возраст начала изучения второго языка и особенности детского билингвизма. Приведены точки зрения отечественных и зарубежных учёных на критерии, определяющие языковое поведение билингвов. Уделено внимание понятиям основной, второй и иностранный язык.

Представлены результаты анкетирования русских и мексиканских студентов, изучающих английский язык в условиях разного языкового окружения. Обсуждаются такие факторы, относящиеся к условиям изучения языка, как степень языковой компетенции преподавателей и функциональная нагрузка английского языка (его использование). Определены общие характеристики двух групп информантов с учётом следующих параметров: начало обучения английскому языку в школе, сходный изучаемый материал и одинаковое еженедельное количество часов английского языка в университете, а также отсутствие фонетической подготовки. Сопоставление результатов эксперимента и данных анкет позволяют сделать вывод о влиянии такого фактора, как языковое окружение, на усвоение информантами акцентной структуры английской фразы.

Ключевые слова: билингвизм, метод анкетирования, условия изучения неродного языка, акцентная структура фразы.

Процесс усвоения неродного языка подвержен влиянию многих факторов. Изучение их воздействия на проявление в речи билингва межъязыковой интерференции представляется важной и актуальной для обсуждения и исследования задачей.

У. Вайнрайх считал, что тенденция к интерференции преодолевается как автоматическими, так и сознательными усилиями [2, с. 26]. Среди личных языковых характеристик исследователь выделял не только врождённые языковые способности, но и разные уровни владения языком, а также разные методики обучения, рассчитанные на подавление интерференции или не учитывающие потенциальное взаимовлияние языков.

Описывая основные критерии, определяющие языковое поведение билингвов и функционирование языка в обществе, учёные пишут о способе освоения языка, включающего условия изучения языка и условия его использования.

Изучение языка может проходить как в условиях естественного окружения, так и в ситуации аудиторного билингвизма. Естественный билингвизм «возникает без целенаправленного формирования навыков и умений иноязычной речи» [4, с. 31], так называемое живое усвоение второго языка, в отличие от преднамеренного выучивания [1, с. 13]. При этом место такого усвоения может быть разным – один язык может «изучаться исключительно дома, а другой исключительно вне дома» [7, с. 244].

Понятия «первый», «основной» и «родной» язык часто выступают в роли синонимов. Они отражают условия функционирования языка и определяются такими критериями, как порядок изучения, совершенство владения, начало освоения и некоторыми другими. Как правило, основной язык функционально превалирует, и билингв вла-

деет им в лучшей степени, усвоив его в детстве. По У. Вайнрайху, основной язык, в отличие от второго, характеризуется значимостью в общественном продвижении [2].

Порядок овладения двумя и более языками может быть как одновременным, так и последовательным. В литературе по вопросам билингвизма описаны разные типы двуязычия: ранний, подростковый, юношеский, а также ранний синхронный, последовательный (с усвоением второго языка до 10 лет), подростковый и взрослый [6, с. 27].

Большинство учёных разделяют точку зрения об усвоении структур родного языка к 11–12 годам, причём «языковой репертуар индивида во многом определяется средой первых 10–12 лет жизни, но при этом не зависит от места рождения и жительства во младенчестве» [1].

Что касается возраста, наиболее благоприятного для изучения другого языка, существуют мнения, что это возраст до 9–12 лет [9]. Е.Ю. Протасова выделяет следующие важные периоды: возраст до трёх лет, после трёх лет (первичное и вторичное овладение) и после 16 лет (только усвоение второго языка). Степень детского билингвизма, по мнению автора, во многом зависит от того, на каком языке билингв коммуницирует со сверстниками [5]. Нельзя не отметить и такой важный фактор, как срок пребывания в стране изучаемого языка. С. Силва-Корвалан пишет о пяти годах как о минимальном сроке, необходимом для развития билингвизма [11].

Два языка используются билингвами в разных целях и находятся, как правило, в отношениях функциональной дополнителности: «переключение» с основного языка на второй определяется коммуникативной ситуацией. Быстро переключать коды способны те, кто владеет вторым языком на

высоком уровне. Эмоциональное состояние коммуникантов также причисляют к факторам, от которых зависит быстрота переключения с одного языка на другой.

Т. Писке, Я. Маккей и Дж. Фледж в своей работе [10] приводят результаты изучения факторов, которые определяют степень языкового взаимодействия. Рассматривая такие характеристики, как возраст начала изучения, функциональную нагрузку родного и второго языков, время нахождения билингва в стране изучаемого языка, мотивацию к его освоению и языковые способности, исследователи приходят к выводу, что возраст билингва и частота использования им родного языка существенно влияют на присутствие в его речи иноязычного акцента. Значение других исследованных факторов, по мнению учёных, требует дальнейшего изучения и остаётся неясным.

Перечисленные факторы послужили основой для составления вопросов анкеты, предложенной русским и мексиканским билингвам, изучающим английский язык. Результаты анкетирования могут способствовать выявлению влияния упомянутых факторов на степень проявления интерференции на уровне акцентной структуры английской фразы. Русские испытуемые являются студентами направления «Мировая экономика» Уральского экономического государственного университета. Мексиканские участники эксперимента обучаются на неязыковых специальностях в Техасском университете в г. Эль Пасо, США.

В качестве одного из критериев для сопоставления групп русских и мексиканских информантов учитывался уровень их языковой компетенции. В анкетировании приняли участие две группы испытуемых – 30 студентов-мексиканцев и 30 русских студентов. Мексиканцев нельзя отнести ни к группе искусственных, ни к группе естественных билингвов. Хотя мексиканские студенты обучаются в американском университете, они находятся в среде как носителей английского языка, так и в испаноязычной среде, поскольку мексиканцы составляют значительную часть населения в г. Эль Пасо.

Русские информанты в процессе изучения английского языка находятся вне контакта с английской языковой средой.

Условия изучения английского языка у мексиканских и русских испытуемых различны: русские студенты лишены общения с носителями языка и осваивают его в условиях аудиторного билингвизма с русскими преподавателями, тогда как мексиканцы изучают английский язык под руководством либо носителей американского варианта английского языка, либо испаноязычных преподавателей, проживающих в Эль Пасо и свободно владеющих английским.

Анализ использования испытуемыми английского языка позволяет говорить о том, что ни для

мексиканских, ни для русских студентов английский язык не является ни родным, ни первым, ни доминирующим. Вместе с тем разница в использовании английского языка между двумя группами испытуемых есть, и она является довольно существенной. Для мексиканцев английский язык является вторым, а для русских – иностранным (напомним, что мексиканцы вынуждены использовать его в целях коммуникации наряду с первым в повседневном общении). И русские, и испаноязычные испытуемые осваивают английский язык с подросткового возраста.

Если русскоязычные студенты, по данным анкеты, общаются на английском языке в учебной аудитории, мексиканцы говорят на нём как в учебной среде, так и вне её, хотя испанский язык используется ими чаще. Вместе с тем мексиканские и русские студенты демонстрируют и общие признаки, например, как уже упоминалось выше, почти все испытуемые начали изучать английский язык в подростковом возрасте. Кроме того, можно отметить фонетическую неподготовленность всех участников эксперимента, а также совпадение по количеству часов английского языка в неделю.

Интересны данные, характеризующие использование испаноговорящими студентами двух языков в реальных коммуникативных ситуациях. Переключение кодов обусловлено прежде всего потребностями адресата. Важную роль играет и сфера общения: испанский язык используется мексиканцами для взаимодействия с семьёй, тогда как университетская среда требует от них способности общаться на двух языках.

При составлении социолингвистических «портретов» мексиканских студентов были учтены данные по их языковым предпочтениям как в бытовом, так и в официальном контексте, по выбору того или другого языка в ситуациях возможного общения как на английском, так и на испанском, функциональной нагрузке двух языков в течение дня.

Сопоставление данных, полученных путём анкетирования, с результатами эксперимента по исследованию нарушений акцентной структуры английской фразы, позволяет сделать следующие выводы.

Ошибки и русских, и мексиканских информантов состоят в смещении главного фразового акцента на конечный фразовый элемент, например:

– What's the problem?

ЭВ (эталонный вариант) – The brakes have broken.

ОВ (ошибочный вариант)– The brakes have broken.

Или:

– I am so tired.

ЭВ – Can I get you anything?

ОВ – Can I get you anything?

Лишь в реализации двух типов фраз между мексиканскими и русскими испытуемыми нет совпа-

дений. Для информантов-мексиканцев устойчивые ошибки зафиксированы в чтении предложений с инфинитивным оборотом, например:

– How is the homework going?

ЭВ – I've got an article to write.

ОВ – I've got an article to write.

Для русских информантов наибольшую трудность представляют фразы с главноударными служебными частями речи в финальной позиции:

– The lecture is on economics, isn't it?

ЭВ – Yes, it's on it.

ОВ – Yes, it's on it.

В последнем случае, скорее всего, проявляется влияние русского языка: предлог очень редко (практически только при контрасте или подчеркивании) выступает в роли интонационного центра в русской фразе. Акцентное выделение служебных слов в английской речи русских является проблемной зоной и требует особого внимания при обучении.

Русские испытуемые трёх групп показывают похожие результаты и равное количество отклонений от нормативных позиций фразового ударения.

Данные по трём подгруппам мексиканских студентов иные. Слабое владение навыком выбора позиции фразового акцента демонстрируют испаноязычные дикторы, входящие в подгруппу владеющих английским языком на среднем уровне (самом низком в условиях проведения эксперимента). Было зафиксировано резкое увеличение количества правильных результатов в чтении мексиканских испытуемых с более высоким уровнем языковой компетенции – выше среднего и продвинутом. Их количество значительно превышает количество правильных реализаций в чтении русских дикторов с таким же уровнем владения английским языком.

При интерпретации полученных данных необходимо учитывать тот факт, что различия в позиции фразового ударения в паре языков английский – испанский являются значительными, тогда как русский и английский языки демонстрируют много общих черт в этой области.

Обобщение результатов эксперимента и данных анкетирования позволяет говорить о том, что

на владение навыком интонирования неродной речи оказывают влияние не только лингвистические факторы (сходства и различия в акцентной структуре фразы в рассматриваемых языках), но и такой важный фактор, как условия изучения английского языка, в том числе языковое окружение. Межъязыковые различия могут быть успешно преодолены, если овладение иностранным (вторым) языком происходит в условиях тесного языкового контакта с его носителями.

Библиографический список

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социалингвистика. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 439 с.

Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // За рубежом лингвистика. Вып. 3. – М.: Прогресс, 1999. – С. 7–42.

Виноградов В.А. Лингвистические аспекты обучения языку // К проблеме иностранного акцента в фонетике. – М., 1976. – Вып. 2. – С. 28–56.

Вишневская Г.М. Литературно-художественный билингвизм. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2011. – 224 с.

Протасова Е.Ю. Многоязычие в детском возрасте. – СПб.: Златоуст, 2005. – 272 с.

Hammers J., Blanc M. Bilingualism and bilingualism. – Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1989. – 26 p.

Lambert W.E., Havelka J., Crosby C. The influence of language-acquisition contexts on bilingualism // The Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1958. – Vol. 56, no. 2. – P. 239–244.

Lenneberg E. Biological Foundations of Language. – New York: Wiley, 1967. – 489 p.

Penfield W., Roberts L. Speech and Brain Mechanisms. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1959. – 302 p.

Piske T., MacKay I.R.A., Flege J.E. Factors affecting degree of foreign accent in an L2: a review // Journal of Phonetics. – 2001. – Vol. 29. – P. 191–215.

Silva-Corvalán C. A discourse study of some aspects of word order in the Spanish spoken by Mexican-Americans in West Los Angeles: unpublished M. A. thesis. – Los Angeles, 1977. – 190 p.

Иванов Дмитрий Игоревич

профессор Гуандунского университета международных исследований, г. Гуанчжоу, Китай
кандидат филологических наук, доцент,
Ивановский государственный университет
Ivan610@yandex.ru

СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ НАЗВАНИЯ РОК-ГРУППЫ В СТРУКТУРЕ ВЕРБАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА СИНТЕТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В рамках авторской концепции синтетической языковой личности (СЯЛ), структуру которой выстраивает когнитивно-прагматическая программа (КПП), рассматривается ключевая единица вербального компонента СЯЛ в рок-культуре – название рок-группы. Оно понимается как абстрактный концептуальный код, имеющий несколько уровней конкретизации, поскольку соотносимо как со всем синтетическим текстом рока, так и с его фрагментами. Как правило, название рок-группы концептуально воплощает тематику и проблематику ее творчества. Название одновременно реализует когнитивно-прагматические установки лидера и всего коллектива и обозначает специфику самого рок-текста. Как своеобразное «коллективное имя» название обладает мощным функциональным и смысловым потенциалом.

Ключевые слова: синтетическая языковая личность, когнитивно-прагматическая программа, логоцентрическая модель, вербальный концептуальный код, «коллективное имя».

Теория синтетической языковой личности – исходно лингвокультурологическая, но по сути метадисциплинарная концепция, акцентирующая, в частности, те научные проблемы, которые не получали приемлемого разрешения в рамках классического литературоведения [см.: 5–6, 8–10]. Прежде всего это относится к нестандартной дискурсивной ситуации *автор – текст – реципиент* (а именно, когда в процессе понимания/интерпретации неизбежен явный выход за пределы «бумажного» текста). В высшей степени показательным научным объектом здесь является отечественная рок-культура, при обращении к которой исследователь часто ощущает как неизбежность филологизма (в силу особого статуса слова в русском роке), так и недостаточность привычных методик анализа. С какой бы стороны мы ни подходили к рок-тексту – собственно-литературной, лингвистической, коммуникативной, социокультурной, культурологической и т. п. – очевидным фактом является его синтетичность, требующая учитывать одновременно все эти стороны и рассматривать его как многокомпонентное единство, целостность которого обеспечивается *изначальными внутренними структурными принципами*. Авторская концепция синтетической языковой личности (СЯЛ) и есть теория, обеспечивающая именно такой способ анализа. Структура СЯЛ в рок-тексте включает в себя различные компоненты (вербальный, артикуляционный, музыкальный, имиджевый) и уровни (вербально-семиотический, когнитивно-прагматический, ассоциативно-интерпретационный); эту структуру выстраивает единая когнитивно-прагматическая программа (КПП) – целостная динамическая система когнитивно-прагматических установок представителей рок-коллектива. Поэтому в зависимости от того, какой компонент актуализируется в анализе, метадисциплинарная теория обладает

способностью органично работать в смежных дисциплинарных областях. Так, анализ вербального компонента СЯЛ, возникшего на базе вербального субтекста рок-произведения, можно отнести к зоне «расширенного литературоведения» (расширенного в силу неизбежности дискурсивного характера синтетического рок-текста). В данной статье мы обращаемся к названию рок-группы как ключевому элементу вербального компонента СЯЛ рок-музыканта (в рамках логоцентрической модели СЯЛ, характеризующейся системной идеоцентричностью, устойчивостью, ориентацией рок-поэта на классические идеалы и модели пророка, героя, шамана и т. п. [см.: 7]).

Название рок-группы мы рассматриваем как абстрактный концептуальный код, который имеет несколько уровней конкретизации, а именно: 1) названия рок-альбомов определенной группы; 2) названия рок-композиций; 3) основные тексты рок-композиций; 4) системы текстов, объединённых в рамках рок-альбомов. Особое положение названий как вербальных единиц обусловлено тем, что они «одинаково соотносятся как со всем синтетическим текстом, так и с его отдельными частями – песнями, альбомами и т. д.» [17, с. 35]. В результате названия рок-групп наделяются смыслопорождающими особенностями, так как они способны обогащать, конкретизировать и уточнять содержание «всех текстуальных уровней: начиная от конкретной песни и заканчивая циклом» [2, с. 175].

Однако до сих пор эти вербальные единицы остаются малоизученными. О.А. Горбачев замечает: «Исследователей, занимающихся этой проблемой, останавливает прежде всего “окололитературная” природа явления, требующая особого подхода к материалу» [3, с. 85]. Подобную точку зрения высказывает К.М. Рыжова: «Подобрать аналогии такому явлению в художественной литературе довольно сложно. Название группы нельзя просто

соотнести с определенной категорией или понятием, например с заглавием текста; только синтез различных понятий может помочь описать и осмыслить это явление» [17, с. 33].

Первые попытки комплексного анализа названий рок-групп показали, что, во-первых, их нельзя рассматривать только как аналоги заглавия конкретного текста или литературного цикла (рок-альбома), так как «название группы функционально не соответствует полностью заглавию текста. Некоторые функции заглавия (номинативная, информативная, разделительная, экспрессивно-апеллятивная, рекламная характерны для него в той же мере, другие представлены более широко или менее значительно... То есть название группы не является простым аналогом заглавия текста» [17, с. 37].

Устойчивые, получившие определенный статус в культуре названия рок-групп подобно *имени* обладают «символически-смысловой энергией» [13, с. 163], то есть вступают в особые отношения с именами лидера рок-группы и всего рок-коллектива в целом, становятся общим вымышленным наименованием. Однако сводить функциональные особенности названий рок-групп исключительно к замещению имени рок-поэта не совсем верно. Скорее, в данном контексте речь «должна идти о некоем сплаве некоторых аспектов заглавия и имени» [3, с. 86].

В-третьих, названия рок-групп традиционно рассматриваются как двуплановое явление, «существующее сразу в двух пространствах – текстовом и внетекстовом» [3, с. 40]. С одной стороны, название группы может быть введено в структуру вербального компонента, причем в любую его зону (название альбома, название композиции, основной текст) либо на уровне мотива, либо прямо, без изменений [см.: 4, с. 209–213], с другой – взаимодействует с внетекстовой действительностью. Приведем несколько примеров, в которых содержание названия рок-группы отражается в названии композиций: группа «Кино» – песня «Фильмы», группа «Зоопарк» – песня «Жизнь в зоопарке», группа «Наутилус Помпилиус» – песня «Титаник» и т. д.

Опираясь на тезис о взаимодействии названий рок-групп с внетекстовой реальностью, в основе которого лежит типология внеположных явлений, определяющих происхождение заглавий литературного текста [1], О.А. Горбачев предложил подобным образом классифицировать названия рок-групп: «В русском роке есть группы, получившие свое название в силу *бытовых* или *биографических* фактов (“I.F.K.” или “Ночные снайперы”); *географических реалий* (“Санкт-Петербург”, “Ленинград”); “*чуждого слова*” (“Агата Кристи”, “Уматурман”, “Зимовье Зверей”); *жанрово-родовой памяти* (“Рок-группа”, “Новый Композиторы”, “Союз любителей музыки рок”) и т. д.» [3, с. 87].

Поскольку речь зашла о способах и принципах классификации названий рок-групп, то необходимо отметить, что в настоящее время разработано ещё две подобных классификации. В основе первой, пятичленной, лежит этимологический принцип, в основе второй – принцип отбора и использования тех или иных средств параграфематики для создания названия рок-групп [см. 3]. Уже сама акцентировка той или иной комбинации лексем, того или иного способа написания, формирующих логотип группы, показывают повышенную значимость названия как одного из ключевых элементов вербального компонента СЯЛ.

В контексте изучения СЯЛ рок-музыканта в пространстве «классического» рок-дискурса название рок-группы мы рассматриваем как абстрактный вербальный концептуальный код (когнитивный шифр), в котором в предельно сжатой форме фиксируется и отражается когнитивно-прагматическая программа (КПП) моделирования СЯЛ определенного рок-поэта (рок-группы).

Качественные особенности и специфика эволюции этой КПП, в рамках которой под воздействием определенных факторов формируется система когнитивно-прагматических установок и в целом мировоззрение личности, во многом определяют основные особенности и механизмы трансформации как творческой инкарнации личности, так и личности реального человека-творца. Возможность подобного отождествления творческой и реальной инкарнаций личности обусловлена тем, что пространство «классического» рок-дискурса предельно мифологизировано (жизнь и творчество неразрывно связаны и синтезированы в понятиях «текст жизни» и «текст смерти»).

Теперь необходимо рассмотреть несколько частных положений, доказывающих эффективность и корректность данного подхода.

При разработке (подборе) оригинального названия рок-группы в рамках логоцентрической модели СЯЛ представители русского рока сознательно уходят от случайного выбора, то есть стремятся в полной мере реализовать потенциал экспрессивно-апеллятивной функции названия рок-коллектива как особой разновидности заглавия. В. Цой в интервью 1989 года прямо говорит о том, что название рок-группы должно «подходить», соотноситься не только с имиджем рок-музыканта, но и тематикой и проблематикой творчества. Причем это условие должно быть обязательным [18].

В результате название рок-группы должно не только именовать сам текст творчества, авторов-исполнителей этого текста, «выделять весь творческий материал, созданный группой, из пространства рок-культуры определенной эпохи» [17, с. 34], но и, в первую очередь, должно: а) соответствовать жизненным и творческим идеалам личности рок-

поэта; б) отражать общую тематику и проблематику творчества; в) четко соотноситься с основными когнитивно-прагматическими установками личности; г) настраивать сознание слушателя-зрителя на адекватное восприятие музыкально-поэтического материала.

В. Марочкин, размышляя о принципах разработки названия рок-групп, обращает внимание на эту же особенность: «В названиях групп 1960-х очень ярко проявилось русское национальное самосознание: “Скифы”, “Славяне”, “Скоморохи”, “Четыре витязя”, “Московиты”, “Садко”, “Гусляры”... А уже в 1970-е питерские рокеры выделили себя в отдельную среду, перенесли игру на собственное поле... Симптоматично в этом смысле название культовой питерской группы “Аквариум”: вроде бы все видно, все прозрачно, да и внутри стекла среда иная, не для всех... Тот же контекст и у других питерских групп “поколения дворников и сторожей” – “Кино”, “Зоопарк”, “Странные игры”, “Телевизор” и т. д.» [14, с. 94].

В этом смысле достаточно интересной представляется история создания названия питерской рок-группы «Зоопарк» М. Науменко. С уверенностью можно говорить о том, что появление именно этого названия нельзя считать случайным, хотя сам Майк об этом прямо не говорит. Принципиальный момент: тема «зоопарка» неоднократно возникает в текстах песен М. Науменко. Здесь достаточно вспомнить такие композиции, как «Жизнь в зоопарке» («Мне кажется, что я скоро возьму и сойду с ума. / Солнце печет, и становится очень жарко. / И кем бы ты ни был, я очень прошу тебя – постой, не уходи, / Давай убежим из этого зоопарка»); «Посвящение Татьяне» («Нарисуй мне картинку, / И раскрась ее ярко, / Нарисуй мне, что я / Убежал, / Убежал, / Убежал, / Из зоопарка...») [16, с. 19–21].

Кроме того, уже в самом начале творческого пути М. Науменко называл свою музыку «зоопарковой». Важно, что понятие «зоопарковая музыка» появилось в сознании М. Науменко намного раньше, чем название группы, что, несомненно, указывает на особое концептуальное значение этого образа в КПП рок-музыканта, что впоследствии отразилось в названии группы. Скорее всего, возникновение этого образа связано с особым мироощущением Майка, его стремлением к внешней и внутренней свободе: «В это время он чрезвычайно остро и как-то болезненно ощущал себя несвободным; чувствовал себя как бы загнанным в клетку, из которой ему страстно хотелось вырваться. А клеткой для него были и запреты на книги, и гонения на музыку, и учеба в институте, и рутинная работа, и даже устои родного дома. Отсюда возник образ зоопарка, отсюда и название группы» [15, с. 39].

Можно предположить, что именно в это время на базе тотального ощущения несвободы начинается формироваться особая когнитивно-прагматиче-

ская программа СЯЛ М. Науменко – «Звезда рок-н-ролла, существующая в советском “зоопарковом” пространстве». Интересно то, что на протяжении жизненного и творческого пути КПП СЯЛ М. Науменко, точнее некоторые когнитивные установки этой программы, развиваются и трансформируются. Это приводит к ее расширению, модернизации, но не разрушает ее целостность и не делает менее актуальной. Всё это закономерно проявляется в его творчестве: «Вначале зоопарк – воплощение несвободы (первый вариант КПП. – Д. Иванов). Единственное, что может сделать герой, чтобы сохранить себя как личность, – убежать... Затем наступает второй этап: тема зоопарка на вербальном уровне уходит из стихов, но звучит в названии созданной группы. Можно было бы расширить его “Зоопарк в миниатюре”. В корне изменилась установка героя: его предназначение не бежать из “зоопарка”, от реальности, но жить в нем, потому что весь мир – зоопарк с прутьями (запретами, нормами) и диковинными индивидуумами, среди которых даже интересно находиться, о которых интересно писать, которых (в том числе себя) интересно наблюдать (второй вариант КПП. – Д. Иванов)... “Оставшись”, он (Майк Науменко. – Д. Иванов) постарался показать жизнь в “зоопарке” такой, какая она есть, и сделать это по возможности легко, без надрыва, пафоса, дидактики» [11, с. 132].

Итак, мы видим, что при разработке названия группы «Зоопарк» М. Науменко осознанно закладывает в его содержание комплекс личностных когнитивно-прагматических установок, которые впоследствии были реализованы как в творчестве, так и в жизни.

Отметим, что в культуре русского рока есть обратные случаи, когда как будто бы случайно (спонтанно) возникшее название рок-группы во многом определяет весь жизненный и творческий путь рок-поэта, приобретая свойства КПП, но уже после смерти музыканта. Нечто подобное произошло с названием группы «КИНО», лидером которой был В. Цой. Действительно, если опираться на воспоминания А. Рыбина (первого гитариста группы), то может возникнуть ощущение, что название группы возникло случайно (само собой) и не может рассматриваться как когнитивно-прагматический код. А. Рыбин вспоминает: «Мы шли по Московскому, лил дождь... “Да-а-а... Вот проблема, – сказал Витька, – название не придумать. Что мы там насочиняли?” Перед нами на крыше одного из домов, стоявшего метрах в пятидесяти от метро, горела красная надпись – “КИНО”. “Кино – говорили?” – спросил меня Витька. “Да говорили, говорили, ещё когда сюда шли”. – “Слушай, пусть будет «Кино» – чего мы головы ломаем? Какая в принципе разница? А слово хорошее – всего четыре буквы, можно красиво написать, на обложке альбома нарисовать что-нибудь”. – “Ну давай... Не хуже

во всяком случае, чем «Аквариум». «Кино»» [19, с. 69]. Однако если рассматривать название группы в контексте «текста жизни» и «текста смерти» В. Цоя (речь идет как о реальной биографии рок-поэта, так и о его творчестве), то оно приобретает совсем иное, можно даже сказать концептуальное, судьбоносное значение. Во-первых, мотив кино, телевидения, фильма и актерской игры широко просматривается в песенном творчестве рок-музыканта. В данном случае можно вспомнить композиции «Фильмы», «Восьмиклассница», «Когда-то ты был битником», «Около семи утра» и некоторые другие [17, с. 41–43]. Во-вторых, судьба В. Цоя сложилась так, что он сам неоднократно снимался в фильмах («Йя-хха», «Рок», «Конец каникул», «Асса», «Игла»).

В результате жизнь, творчество и трагическая смерть, которую незадолго до реальной гибели В. Цой пережил на съемочной площадке фильма «Игла», превратились в сценарий трагического героического фильма: «Питерский пэтэушник и легенда русского рока, резчик по дереву и культовый актер. Отстраненный взгляд, монотонный голос и сумасшедшая энергетика. Все это он – загадочный последний герой. Его жизнь подобно кадрам киноленты стремительно промчалась на глазах у очарованной публики. Он сам выбрал этот жанр, и ему всего лишь оставалось соответствовать кинематографическим законам: завязка, фабула, кульминация и неожиданный яркий финал... Его история напоминала классический голливудский киносценарий, воплощенный в модном чёрно-белом формате. Стремительный взлет, сумасшедшая слава, вот только вместо счастливого финала судьба уготовила трагическую развязку. Он ушел, как и положено главному персонажу культового фильма – молодым и полным сил...» [20].

Особое внимание в данном контексте необходимо обратить на то, что название рок-группы имеет именную природу, чем обусловлено его особое положение и концептуальное значение в структуре вербального компонента СЯЛ.

Первоначально название рок-группы отождествляется с именами всех участников рок-коллектива (авторов текстов, авторов музыки и аранжировок, исполнителей текста и музыки, звукооператоров и т. д.). Исходя из этого, название рок-группы может быть рассмотрено как своеобразное «коллективное» имя, несущее в себе особую энергетическую коллективную личность.

Однако после того как оформляется имидж группы, формируется оригинальный музыкальный, поэтический и исполнительский стиль, название рок-группы начинает восприниматься иначе. Как правило, оно отождествляется уже не с коллективной личностью (совокупностью имен), а с личностью (конкретным именем) лидера группы, которому могут приписываться авторство

текста и музыки. Здесь можно вспомнить группу «Наутилус Помпилиус», автором большинства текстов которой является И. Кормильцев, хотя фанаты нередко приписывают их авторство лидеру группы «НАУ» В. Бутусову.

Особую актуализацию такой вариант восприятия названия рок-групп получает в пространстве «героической» эпохи русского рока.

В результате слушатели-зрители начинают воспринимать название рок-группы и имя ее лидера как единый, целостный культурный знак, который вписан в определенную социокультурную парадигму («Тоталитарный рэп – это *аквариум* / Для тех, кто когда-то любил океан. / Тоталитарный рэп – это *зоопарк*, / Если за решеткой ты сам. / Тоталитарный рэп – это *аукцион*, / Где тебя покупают, тебя продают. / Тоталитарный рэп – это *джунгли*, / В которых, как ни странно, живут» [12]) (курсивом выделены названия рок-групп. – Д. Иванов), имеет свой оригинальный имидж, несет свою энергетическую и реализует в этом пространстве особую когнитивно-прагматическую программу.

Таким образом, мы установили, что данная вербальная единица: 1) занимает особое место в структуре вербального субтекста рок-композиции; 2) обладает мощным смыслопорождающим потенциалом; 3) характеризуется предельно высокой степенью функциональности, так как одновременно взаимодействует со всеми элементами текста и внетекстовыми реалиями; 4) синтезирует в себе свойства заглавия и имени автора; 5) может быть рассмотрена как своеобразное «коллективное» имя, несущее в себе особую энергетическую коллективную личность; 6) отражает общую концепцию КПП СЯЛ рок-музыканта.

Библиографический список

1. *Веселова Н.А.* Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 1998. – 236 с.
2. *Гавриков В.А.* Русская песенная поэзия XX века как текст. – Брянск: ООО «Брянское СРП ВОГ», 2011. – 634 с.
3. *Горбачев О.А.* Формальные и содержательные аспекты ономастической графики русского рока // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – Вып. 8. – Тверь: ТвГУ, 2005. – С. 120–129.
4. *Доманский Ю.В.* Русская рок-поэзия: текст и контекст. – М.: Intrada: Изд-во Кулагиной, 2010. – 230 с.
5. *Иванов Д.И.* Теория синтетической языковой личности: в 2-х т. Т. 1. Логоцентрическая модель синтетической языковой личности: структура и общие вопросы (на материале русской рок-культуры) / Гуандунский ун-т междунар. исследований (Китай). – Иваново: ПресСто, 2016. – 360 с.
6. *Иванов Д.И.* Теория синтетической языковой личности: в 2-х т. Т. 2. Логоцентрическая модель

синтетической языковой личности: компонентная структура, система концептов (на материале русской рок-культуры) / Гуандунский ун-т междунар. исследований (Китай). – Иваново: ПресСто, 2017. – 296 с.

7. *Иванов Д.И.* Типологические особенности когнитивного сознания субъекта-логоцентрика в русской рок-культуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 4 ч. – 2016. – № 12 (66). – Ч. 4. – С. 100–105.

8. *Иванов Д.И., Лакербай Д.Л.* Антропоцентрическая парадигма и теория синтетической языковой личности // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3 ч. – 2016. – № 11 (65). – Ч. 3. – С. 96–100.

9. *Иванов Д.И., Лакербай Д.Л.* Текст, стиль, идиостиль в лингвистике и литературоведении: замечания к привычному // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. – 2017. – № 4 (70). – Ч. 2. – С. 18–22.

10. *Иванов Д.И., Лакербай Д.Л.* Теория синтетической языковой личности: новые горизонты // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 4 ч. – 2016. – № 12 (66). – Ч. 1. – С. 92–95.

11. *Капрусова М.Н.* Майк Науменко в литературном пространстве Петербурга XX века // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – Тверь: ТвГУ,

2001. – Вып. 5. – С. 128–141.

12. *Кинчев К.* Тоталитарный рэп [Звукозапись] // Шестой лесничий: альбом; исп. рок-группа «Алиса». – М.: Мелодия, 1989.

13. *Лосев А. Ф.* Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990. – 656 с.

14. *Марочкин В.* Повседневная жизнь российского рок-музыканта. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 406 с.

15. Майк из группы «Зоопарк»: Право на рок. – Тверь: ЛЕАН, 1997. – 287 с.

16. *Науменко М.* Песни и стихи / сост. А.В. Старцев, В.Г. Крайцев. – М.: Сокол, 2000. – 160 с.

17. *Рыжова К.М.* Название рок-группы в мотивной структуре рок-текста // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – Екатеринбург: УрГПУ; Тверь: ТвГУ. – 2007. – Вып. 9. – С. 34–44.

18. *Цой В.* О съемках в фильме «Игла» (1988 г.) [Видеозапись]: интервью. [Электронный ресурс] // НОСТАЛЬГИЯ: телеканал. – <http://video/seach?filmlid> (дата обращения: 19.02.2017).

19. *Цой М.* Точка отсчета // Цой В.Р. Звезда по имени Солнце: Стихи, песни, воспоминания. – М.: ЭКСМО пресс, 2000. – 416 с.

20. *Цой В.* Без права на дубль [Видеозапись]: документальный фильм (2011 г.). [Электронный ресурс]. – <http://video/seach?text=жизнь как кино> (дата обращения: 17.02.2017).

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНСТВА В ИСТОРИЧЕСКИХ ХРОНИКАХ А.Н. ОСТРОВСКОГО: СТРУКТУРА – СЕМАНТИКА – ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

В статье рассматриваются диалогические единства в исторических хрониках А.Н. Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук», «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», «Тушино». Диалогическое единство представляет собой наиболее крупную структурно-семантическую единицу диалогической речи. Были выделены наиболее частотные типы диалогических единств и проанализированы некоторые из них. Диалогические единства играют важную роль в коммуникативной организации текста. В исторических хрониках их объединяет тема власти, политической борьбы. Были рассмотрены лексические, грамматические и синтаксические средства связи диалогических единств, определены наиболее частотные способы объединения реплик. В результате исследования мы пришли к выводу, что А.Н. Островский в своих произведениях употреблял все виды диалогических единств, но обычно встречается такой тип, как побуждение-реакция на побуждение. Смысловые отношения между диалогическими единствами в большинстве случаев тождественные, что связано с идейным содержанием исторических хроник.

Ключевые слова: исторические хроники, диалогическое единство, реплика-стимул, реплика-реакция.

Диалог является одной из основных форм бытования языка, неслучайно к его изучению непрерывно обращаются современные исследователи. Прежде всего, нужно выяснить, что же подразумевается под терминами «диалог», «диалогическая речь».

Языковеды подчёркивают, что диалог как одна из форм связной речи, в отличие от монолога, создаётся двумя или несколькими разговаривающими. Реплицирование реплик является главным признаком диалога, при этом исследователи отмечают органическую связь всех реплик. Нслучайно Л.В. Щерба описывал диалог как «цепь реплик» [16, с. 114]. Именно «сцепление» реплик обеспечивает связность этой формы речи. Важно отметить, что законченная и полная информация извлекается только из совокупности всех элементов диалога, включая экстралингвистические факторы (мимику, паузы, интонацию, жесты) и особенности его функционирования в речи.

В научных работах А.Р. Балаяна, Д.И. Изаренкова, И.П. Святогора отмечается, что любой диалог состоит как минимум из двух реплик (стимул – реакция), а максимальная граница его объёма может остаться практически открытой. Лингвист М.М. Бахтин признавал единицей диалога реплику, которая обладает завершённостью и выражает позицию говорящего. Позже «сочетание реплик, которые связаны друг с другом по определённым правилам синтаксической зависимости» Н.Ю. Шведова назовёт «диалогическим единством» [15, с. 280–281]. Для обозначения сочетания реплик используются и иные, синонимичные по смыслу термины. Например, Т.Г. Винокур использует термин «смысловое целое», «диалогический минимум» [5, с. 120]. Следовательно, понятие «диалог» шире, чем «диалогическое единство». Диалогическое единство является частью диалога и состоит минимум из двух реплик. Важно отметить, что в конце единства тема разговора исчерпана. В диалоге же может быть продолжена новая тема.

Диалогическое единство – это единица диалогической речи, состоящая из одной инициативной реплики (стимул) и одной реактивной (реакция). Основной функцией стимулирующей реплики является запрос информации, а реагирующей реплики – выполнение ответа. Эти отношения выражены в диалогическом единстве *вопрос – ответ*. Стимул-сообщение представляет собой информирование другого человека (собеседника) о своих мыслях, решениях, ощущениях и т. д.

В работах языковедов реакция на «сообщение» чаще всего рассматривается в виде двух полярных по функциям реплик. Например, М.М. Бахтин *реакцию на сообщение* (у него «утверждение») называет либо возражением, либо согласием. Лингвист Г.М. Кучинский обозначает реакцию на сообщение как выражение положительного или отрицательного отношения к нему. А Т.Г. Винокур выделяет целых пять вариантов реагирующих реплик на «сообщение»: разъяснение, добавление, возражение, согласие, оценка.

Третий вид диалогического единства – *побуждение-выполнение* (отказ от выполнения). Следует отметить, что данное значение подразумевается почти всеми авторами, однако оно вкладывается в различные номинации. Инициативные реплики, которые выделил М.М. Бахтин (предложение, приказание), по своей сути выполняют функции побуждения, а сопряжённые с ними реплики – функции реакций на побуждение [3]. Эти пары реплик можно отнести к диалогическому единству «побуждение – реакция на побуждение». Формулы речевого этикета, названные в классификации Т.Г. Винокур, тоже можно отнести к данному типу диалогического единства [5].

В «Словаре лингвистических терминов» под редакцией Т.В. Жеребило под диалогическим единством понимается «последовательность взаимосвязанных реплик, которые объединены: 1) накоплением информации по данной теме; 2) мотивированностью форм; 3) сцеплением, опорой на предыдущую или последующую реплики. Связь

реплик осуществляется: 1) в виде цепочки взаимосвязанных словоформ; 2) через параллельность, однотипность строения» [6, с. 92].

В «Новом словаре методических терминов и понятий» под редакцией Э.Г. Азимова, А.Н. Щукина уточняется, что в каждом диалогическом единстве могут по-разному сочетаться типы высказываний (сообщение, вопрос, побуждение, восклицание). На этой основе выделяются 16 типов диалогических единств: 1) сообщение-сообщение, 2) сообщение-вопрос, 3) сообщение-побуждение, 4) сообщение-восклицание, 5) вопрос-сообщение, 6) вопрос-вопрос, 7) вопрос-побуждение, 8) вопрос-восклицание, 9) побуждение-сообщение, 10) побуждение-вопрос, 11) побуждение-побуждение, 12) побуждение-восклицание, 13) восклицание-сообщение, 14) восклицание-вопрос, 15) восклицание-побуждение, 16) восклицание-восклицание [1, с. 61].

Т.В. Матвеева в «Полном словаре лингвистических терминов» отмечает, что диалогическое единство задается появлением реплики-стимула, которая зависит от внутреннего побуждения разговаривающего или возникает ассоциативно под воздействием предшествующего текста. Вторая реплика диалогического единства – это необходимая реакция на стимул. Иногда объём диалогического единства этим и ограничивается, но часто реплика-реакция в свою очередь служит стимулом для последующего реагирования, так что диалогическое единство продлевается. Главным сигналом конца диалогического единства служит понимание участниками общения, что дальше обговаривать этот вопрос не имеет смысла. «Самое важное в диалогическом единстве – не единство темы, а психологическое движение от «тематического энтузиазма» к тематической исчерпанности. В отличие от независимой первой реплики, заключительная реплика диалогического единства абсолютно зависима от предшествующего контекста: она непонятна вне этого контекста, произносится с интонацией завершенности, психологической исчерпанности» [11, с. 90–91].

В нашей статье в качестве диалогических единств мы выбрали реплики, которые, по нашему мнению, наиболее полно раскрывают внутренний мир героев исторических пьес. Исторические хроники Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук», «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», «Тушино» объединены одной общей темой – борьбы русского народа с захватчиками в эпоху Смутного времени. Обратимся к диалогу Дмитрия и Марины в исторической хронике «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский». Это целое явление, поэтому его можно по смыслу и структурно разделить на два диалогических единства, состоящих из четырёх реплик. В сцене Дмитрий раскрывается как человек с тонкими человеческими качествами, показаны движения его души.

Д м и т р и й

Любви, Марина!

Одной любви! Одной любовью беден

На троне я. Все то, чем я владею,
Все взято с бою, силой, отнятое.

М а р и н а

Любовь лишь там, где равенство.

Д м и т р и й

Забудем

Различие! Не царь, а шляхтич вольный

Перед тобой.

М а р и н а

Вам забываться можно,

А мне нельзя [12].

Дмитрий хотел заслужить любовь Марины Мнишек, пользуясь своим высоким положением. Самозванец считает себя царём, но Марина прекрасно понимает, что этот человек нужен только для осуществления планов её отца. Диалогическое единство относится к типу побуждение – реакция на побуждение. Разговор начинается с просьбы Самозванца: «Любви, Марина! Одной любви!», и на каждое его эмоциональное высказывание (реплику-стимул) Марина «холодно» отвечает (реплика-реакция). Диалогическое единство построено на ключевом слове *любовь*. Оно появляется в реплике-стимуле Дмитрия, в реплике-подхвате Марины тоже повторяется это слово. Основным средством связи в диалогическом единстве являются лексические средства языка: слово-повтор *любовь*, которое объединяет реплики и выявляет отношения тождества; контекстуальные антонимы (*равенство – различие, царь – шляхтич, можно – нельзя*). Герой жаждет овладеть Мариной, но она ведёт тонкую игру, ей неприятен этот человек, даже несмотря на его высокое положение. Например, Дмитрий говорит о своём статусе так (*одной любовью беден на троне я*), Марина же отвечает ему: *Любовь лишь там, где равенство*. Дмитрий тут же меняет направление диалога, принижая себя (*не царь, а шляхтич вольный*), Мнишек же снова парирует слова героя, говоря ему: *Вам забываться можно, а мне нельзя*. Благодаря антонимичным конструкциям раскрываются смысловые отношения противопоставления. В диалогическом единстве преобладают восклицательные предложения, как неполные, так и двусоставные, которые чаще построены в инверсивном порядке

Второе диалогическое единство опять начинается по инициативе Дмитрия Самозванца.

Д м и т р и й

Перенесися в Польшу

Мечтой своей! Забудь, что ты в Москве!

Глухая ночь, гремит и воет буря,

Перед окном красавица тоскует

О рыцаре. Через горы и потоки

На бешеном, покрытом белой пеной,

Аргамаке он мчится, чтоб украдкой

Обнять свою любовницу.

(Обнимает Марину.)

М а р и н а

(освобождаясь)

Довольно!

Велик простор тебе для самовольства

По всей Москве, а здесь мое владенье!
Царица я убогой этой кельи,
И здесь, за этой дверью, безопасной
Желаю быть.

Д м и т р и й

Глаза твои, Марина,
Презрением блеснули; эти взгляды
Ужасны мне. Не повторяй их боле,
Молю тебя. Они напоминают
Дни жалкие холопства моего,
Когда немой, трепещущий от страсти,
Земли и ног не чуя под собой,
Из-за угла следил я жадным взглядом
<...>

Мой голос рвется, слезы
Сжимают горло и готовы хлынуть,
Свинцом лежит в груди тяжелым сердце!
Скажи, Марина, чем, какою жертвой
Мне заслужить любовь твою и ласку?

М а р и н а

Московский царь, я лаской не торгую [12].

Отметим, что диалогическое единство завершилось, так как тема разговора исчерпана. Становится понятно, что Дмитрий на протяжении всего диалога терпит коммуникативную неудачу, так как в начале беседы он сделал неправильную установку. Он подумал, что девушку можно завлечь, используя лишь богатство и статус. В конце диалога Марина выгоняет Дмитрия из своей комнаты, используя при этом перифраз: *Царица я убогой кельи*. В контексте слова *Москва* и *келья* становятся антонимами. Москва – это символ власти, а келья – место для смирения и молитвы. Дмитрий сидит на троне в Москве, управляя огромным городом, а Марина Мнишек молится в убогой келье. В этих символах ощущается ирония. Дмитрий не настоящий царь, он взял власть силой, а Марина никакая не монахиня, а девушка, преследующая личные интересы. Для связи реплик используется большое количество лексических средств: слово-связка *Москва*; тематическая группа слов, близкая по значению к лексеме *глаза* (*взгляд, глядела, слезы, следил* и т. д.), лексемы с оценочной семантикой к имени собственному *Марина* (*красавица, любовница*). Реплики Дмитрия более обширны, чем высказывания Марины. Это продолжается в течение всего диалога: безразличная Мнишек, которая ведёт скрытую игру, и Дмитрий Самозванец, потерявший самообладание из-за страсти к этой женщине. Он даже падает на колени, но Марина отстраняет его. Диалогическое единство характеризуется обилием сложных двусоставных предложений, часто с риторическими вопросами и восклицаниями.

Оба единства связываются между собой на лексическом уровне выражениями, обозначающими эмоционально-экспрессивную лексику (*тоскует, презрение, любовь, ласка* и т. д.), и словами, относящимися к тематической группе *власть* (*царь, царица, трон, владею* и т. д.). На синтаксическом уровне их объединяют предложения с сочинительным союзом *а* со значением противопоставления. Очень важным

средством связи являются обращения. Дмитрий при разговоре с Мнишек использует имя собственное (*Марина*), а Марина – перифраз *царь московский*. Здесь мы видим, что нет личного обращения, а есть именование по социальному положению. Это свидетельствует о том, что Марина ничего не ощущает по отношению к Дмитрию, так как она называет его не по имени (*Дмитрий*), а по положению в обществе (*царь*), что исключает между ними тёплые чувства. В диалогическом единстве проявляются отношения тождества, так в репликах много слов одинаковых тематических групп, но в то же время ощущается скрытое противостояние Марины и Дмитрия.

Этот диалог важен для того, чтобы читатель понял сложную личность Дмитрия Самозванца. Он интриган, который добился своей цели с помощью польской поддержки, но он не знает, что делать дальше даже в отношениях с любимой женщиной.

Очень сильной по эмоциональному накалу является сцена из хроники «Козьма Захарьич Минин, Сухорук», когда Минин помогает людям обрести уверенность в себе и продолжить сбор средств для ополчения.

М и н и н

Да разве враг нас одолел числом?
Он одолел нас Божьим попушением.
Не силой силен враг, а Божьим гневом,
Да нашей слабостью, да нашими грехами.

А к с е н о в

Не войска нужно нам, а благодати.

М и н и н

Велик Господь, владыко херувимский!
Прибежище и сила наша в нем!
Его рука дала врагам победу,
Его рука притупит их мечи.

А к с е н о в

Давид и мал, да сильного свергает.

П о с п е л о в

Не много храбрых вывел Гедеон.

М и н и н

Самсон все войско костью побивает.

А к с е н о в

От гласа труб валится Ерихон.

М и н и н

Во мнозе Бог! И в мале Бог! [12]

Диалогическое единство, относящееся к типу сообщение – реакция на сообщение, наполнено словами из тематической группы «Божественное» (*Божьим, грех, благодать, господь, херувим*), библеизмами (*Гедеон, Самсон, Ерихон*). В репликах Минина используются старославянизмы (*владыко, глас, во мнозе*). Лексический повтор *бог* является ключевым в диалогическом единстве. Драматург стилизует речь Минина под старославянский язык и на синтаксическом уровне. Например, используются полные предложения с инверсивным порядком слов, частотна анафора (предложения начинаются со слов *да, его, не*). Минин в своей речи умышленно повторяет слова (*одолел, силой, божьим* и др.), это нужно для успешного решения коммуникативной задачи. Когда оратор произносит одинаковые сло-

ва несколько раз, то они лучше остаются в памяти слушателей. Минин использует в речи общеизвестные библейские антропонимы *Гедеон* и *Самсон*. Гедеон – это библейский полководец, который с небольшим отрядом осуществил удачное нападение на мадианитян и сумел их разгромить. Самсон – это легендарный силач, сумевший в сражении ослиной челюстью убить тысячу филистимлян. Ерихон (Иерихон) – это город, разрушенный войском Иисуса Навина с помощью труб. От этого звука обрушилась стена города, и солдаты сумели взять населённый пункт штурмом. Суть этих библейских историй заключается в том, что малое количество людей может одержать победу, если они борются за правду, и на их стороне божественные силы. Поверив в то, что Бог с ними, люди сами стали вспоминать цитаты из Библии, где описываются чудесные победы над врагами. Минин выбрал правильную стратегию общения, воодушевив людей, он сумел добиться коммуникативной удачи. После этой сцены народ стал собирать деньги для вооружения ополчения и больше не испытывал недоверия к Минину. Смысловые отношения в диалогическом единстве строятся на ассоциативном ряде. Минин, используя реплику-стимул с ключевым словом *Бог*, вызывает в памяти собеседников библейские истории (реплики-реакции). Для связи диалогического единства используются слова сакральной и библейской тематики и синтаксический параллелизм предложений.

Подводя итог, можно сказать, что диалогические единства в исторических хрониках А.Н. Островского встречаются довольно часто. В пьесах появляются все три типа единств (вопрос – ответ; побуждение – реакция на побуждение; сообщение – реакция на сообщение), но в большинстве случаев появляются единства с восклицательной окраской, так как исторические произведения показывают людей в критический для России момент, что побуждает героев быть искренними и эмоционально открытыми. В репликах персонажей есть предложения разных типов, но чаще это сложные книжные предложения, построенные синтаксически параллельно, которые служат для стилизации языка XVII века. Диалогические единства строятся по классической схеме: сначала реплика-стимул, а затем следует реплика-реакция. Они нужны для раскрытия образов героев, так как диалогическое единство помогает увидеть внутренние переживания персонажей. Именно законченность данной разновидности реплики служит для разрешения сюжетной проблемы, для выявления характера героя. Драматург для смысловой связи в диалогических единствах использует лексические и синтаксические средства, а именно слова-повторы, тематические группы слов, контекстуальные синонимы и антонимы; в синтаксисе – параллельное построение предложений с повторяющимися союзами. Смысловые отношения между репликами в диалогических единствах обычно тождественные, так как основная мысль всех

хроник – это объединение русских людей перед общей опасностью. Есть и отношения противопоставления, но чаще всего это сюжетная борьба между персонажами: Минин – купцы, Дмитрий – Василий Шуйский, Николай – Максим Редриков. Отметим, что во всех диалогических единствах прослеживается сочетание исторического и политического, личного и общественного. Так или иначе, герои хроник оказываются связанными с темой власти: Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский борются за престол, Минин должен стать народным лидером для спасения государства, братья Редриковы воюют в противоборствующих лагерях. Таким образом, для А. Н. Островского важно было показать не только борьбу за власть как основную тему хроник, но и личные судьбы людей.

Библиографический список

1. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: ИКАР, 2009. – 448 с.
2. *Балаян А.Р.* Основные коммуникативные характеристики диалога: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1971. – 177 с.
3. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 250–296.
4. *Брызгунова Е.А.* Диалог // Русский язык: энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – С. 74–75.
5. *Винокур Т.Г.* Диалог // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Большая российская энциклопедия: Дрофа, 1998. – С. 119–120.
6. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 488 с.
7. *Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидоров М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 1998.
8. *Изаренков Д.И.* Обучение диалогической речи: монография. – М.: Русский язык, 1981. – 136 с.
9. *Конюхов Н.И.* Словарь-справочник по психологии. – М.: Новая школа, 1996. – 224 с.
10. *Кучинский Г.М.* Диалог и мышление / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1983. – 190 с.
11. *Матвеева Т.В.* Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов н/Д, 2010. – 562 с.
12. *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: в 12 т. – М.: Искусство, 1973.
13. *Пустовалов П.С., Сенкевич М.П.* Пособие по развитию речи. – М.: Просвещение, 1987. – 185 с.
14. *Святогор И.П.* Типы диалогических реплик в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1967. – 254 с.
15. *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Академия наук СССР. – М., 1960. – 170 с.
16. *Щерба Л.В.* Современный русский литературный язык // Избр. работы по русскому языку. – М.: Просвещение, 1957. – С. 113–129.

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматриваются особенности использования метафорических единиц в коммуникативном процессе. На основе анализа практического материала автор статьи приходит к заключению, что во время коммуникативного процесса важна креативно-познавательная функция образной метафоры, которая требует от участников коммуникации активного совместного творчества. В статье подчеркивается, что метафорические единицы используются в нашей речи для яркого выражения более абстрактных понятий через конкретные понятия.

Ключевые слова: коммуникация, метафора, процесс метафоризации, речь, язык, информация.

В своей работе мы придерживаемся мнения Е.Г. Князевой [2, с. 114], которая считает, что та или иная специфичность функционирования языка в речевом акте определяется целым рядом факторов, среди которых, прежде всего, выделяется «разнообразие способов речевого общения в вербальном отражении подаваемой информации». Далее, исследуя лингвокогнитивные механизмы речевого акта, Е.Г. Князева [2, с. 114] особо подчеркивает, что весьма важно принимать во внимание «роль учета специфики цели передачи информации и способа адресованности, а также дискретность порождения, восприятия и репрезентации информации». В другой своей работе Е.Г. Князева [3, с. 609] детально описывает условия получения успешной информации реципиентом.

Люди успешно общаются между собой благодаря различным языковым средствам [7, с. 15–24; 8, с. 213–223; 9, с. 117–119]. Выразительные и образные средства языка и, в том числе метафора, весьма активно используются в текстах различных функциональных стилей, в юридических, военных, дипломатических, экономических, технических и других специальных текстах. В словаре лингвистических терминов метафора определяется как «троп, состоящий в употреблении слов и выражений, в переносном смысле на основании сходства, аналогии и т.п.» [1, с. 231].

В стилистике метафора трактуется как «стянутое сравнение», следовательно, стилистическая парадигма определяет метафору как своеобразное скрытое сравнение. Говоря по-другому, в метафорическом процессе один предмет сопоставляется с другим предметом и таким образом определяется тот или иной важный признак. В качестве примера приведем развернутую метафору «*The ship ploughed the waves*» – «*The ship sailed the waves as a plough ploughs the ground*» [10, с. 128].

Не вызывает сомнений важная роль использования метафоры в учебном процессе, что объясняется появляющейся необходимостью применения метафоры там, где нет никакой возможности сопоставить напрямую фреймы, которые не являются смежными в окружающем нас реальном мире. Однако вместе с тем нужно отметить, что данное

явление не предполагает составления ложных ассоциаций, а выступает очень важным инструментом понимания и восприятия свойств обоих накладываемых друг на друга концептуальных областей.

Т.Г. Попова [5, с. 93–97; 6, с. 178–187; 10, с. 223–227] подчеркивает, что метафора применяется «наряду с другими когнитивными механизмами для репрезентации знаний в вербальной форме. Концепты, передаваемые посредством метафоры, обычно сложны и при их понимании происходит наложение концептуальных областей, сформировавшихся как результат концептуализации жизненного опыта индивида, накопленного через непосредственный контакт со внешней средой, а также общение с другими людьми».

Метафорические единицы используются в нашей речи для яркого выражения более абстрактных понятий через «осязаемые», т.е. более конкретные понятия. Приведем пример: *Always we edged away from the brink of the future. We talked about a future, about living in a cottage, where I should write, about buying a jeep and crossing Australia. "When we're in Alice Springs..." became a sort of joke — in never-never land. One day drifted and melted into another. I knew the affaire was like no other I had been through* [10, с. 22] – Мы старались не заглядывать в провал будущего. Обменивались общими фразами: вот поселимся в хижине, и я буду писать стихи, или купим джип или пересечем Австралию. Мы часто шутили: «Когда приедем в Алис-Спрингс...» – и это значило «никогда».

Как видно из этого примера, метафора обладает специфическими признаками, отличающими ее от сравнения. В первую очередь, мы имеем в виду такие специфические характеристики, как отсутствие ассоциации с конкретным тем или иным определенным местом и временем, т.е. временностью определяемого качества. Говоря иными словами, метафора выражает тот или иной конкретный признак описываемого предмета или явления как специфический признак, который статично и неизменно в нем наличествует и, следовательно, занимает постоянный слот в их концептуальном фрейме.

Т.Г. Попова, выявляя и детально анализируя метафору в концептуальной системе, приходит к следующему выводу: «Конспирирующая функ-

ция метафоры может рассматриваться в рамках кодирующей функции, а эмоционально-оценочную функцию можно присоединить к номинативной функции. Можно также выделить и ритуальную функцию метафоры. Сюда относятся поздравления, приветствия, различные пожелания. Например, пожелание идущему на какое-либо испытание, к примеру, на экзамен: *ни воды, ни песка, что значит «не сесть в лужу и не утонуть»* [5, с. 129]. Этот пример подтверждает информативную насыщенность коммулятивной функции метафоры. Приведенное нами пожелание имеет емкий семантический объем, расширяя границы ожидания идущего на испытание.

Т.Г. Попова далее подчеркивает, что «помимо названных функций метафоры, необходимо добавить еще следующие функции: познавательная (когнитивная); оценочная; смыслообразующая, риторическая и концептуальная» [6, с. 178–187].

Даже попадая в весьма сложную событийную ситуацию, теряя направление движения, индивид благодаря метафоре приспосабливается находить ориентир в этом мире. Причем в этой связи важна одна из ключевых особенностей метафоры, которая представлена антропоцентричностью.

Необходимо особо подчеркнуть, что на данном этапе развития языковедческой науки, принцип антропоцентричности признается как один из важнейших принципов познания мира. Применительно к когнитивной метафоре под антропоцентричностью мы понимаем проведение через себя тех или иных образов, а также «чуткое чувствование предметов и явлений реальной действительности на основе личного субъективного восприятия окружающего мира и лингвосоциального опыта» [11, с. 68–75].

В качестве примера можно назвать большое количество так называемых обыденных, «стёртых» метафор, таких как «язык животных», «ручка двери», «тело доклада», «ножка стула», которые базируются на антропоморфном переносе.

Метафорическая модель является, как отмечается в работе О.В. Мингалева [3, с. 209], «областью источника метафоры или, говоря другими словами, областью отправления функции репрезентации метафоры». В этой связи приведем такой пример: *“But now my sturdy flying machine had become obsolete right there in midair, so I stepped out of that single-minded single-engine airplane and let this fluttering white parachute swing me down through the strange empty atmosphere between my past and my future, and land me safely on this small, bed-shaped island, inhabited only by this handsome shipwrecked Brazilian sailor”* – «Но сейчас этот надежный летательный аппарат вдруг устарел, и я выпрыгнула из ограниченного пространства одномоторного самолета и под трепещущим белым парашютом пролетела сквозь незнакомое пустое пространство

между прошлым и будущим, удачно приземлившись на маленький островок в форме кровати, где живет лишь один красивый бразильский моряк, потерпевший кораблекрушение» [11]. Метафорическое восприятие темпоральности «между прошлым и будущим» дает слушателю возможность понять важность и быстротечность происходящих событий.

Во время коммуникативного процесса важна, безусловно, креативно-познавательная функция образной метафоры, которая, соответственно, требует от участников коммуникации активного совместного творчества.

“One day drifted and melted into another. I knew the affaire was like no other I had been through. Apart from anything else it was so much happier physically. Out of bed I felt I was teaching her, anglicizing her accent, polishing off her roughnesses, her provincialisms; in bed she did the teaching. We knew this reciprocity without being able, perhaps because we were both single children, to analyze it. We both had something to give and to gain... and at the same time a physical common ground, the same appetites, the same tastes, the same freedom from inhibition. She was teaching me other things, besides the art of love; but that is how I thought of it at the time” [10]. – «Дни тянулись, перетекали один в другой. Подобного я не испытывал ни разу. Даже в физическом плане, не говоря об остальном. Днем я воспитывал ее: ставил произношение, учил хорошим манерам, обтесывал. Ночью воспитывала она. Мы привыкли к этой диалектике: хоть и не мысли – наверное, потому, что оба были единственными детьми в семье – понять ее механизм. У каждого было то, чего не хватало другому, плюс совместимость в постели, одинаковые пристрастия, отсутствие комплексов. Она научила меня не только искусству любви, но в тот момент я этого не понимал». Герой повествования, используя метафору «дни протекали один в другой» емко и ярко говорит, с одной стороны, о быстроте происходящих событий, а с другой, о повторяющихся эпизодах его жизни, которые, тем не менее, являются для него важными и значимыми. Соответственно, темпоральная метафора, используемая в этом эпизоде, выполняет свою важную коммулятивную функцию.

Таким образом, исследуя роль метафоры в коммуникативном процессе, мы приходим к выводу о том, что процесс метафоризации помогает человеку выйти за рамки его обыденного мышления, поскольку человеческое сознание не является компьютерной программой и, соответственно, не способно довольствоваться лишь стандартными заключениями, выводами и решениями.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 567 с.

2. *Князева Е.Г.* Лингвокогнитивные механизмы речевого акта // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 114–116.
3. *Князева Е.Г.* Речевая единица и коммуникативная антиципация // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном измерениях: Материалы VIII Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации / под общ. ред. Н.В. Иванова. – М.: ИД «Международные отношения», 2014. – С. 609–613.
4. *Мингалева О.В.* Метафорические модели политического дискурса // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 3. – С. 209–211.
5. *Попова Т.Г.* Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков). – М.: МГУ, 2003. – 147 с.
6. *Попова Т.Г.* Метафора в концептуальной системе // Языки и культуры в современном мире: XI Международная конференция Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ). – Париж: Российский центр науки и культуры в Париже, 2014. – С. 178–187.
7. *Black M.* Models and metaphors. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1996. – 251p.
8. *Blakemore P.* Semantic Constraints on Relevance. – Oxford: Blackwell, 1987. – 250 p.
9. *Cruse A.* A Glossary of Semantics and Pragmatics. – Edinburg University Press, 2006. – 198 p.
10. *Fowles J.* The Magus. – Boston: Dell Publishing, 2004. – 668 p.
11. *Gilbert E.* Eat. Play. Love. – New York: Penguin books, 2010. – 445 p.
12. *Holme E.* Language Arts & Disciplines, 2003. – 128 p.

ПРАВО В КОНТЕКСТЕ ЕГО ПОНИМАНИЯ

В статье предпринята попытка рассмотрения универсального социального феномена, каким является право. Автор акцентирует внимание на понимании права: право как отображение социальной реальности; право как деонтологическая реальность; интегративное понимание права. Высказывается мнение, что чрезмерное увлечение идеалистическими концепциями правопонимания (должное право) без учета и серьезного анализа действующего права (наличного) не позволяет сконструировать правовые модели, способные эффективно регулировать общественные отношения ни в отдаленной, ни в ближайшей перспективе. Подчеркнуто, что для большинства ученых-правоведов очевидно, что материалистическое понимание права, проверенное временем и историческим опытом, при всех имеющихся у него недостатках по-прежнему остается востребованным и доминирующим среди всех иных концепций понимания права, его сущности и основных функций. Обращается внимание на то, что в современных концепциях естественно-правового и позитивистского правопонимания ключевой становится проблема свободы и прав человека, свободы и собственности.

Ключевые слова: право, правопонимание, должное, свобода, справедливость, равенство, индивидуализм, общество, собственность.

Отечественная юридическая наука, как и другие науки, занимающиеся познанием социальной реальности, столкнулась в постсоветское время с серьезными трудностями, в первую очередь, методологического характера. И как авторитетно заявил по этому поводу А. Ющик: «Убедительных теоретических достижений, более чем за два последних десятилетия правовая наука по-прежнему не имеет» [12, с. 40]. Наиболее характерной её чертой является, по словам учёного, методологический «хаос» [12, с. 43].

Кроме классического и неклассического правопонимания, которое очень широко и неоднозначно трактуется представителями различных научных школ, происходит дальнейшее «дробление» раннее существующих научных концепций на более мелкие, с ярко выраженной субъективной оценкой происходящих в «мире права» событий и явлений. Диапазон научных изысканий крайне широк – от сложных и многословных философских рассуждений на темы права до рецидивов вульгарного материализма. С. Максимов, например, считает, что «право представляет собой деонтологическую реальность, то есть идеально сконструированное бытие, сущность которого заключается в должном, не совпадающем с социальным бытием» [5, с. 65]. Ему вторит А. Стомба, утверждая, что «право в классической парадигме представляется как Должное» [8, с. 120]. Противоположной точки зрения на понимание права и его сущность придерживается А. Александров: «Право, политика – есть воля правящей элиты, которая реализуется в законодательстве, а также в практике его толкования и применения» [1, с. 205]. Естественно, что среди этих двух крайностей в правопонимании есть и точки зрения, которые можно считать «умеренными», более адекватными, такими, которые разделяются большинством авторитетных отечественных

и зарубежных исследователей – П. Рабиновичем, Н. Козюброю, Ю. Оборотовым, А. Ющиком, С. Камаровым, С. Алексеевым, Г. Мановым, А. Малько и др. В частности, А. Ющик делает вывод о том, что различные типы правопонимания (естественно-правовое, позитивистское и др.), вокруг которых «топчется» современная юридическая наука, являются лишь вариантами методологически ошибочного понимания права, потому что они соориентированы на его «частичности», а не на целостное понимание единого феномена права [12, с. 43–44]. П. Рабинович также считает, что интегративное (целостное) понимание права может строиться только на основании единого концептуального содержания ядра – исходного мировоззренчески-философского стержня [7, с. 16].

К этому следует добавить, что ни западные, ни отечественные современные представители неклассического понимания права не были «первопроходцами» в этой сфере познания движения юридической материи. У наиболее авторитетных теоретиков права конца XIX – начала XX столетий можно видеть такой же подход к проблеме правопонимания. Действующее (наличное) право, согласно их мнению, – несовершенное, должное право виделось им в будущем более гуманным, моральным, эффективным, цивилизационно-перспективным и т.д. (идеалистическая естественно-правовая концепция).

Из сказанного следует, что многие концепции прошлого и настоящего неклассического правопонимания содержат ряд положений, требующих дополнительной аргументации. Их недостатки мы видим в том, что:

– они в большинстве случаев отягощены философским прошлым их авторов, имеющих сильные философские позиции и гораздо более слабые юридические, что, скорее всего, объясняется неже-

ланием или боязнью обратиться к «живому» праву Б. Кистяковского, и тем более к марксистской концепции права;

– проверить на практике достоинство и недостатки научных изысканий их авторов крайне сложно, ибо реализация их концепций рассчитана на будущее (своеобразное «царство Божие», только в сфере юриспруденции);

– как правило, современные неклассические концепции правопонимания по сути являются уточнениями позиций философов и теоретиков права прошлого (получается, что новое – это хорошо забытое старое);

– авторы большинства неклассических концепций правопонимания предпочитают мечтать о должном совершенном праве в будущем, игнорируя рутинную и неблагодарную работу по исследованию права действующего (наличного).

В противовес неклассическому правопониманию, классическое (материалистическое) понимание права доказало свою жизнеспособность, прошло испытание временем, в том числе в течение последних десятилетий.

Стремление объединить классическое и неклассическое правопонимание (интегративная теория права) во что-то усредненное с помощью введения такого объединяющего элемента, как права и свободы человека, не дали желаемого результата, как и идея построения в периферийных и полупериферийных (бедных) государствах правового государства. В данных попытках тоже нет ничего нового. А. Яценко, известный теоретик права, пришел к мысли о необходимости рассмотрения права как целостного социального феномена еще в конце XIX века в своей работе «Опыт синтетической теории права». Аналогичной точки зрения придерживались его известные современники-правоведы Б. Кистяковский и П. Сорокин. Интегративная юриспруденция Дж. Холла, ведущего послевоенного американского теоретика права, возникла на Западе только 50 лет спустя.

В теории государства и права (энциклопедия права, философия права, юриспруденция, антропология права и т. д.) за более чем двухсотлетнее существование этой фундаментальной науки, предметом которой являются государство и право в целом, появилось более ста определений понятия права.

Исследование проблемы правопонимания сопряжено с дополнительными трудностями также и потому, что ее решение всегда было связано с политикой (а в последнее время – очень тесно и с международной политикой).

К большому сожалению, современные исследователи проблемы правопонимания кроме изучения новых фактов в социальной жизни и необоснованного введения в научный оборот новых юридических терминов, по-прежнему не выходят за пределы того, что было достигнуто прежней по-

литико-правовой и философской мыслью. Прирост новых качественных знаний, не говоря уже о «прорывных» (революционных) в теории государства и права, осуществить крайне тяжело.

Разнобой в отечественном правопонимании сегодня прямо сопряжен с цивилизационным противостоянием США, Китая, России и Западной Европы (Запада и Востока).

Начиная идеологическое наступление, западные ученые обосновывают преимущество их политико-государственного устройства, экономики и культуры в сравнении с «восточным» типом общественного устройства. Речь, в первую очередь, идет о работах таких всемирно известных ученых как Т. Парсонс, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон и др.

Похожей точки зрения придерживается В. Пристенский, утверждая, что антропологические (субъективные) основы генезиса права проявляют себя только в западном социокультурном пространстве. В этом смысле, подчеркивает он, именно западная цивилизация выступает как правопорождающая. В ее основе лежит автономный тип личности, который остро и глубоко осознает свою изначальную свободу как ценность, стремится реализовать ее в социуме в форме права, то есть в виде системы социальных норм, и поэтому становится субстанцией и детерминантом права [6, с. 167–168].

Право при данном подходе к правопониманию является результатом особой, свободоориентированной ментальности западных народов. Восточные же народы в процессе своего развития не дошли на своей собственной, внутренней основе до правовых форм организации социума. В. Пристенский считает, что в истоках восточных цивилизаций лежит гетерономный тип личности как проявление ментальности незападного типа, который испокон веков не рассматривал себя как свободную, автономную сущность, и поэтому не становится субстанцией и детерминантом права [6, с. 166].

Но, как известно, кроме защиты автономии человека, западная социально-экономическая, политическая, правовая, культурная и нравственная парадигма предусматривают также существование гипертрофированного индивидуализма. В соответствии с этим принципом на первое место выходят, защищаются и пропагандируются индивидуальные интересы и ценности в ущерб общественным. Попытки перенести эти тенденции на восточную, абсолютно не готовую к этому почву, приводят, как показала практика, в основном к негативным результатам. В частности, к потере культурной идентичности человека и разрушению существующего национально-культурного устройства. Но западные идеологи и стремятся к этому. «Национально-культурное мышление и действия, – утверждает В. Альтерматт, – должны быть – денационализированы» [2, с. 87].

Итак, западный и восточный способы описания бытия права отличаются друг от друга двумя противоположными подходами к праву и соответствующими им типами правопонимания: западный – антропологический (человекоцентристский) подход и преимущественно естественно-правовой тип правопонимания, и восточный – этический (государственно-центричный) подход и позитивистский тип правопонимания. В первом случае право рассматривается не как принуждение, а как осознанная, ценностно-признанная, воплощенная свобода индивида, внутренне присущая ему от рождения. При этом свобода одного не должна ограничивать *равноценную* свободу другого. Эти принципы лежат в основе права как формы бытия свободы в обществе, выступают объективной мерой этой свободы. В этом смысле определение свободы П.-А. Гольбаха как права каждого из членов общества делать для своего счастья все, что не вредит счастью его сограждан [3, с. 38], звучит вполне убедительно.

Все вышеизложенное представляет одну из научных гипотез. А как известно, любую гипотезу можно подвергнуть сомнению. Свобода индивидов действительно должна быть равноценной. Свобода как равенство – это не только справедливо, но и нравственно. М. Фуко утверждал, что «свобода является онтологическим основанием этики. Этика является формой, которую принимает свобода» [11, с. 245]. Но мы здесь сразу выходим на два других основополагающих принципа права – «равенство» и «справедливость». Без равенства и справедливости не бывает свободы, не бывает человекоориентированного права, да и не может быть в социально неоднородном обществе. Свобода без собственности – формальная свобода, и об этом, кстати, великолепно в свое время писал Н.К. Михайловский.

Развивая эту мысль, С. Франк опасался в России всего бессмысленного, дикости и самодурства, как выражения свободы произвола [9, с. 337]. И он был прав, первые «глотки» революционной свободы и в 1917 году в Российской империи, и в 2014 году на Украине обернулись необузданностью и кровопролитиями.

Движение внутренней человеческой свободы имеет направленность, которая будет противоположной внешнему освобождению человека от конкретных социальных обстоятельств, то есть независимость достигается через расширение границ, устранение тех препятствий, которые не способствуют реализации человеческой свободы, а также осуществлению целей и намерений человека. Об этом в свое время писал Э. Фромм. Устранение давления, исходящего от государства, рассматривалось ученым не только как необходимость, но и как достаточное условие для достижения постав-

ленной цели – обретения свободы каждым человеком [10, с. 14].

Социально активной личностью на Западе и в перспективе на Востоке может быть только человек, который является собственником. Формально-юридически по Конституции каждый гражданин имеет право быть собственником, свободным и социально активным членом общества. В Колесов убедительно доказал, что свобода и собственность в прошлом – слова одного корня, они выражают представления о личной свободе на разных полюсах социальной эволюции [4, с. 106].

Мы должны помнить, что формальное право – это только правоспособность, абстрактная возможность иметь право на собственность (свободу в ее адекватной правовой форме). И мы знаем, что там, где нет собственности, там нет ни свободы, ни равенства, там нет и права. Только наличие многочисленного среднего класса собственников свидетельствует не только о формальном, но и фактическом равенстве граждан перед законом.

Библиографический список

1. Александров О. Антиметодична розвідка про ефективне і справедливе у праві // Право України. – 2014. – № 1. – С. 203–211.
2. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. – М.: РГГУ, 2000. – 366 с.
3. Гольбах П.-А. Избранные произведения. В 2 т. – М.: Мысль, 1963. – Т. 1. – 715 с.
4. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1986. – 310 с.
5. Максимов С.И. Класичні і некласичні моделі осмислення правової реальності // Право України. – 2014. – № 1. – С. 61–68.
6. Пристенский В.Н. Западные и незападные представления о правовых нормативных системах (социально-философский аспект) // Вестник Воронежского института МВД России. – 2012. – № 2. – С. 166–168.
7. Рабинович П. Методологія загально-теоретичногоправодержавознавства: деякі сучасні тенденції // Право України. – 2014. – № 1. – С. 11–22.
8. Стовба О. Динамічне праворозуміння: отнологія і методологія // Право України. – 2014. – № 1. – С. 120–125.
9. Франк С.Л. Сочинения. – М.: Правда, 1990. – 608 с.
10. Фромм Э. Бегство от свободы. – Минск: Харвест, 2003. – 383 с.
11. Фуко М. Интеллектуалы и власть. – М.: Практикс, 2002. – 311 с.
12. Ющик О. До проблеми розвитку методології права // Право України. – 2014. – № 1. – С. 40–49.

ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПЕЧАТИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (на примере Нижегородской губернии)

Начиная с XIX века, журналистика в России находилась под пристальным взглядом государственной власти в лице различных цензурных органов. Такая ситуация продолжилась и в первые годы XX века. В работе рассматривается один из нормативно-правовых актов в отношении печатных периодических изданий – Временные правила о повременных изданиях, принятые 24 ноября 1905 года. Указанный закон ввел некоторые изменения в действовавший ранее порядок рассмотрения деяний, совершенных редакционными коллективами, а также предусмотрел отдельные составы правонарушений в области печати. Также изучаются иные нормы отечественного законодательства начала XX столетия о преступлениях, признаки которых могли содержаться в публикациях печатных органов. На примере Нижегородской губернии исследуются ранее неизученные в историко-правовой науке судебные дела по вопросу привлечения к ответственности редакторов и издателей газет и журналов за нарушения положений закона.

Ключевые слова: право, правовое регулирование, Временные правила о повременных изданиях 1905 года, средства массовой информации, цензура, судебная практика, Нижегородская губерния, XX век.

Законодательство Российской империи регулировало различные сферы общественной жизни. Под пристальным контролем находились и средства массовой информации. На всем протяжении XIX века существовали различные нормативные акты, направленные на упорядочение работы редакций, контроль и надзор за содержанием печатных периодических изданий.

Проблема цензуры обсуждалась широким кругом заинтересованных лиц на протяжении всего XIX столетия. Этой теме посвящено множество научных трудов как дореволюционных и советских ученых (К.К. Арсеньев [1], Н. Энгельгардт [8] и др.), так и современных исследователей (Г.В. Жирков [2], Н.Г. Патрушева, И.П. Фут [3] и др.). Цензура изучается с самых разных сторон: законодательство, цензурные органы власти, система административных взысканий, влияние на систему печати. Вызывает научный интерес отражение этого явления на региональном уровне, в губерниях Российской империи. Новизна данной статьи заключается в том, что в научный оборот вводится новый эмпирический материал, а именно судебная практика Нижегородской губернии, в которой отражается законодательство начала XX века. Анализ конкретных дел о периодических изданиях позволит получить больше информации о состоянии правового регулирования в области печати, о работе официальных должностных лиц с печатными органами.

В начале XX столетия произошли изменения в сфере государственного воздействия на редакционную политику газет и журналов. Основным законодательным актом, регламентировавшим работу печати в рассматриваемый период, были Временные правила о повременных изданиях, принятые 24 ноября 1905 года [4] (в официальных документах судебных органов, должностных лиц данный акт назывался законом о печати 24 ноября 1905 года). Новые Правила отменили существовав-

шую ранее практику административного влияния на журналы и газеты и восстановили судебный порядок разрешения дел о преступных деяниях, совершенных посредством периодической печати.

Каким же образом осуществлялось привлечение к ответственности в области деятельности печатных органов? Законом о печати 24 ноября 1905 года был предусмотрен следующий порядок. Должностные лица по делам печати тщательным образом просматривали выходящие в свет номера журналов и газет. В случае нахождения материала, который нарушал ту или иную статью уголовного закона или закона о печати, составлялся официальный документ в адрес прокурора, в котором предлагалось разобрать вопрос о привлечении к ответственности нарушителя. Заключение прокурора подлежало рассмотрению Округного Суда или Судебной палаты.

В Нижегородской губернии в начале XX века в отношении нескольких изданий были возбуждены дела по обвинению редакторов и издателей в нарушении положений закона о печати 24 ноября 1905 года. Рассмотрим некоторые их подобных случаев.

Одним из нарушений, которое вменялось периодическим изданиям, было обвинение в «распространении посредством повременного издания заведомо ложных о деятельности правительственного установления или должностного лица, войска или воинской части сведений, возбуждающих в населении враждебное к ним отношение», а также в «распространении посредством повременного издания заведомо ложного, возбуждающего общественную тревогу, слуха о правительственном распоряжении, общественном бедствии или ином событии» (пп. В и Г ст. 5 отд. VIII Временных правил соответственно).

В мае 1907 года отдельный цензор по внутренней цензуре в городе Нижнем Новгороде усмотрел в статье «На лету», размещенной в № 121 газеты

«Нижегородский листок», признаки преступления, предусмотренного пп. В и Г ст. 5 отд. VIII закона о печати. На указанный номер издания был наложен арест. Об этом было сообщено прокурору Нижегородского Окружного Суда. Рассмотрев данное дело, прокурор вынес заключение о невозбуждении уголовного преследования против редактора газеты А.А. Дробышевского и об отмене наложенного ареста, что было принято в распорядительном заседании первого Уголовного Отделения Нижегородского Окружного Суда. Прокурор пришел к такому решению по нескольким причинам. Во-первых, отсутствовало заявление от государственного органа, которому приписывались незаконные действия и распоряжения, о желании привлечь редактора к ответственности. Во-вторых, не было ссылки на конкретные незаконные действия и распоряжения, а лишь отмечалось, что «в резких выражениях критикуются действия правительства по усмирению смуты». И, в-третьих, было замечено, что «вся инкриминируемая статья по своей необоснованности не может возбудить общественную тревогу» [7, л. 2].

По аналогичным основаниям было отказано в возбуждении уголовного преследования против редактора газеты «Народная мысль» и об отмене ареста за опубликованную в № 51 за 1907 год указанной газеты статью «Мысли вслух» [7, л. 27].

Нередкими были случаи, когда одновременно с возбуждением уголовного преследования ставился вопрос и об уничтожении номера периодического издания, в котором был опубликован материал, нарушающий нормы законодательства.

В качестве примера можно привести дело в отношении редактора журнала «Старообрядец» В.Г. Усова, в № 9 которого за сентябрь 1907 года были размещены статьи «Разрушающаяся церковь» и «Неизбежный раскол». В указанных материалах инспектор по делам печати обнаружил признаки преступления, предусмотренного ст. 73 Уголовного Уложения и п. 2 ст. 5 отд. VIII закона о печати (указанная статья уголовного закона касается богохульства, поношения Таинств, Священного Писания, Православной Церкви и ее догматов).

Прокурор подготовил заключение на 10 листах о невозбуждении уголовного преследования. В этом документе детально разбирается каждая из обозначенных статей, подробно описываются содержание, структура материала, определяются цели, которые преследовал автор, приводятся цитаты и выдержки, отмеченные красным цветом. Такое тщательное изучение публикаций свидетельствует о внимательном отношении должностных лиц к каждому случаю применения мер ответственности в сфере периодической печати. После рассмотрения статей прокурор сделал вывод об отсутствии признаков составов преступлений, т.к. «автор касается и основывает свои выводы не на деятельности Прави-

тельствующего синода или жизни церкви, а лишь на заведомо тенденциозном подборе различных случаев из распоряжений и поступков русских архиереев, которые, принадлежа к клиру, однако не составляют сами по себе, как таковые, существа церкви и сколько бы деятельность их в отдельности была неприглядна и даже преступна, она не может подорвать высокого авторитета церкви и нарушить ее святости. Благодаря этому сколько бы автор не старался подбирать случаев, быть может, и не соответствующих высокому званию первосвященителей, он не может возбудить враждебного отношения к самой церкви» [5, л. 10]. Однако вопрос об уничтожении соответствующего номера журнала «Старообрядец» предлагал вынести на рассмотрение Нижегородского Окружного Суда, что и было сделано. Заключение прокурора было принято, а экземпляры № 9 журнала «Старообрядец» за сентябрь 1907 года в количестве 1207 штук были уничтожены по причине наличия признаков преступления, предусмотренного ст. 1039 Уголовного Уложения, т.е. «оглашение в печати таких обстоятельств, которые могут повредить чести, достоинству и доброму имени не только должностных лиц, стоящих во главе церковного управления, но и Святейшего Синода» [5, л. 25].

По аналогичной статье было возбуждено дело в отношении этого же издания «Старообрядец» еще в мае 1907 года за помещение в журнале стихотворения, где выражено богохульство. На предварительном следствии редактор-издатель В.Г. Усов отрицал свою вину, поясняя, что «поместил стихотворение не с целью поношения Серафима Саровского, а как исторический документ, характеризующий отношение некоторого класса людей к открытию останков о. Серафима» [6, л. 2]. Судебное разбирательство проходило с участием присяжных заседателей, которые пришли к выводу, что В.Г. Усов является виновным в том, что «по неразумию возложил хулу на признанного православной церковью преподобного Серафима Саровского Святым угодником, поместив стихотворение на открытие останков о. Серафима Саровского» [6, л. 26], а также признали подсудимого заслуживающим снисхождения. В силу этого суд назначил наказание в виде ареста сроком на три месяца.

Еще одной статьей, по которой привлекались к ответственности сотрудники редакций периодических изданий, была статья 129 Уголовного Уложения 1903 года, касающаяся возбуждения к совершению бунтов, ниспровержению общественного строя, неповиновению закону и власти. По этим основаниям нижегородской печати в 1907 году известны два случая из судебной практики. Первый из них касался № 29 газеты «Народная мысль», в которой была опубликована статья «Петербургские письма». В письме седьмом содержались суждения и пожелания крестьян, которые были

отправлены одному из депутатов Государственной Думы. Однако прокурор, а затем и суд не обнаружили признаков состава преступления, указывая, что «обещание со стороны населения поддержки депутатов относится, во-первых, к неопределенному будущему, и, во-вторых, обусловлено “разгоном” Думы, т.е. таким актом, который может вовсе и не входить в виды правительства» [7, л. 28].

Второй случай связан с газетой «Нижегородская биржа», в которой в № 107 была размещена статья «Не убий никого». Прокурор в своем заключении о невозбуждении уголовного преследования против редактора П. Лелькова говорит, что публикация «не заключает в себе каких-либо определенно недозволенных суждений о постановлениях и действиях правительства, как то предполагает состав преступления, предусмотренного означенной статьей уголовного закона», а имеет своей идеей необходимость «отказаться во имя религии – как для отдельных личностей и для всевозможных политических организаций, так и для государства – от лишения жизни людей с теми или иными целями» [7, л. 22].

Таким образом, проанализировав лишь некоторые случаи из судебной практики в области периодических печатных изданий, мы можем сделать следующие выводы. Каждая ситуация, связанная с привлечением к ответственности, подробно разбиралась судебными должностными лицами. Тем самым избегалось необоснованное и незаконное уголовное преследование редакторов и издателей. Далеко не всегда, как видим из рассмотренных выше конкретных дел, органы судебной власти были согласны с цензорами, осуществляющими свои полномочия в губернии.

Цензоры, ставя вопрос о возбуждении уголовного преследования в отношении редакторов и издателей, в качестве основной меры использовали наложение ареста на определенный номер периодического издания с целью предотвратить распространение в обществе мыслей, содержащих в себе признаки противоправных деяний.

Дела в сфере периодической печати возбуждались против разных газет и журналов, однако некоторые наименования чаще других встречались в судебной хронике. Так, только в 1907 году известны два случая постановки вопроса о привлечении к ответственности редакторов журнала «Старообрядец» и газеты «Народная мысль». Это позволяет сделать вывод о том, что редакционный коллектив, несмотря на угрозу уголовного или административного наказания, продолжал следовать программе своего периодического издания.

Исследование практики применения законодательства о печати через официальные документы должностных лиц позволяет получить, говоря современным юридическим языком, комментарий конкретной нормы закона. Это, на наш взгляд, является полезным не только для изучения правовой среды, но и для понимания состояния всей общественной сферы жизни.

Библиографический список

1. *Арсеньев К.К.* Законодательство о печати. – СПб.: Типо-Литография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1903. – 263 с.
2. *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 368 с.
3. *Патрушева Н.Г., Фут И.П.* Циркуляры цензурного ведомства Российской империи. – СПб.: Издательство «Российская национальная библиотека», 2016. – 721 с.
4. Именной Высочайший указ, данный Сенату «О временных правилах о повременных изданиях» от 24 ноября 1905 г. // Полное собрание законов Российской Империи, собрание третье. – СПб.: Государственная типография, 1908. – Т. XXV.
5. ЦАНО. – Ф. 178. – Оп. 95а. – Д. 3292.
6. ЦАНО. – Ф. 178. – Оп. 95а. – Д. 3510.
7. ЦАНО. – Ф. 179. – Оп. 1. – Д. 383.
8. *Энгельгардт Н.А.* Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1904. – 388 с.

К ВОПРОСУ О ВЫБОРЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена проблеме определения теоретической модели местного самоуправления. Ставится вопрос о поиске наиболее эффективной модели для современной России. Рассматриваются базовые модели местного самоуправления, существующие в теории конституционного и муниципального права, и соотношение данных моделей с современной российской законодательной моделью. Анализируется правоприменительная практика в вопросах местного самоуправления. Исследуются разъяснения высших судов, изменения законодательства, мнения ученых. Рассматриваются международные правовые акты, ранее действующее законодательство, факторы, оказывающие влияние на развитие данного института в современной России. Анализируется современное состояние и дается прогноз на будущее развитие теории и практики вопроса.

Ключевые слова: местное самоуправление, модель местного самоуправления, государственная теория местного самоуправления, дуалистическая теория местного самоуправления, политическая модель местного самоуправления, государственная модель местного самоуправления.

Практика поиска эффективной модели местного самоуправления в разных странах выработала множество подходов к данному явлению. Необходимость поиска для России своей модели также, безусловно, очевидна.

Правовая конструкция, регламентированная Конституцией Российской Федерации 1993 года, критически осмысливается многими учеными. Например, О.О. Миронов указывает, что большие сложности в правовой практике вызывает формулировка статьи 112 Конституции Российской Федерации, согласно которой органы муниципальной власти не относятся к системе органов государства. Указанную статью следовало бы исключить из текста основного закона, поскольку практически невозможно себе представить, чтобы миллионные по численности населения города и крупные областные центры управлялись вне системы государственных органов [5, с. 87].

По мнению Л.И. Черкасова, желание скорее преодолеть «государствление» местного самоуправления при дефиците теоретических знаний о правовой природе государства, муниципальной власти и самоуправления привело к закреплению в конституционном праве теории негосударственной природы муниципальной власти, истоки которой восходят к «общественной» теории самоуправления [8, с. 115].

Закрепленные законами Российской Федерации об общих принципах организации местного самоуправления 1995 и 2003 гг. определения местного самоуправления пусть и отличаются друг от друга, но реализуют иную, по сравнению с Европейской хартией местного самоуправления, позицию. Федеральный закон 1995 г. в определении местного самоуправления акцентирует внимание на возможности участия населения в решении местных вопросов и задач, в свою очередь закон 2003 г., не отказываясь и от вышеупомянутого права, называ-

ет местное самоуправление прежде всего формой реализации народовластия.

Многие из российских государствоведов, например И.В. Выдрин, полагают более рациональным подход Европейской хартии и указывают, что по сравнению с указанным документом «российский подход представляется идеализированным» [2, с. 74].

Среди множества теорий, различным образом объясняющих природу местного самоуправления, выделяют «государственную теорию» муниципальной власти, в соответствии с которой местное управление – это прежде всего «одна из многочисленных форм организации местного государственного управления» [3, с. 51]. В Российской Федерации более развернуто положения данной теории были развиты исследователями местного самоуправления, среди которых можно выделить И.Д. Беляева, А.И. Васильчикова, В.П. Безобразова, Н.И. Лазаревского, А. Градовского [7, с. 18]. Данная теория разделяется на юридическое и политическое направления. Иногда юридическая теория рассматривается самостоятельно [5, с. 10].

С точки зрения юридической теории самоуправления органы муниципальной власти не являются государственными органами, однако государство передает муниципальной власти ряд государственных прав в определенном объеме, обеспечивая при этом их неприкосновенность и независимость. Базовое начало данной теории заключается в делении полномочий и функций по управлению муниципальными вопросами между местными органами и государственными, а соответственно, в более четком оформлении властных полномочий государственных и муниципальных публичных правовых институтов.

В виде альтернативного направления в государственной теории местного самоуправления существует политическая теория, которая построена на противопоставлении чиновников и выборных

должностных лиц от населения, большое значение уделяется процессу выборов, идеализируется роль чиновников, избираемых населением [7, с. 20–27].

Рассматривают также теорию дуализма муниципальной власти, в соответствии с которой органы местного самоуправления, осуществляющие различные управленческие функции, выходят за пределы вопросов местного значения и, следовательно, обязаны осуществлять свою деятельность как инструмент государственной администрации.

Единое понятие сути природы муниципальной власти отсутствует и в современной науке.

С.А. Авакьян, к примеру, назвал принцип самостоятельной муниципальной власти изначальным дефектом конституционного права, созданным «на почве заблуждений, романтизма или... отчаяния» [1].

В правоприменительной практике в настоящее время встречаются следующие положения.

Так, из Постановления Конституционного суда № 1-П от 24.01.1997 г. по делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17.04.1996 г. «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» (абзацы 6 п. 4, 3 и 5 пункта 5 мотивировочной части) можно сделать вывод, что суд напрямую исходит из того, что в рамках органов муниципальной власти не могут создаваться представительные и исполнительные государственные органы территориальных единиц, не имеющие в соответствии с конституцией (уставом) субъекта РФ статуса административных территориальных единиц, напрямую входящих в его состав, – город районного подчинения, район в городе и др. На данном уровне публичная власть осуществляется посредством муниципальной власти и органов местного самоуправления, не входящих в систему государственной власти [4].

В другом решении федерального Конституционного суда прямо высказывалось, что «указание на то, что органы местного самоуправления являются органами власти, само по себе не свидетельствует об их государственной природе. Публичная власть может быть и муниципальной» [6].

Данные положения ближе по своему пониманию к дуалистической концепции местного самоуправления.

Одна из основных проблем, возникающих при реализации реформы муниципальной власти, заключается не в выборе между централизацией и децентрализацией, а в установлении надлежащего баланса между ними, адекватного существующим реальным условиям.

В настоящее время муниципальное самоуправление в Российской Федерации характеризуют следующие явления:

- а) высокий уровень коррупции;
- б) недостаточная разработанность законодательства различных уровней;
- в) низкая самостоятельность местных органов власти;
- г) большая финансовая зависимость от центральной власти;
- д) слабый уровень доверия со стороны общества;
- е) дефицит муниципальных бюджетов;
- ж) неэффективность управленческих механизмов;
- з) конфронтация между государственными и муниципальными органами власти.

Среди перечисленного особо следует выделить слабую финансовую обеспеченность местных бюджетов, что практически исключает или сводит на нет практическую целесообразность децентрализации муниципальной власти.

В результате получается ситуация, в которой теоретическая модель, закрепленная в Конституции РФ, входит в определенный конфликт с потребностями оптимизации принципов и механизмов публичной власти, что в конечном итоге повлечет либо изменение законодательства, либо очередную экономическую реформу местного самоуправления.

Библиографический список

1. Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 8.
2. Выдрин И.В. Муниципальное право России. – М., 2004.
3. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации. – М., 2006.
4. Постановление Конституционного суда № 1-П от 24 января 1997 г. по делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 г. «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система.
5. Местное самоуправление и муниципальное управление / под ред. А.С. Прудникова, Д.С. Белявского. – М., 2009.
6. Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 4. – Ст. 532.
7. Соловьев С.Г. Муниципально-властные институты в местном самоуправлении Российской Федерации. – СПб., 2003.
8. Черкасов А.И. Сравнительное местное самоуправление: теория и практика. – М., 1997.

ПОНЯТИЕ «РЕШЕНИЕ, ПРИНИМАЕМОЕ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ»

В статье отражается попытка автора обратить внимание ученых и исследователей, занимающихся проблемами оперативно-розыскной деятельности и прокурорского надзора, за законностью ее осуществления, на необходимость усовершенствования понятийного инструментария, обогащающего и уточняющего юридические знания. В частности, указывается на важность формулировки понятия «решение в оперативно-розыскной деятельности подразделений ОВД», которое в научной мысли не разработано и на законодательном уровне не закреплено. В результате сотрудники оперативных подразделений ОВД систематически сталкиваются с трудностями, граничащими с нарушением законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий, а уполномоченные прокуроры – с неопределенностями в установлении правомерности принимаемых в оперативно-розыскной деятельности решений. Путем анализа юридически значимых признаков аргументируется авторский взгляд на понятие «решение в оперативно-розыскной деятельности подразделений ОВД».

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, решение, органы внутренних дел, законность, оперативно-розыскные мероприятия, понятие, юридически значимые признаки, оперативно-розыскное решение.

Центральным звеном оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), осуществляемой в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств, являются принимаемые в этой сфере решения. Все они в силу правоохранительной специфики направлены на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выполнение иных важнейших задач ОВД России. При этом каждое решение должно отвечать системе требований, среди которых особое место принадлежит законности.

Закрепляя указанные положения в качестве постулата и концептуальной основы данной статьи, подчеркнем тот факт, что в юридической доктрине исследователями должного внимания толкованию термина «решение в оперативно-розыскной деятельности ОВД» не уделяется. В близких по тематике научных разработках встречаются лишь отдельные близкие аспекты проблемы принятия решений в ОРД, не позволяющие сформировать емкое и одновременно содержательное теоретико-прикладное представление о природе и особенностях таких решений. Как результат, сотрудники оперативных подразделений ОВД систематически сталкиваются с трудностями, граничащими с нарушением законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), а уполномоченные прокуроры – с неопределенностями в установлении правомерности принимаемых в ОРД решений.

Анализируя сущностную сторону проблемы, уместно вспомнить совет Рене Декарта: «Определив точно значения слов, вы избавите человечество от половины заблуждений» [11]. На наш взгляд, глубокая мысль известного французского философа достойна применения в современной юридической науке, так как нацеливает на форми-

рование четко сформулированного понятийного инструментария, обогащающего представление о конкретном предмете исследования, обеспечивающего генерирование знаний в логически выстроенную систему. Такое понимание побуждает к поиску юридически значимых признаков решений, принимаемых в ОРД оперативными подразделениями ОВД, внимательному их осмыслению и синтезу в форме терминологического определения.

Так, А.Ю. Шумилов под решением субъекта ОРД понимает вывод, который, в пределах полномочий и руководствуясь правосознанием, он сделал по имеющейся фактической информации, влекущей установленные оперативно-розыскным законодательством последствия. Он обоснованно причисляет к основным признакам решения в ОРД: 1) осознанность его принятия соответствующим субъектом; 2) добровольность принятия; 3) принятие решения в рамках отпущенных субъекту полномочий; 4) отсутствие обстоятельств, исключающих законность решения; 5) наличие последствий, установленных оперативно-розыскным законодательством [14, с. 161].

По нашему мнению, предложенная А.Ю. Шумиловым формулировка познавательного обогащает сущность решений в ОРД, поскольку отображает отдельные субъективные и объективные стороны их принятия уполномоченными подразделениями ОВД. Этим можно объяснить наличие опубликованных в открытой печати, а также выложенных на интернет-ресурсах схожих представлений авторов об исследуемом понятии.

В то же время ряд выделенных юридически значимых признаков имеет дискуссионный характер с полярным отношением специалистов в области ОРД и смежных юридических наук. В частности, как подчеркивает С.И. Давыдов, вряд ли оправдано увязывать оперативно-розыскные реше-

ния только с последствиями правового характера. К примеру, решение о выборе тактического приема проведения ОРМ никаких правовых последствий не влечет, как и принятие многих решений в сфере организации ОРД [6, с. 56]. Диаметрально противоположного взгляда придерживаются В.М. Аتماжитов и В.Г. Бобров, настаивая на том, что результаты ОРМ всегда вызывают определенные юридически значимые последствия или связаны с наступлением таких последствий [1, с. 23–24].

Возникшая полемика, по всей видимости, стала результатом недостаточной убедительности аргументов А.Ю. Шумилова в рассматриваемом вопросе. С одной стороны, уважаемый мэтр обоснованно заявляет, что юридически значимое последствие ОРД есть предусмотренное федеральным законом обстоятельство, которое возникает вследствие принятия решения в ОРД, осуществления ОРМ, применения оперативно-розыскной меры пресечения или совершения другого социально значимого действия и становится юридическим фактом, то есть влечет возникновение (изменение, прекращение) определенного правоотношения. С другой стороны, он признает многоаспектность ОРД и усматривает в числе ее последствий те, которые не влекут возникновения того или иного юридического факта [14].

С уверенностью полагаем, что существующие разногласия во мнениях обусловлены отличием акцентов, сделанных в привязке к тем или иным задачам ОРД, ради выполнения которых принимаются решения в ОРД.

Например, в случаях, когда решения направлены на раскрытие преступлений, а также выявление лиц, причастных к их совершению, путем проведения мероприятий, временно ограничивающих конституционные права граждан, правовые последствия очевидны и возникают неминуемо. Они сопряжены с соблюдением субъектами ОРД ряда нормативно закрепленных правил и процедур, определяющих правомерность интрузивного вмешательства в охраняемую законом сферу прав человека, устанавливающих порядок негласной фиксации и накопления информации доказательственного значения, предусматривающих условия использования полученных сведений в уголовном судопроизводстве. Именно поэтому данная категория решений в ОРД подлежит пристальному прокурорскому надзору на предмет ее соответствия законности.

В то же время когда речь идет о розыске уклоняющихся от уголовного наказания лиц, то значительная часть исследуемых решений правовых последствий не влечет, поскольку в силу особенностей поисковой деятельности оперативных подразделений ОВД предполагает накопление и аналитическую обработку ориентирующей информации, находящейся в социальных сетях, в ведомственных автоматизированных информационных систе-

мах МВД, а также поступающей от оперативных источников в криминальной среде. Речь идет о решениях, нацеленных на установление связей, сфер интересов, возможностей и иных важных данных о разыскиваемых преступниках. Данные решения выполняют обеспечивающую миссию в деле определения местонахождения преступников и создания условий для дальнейшего их задержания.

Вышеуказанные аргументы, по нашему мнению, отражают некую условность нахождения в системе юридически значимых признаков решений в ОРД такого признака, как наступление установленных законодательством последствий. Точнее было бы говорить о том, что рассматриваемые решения принимаются *в целях выполнения задач ОРД*. Данный признак не только понятен для восприятия. Он выступает фундаментальным ориентиром оперативно-розыскного познания, имеющим четкую правоохранительную направленность, закрепленную положениями ст. 2 Федерального закона РФ от 12.08.1995 «Об оперативно-розыскной деятельности».

Стоит отметить, что иные предлагаемые А.Ю. Шумиловым структурные элементы (признаки) решений в ОРД также имеют полемический характер, предполагающий необходимость их углубленного анализа и уточнения. В этом контексте к числу признаков, имеющих весомую смысловую нагрузку, на наш взгляд, можно отнести *осознанность принятия решения в ОРД соответствующим субъектом*. В его сущность заложены две принципиально важные идеи. Первая опирается на законодательно закрепленное понятие ОРД (ст. 1 Федерального закона РФ от 12.08.1995 «Об оперативно-розыскной деятельности»), указывающее на допустимость проведения такой деятельности исключительно оперативными подразделениями уполномоченных государственных органов (!).

Важно подчеркнуть, что к числу субъектов, принимающих решения в ОРД, причисляются не только руководители ОВД и конкретно установленных оперативных подразделений. К ним относятся любые оперативные работники, иницирующие проведение ОРМ в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, а также выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Например, проведение такого гласного ОРМ, как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, осуществляется на основе соответствующего распоряжения, подписанного уполномоченным руководителем. Проект данного распоряжения и мотивированный рапорт к нему готовит оперативный сотрудник [10], в производстве которого находится дело оперативного учета. В целом указанные положения позволяют конкретизировать понимание о субъектах, принимающих решения в ОРД ОВД, относя к ним должностных лиц оперативных подразделений.

Вторая идея апеллирует к психологической науке, выделяя осознанность как особое состояние уполномоченных должностных лиц, принимающих решения в ОРД. В теоретической плоскости ценность осознанности решений определяется способностью сознания к рациональному и адекватному анализу внешней действительности, к формированию моделей поведения на основе выводов из этого анализа, к умению отслеживать эмоции, бессознательные порывы психики и противостоять им. В практической деятельности оперативных подразделений ОВД эффект осознанности отражается в мыслительных процессах, обрабатывающих представляющую оперативный интерес информацию на предмет ее полноты и достоверности, преломляя полученные результаты в подбор соответствующего оперативно-розыскного инструментария и тактических приемов противодействия преступности.

Отличное от А.Ю. Шумилова видение сущности решений в ОРД предлагает научной общественности С.И. Давыдов. В одной из работ ученый приходит к выводу, что принять правильное решение в ОРД – значит определить такие организационно-управленческие меры, наметить такие мероприятия и способы их реализации, которые бы обеспечили выполнение задачи в предельно короткие сроки имеющимися силами и средствами при наименьших материальных затратах и безусловном соблюдении законности. В продолжение мысли автор представляет решение в ОРД в форме модели предстоящих организационных мер и практических мероприятий, оптимально соответствующих сложившейся оперативно-розыскной ситуации [6, с. 56].

Данный подход, на наш взгляд, привносит весомую практическую составляющую в общее понимание юридически значимых признаков исследуемого понятия, формируя несколько принципиально важных аспектов. Первый из них связывает принятие решений в ОРД ОВД с *анализом и оценкой ситуации*, называемой в теории ОРД оперативно-розыскной либо оперативно-тактической.

Примечательно то, что в кругу видных в оперативно-розыскной науке специалистов нет единства мнений относительно природы вышеупомянутых ситуаций. Например, С.И. Давыдов считает, что оперативно-розыскная ситуация – это совокупность сложившихся на определенный момент времени обстоятельств, в которых действуют участники оперативно-розыскной деятельности [5, с. 7]. Авторский коллектив в составе К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова убежден в том, что оперативно-тактическая ситуация – это реально существующее на данный момент состояние криминального события (или иного связанного с ним факта) либо угрозы наступления такого события, по поводу которого осуществляется ОРМ, условия, в которых предстоит действовать оперативнику,

его возможности принять необходимые меры, формулируемые в виде конкретной задачи [13, с. 709]. Нам же импонирует позиция Д.В. Кима, выделяющая информационную составляющую оперативно-розыскной ситуации и раскрывающая ее сущность в виде сложной динамической системы информационного характера, возникающей в деятельности субъектов, осуществляющих ОРД, и влияющей на дальнейшую организацию этой деятельности в целях решения задач, стоящих перед оперативными аппаратами, путем применения ими специальных средств, приемов и методов [8, с. 233].

Сравнительный анализ приведенных точек зрения позволяет обозначить познавательную направленность оперативно-розыскных ситуаций, включающую всестороннее изучение обстоятельств, входящих в компетенцию оперативных подразделений ОВД, рациональный подбор оперативно-розыскных методов, приемов и средств влияния на объекты ОРД, прогнозирование изменений в поведении криминального элемента и в целом создание благоприятных условий для принятия законных решений в ОРД.

Важно отметить и то, что оценка ситуации, осмысливание явлений, анализ имеющейся и поступающей информации – это интеллектуальные операции, диалектический процесс, специфика которого обусловлена рядом факторов. Во-первых, динамичностью ситуации, которая постоянно изменяется. В связи с этим оценивать ее приходится неоднократно. Наиболее динамичными являются элементы информационного характера. Во-вторых, взаимным постоянным влиянием структурных элементов ситуации, которые определяют ее характер и вид. В-третьих, необходимостью оценки каждого элемента ситуации, выявления тех из них, которые приоритетно влияют на вид и форму решения [7]. К таковым относятся происшествия криминального характера; данные, представляющие оперативный интерес; источники информации; условия получения новых сведений и возможности их эффективного использования; силы и средства, привлекаемые криминалитетом в противодействие ОВД; возможности оперативных подразделений в негласном наблюдении, применении технических средств и в других ключевых направлениях ОРД.

Вторым аспектом, отражающим прикладное содержание решений в ОРД, является предусмотренное С.И. Давыдовым указание на такой юридически значимый признак, как *эффективное использование сил и средств*. Мнение автора представляется небезосновательным и заслуживающим внимания, так как именно эффективность отражает качественную составляющую деятельности оперативных подразделений ОВД в решении поставленных перед ними задач. Кроме того, эффективность выступает одним из важнейших мерил, формирующих убеждение прокурора в законности решений о проведении

ОРМ с привлечением негласных сотрудников, применением специальной техники, использованием информационно-аналитических систем ОВД [2]. Тем не менее как в практической деятельности органов прокуратуры, так и в литературных источниках система оценки эффективности решений в ОРД весьма размыта, не имеет четких условий, в связи с чем регулярно подвергается критике. Среди прочих сомнительной и порочной названа оценка оперативно-служебной деятельности по критериям роста или снижения количества регистрируемых преступлений, их раскрываемости и недопущения [12, с. 60].

Проведенное нами исследование позволило установить, что в сфере прокурорского надзора за законностью решений в ОРД подразделений ОВД эффективность использования сил и средств может определяться следующими положениями:

1. Применением достаточных в конкретно сложившейся ситуации мер, сил и средств ОРД, обеспечивающих полное решение задач этой деятельности.

2. Соответствием используемых сил и средств степени общественной опасности преступных посягательств, угрозе интересам общества и государства. Согласно положениям ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [9].

3. Соразмерностью ожидаемого и достигнутого экономического или социального эффекта с сопровождаемыми материальными затратами. По данным СМИ [4], прослушивание мобильного телефона стоит около \$ 5000 в день. Наружное наблюдение – одна из самых дешевых услуг – обходится от \$ 500 в день в зависимости от мобильности объекта. На установку жучков тратится около \$ 8000 за комплект оборудования без учета работы специалиста.

4. Организацией оперативно-розыскного документирования преступной деятельности, исключающей признание полученных доказательств недопустимыми (ст. 75 УПК РФ).

Принимая во внимание мнения вышеуказанных авторов относительно иных признаков решения в ОРД, имеющих, на наш взгляд, косвенное отношение к исследуемому термину, укажем на значимый аспект, который в научных работах был упущен. Решение в ОРД – это не только осознанный или, как иногда пишут, социально направленный акт, это *акт правоприменительный*, осуществляемый исключительно в рамках нормативных предписаний всей многоуровневой структуры правовой основы ОРД (конституционный, международно-правовой, законодательный, подзаконный уровни). Условно процесс применения права уполномоченным субъектом может быть представлен в трех основных стадиях: 1) установление фактических

обстоятельств, охватываемых задачами ОРД; 2) выбор и анализ нормы права; 3) планирование реализации решения на уровне исполнителей.

Утверждение о неотъемлемой взаимосвязи решений в ОРД с правоприменением выглядит неполным, если не корреспондирует с такими юридически значимыми признаками, как наличие правовых оснований, а также установленных законодателем и ведомственными нормативными актами МВД полномочий.

Правовые основания, как известно, выступают важнейшей информационной основой, предопределяющей и легитимирующей процессы реализации всех форм ОРД и особенно проводимых в их рамках ОРМ [3, с. 252]. На этот счет в теории ОРД бытует мнение о том, что по своей природе (происхождению) данные, являющиеся основанием для проведения ОРМ, могут быть получены в рамках уголовного судопроизводства, в процессе осуществления ОРД, а также непроцессуальным и не оперативно-розыскным путем. Основаниями же для проведения ОРМ являются фактические данные, достаточные для предположения о совершении деяния, подпадающего под признаки того или иного состава преступления, либо о событиях или действиях, которые могут представлять угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности РФ [13, с. 288].

Приведенные, как, впрочем, и иные наработанные наукой изыскания, описывающие основания для проведения ОРД, не оригинальны в подборе ключевых положений. И это не случайно. Все они опираются на установку законодателя, который в ст. 7 Федерального закона РФ от 12.08.1995 «Об оперативно-розыскной деятельности» четко обозначил перечень оснований для проведения ОРМ.

В свою очередь, полномочия оперативных подразделений ОВД определяют основную функциональную направленность принимаемых ими решений, а главное – пределы, в рамках которых ОРД является правомерной. Согласно Указу Президента № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации», утвержденному 21 декабря 2016 года, МВД России осуществляет следующие полномочия в сфере ОРД: разрабатывает и принимает в пределах своей компетенции меры по предупреждению преступлений и административных правонарушений, по выявлению и устранению причин и условий, способствующих их совершению; организует и осуществляет в соответствии с законодательством РФ розыск лиц и похищенного имущества, а также деятельность по установлению имущества, подлежащего конфискации; выявляет, предупреждает, пресекает, раскрывает и расследует тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные

организованными группами, преступными сообществами (преступными организациями), носящие транснациональный или межрегиональный характер, либо преступления, вызывающие большой общественный резонанс, и др.

Указанные полномочия тесно перекликаются с правами и обязанностями полиции в целом и оперативных подразделений ОВД в частности, регламентированными Федеральными законами РФ «О полиции» и «Об оперативно-розыскной деятельности». Обретают конкретику они в ведомственных нормативных актах МВД, где детализируются в зависимости от направленности (специализации) деятельности оперативных подразделений.

Подытоживая вышеуказанные размышления, сделаем следующие выводы:

1. Понятие «решение в оперативно-розыскной деятельности ОВД» можно сформулировать как осознанный правоприменительный акт, принимаемый на основе анализа и оценки оперативно-розыскной ситуации должностными лицами оперативных подразделений ОВД в пределах их полномочий при наличии правовых оснований, предусматривающий эффективное использование сил и средств в целях выполнения задач ОРД.

2. В рамках развития теории ОРД и обогащения ее терминологического аппарата решения в ОРД корректнее назвать оперативно-розыскными, подчеркивая их природу и связанную с ней специфику в противодействии преступности.

3. Целесообразно вынести на обсуждение ученых и практиков вопрос о необходимости внесения в Федеральный закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» изменений, предусматривающих содержательное и системно-структурное уточнение понятийного инструментария. В частности, по аналогии с уголовно-процессуальным законодательством, где решения субъектов устойчиво закреплены как процессуальные, заменить с соблюдением требований юридической техники слово «решение» на словосочетание «оперативно-розыскное решение».

Библиографический список

1. *Атмажитов В.М., Бобров В.Г.* Оперативно-розыскные мероприятия: актуальные вопросы теории и практики // Государство и право. – 2005. – № 3. – С. 23–31.

2. *Бабичев Д.А.* Информационное обеспечение подразделений уголовного розыска в Российской Федерации и Луганской Народной Республике: сравнительный анализ // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – № 6. – С. 198–204.

3. *Бабичев Д.О.* Рішення про проведення оперативно-розшукових заходів: правова природа та інтерпретація // Роль та місце ОВС у розбудові демократичної правової держави: матеріали Міжнародної науково-практичної конференції (10 квітня 2009 року). – Одеса, 2009. – С. 252.

4. Большой брат следит за тобой. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://smoking-room.ru/data/hot_ten/2043.html (дата обращения: 19.09.2017).

5. *Давыдов С.И.* Оперативно-розыскные ситуации: понятие, структура, виды: учеб. пособие. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2006.

6. *Давыдов С.И.* О роли ситуаций в принятии решений в оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2010. – № 1. – С. 55–61.

7. *Давыдов С.И., Денисенко Ю.В., Пашаев Х.П.* Организационные решения в оперативно-розыскной деятельности и их ситуационная обусловленность. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/organizatsionnye-resheniya-v-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-i-ih-situatsionnaya-obuslovlennost> (дата обращения: 19.09.2017).

8. *Ким Д.В.* Оперативно-розыскные ситуации как объект криминалистического исследования // Общество и право. – 2008. – № 2. – С. 230–236.

9. Конституция Российской Федерации: закон от 12.12.1993. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm> (дата обращения: 19.09.2017).

10. Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия, обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств: приказ МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199 (с изменениями и дополнениями от 17 марта 2015 г., 30 сентября 2016 г., 17 апреля 2017 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/documents/20120328164545/item/2325472/> (дата обращения: 09.09.2017).

11. Рене Декарт: цитаты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%BD%D0%B5_%D0%94%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82 (дата обращения: 19.09.2017).

12. *Спасенников Б.А., Налбандян Р.Г.* К оценке деятельности оперативных подразделений как фактору, влияющему на ее эффективность // Актуальные вопросы образования и науки. – 2017. – № 1. – С. 59–62.

13. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 832 с.

14. *Шумилов А.Ю.* Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учебник для вузов. – М.: Издат. дом Шумиловой И.И., 2006. – 368 с.

НОВЫЕ ПРАВИЛА ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

В статье рассматриваются некоторые новейшие положения, связанные с привлечением денежных средств граждан и юридических лиц для долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, а также гарантии защиты прав, законных интересов и имущества участников долевого строительства. В статье анализируются новые способы защиты прав участников долевого строительства: требования к организационно-правовой форме застройщика, наличие у него опыта участия в строительстве, отсутствие обязательств по кредитам, займам, ссудам, за исключением целевых кредитов на строительство, обязательность наличия экспертизы проектной документации во всех случаях, даже при малоэтажном строительстве и др. Показывается роль договора участия в долевом строительстве. Выделены основные требования к застройщику в случае привлечения денежных средств участников долевого строительства для строительства многоквартирного дома и иных объектов недвижимости.

Ключевые слова: строительство многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, участники долевого строительства, застройщик, договор участия в долевом строительстве, компенсационный фонд.

Институт долевого строительства возник в 90-е годы прошлого столетия в силу различных причин. В России это прекращение бюджетного финансирования строительства жилья, отсутствие доступного государственного программного финансирования и практически отсутствующий рынок недвижимости.

В Аргентине (родоначальница долевого строительства) наличие жесткого экономического кризиса и нестабильная экономическая ситуация в стране привели к созданию в 1985 г. специальной жилищной программы. В последующем британские финансисты, скорректировав аргентинскую идею долевого строительства, вместо создания специального акционерного общества и продажи акций стали сразу реализовывать квадратные метры. Данная схема использовалась и хорошо себя зарекомендовала при возведении множества объектов недвижимости в странах Ближнего Востока [1, с. 7–18].

В настоящее время долевое строительство получило достаточно широкое распространение и в России. Правовое регулирование отношений, связанных с привлечением денежных средств граждан и юридических лиц для долевого строительства (далее дольщики) объектов недвижимости (многоквартирных домов и иных объектов) и возникновением у дольщиков права собственности на эти объекты и права общей долевой собственности на общее имущество, осуществляется на основании целого ряда специальных законов [3; 4], призванных гарантировать защиту прав, законных интересов и имущества участников долевого строительства.

Для начала отметим, что действующий закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ неоднократно изменялся и вполне надежно защищает дольщика. Так, уже в ст. 1 ч. 2 закона установлено императивное правило о том, что основаниями привлечения де-

нежных средств дольщиков для строительства может выступать только, во-первых, договор участия в долевом строительстве (далее ДДУ), во-вторых, выпуск эмитентом облигаций особого вида – жилищного сертификата, в-третьих, жилищно-строительными и жилищными накопительными кооперативами [3].

С одной стороны, ДДУ в силу жесткого правового регулирования (требования к условиям договора, его обязательная регистрация, требования к застройщику, обеспечительные меры) делают его одним из самых надежных способов приобретения жилья. С другой стороны, постоянно «совершенствующиеся» мошеннические схемы, появляющиеся новые (как правило, связанные с нововведениями в регулировании процессов оборота недвижимости и с недостаточными правовыми познаниями участников оборота) приводят к ряду проблем. Долгострой, задержка сдачи в эксплуатацию, приостановление работ и в особенности использование «серых схем» (заключение предварительного договора вместо ДДУ, двойная продажа, наиболее грубый вид мошенничества – заключение договора без разрешительной документации на строительство) требуют активного вмешательства государства в сферу регулирования долевого строительства.

На сегодняшний день следует выделить два таких основных направления: 1) совершенствование нормативного регулирования – установление новых правил, направленных на пресечение нарушений в сфере долевого строительства; 2) субординационное индивидуальное правовое регулирование – контроль и создание условий, позволяющих решить уже возникшие проблемы обманутых дольщиков

Показательным примером совершенствования нормативного регулирования является принятие Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ [3],

устанавливающего радикальные изменения в деятельности застройщиков. В частности, теперь застройщиком может выступать только общество (основное или дочернее), имеющее опыт не менее трех лет участия в строительстве (создании) многоквартирных домов общей площадью не менее десяти тысяч квадратных метров в совокупности, и которое имеет в собственности или на праве аренды, на праве субаренды либо на праве безвозмездного пользования земельный участок, наименование которого содержит слова «специализированный застройщик» или «некоммерческая организация, созданная в соответствии с Законом РФ «О статусе столицы Российской Федерации»» [5].

В соответствии с изменениями привлекать денежные средства дольщиков имеет право только застройщик, отвечающий следующим требованиям:

1) наличие проектной документации и положительного заключения экспертизы проектной документации;

2) размер собственных средств застройщика должен составлять не менее чем 10 % от планируемой стоимости строительства;

3) наличие денежных средств в размере не менее 10 % от проектной стоимости строительства на банковском счете застройщика, открытом в полномоченном банке;

4) отсутствуют обязательства по кредитам, ссудам, за исключением целевых кредитов, связанных с привлечением денежных средств дольщиков;

5) застройщиком не осуществлены выпуск или выдача ценных бумаг, за исключением акций;

6) обязательства застройщика, не связанные с привлечением денежных средств дольщиков и в пределах одного разрешения на строительство, не превышают 1 % от проектной стоимости строительства;

7) имущество, принадлежащее застройщику, не используется для обеспечения исполнения обязательств третьих лиц или собственных обязательств застройщика, не связанных с привлечением денежных средств дольщиков;

8) отсутствуют обязательства по обеспечению исполнения обязательств третьих лиц.

Застройщик теперь не вправе одновременно осуществлять строительство многоквартирных домов по нескольким разрешениям на строительство и, как уже отмечалось, не вправе осуществлять иную деятельность, предоставлять займы и ссуды, приобретать ценные бумаги, создавать коммерческие и некоммерческие организации. Особо отметим, что законодатель заменил требования к уставному капиталу на размер собственных средств застройщика (не менее чем 10 % от планируемой стоимости строительства), что, на наш взгляд, безусловно, в большей степени защищает права дольщиков. Застройщик обязан составлять промежуточную бухгалтерскую (финансовую) отчетность на ежеквартальной основе.

Также изменения касаются взаимодействия органов государственной власти, фонда, застройщиков, порядка совершения операций по расчетному счету застройщика, вводятся новые положения о единой информационной системе жилищного строительства, оператором которой является единый институт развития в жилищной сфере, а также порядок вступления в силу положений федерального закона. В частности, обязанность застройщика по уплате обязательных отчислений (взносов) в компенсационный фонд выполняется, если договор участия в долевом строительстве с первым участником долевого строительства представлен на государственную регистрацию после даты государственной регистрации фонда.

В целях реализации государственной жилищной политики, направленной на повышение гарантии защиты прав и законных интересов дольщиков, создана публично-правовая компания «Фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства» (далее – компенсационный фонд) [4]. Органами управления фонда являются наблюдательный совет, правление и генеральный директор фонда. Председатель и члены наблюдательного совета фонда назначаются правительством Российской Федерации сроком на три года. В наблюдательный совет фонда, состоящий из семи человек, входит представитель Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации.

К полномочиям фонда относятся, в частности: формирование компенсационного фонда за счет обязательных отчислений застройщиков и имущества, приобретенного за счет инвестирования указанных денежных средств; выплата за счет средств фонда возмещения гражданам-участникам долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщика; финансирование мероприятий по завершению строительства объектов незавершенного строительства за счет средств фонда; учет поступивших обязательных отчислений застройщиков в фонд и взаимодействие с органом регистрации прав в целях обеспечения контроля за исполнением застройщиком обязанностей по уплате таких отчислений.

Размер обязательных отчислений (взносов) застройщиков в компенсационный фонд составляет 1,2 % от согласованной сторонами цены каждого договора участия в долевом строительстве. Величина взноса может изменяться только на основании федерального закона не чаще одного раза в год. При изменении величины взноса изменение размера обязательных отчислений (взносов) производится не ранее чем через три месяца после дня вступления в силу такого федерального закона.

Порядок принятия фондом решения о финансировании мероприятий по завершению строительства объектов незавершенного строительства и осуществления контроля за использованием средств, предоставленных в рамках такого финан-

сирования, устанавливается правительством Российской Федерации. Средства на финансирование мероприятий по завершению строительства объектов незавершенного строительства предоставляется только юридическому лицу, выбранному путем конкурсного отбора, порядок и условия которого устанавливаются уполномоченным органом.

Фонд вправе выпускать облигации, инвестировать временно свободные средства на принципах возвратности, прибыльности и ликвидности в порядке, установленном правительством РФ, осуществлять иную приносящую доход деятельность, направленную на достижение целей, поставленных перед фондом. При этом направления расходования средств фонда, полученных в том числе в результате деятельности, приносящей доход, а также предельный процент доходов, получаемых от инвестирования средств компенсационного фонда и направляемых на финансирование расходов, связанных с осуществлением функций фонда и обеспечением его текущей деятельности, устанавливаются правительством РФ. В законе также определены объекты инвестирования временно свободных средств фонда.

Устанавливается обязанность застройщика представлять фонду проектную декларацию, выписку по расчетному счету застройщика и бухгалтерскую (финансовую) отчетность за последний отчетный период в случае отклонения от примерного графика реализации проекта строительства на шесть и более месяцев.

Кроме того, бухгалтерская отчетность фонда подлежит ежегодному обязательному аудиту отобранной на конкурсной основе аудиторской организацией, Счетная палата Российской Федерации вправе осуществлять внешний государственный аудит в отношении фонда, компенсационный фонд обособляется от иного имущества фонда, по нему ведется обособленный учет, а на имущество, составляющее компенсационный фонд, не может быть обращено взыскание по обязательствам фонда.

Вместе с тем компенсационный фонд призван застраховать будущие стройки. Но законодатель не предложил решения нынешним обманутым дольщикам. Можно ли в этой ситуации что-либо сделать, прибегнув к букве закона? На наш взгляд, во многом решение проблемы зависит от активной гражданской позиции самих дольщиков. Помимо мер, предусмотренных законом 214-ФЗ, согласно распоряжению правительства России от 26.05.2017 № 1063-р [2] к 1 января 2018 г. должны быть созданы региональные планы-графики («дорожные карты») по осуществлению мер для решения проблем граждан, включенных в реестр обманутых дольщиков. Планы-графики должны находиться в открытом доступе, что даёт возможность проанализировать дорожную карту интересующего региона, отдельного жилого комплекса, конкретного дома. Там же представлена исчерпывающая информация

о лицах, ответственных за принятые меры и их реализацию, с контактами для связи и по каждому такому объекту описан алгоритм решения проблемы.

Компенсационный фонд защиты граждан начнет принимать взносы от застройщиков уже с последних чисел октября 2017 г. В отношении привлечения средств граждан для объектов, строительство которых началось еще до 1 января 2014 г., то они были обеспечены страхованием, или поручительством банка, или залогом прав застройщика на земельный участок и на объект незавершенного строительства.

Однако не все так гладко, как это представляется на первый взгляд. Следует отметить прежде всего механизм формирования и управления компенсационным фондом. Есть определенные опасения относительно установления размера обязательных отчислений и порядка расходования средств фонда, а также способов контроля за деятельностью по его управлению. Также следует упомянуть вопросы рисков, возможного банкротства малых и средних строительных компаний. Остается достаточно актуальным вопросы получения разрешения на строительство до начала сбора средств и обеспечения доступности получения жилища для большинства граждан, использования механизмов страхования и перестрахования.

Несмотря на все нюансы, долевое строительство является одним из самых выгодных способов приобретения жилых и нежилых помещений.

Библиографический список

1. *Абрамов А.* Долевое строительство: история и практика // *Жилищное право.* – 2013. – № 2. – С. 7–18.
2. Об утверждении формы плана-графика по осуществлению мер по решению проблем граждан, включенных в реестр граждан, чьи денежные средства привлечены для строительства многоквартирных домов и чьи права нарушены: распоряжение Правительства РФ от 26.05.2017 № 1063-р // *Собрание законодательства РФ.* – 2017. – № 23. – Ст. 3420.
3. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ (ред. от 29.07.2017). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.07.2017).
4. О публично-правовой компании по защите прав граждан – участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ // *Собрание законодательства РФ.* – 2017. – № 31 (Ч. I). – Ст. 4767.
5. О статусе столицы Российской Федерации: закон РФ от 15.04.1993 № 4802-1 (ред. от 29.07.2017). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.07.2017).

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ТЕРМИНА «ПОСТРАДАВШИЙ». ПОСТРАДАВШИЙ ОТ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В настоящем исследовании предпринимается попытка решения проблемы отсутствия единой позиции по вопросу понятия, правовой природы, содержания и видов пострадавшего, в том числе как элемента правовой категории «потерпевший». В статье раскрывается понятие «пострадавший от преступления» и его разновидности: «пострадавший от правонарушения», «пострадавший от преступления», «пострадавший от чрезвычайной ситуации», определяется их функциональное назначение, формируется понятие «пострадавший от экологического преступления». Авторам обосновывается, что защита лиц пострадавших от экологических преступлений – деятельность государства в лице уполномоченных органов, составляющая комплекс мер социального, организационного, информационного и иного характера, направленная на помощь и поддержку с помощью социальных инструментов. В результате исследования выделяется понятие защиты пострадавших от правонарушений.

Ключевые слова: пострадавший, пострадавший от правонарушений, пострадавший от преступления, пострадавший от чрезвычайной ситуации, экологическое преступление.

В результате интенсивного, разрушающего природопользования, техногенной деятельности хозяйствующих субъектов, нарушающих нормы и требования экологического законодательства, увеличился риск числа опасных экологических ситуаций, подрывающих экологическую безопасность и снижающих состояние защищенности здоровья и имущества людей, увеличивающих число пострадавших.

Необходимо сразу оговориться, что понятие «пострадавший от экологического преступления» рассматривается как гипотетическая абстракция, позволяющая приблизиться к достижению в настоящем исследовании поставленных целей и задач. Очевидно, что такого участника уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений как «пострадавший от экологического преступления» не существует. Однако имеются научные работы, а также отдельные нормативно-правовые акты, Постановления Пленума Верховного Суда РФ, в которых лицо, чьим правам и интересам причинен вред, именуется «пострадавшим от преступления». Такое наименование служит цели указания на лицо, которое фактически является потерпевшим, которому причинен вред, но в отношении которого еще не принято решение о признании его потерпевшим и не вынесено соответствующее постановление. Во многом авторы вынужденно обращаются к термину «пострадавший от преступления», однако принципиально иное значение имеет предложение о введении в уголовно-процессуальные отношения нового участника стадии возбуждения уголовного дела [6, с. 46, 81, 87; 8, с. 101–112; 4, с. 12–14].

Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» определяет дефиницию «пострадавший от правонарушения» так: лицо, в отношении которого совершено преступление или административное правонарушение, представляющие собой противоправное деяние (действие, бездействие), влекущее

уголовную или административную ответственность. Исходя из смысла этой нормы, можно разграничить понятие «пострадавший от административного правонарушения» и «пострадавший от преступления» [4].

В настоящее время отсутствует единая позиция по вопросу понятия, правовой природы, содержания и видов пострадавшего, в том числе как элемента правовой категории «потерпевший». Это обоснованно вызывает как необходимость его исследования, так и изучение понятий «пострадавший от правонарушений», «пострадавший от преступления», их правовой природы и целесообразности отнесения к участникам уголовно-процессуальных отношений, в том числе по делам об экологических преступлениях.

Понятие «пострадавший от преступления» учеными и исследователями используется как общепринятое, либо общеправовое [2, с. 79; 1, с. 41; 5; 3], однако есть и попытки рассмотрения его как участника уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений. Как справедливо отмечено, в современном праве ряда стран, наряду с лицами, имеющими статус потерпевших, стали появляться и лица, которых в той или иной степени затронуло преступное деяние, но которые имеют статус, отличный от статуса потерпевшего. Так, в законодательстве государств рядом с «потерпевшим» оказались «пострадавший от преступления», «жертва преступления» [1].

Есть ученые, которые наряду с «жертвой» и «потерпевшим», указывают на «пострадавшего от преступления». Например, И.М. Ибрагимов отмечает, что «На одного официально зарегистрированного потерпевшего приходится от трех до четырех фактически пострадавших от преступлений лиц, которые по тем или иным причинам не обратились в правоохранительные органы с заявлением или не приобрели статус потерпевшего в уголовном процессе, с учетом чего среднегодовой пока-

затель жертв преступлений в России превышает десять миллионов человек» [9].

А.П. Рыжаков считает, что под лицом, пострадавшим от преступления в общежитейском смысле этого слова, гражданин становится с момента начала совершения в отношении него запрещенного законом или, вернее сказать, общественно опасного деяния, с того момента, как ему таковым будет причинен вред. Однако о преступлении следователь (дознатель и др.) может и не знать. Поэтому такой пострадавший может никогда не стать потерпевшим с позиции уголовно-процессуального права. Лицом, пострадавшим от преступления, в уголовном процессе он станет только после того, как компетентным органом (должностным лицом) будет принято заявление (сообщение) о преступлении, из которого следует, что лицу непосредственно общественно опасным деянием причинен физический, имущественный либо моральный вред [10].

По нашему мнению, выделяя в национальном законодательстве понятие «пострадавший от преступления», в первую очередь следует понимать его функциональное назначение, то есть для каких целей и задач это понятие требует регламентация в нормах закона, а уже после обращать внимание на существующий опыт и достижения других государств.

Анализ значительного числа нормативно-правовых актов показал, что в современном праве понятие «пострадавший» все больше используется для решения социальных задач. Например, законодатель регламентирует в различных законах и подзаконных актах понятия «пострадавшее население», «пострадавший в чрезвычайной ситуации», «социальная реабилитация пострадавших», «пострадавшие в результате радиационных или техногенных катастроф», «пострадавшие от несчастных случаев», «пострадавший от правонарушений», «пострадавший в результате разрешения кризиса в Чеченской республике» и др.

Для решения социальных задач создаются общественные объединения и организации. Например, общественная организация, участвующая в развитии отношений по защите жертв преступлений, правозащитное движение «Спротивление», реорганизованное в 2016 г. в Фонд поддержки пострадавших от преступлений с целью оказания социально-правовой, психологической помощи пострадавшим от преступлений считает главным своим достижением принятие Федерального закона № 432 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» [14], который значительно укрепил статус жертвы преступления, закрепил широкие права на доступ к правосудию, в особенности потерпевшим детям.

Можно справедливо отметить, что «пострадавший от правонарушения», «пострадавший от пре-

ступления» – это понятия, сформированные для решения социальных задач и целей. Обоснованно можно выделить пострадавших от экологических преступлений, совершенных в *зоне экологического бедствия и в зоне чрезвычайной экологической ситуации*, предусмотренных в диспозициях охранительных норм уголовного закона и требующих социальной помощи и поддержки.

Согласно Федеральному закону от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [12], *чрезвычайная ситуация* – это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей...».

Пострадавший от экологического преступления, совершенного в зоне экологического бедствия – лицо, чьим правам и интересам прямо или косвенно причинен вред преступлением, совершенным на территории, где названные изменения уже произошли и повлекли за собой существенное ухудшение здоровья населения, нарушение природного равновесия, разрушение естественных экологических систем, обеднение растительного и животного мира, вплоть до вымирания отдельных видов растений и животных [11].

Пострадавший от чрезвычайной ситуации. Исходя из Постановления Правительства РФ от 21.05.2007 № 304 (ред. от 17.05.2011) «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» *чрезвычайной ситуацией* признается обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей [9].

Исходя из Постановления Правительства РФ от 21.05.2007 № 304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», пострадавшие от чрезвычайной ситуации разделены на *виды относительно природы сложившейся обстановки на определенной территории*: пострадавшие от чрезвычайной экологической ситуации; пострадавшие от чрезвычайной экологической ситуации в Антарктике; пострадавшие от техногенной чрезвычайной ситуации; пострадавшие от биолого-социальной чрезвычайной ситуации; пострадавшие от ситуации уничтожения химического оружия; пострадавшие от природной чрезвычайной ситуации; пострадавшие от соци-

альной чрезвычайной ситуации; пострадавшие от аварии и др.

Исходя из предложенной дифференциации, можно выделить понятие «пострадавший от чрезвычайной ситуации» – это лицо, которому причинен вред последствиями обстановки, сложившейся на определенной территории в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия.

Не умоляя функций социально-правовой защиты пострадавших от экологических преступлений, осуществляемой государством, в рамках настоящего исследования концепта «пострадавший» и его ключевой характеристики пассивного лица с акцентированием физического и психического страдания, перенесенного данным лицом в результате преступных действий или стечения обстоятельств, мы не можем отнести к пострадавшему от экологического преступления юридическое лицо. Однако если придерживаться не только смысловой конструкции понятия «пострадавший», но и учесть его функциональное назначение в конкретной отрасли права, возможность отнесения к пострадавшим от экологических преступлений юридических лиц видится вполне реальным.

Пострадавшего от экологических преступлений необходимо рассматривать более широко, учитывая потребности уголовно-процессуальной практики. Целесообразно к пострадавшему от преступления относить физическое лицо, которому опосредованно причинен физический, имущественный и моральный вред экологическим преступлением, а также юридическое лицо, которому экологическим преступлением опосредованно причинен имущественный вред, вред деловой репутации, а также иной вред, тем самым отграничивая этих лиц от жертв экологического преступления (в узком смысле, для целей уголовного процесса), отвечая правовым реалиям в регулировании отношений по реализации гарантий лиц, пострадавших от экологического преступления, своего конституционного права на доступ к правосудию, судебную защиту и компенсацию причиненного экологического ущерба.

Эти права находятся в прямой и жесткой зависимости от установления личности причинителя экологического вреда, его вины в совершении экологического преступления, результаты которого опосредовано нанесли вред пострадавшему от экологического преступления.

Практика показывает, что пострадавший не может самостоятельно себя защитить, поскольку не в состоянии (и, на наш взгляд, не должен) доказать факт совершения уголовно-наказуемого деяния или преступления, факт наступившего экологического вреда, а также представить суду доказательства причинной связи между совершенным преступлением и экологическим вредом, экологическим

вредом и вредом здоровью (экзогенным или эндогенным вредом). Иными словами, он не может обособить характеристику взаимозависимости деяния и причиненных вредных последствий. Такая ситуация имеет очевидные последствия, которые выражаются в невозможности лиц, пострадавших от экологических преступлений, реализовать свои права на защиту, на возмещение ущерба, компенсацию вреда здоровью.

Учитывая цели уголовного процесса, мы полагаем, что рассматривать пострадавшего от экологического преступления как участника уголовно-процессуальных отношений нецелесообразно, поскольку это противоречит целям и задачам выделения этого понятия.

Исходя из проведенного исследования, можно сформулировать следующие выводы:

Понятие «пострадавший от преступления» нецелесообразно относить к уголовно-правовым или уголовно-процессуальным. Выделение понятия «пострадавший» и его разновидностей «пострадавший от правонарушения», «пострадавший от преступления», «пострадавший от чрезвычайной ситуации» и др. носит своей целью социально-правовую защиту лиц.

Защита лиц, пострадавших от экологических преступлений – деятельность государства в лице уполномоченных органов, составляющая комплекс мер социального, организационного, информационного и иного характера, направленная на помощь и поддержку с использованием социальных инструментов.

Защита пострадавших от правонарушений – система экономических, социальных, политических, правовых мер по охране прав и интересов лиц, которым противоправными деяниями причинен вред, представляет собой социальные, превентивные мероприятия, осуществляемые в целях обеспечения реализации прав лица, которому прямо или косвенно причинен вред экологическим преступлением, посягающим на экологическую безопасность и экологический правопорядок.

Анализ политических, социально-экономических, культурных и правовых факторов, влияющих на развитие института защиты пострадавшего от экологического преступления, показал необходимость совершенствования действующего законодательства.

Пункт 13 ст. 6 ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [13] предусматривает положение о том, что одним из направлений профилактики правонарушений является обеспечение экологической безопасности, охрана окружающей среды. Исходя из того, что общепринятым критерием качества нормативно-правового акта является эффективность действия норм права в правовом и социальном аспекте, где правовая эффективность нормы пра-

ва выражается в соответствии поведения субъектов правоотношения требованиям, закрепленным нормой права, а социальная эффективность проявляется в том, что для применения нормы права не требуется дополнительного правового обеспечения, говорить об эффективности вышеуказанной нормы общего закона нельзя.

С учетом специфики и характерных особенностей экологических преступлений, а также причиняемого ими вреда, обоснованно требуется принятие специального Федерального закона «О системе профилактики экологических правонарушений в Российской Федерации», объединяющего в себе нормы, устанавливающие правовую и организационную основу системы профилактики экологических преступлений и экологических правонарушений, общие правила ее функционирования, основные принципы, направления, виды профилактики, формы профилактического воздействия, полномочия, права и обязанности субъектов профилактики и лиц, участвующих в профилактике.

Библиографический список

1. Автономов А.С., Артемов В.Ю., Власов И.С. и др. Возмещение материального вреда потерпевшим: сравнительно-правовое исследование: научно-практическое пособие / отв. ред. С.П. Кубанцев. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, КОНТРАКТ, 2016. – 304 с.
2. Башкатов Л.Н., Ветрова Г.Н. Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. И.Л. Петрухина. – М.: ТК Велби, 2002.
3. Волкопуп О.В., Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства Российской Федерации. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2005. [Электронные ресурсы]. – Режим доступа: <http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/volokup/index.htm> (дата обращения: 01.11.2017 г.).
4. Генералова А.С. К вопросу процессуального статуса лица, пострадавшего от преступления, на стадии возбуждения уголовного дела // Адвокатская практика. – 2013. – № 4. – С. 12–14.
5. Дорошков В.В., Патов Н.А. Особенности уголовного судопроизводства у мирового судьи // Российский судья. – 2002. – № 4.
6. Жеребятьев И.В. Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России: Монография. – Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004. – 220 с.
7. Ибрагимов И.М. Концептуальные проблемы законодательного расширения правомерных возможностей защиты прав потерпевшего // Российская юстиция. – 2012. – № 11. – С. 52–56.
8. Кашенов В.П. Гуманизация уголовного судопроизводства как принцип регулирования российского правосудия // Журнал российского права. – 2015. – № 12. – С. 101–112.
9. Постановление Правительства РФ от 21.05.2007 № 304 (ред. от 17.05.2011) «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.11.2017 г.).
10. Рыжиков А.П. Практика применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном процессе: комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.11.2017 г.).
11. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В.А. Блинников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2015. – 1184 с.
12. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.11.2017 г.).
13. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». [Электронные ресурсы]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.11.2017 г.).
14. Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.11.2017 г.).

ХАРАКТЕРИСТИКА СУЩНОСТИ АПЕЛЛЯЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Статья посвящена анализу сущности апелляции в современном отечественном гражданском судопроизводстве. Автор отмечает отсутствие единого подхода к пониманию наукой указанной правовой категории, на основе изучения взглядов ученых формулирует понятие апелляции, называет виды апелляции, рассматривает их особенности, характеризует отношение ученых к их достоинствам и недостаткам, делает вывод о современном состоянии рассматриваемого института в науке, законодательстве и правоприменительной практике. В качестве эмпирической базы использованы статистические данные Управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, результаты обобщений судебной практики, проведенные Костромским областным судом. На основе специально разработанных анкет произведен опрос практикующих юристов (судей, юрисконсультов, работников аппаратов судов) и студентов юридического факультета Костромского государственного университета. Результаты опроса учтены автором в настоящей статье.

Ключевые слова: гражданский процесс, апелляция, жалоба, полная и неполная апелляция.

Суд, наделенный государственной властью, разрешающий споры между их участниками, вполне может принять ошибочное решение, поскольку оно может базироваться на неправильном толковании или применении судом тех или иных норм закона. В связи с этим законодательство всех государств, как правило, предусматривает возможность придания законной силы итоговому судебному решению путем проверки его лицами, заинтересованными в этом. В указанный период (период вступления решения суда в законную силу), в первую очередь, участники процесса могут обжаловать решение суда первой инстанции, что повлечет его пересмотр.

Современное состояние гражданского судопроизводства показывает, что необходимость пересмотра решений судов первой инстанции существует. Так, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2016 году поступило в апелляционные инстанции 585211 гражданских дел из судов общей юрисдикции Российской Федерации по первой инстанции, по 83059 делам (или 14,2% из них) решения отменены (в 2015 году – 10,4%, в 2014 – 10,9%) [18]. То есть примерно каждое десятое решение суда первой инстанции отменяется в апелляционном порядке.

Что же представляет собой институт апелляции? Заметим, что сущность апелляции в гражданском процессе ученые определяют по-разному. Так, С.И. Князькин, И.А. Юрлов в учебнике по гражданскому, арбитражному и административному процессу апелляцией называют «основной способ проверки не вступивших в законную силу судебных актов первой инстанции на предмет их законности и обоснованности, заключающийся в повторном рассмотрении дела на основании имеющихся и дополнительно представленных доказательств» [9, с. 323]. Позволим себе не согласиться с этой дефиницией, поскольку, как нам представ-

ляется, приведенное определение, во-первых, в институте апелляции выделяет доминирующую деятельность суда второй инстанции, называя ее «способом проверки судебных актов первой инстанции». (Согласно толковому словарю Ожегова, способ – это «действие, система действий, применяемые при исполнении какой-либо работы, при осуществлении чего-нибудь» [13].) Однако, все-таки, апелляция, в первую очередь, инициируется сторонами, прокурором и другими лицам, участвующими в деле, реализуя права, предоставленные ч. 2 ст. 320 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ); и только затем начинается деятельность (система действий) апелляционного суда (возбуждается апелляционное производство), причем еще в суде первой инстанции (ст. 325 ГПК РФ) [7]. Во-вторых, такое понимание апелляции позволяет выделить альтернативу и неосновному способу проверки, но законодатель не предусматривает иных мер, что четко отражено в ч. 1 ст. 320 ГПК РФ.

Коллектив авторов во главе с профессором М.К. Треушниковым в учебнике по гражданскому процессу под апелляцией понимает «обращение лица, участвующего в деле, в суд второй инстанции с просьбой проверить законность и обоснованность решения суда первой инстанции путем повторного рассмотрения дела по существу» [6, с. 629]. С точки зрения характеристики первого приведенного определения с мнением авторов можно бы согласиться, однако такое понимание апелляции видится и узким и широким одновременно, поскольку, с одной стороны, отображает лишь материальную сторону рассматриваемого института. С процессуальной точки зрения, как отмечает Н.Д. Грибов, жалоба подразумевается в качестве «средства» возбуждения апелляционного процесса [8, с. 47–53]. Или, скорее, даже повода (по аналогии со ст. 140 Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации). С другой

стороны, не согласуется с действующим законодательством. Так, анализ положений ст. 3, 44, 113 и др. ГПК РФ позволяет сделать вывод о том, что лицами, участвующими в деле (как и не участвующими, но теми, чьи права затрагиваются решением суда), могут быть граждане и юридические лица. Согласно п. 1 ст. 4 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», обращение гражданина представляет собой «направленные в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в письменной форме или в форме электронного документа предложение, заявление или жалобу, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления» [20]. Нам представляется, что суд, как государственный орган, олицетворяющий одну из ветвей государственной власти – судебную, также должен руководствоваться указанной нормой. Но апелляционное производство может быть инициировано только жалобой (представлением); соответственно иные виды обращений не могут служить в этом качестве. Жалоба же, в порядке п. 4 ст. 4 приведенного федерального закона, являет собой «просьбу гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц» [20]. Полагаем, что именно об этом виде обращений говорит ГПК РФ в главе 39 [7]. А.Г. Коваленко, А.А. Мохов и другие деятели юридической науки апелляцию именуют «жалобой», вкладывая смысл, заключающийся «в обжаловании не вступивших в законную силу решений и определений судей с целью исправить судебную ошибку» [5, с. 274].

Анализируя приведенные дефиниции и учитывая изложенные рассуждения, мы приходим к выводу о том, что апелляция представляет собой совокупность материального (жалоба, обращенная к суду с просьбой апеллянта об отмене или изменении решения суда первой инстанции, по его мнению, ошибочного) и процессуального (повод для возбуждения апелляционного процесса) элементов.

Наука традиционно выделяет полную и неполную апелляцию, исходя из объема (пределов) повторного рассмотрения дела [4, с. 58]. И.О. Подвальный полной апелляцией называет «новое разбирательство дела по существу» и замечает, что «апелляционный суд не ограничивается проверкой правильности обжалуемого судебного акта первой инстанции, а вновь рассматривает дело на тех же началах, что и суд первой инстанции» [15, с. 6]. По мнению русского и затем советского ученого-юриста, видного специалиста по международному частному праву Т.М. Яблочкова, «целью полной апелляции служит исправление погрешностей – добросовестных и умышленных – самих сторон, упустивших возможность представить суду первой

инстанции весь фактический материал для окончательного решения дела» [21, с. 218]. Современный ученый Н.И. Маняк добавляет и уточняет, что «целями полной апелляции являются повторное рассмотрение дела с учетом всего фактического материала, в том числе и дополнительно представленного; устранение имеющихся нарушений материального и процессуального закона; устранение упущений, допущенных лицами, участвующими в деле; вынесение законного, обоснованного и справедливого судебного решения» [11, с. 86–96]. То есть, автор дела делает вывод, что «полная апелляция предполагает повторное разбирательство дела по существу без ограничения права лиц, участвующих в деле, представлять новые доказательства, ссылаться на новые обстоятельства дела, не исследованные судом первой инстанции, поскольку суд апелляционной инстанции в ходе повторного рассмотрения дела обязан принимать и исследовать новые доказательства, а также вправе устанавливать новые факты и правоотношения сторон с учетом исследованных доказательств. При полной апелляции по общему правилу не допускается возвращение дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Неполная же апелляция представляет собой проверку судебных актов на основе исследованных в суде первой инстанции доказательств и установленных фактов» [11, с. 86–96]. По мнению профессора кафедры гражданского процесса юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова Е.А. Борисовой, «преимуществом неполной апелляции является то, что вследствие ограничения представления в суд апелляционной инстанции новых доказательств достигается ускорение судебного процесса, чем обуславливается скорейшее вынесение судебного решения и избежание повышения затрат на судебный процесс. Неполная апелляция, в первую очередь, свидетельствует о проверке апелляционным судом решения суда первой инстанции и при определенных условиях о пересмотре дела, полная апелляция направлена на вторичное рассмотрение дела по существу, то есть наряду с проверкой правильности вынесенного решения осуществляется новое (повторное) рассмотрение дела», однако она же указывает, что именно «неполная апелляция таит в себе опасность, заключающуюся в том, что решение может не соответствовать действительности», и относит названный порок к недостаткам неполной апелляции [2, с. 146]. По мнению М.Ш. Пацация, «неполная апелляция лишена таких недостатков полной апелляции, как медлительность процесса, удержание доказательств лицами, участвующими в деле, и представление их в суд апелляционной инстанции, снижение роли суда первой инстанции и др.» [14, с. 432].

Какой же вид апелляции в гражданском судопроизводстве установлен законодателем? Согласно ч. 5 ст. 330 ГПК РФ, при наличии соответствующей

щих оснований суд апелляционной инстанции рассматривает дело по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей, предусмотренных для апелляции [7]. Так, решением Нерехтского районного суда Костромской области от 10 июля 2013 года исковые требования ОАО «Россельхозбанк» к ООО «Армада Вин», О.И. Кириллову, М.Б. Захарову и иным ответчикам о взыскании задолженности по кредитному договору удовлетворены частично. Обращено взыскание на заложенное имущество путем его реализации с установлением начальной продажной стоимости. Судебной коллегией по гражданским делам Костромского областного суда рассмотрено дело по апелляционной жалобе М.Б. Захарова, ссылающегося на то, что о времени и месте судебного заседания, в котором судом было принято решение, он извещен не был, поскольку судебную повестку получил лишь 27 июля 2013 года. Определением от 11 ноября 2013 года судебная коллегия перешла к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей, предусмотренных для апелляции, и указала, что сведения о надлежащем извещении М.Б. Захарова о месте и времени судебного заседания 10 июля 2013 года отсутствуют в материалах дела, направленное судом первой инстанции судебное извещение было получено ответчиком только 27 июля 2013 года. Размещение же сведений о дате, месте и времени рассмотрения гражданского дела на официальном сайте суда, на что сослался суд первой инстанции, не освобождало суд от надлежащего выполнения требований ст. 113 ГПК РФ. При новом рассмотрении дела судебная коллегия определила начальную продажную стоимость земельных участков, на которые обращено взыскание, в ином размере, чем суд первой инстанции, поскольку апелляционным судом приняты дополнительные доказательства, которые М.Б. Захаров лишен был возможности представить суду первой инстанции [19, с. 49]. То есть закон и вторящая ему правоприменительная практика демонстрируют и «смешанную» апелляцию.

Суть современной апелляции заключается в том, что сначала суд апелляционной инстанции рассматривает дело по правилам производства в суде первой инстанции с учетом особенностей, характерных для суда апелляционной инстанции (ст. 327 ГПК РФ), иначе говоря, по правилам неполной апелляции. Если при рассмотрении дела по существу судом второй инстанции будут выявлены допущенные судом первой инстанции нарушения норм процессуального права, являющихся в соответствии с ч. 4 ст. 330 ГПК РФ основаниями для отмены решения суда первой инстанции, то суд апелляционной инстанции переходит к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей, характерных для апелляци-

онного производства, то есть по правилам полной апелляции (ч. 5 ст. 330 ГПК РФ) [7]. Так, например, Красносельским районным судом Костромской области рассмотрено гражданское дело по заявлению ЗАО «ПТНХ» о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решения третейского суда. Требования удовлетворены, постановлено выдать исполнительные листы на принудительное исполнение решения третейского суда при некоммерческом партнерстве «Центральная экспертная палата» по делу о взыскании в пользу «ПТНХ» в солидарном порядке с Горского И.М., ООО «Альянс Инвест», ООО «Аспект», ООО «Гранд», ООО «Костромской родник», ООО «Костромской источник», ООО «СпецЭнергоСтрой», ЗАО «Спецжилстрой» 3 000 000 долларов США основного долга по договору займа, 2 232 328,77 долларов США процентов по договору займа, 54 924,66 долларов США процентов за пользование чужими денежными средствами, 100000 рублей судебных расходов на уплату третейского сбора. Костромским областным судом рассмотрены апелляционные жалобы участников процесса и установлено, что 24 ноября 2014 г. Арбитражным судом РСО – Алания возбуждено производство о банкротстве ООО «Альянс Инвест», ООО «Аспект», ООО «Гранд»; при этом кредитором указанных юридических лиц является ООО «Инновация и Внедрение». Костромским областным судом выявлены нарушения ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, поскольку ООО «Инновация и Внедрение» к участию в деле не привлекалось, и в связи с вынесением обжалуемого определения были лишены возможности по существу возражать в отношении обоснованности требований ЗАО «ПТНХ» и препятствовать включению необоснованных требований в реестр, что свидетельствует о том, что определением фактически разрешен вопрос о правах и обязанностях лица, не привлеченного к участию в деле – ООО «Инновация и Внедрение». Указанное обстоятельство явилось основанием для перехода к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции (полной апелляции) [1, с. 53]. То есть предложенная законодателем модель апелляционного производства воспринята правоприменителем и эффективно функционирует на практике.

Вместе с тем, современная наука не стоит на месте и предпринимает попытки оптимизации гражданского процесса. Так, пути совершенствования апелляционного производства прослеживаются в трудах Н.И. Маняка «Эффективность современного гражданского судопроизводства и виды апелляции» (Автор предлагает реформирование апелляционного процесса путем избрания рационально обоснованного критерия определения «объема, размера» исковых требований, подлежащих обжалованию) [11, с. 86–96]; Н.И. Маняка и Г.Д. Улетовой «Гражданский процесс: апелляция, первые результаты» (Эффективность апелляции,

по мнению авторов, гарантируется привлечением к производству судей, обладающих высокой квалификацией и имеющих большой опыт работы) [12, с. 7–16]; Е.А. Борисовой «Неполная апелляция: необходимость закрепления в ГПК РФ» (По мнению автора, «требуется качественное преобразование, целями которого являются закрепление ограниченной апелляции и создание необходимых условий (среди которых важнейшим является изменение системы судов общей юрисдикции) для превращения суда первой инстанции в единственный суд, рассматривающий и разрешающий дело по существу») [3, с. 44–47] и других ученых.

А.В. Малько, В.Н. Захаров, Е.А. Малько предлагают «ввести некоторые ограничения при подаче заинтересованными лицами апелляционных жалоб» [10, с. 43–46]. Так, Комитет министров Совета Европы в Рекомендации государствам-членам от 14 мая 1981 г. № R (81)7 указал «предусмотреть упрощенное судопроизводство по спорам на незначительную сумму, избегать ненужных заседаний и ограничить право обжалования» [16]. В Рекомендации от 7 февраля 1995 г. № R (95)5 «Комитет министров – государствам-членам относительно введения в действие и улучшения функционирования систем и процедур обжалования по гражданским и торговым делам» указывается на то, что «право обжалования может быть ограничено» [17]. В связи с этим государства полномочны применять следующие меры: «не позволять обжаловать акты на небольшую денежную сумму; вводить требование о получении разрешения суда на подачу жалобы; устанавливать предельные сроки для осуществления права на обжалование, а равно отсрочивать это правомочие по ряду промежуточных вопросов до подачи основной жалобы» [17]. Так, А.В. Малько, В.Н. Захаров, Е.А. Малько приводят пример из §511 Гражданского процессуального уложения Германии: «апелляционная жалоба может быть подана, если цена предмета жалобы превышает 600 евро или суд первой инстанции разрешил подачу апелляционной жалобы (в иных случаях). В со-

ответствии со ст. 303 ГПК Литвы решения судов по гражданским делам не подлежат апелляционному обжалованию, если сумма иска составляет менее 250 литов, а также если объектом апелляционного обжалования выступает заочное решение при условии, что с жалобой обращается лицо, в отношении которого вынесено такое решение» [10, с. 43–46]. В этой связи авторы предлагают «заимствовать законодательный опыт европейских стран в сфере апелляционного обжалования судебных решений по гражданским делам, внося соответствующие изменения в ГПК РФ, для пресечения злоупотребления правом на судебную защиту со стороны лиц, которые порой ради «спортивного интереса» готовы забрасывать суды «копеечными» исками или надуманными версиями о нарушении их прав, а затем с «маниакальным упорством» обжаловать не только постановленные судебные решения, но практически все действия и определения судов во все существующие судебные инстанции» [10, с. 43–46]. Конечно, в рассуждениях авторитетных ученых усматривается рациональное зерно. Однако заметим, что одним из принципов, провозглашенных Конституцией Российской Федерации и ГПК РФ, является равноправие участников гражданского процесса. В связи с этим представляется не законным и не целесообразным одним иметь возможность предоставлять право обжалования решений судов, не вступивших в законную силу, а другим – такой возможности не иметь – в зависимости от перечня условий. Указанный вывод подтверждают и результаты проведенного нами опроса 60 практикующих юристов и студентов юридического факультета, которые выявили, что 85% респондентов также считают, что нельзя ставить возможность обжалования решений суда первой инстанции в зависимость от суммы исковых требований, 15% – придерживаются противоположного мнения. Причем опросы отдельных категорий респондентов показали практически одинаковые результаты (табл. 1).

Резюмируя, отметим, что наука не обладает единообразным пониманием апелляции в граж-

Таблица 1

Мнения респондентов опроса

(Вопрос) В юридической литературе присутствуют различные мнения относительно необходимости установления фиксированного размера суммы исковых требований, превышение которого предусматривает возможность апелляционного обжалования. Как Вы считаете, следует ли в ГПК РФ закрепить ограничение возможности обжалования решений суда первой инстанции в зависимости от суммы исковых требований:							
Ответ на вопрос		Уд. вес в структуре ответивших «Да»	«Нет»	Уд. вес в структуре ответивших «Нет»	Итого	Итого по категории респондентов	
Категории респондентов	«Да»					«Нет»	Уд. вес в структуре ответивших «Да»
судьи	2	22,2%	11	21,6%	13	15,4%	84,6%
работники аппарата суда		0,0%	9	17,6%	9	0,0%	100,0%
юрисконсульты	3	33,3%	17	33,3%	20	15,0%	85,0%
студенты	4	44,4%	14	27,5%	18	22,2%	77,8%
Итого	9	100,0%	51	100,0%	60	15,0%	85,0%

данском судопроизводстве. Анализ приведенных и иных дефиниций указанной правовой категории позволил нам определить апелляцию как совокупность материального (жалоба, обращенная к суду с просьбой апеллянта об отмене или изменении решения суда первой инстанции, по его мнению, ошибочного) и процессуального (повод для возбуждения апелляционного процесса) элементов.

Современный период отечественного гражданского процесса охарактеризован установлением смешанной апелляции, в порядке которой сначала суд апелляционной инстанции рассматривает дело по правилам производства в суде первой инстанции с учетом особенностей, характерных для суда апелляционной инстанции (по правилам неполной апелляции); если при рассмотрении дела по существу судом второй инстанции будут выявлены допущенные судом первой инстанции нарушения норм процессуального права, являющиеся основаниями для отмены решения суда первой инстанции, то суд апелляционной инстанции переходит к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей, характерных для апелляционного производства (по правилам полной апелляции). Конечно, предложенный законодателем и воспринятый правоприменителем подход к регламентации апелляции указывает на его эффективность. Однако стоит заметить, что современный период развития научных представлений о данном институте характеризуется поиском оптимальной модели гражданского судопроизводства, а это значит, что законодателю, правоприменителям и науке предстоит еще вернуться к вопросу совершенствования апелляционного производства как инструмента реализации права на судебную защиту.

Библиографический список

1. Апелляционное определение Костромского областного суда от 20 мая 2015 г. № 33-694 // Журнал судейского сообщества Костромской области. – 2015. – № 3–4. – С. 53.
2. *Борисова Е.А.* Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: учеб. пособие. – М.: Норма, 2013. – 320 с.
3. *Борисова Е.А.* Неполная апелляция: необходимость закрепления в ГПК РФ // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 7. – С. 44–47.
4. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. – М.: Зерцало, 2003. – 464 с.
5. Гражданский процесс: учебник / под ред. А.Г. Коваленко, А.А. Мохова, П.М. Филиппова. – М.: Контракт, 2008. – 448 с.
6. Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушниковой. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2014. – 960 с.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-

ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства. – 18.11.2002. – № 46.

8. *Грибов Н.Д.* Краткая апелляционная жалоба в гражданском судопроизводстве // Адвокат. – 2014. – № 1. – С. 47–53.

9. *Князькин С.И., Юрлов И.А.* Гражданский, арбитражный и административный процесс в схемах с комментариями: учебник. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – 434 с.

10. *Малько А.В., Захаров В.Н., Малько Е.А.* Гражданская процессуальная правовая политика в современной России: некоторые проблемы и пути их решения // Российская юстиция. – 2013. – № 3. – С. 43–46.

11. *Маняк Н.И.* Эффективность современного гражданского судопроизводства и виды апелляции // Современное право. – 2014. – № 3. – С. 86–96.

12. *Маняк Н.И., Улетова Г.Д.* Гражданский процесс: апелляция, первые результаты // Мировой судья. – 2013. – № 7. – С. 7–16.

13. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь Ожегова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/230598> (дата обращения: 21.12.2016).

14. *Пауция М.Ш.* Процессуальная деятельность проверочных инстанций арбитражного суда. – М.: Инфра-М, 2008. – 570 с.

15. *Подвальный И.О.* О совершенствовании апелляционного производства в арбитражном процессе Российской Федерации. – СПб.: Статут, 2000. – 32 с.

16. Рекомендация Комитета министров Совета Европы «Комитет министров – государствам-членам относительно путей облегчения доступа к правосудию» от 14 мая 1981 г. № R (81) 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 11.01.2017).

17. Рекомендация Комитета министров Совета Европы «Комитет министров – государствам-членам относительно введения в действие и улучшения функционирования систем и процедур обжалования по гражданским и торговым делам» от 7 февраля 1995 г. № R (95)5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://businesspravo.ru> (дата обращения: 11.01.2017).

18. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2016 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdcp.ru> (дата обращения: 01.11.2017).

19. Справка о результатах обобщения апелляционно-кассационной практики рассмотрения судами Костромской области гражданских дел за IV квартал и по итогам 2013 года // Журнал судейского сообщества Костромской области. – 2014. – № 1. – С. 49.

20. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 03.11.2015) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 08.05.2006. – № 19.

21. *Яблочков Т.М.* Учебник русского гражданского судопроизводства. – Ярославль, 1912. – 336 с.

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОТКАЗА ПРОКУРОРА ОТ ОБВИНЕНИЯ ДЛЯ ПОТЕРПЕВШЕГО И СУДА

В статье определены основные направления оптимизации деятельности прокурора и потерпевшего по поддержанию обвинения в суде, а также исследован вопрос о процедуре и последствиях отказа прокурора от поддержания государственного обвинения.

Приводятся доводы против мнения о том, что решение прокурора об отказе от поддержания государственного обвинения должно согласовываться с руководством прокуратуры или прокурором, утвердившим обвинительное заключение, а суд во всех случаях отказа прокурора от поддержания обвинения должен сообщать руководству прокуратуры об этом решении. Разделяя противоположную точку зрения, автор приводит дополнительные аргументы в пользу того, что отказ прокурора от поддержания обвинения следует рассматривать как достойное окончание его обвинительной функции в суде при наличии для этого достаточных оснований, тем самым создавая для государственного обвинителя процессуальные условия, позволяющие ему наиболее эффективно выполнять свои обязанности. В свете изложенного представляется некорректным предложение о направлении судом запроса прокурору, который утвердил обвинительное заключение, либо руководству прокуратуры о проверке обоснованности отказа прокурора от обвинения.

Исследуя вопрос о правах потерпевшего в суде первой инстанции, автор поддерживает мнение тех ученых, которые обосновывают необходимость расширения этих прав в целях повышения качества поддержания потерпевшим обвинения в суде, в частности, закрепив в законе право потерпевшего воспользоваться помощью представителя-адвоката.

Ключевые слова: прокурор, потерпевший, обвинение, отказ от обвинения, объем обвинения, суд, пределы судебного разбирательства, процессуальный порядок.

В соответствии с ч. 7 ст. 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части [12].

На первый взгляд, правовые последствия неподтверждения обвинения в суде собранными по делу доказательствами достаточно четко и однозначно урегулированы в указанной статье: прокурор от обвинения отказался, а суд прекращает уголовное дело полностью или в его части. Но тщательное исследование рассматриваемой ситуации показывает, что некоторые важные вопросы относительно правовых последствий отказа прокурора от поддержания обвинения для других участников судебного разбирательства остаются дискуссионными. Например, вопрос обеспечения права потерпевшего на всестороннюю судебную защиту либо вопрос объема прав потерпевшего на разных стадиях уголовного судопроизводства и недопустимости его уменьшения и др.

Представляется, что такой правовой институт, как отказ государственного обвинителя от поддержания обвинения в судебном заседании, затрагивает несколько других процессуальных институтов,

а значит, его исследование требует комплексного подхода.

Прежде всего, хотелось бы коснуться актуального и заслуживающего внимания вопроса относительно позиции суда в случае отказа прокурора от поддержания обвинения. Позиция законодателя, выраженная в ряде статей УПК РФ, по сути, сводится к тому, что при отказе прокурора от обвинения решение суда не имеет альтернативы. Разумеется, как разъяснил в своем постановлении Конституционный Суд РФ, «полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения, влекущий прекращение уголовного дела, <...> должен быть мотивированным со ссылкой на предусмотренные законом основания, а вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты...» [8].

Однако, как показывает анализ следственной и судебной практики, участники судебного разбирательства не застрахованы от случаев, когда прокурор отказывается от поддержания обвинения, не исследовав должным образом все обстоятельства дела, из-за ошибочности оценки события или деяния подсудимого, когда он дает ложную оценку доказательствам, их достаточности, достоверности или допустимости, выносит немотивированное и неаргументированное постановление об отказе от поддержания государственного обвинения, а его позиция противоречит позиции потерпевшего, ко-

торый желает продолжения рассмотрения дела и уверен в виновности подсудимого. Позиция прокурора может также противоречить позиции суда, и эта ситуация намного сложнее решается в условиях состязательного уголовного судопроизводства.

Как следует из норм уголовно-процессуального законодательства, суд не лишен права и по собственной инициативе проводить определенные исследования доказательств путем производства следственных действий, таких, как допрос подсудимого, потерпевшего, свидетелей, эксперта (ст. 275, 277, 278, 282 УПК РФ), осмотр (ст. 284, 287 УПК), следственный эксперимент (ст. 288 УПК), производство судебной экспертизы (ст. 283 УПК) и другие. Прежде чем объявить об окончании судебного следствия и предоставить прокурору возможность поддержать обвинение или отказаться от него, суд должен опросить стороны о том, желают ли они дополнить судебное следствие, и в случае заявления ходатайства о дополнении судебного следствия суд обсуждает его и принимает соответствующее решение. И только после разрешения ходатайств и выполнения связанных с этим необходимых судебных действий председательствующий объявляет судебное следствие оконченным (ст. 91 УПК РФ).

Среди ученых-процессуалистов существует мнение, что поскольку по инициативе суда вызываются дополнительные свидетели, запрашиваются документы, приобщаются заключения назначенных судом экспертиз и другие доказательства, которые могут носить обвинительный характер, суд во всех этих случаях, действуя по собственной инициативе, способствует обоснованию обвинения. В результате суд фактически начинает решать задачи обвинения [11, с. 56].

Действительно, с одной стороны, установление истины – это не право суда, которым он по своему усмотрению может воспользоваться или не воспользоваться, суд не имеет морального права позволить себе быть сторонним наблюдателем. С другой стороны, в состязательном процессе при активном положении суда, как отмечает В.Т. Маляренко, последний не может подменять ту или иную сторону, выполнять функцию обвинения или защиты. Более того, он справедливо называет противостественным сочетание в одном лице функций обвинения и разрешения уголовных дел, поскольку такое сочетание превращает органы правосудия в органы расправы [6, с. 7].

Таким образом, представляется, что состязательность сторон является гарантом законности и справедливости судебных решений, объективности и беспристрастности суда, который, в свою очередь, должен создавать условия для реализации сторонами их процессуальных прав и для всестороннего, полного и объективного исследования дела.

В то же время рассмотрение дела при соблюдении принципа состязательности сторон не

должно превращать суд в стороннего наблюдателя. Состязательность сторон не исключает активности и инициативы суда по сбору доказательств, необходимых для установления истины по делу. В суде сталкиваются две противоположные функции – обвинения и защиты. Эти функции органично связаны между собой, но противоположны. Суд самостоятелен в выборе процессуальных средств выяснения обстоятельств дела, но, активно исследуя все его материалы, не может брать на себя функцию обвинения или функцию защиты, подменять ту или иную сторону. Он должен не осудить, а рассудить [4, с. 64]. И только в этом случае его беспристрастность может быть должным образом гарантирована.

Какой же должна быть позиция суда в том случае, если отказ прокурора от обвинения был ошибочным и необоснованным? Как было отмечено, в условиях состязательности суд не может взять на себя функцию обвинения, иначе он дискредитирует саму идею правосудия. Но остается безнаказанным лицо, которое, по сути, является виновным.

В теории высказывались различные предложения о путях решения указанной проблемы: от постановления отказа прокурора от обвинения под контроль суда [2, с. 25] до введения уголовной ответственности прокурора за незаконное освобождение подсудимого от уголовной ответственности путем отказа от обвинения, что автоматически повлечет возможность пересмотра решения суда о прекращении уголовного дела ввиду отказа государственного обвинителя от обвинения в связи с новыми и вновь открывшимися обстоятельствами [13, с. 50].

Отдельные ученые полагают, что при указанных обстоятельствах процессуальный закон должен содержать норму, которая дает суду право на обращение к лицу, утвердившему обвинительное заключение, к вышестоящему прокурору с запросом о проверке обоснованности отказа государственного обвинителя от обвинения и отложить рассмотрение дела до получения соответствующего заключения [7, с. 54].

Х.А. Аликперов предлагает установить порядок, при котором отказ прокурора от дальнейшего поддержания перед судом обвинения возможен только с согласия прокурора, утвердившего обвинительное заключение, и даже закрепить этот порядок в специальной норме УПК, которая регулировала бы процессуальные основания, условия и порядок отказа государственного обвинителя от дальнейшего поддержания перед судом обвинения [1, с. 4].

Подобное положение содержит и соответствующий Приказ Генерального прокурора РФ: «Государственному обвинителю при существенном расхождении его позиции с позицией, выраженной в обвинительном заключении или обвинительном

акте, докладывать об этом прокурору, поручившему поддерживать государственное обвинение.

Указанному прокурору в случае принципиального несогласия с позицией обвинителя, исходя из законности и обоснованности предъявленного обвинения, своевременно решать вопрос о замене обвинителя либо самому поддерживать обвинение» [9].

Против установления такого порядка существуют решительные возражения. В юридической литературе отмечается, что это предложение не согласуется с положением уголовно-процессуального закона о том, что прокурор осуществляет оценку доказательств, руководствуясь законом, по своему внутреннему убеждению, которое основывается на всестороннем, полном и объективном рассмотрении обстоятельств дела в их совокупности. В то же время выводы государственного обвинителя основываются и на результатах судебного следствия, о которых прокурор, утвердивший обвинительное заключение (или любой другой прокурор), не знал и предположить не мог [5, с. 35].

Полагаем, что ни одно из вышеуказанных предложений не является эффективным и справедливым способом решения рассматриваемой проблемы.

Более того, упомянутым приказом Генерального прокурора урегулировано, что считается недопустимым любое давление на государственных обвинителей, принуждение их к отставанию выводов органов предварительного расследования, не подтвержденных исследованными в ходе судебного разбирательства доказательствами.

Отметим также, что вопрос согласования решения государственного обвинителя об отказе от поддержания обвинения с прокурором или его заместителем, на которого возложена обязанность по организации работы по поддержанию государственного обвинения в суде, носит исключительно внутрислужебный характер, а само постановление государственного обвинителя об отказе от обвинения имеет обязательное значение для суда независимо от того, согласовал ли он его содержание со своим руководством.

Поэтому есть основания полагать, что согласование решения государственного обвинителя об отказе от поддержания обвинения с вышестоящим прокурором не должно быть обязательным. Хотя такие его действия могут рассматриваться как нарушение служебной дисциплины со всеми вытекающими из этого последствиями. Конечно, требование обязательного согласования решения государственного обвинителя об отказе от обвинения с его руководством должно способствовать обоснованности решений обвинителя, но оно представляется выражением определенного недоверия к государственному обвинителю в смысле его объективности и беспристрастности, ограничивая его самостоятельность при принятии решений в зале суда.

В свете изложенного полагаем некорректным предложение ученых о направлении судом запроса прокурору, утвердившему обвинительное заключение, либо вышестоящему прокурору о проверке обоснованности отказа государственного обвинителя от обвинения в суде. В таком запросе четко просматривается предположение суда о том, что прокурор, отказавшись от обвинения, не исчерпал всех возможностей для продолжения уголовного преследования подсудимого. Более того, в этом случае суд осуществляет не присущие ему обязанности по обоснованию предъявленного органами расследования обвинения вместе с прокурором или вместо него, когда тот отказался от обвинения.

Решая вопрос о действиях суда, когда, по его мнению, прокурор не имел достаточных оснований для отказа от обвинения, следует учитывать следующее: предметом судебного разбирательства являются обстоятельства уголовного дела, предъявленное подсудимому обвинение, а не вопрос правильности или ошибочности позиции прокурора в случае его отказа от обвинения. Поэтому суд без направления каких-то лишних запросов и попыток доказать виновность подсудимого, должен действовать в соответствии с требованиями закона, а именно прекратить уголовное дело. Продолжение судебного разбирательства и постановление обвинительного приговора после отказа прокурора от обвинения означало бы инициацию обвинительной деятельности самим судом, что в условиях состязательного судопроизводства недопустимо. Однако справедливости ради следует отметить: закрепив приведенное выше положение, законодатель не учел, что отказ государственного обвинителя от обвинения может нарушать интересы потерпевшего, не согласного с прекращением уголовного дела или с изменением обвинения.

Обратимся к нормам закона. Так, в соответствии со ст. 22 УПК РФ потерпевший вправе участвовать в уголовном преследовании обвиняемого, а по уголовным делам частного обвинения – выдвигать и поддерживать обвинение. В то же время ст. 42 УПК РФ, предоставляя потерпевшему право поддерживать обвинение, не ограничивает этого права какой-либо определенной категорией дел, из чего следует, что право потерпевшего на участие в уголовном преследовании не может быть поставлено в зависимость от вида уголовного преследования. Различается лишь объем принадлежащих потерпевшему полномочий.

Следовательно, в случае отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения в зале суда для потерпевшего и его представителя реализация вышеуказанного права как раз и состоит в возможности стать самостоятельным субъектом обвинения, что, полагаем, должно быть закреплено на законодательном уровне.

Таким образом, если потерпевший или его представитель выразят желание продолжать поддерживать обвинение, суд, полагаем, обязан открыть судебные прения и предоставить слово потерпевшему, его представителю и другим участникам процесса. В таком случае позиция потерпевшего или его представителя превалирует над постановлением прокурора об отказе от поддержания государственного обвинения, и право на продолжение поддержания обвинения переходит к ним.

Что же касается способности потерпевшего поддерживать обвинение в случае отказа прокурора, то заметим, что потерпевший имеет значительный объем процессуальных прав и достаточно устойчивую структуру его правового статуса, чтобы иметь возможность более существенно влиять на ход судебного разбирательства уголовного дела в условиях состязательности.

В определенной степени можно говорить о том, что, с точки зрения процессуальной значимости, в отдельных случаях потерпевший становится центральной фигурой стороны обвинения. Именно возникновение подобных процессуальных проблем на практике требует специального исследования процессуального статуса потерпевшего с точки зрения возможности изменения объема его прав в случае отказа прокурора от обвинения.

Согласие потерпевшего продолжать поддерживать обвинение вызывает следующую проблему: по мнению отдельных авторов, потерпевший, который не является профессиональным юристом, не сможет должным образом поддерживать обвинение. Кроме того, предлагается учитывать и психологический фактор, то есть то обстоятельство, что потерпевший, участвующий в судебном разбирательстве впервые, может в данной обстановке и в присутствии подсудимого, значительного количества участников процесса испытывать страх, другие неприятные чувства, и ему в таком состоянии будет трудно отстаивать свои права.

Выходом из такой ситуации считается закрепление в законе права потерпевшего воспользоваться помощью представителя-адвоката. В случае отсутствия средств у потерпевшего для приглашения представителя, по аналогии с назначением защитника для подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, суду предлагается назначить представителя из членов адвокатских коллегий, если потерпевший настаивает на поддержании обвинения. Эта новелла должна усилить позицию потерпевшего, создать дополнительные возможности для защиты им своих законных интересов, а на практике она защищала бы его интересы в случае некомпетентности или даже злоупотребления прокурора, поддерживающего обвинение.

Аналогичной позиции придерживается и Т.В. Варфоломеева, которая предлагает с целью улучшения защиты конституционных прав и сво-

бод, доступности правосудия для каждого обычного человека предусмотреть в УПК обязательное участие защитника-адвоката потерпевшего в судебном разбирательстве, что, учитывая обязательное участие в судебном заседании прокурора, должно способствовать равенству прав стороны обвинения и стороны защиты [3, с. 143].

В юридической литературе при рассмотрении вопроса о необходимости расширения полномочий потерпевшего для защиты своих прав в случае отказа государственного обвинителя от обвинения, а именно – о предоставлении ему юридической помощи, когда потерпевший не согласен с позицией прокурора и продолжает поддерживать обвинение, предлагалось в случае вынесения впоследствии судом обвинительного приговора расходы на предоставленную правовую помощь потерпевшему взимать с осужденного в пользу государства, поскольку центральной фигурой уголовного процесса должны быть не обвиняемый (подозреваемый, подсудимый), а именно потерпевший и его законные требования по возмещению вреда, причиненного преступлением. Без преувеличения можно утверждать, что даже у обвиняемого, содержащегося под стражей, перечень прав шире, чем у рядового гражданина. Правом изменять обвинение в судебном заседании потерпевший законодательно вообще не наделен.

Подводя итог вышеизложенному, целесообразно, на наш взгляд, внести в УПК РФ соответствующие положения, которые позволят наделить потерпевшего правом заявлять суду ходатайство об изменении обвинения и о продолжении поддерживать обвинение в случае отказа прокурора от его поддержания. В частности, данное право потерпевшего следует закрепить в п. 16 ч. 2 ст. 42 УПК РФ («Потерпевший»), который изложить в следующей редакции:

«... 16) в случаях, определенных настоящим Кодексом, потерпевший имеет право во время судебного разбирательства лично или через своего представителя поддерживать и изменять обвинение».

Соответствующие изменения должны быть внесены и в ч. 7 ст. 246 УПК РФ («Участие обвинителя»), которая может быть изложена в следующей редакции:

«...7. Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. В случае отказа прокурора от обвинения потерпевший вправе требовать продолжения рассмотрения дела. В этом случае он имеет право поддерживать и изменять обвинения».

Подводя итог, отметим, что вопросы о позиции и правах участников судебного разбирательства после отказа прокурора от поддержания обвинения

остаются дискуссионными и требуют дальнейшего комплексного научного исследования.

Библиографический список

1. *Аликперов Х.* Государственное обвинение: нужна реформа // *Законность.* – 2000. – № 12. – С. 2–4.
2. *Амирбеков К.* Отказ прокурора от обвинения // *Законность.* – 2001. – № 12. – С. 23–27.
3. *Варфоломеева Т.В.* Процесуальні, криміналістичні та етичні аспекти захисту // *Вісник Академії правових наук України.* – 2002. – № 3. – С. 140–151.
4. *Гончаренко В.* Не судити, а розсуджувати // *Український юрист.* – 2003. – № 10. – С. 64.
5. *Кореневский Ю.* Государственное обвинение: какая нужна реформа? // *Законность.* – 2001. – № 4. – С. 31–35.
6. *Маляренко В.Т.* Про змагальність сторін у кримінальному судочинстві та функціональне становище суду // *Вісник Верховного Суду України.* – 2002. – № 6. – С. 6–10.
7. *Матієк С.* Наслідки відмови прокурора від обвинувачення // *Вісник прокуратури.* – 2003. – № 2.
8. Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» от 8 декабря 2003 г. № 18-П. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2003/12/23/ks-dok.html> (дата обращения: 26.09.2017).
9. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70221540/> (дата обращения: 26.09.2017).
10. *Тетерина Т.* Отказ прокурора от обвинения «переступает» права потерпевшего на доступ к правосудию // *Российская юстиция.* – 2003. – № 10. – С. 37–38.
11. *Трунов И., Трунова Л.* Суд не должен добывать доказательства // *Российская юстиция.* – 2001. – № 9. – С. 56.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2017). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 25.09.2017).
13. *Холоденко В.* Учет мнения потерпевшего и его представителя при изменении обвинения прокурором в стадии судебного разбирательства // *Российская юстиция.* – 2002. – № 3. – С. 49–51.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: УРОКИ ИСТОРИИ

В 2017 году исполнилось сто лет русской революции, которая изменила судьбу нашего Отечества и ход мировой истории. Эта дата не только дает повод вспомнить историю, заставляет задуматься об «исторических долгах», но и предоставляет возможность сопоставить прошлое с сегодняшним днем и перспективой дальнейшего развития России. Актуальность круглой даты, связанной с событиями 2017 года в нашей стране, определяется и теми потрясениями, которые переживают некоторые бывшие советские республики, получившие государственную самостоятельность в конце XX в.

В современных условиях важно не допустить новых «великих потрясений» российского общества. Президент России В.В. Путин в своем послании Федеральному Собранию в конце 2016 года, говоря о приближающейся юбилее революции, заявил, что необходимо не только объективно и честно разобраться в причинах и характере революции, но и не допустить привнесение расколов и обид прошлого в сегодняшнюю жизнь. Столетие революции должно быть отмечено примирением сторон.

Значимость и многоаспектность событий столетней давности делают их актуальными не только для историков и краеведов, но и политологов, психологов, экономистов, философов, культурологов. Вместе с тем, столетие революции открывает для исследователей возможность отстраненно во времени, но неравнодушно дать анализ событиям и их последствиям для всей России. Не меньший интерес вызывают исследования на уровне регионов. Работы местных историков показывают, что революция на территории России имела разнообразные формы – от ожесточенных боев в Москве до мирного перехода власти, например, в Костроме.

Кафедра истории Костромского государственного университета выступила организатором круглого стола, посвященного изучению событий Великой русской революции. В его работе приняли участие ученые и преподаватели, студенты, магистранты и аспиранты костромских ВУЗов.

К ИСТОРИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье рассматривается проблема движущих сил Русской революции 1917 года. В результате заговора руководства Государственной думы, командования Русской армии (великий князь Николай Николаевич, генералы Алексеев, Рузский, Эверт, Брусилов, Сахаров, адмиралы Непенин и Колчак) удалось заставить отречься от престола царя Николая II. Но в полной мере захватить власть руководители Февральского переворота не смогли. Образовавшийся одновременно с Временным правительством Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов рядом радикальных актов отменил единоначалие в Русской армии и фактически подчинил ее себе. Октябрьская революция фактически была совершена не столько рабочими сколько «человеком с ружьем» – солдатами и матросами Петрограда. Содержанием революционного процесса в России после 1917 года стало стремление большевиков внедрить в сознание россиян вместо православных ценностей идеи социализма и коммунизма, что привело к жестоким гонениям на РПЦ и верующих. И только судьбоносное столкновение социализма и фашизма в 1941–1945 г. заставило советское руководство реабилитировать Русскую православную церковь. Это способствовало развитию патриотизма в советском обществе и окончательной победе над нацизмом.

Ключевые слова: русская революция, движущие силы, заговор, переворот, отречение, Государственная дума, Временное правительство.

Прошло 100 лет со времени Русской революции 1917 года. Но, как выясняется, далеко не все мы знаем о ней. Сейчас среди историков сложилось общее мнение, что Революция 1917 года представляет единый процесс от февральских событий к октябрьским. Но с учетом новых источников необходимо поставить под сомнение ряд прежних оценок происходивших революционных потрясений, а также их трактовки в отечественной истории.

Прежде всего, вызывает сомнение сама оценка Февральского переворота как буржуазно-демократической революции и, соответственно, Октябрьских событий как пролетарской, социалистической. Вызывает возражения и оценка движущих сил революционных перемен в России в 1917 году. В советской историографии движущими силами признавались, в февральских событиях – рабочий класс в союзе со всем крестьянством (свержение власти царя), а в октябрьских – рабочий класс в союзе с беднейшим крестьянством (отстранение от власти буржуазии). Вместе с тем, в стороне остались главная движущая сила революционного процесса – армия, которая и стала главным генератором перемен. Масса источников, появившихся в новой историографической ситуации после 1992 года, показывают и ряд новых сюжетов, а также героев судьбоносных перемен, происходивших в ставке Русской армии, а также в Петрограде в феврале–марте 1917 года. К ним, прежде всего, следует отнести письма, мемуары и труды В.В. Шульгина, П.Н. Милюкова, А.Ф. Керенского, генералов А.А. Брусилова, А.И. Деникина, В.Н. Воейкова, князя В.А. Друцкого-Соколинского, Л.А. Тихомирова и других [2; 3]. Опора на источники показывает, что главной движущей силой Февральского переворота стала правящая в России элита: великие князья Николай Николаевич, Дмитрий Павлович, руководство Русской армии – генералы Алексе-

ев, Рузский, Брусилов, Эверт, адмиралы Непенин, Колчак, правящие круги Государственной думы во главе с М.В. Родзянко, представители Земско-Городского союза князь Г.Е. Львов, военно-промышленного комитета А.И. Гучков и другие.

О предательстве в верхах в роковых событиях февраля 1917 года свидетельствует переписка между начальником штаба при Ставке Русской армии генералом Алексеевым и председателем Государственной думы Родзянко, которые фактически вступили в сговор с целью добиться отречения императора Николая II. 1 марта 2017 года в телеграмме на имя командующих фронтами, а также Балтийского и Черноморского флотов председатель Государственной думы М.В. Родзянко заявил о том, что «Временный комитет членов Государственной Думы <...> нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка» [1, с. 178]. В свою очередь начальник штаба генерал М.В. Алексеев, информируя командующих фронтами о пребывании царя в Пскове, заявил, что «войну можно продолжить лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от Престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича». Алексеев просил командующих фронтами в случае согласия с этим «телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу Его величеству». В результате все командующие фронтами – великий князь Николай Николаевич, генералы Алексеев, Рузский, Эверт, Брусилов, Сахаров, адмиралы Непенин и Колчак, «изменив воинской чести и долгу присяги, поставили царя в необходимость отречься от престола...» [1, с. 180]. Следовательно, старая власть была разрушена ближайшими помощниками Николая II.

Участие в февральских событиях политической и военной элиты позволяет выдвинуть тезис о том, что революционный политический кризис

1917 года был не только социальным, но и цивилизационным конфликтом. Перемены, которые происходили в России после революции 1905–1907 гг. – провозглашение буржуазных свобод, деятельность во многом оппозиционной к власти Государственной думы, политических партий породили среди политических и партийных элит, депутатов желание принимать участие, активно вторгаться в вопросы политического управления, тем самым принимая на себя частично полномочия императорской власти. Не всегда нарастание этих противоречий видели отечественные исследователи, но это было очевидно для иностранцев. Так, известный английский писатель Морис Бэринг, несколько лет проживший в России, в своей книге «Основы России», посвященной началу XX века, пишет, что недовольство положением в стране было распространено в высших классах, тогда как крестьянство, широкая масса была в лучшем экономическом положении, чем когда-либо [5, с. 500]. Конечно, события 1917 года были не только проявлением общественно-политических процессов начала XX века, затронувших правящий слой России. Многие импульсы шли из глубины веков. Как известно, в правление Петра I и Екатерины II ускорилось движение России по пути европейского развития. Это сопровождалось ограничением влияния Русской православной церкви по духовному воздействию на общество, особенно в столицах и крупных городах. Эти реформы сделали возможным проникновение с конца XVIII века западных антигосударственных, социалистических и революционных учений в российское общество, а также появление их носителей – российской интеллигенции. В начале XX века противоречия между христианскими православными ценностями России и нарастающим культурным и политическим влиянием Европейской цивилизации выливаются в политический кризис. Его выражением стала революция 1905–1907 гг., результатом которой – частичное ограничение власти царя. В условиях новой политической системы после 17 октября 1905 г. царское самодержавие потеряло устойчивость, что в сочетании с духовным кризисом делало хрупким саму конструкцию власти. Помимо этого все государственные учреждения империи были сконцентрированы в столице – Петрограде, что облегчало противникам царского самодержавия ведение борьбы в решающий момент.

Вместе с тем, Временное правительство так и не получило реальных рычагов власти. Одновременно с Временным правительством появился Совет рабочих и солдатских депутатов, имевший реальную опору в народных массах. 1 марта 1917 года Совет издал приказ №1, подчинив себе все выступления воинских частей и фактически отменив единоначалие в армии. Все последующие попытки генералов М.В. Алексеева, А.А. Брусило-

ва, Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина и др. противостоять демократизации и крушению Русской армии ни к чему не привели. В итоге, играя на растущих антивоенных настроениях солдатской массы, под лозунгами «Долой войну!», «Вся власть – Советам!», в результате общего восстания в Петрограде в октябре 1917 года к власти пришла наиболее радикальная партия большевиков.

Приход к власти большевиков ознаменовал новый этап революции в России. Многие последующие изменения и решения большевистской власти были связаны с особенностью их взглядов, идеологии, а также практических действий в ходе претворения их радикальной программы в жизнь. Если коротко охарактеризовать эти взгляды, то для них характерны герметичность мировоззрения, предпочтения революционных методов реформистским, нежелание искать компромиссы и, конечно, нетерпимость к инакомыслию. Отражением революционных подходов стала идея всеобщего разрушения прежней жизни как обязательное условие перехода к социализму. Само построение «светлого будущего» было отдалено во времени и не имело четких указаний в программных документах революционеров-большевиков на формы и сроки воплощения в жизнь идеи социализма. Устранив в конце 1917–1922 гг. всех политических противников, а также конкурентов из числа революционеров, в дальнейшем политическая борьба протекала внутри самих большевиков, которые стали единолично править в России. В результате в самой правящей партии развернулась непримиримая борьба за пути построения социалистического общества в России. Так Ленин и Троцкий рассматривали Россию как плацдарм для мировой революции, то есть распространения ее на другие страны Европы и Азии. По-другому, с опорой на построение социализма и коммунизма в одной стране, в России, фактически действовал Сталин. Свои пути реализации идеи социализма предлагали Бухарин и Рыков. Благодаря политической ловкости, умению опереться на преданные кадры в Красной армии и аппарат в партии большевиков верх в этой борьбе одержал к концу 1920-х гг. Сталин. Уничтожив конкурентов, Сталин фактически самодержавно правил Россией в течение последующей четверти века.

В этой связи важно посмотреть и на отношение революционеров к Русской православной церкви. Как известно, Россия являла собой православную христианскую цивилизацию. Еще в XIX веке выдающийся мыслитель П.Я. Чаадаев признавал, что Россия, в отличие от стран Запада, держава идеократическая, а русские – «великий народ, образованный всецело под влиянием религии Христа» [5, с. 96]. Это своеобразие России в полной мере и попытались использовать революционеры-большевики, заменив Православие верой в социализм

и коммунизм. Последующая деятельность большевиков являла собой попытку перекодировать архетип русского человека, подменив доминанту православного христианства в сознании и душах людей идеей построения справедливого социалистического и коммунистического общества в России. Это политика сопровождалась гонениями и репрессиями против священников и верующих.

И только Великая Отечественная война стала переломной в отношениях между советским государством и Русской православной церковью. Война со всей остротой поставила вопрос о физическом выживании русского народа и существовании государства. В результате в политике советского государства происходит настоящий переворот – реабилитация Русской церкви, а после встречи Сталина с виднейшими православными иерархами митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Янушкевичем) церковь получает возможность открытой христианской проповеди и патриотического воспитания граждан. Все это стало важнейшей составляющей победы русского народа над нацизмом.

Таким образом, события Февральского переворота свидетельствуют о решающей роли в свержении царя Николая II командования Русской армии, руководства Государственной думы, земства и военно-промышленных комитетов. Следовательно, ограниченных ресурсов «верхов» хватило на переворот и отстранение от власти царя. Однако в полной мере овладеть властью в России они так и не смогли.

Библиографический список

1. *Воейков В.Н.* С царем и без царя. – М.: Воениздат, 1995. – 423 с.
2. Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / сост. А.В. Репников. – М.: РОССПЭН, 2008. – 599с.
3. *Друцкой-Соколинский В.А.* На службе Отечеству. Записки русского губернатора. – Орел: Невероятный мир, 1994. – 405 с.
4. *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. – СПб.: Петрополь, 1991. – 672 с.
5. *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. – М.: Наука, 1991, Т. II. – 681 с.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В РАКУРСЕ ФЕВРАЛЯ 1917 ГОДА

В статье рассматривается позиция института Русской православной церкви по отношению к событиям Февральской революции 1917 года. Проанализированы документы Святейшего Синода, дана характеристика персоналиям церковного руководства, раскрыт региональный аспект проблемы. Факторами, предопределившими в целом позитивное восприятие со стороны Церкви свержения монархии, являются институциональная незавершенность реформирования церковного института и сохранявшийся принцип церковно-государственных отношений в рамках византийской идеи симфонии властей. В начале XX века доминирующей тенденцией в области церковного строительства продолжала оставаться конфессионализация общественной жизни. Методы реформирования Церкви были напрямую взаимосвязаны с методами реформирования государства, так как империя была конфессионально ориентирована, а Православная Церковь считалась господствующей. Синодальная система церковного управления, не опирающаяся на исторические и догматические каноны христианства, и концентрирование церковной власти в руках монашеского духовенства существенно подрывали авторитет Церкви, не позволяя ей стать действенной силой общественных преобразований. Либеральные реформы Временного правительства в конечном итоге привели к созыву Поместного Собора 1917–1918 гг. и избранию на нем патриарха, однако историческое время для обретения Русской Православной Церковью подлинного соединения религиозно-философского и церковно-богословского значений понятия соборности было упущено.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Святейший Синод, обер-прокурор, Февральская революция, Временное правительство, священство, царство, монархия.

Февральская революция 1917 г. в России со всей очевидностью обнажила противоречия церковно-государственных отношений, экзистенциально нерешенные до настоящего времени. Существующая тенденция к зависимости Церкви от государства, складывающаяся, в том числе, в силу ее консервативного догматического устройства, как показывает опыт прошлого, отрицательным образом влияет на положение, в первую очередь, самого церковного института. Естественная ситуация отделения Церкви от государства должна мотивироваться не внешним благополучием, привилегиями, возводящими *de facto* Русскую православную церковь (далее – РПЦ) в ранг государственной религии, а творческим постижением действительности, самостоятельностью позиций по вопросам общественного развития и тесным взаимодействием с представителями социума в сближении духовных сил всего общества. В этой связи реконструкция и анализ событий февраля 1917 г. в контексте церковного вопроса, во многом недооцененного столетие назад, определенным образом призваны раскрыть латентные противоречия политико-конфессионального дискурса в современной России.

Из 34 обер-прокуроров Святейшего Синода, возглавлявших ведомство с 1722 по 1917 гг. (с перерывом в 1726–1741 гг.), 10 приходится на время 1905–1917 гг. Последним *оком государевым и стряпчим дел государственных* при монархической форме правления был Н.П. Раев, назначение которого в августе 1916 г. связывали с протекцией Г.Е. Распутина. Исчерпывающую характеристику Н.П. Раеву дает протопресвитер военного и морского духовенства Г.И. Шавельский, отмечая в частности, что Раев «свел к нулю роль обер-прокурора» и в его

лице «члены Синода и чиновники увидели не обер-прокурора, а служку Петроградского митрополита (заметим, что с 1915 до 1917 г. митрополитом Петроградским и Ладожским был Питирим (Окнов), начинавший свою карьеру при отце Н.П. Раева митрополите Санкт-Петербургском и Ладожском Паллади (Раеве) – А.С.), раболепно исполнявшего все желания и веления последнего» [9, с. 137]. По сообщениям некоторых газет, в самый разгар февральских событий в Петрограде обер-прокурора в столице не было. Последнее при царском режиме заседание Синода в отсутствие Н.П. Раева провел товарищ обер-прокурора, т.е. его заместитель, князь Н.Д. Жевахов, который предпринял попытку выразить официальную позицию РПЦ в поддержку монархии: «Перед началом заседания, указав Синоду на происходящее, я предложил его первенствующему члену, митрополиту Киевскому Владимиру, выпустить воззвание к населению, с тем, чтобы таковое было не только прочитано в церквях, но и расклеено на улицах. Намечая содержание воззвания и подчеркивая, что оно должно избегать общих мест, а касаться конкретных событий момента и являться грозным предупреждением Церкви, влекущим, в случае послушания, церковную кару, я добавил, что Церковь не должна стоять в стороне от разыгрывающихся событий и что ее вразумляющий голос всегда уместен, а в данном случае даже необходим. «Это всегда так, – ответил митрополит. – Когда мы не нужны, тогда нас не замечают: а в момент опасности к нам первым обращаются за помощью». Я знал, что митрополит Владимир был обижен своим переводом из Петербурга в Киев; однако такое сведение личных счетов в этот момент опасности, угрожавшей, быть может, всей России, показалось мне чудовищным. Я про-

должал настаивать на своем предложении, но мои попытки успеха не имели, и предложение было отвергнуто. Принесло бы оно пользу или нет, я не знаю, но характерно, что моя мысль нашла свое буквальное выражение у католической церкви, выпустившей краткое, но определенное обращение к своим чадам, заканчивавшееся угрозой отлучить от Св. причастия каждого, кто примкнет к революционному движению. Достойно быть отмеченным и то, что ни один католик, как было удостоверено впоследствии, не принимал участия в процессиях с красными флагами» [6].

Сложный и противоречивый процесс отношения РПЦ к событиям Февральской революции 1917 г. достаточно полно реконструирован и проанализирован в работах современного историка М.А. Бабкина [1; 2]. Им же составлен и сборник материалов, в котором представлены различные документы церкви – определения и послания Синода, проповеди и обращения к пастве высшего духовенства, резолюции епархиальных, викариатских, городских, благочиннических съездов и собраний российского духовенства и мирян, проходивших в марте-июле 1917 г. по всей стране [7].

Позиция Синода по поводу февральских событий 1917 г. выражена в ряде правовых документов. Так, Определением № 1207 от 6 марта «Об обнаружении в православных храмах актов 2 и 3 марта 1917 г.» Синод, в частности, приказывает отныне возглашать «многолетия Богохранимой Державе Российской и Благоверному Временному Правительству» [7, с. 23]. Отметим, что среди постоянных членов Синода отсутствует подпись митрополита Петроградского и Ладожского Питирима (Окнова), прошение которого от 2 марта об увольнении на покой было 6 марта удовлетворено, и на заседаниях Синода более он не присутствовал. Определениями Синода от 6 марта № 1215 «Об установлении новой формы определений и указов Святейшего Синода», от 7 марта № 1223 «Об исправлении богослужебных чинов ввиду происшедшей перемены в государственном управлении», от 7–8 марта № 1226 «Об изменениях в церковном богослужении в связи с прекращением поминовения царствовавшего дома» унифицировались делопроизводственные формуляры и богослужебные каноны путем изъятия любого упоминания бывшего *Помазанника Божьего* и всего царствующего дома [7, с. 28–29].

Первое официальное заседание Синода после Февральской революции состоялось 4 марта 1917 г., на нем новый обер-прокурор В.Н. Львов провозгласил «свободу Церкви». После этого, как сообщали газеты, из зала Синода было вынесено императорское кресло. Методы воздействия новой власти по отношению к РПЦ, в сущности, оставались прежними и противоречия между декларативными либеральными интенциями Временного правительства,

с одной стороны, и *de facto* господствующим положением РПЦ в системе государственно-церковных отношений, осложненных институциональной незавершенностью реформирования церкви, с другой стороны, привели к назреванию конфликтной ситуации. Выражением ее стало заявление от 8 марта обер-прокурору В.Н. Львову шести архиепископов, членов Синода, в котором негативно подчеркивалось, что «обер-прокурор не только остается фактическим хозяином и начальником, как при прежнем режиме, но... и безапелляционным вершителем церковных дел. Ввиду столь коренной перемены в отношениях государственной власти в Церкви... нижеподписавшиеся не считают для [себя] возможным... оставаться присутствующими в Св. Синоде» [7, с. 30]. Среди подписавших данное заявление архиереев мы находим имена двух будущих патриархов – Тихона (Белавина) и Сергия (Страгородского). Остальные члены Синода особым постановлением от 9–13 марта поддержали своих коллег, охарактеризовав «образ действий нового обер-прокурора... неканоничным и незаконным», однако оставив за собой «ведение дел по управлению православной российской церковью до созыва нового состава... Синода на основах канонических» [7, с. 31].

Однако открытой оппозиции Временному правительству Синод не проявлял и 9 марта Определением № 1280 «Об обращении к чадам Православной Церкви с посланием» благословил начинания новой власти: «Временное Правительство вступило в управление страной в тяжкую историческую минуту. Враг еще стоит на нашей земле, и славной нашей армии предстоят в ближайшем будущем великие усилия. В такое время все верные сыны Родины должны проникнуться общим воодушевлением. Ради многих жертв, принесенных для завоевания гражданской свободы, ради спасения ваших собственных семейств, ради счастья Родины оставьте в это великое историческое время всякие распри и несогласия, объединитесь в братской любви на благо России, доверьтесь Временному Правительству, все вместе и каждый в отдельности приложите все усилия, чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни и общим разумом вывести Россию на путь истинной свободы, счастья и славы» [7, с. 32]. В тот же день Определением Синода № 1277 была объявлена новая форма присяги на «верность службы Российскому Государству для лиц христианских вероисповеданий» [7, с. 31]. Таким образом, событиям февраля 1917 г. придавался божественный промысел.

Фигура В.Н. Львова достаточна симптоматична относительно политического истеблишмента в доминирующей константе хаоса и безвременья. Митрополит Евлогий (Георгиевский) в своих вос-

поминаниях характеризует обер-прокурора Временного правительства как *диктатора, человека раздраженного и истеричного, предвзято недоброжелательного по отношению к архиереям* [4, с. 267, 269]. Еще более неприязненное отношение к личности В.Н. Львова встречаем в воспоминаниях П.Н. Милюкова: «...долговязый детина с чертами дегенерата, легко вспыхивавший в энтузиазме и гневе и увеселявший собрание своими несуразными речами» [8, т. 2, с. 296] Жизненный путь В.Н. Львова был чрезвычайно дискретен. После окончания Московского университета он готовился к принятию монашеского пострига, участвовал в Самарской губернии в создании отделения «Союза 17 октября», являлся депутатом III и IV Государственных дум, в которых был председателем комиссии по делам РПЦ, выступал членом Прогрессивного блока, до конца не выяснена его роль в мятеже генерала Корнилова, и, как следствие, Петропавловская крепость и домашний арест, после прихода большевиков – эмиграция в Японию, затем во Францию, сменевеховство, возвращение в 1922 г. в Советскую Россию, активное участие в движении обновленцев, арест, ссылка, вновь арест и смерть в 1930 г. в Томской тюремной больнице. Все это в целом подтверждает мнение современников об определенной поспешности и недооценки задач церковного вопроса в контексте назначения нового обер-прокурора. Отсутствие глубины и необходимых профессиональных качеств, авторитарный стиль руководства и нетерпимость В.Н. Львова, что губительно для специфической конфессиональной области, предопределили судьбу прежнего состава Синода. Указом Временного правительства от 14 апреля 1917 г. на имя Св. Синода, состав членов зимней сессии 1916–1917 гг. был освобожден от своих обязанностей и на летнюю сессию 1917 г. вызван новый состав. Из старого состава Синода сохранил свое место лишь архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (Страгородский).

Вследствие жесткой вертикали церковного управления реакция в епархиях на определения Синода была более чем предсказуемой и в целом соответствовала позиции церковного руководства. Так, в первом вышедшем после падения монархии номере «Костромских епархиальных ведомостей» от 15 марта 1917 г. № 6 в Отделе официальном был опубликован Указ Святейшего Синода епископу Костромскому и Галичскому Евгению от 6 марта об объявлении во всех православных храмах губернии актов об отречении Николая II за себя и за сына и об отказе Великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти с соответствующей публикацией этих документов. В кратком обращении к духовенству Костромской епархии епископ Евгений (Бережков), в частности, писал: «Свершился великий переворот в Отече-

стве нашем: пала Императорская власть... Таковы судьбы Промысла Божия! Призываю духовенство епархии подчиниться и признать временное Правительство, взявшее по воле народа и воинства все-российского в свои руки управление страной. Мы должны проникнуться своим долгом и действовать в согласии с врученной нам Богом паствой, всеми силами направляя ее на путь мира, порядка и, следовательно, подчинения новому Правительству, – немощствующую и колеблющуюся совесть иных успокоить своим пастырским словом и авторитетом, как поступили и мы в собрании духовенства г. Костромы, от которого взаимно получили и для себя умиротворение духа к служению и совершению Божественных таинств» [3, с. 74]. Далее в слове епископа следовали необходимые изменения в чине богослужения. В Отделе неофициальном Костромских епархиальных ведомостей № 6 от 15 марта было опубликовано приветствие от Костромской духовной семинарии от 11 марта на имя обер-прокурора В.Н. Львова, в котором выражалась полная поддержка новой власти: «Костромская Духовная Семинария, преисполненная веры, что совершившимися в нашем отечестве событиями последних дней Господь, в неисповедимых судьбах Своего всеблагого промысла о нас, открыл Великому русскому народу новые пути и способы к его возвеличению чрез укрепление и дальнейшее развитие в нем вечных начал Святого Евангелия, по руководству основанной Христом Богом Церкви, почтительнейше приветствует Вас, как первого Обер-Прокурора Святейшего Правительствующего Синода в обновленной России, и просит представить ее приветствие всему Благоверному Всероссийскому Временному Правительству» [5, с. 116]. Символично, что большая часть номера была посвящена историческому обозрению упраздненных монастырей и пустынь Костромской епархии и в этом, действительно, как нам кажется, состоял промысел Божий.

Несомненно, не стоит унифицировать позицию церковного института по отношению к событиям февраля 1917 г., были голоса и в поддержку монархии, и все же поражает та легкость, с которой церковная иерархия отсеклась от, казалось бы, вечных оснований идеи симфонии священства и царства в ретроспективе Святой Руси.

Сраживание государственных и собственно церковных сфер резко контрастировало с изменившимся интеллектуальным климатом эпохи, в достаточной степени секуляризованном к началу XX в. Политизация конфессиональных вопросов отождествляла институт РПЦ с монархией и разрушение церковно-государственной симфонии вследствие февральских событий 1917 г. открывало новую страницу в истории русского православия. Выражением ее стал созыв Поместного Собора РПЦ, не собиравшегося более двух столетий,

и восстановление патриаршества. Однако дальнейшие события привели, в сущности, к тотальному подчинению РПЦ Московского Патриархата со стороны советского государства, экзистенциальное преодоление которого в конфессиональной сфере продолжается до настоящего времени.

Библиографический список

1. Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). – М.: Изд. Государственной публичной исторической библиотеки России, 2007. – 532 с.
2. Бабкин М.А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). Исследования и материалы. – М.: Индрик, 2011. – 920 с.
3. Евгений, епископ Костромской и Галичский // Костромские епархиальные ведомости. Отдел официальный. – 1917. – № 6. – С. 74–75.
4. Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания. – М.: Моск. рабочий;

ВПМД, 1994. – 621 с.

5. Епархиальные известия // Костромские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. – 1917. – № 6. – С. 113–116.

6. Жевахов Н.Д. Воспоминания. Том I. Сентябрь 1915 – март 1917. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/fiction/vospominaniya-tom-1-knjaz-zhevahov/#n84> (дата обращения: 08.03.2017).

7. Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви / Сост., авт. предисловия и комментариев М.А. Бабкин. – М.: Изд. Индрик, 2006. – 504 с.; ил.

8. Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917): в 2 т. / сост. и авт. вст. ст. М.Г. Вандаковская; коммент. и указатель А.Н. Шаханова. – М.: Современник, 1990. – Т. 2. – 446 с.

9. Шавельский Г., протопресвитер. Русская Церковь пред революцией. – М.: Артос-Медиа, 2005. – 512 с.

ЧТО ДАЛА ЖЕНЩИНАМ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ?

В ходе революционных событий начала XX в. женщины встали на сторону партии большевиков. После победы революции 1917 г. Советская власть дала женщинам равные права с мужчинами во многих областях: управлении, труде, образовании и т.п. Особое внимание уделялось охране материнства. В то же время власть старалась вовлечь женщин в управление новым государством. Поскольку в Костромской губернии женщины всегда составляли больше половины населения, активно участвовали в революционном движении, то, как следствие, они заняли многие руководящие посты в органах новой власти, где проводили большую творческую работу. Этот опыт необходимо творчески использовать в России XXI века.

Ключевые слова: Костромская губерния, Советская законодательство, права женщин, женщины на руководящей работе.

Одним из немаловажных аспектов революции 1917 г. является роль в ней женщин. Общеизвестно, что революционные события в Петрограде в феврале 1917 г., приведшие к свержению монархии, начали именно женщины. Они же приняли самое активное участие в дальнейших событиях, в результате которых к власти пришли большевики в октябре того же года. Не случайно В.И. Ленин дал женщинам самую высокую оценку, сказав: «Без них мы не победили бы» [13, с. 41].

Но еще большую роль при проведении революции сыграли женщины в Костроме. В Костромской губернии они всегда преобладали среди населения, а в 1917 г. их стало почти 65% [11, с. 38]. Накануне революции удельный вес женщин среди рабочих костромских фабрик составлял 51%, а по России – лишь 30,7%. Условия труда и жизни работниц были крайне тяжелыми. Женский труд оплачивался на 30–40% ниже мужского. Средняя зарплата ткачих в месяц составляла 7 рублей (прожиточный минимум в то время был 17 рублей). Поэтому не случайно женщины принимали самое активное участие в революционной борьбе, а после свержения царизма они интенсивно работали в выборных организациях: в городской думе, профсоюзах, фабричных комитетах и др.

В то же время, все политические партии России старались привлечь женщин на свою сторону. В Костроме это, прежде всего, партии кадетов, эсеров, меньшевиков и большевиков. Главное внимание было уделено солдаткам, чьи мужья воевали или погибли на фронтах Первой мировой войны, поскольку в Костроме они составляли большинство. Особенно сильно борьба за влияние на женщин развернулась в 1917 г. Сразу после февраля в Костромской губернии в Советах большинство представляли меньшевики и эсеры. Но постепенно росло влияние большевиков. В результате на выборах 16 мая большевики и их сторонники получили 75% всех депутатских мест в Советах в Костроме. В ходе борьбы женщины отдали предпочтение партии большевиков.

За три дня до начала вооруженного восстания в Петрограде в Костроме началась всеобщая стачка текстильщиков, в которой принимало участие 65 тысяч человек, в основном работницы. Они требовали передачи всей власти Советам, устранения голода, повышения заработной платы. В городе была создана боевая дружина, в которую вошло много женщин. В итоге Советская власть в Костроме была провозглашена 29 октября 1917 г. мирным путем, поскольку перевес революционных сил был огромный.

В результате победы революции Советская власть предоставила женщинам большие права. В первый же день, 26 октября 1917 г., был принят декрет «Об образовании рабочего и крестьянского правительства», который по существу провозгласил равенство мужчин и женщин в политических правах, в осуществлении государственного управления [4, с. 20]. А в первой Советской Конституции, принятой в июле 1918 г., было закреплено политическое равноправие женщин Советской России. На собраниях граждан городов и сел Костромской губернии выносились решения о привлечении женщин к выборам в Советы. Общее собрание граждан Кадыя 18 февраля 1918 г. постановило произвести выборы в Совет солдатских и крестьянских депутатов, причем подчеркивалось, что «избрание производят все граждане и гражданки Кадыя, имеющие от роду не менее 20 лет» [12, с. 245]. Женщины получили не только право избирать, но и быть избранными в органы государственной власти. В составе Костромского городского Совета в ноябре 1917 г. было 3 женщины, в декабре 1918 г. – уже 17 из 124 членов (13,7%), а в сентябре 1919 г. – 30 из 123 депутатов (24,4%) [5].

В первые годы Советской власти в трудовом законодательстве было закреплено положение, согласно которому участие женщин в общественно-производительном труде является решающим условием, определяющим их социальный статус. «Эти меры, – пишет Т. Эдвуд, – закладывали основы политики по охране и улучшению труда женщин. Государство признавало материнство важнейшей

социальной функцией» [6]. Крестьянки впервые получили право на землю наравне с мужчинами, тем самым избавились от зависимого положения в семье. По декрету «О восьмичасовом рабочем дне» (29 октября 1917 г.) труд женщин был запрещен в ночных сменах и на подземных работах. Вводились ограничения для них на сверхурочных работах. Согласно декрету от 11 (24) декабря 1917 г. социальное страхование распространялось на всех рабочих обоего пола в размере 100% зарплаты, по декрету о заработной плате от 16 сентября 1918 г. впервые в истории была устранена дискриминация при оплате женского труда [4, с. 344–348].

Декретом от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения» женщинам был открыт доступ для совместного обучения с мужчинами во все высшие учебные заведения [10]. Отменялись вступительные экзамены и плата за обучение, вводилась государственная стипендия для особо нуждающихся. Новая форма брака, как добровольного союза равных людей на основе взаимной любви и уважения, была утверждена в декретах «О гражданском браке, о детях и введении актов состояния» (18 декабря 1917 г.) и «О расторжении брака» (26 декабря 1917 г.) [4, с. 237, 247]. За первые годы Советской власти было издано более 100 декретов, посвященных вопросам охраны труда, здоровья и защиты социальной функции женщин – материнства.

Советская власть заботилась об улучшении социального положения трудящихся женщин, тем самым стремилась завоевать на свою сторону их политические симпатии, вовлечь их в налаживание нового государства. Представительницы бывших господствующих классов: дворянки, буржуазные дамы, представительницы духовенства в этот период переживали «хождение по мукам». Они лишались родовых имений, капиталов, особняков, дач, прислуги и всего того, что составляло их привычный образ жизни. В июле 1918 г. Кинешемский уездный совет объявил о национализации усадьбы Александровское, принадлежавшей костромским дворянам Григоровым. «И вот вся наша многочисленная семья, – пишет А.А. Григоров, – мать и нас четверо детей (я и мои два брата и сестра), тетушка-калека и двое женщин из числа прислуги ... двинулись на юг». После долгих скитаний в 1922 г. семья вернулась взглянуть на родные края. «Приехав туда, – продолжает А.А. Григоров, – мы увидели только стоявшие столбами закоптелые печи. Все сгорело или было разграблено» [3, с. 396]. Мария Григорьевна Хомутова из древнего дворянского рода владельцев многих усадеб, в том числе «Соколово» Кинешемского уезда, стала работать в сельскохозяйственных артелях в Малышкове, затем в Волове, в совхозе объединения «Петрокоммуна» под Галичем. 14-летняя Мария работала на лошадях: на перевозках разных грузов, вспашке, бороновании т.д.

В то же время рядовые работницы, крестьянки, представительницы интеллигенции, прежде всего те, кто активно участвовал в революционном движении до 1917 г., после победы революции включались в мирную работу. В ноябре 1917 г. в Костроме З.А. Станкевич стала председателем комитета по борьбе с саботажем чиновников. В.Н. Богданова, М.Н. Леонтьева и Н.В. Васильева приступили к организации работы почтово-телеграфной службы, М.Н. Нисковская и Н. Плаксыцкая вошли в отдел национализированных предприятий Костромского текстильного района. В отделе народного образования из девяти ответственных работников насчитывалось пять женщин. В феврале 1918 г. заместителем заведующего губернского финансового отдела стала М.С. Виноградова. Работу М.Н. Казанцевой, вставшей во главе отдел народного образования в Галиче, высоко оценил нарком просвещения А.В. Луначарский, побывавший там в 1919 г. [9, с. 404]. Вновь назначенная заведующей отделом народного образования Костромского уезда Е.К. Кравченко говорила с трибуны уездного съезда Советов в 1918 г.: «Народное образование и народное богатство находятся в самой тесной связи. Хорошая постановка и самое широкое распространение его (образования) будут фундаментом для постройки новой России. Необходимо создать этот фундамент прочным и непоколебимым, тогда можно с уверенностью сказать, что дети наши увидят свою Родину счастливой и богатой» [1, с. 117].

В марте–апреле 1918 г. Костромской губисполком организовал коллегию губотдела здравоохранения. В нее вошли Б.Т. Бидерман (председатель), А.В. Комичева, Ф.Г. Бляхина, З.А. Станкевич. В ведение коллегии были переданы все вопросы здравоохранения, охраны материнства и младенчества. Санитарка Е.К. Громова возглавила отдел народного здравоохранения костромского горисполкома, а М. Дворникова – уездный отдел здравоохранения в Макарьево. Летом 1918 г. для руководства работой по организации детских учреждений при отделах народного образования местных Советов создавались подотделы дошкольного воспитания. В Костромском губисполкоме его возглавила М.Н. Казанцева. Для охраны материнства и младенчества, борьбы с беспризорностью и нищетой был образован Народный Комиссариат народного призрения во главе с А.М. Коллонтай. В 1918 г. в Москве на открывшихся специальных курсах по подготовке кадров организаторов охраны материнства и младенчества на местах от Костромы обучались Н.М. Долотова, Т.П. Решетова, Е.И. Квасникова и П.В. Уварина [2].

Одной из наиболее тяжелых социальных проблем был жилищный кризис. Жилищный отдел Костромского горсовета возглавила энергичная работница М.Н. Нисковская. Отдел провел учет всей жилой площади в Костроме. Оказалось, что на каж-

дого жителя в среднем приходилось примерно 1,5–2 кв. метра. Коммунальное хозяйство за годы Первой мировой и гражданской войн пришло в полный упадок. Многие дома, особенно в фабричном районе, находились в аварийном состоянии.

Представители жилищного отдела стали переселять рабочие семьи в дома состоятельных граждан. Для этого была организована перестройка особняков и гостиниц под квартиры. Большие залы в богатых домах разделяли дощатыми перегородками на небольшие комнаты. В каждую переселялась из подвала или другого непригодного для проживания места семья рабочего. А кухня была одна на всех. Так появились «коммуналки». Помещения Ипатьевского монастыря были заселены семьями рабочих ткацких фабрик, и бывшая обитель стала официально называться рабочим поселком «Текстильщик».

Создавались дома-коммуны, где несколько семей питались из одного котла, по очереди следили за детьми, убирали жилье и т.д. Такой дом-коммуна располагался, например, в двухэтажном особнячке из красного кирпича на современной улице Долматова в Костроме. Здесь поселились семьи женщин, активных деятельниц костромской партийной организации, – Е.А. Виноградовой, М.С. Виноградовой, В.Н. Богдановой, М.Н. Леонтьевой и других. «Мы были все страшно заняты на работе, мотались по губернии в командировках, – вспоминала позже жительница этого дома Мария Семеновна Виноградова. – Поэтому рады были, что есть куда прибежать переночевать, есть кому присмотреть за детьми, приготовить пищу. Назначалась одна из нас дежурной, которая была в данный момент менее занята. Заниматься домашним хозяйством, наводить уют считалось непозволительным для сознательной женщины, тем более члену партии, какими мы все были. Это считалось мещанством, а за проявление мещанства могли наказать по партийной линии» [7].

В полной мере воспользоваться полученными правами большинство трудящихся женщин в тот период не могло. «Для работницы дорости до взглядов среднего рабочего, – писала А.М. Коллонтай, – это ломка традиций, понятий, нравов, привычек, усвоенных с колыбели... Отсюда ясный

вывод, что разбудить дремлющий ум женщины, оживить ее волю можно только при помощи особого подхода к ней, только при специальных методах работы среди женщин» [8, с. 10]. Поэтому впереди предстояла очень трудная, кропотливая и разнообразная работа по достижению равноправия женщин на деле.

В течение XX-го – начале XXI вв. многие проблемы, за которые женщины поднимались на революцию, были решены. В 1996 г. Правительством РФ была утверждена «Концепция улучшения положения женщин в РФ», предназначенная ликвидировать еще оставшиеся дискриминационные моменты. Однако положение российских женщин в новом тысячелетии требует обновления ряда аспектов данного документа. И здесь большую роль может сыграть творчески примененный опыт истории первых лет Советской власти.

Библиографический список

1. В памяти народа: очерки о революционерах / сост. Б.П. Жижиков, В.Л. Миловидов. И.Е. Травина. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1988. – 240 с.
2. ГАНИКО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 275. – Л. 18.
3. Григоров А.А. Из истории костромского дворянства. – Кострома: Б.и., 1993. – 472 с.
4. Декреты Советской власти. Т. 1.– М.: Политиздат, 1957. – 640 с.
5. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 10. – Д. 190. – Л. 177.
6. Женщины в Российском обществе. – 1997. – № 3.
7. Из воспоминаний М.С. Виноградовой. Из личного архива Волковой Е.Ю.
8. Коллонтай А.М. Как борются работницы за свои права. – М.: Б.и., 1919. – 28 с.
9. Литературное наследство. – М., 1971. – Т. 80.
10. Правда. – 1919. – 6 ноября.
11. Труды ЦСУ. – М., 1921. – Т. 7. – Вып. 1.
12. Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии: Сб. док. (март 1917 – сент. 1918 гг.) / под ред. М.П. Свинцовой. – Кострома: Кн. изд-во, 1957. – 426 с.
13. Цеткин К. Воспоминания о Ленине. – М.: Госполитиздат, 1955. – 72 с.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ

Статья посвящена отражению революционных событий февраля–марта 1917 г. в общественных настроениях. Рассмотрены некоторые аспекты реакции населения в центре и провинции на начало революционного процесса 1917 г., уничтожение символов монархии, переименование городских объектов (на примере городов Костромской губернии) после февраля 1917 г.

Ключевые слова: февраль 1917 г., революция, общественные настроения, центр и провинция, символы власти, переименования.

В настоящее время одной из актуальных проблем отечественной истории является поиск взаимосвязи масштабных социально-политических трансформаций и общественных настроений. Исследователи ставят вопрос о психологическом состоянии общества в кризисные периоды, в частности, во время революции 1917 г. Революционный процесс, в том числе февральско-мартовские события, не только повлек за собой изменения общества в целом, но и повлиял на судьбы отдельных людей. Сохранившиеся источники позволяют составить представление о реакции населения, которой сопровождалась революция в центре и в провинции.

Безусловно, отношение к падению монархии и созданию новых институтов власти было различным. Многие очевидцы отмечают в период начала весны 1917 г. воодушевление масс и надежду на грядущие перемены. Член исполкома Петроградского совета Н.Н. Суханов писал о мартовских днях в Петрограде: «В понедельник, 13-го, в бывших императорских театрах возобновились спектакли, прерванные революцией... <...> Я сильно опоздал в Мариинский театр. <...> Читались стихи о свободе, пел хор памяти павших борцов, и без конца исполнялась «Марсельеза». <...> Внимание возбужденной и радостной буржуазно-обывательской толпы сосредоточивалось на боковой царской ложе, где разместились рабочие и солдатские депутаты. <...> Антракты кончались, но публика не хотела слушать оперу. Она требовала речей, начала овацию по адресу Совета и вдруг прекращала ее, устанавливая выжидательную тишину. <...> Я впервые после переворота видел буржуазную толпу. Она, несомненно, жила и дышала поновому. Она еще жила новым глубоким подъемом и еще дышала радостью» [10].

Философ Ф.А. Степун, служивший в годы Первой мировой войны офицером на австрийском фронте, вспоминал о настроениях солдат после известия о свержении монархии: «Пермские, вятские, сибирские мужики не пылали разрушительным, революционным гневом, а скорее светились радостью дарованного им освобождения. Вскочив на непривычную трибуну и взволнованно оглянувшись кругом, они произносили не политиче-

ские речи, а разливались в благодарных чувствах; говорили о том, что “вот-мол-дождались светлого празднику”. В их безыскусственных, часто даже бессвязных словах разом звучали все наболевшие вопросы их крестьянской и солдатской жизни. Они говорили о помещичьей земле, которую их деды пахали, о непосильных налогах, о взяточниках-урядниках, о своей темноте и серости, но и о своей жажде просвещения, о замирении, о том, что отстоят животами свободу; они воинственно грозили Вильгельму и миролюбиво жалели немецких солдат, таких же, небось, подневольных мужиков, как и они сами. Они трогательно благодарили думцев за весть об отречении царя, но, в противоположность нахлынувшему вскоре на фронт агитаторам, никакой хулы на отрекшегося государя не возводили» [9].

Оживление было заметно и в провинции. В Костроме первые известия о событиях в Петрограде были получены 28 февраля. 1 и 2 марта прошли выборы в Костромской совет рабочих депутатов. Бюллетень исполнительного комитета Костромского совета сообщал о настроениях в городе в первых числах марта: «В ночь на 3 марта спавшие жители Костромы были разбужены звуками военной музыки и песнью “Марсельезы”. Это солдаты и офицеры расквартированных в Костроме полков, возбужденные постепенно доходившими до них новостями о событиях последних дней, дефилировали по улицам города, сообщая о своем присоединении к революционному движению. С раннего утра к войску стали стекаться со всех сторон граждане. Рабочие постановили прекратить на весь день работу на заводах, превратить этот день в праздник революции, а в ближайшее воскресенье работать» [8, с. 42].

В тот же день около 10 часов утра из тюрьмы были освобождены политические заключенные (в списках тюремной администрации их обнаружилось двое), чей выход на свободу был встречен радостными криками толпы. Состоявшееся в 11 утра в городской управе организационное собрание комитета Совета рабочих депутатов превратилось в митинг. «Большой зал и все помещения управы были тесно, плечо к плечу, наполнены рабочими, учащимися и солдатами... Перед зданием выстро-

ились воинские части с развернутыми красными знаменами; вся площадь залита народом. Произносились горячие и страстные речи» [8, с. 43].

Одним из первых мероприятий новой власти в Костроме стал арест представителей старой администрации. Когда арестованного губернатора И.В. Хозикова вели под конвоем, из толпы раздавались крики: «Дорогу бывшему губернатору» [7].

Однако наивно было бы полагать, что отношение масс к свершившимся событиям было окрашено исключительно ликованием. Наряду с эмоциональным подъемом в сознании граждан, как в центре, так и на местах, сохранялось беспокойство, тревога за будущее. В условиях отсутствия четкой информации большую роль в формировании общественных настроений играли различного рода слухи. У части обывателей в ходе февральских событий имелось подозрение, что выступления в Петрограде спровоцированы царским правительством с целью в дальнейшем жестоко подавить начавшуюся революцию. В конце февраля в столице горожане осматривали окна и чердаки зданий в поисках припрятанных пулеметов, из которых мог быть открыт огонь по митингующим. Ходили слухи о тайных контрреволюционных организациях, с деятельностью которых связывали появление таинственных черных автомобилей по ночам в Петрограде, а также белых крестов, которыми были помечены квартиры отдельных жителей. Назначение этих крестов осталось неизвестным. Предполагалось, что ими помечают квартиры своих будущих жертв члены тайных организаций [1, с. 40, 44].

Впрочем, часть населения, особенно крестьянство, события февраля восприняла пассивно. «В семнадцатом году революция была – царя свергли. Мы, конечно, и не знали», – вспоминала Д. Г. Свинина, жительница деревни Зайцы Кировской области [3, с. 18].

Отказ от прошлого сопровождался уничтожением символов прежней эпохи. Еще до февраля отмечались случаи, когда крестьяне выкалывали глаза на портретах царской семьи, за что привлекались к уголовной ответственности [6, с. 133]. После февраля 1917 г. из общественных организаций и учебных заведений повсеместно удалялись царские портреты. Уничтожение изображений императора происходило не только в центре, но и в отдаленных окраинах страны. Сохранились воспоминания о том, как в одном из сел Кольского полуострова после известия о падении монархии выбрасывались на улицу царские портреты [5, с. 26]. Если где-то изображения членов императорской династии сохранялись, это могло вызвать порицание со стороны общественности. 14–15 марта общее собрание уполномоченных от населения Юрьевоцкого уезда Костромской губернии постановило изъять портреты дома Романовых из всех общественных учреждений. То же собрание выра-

зило резкое осуждение жителям села Порздни за то, что они «омрачили светлый праздник свободы своими действиями», в том числе, снятием телефона, освобождением арестованного урядника, оставлением царского портрета в волостном правлении [8, с. 76].

Февраль 1917 г., безусловно, повлиял на культуру. В кинематографе появились новые злободневные темы. Большой успех имели документальные хроники революционных событий, такие, как «Великие дни российской революции с 28 февраля по 4 марта 1917 г.» или «Великие дни революции в Москве». Одним из наиболее популярных кинематографических сюжетов стала тема жизни и смерти Григория Распутина. Журналисты писали: «Григорий Распутин, вчера еще потаенный герой Царскосельского дворца, теперь вышел на Невский и стал “сенсационным” героем улицы. У ворот домов по Невскому расклеены огромные плакаты с изображением “старца”. Публика облепила их, как мухи сладкое. У касс кинематографов, где идет сенсационная драма “Темные силы – Григорий Распутин”, целые хвосты» [1, с. 181]. Ленты о жизни Распутина были популярны и в провинции. Демонстрировались они весной 1917 г. и в Костроме, а одна из посвященных Распутину картин была снята в начале марта 1917 г. в Ярославле. Очевидно, в подобных, зачастую низкопробных, фильмах обывателя привлекала возможность познакомиться с «сенсационными» подробностями жизни человека, которому приписывали значительное влияние на политику Николая II. Популярность картин о Распутине связана с общей десакрализацией символов монархии.

Одной из характерных примет времени, отразивших общественные настроения, стали массовые переименования населенных пунктов, улиц, площадей. После февраля 1917 г. старые названия, связанные со свергнутой династией Романовых, заменялись на новые, несущие революционный посыл. В ходе переименований в Костромской губернии в 1917 г. одним из самых востребованных стало понятие «свобода». В Галиче Романовская улица была переименована в улицу Свободы. Улица с аналогичным названием появилась в Чухломе; площадь Свободы – в Нерехте, гора Свободы – в Плесе [4, с. 15]. Переименования в провинции, однако, происходили постепенно. Например, Романовский музей в Костроме был переименован в Музей местного края лишь 15 января 1918 г. [2, л. 25–26]

Таким образом, февральско-мартовские события вызвали оживление масс как в центре, так и в провинции. У обывателей возникла надежда на решение текущих проблем. В то же время, наряду с эйфорией первых революционных дней, у населения появилось чувство тревоги и неуверенности в будущем, которое подкреплялось разнообраз-

ными слухами, в том числе, о деятельности контрреволюционных организаций. Революционный процесс сопровождался уничтожением символов монархии, что символически закрепляло отказ от прежних устоев.

Библиографический список

1. *Аксенов В.Б.* Повседневная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 г.: дис. ... канд. истор. наук. – М., 2002. – 231 с.
2. Архив Костромского музея-заповедника. – КМЗ КОК 46433/16.
3. *Бердинских В.* Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. – М.: Ломоносовъ, 2011. – 328 с.
4. *Зонтиков Н.А.* Возвращение Родины. О восстановлении исторических названий Костромского края // Костромская земля: Краевед. альманах Костром. обществ. фонда культуры. – Вып. 1. – Кострома, 1990. – С. 15–24.
5. *Киселев А.А.* Мурман в дни революции и гражданской войны. – Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1977. – 221 с.
6. *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры русской революции 1917 г. – СПб.: Лики России, 2012. – 320 с.
7. Курьер. – 1917. – 3 марта.
8. Установление советской власти в Костроме и Костромской губернии. – Кострома: Костромское книжное издательство, 1957. – 428 с.
9. *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/231284-byvshee-i-nesbyvsheesya.html> (дата обращения: 24.02.2017).
10. *Суханов Н.Н.* Записки о революции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/history/xx/suhanov/suhan002.htm> (дата обращения: 24.02.2017).

Панкратова Ольга Борисовна
кандидат исторических наук, доцент
Костромской государственной университет
godunova_olga@mail.ru

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА: КОСТРОМСКАЯ ПРЕССА О НЕКОТОРЫХ ФАКТАХ ПЕРИОДА ДВОЕВЛАСТИЯ В КОСТРОМЕ

В статье освещается проблема важности объективной и точной трактовки исторических документов, содержащих сведения о событиях русской революции 1917 года. Важнейшим из всего спектра исторических источников этого периода является периодическая печать. Характеризуясь многоплановостью и безусловной субъективностью, периодика в то же время содержит относительно объективный, обобщенный и типизированный образ окружающей действительности, конечно, в присущей ей форме. Газеты и журналы в этот период влияли на умонастроение, характер поведения лидеров и обывателей и формировали мнение и реакцию на происходящие события, т.к. в начале XX века периодическая печать фактически являлась основным источником информации. Рубрики костромских газет также определялись политическими и социально-экономическими пристрастиями и направленностью их редакций. Костромская пресса, среди прочих, освещала важный, но недостаточно исследованный аспект революционных событий в Костроме – проблему необходимости агитации и пропаганды для предотвращения массовых беспорядков и отсутствие для осуществления этой деятельности квалифицированных кадров.

Ключевые слова: Русская революция 1917, партии, исторические документы, периодическая печать, субъективность исторического источника, костромская пресса, общественные настроения, психология толпы, агитационная и пропагандистская деятельность.

События революции 1917 года являются началом нового этапа не только в истории России, но и в мировой истории. Этот факт заставляет очень бережно, объективно и точно трактовать исторические документы, содержащие в себе сведения о событиях русской революции 1917 года, событиях трагических и великих, повлиявших на историю огромного государства и мира в целом. Источниковедческая база истории российской революции 1917 года разнообразна по видам, уровню глубины и степени достоверности. Этот период русской истории невозможно анализировать без использования данных законодательных документов, статистики, делопроизводственных источников Временного правительства и Советов, дневников, воспоминаний, писем людей – вершителей судеб и обывателей и, конечно, периодической печати. Характеризуясь многоплановостью и безусловной субъективностью, периодика в то же время содержит объективный, обобщенный и типизированный образ окружающей действительности, конечно, в присущей ей форме. С одной стороны, в ней встречается ценная информация об отношении представителей различных социальных слоев к тем или иным общественным явлениям, их мысли и чувства, нравы и предпочтения.

С другой стороны, газеты и журналы в этот период влияли на умонастроение, характер поведения, реакцию на происходящие события, т.к. в начале XX века периодическая печать фактически являлась основным источником информации. Кострома и Костромская губерния не были исключением. Периодика давала представление не только о самих фактах и явлениях жизни Костромы, но и об их восприятии и оценке обществом, что

является весьма важным для изучения менталитета населения данного региона в начала XX века. Местная периодическая печать означенного периода является одной из интереснейших, но ещё очень мало исследованной разновидностью исторического источника изучения прошлого Костромы. Она недостаточно изучена, хотя и обладает исключительным по своему богатству и разнообразию форм содержанием.

Февральские события в Петрограде явились полной неожиданностью абсолютно для всех политических сил, партий и организаций. По словам руководителя кадетской партии П.Н. Милюкова, «это – та самая революция, о которой так много говорили и которую никто не собирался делать». Быстрая победа была неожиданной, ошеломляющей даже для ее участников. Глубочайший социально-политический и экономический кризис российского государства, усугубленный поражением в Первой мировой войне, привел к тому, что самодержавие рухнуло буквально в считанные дни.

В Костромской прессе отмечается эйфория среди всего населения: проводились несанкционированные демонстрации, митинги, шествия, собрания. «Поволжский вестник» в статье «Конец самодержавия и Кострома» так описывает ситуацию, сложившуюся в городе: «Всюду звучали речи в защиту демократических свобод, народ ликовал от победы над самодержавием. Всюду много людей с красными повязками или бантами. Всюду флаги, расклеиваются и распространяются листовки» [3, 5 марта]. 2 марта рабочие постановили прекратить работу на заводах на весь день и превратить его в праздник революции. Громадная процессия во главе с членами комитета Совета рабочих депутатов Костромской губернии направилась

к городской тюрьме и торжественно освободила политических заключенных [3, 5 марта]. В ходе этой эйфории досталось и представителям правопорядка. Полицейских начальников и жандармов отлавливали, засовывали в бочки и подвешивали на телеграфных столбах [3, 5 марта]. Все эти события хорошо известны и, конечно, освещались костромской прессой. Но есть интересный частный момент этих грандиозных событий, который был реальностью этих дней и месяцев, но не был серьезно освещен историографией, в т.ч. и в краеведческих работах: стихийную толпу необходимо было как-то организовывать. Представителям новой власти и политических партий необходимо было найти кадры для агитационной и пропагандистской работы.

Костромские кадеты решили открыть подготовительные краткосрочные курсы для обучения агитационной работе учителей. Причем агитационным вопросам предполагалось обучать не только учителей из Костромы, но также из уездов и волостей [2, 9 марта]. В заметке говорилось, что приветствуется наличие у курсантов среднего и высшего образования, но если есть просто желание поработать агитаторами и лекторами, то приглашаются учителя и с начальным образованием. Большевики в подготовке агитаторов основную ставку делали на лекторов из рабочих [3, 12 марта].

Костромские газеты сообщали, что для агитационно-пропагандистской работы в город приезжали и столичные партийные руководители. Так, от кадетской партии выступали на митингах М.Г. Комиссаров, Н.М. Иорданский. Большевики прислали А.С. Бубнова, С.П. Нацаренуса, Ф.Г. Самойленко, М.П. Янышева, Г.И. Ломова. Меньшевики – Н.Н. Суханова, А.А. Кауфман. По приглашению эсеров перед массовыми аудиториями выступали лекторы из Москвы – М.Ф. Чубар и Н. Кондратьев [3, 12 марта]. Интересная форма работы политических партий с жителями Костромы в рамках агитации и пропаганды – это разнообразные общественные зрелища и увеселения, которые рассматривались как важный элемент просвещения и влияния на народные массы. Часто в городе проводились всякого рода широкомащтабные «народные гуляния» или «концерты». Например, в Костроме 1 июля 1917 г. губернским комитетом эсеро-партии было организовано «народное гулянье». Собранные средства предполагалось использовать на общественные нужды: публика охотно раскупала значки с эсеровскими лозунгами: «В борьбе обрешь ты право свое» и «Земля и воля» [3, 2 июля].

Большевики также 1 Мая попытались проявить себя, воздействуя на широкие народные массы. «Поволжский вестник» сообщает, что на митинге, прошедшем в центре города под красными знаменами, звучали лозунги «Долой войну!». А большевики,

как говорится в газете, защищая интересы солдат, призывали к отмене смертной казни [3, 2 мая].

Для усиления воздействия на массы использовался прием, актуальный и в современное время – привлечение известных и общественно-значимых личностей. Утром 1 мая 2017 года множество костромичей встречали на железнодорожном вокзале одного из лидеров партии эсеров – знаменитую «бабушку русской революции» Е.К. Брешко-Брешковскую (1844–1934 гг.), прибывшую в Кострому для участия в празднике. Пожилую женщину, значительную часть своей жизни проведшую в тюрьмах, на сибирской каторге и ссылке, и только в марте 1917-го освобожденную из поселения в Минусинске, в Костроме встречали чуть ли не торжественней, чем в 1913 году императора Николая II (действительно, ведь тот был всего лишь на всего царь, а Е.К. Брешко-Брешковская являлась «бабушкой» самой русской революции!). На вокзале высокую гостью ожидала огромная толпа с красными и черными знаменами, представители многочисленных общественных организаций, Советов и партий. Когда московский поезд с легендарной революционеркой подошел к перрону, военный оркестр грянул «Марсельезу». Вечером следующего дня здесь же на вокзале состоялись не менее торжественные проводы Е.К. Брешко-Брешковской [3, 2 мая] и никто, конечно, не знал, что уже очень скоро пресловутая «бабушка», спасаясь от революции, служению которой она посвятила всю свою жизнь, будет вынуждена бежать из «свободной» России за границу, и умрет в эмиграции в Чехословакии [4].

Политические силы Костромы все эти способы – подготовку специалистов агитационной работы, митинги и общественные мероприятия использовали для донесения своих взглядов по наиболее важным проблемам, которые волновали народ: о продолжении войны, восьмичасовом рабочем дне, о решении аграрного вопроса, о текущем моменте [3, 4 июля]. Думается, что эти методы были эффективными, т.к. в провинции в условиях малограмотности и практического отсутствия почтово-телеграфной связи с помощью подготовленных агитаторов и пропагандистов, митингов и политически ангажированных мероприятий активно формировалась психология толпы.

Периодическая печать, конечно, является субъективным источником, что проявляется и в отражении описываемых фактов и других событий трагического 2017 года. Рубрики костромских газет определялись политическими и социально-экономическими пристрастиями и направленностью их редакций. Так, в газетах социалистического толка существовали трудовой и солдатский отделы, постоянно присутствовала рабочая хроника. Много писалось о положении трудового народа, о тех тяготах, которые он испытывал. Либеральные газеты основное

внимание уделяли вопросам правопорядка, законности, призывали общественность к спокойствию и соблюдению трудовой дисциплины. У либералов постоянными были такие рубрики как: «обзор печати», «местные события», «объявления о приеме на работу», «частные объявления» [1, с. 734].

Ценность прессы для исследователя состоит в том, что печать сохранила на своих страницах не только подробную хронику жизни своего времени, но и образы минувших событий, отобразившиеся в сознании их современников, оттенив тем самым наиболее значимое и опуская незначительное для очевидцев. Свойственная для газет характерная избирательность в освещении жизни предоставляет важный материал для выявления чувств и интересов читателей, чьи нравы и предпочтения стремились удовлетворить (а в иных случаях и отметить) авторы изданий.

Комплексное изучение и обзор местной периодической печати начала XX века предоставля-

ет большие возможности для изучения взглядов, предпочтений и нравов различных социальных слоев и представителей общественных и политических организаций в Костроме в период революционных событий 1917 года.

Библиографический список

1. *Воронкова Ю. П.* Повседневная жизнь губернского города в условиях февральско-мартовских революционных событий 1917 года (на материалах города Костромы) // Молодой ученый. – 2016. – № 28. – С. 734.

2. Костромич. – 1917 – 9 марта.

3. Поволжский вестник. – 1917.

4. Храм во имя святых мучеников Александра и Антонины Римских в Селище в революцию и гражданскую войну. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru> (дата обращения 23.08.2017).

РЕВОЛЮЦИИ С ПОЗИЦИЙ РАДИКАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЖИЗНЕОБУСТРОЙСТВЕ

Традиционно революции рассматриваются в качестве инструментов (способов) решения каких-либо проблем. Среди таковых наиболее острыми являются социальные проблемы. В свою очередь их возникновению предшествуют экономические и политические проблемы. Однако если экономические проблемы являются проблемами всего населения страны, то политические проблемы напрямую являются проблемами для властной части общества. Борьба за власть на фоне экономических проблем (а отнюдь не классовые противоречия или социальное неравенство) – основной источник социальных революций. При этом движущими силами революций являются обманутые или насильственно вовлеченные люди всех сословий. Обманом могут служить идеи, лозунги и т.п., предлагаемые народу людьми, рвущимся к власти. Постараемся показать, насколько же велика экономическая составляющая революционных процессов.

Ключевые слова: социальные революции, экономические проблемы, власть как собственность, экономическая теория революций, февральская и октябрьская российские революции.

Осмыслению и освещению событий февральской и октябрьской революций в России посвящено огромное количество публикаций. Однако значительная их часть является воспоминаниями очевидцев и участников, которые носят преимущественно описательный, достаточно эмоциональный характер. К 100-летию революции появились и аналитические публикации, отражающие широкий спектр мнений – от отрицания до безоговорочного признания прогрессивной роли этих революций в поступательном общественном развитии.

Вряд ли кто-либо сможет назвать в контексте разговора о теориях революций более серьезный и основательный труд, чем работа В.И. Ленина «Государство и революция», в которой он на основе учения К. Маркса и Ф. Энгельса о государстве, а также работ К. Каутского, придерживавшегося оппортунистических взглядов, показал итоги опыта русских революций 1905 и 1917 годов с позиций политико-экономической науки. Но для понимания предмета исследования необходимо изучить научные работы зарубежных исследователей, например, работу профессора университета Калифорния-Дэвис Дж. Голдстоуна «Теория революции, революции 1989–1991 годов и траектория развития “новой России”», опубликованную в журнале «Вопросы экономики». Совершенно очевидно, что без учета точек зрения зарубежных специалистов по теории революций (Дж. Хок, Т. Эш, Т. Скочпол и др.) объяснение революционных процессов и прогноз их последствий невозможны.

Экономической теории революции еще не создано. Но вести речь об этом необходимо по следующим обстоятельствам. Во-первых, появилось понимание необходимости обеспечения экономической безопасности государства. Во-вторых, осознан жесткий вызов окружающей среды человечеству в целом по поводу не столько развития, сколько выживания в турбулентной среде.

В-третьих, истоки революций и перестроек меняют свое содержание в глобализирующемся сообществе. Традиционные экономические категории, такие как экономический рост, экономические интересы, собственность и т.д., меняют свою сущность под воздействием природных угроз, а также результатов научно-технического обеспечения экономической деятельности при неизменности социально-биологических характеристик человека.

Русская революция 1917 года имеет и экономико-философское прочтение событий. Одна из причин бунта русского народа против господ, разрушения усадеб и храмов и традиционных устоев жизни состояла в том, что люди ощутили тупик справедливости, проявившийся в отсутствии закона или его направленности против большинства населения.

Статистические и эмпирические данные статистических сборников, например, «Россия 1913 год» [1], а также книги В.М. Симчеры «Развитие экономики России за 100 лет», позволяют утверждать, что с позиции экономического и нравственного смысла начало XX века в России – это время наивысших достижений, касающихся всех важнейших сторон жизни населения [2]. Цифры роста промышленного и сельскохозяйственного производства, приведенные в этих статистических сборниках, хорошо известны, но на одном показателе необходимо остановиться отдельно. Расходы на образование с 1900 г. до 1913 г. возросли в 5 раз и составили в 1913 году 14,6 % бюджетных расходов.

Экономико-философский анализ революционных событий 1917 года предполагает решение еще одной проблемы: что предпочтительнее для развития общества – эволюционное или революционное развитие? Актуальным вопросом в решении данной проблемы, в определении действительных причин революции является роль купцов и промышленников, как государствообразующего сословия России того времени.

Развитие капиталистических отношений явилось причиной разрушения традиционных для России конца XIX – начала XX века патриархальных отношений. Усилились противоречия между желающими обладать властью. Условия среды жизнедеятельности стали меняться столь быстро, что люди не понимали причин, содержания, смысла происходивших событий, и не успевали реагировать на них адекватно. В результате произошел слом обычаев и традиций. Созидательный процесс

был замещен кровопролитным гражданским конфликтом.

Библиографический список

1. Россия. 1913 год. – СПб.: Русско-балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1995. – 415 с.
2. *Симчера В.М.* Развитие экономики России за 100 лет: 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. – М.: Наука, 2006. – 587 с.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ТРАДИЦИОННЫЕ ОЦЕНКИ И НОВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье дается характеристика некоторых подходов к интерпретации истории русской революции 1917 года, существующих в современной немецкой историографии. Акцент поставлен на традиционном объяснении революционных событий в России в русле теорий модернизации, а также оценках, существующих в современной историографии, возникшей под влиянием постмодернизма. В статье отражены взгляды немецких историков на феномен революции в контексте разрывов и преемственности модерна, даётся характеристика революционным событиям в контексте «другой истории». Изучение феномена русской революции в западной (немецкой) историографии привело к появлению уникального исследовательского направления – революциологии. Его появление отразило намерение историков отказаться от традиционных идеологических оценок революции в России, обратившись к анализу проявлений предреволюционного кризиса в русском обществе. Интересны новые подходы к изучению истории русской революции, развиваемые в немецкой историографии, о которых идёт речь в статье: историческая мемориалистика, история праздников, история символов и ритуалов. Автор обращает внимание как на переведенные на русский язык работы немецких историков, так и на труды на немецком языке.

Ключевые слова: революция, революциология, модерн, историческая мемориалистика, советский праздник, переворот, захват власти, путч, утопия, теории модернизации.

История советской России с самого начала оставалась в фокусе внимания западных историков, представляя предмет отдельного изучения. За первыми оценками и интерпретациями событий, связанных с появлением нового, социалистического государства, а впоследствии, особой модели культуры, общества и человека (*Homo soveticus*), под влиянием идеологического противостояния времён холодной войны, в западных гуманитарных науках начинается процесс институционализации советологии: в западных университетах открываются отдельные кафедры, изучающие советскую Россию в контексте восточно-европейской истории, начинают читаться отдельные спецкурсы, появляются историографические направления, представители которых стремятся по своему понять феномен советской истории. Однако нельзя сказать, что научный интерес к истории советского времени характеризует исключительно западную историческую науку, напротив, с начала 90-х гг. подобные намерения демонстрируют российские историки, стремящиеся к пересмотру национальной истории, на фоне преодоления традиционных, идеологически перегруженных интерпретаций. В своем стремлении разобраться в коллизиях и противоречиях более чем полувекового периода советской истории, западные и отечественные специалисты обращают внимание к начальному этапу её становления, отмеченному решительными революционными преобразованиями, последовавшими за 1917 годом. Это привело к тому, что со временем интерес к изучению революции 1917 года оказался куда более устойчивым, чем первоначальные намерения найти причины становления социалистического государства, что актуализировало появление отдельного направления исследований – революциологии [5; 8].

В немецкой историографии под «русской революцией» понимается «несколько революционных переворотов в русской истории начала XX века», предпосылками которой оказалось «стечение обстоятельств, в которых друг на друга навалились политическая и социальная эрозия русского общества» [19, s. 661]. Конкретизация этого понятия связана с событиями Октябрьской революции 1917 года («большевистский путч» [18]), которая «устранила существовавшее в России двоевластие и... привела к образованию нового государства, которое подразумевалось как государство диктатуры пролетариата» [21, s. 35]. Причем применительно к 1917 году в историографии, с определенной степенью ограничений, принято выделять «либеральную февральскую» и «большевистскую октябрьскую» революции [7, с. 294].

Немецкие историки, несмотря на принадлежность к разным историографическим школам, признают в целом историческое значение русской революции 1917 года, полагая, вслед за Гансом Ротфельсом, что вступление США в Первую мировую войну (6 апреля 1917) и русская революция – события универсально-исторического характера, отмеченные падением старых авторитарных, монархических порядков и появлением новых, демократических. «Новая Россия», приветствуемая президентом Вильсоном, подтверждает эту связь торжеством «всемирного союза демократических народов» [22, s. 8f.]. Революция закрыла дорогу назад, все последующие за ней события в той или иной мере должны были соотноситься с её последствиями. Революция создала новые принципы управления на основе национальной принадлежности, ввела новые политико-идеологические максимы во все сферы общественной жизни, в повседневность. Коммунистическая партия и её идеология стала самым значимым выражением новой

формы господства, скрепившей новыми скобками империю, приступив к «триумфальному шествию» за её внешними границами с тем, чтобы продемонстрировать образцы нового порядка.

Признавая историческое значение русской революции, немецкие историки, следуя критическим традициям немецкой историографии, задают общие и частные вопросы: Стало ли возвращение к диктатуре большевиков, последовавшее за событиями 1917 года, запрограммированным следствием непрерывной, безальтернативной войны? Насколько политическая культура революционно-настроенной российской интеллигенции соответствовала европейской? Почему массовое воодушевление и радость по поводу падения монархии и начала установления демократических порядков в стране быстро сменились апатией и разочарованием от попытки переворота правых («корниловский мятеж») и левых («большевистский переворот»)? Почему столь большая часть оппозиционной элиты России видела её будущее только в радикальном разрыве с прошлым, в революции, а не эволюции?

Стремясь оценить характер революционных преобразований 1917 года, немецкий историк Бернд Бонвеч обращается к методологии западных теорий модернизации [3, с. 186–189]. Причины русской революции он усматривает в событиях, начавшихся задолго до 1917 года, в правление Александра II. Во второй половине XX века в России, после либеральных реформ «сверху» 60–70-х гг. XIX в., начинается небывалый промышленный подъем, увеличиваются темпы производства роста, происходит успешная экономическая модернизация страны. Одновременно с этим в своем политическом развитии Россия по-прежнему остается патриархальной страной с традиционным феодальным укладом. Несоответствие между экономической и политической модернизацией в конечном итоге приводят к революции. Такой подход очень напоминает интерпретации истории кайзеровского рейха у немецкого исследователя Ганса-Ульриха Велера [26].

Оптимистично оценивая дореволюционное развитие России, отмечая высокие темпы роста, другой немецкий историк Манфред Хильдермайер убежден, что причины революции следует искать не в структурно-политическом, а в продовольственном кризисе и ошибках политических деятелей: «На фоне общих проблем, гибель демократии в России произошла от просчетов её идеологов и наступления противников, но не по причине отсталости России» [17, с. 63]. Намекая на ошибки руководства страны, историк пишет: «Русскую революцию следует рассматривать как один из возможных результатов неспособности самодержавия противостоять дополнительным трудностям войны» [15, с. 350].

В работах, посвященных русской революции, Хильдермайер обращает внимание на проблему исторической преемственности, также рассматриваемую им с точки зрения модернизации структур большой временной протяженности [6]. На примере изучения русской революции историк задает вопрос: не скрывают ли революции под поверхностью радикальных новаций также и некоторую непрерывность? [6, с. 15]. Отвечая на него, Хильдермайер указывает на явную связь февральской революции со старым порядком и сложность установления подобного рода в отношении октябрьской: «Что касается февральской революции, то ее связь с империей очевидна: почти без исключения новое правительство было составлено из ведущих депутатов Думы и членов думского «прогрессивного блока». Почти в соответствии с марксистской догмой новая политическая элита выросла в лоне старого строя, строя, который уже ранее должен был дать свое согласие на введение парламента, создав тем самым трибуну для политических дискуссий, находившуюся в центре общественного внимания. Но либеральные политики еще оставались на расстоянии от власти. Таким образом, в феврале 1917 г. произошла значительная смена элит, но новой правящую элиту не назовешь.

Хильдермайер делает вывод, что «хотя октябрьский переворот и гражданская война означали как политический, так и социальный, экономический и культурный разрыв с прошлым, хотя они и осуществили идею радикальной революции так глубоко, как ни одно сравнимое по масштабам событие до них, а после них – по крайней мере, только китайская революция, – в «русском» случае также с самого начала присутствовали сильные аргументы в пользу значительной преемственности. В первую очередь они касались трех тенденций. Во-первых, скоро стало бросаться в глаза то, что новые хозяева после 1921 г. распространили свою власть примерно на ту же самую территорию, что и старые. За исключением Финляндии, прибалтийских республик, Бессарабии и ряда областей западных русских губерний, утраченных в результате советско-польской войны 1920 г., Красная Армия снова стояла на страже земель, которые были завоеваны царской Россией, начиная с XVII в. и прежде всего – в XIX в. Во-вторых, с не меньшей быстротой обнаружилось, что новая власть, начиная самое позднее с момента запрета не только либеральной кадетской, но и других социалистических партий, стала диктатурой одной единственной партии. В конце концов, ретроспективный взгляд с более длинной дистанции, самое позднее с момента так называемой сталинской «революции сверху» 1929–1930 гг., очевиднее выявил то, что новый режим также перенял главные политико-экономические цели царской России последних десятилетий: индустриализацию и модернизацию. Как известно,

Советский Союз снова достиг в 1927 г. уровня производства 1913 г. Вслед за этим, с помощью новых насильственных методов и колоссального использования ресурсов, был начат новый этап. Форсированная сталинская индустриализация продолжила то, что в свое время начал Витте» [6, с. 20–21].

Альтернативную исследовательскую перспективу предложили историки, изучающие «другую» политическую историю. Они обратились к исследованию политической символики, ритуалов, церемоний, фестивалей, праздников, того, что формировало новую «политическую религию», обеспечивая жизнеспособность новым идеям, принесенным революцией. Историки (К. фон Байм, Е. Фёгелин, М. Штолайс) признают, что революционерам 1917 года приходилось не только задумываться, но и создавать механизмы транслирования собственных идей, в том числе, неполитическими методами [13; 23; 24]. «С тех пор, как власть не могла более легитимировать себя династически и лишь на основе традиции, а всё больше должна была использовать для этого «рациональную» (в веберовском смысле) и консенсуальную аргументацию, с тех пор как она стала нуждаться в поддержке все более широких слоёв общества, значение символов возросло, поскольку не в последнюю очередь через их посредство передавалась лояльность». Красная звезда, родившаяся как эмблема Красной армии, новые имена (Владлен, Текстиль, Мэлор – Маркс, Энгельс, Ленин и Октябрьская революция), новый канон «иконописи» и многое другое – пришлось вводить одновременно с революцией, закрепляя ее как в пространстве и времени, так и в сознании и поведении человека [7, с. 293].

В рамках «другой» политической истории интерес современных немецких историков (М. Рольф, Я. Ассманн, Х. Баузингер) обращен к изучению праздничной культуры, и особенностям ее формирования в 1917 году [4; 9; 12].

По мнению М. Рольфа, «большевики использовали праздничные поводы как в центре, так и на местах, чтобы продемонстрировать всем новый советский порядок вещей. Вводя в оборот в рамках праздников свои революционные представления о новом летосчислении, о городской топографии, об отношениях между властью имущими и низестоящими, они стремились не только наглядно представить их, но и укоренить в реальной жизни... Советская праздничная культура как часть культурной жизни страны становилась фактором массовой коммуникации людей, которая была шире узкого мирка представителей партийно-государственных органов» [4, с. 9–10].

Немецкий историк утверждает, что начало революционного 1917 года в феврале оказалось слишком близко к праздничной дате календаря рабочего-оппозиционера – Международному женскому дню. Как раз на 8 марта приходится апогей

выступлений в столице недоедавших женщин, так называемых «хлебных бунтов», сопровождавшихся массовыми шествиями протеста. Историк связывает «хлебные бунты» в столице с последующими событиями: забастовкой, демонстрациями фабричных рабочих, мятежом петроградского гарнизона и последующим отречением от престола императора Николая II, последовавшим по старому стилю 15 марта.

Исследуя праздничную культуру революционного 1917 года, Рольф затрагивает механизмы её экспорта из центра в периферию. По этому поводу он пишет: «В то же время избирательно импортированные символичные практики революционно-городской культуры приобретали в сельском истолковании новое значение: «республика» на местном наречии превращалась в «режь публику», большевики мутировали в «большаков», т. е. партию глав семейства. Между городом и деревней существовала лингвистическая пропасть, которую вряд ли можно было засыпать. А понятия и символы, перепрыгивающие через эту пропасть, получали в деревне новый смысл» [4, с. 64].

Интересную перспективу изучения революции 1917 года предлагают сторонники «другой» культурной истории, обращающие внимание на мемориальные практики и механизмы идентификации (Я. и А. Ассманн, К. Майер, К. Фолькхард) [1; 10; 11; 25].

Историческая мемориалистика предлагает исследователю обратиться к исторической культурной и социальной памяти. Отвергая идею существования коллективных воспоминаний, она признает возможность создания условий для таких воспоминаний, которые идентифицируются с коллективом. Это означает, что с целью легитимации определенного порядка, института власти, требуется создать механизм сопричастности с этим порядком, основанный на поколенческой памяти. Такая память живет мифами, создаваемыми намеренно: во-первых, чтобы заменить прежние мифы о «старом порядке», и, во-вторых, сформировать новую веру. Примеры «живучести» мифов в поколенческой памяти демонстрирует современная историографическая тенденция, когда объединение Февральской и Октябрьской революции понятием «русская революция» отягощено в памяти советского и постсоветского поколений разной культурной, социальной и политической нагрузкой. «Революции вообще, – пишет А. Ассманн, – парадигматическим образом устанавливают новый темпоральный режим, поскольку являются политическим средством осуществления временных разрывов и установления нового за счет старого» [2, с. 18].

Изучение революции 1917 года из перспективы исторической мемориалистики позволяет понять условия, в которых формировались новые поли-

тические мифы. Процесс воспоминания событий 1917 года зависит не столько от фактического материала, сколько от тех условий (политических), в которые находится сам «вспоминающий». Эти условия задают тот стержень, на который вспоминающий «насаживает» отдельные факты, объясняя прошлое.

Библиографический список

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
2. *Ассман А.* Трансформации нового режима времени / пер. с англ. В. Кучерявкина под ред. А. Скидана. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – № 116. – С. 16–31.
3. *Бонвеч Б., Дьяконова И.А.* Русская революция 1917 г. Социальная история от освобождения крестьян в 1861 г. до Октябрьского переворота // Отечественная история. – 1993. – № 4. – С. 186–189.
4. *Рольф М.* Советские массовые праздники / пер. с нем. В.Т. Алтухова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. – 439 с.
5. *Рудаков В.* К вопросу о проблемах развития революциологии в отечественной гуманитарной науке // Межвузовский вестник. – 2010. – № 1(11). – С. 52–56.
6. *Хильдермайер М.* Россия в 1917 г.: революционный разрыв или неразрывность модерна? Трансформации политических систем и историческая память: опыт Германии и России // Бюллетень № 1: «Трансформация политических систем и историческая память: опыт Германии и России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rossijsko-germanskaja-komissija-istorikov.ru> (дата обращения: 9.03.2017).
7. *Хильдермайер М.* Символика русской революции и первых лет советской власти // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время / под ред. М.А. Бойцова, О.Г. Эксле; сост. М.А. Бойцов; Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 2008. – С. 291–307.
8. *Шенелева В.Б.* Революциология. Проблема предпосылок революционного процесса 1917 года в России (по материалам отечественной и зарубежной историографии): учебное пособие. 2-е изд. – Омск.: Изд-во Омского ун-та, 2013. – 392 с.
9. *Assmann J.* Der zweidimensionale Mensch: das Fest als Medium des kollektiven Gedächtnisses // Das Fest und das Heilige. Religiöse Kontrapunkte zur Alltagswelt / Hrsg. von J. Assmann, T. Sundermeier. – Gütersloh, 1991. – S. 13–30.
10. *Assmann A.* Persönliche Erinnerung und kollektives Gedächtnis in Deutschland nach 1945 // Hans Erlер (Hg.). Erinnern und Verstehen. Der Völkermord an den Juden im politischen Gedächtnis der Deutschen. – Frankfurt, 2003. – S. 126–138.
11. *Assmann A.* Vier Formen von Erinnerung // Forum Ethik Streitkultur. – 13 (2002). – S. 183–190.
12. *Bausinger H.* «Ein Abwerfen der großen Last...» Gedanken zur städtischen Festkultur // Stadt und Fest, in: *Hugger, P.* (Hrsg.): *Stadt und Fest.* – Stuttgart 1987. – S. 251–267.
13. *Beyme K, von.* Die Oktoberrevolution und ihre Mythen in Ideologie und Kunst // Revolution und Mythos / Hrsg. von D. Hardt, J. Assmann. – Frankfurt am Main, 1992. – S. 149–177.
14. Die Russische Revolution 1917 in der aktuellen Debatte. Zum 90. Jahrestag der Russischen Revolution. Osteuropa in Tradition und Wandel, in: *Leipziger Jahrbücher.* – Bd. 9. / Hrsg. Rosa-Luxemburg-Stiftung und Gesellschaft für Kultursoziologie. – Leipzig, 2007. – 337 s.
15. *Hildermeier M.* Die Russische Revolution 1905–1921. – Frankfurt, 1989. – 350 s.
16. *Hildermeier M.* Die Sozialrevolutionäre Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914). – Köln, 1978. – 460 s.
17. *Hildermeier M.* Geschichte der Sowjetunion, 1917–1919. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates. – München: C.H. Beck, 1998. – 1206 s.
18. *Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung: Russische Revolution.* – Berlin, 2017. – 337 s.
19. *Leonhard J.* Die Büchse der Pandora. Geschichte des Ersten Weltkrieges. – München: C.H. Beck, 2014. – 1168 s.
20. *Meier Ch.* Von Athen bis Auschwitz. Betrachtungen zur Lage der Geschichte. – München, 2002. – 235 s.
21. *Müller Ch. T.* O, Sowjetmensch!: Beziehungen von sowjetischen Streitkräften und DDR-Gesellschaft zwischen Ritual und Alltag // Ankunft – Alltag – Ausreise: Migration und interkulturelle Begegnung in der DDR-Gesellschaft. – Köln, 2005. – 455 s.
22. *Rothfels H.* Gesellschaftsform und auswärtige Politik. Laupheim, Württ, 1951. – 24 s.
23. *Stolleis M.* Das Auge des Gesetzes. Materialien zu einer neuzeitlichen Metapher // *Jahrbuch des historischen Kollegs* (2001). – München, 2002. – S. 15–46.
24. *Voegelin E.* Die politischen Religionen / Hrsg. von P.J. Opitz. – München, 1993. – 152 s.
25. *Volkhard K., Frei N.* (Hg.), Verbrechen erinnern. Die Auseinandersetzung mit Holocaust und Völkermord. – München, 2002. – 450 S.
26. *Wehler H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Von der «Deutschen Doppelrevolution» bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges 1845/49–1914. – Bd. 3. – München: Beck Wildt, 1995. – 1515 s.

КОСТРОМА В 1917 ГОДУ: НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ*

Статья посвящена работе доктора исторических наук, профессора А.М. Белова «Хроника 1917 г. в Костроме». Хроника, содержащая документальные материалы, в том числе костромскую периодическую печать, подробно освещает развитие политической и общественной ситуации в Костроме и Костромской губернии с конца февраля по декабрь 1917 г. В хронике освещается формирование новых органов власти в Костроме после февраля 1917 г., деятельность политических партий (включая эсеров, кадетов, большевиков, меньшевиков), реакция провинциального общества на события в столице. Отражен рост антивоенных настроений и обострение продовольственного кризиса в Костромской губернии. Издание вносит важный вклад в освещение революционного процесса 1917 г. в провинции.

Ключевые слова: революция 1917 г., хроника, периодическая печать, власть, общество, провинция, политические партии.

Столетие революции побуждает историков вновь обратиться к событиям 1917 года. Продолжаются дискуссии об истоках революции, ее движущих силах и последствиях. Один из актуальных вопросов, стоящих перед исследователями, – это проблема региональной специфики революционного процесса. Освещению этой темы способствует публикация работы доктора исторических наук, профессора Костромского государственного университета Андрея Михайловича Белова «Хроника 1917 г. в Костроме». Появление подобного издания представляется весьма своевременным не только ввиду «круглой» даты, но и потому, что уже длительное время из печати не выходили документальные сборники, посвященные 1917 году в Костроме [1; 2].

Хроника охватывает десятимесячный период – от 28 февраля до 31 декабря 1917 г. Автор отобрал документы, позволяющие день за днем проследить ход революционных событий в Костроме и Костромской губернии. Материалы хроники извлечены, главным образом, из местной периодической печати, отражающей широкий спектр политических направлений. Среди использованных периодических изданий: «Курьер», лояльный к официальной губернаторской власти; либеральный «Поволжский вестник»; «Воля народа», отражавшая взгляды социалистов-революционеров; «Северный Рабочий» – печатный орган местных большевиков; а также «Бюллетень Костромского Совета рабочих депутатов», «Известия Костромского Объединенного Комитета Общественной Безопасности» и другие. Использование периодики, исходящей из разных политических лагерей, помогает создать разностороннюю картину 1917 года в Костроме. В работе использованы также различные телеграммы и сводки из фонда Костромского губернского комиссара Временного правительства и фонда Совета военных и солдатских депутатов Государственного архива Костромской области.

Документальный характер хроники позволяет избежать транслирования каких-либо оценок и дает читателю возможность самому судить о событиях, от которых нас отделяет столетняя дистанция.

Тексты публикуемых источников помогают представить обстановку в Костроме в исторические дни 1917 года и проследить, как меняется реакция провинциального общества на ситуацию в столице. Восприятие революции вначале окрашивалось в оптимистические тона. Статья в газете «Курьер», датируемая 3 марта, передает реакцию депутатов костромской городской думы на февральско-мартовские события в Петрограде. «Костромская Городская Дума, переживая широтой русского сердца восход светлой зари, глубоко верит, что новое правительство, облеченное доверием народа, за создание которого так упорно и долго боролись все слои русского общества, выведет Россию на путь победы и возрождения». Когда городской голова В.А. Шевалдышев вышел к собравшемуся народу, чтобы зачитать текст телеграммы председателя Временного комитета Государственной Думы М.В. Родзянко, толпа народа перекрывала чтение телеграммы криками «ура!» [3, с. 15]. По мере изменения политической обстановки восприятие происходящих событий меняется. Совсем иные ноты звучат в выступлении лидера костромских кадетов Н.А. Огородникова в июле 1917: «Россия на краю гибели. Мы переживаем грозное и чрезвычайно опасное время. Неизвестно, что спасет страну от гибели. Тут нужно чудо. Явится ли оно и откуда, кто знает?». [3, с. 57]. В сентябре Губернский Продовольственный союз выражает тревогу за судьбы Родины, рассматривая происходящее в стране как «государственную разруху» [3, с. 79].

Страницы хроники отражают процесс формирования новых органов власти в Костроме, начиная с марта 1917 г. 2 марта прошло первое заседание местного Совета рабочих депутатов [3, с. 14]. 3 марта 1917 г. состоялось организационное собрание

* Рецензия на книгу: Хроника событий 1917 года в Костроме / автор и составитель А.М. Белов. – Кострома: Костромской государственной университет, 2017. – 144 с.

Комитета общественной безопасности (КОБ), в котором по 1/3 мест заняли представители от рабочих, крестьян, земств и города, а также представители офицеров и солдат [3, с. 16]. Взамен губернаторской власти был учрежден Губернский комиссариат в составе представителей общественных самоуправлений [3, с. 17]. 4 марта организован Временный губернский Совет крестьянских депутатов [3, с. 17]. 6 апреля офицеры и солдаты Костромского гарнизона избрали Совет военных депутатов [3, с. 29].

Освещает хроника и взаимоотношения между представителями политических партий в Костроме, которые то ищут пути взаимодействия, то переходят к конфронтации. Так, во время празднования событий 1 мая в Костроме, после прозвучавшего из уст Е.К. Брешко-Брешковской призыва сохранять единение лидер костромских кадетов, Н.А. Огородников призвал отказаться от классового объединения и найти формы для внеклассового объединения [3, с. 30]. В то же время большевик Н.П. Растопчин подчеркнул, что внеклассовые соглашения ни к чему не приведут [3, с. 31].

27 августа в Костроме получены известия о вооруженном выступлении генерала Л.Г. Корнилова [3, с. 73]. Печать разных направлений откликнулась на это событие единодушно. Большевистский «Северный Рабочий» публикует резолюцию местных Советов, призывающую к защите Родины и революции перед лицом «контрреволюционного выступления» [3, с. 74]. Либеральная «Народная свобода» и эсеровская «Воля Народа» сообщают о постановлении полкового и ротных комитетов и офицеров 202 пехотного полка с выражением поддержки Временному правительству и требованием заключения генерала Корнилова в тюрьму [3, с. 76].

В «Хронике» показано, что в то же время октябрьские события в Петрограде освещены в костромской печати уже с диаметрально противоположных точек зрения. На страницах «Северного Рабочего» костромские большевики требуют немедленного перехода власти к Советам [3, с. 94]. «Поволжский вестник» 1 ноября пишет о «преступной аванюре большевиков», которая обречена на провал [3, с. 97]. То же издание сообщает о собрании костромских меньшевиков, осудивших большевистское выступление, которое за несколько дней до начала выборов в Учредительное собрание могло «погубить завоеванную революцией свободу» [3, с. 98]. «Поволжский вестник» приводит также точку зрения костромских кадетов, призывавших граждан спокойно относиться к ситуации в Петрограде, отмечая, что «на стороне большевиков торжество грубой силы, противиться которой немислимо. Возможно лишь выражение протеста, полное непризнание и всяческое противодействие новому правительству» [3, с. 96].

Одним из острейших в 1917 г. был военный вопрос. Документы хроники показывают рост анти-

военных настроений и дезертирства. В ночь на 24 мая в Костроме была проведена облава на дезертиров, которых удалось обнаружить около 200 чел. (по другим данным – около 300) [3, с. 40]. В том же месяце с целью борьбы с дезертирством ежедневно наряды на станции Кострома поручено проверять документы уезжающих солдат [3, с. 41]. В июле образована специальная комиссия по борьбе с дезертирством [3, с. 60].

Однако революция – это не только процесс крушения старых и создания новых политических структур; не только борьба партий. Революция отразилась и на самих условиях жизни граждан с их повседневными нуждами. На страницах хроники показано сложное материальное положение населения Костромской губернии в 1917 г, в частности, продовольственный кризис, наблюдавшийся, в том числе, в городах губернии. «В Губернскую Продовольственную Управу поступили телеграммы из уездов Галичского, Буйского, Макарьевского, Варнавинского, отчасти Ветлужского с требованием о присылке муки, – читаем в заметке «Поволжского Вестника» от 9 июля. – В телеграммах указывается, что население волнуется, требуя хлеба» [3, с. 56]. В том же месяце в «Северном Рабочем» публикуются материалы о волнениях в самой Костроме в связи с нарастающими продовольственными трудностями [3, с. 58]. 9 августа губернская продовольственная управа шлет Временному правительству телеграмму, где сообщает об угрожающем губернии голоде [3, с. 66]. В «Хронике» читаем мы и о том, как местные Советы организуют планомерные осмотры торговых помещений и жилых домов в поисках продуктов [3, с. 72]. В октябре толпа громит магазин, склад и буфет в Нерехте [3, с. 87], подвергаются разграблению склады и магазины в Галиче [3, с. 93].

Составленная А.М. Беловым «Хроника 1917 г. в Костроме», содержащая богатый документальный материал, позволит исследователям продолжить изучение революционного процесса в Костроме и Костромской губернии на качественно новом уровне. Обращение к «Хронике» обогатит понимание взаимоотношений власти и общества российской провинции в условиях революции.

Библиографический список

1. За власть Советов: Хроника революционных событий в Костромской губернии, февраль 1917 – март 1918. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство; Кострома: Областная типография им. М. Горького, 1967. – 190 с.
2. Установление советской власти в Костроме и Костромской губернии: сборник документов (март 1917–сентябрь 1918 гг.). – Кострома: Костромское книжное издательство, 1957. – 426 с.
3. Хроника 1917 года в Костроме / автор и составитель А.М. Белов. Кострома: Костромской государственной университет, 2017. – 140 с.

О СПЕЦИФИКЕ ВОСПРИЯТИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ КУЛЬТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ВЫСОКОЙ И МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

В статье представлена рецензия на новый сборник научных трудов, изданный в Институте мировой литературы им. М. Горького, посвященный осмыслению судеб западноевропейской литературы, истории ее развития и восприятия русскими читателями.

Ключевые слова: западноевропейская литература, русская литература, классика и беллетристика, массовая литература, контактные и типологические связи, переводчики, восприятие, генезис.

Рецензируемый сборник, изданный ИМЛИ РАН (ответственные редакторы М.Р. Ненарокова, К.А. Чекалов), создан видными учеными, отличается высоким профессионализмом и вносит серьезный вклад в исследование проблем, весьма актуальных и привлекающих внимание не только филологов, но и культурологов, философов, социологов: в нем рассматриваются важнейшие аспекты массового в литературе и шире – в культуре.

Обширный охват материала (от Средневековья до XX века включительно) сочетается с внутренней цельностью, единством, структурной продуманностью, что приближает сборник к коллективной монографии. Установка на изучение западноевропейской литературы (французской, немецкой, итальянской) в ее связях с русской словесностью на пересечении элитарного, классического и массового предопределяет многогранность подходов, объемность исследования проблем. Общим для всех авторов коллективного труда оказывается стремление изучать поднимаемые вопросы объективно, без интенции на выведение массового за пределы культурного ареала, отказ от негативной оценочной семантики, в то время как в отечественной академической науке и сейчас сохраняется фундаментальное для традиционной эстетики противопоставление высокого и низкого. Авторы сборника, каждый на своем материале, прослеживают не столько отчетливое разграничение, сколько контактность, диалогичность между разными пластами литературы, осложненные еще и межнациональными связями.

Сборник открывается статьей А.С. Курилова «В.Г. Белинский о беллетристике и западноевропейских “беллетристах”». В ней показан устойчивый интерес русского критика к проблемам иерархизации литературы, роли и значимости не только ее высшего, но и нижнего яруса, а также сложность установления твердых границ между ними, ибо нет резкой черты, которая отделяла бы искусство от «беллетристики».

Колебания Белинского в определении беллетристики, в оценке писателей, по его мнению, работающих в данном направлении (а это не только Э. Сю, А. Дюма, П. де Кок, но и Гюго, Бальзак, отдельные произведения Гете, Пушкина), затруднения в поиске твердых критериев при отделении одного пласта от другого свидетельствуют о сложности и многогранности проблемы.

Автор статьи внимательно прослеживает все обращения русского критика к вопросам элитарного и массового, эволюцию его отношения к беллетристике и неоднозначность выводов. Белинский признает занимательность беллетристики, искусство рассказа, привлекающее внимание широкого круга читателей, позволяющее наставлять, образовывать толпу. По Белинскому, искусство масс, искусство низшего ранга может играть важную роль в качестве посредника, утилитарного просветителя и воспитателя. Но эта роль ограничена, поскольку высокое искусство вечно, а беллетристика поверхностна, сиюминутна, подвержена моде, лишена подлинной художественности, с точки зрения критика. Однако в статье подчеркнута, что сомнения, сдвиги в оценках (например, в статье 1835 г. Поль де Кок охарактеризован безусловно отрицательно, а в 1839 г. отыскиваются и положительные черты) определяют зону неустойчивости в разграничении высокого и низового.

В сборнике большое внимание уделено собственно эстетическим особенностям развития литературы как искусства слова – повествовательным моделям, архетипическим сюжетам, жанровой специфике и проч. Большой заслугой ответственных редакторов (М.Р. Ненароковой, К.А. Чекалова) нужно признать искусное, продуманное расположение материалов, позволяющее заострить не просто разные, но подчас противоположные стратегии в переводе произведений с одного уровня на другой в ходе их историко-культурного функционирования.

В статье А.В. Голубкова «Метаморфозы Мелюзины: беллетризация средневекового сюжета во Франции и в России в XVI – XIX вв.» изучаются

* Рецензия на книгу: Генезис зарубежной массовой литературы и ее судьба в России: сборник научных трудов / Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук; [отв. редакторы: М.Р. Ненарокова, К.А. Чекалов]. – Москва: ИМЛИ РАН, 2015. – 318, [1] с.

механизмы трансформации романной структуры (в ее прозаическом и поэтическом вариантах), благодаря чему готическое произведение выжило в «гуттенберговой галактике» перед лицом массового читателя. Тщательный сопоставительный анализ выявляет сходство изменений, которые претерпевали обе версии и во Франции, и в России – отмирание мифологического пласта, «гомогенизация» хаотичной, разветвленной, рыхлой структуры средневекового романа, ее упорядочивание, сокращение, выпрямление, некое упрощение. В итоге тяготевший к категории «вечных» сюжет был переведен на низовой уровень словесности и воспринят расширившейся читательской аудиторией.

Противоположному процессу – переводению низового материала в высокий художественный регистр – посвящена статья Т.А. Зотовой «Немецкий романтизм и массовое чтение: народная книга в драматургии Тика». Автор исследует эксперименты выдающегося немецкого романтика с народными книгами, подвергшимися драматизации, стилизации на основе принципов игры и иронии, усложнению повествовательной организации – в соответствии с высокими эстетическими требованиями современности, со сложным двойственным романтическим мировоззрением.

Интересный аспект взаимоотношений высокой и массовой литературы открывается в статье Т.Е. Автухович «Стратегии массовой литературы в русской романной прозе 1760–1770-х годов». Автор, изучая дискурсивные стратегии, поведенческие стереотипы персонажей, культурные символы, интертекстуальность, воплощение философии случая, компилятивность русской романной продукции (Ф. Эмин, М. Комаров, А. Назарьев, М. Чулков, А. Измайлов), выясняет важные социокультурные функции массовой литературы. Именно она интуитивно нащупывает «болевы точки» современности, особенно в переходные периоды. Поэтика массовой культуры, в частности, призвана помочь широкому читателю преодолеть «травматический шок», вызванный мировоззренческими сдвигами, справиться с переживанием шаткости, зыбкости, неустойчивости. Оформляя хаос переломной действительности в соответствии с традиционными культурными моделями, массовая литература интуитивно осваивала новые темы и новых героев, прокладывая таким образом пути и литературе высокой. Так что функция массовой литературы, по мысли Т.Е. Автухович, состоит не только в том, чтобы адаптировать достижения высокой, фундаментальной культуры до уровня массового сознания, но и в том, чтобы способствовать стабилизации во время культурных «взрывов».

Важная грань сотрудничества высокой и низкой культуры представлена в статье Т.И. Акимовой «Французская беллетристика в сказках Екатерины: специфика функционирования». Проблематика

статьи также связана с социологией культуры. Венценосная писательница, поставив целью воспитывать, образовывать и внуков, и дворянское сословие в соответствии с идеями Просвещения, прибегает к механизмам массовой культуры. Для внедрения своей идеологической программы в среду читателя, не очень готового, искушенного, продвинутого, она использует романские и сказочные модели с их занимательностью, развлекательностью. Включение сказочных схем в серьезные, воспитательные произведения Екатерины осуществлялось с опорой на опыт Ш. Перро и переводы восточных сказок А. Галлана, умело сочетавших фольклорные мотивы с галантностью. «Российская императрица, – справедливо отмечает автор статьи, – видела в этом материале удобную почву для воздвигания читателя утонченного и добродетельного одновременно» [1, с. 104].

Любопытные проблемные повороты связаны с практикой переводов. Они могли отражать вкусы широкого читателя, изменения его эстетических предпочтений в разных культурных ситуациях (статья Л.А. Курышевой «Переводной европейский роман в русских рукописях XVIII века: к проблеме формирования сюжетного фонда массовой литературы»). Труды, представленные в сборнике, красноречиво демонстрируют, что изучение взаимодействия массового и элитарного ведет к постижению различных аспектов и широкой, глубинной соотнесенности факторов эстетических, культурологических и социологических. Какие парадоксы восприятия обусловлены, в частности, несопадением культурных типов, несоответствием французского либертинажа, сочетавшего политическое и религиозное вольномыслие с нравственной распушенностью, русским общественно-культурным явлениям, рассмотрено в статье Е.Е. Дмитриевой «Романы французского либертинажа, их читатели и переводчики».

В статье И.К. Стаф «Повести графа Кейлюса в России: просвещение или развлечение?» исследован интересный и «культурно значимый случай», связанный с русским переводом «Истории господина Гийома, кучера», включавшей четыре повести. Написанное графом де Кейлюсом произведение – яркий образец комической, игровой салонной литературы в «простонародном» духе. Русский перевод предположительно принадлежит крепостному интеллигенту В.Г. Вороблевскому, литературная деятельность которого отличалась просветительно-демократической направленностью. Автор статьи прослеживает, как в русской версии меняется характер повествования, его интонация, как трансформируется жанровый и стилистический статус произведения. Сохраняя внешнюю точность, верность букве оригинала, переводчик меняет сам дух произведения. Из светской забавной стилизации, написанной ученым аристократом, она превраща-

ется в правдивые картины «мещанской» жизни, созданные простолюдином. Если под пером Кейлюса кучер – наблюдатель грязных сторон жизни – сам принадлежал этому «подлому» миру городских низов, то в русском переводе повествователь – честный извозчик, достигший благосостояния вопреки окружающему нравственному упадку.

В сборнике в разных ракурсах предстает своеобразие коммуникативных процессов, специфика восприятия культурно-эстетических феноменов, пересечения высокого и массового, западноевропейского и русского. В статье Е.П. Гречаной «Роль рецепции в формировании массовой литературы: “Любовные похождения шевалье де Фобласа” Ж.-Б. де Кувре» показано, как в русских переводах редуцируется, упрощается романная структура французского писателя, становясь принадлежностью массовой литературы. Изначально сложная природа романа де Кувре, отмеченного жанровой и стилиевой синтетичностью, с включением элементов повествования авантюрного, эпистолярного, сближающегося с псевдо мемуарами и вбирающего компоненты романа готического. При доминировании галантной направленности «Фобласа» (в его либертенной, фривольной ипостаси), он вбирает, по наблюдениям автора, еще и сентименталистские тенденции, особенно в «польской» линии сюжета, отмеченной патетичностью и героикой, утверждением семейных ценностей, верности чувств, любовной преданности.

В изображении де Кувре, как отмечает автор статьи, герои романа, Фоблас в особенности, представлены объемно, не однозначно. Наряду с легкомыслием, тягой к любовным наслаждениям, главному герою присущи искренность, чувствительность, способность сопереживать.

В России знаменитый роман де Кувре был воспринят гораздо более однозначно – как безнравственное произведение, изображающее холодного человека, циничного соблазнителя, родственного Ловеласу Ричардсона. Игнорируя сентиментальную линию, русские читатели XIX века восприняли лишь эротическую, пикантно-развлекательную составляющую романа, что делало его в русской рецепции произведением массовой литературы.

В данном случае перевод в низовой регистр имел отрицательный оттенок в связи с отсечением важных компонентов романного целого. Однако, как показывают материалы сборника, перемещение из высокого яруса может быть связано не с эстетической девальвацией, а с включением в иные межсистемные связи и поиском новых художественных решений. В статье Г.Н. Ермоленко «Русские переводы итальянских рыцарских поэм как произведения массовой беллетристики» исследуются примеры нестрогой фиксированности «вертикальной» принадлежности даже признанных классических произведений: относившиеся

изначально к высокой литературной сфере, ренессансные рыцарские поэмы переходят со временем, в переводных вариантах, в разряд массового.

Синтетическая жанровая природа итальянских возрожденческих поэм, слияние в них эпического, романического, лирического, творческая фантазия поэтов (Ариосто, Боярдо), свободно преобразовавших старинные повести о рыцарских подвигах в новые формы шутивого эпоса, предполагала разные возможности их дальнейшего переосмысления. Русские переводчики обращались к итальянской поэзии через посредничество французских переложений, так что в русских версиях отражались особенности обеих романских культур – и итальянской поэзии XVI–XVII вв., и французской поэзии и прозы XVIII в.

По наблюдениям автора статьи, уже французские переводчики итальянских ренессансных поэм, редуцируя эпическое и наращивая романтическое и комическое, способствовали большей популяризации исходных источников. Русские переводчики (Я.И. Булгаков, Н. Осипов) еще более сближают итальянские поэмы с низовой, демократической литературой, благодаря фольклорным элементам, просторечиям, стилистическому снижению, комизму и перемещению их в зону массовой литературы. Опора на фольклор зиждилась на убеждении, что народные истоки поэзии имеют общие корни у разных народов, что способствовало сближению рыцарского и богатырского эпоса, их встрече – в низовых слоях культуры, и это открывает еще одну грань плодотворного сотрудничества высокой и массовой ветвей культуры.

Помимо контактных связей – переводов, переложений, возможны, и важны связи типологические. Ярким примером этого рода выступают истории Картуша и Ваньки Каина – французского и русского мошенников, преобразованных и переосмысленных массовым сознанием. В статье К.А. Чекалова «Образ Картуша в массовой культуре XIII–XX вв.» показано, как реальный жестокий, злопамятный и ветреный преступник обретал репутацию «идеального» вора, народного заступника, благородного разбойника, наделенного сверхъестественными способностями, благодаря литературным и особенно сценическим обработкам его жизнеописания. Автор статьи отмечает любопытный факт: в России Картуш тесно сближается с Ванькой Каином, во многом благодаря М. Комарову, издавшему под одной обложкой истории двух разноплеменных мошенников.

Статья Е.В. Акельева «Картуш и Ванька Каин: к характеристике исторических прототипов литературных героев» – органичное подхватывание и продолжение предыдущего материала, что еще раз подчеркивает, насколько взвешен и продуман отбор статей и их расположение в композиционной структуре сборника. Е.В. Акельев приво-

дит тщательно собранные исторические данные о двух персонажах (Картуше и Ваньке Каине), особенно популярных в России, в том числе и за счет их сближения. Восстановление достоверных сведений, по убеждению автора статьи, позволит отделить исторические реалии от художественного вымысла, проследить процесс мифологизации, превращения реальных мошенников в литературных персонажей, преобразенных в коллективной памяти и в художественном творчестве – в его нижних сферах.

В России первой половины XIX в. отмечен всплеск интереса многочисленной читательской аудитории к «разбойничьей» литературе, в том числе и готической – с замками, кинжалами, призраками, тайнами, приключениями. Увлечение этой литературой (в значительной мере низовой) читателями разных слоев, с разным культурным цензом, не только «простыми», мало искушенными, но и наделенными вкусом, эрудицией, эстетической чуткостью обусловлено рядом факторов – эстетических, социологических, психологических, чему посвящена статья М.Р. Ненароковой «Европейские прототипы Владимира Дубровского: круг чтения русского дворянства первой половины XIX в.». В работе проясняется социокультурный контекст, в котором возник роман А. Пушкина и который определил некоторые жизненные судьбы, в частности юношеский эпизод в истории Е. Боратынского. Популярный архетип благородного разбойника мог «перетекать» в действительность, порождая ситуации, инспирированные литературой.

Две статьи сборника посвящены популярнейшему писателю XIX в. – Полю де Коку. В статье С. Робарде-Эпштейн (Швеция) «Полю де Кок и его “бесстилевой реализм”»: от успеха к забвению, от “простого” к “сложному”» исследуется очередной парадокс, связанный с массовым и упреками, его преследующими. Автор статьи упоминает те претензии, которые предъявляли писателю его литературные судьи, и аргументы, их оспаривающие, подвергающие сомнению. Критики ставили в вину писателю «бесстилие», а в то же время его произведения мгновенно узнаваемы, ибо на них лежит печать манеры Поля де Кока. Ее характеристики – простота и искренность казались критикам презренными, а повествование небрежным, не отделанным. Но, как замечает автор статьи, писатель стремился к эффекту спонтанности, непосредственности, а отсутствие отделки – дань «оптимальному реализму»: он создавал речевые портреты персонажей, представляющих разные и отнюдь не высшие слои общества. Так что живостью и неприглаженностью как раз и обеспечивалась аутентичность и оригинальность стиля Поля де Кока.

В статье И. Еленгеевой (Франция) «Читатели второго порядка» рассматриваются аллюзии на художественный мир Поля де Кока в произведе-

ниях Ф. Достоевского, который был чрезвычайно внимательным читателем французского беллетриста. Ценность данного материала в том, что здесь явлен пример еще одного важного сотрудничества элитарного и массового, представленного в искусстве слова второй половины XIX в., особенно в творчестве Достоевского. Взаимосвязи между пластами литературы были направлены не только сверху вниз (стереотипизация, клиширование высоких образцов), но и снизу вверх.

В статье Н.Т. Пахсарьян «Особенности литературной судьбы А. Дюма в России XIX в.: от драматургии к роману “Три мушкетера”» прослеживается история восприятия эпических и драматургических произведений Дюма в России, анализируются критические отклики на них. Большинство отзывов сводилось к оценке французского писателя как беллетриста, способного заставить читателя «нелепую сказку», полную несообразностей, дочитать до конца. В Дюма видели создателя легкого чтения – очень популярного, но недолговечного, «льва минуты» (И. Панаев), автора бульварных романов. Заслугой автора статьи, несомненно, оказывается тщательное изучение разновременных откликов, что позволяет зафиксировать переломы в оценках, пересмотры прежних суждений. Так, в работе приводится мнение А. Куприна, заметившего, что романы Дюма, несмотря на почтенный возраст, живут с «прежней неувядающей силой», притягивая читателей «добрым очарованием». Естественно возникает вопрос: почему не сбылись прогнозы и что обеспечивает долгосрочный интерес к произведениям французского романиста. Ответ, который предлагает Н.Т. Пахсарьян, важен со многих сторон, в том числе в аспекте теоретического постижения разных форм взаимодействия элитарного и массового. Их противостояние не абсолютно. Более того, утверждает автор статьи, существуют произведения, которые «лежат в зоне интерференции полей массовой и элитарной словесности и ... принадлежат обоим полям» [1, с. 286]. По мнению исследователя, большинство романов Дюма относится именно к этой зоне, но «Три мушкетера» выходят за указанные границы – и именно в «поле беспримесной высокой художественности». Главное обаяние романа связано с образом Д'Артаньяна и его друзей, ставших в ряд «вечных». Французскому романисту в данном случае удалось совершить «художественно-антропологическое открытие, расширить знание о человеке, отличное от научного, теоретического. Оно обретается лишь в процессе высокого литературного творчества и оно же не перестает привлекать все новые поколения читателей.

Важно отметить, что авторы статей находят такие проблемные развороты, которые пробуждают исследовательскую энергию и позволяют отыскивать новые эвристические задачи и пути их разре-

шения. К.А. Чекалов в статье «Эмилио Сальгари: сюжеты и персонажи» задается вопросом: почему популярнейший беллетрист, написавший более восьмидесяти романов, «итальянский Жюль Верн», творивший в разных жанрах, переносивший действие во многие экзотические страны, в том числе и в Россию, будучи очень популярным в нашей стране (в 1912 г. вышло 12-томное собрание его сочинений), не был востребован как автор русской темы. Ни в до-, ни в постреволюционной России не было переведено ни одно из произведений Сальгари, связанное с Россией.

Придерживаясь умеренных либерально-монархических взглядов, Сальгари воспринимал Российскую империю как царство тирании, насилия, наполовину варварскую страну, а потому сочувствовал революционным демократам и поддерживал освободительное движение поляков. Полностью посвящен русской теме роман с выразительным названием «Ужасы Сибири». Экзотичность сочетается здесь с героико-политической проблематикой, и автор статьи видит, по меньшей мере, две причины, почему это произведение никогда не переводилось в России. Одна из них связана с поэтикой массовой литературы, другая – с более глубокой, серьезной идеологической проблематикой.

С одной стороны, желание переводить этот роман сдерживали так называемые «сальгаризмы» (выражение У. Эко) – клишированные портреты, элементы «хоррора», использование штампов в упрощенном ключе, например, пристрастие, к спиртному, – все то, что производит впечатление «развесистой клюквы».

А с другой стороны, существенную роль играют идеологические причины. Если в царской России отторжение могло вызвать антимонархическое звучание романа, то в советскую эпоху не желательны были возможные ассоциации с ГУЛАГом, свидетельствовавшие о тираническом характере и нового режима. «Наше преступление заключается в том, что мы слишком сильно любим сво-

боду», – произносит один из героев «Ужасов Сибири», и этот афоризм, по мнению автора статьи, оказывается актуальным для России на всех стадиях ее исторического развития.

В статье Е.Ю. Сапрыкиной «На линии «Сердца», Рассказы Э. де Амичиса в России» проанализирован еще один вариант своеобразной «гибридности» высокого и беллетристического. Автор, который снискал любовь самых широких масс не только в Италии, но и далеко за ее пределами, на первый взгляд укладывается в рамки поэтики массового с ее доходчивостью, простотой композиционного построения, мелодраматичностью, слезливостью, обнаженной, обостренной эмоциональностью, житейскими наблюдениями, нравоучениями практического или религиозно-христианского свойства. Однако по наблюдениям автора, внешняя непритязательность соединяется у де Амичиса со скрытой глубиной проблематики. Не случайно рассказ «Учительница рабочих», переведенный на русский язык и вошедший в фонд русской литературы для широких масс, стал источником и для других видов искусства (кинематограф, музыка, балет).

Подводя итоги, нужно отметить, что широкий охват материала, представленного в сборнике, позволил проследить некоторые качественные сдвиги, изменения социологического, культурологического, эстетического содержания массового на разных этапах его эволюции, в контексте исканий разных эпох. Главное направление поисков связано с пониманием того, что оба пласта литературы (высокий и низкий) не только противостоят, но и взаимодействуют друг с другом, границы между ними подвижны, предполагают наличие общей зоны, пересечения суб-полей, диалогичность разного рода. Думается, что это самое насущное и актуальное направление в изучении массового, и представленный сборник соответствует не только современному состоянию научного знания, но и его перспективным направлениям.

SUMMARY

HISTORY AND ARCHAEOLOGICAL SCIENCES

Yuriy N. Lyubimtsev

*Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University
lyubimtsev@mail.ru*

Purposes and ways of organising the Delian League (part 2)

This article is about the process of creation of the Delian League and the transformation of the latter into the Athenian Empire (arche). Foreign policy of states throughout history is connected with organising unions, in particular, military ones. These unions are created for some purpose and are designed taking the said into account. NATO – created allegedly for the USSR's moderating – might be a modern example. In the 5th century BC, Athens made an alliance so that Persia could be coerced into nonbelligerency. That is why the paper is topical. Athens' relations with allied poleis are examined. Purposes and consequences of failed revolts of the allies against Athens are analysed. The focus is on Athenian military operations at the first stage of the Delian League's existence (478 to 462 BC). Attention is paid to Sparta's reaction to the Delian League's creation. Such historical research methods as diachronic analysis method (when researching Athens' policy towards the allies at different stages of the League's development) and historio-systemic method (when researching the political pattern of the Athenian symmarchy) are used in the work.

Keywords: Delian League, Athens allies' revolts, Aigion, Scyros, Carystus.

Anatoliy A. Mayorov

*Oryol State Culture Institute
aamayorov@rambler.ru*

The emergence of the structures of Church administration on the territory of the basin of Upper Oka in the 10th— first half of the 13th century

The spread of Christianity and the beginning of the formation of the Church's administrative structures within the basin of the Upper Oka started much later than the baptism of the Old Rus' took place and happened, apparently, in the first half of the 12th century. The interest of the administration of Chernigov Principality in the baptism of the Vyatichi and the creation of conditions for the growth of Orthodox management structures were probably not very high. It intensified only as a result of the wars of the princes among themselves. Stone temples were built on the territory of the important administrative centres, as this related to religious needs of Christians who belonged to the ruling strata, but outside the administrative centres only small wooden huts – makeshift churches – could be met. Final domination of Orthodoxy and the creation of local management structures of the Orthodox Church on the territory of the basin of the Upper Oka were the result of Chernigov Principality's residents resettlement in the north of the Principality after the Mongol invasion.

Keywords: spread of Christianity, Vyatichi, Chernigov diocese, Principality administration, the Upper Oka basin.

Sergey A. Kabatov

*Kostroma State University
kabatov74@mail.ru*

Svetlana A. Kurochkina

*Ministry of culture, press and ethnic minorities' affairs
of Mari El Republic, City of Yoshkar-Ola,
kurochkina-sveta@bk.ru*

The signs on the fishing gear of the Vezhi settlement

Signs on tackle are classified as the most important historical sources. The signs of the Vyozhni are marked with a small number of articles. All signs are singular and date back to the 1st half of the 17th century – the 1st half of the 19th century. Probably, this kind of marks were property signs which were endowed with additional functions of talisman-amulet. Some of Vyozhni signs remind the so-called apiculture signs (“banners”). Some part of them are similar in forms and content to signets which go back to the generic symbols. The presence of signs on sinkers and floats reflect the property isolation of separate population in the settlement. A heterogeneous ethnic system combining the Slavic, Finno-Ugric and Turkic components existed in the region of Kostroma Povolzhye from the Middle Ages till the 19th century. Various influences are traced in the items connected with fishing and in the signs left on them. Therefore, analyzing the characteristics of tackle, it is possible to deal with an issue of the ethnic belonging of the rural population of Vyozhni remainings, reconstructing its place on the ethnic map of the region of Kostroma Povolzhye.

Keywords: tackle, ceramic and stone sinkers, pine bark floats, signets of property, talisman-amulet, ethnic system.

Gennadiy N. Kocheshkov

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
kocheshg@mail.ru*

Pyotr N. Agrafonov

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
ppeter@yandex.ru*

Is Yaroslavl the city of “mansions” or of “dungeons”? The foreign exile and the prisoners of war in the territory of Yaroslavl land (the 15th to the 19th centuries)

In the 15th to the 19th centuries, Yaroslavl and Yaroslavl land became the place of exile of foreign subjects. At the same time, foreign captives would be transported to this region. The article for the first time has compiled materials about foreign kingdoms' subjects which found themselves in captivity or were banished in the territory of Yaroslavl land in the 15th by to the 19th centuries. The reasons for which they appeared in Yaroslavl or in the towns of Yaroslavl land, are revealed; housing conditions are shown; it is told about the attitude of local population towards the prisoners and the exiled. The first information about prisoners in

Yaroslavl known to us is that those were governors of Yugra land – the data are attributed to the late 15th century. The most famous captives in Yaroslavl include Maryna Mniszech – the wife of Pseudo-Demetrius I – and the Duke Ernst Johann von Biron – favourite of Anna, Empress of Russia. The article is written on the basis of the state-of-the-art review of documentary material, including archival one, which is for the first time put into scientific circulation.

Keywords: Yaroslavl, captives, convicts, Maryna Mniszech, Ernst Johann von Biron, housing conditions, reasons for exile, 15th to 19th centuries.

Mariya N. Pavlova
Kostroma State University
m.paramonova77@mail.ru

Typology of private collecting in the historical and cultural context of Russia in the 18th – the early 20th centuries

The identity of any person is formed under the influence of cultural and historical events of its era. Therefore the level of its education, economy, art fashion, political events of its time is reflected in the collection. In Russia of the 18th – the early 20th centuries, the cultural and historical situation influenced the subject structure of collection and was reflected in change of class accessory of collectors. If the first half of the 18th century, collecting is connected with the highest aristocratic sectors of society and the Western European art, while in the second half of the 18th century, certain liberties expanded the list of collectors. Military progress of Russia and active interest in national history induced collectors to collect antiquity. Industrial upsurge entered merchants and intellectuals into the circle of the collectors as the said people sought to open the collections for public representation.

Keywords: collection, Russia, Western Europe, noble estate, museum, collecting, reforms, culture.

Aleksandr N. Turygin
Kostroma State University
aturigin@mail.ru

Larisa V. Khabibova
Kostroma State University
larissa-kh@mail.ru

Pan-Germanists and monarchy: criticism and vision of prospect

In the article, the relation of members of the powerful ideological centre of imperial Germany – the Pan-German League – to an institution of the German monarchy and to its Emperor Wilhelm II is investigated. The task of the authors is to display transformation of perception by Pan-Germanists of the monarchy before its breakup in Germany in November Revolution of 1918. The authors analyse the historical reasons of change of the attitude of Pan-Germanists to the Emperor as a person, to systemic crisis of the monarchy and to scenarios of its overcoming which were described in the books by the theorist of the Pan-German League – Heinrich Class – and by the activist Ernst Graf zu Reventlow, and we show that in the article. In the article, we also show attempts of Pan-Germanists to prepare public opinion

of post-war Germany and to analyse the future of the restored institution of the German monarchy led by a new sovereign rather than by Emperor Wilhelm II.

Keywords: German Emperor Wilhelm II, Pan-German League, monarchy, propaganda, public opinion, Byzantinism, criticism, dictatorship.

Maksim V. Sil'yanov
Cherepovets State University, City of Cherepovets, Vologda Region
silyanoff.maksim@yandex.ru

Russian-French harmonisation of the late 19th century in the light of public opinion: historiographical evaluations

The article traces the evolution of views of Russian researchers on the role of public opinion in the Russian-French rapprochement of the late 19th century. This theme was addressed in the context of the history of social thought and the history of foreign policy. We allocated three periods in the study of the topic: pre-revolutionary, Soviet (from 1918 till the mid 1950s), and the last stage, which began in the mid 1950s and has been continuing up to date. The first stage was based on journalism and covered the reaction to separate foreign policy events. In the second stage, there were general and special studies written on the basis of diplomatic documents and numerous memoirs. However, historians paid more attention to problems of international relations between the two countries, rather than the reaction of public opinion. Only at the last stage, there was the first specialised work that considered public opinion as an important element of diplomatic relations. The main attention is paid to the works of Al'bert Manfred, Viktoriya Hevrolina, Irina Rybachyonok, Svetlana Obolenskaya, etc. We show the achievements of Russian historians in the study of the role of public opinion in the Russian-French rapprochement and the challenges.

Keywords: historiography, foreign policy thought, Franco-Russian alliance, public opinion, publicism, caricature, imagology.

Andrey M. Belov
Kostroma State University
belovi_1957@mail.ru

The Russian revolution of 1917 in the province (on materials of the Kostroma province)

The article analyses the course of the revolutionary events of 1917 in Kostroma Province on the basis of the materials of the periodical press of various political trends and other sources. The contradictory processes of society renewal in the provinces, various forms of patriotic and anti-war activity of the masses are shown. The activity of a wide range of political parties from the Constitutional Democrats to the Bolsheviks was pursued, often pursuing opposite goals. The reaction of society to the revolutionary process is revealed.

Keywords: revolution, province, Bolsheviks, Mensheviks, Social Revolutionaries, Constitutional Democrats, Kostroma joint Committee of Public security, Kostroma Soviet of workers' deputies, Kostroma Soviet of soldiers' deputies, Constituent Assembly.

Andrey A. Rybin
Kostroma State University
rybin-andreyka@bk.ru

**Historiographical overview on the research topic:
“Workforce from Central Russia in Kazakhstan
Virgin Lands Campaign in 1954—1964
(based on the materials of Ivanovo,
Kostroma and Yaroslavl regions)”**

The article discusses the various opinions of researchers on the issue of mass campaign of virgin and fallow lands in the territory of the Russian and Kazakh Socialist Republics in the period after the World War II. In the years of the Soviet power, the events of the Virgin Lands Campaign were presented with the ideological positions; after the collapse of the Soviet Union, among some authors, there is a new appraisal of the agrarian reform of the 1950s and the 1960s. Foreign researchers have also studied the Soviet experience in the field of involvement of new lands. Special attention is paid to local authors. Thus, this article presents the main problems and peculiarities in each of the historiographical stages. It is worth noting that for more than 60 years since the tillage of virgin and fallow soil, the researchers have amassed a wealth of factual material. But still due attention has not been given to the issue of the participation of labour resources from Ivanovo, Kostroma and Yaroslavl regions in the framework of the campaign for the tillage of virgin and fallow lands. The analysis of literature allows identifying the lesser known issues associated with the event of new lands' campaign and the participation of representatives of Central Russia.

Keywords: virgin and fallow lands, historiography, workforce, Ivanovo, Kostroma, Yaroslavl.

Eleonora N. Nezhigay
The Kuban State Socioeconomic Institute, City of Krasnodar
myclub99@mail.ru

**Organisational bases of activity of bodies
of the Soviet political censorship**

The article contains the description of structure, organisational bases of activity, the rights and obligations of the central and local bodies of political censorship created in the Soviet Russia in the period of the so-called New Economic Policy and which have existed with minor changes up to dissolution of the Soviet Union. The author characterises the personnel structure of the central and local supervisory authorities and some problems in their work connected with duplication of powers, incompetence and lack of worthy compensation of censors, their frequent removability, combination of positions of the censor and head of the spectacular enterprise under control, the shortage of technicians and lack of a unified form of the reporting. In the article, the total ideological nature of censorship, its full submission to the Communist party structures, use of methods of bureaucracy and prosecution is emphasised. Financial side of activity of bodies of censorship is analysed on the basis of regional archival materials of the area of the Kuban and the Black Sea.

Keywords: Glavlit, Main Administration for Affairs of Repertory, censorship, spectacular enterprises, repertory, acceptable collecting, ideology, control, area near the Kuban and the Black Sea.

Yekaterina N. Ionova
The Stoletovs Vladimir State University
kricity_en@mail.ru

**The role of Latinos in the enactment
of the civil rights law in the USA**

The article is devoted to the place of Latin Americans in formation of the system of civil rights of the coloured in the USA. Living under strictly controlled socio-political conditions, the Latinos sought to regulate their social standing legislatively in the poly-cultural country. The author paid special attention to the attitude of political elite and public representatives to the programmes of “affirmative actions” which the President of the USA George Herbert Walker Bush perceived as unfair one in relationship to the white people of the country. Since the 1960s, ethnical minorities have possessed special status and did not intend to lose it. Also, the author considers the relationship between the Latinos and the Afro-Americans during the civil rights struggle. The principle of historicism and scientific objectivity were the leading ones in the research work. The changing of political vector in settling the agenda of the 1990s was accepted in the US' poly-cultural society ambiguously. The impulse stimulates the changing of status quo was the Supreme Court decisions in 1989 which contradicted to earlier approved resolutions. The contentious issue that separated the Latinos and the Afro-Americans in civil rights process was immigration law when the Latinos sought to liberalise it, but the later ones, to close the borders. Having that time more powerful and developed representatives offices of socio-political organisations of Afro-Americans succeeded in becoming leaders and continued to influence in incorporation of certain provisions in Civil legislation. The Latinos' participation in the discussions and the growing number of them in the USA was paid attention to by the leading political parties.

Keywords: civil rights, Latinos, “affirmative actions”, the coloured, Congress, discrimination, illegal immigrants.

SCIENCE OF LITERATURE

Irina V. Ershova
Russian State University for the Humanities, Moscow
i.v.ershova@list.ru

**“Si oviesse buen señor!": Ideal sovereign
in medieval Spanish chronicle and epic**

The article is dedicated to the study of main features of the “ideal monarch” character as it was developed in the Spanish medieval epic and historiographical prose. The surviving texts demonstrate a fundamentally different method of describing the kings in the epic and chronicles, which is manifested both in recurrent formulae / clichés accompanying the king's name and the acts committed by him. The “bookish” (scholarly) and

narrative (“folkloristic”) methods of introducing the ruler in one or another text may enable us to understand, which source – chonical text or tale existing in oral form – laid the foundation for the surviving text. Thus, in case of the Latin “Historia Roderici”, representation of the character of king Alfonso VI the Brave and his relations with El Campeador makes it possible to quite safely assume the existence of an “oral” source of the Latin life.

Keywords: “The Poem of the Cid”, romancero, medieval chronicles, “Historia Roderici”, ideal sovereign, epic monarch.

Yevgeniya V. Zimina
Kostroma State University
ezimina@rambler.ru

Scottish politics in the mirror of poetry

The article acts as a short review of contemporary Scottish political poetry. Throughout the 20th and the 21st centuries, Scotland has been attempting to express its national identity and either to obtain independence from the United Kingdom or to receive the rights of autonomy within one state. The peculiarity of the independence movement in Scotland lies in solving issues not only through political debate, but also through literary discussions. The involvement of writers, poets and dramatists in political campaigns has become unprecedented. The article discusses the brightest examples of Scottish poetry that became symbolic during the latest political events. Independence poetry in Scots, English and Gaelic appeared to oppose Kailyard literature that idealised Scotland as a small cabbage patch (part of the British Empire). Scottish contemporary poetry employs an abundance of symbols, which enables the reader to interpret texts in different ways, and which reflects the uncertainty of the political situation in the country. The indyref of 2014 and the Brexit referendum of 2016 became not only major political, but also literary events in Great Britain.

Keywords: Scottish literature, Kailyard School literature, Scottish Renaissance, Scottish parliament referendum, indyref 2014, Hugh MacDiarmid, Edwin George Morgan.

Vladimir V. Tikhomirov
Kostroma State University
vtihom@mail.ru

Konstantin Aksakov on verbal creative work essence

The article contains the characteristics of Konstantin Aksakov’s literary and critical position in its development and the most characteristic manifestations. What was at the heart of this position, was a combination of the German philosophical dialectics and dogmatic Orthodoxy according to which, exclusively subordinate role was intended to art, and art should be creation of a group rather than of an individual, and, since Orthodoxy, according to Slavophiles, rejects the creative basis of an individual, Konstantin Aksakov does not accept the European art due to being based

on personal authorship; authorship is recognised by him only as a transitional stage from folkish art to new “complete judgement of life” on the basis of prevalence of the ethical bases over aesthetic ones. In this underestimation of artistry in art, Slavophiles approximated to their ideological opponents – radical democrats.

Keywords: philosophic dialectics and Orthodoxy, collective VS individual in creative work, ethic VS aesthetic bases’ ratio, verbal creative work, Slavophiles.

Anna A. Fedotova
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
gry_anna@mail.ru

Leo Tolstoy’s “The Kreutzer Sonata” in Nikolai Leskov’s perception: unfulfilled desires

The article is devoted to the analysis of Nikolai Leskov’s creative reception of novella “The Kreutzer Sonata”, written by Leo Tolstoy, that causes the heated polemics in Russia in the 1890s. The significant analysis of unfinished texts, the plots of which appeared after Nikolai Leskov’s knowing of Leo Tolstoy’s novella, is caused by its main topic (family crises) and attracts Nikolai Leskov’s close interest. The writer’s practical mind could not admit the extremes of Leo Tolstoy’s position on the marital relations. However, in spite of polemical sharpness of Nikolai Leskov’s texts, the said writer tries his best to avoid the most acute themes and highlights Leo Tolstoy’s approval. Nikolai Leskov’s straightness and didactics, caused by the autobiographical narrator’s actualisation, is the excellent instance of his stylistic orientation to the manner of creative work in which Leo Tolstoy spent the balance of his life.

Keywords: Nikolai Leskov, Leo Tolstoy, “The Kreutzer Sonata”, “Concerning “The Kreutzer Sonata””, reception, polemics, confession.

Irina A. Ovchinina
Ivanovo State University
ovchn@yandex.ru

New approaches to making up the Complete edition of Alexander Ostrovsky’s works and letters

The article reveals the peculiarities of the Complete edition of Alexander Ostrovsky’s works and letters being prepared. All the known for the present day art works of different genres (plays, essays, verses, translations and re-makes of the plays by foreign authors, opera libretti), dairy notes, articles on literature and theatre, public speeches, business papers as well as a huge epistolary heritage (most of which has never been published) will be presented to the reader for the first time. The thorough study of the handwritten sources preserved in different archives of Moscow and Saint Petersburg allowed eliminating the gaps of the previous editions. The corpus of editions and variants clearly demonstrates the specificity of the work of the playwright at the text and helps to trace back its creative history. The analytical articles view the creative work of Alexander Ostrovsky against its historical

and literary background as well as in the connection with the traditions of oral folk poetry, folk theatre and biblical motifs. The author of the article describes the significance of textual, historical, literary and factual commentary greatly enlarged as compared to the previous editions of the playwright's works.

Keywords: publication, text, genre, chirograph, variants, edition, criticism, comments, issues, censorship.

Yelena N. Belyakova
Kostroma State University
helenbel31@yandex.ru

Recreancy motif in Alexander Ostrovsky's historical chronicle "Tushino": on plot's genealogy (in terms of the play's draft)

The issue of genealogical linkages of Alexander Ostrovsky's historical chronicle "Tushino" with 17th century Old Russian stories is mentioned in the article. Leaning on materials of the draft chirography – hereinafter DC – of the play, the author of the article develops a thought which Nikolay G. Morozov stated earlier, namely the plot proximity of Alexander Ostrovsky's text with "The Tale of Savva Grudtsyn" and "The Tale of Woe and Misfortune". As the main thesis, the statement has been put forward that in early DC versions, the scene of temptation of the young man, as well as the one showing him becoming a stray sheep, was built in traditions of Old Russian literature. In confirmation of the stated judgement, in particular, a fragment of a draft sketch of dialogue of the main characters of the chronicle (Savlukov, a Tushino infidel, and the young nobleman Maksim Redrikov) which was not included into the printing text, is presented. The designated fragment of the DC is published for the first time.

Keywords: genealogical linkages, author's basic idea, plot, recreancy motif, Russian literature tradition, historical chronicle, story of Old Rus', character's image.

Nina L. Yermolayeva
Ivanovo State University
ninaermolaeva1@yandex.ru

Historical plays by Alexander Ostrovsky about impostors in Russian criticism of 1860s—1870s

The article evaluates the views of a number of well and less known critics on the historical plays by Alexander Ostrovsky "Pseudo-Demetrius and Vasilii Shuyskiy" and "Tushino". Aleksandr Nikitenko's articles on the play "Pseudo-Demetrius and Vasilii Shuyskiy" and that of the anonymous author in the newspaper "Voice" on the play "Tushino" were objective or nearly objective ones. Most of the critics accused Alexander Ostrovsky of imitation, dependency on the historical sources, artistic drawbacks and noted the fall of his talent. The author of the article traces the reasons for appearance of a series of non-objective reviews on these works seeing them in the lack of professionalism of some of the critics, optionality of responsibility for their comments, in the zeal to impose their own ideological position to the dramatist. Special attention

is paid to the judgements on the female images in the historical plays. Concurring in opinion with Nikolay Strakhov, Nikolai Leskov, Alexander Skabichevsky et al. that the talent of Alexander Ostrovsky is the one of a comedy-playwright, the author of the article admits the artistic value of historical plays about impostors as well as the fact that the prevailing number of contemporary critics were far from the objective evaluation of them.

Keywords: imitation, paraphrasing historical works, misinterpretation of historical facts, drop in talent, gift of comedy-playwright; critics' subjectivity and non-professionalism.

Yekaterina A. Murtazaliyeva
Dagestani State University, City of Makhachkala,
Dagestan autonomy, Russia
fiona70@mail.ru

On the question of a genre originality and poetics of a sketch of Dmitry Merezhkovsky "Ibsen"

In the article, the genre originality and poetics of a sketch of critical prose of Dmitry Merezhkovsky "Ibsen" is revealed. In the genre and typological plan, the work represents the sketch portrait of critical prose of Dmitry Merezhkovsky which united analytics of the literary critique with elements of literary research and poetics, the tools for figurativeness close to artistic prose of the writer. Dmitry Merezhkovsky draws in a sketch an image of Henrik Ibsen, using elements of portrait and psychological characteristics, "speech" disclosure and self-disclosure of the hero. Leaning on concrete literary biographic material, Dmitry Merezhkovsky creates his own biography of the Norwegian playwright, estimates his plays from the point of view of topicality of their perspective and innovation, enters them in a context of the world literature and culture. The special attention of the critic is drawn by a family problem in its social and moral aspects, and he gives to it his own interpretation, tracing versions of the decision in a number of Henrik Ibsen's plays. Dmitry Merezhkovsky highly appreciates innovation of creative work of Henrik Ibsen, seeing in the playwright the forerunner of turn of literature and culture from the destroying theories to the creating art and philosophical work of a modern era.

Keywords: critical prose, sketch portrait, structure of sketch, tool for figurativeness, perspective, genre originality, poetics.

Nikolay N. Ivanov
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
claus758@yandex.ru

Motifs and images of national culture in the prose of Russian neo-realism

The article discusses the reception of motifs and images of Russian national culture by Aleksey Remizov, Maxim Gorky, Mikhail Prishvin. The knowledge of the neorealist writer's national life from the inside (Aleksey Remizov), immersion in the verbal elements of myth, folklore, focus on the spiritual meanings of informal, so-called folk Orthodoxy are regarded in this

paper as the ontological, the artistic trend of the Russian writers of the first decades of the 20th century. In large part it developed as an opposition to the values of official culture. The paper examines the reception of folk archetype of the people's sage (wise straight man), the motifs of care, finding wonderful gifts and other; identifies intertextual consonances, the deeper connection of works. We established the continuity of the content, imagery, poetics of the works of Russian writers and Slavic paganism, traditional mythologism, Neo-mythologism of the early 20th century. At the same time, discoveries that were made at the turn of the 19th and the 20th centuries, have not been lost but gained special strength already in the subtext in the works of Maxim Gorky, and Mikhail Prishvin in the Soviet period, a further study of which seems to be promising.

Keywords: motifs, images of national culture, myth and poetics, folklore, Russian neo-realism.

Aleksey N. Koptsov

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
alexeykoptsov1991@mail.ru*

Feature article genre in the creative work of Alexander Serafimovich before the October Revolution

Realism of Alexander Serafimovich combines "life" and "art"; that is why in the early creative work of the writer, what was the genre with so good opportunities, was feature article, which combines artistic creativity and journalism. The feature article genre in the works of Alexander Serafimovich was the occasion for the basis of philosophical reasoning of the author, to realise his literary potential. The article discusses the early cycles of feature articles by Alexander Serafimovich – "Mariupol Pictures" (1896—1898) and "Notes about Everything" (1902—1903), identifies the genre's characteristics.

Keywords: Alexander Serafimovich, sketch, feature article, essay, speculative article, realism in literature, naturalism in literature, democratic literature, genre poetics.

Yekaterina A. Ogorodnikova

*Kostroma State University
katogorod@gmail.com*

"Nocturne" genre in Igor Severyanin's collection of poetry "The Cup of Thunder"

This article deals with the functioning of the genre of the Nocturne in the collection of Igor Severyanin's poetry "The Cup of Thunder" (on the example of the poems "Nocturne" (1908), "Nocturno" (1909), "Nocturne" (1911)). Artistic development logic is detected of Igor Severyanin's literary and musical traditions of the "nocturnes". The work concludes that the nocturnes, submitted by the poet in the collection "The Cup of Thunder", quite organically continue romantic tradition of "nocturnal poems". In addition to describing the evening and night painting of nature, they present a wonderful motif of transformation of the human soul. Igor Severyanin's "feeling of the night" close "night" lyrics poets "pure art", Fyodor Tyutchev and

Afanasy Fet, which indicates the importance of continuity in the artistic thinking of the poet-egofuturist. Relationship with the musical genre prototype in the works is also fairly obvious: melodiousness, gentle sound, gentle rhythm are characteristic of them. Like the musical nocturne, Igor Severyanin's "Nocturne" have structure of three-part.

Keywords: Igor Severyanin, poetry, music, genre, nocturne, night poetry, landscape, romanticism.

Nataliya G. Koptelova

*Kostroma State University
nkoptelova@yandex.ru*

Comprehension of the October revolution in the addressed lyrics of Zinaida Gippius in 1917—1918

This article discusses which comprehension the October revolution received in some addressed poems by Zinaida Gippius in 1917—1918. The character of the addressee in this pieces of lyrical poetry not only defines communicative strategy and stylistics, but in general influences features of interpretation of events of the October revolution. Semantic filling of motifs and images in the considered poems, on the one hand, goes through idealisation and sacralisation (Lavr Kornilov, the Decembrists, Christ). On the other hand, it imprints the complicated attitude and the author's reflection in relation to the nearest who have become far ("the lost children" Alexander Blok and Andrei Bely). Also, the poems embody acute and categorical accusation by the poetess of all representatives of the nation who have let the historical catastrophe happen. But at all poems, there is a Christian symbolics demonstrating that assessment of events of October, 2017, as well as of participants of the revolutionary aggravations from both "side of the barricade", passes at Zinaida Gippius on a religious scale.

Keywords: Zinaida Gippius, addressed lyrics, revolution, communicative aspect, dialogue, Christianity.

Vera V. Korolyova

*The Stoletovs Vladimir State University
queenvera@yandex.ru*

«Hoffmann's complex» in work of Vsevolod Meyerhold

The article deals with the reflection of "Hoffmann's complex" in the aesthetics of Vsevolod Meyerhold, who was consistently bringing to his work the ideas of the German romantic Ernst Theodor Amadeus Hoffmann: pictorial and musical harmony, the mechanization of life and a human, duality and a puppet, the mirror, romantic irony and the romantic grotesque. What was very important in the process of forming a new theatre, was Alexander Blok's play "The Fairground Booth", which is related to the novella "Princess Brambilla" by Ernst Theodor Amadeus Hoffmann. Based on the ideas of Hoffmann, Meyerhold creates the principles of conventional theatre and becomes a practitioner of theatrical grotesque.

Keywords: Ernst Theodor Amadeus Hoffmann, Vsevolod Meyerhold, arts' synthesis, alter ego, reflectivity, puppet, romantic irony and grotesque.

Oksana N. Ushakova
Kostroma State University
oks19011986@mail.ru

**Figurative representation of banishment
motive in emigrant poetry of G.V. Ivanov:
traditional and innovative**

In article is shown that the motive of a banishment which is traced in poems of emigrant collections of G.V. Ivanov «Roses», «Departure on the island of Tsitsera», «A portrait without similarity», «Rayon de rayonne», «Diary», «The posthumous diary» is represented through reframe of steady images of the Russian classical literature: boats, sails, ship. It's proved that G.V. Ivanov carries on G.R. Derzhavin's, V.A. Zhukovsky's, M.Yu. Lermontov's traditions: it the called topoi, as well as in works of poets predecessors his lyric poet, symbolize search of meaning of life, the truth, happiness or loneliness and death. At the same time the conclusion that the motive of a banishment in emigrant poetry of Ivanov receives individual and author's semantic filling is drawn in this figurative representation.

Keywords: G.V. Ivanov, motive of a banishment, representation, image of a sail, image of the boat, image of the ship, Derzhavin, Zhukovsky, Lermontov, tradition, innovation.

Olesya Ya. Alekseyeva
Gorky World Literature Institute, Moscow
baranovski54@mail.ru

**Vladimir Mayakovsky in literary critical articles
by Vyacheslav Polonsky: based on the materials
of the Russian State Archive of Literature and Art**

This article delves into the authorised, typewritten articles of Vyacheslav Polonsky, mentioning Vladimir Mayakovsky. The authorised, typewritten copies of the articles were found in the private archives of Vyacheslav Polonsky, who was one of the leading critics and active participants in the literary process of the 1920s—1930s. The revelations of the study of the different interpretations between the texts of the authorised, typewritten articles and the articles published by Vyacheslav Polonsky, allow tracing the process of work Vyacheslav Polonsky who carried out on articles about Vladimir Mayakovsky. They also allow determining the dynamics of assessments of the personality and creative work of the poet. In order to study comprehensively and objectively the archival materials about Vladimir Mayakovsky, which are stored in the personal archive of Vyacheslav Polonsky, the article explores in detail all the diary entries made by Vyacheslav Polonsky about Vladimir Mayakovsky. In addition, the context of the literary controversy “Left front of arts or Bluff” of 1927, which unfolded between Vyacheslav Polonsky and Vladimir Mayakovsky, is comprehensively reconstructed. For this, a transcript of the dispute that had taken place at the Polytechnic Museum is attached along with reports published in the central newspapers of the time. The results of this study make it possible to broaden the notion of the process of forming an assessment of the personality and

creative work of Vladimir Mayakovsky in the literary and social life of the late 1920s and early 1930s.

Keywords: Vladimir Mayakovsky, Vyacheslav Polonsky, futurism, literary process, diary, dispute, Polytechnic Museum.

Kseniya V. Abramova
Novosibirsk State Pedagogic University
a-ks@yandex.ru

**«Ephrasticmark» in the novel
by B. Pasternak «Lyubers' Childhood»**

In the article, on the example of the detailed analysis of several episodes, features of images creation in the story by Boris Pasternak “Lyubers' Childhood” are considered. Objects in the story appear as something constantly changing, their borders become unsteady. We show that in some episodes of the work picturesque allusions are traced though ephrastic descriptions of drawing arts are absent. It allows us saying about an “ephrastic mark”: images and objects in the story as though develop in similarity of the description of a picture. The pictures appearing at a look of the heroine, nevertheless, do not remain static. They are empowered with inner dynamics which is shown both directly in the movement of objects, and in continuous shift of their perception, and in interaction of colour, light and shade in descriptions.

Keywords: ephrasis, ephrastic mark, pictorial code, dynamics, statics, Boris Pasternak.

Ibragim A. Gasanov
School in the village of Bol'shaya (Greater) Areshvka,
Kizlyar raion, Dagestan autonomy, Russia
ardgyna.gasanoff@yandex.ru

**Symbols of childhood as a universal means
of assessing the world and life in the lyrical poetry
of Nikolay Nekrasov and Sayyid Gabiyev**

The article raises the problem of ways and ways of influence of Nikolay Nekrasov's images of children's symbols on the lyrics of the Dagestani poet and publicist Sayyid Gabiyev. Attention is drawn to the ultimate generality and at the same time the specific sensuality of Nikolay Nekrasov's images, the principles of their construction are creatively mastered by Sayyid Gabiyev. We analysed mainly poems by Nikolay Nekrasov “Lament of Children” and Sayyid Gabiyev's “Apprentice”. Different types of intertextual links between the two texts are revealed. Specific artistic mechanisms of the influence of Nikolay Nekrasov's images-symbols on the poetry of Sayyid Gabiyev are elucidated.

Keywords: symbols, childhood, suffering, apprentice, intertextuality, reification, allusions.

Irina A. Yedoshina
Kostroma State University
tettixgreek@yandex.ru

**The Russian Far East and the Solovki special
camp in the lives of priest Pavel Florensky
and writer Mikhail Prishvin**

In the article, what is carried out, is comparison of two episodes from life of priest Pavel Florensky and the writer Mikhail Prishvin. It is explained for what

reasons they appeared at first in the Russian Far East, and then at the Solovki special camp. In the latter isles, the Soviet power organised gulag where people – innocent at times – were interned so that the state could hold them in servitude. Priest Pavel Florensky, one of such people, who has been condemned and sent to the camp at first to the Far East, and then, to the Solovki. It is told that according to his letters it is possible to reproduce how he perceived the nature surrounding him. In parallel reconstructed Mikhail Prishvin's travel almost at the same time at first to the Far East on the instructions of Izvestia newspaper editorial office, and then, to the Solovki at his own will. From these trips Mikhail Prishvin brought material for the books "Jen Sheng: The Root of Life", "Golden Meadow", "Fathers and Children", "The Bun". The short history of these books is given. In the opinion of the article's author, Mikhail Prishvin did not notice sufferings of the political prisoners, whose labour was exploited in the most cruel way, and supported the idea that "Anti-Sovietism was to be hammered out of the disloyal people".

Keywords: biography, Soviet power, internment camp, creative work, letters, diary, attitude, travel, imprisonment.

Natal'ya L. Samosyuk

*Military institute for engineering staff of General of the Army
Khrulyov Support Military Academy, Saint Petersburg
s.n.l@rambler.ru*

**Conceptual unity of the artistic world of pictures
of Marc Chagall and the short story by Emir
Kusturica "Embrace of the Serpent"**

This approach includes comparative analysis of the artistic images in Emir Kusturica's short story "Embrace of the Serpent" and Marc Chagall's pictures. The study argues a presentation of the relationship between a visual part of Marc Chagall's images and their adaptation in an artistic manner in Emir Kusturica's short story. Besides the analysis helped to find out the similarity between worldview of Marc Chagall and Emir Kusturica that was expressed stylistically in burlesque form in appellation to the same bible symbols and folk images. The research demonstrated the intermediates connection between the levitating beloved, heaven tree and symbol of milk like paradise food and circle like a live organised form in Marc Chagall's pictures and in the short story by Emir Kusturica.

Keywords: Emir Kusturica, Marc Chagall's pictures, artistic manner, burlesque, bible symbols and folk images, image of war and circus.

Yelena M. Tyuleneva

*Ivanovo State University
talen@rambler.ru*

**To the issue of internal processes
in the author's supertext of Sasha Sokolov.
Article 2: Destruction of the dialogue**

The article deals with the reproduction of the motif of questioning, developed by Sasha Sokolov in "The School for Fools", in one of his later works – "Gazebo". In the new text, the questioning forms the

structure of dialogue, and the dialogue acts as either a theme, or a way of material presentation, or a constructive artistic device. There is a consistent destruction of the dialogue: the splitting of "question – answer" relation in two independent constructions; the development of plot of question and plot of answer, as well as an independent plot of dialogue and a dialogue space; forming the interlevel dialogue. As a result, the dialogue becomes self-sufficient, moves inwards, develops its own structure and, as a consequence, has a generating capacity and releases the activity of the text. Therefore one may consider the next shift: Sasha Sokolov goes from the dialogue about art ("fine" is the key metaphor of "Gazebo") to the dialogue of art, i.e. to the formation of the body of art itself, the text as the speaking flesh.

Keywords: modern Russian literature, Sasha Sokolov, "Gazebo", "A School for Fools", corpus of text, dialogue destruction, dialogue text structure.

Aleksey S. Bokarev

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
asbokarev@mail.ru*

**The structure of the author's self
in the poetry of Boris Ryzhy**

The article is devoted to the consideration of the subject organisation of Boris Ryzhy's poetry, namely the principle of polyphony, which determines the structure of the lyric self in a number of his poems. It is proved that the subject of the utterance in him often breaks up into two internally connected hypostases, one of which approaches the author's pole, and the other, in fact, merges with the hero pole. The specific features of their mutual relations – mostly of a dialogic nature – are precisely the reason for the poetics of a specific text. A detailed analysis of the poems "Ode", "It gets dark at eight – even in the evening..." and "My hero slips into darkness" makes it possible to reveal the gradation of subject forms in which polyphony is realised in the poetry of Boris Ryzhy, as well as the key structural features of each.

Keywords: Boris Ryzhy, "me" and "other one", subject structure, polyphony, dialogic relations in lyrical poetry.

SCIENCE OF LANGUAGE

Tat'yana V. Toporova

*Institute of Language Science
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
t1960@list.ru*

On the homonymy in the "Elder Edda"

The article studies the homonymy in "Elder Edda". The domination of homophones in comparison with homoforms suggests that the consonance factor is of key importance, and this phenomenon should be interpreted within the framework of the poetic pun. There is a tendency to perceive a linkage between the frequency of the homonym and its length, which can be formulated as follows: the homonym is the more productive, the smaller its length is. The considerable predominance of the auxiliary parts of parts of speech in

comparison with the significant parts of speech clearly indicates the occasional character of the formation of homonyms. Homonyms that are amenable to semanticisation are motivated within the framework of the Eddic myth of creation: they refer to two strata - actually cosmogonic, describing the origin and structure of the universe, and epistemological, relating to the level of meta-description and characterising the strategy of cognition. Homonyms as an occasional phenomena, purely poetic experiment receive a semantic load and are semantised within the myth of creation, which forms the framework of the archaic mythopoetic model of the universe.

Keywords: homonymy, homophones, homoforms, Old Norse epos, word frequency, auxiliary and significant parts of speech, myth of creation, cosmogony, epistemology, metadescription.

Tat'yana M. Pchelina
Moscow Pedagogic State University
carrie.t@mail.ru

Speaking voice as the basic category of oral speech in ancient rhetoric

The article provides a survey of the phonetic multi-component complex phenomenon – “speaking voice”. The focus is exclusively on the study of speaking voice and its components in ancient rhetoric. It is a well-known fact that Greek and later Roman rhetoricians started to explore an orator’s speech behaviour, for speaking voice was regarded as an important and powerful tool of rhetorical influence. As a result, special vocal exercises were designed to develop relevant voice qualities which were able to make public speaking expressive and vivid. Special attention was paid to such components of speaking voice as intonation, voice quality, timbre, vocal modulation and tone of voice. While preparing for delivery a skillful speaker also had to improve his articulation and sonority. At that time first attempts were made to divide vocal characteristics into the ones which were dependent on physiological factors and professional voice training. It is obvious that while studying and describing constituents of speaking voice ancient rhetoricians used an impressionistic method. Nevertheless, they started to use articulatory, acoustic and auditory methods to investigate voice qualities.

Keywords: ancient rhetoric, eloquence, speaking voice, voice qualities, rhetorical influence, expressive vocal images, impressionistic method.

Yelena N. Ivanova
Vologda State University
el-ivan@mail.ru

Onomastic morpheme formation in the monastery business writing in the region of Lake White, North Russia, from the late 14th to the 15th century

The examples of the monastery business writing of the region of Lake White (North Russia) in the late 14th century and in the 15th century reflect the processes of formation of possessive topoformants and anthropoformants. The study of these processes is topical since

morpheme formation plays an important role in the development of the onomastic subsystem of a language. In the work, a functional-typological approach is used to describe the material: we identify strong and weak morphemes, and discuss the peculiarities of the evolution of possessive suffixes in the sphere of onomastic morpheme formation. The process of formation of onomastic morpheme is considered in the evolutionary cycle. Analysis of the material showed that a change in the way of expressing the onomastic value leads to a change in the significant significance of morphemes, the result of this is the formation of new topoformants and anthropoformants.

Keywords: anthroponym, toponym, anthropoformant, topoformant, appellative names, onomastic morpheme formation, business writing.

Oleg R. Rostov
Ivanovo State Polytechnical University
olegrost@gmail.com

Tat'yana A. Lobanova
Ivanovo State University
lobanta@yandex.ru

Yuliya A. Borisova
Ivanovo State University
borisovaj97@mail.ru

The role of the coherent constructions by the conjunction AND in the discovery of pregnant-artistic brainchild: the axiological aspect (in terms of the story by Vladimir Dahl “To Whom Does Life Feel Good: for a Drunk One or for a Sober One?”)

The interest of researchers to study the functioning of service words, in particular, of cooperative conjunctions, particles, as well as constructions with them is growing. There is also a clear tendency to associate service words with the “figure of the speaker”, and also to describe the structure-forming and meaning-forming role of conjunctions and particles in the work of art. The reason for the writers’ attention to conjunction is seen in the desire to bring the style of their presentation closer to live folkish speech, since this conjunction dominates it. In this regard, “articles” from Vladimir Dahl’s folkish collections are of interest. Conjunction “and” is the actualiser of the relations of similarity, identity, which realises its semantics, including, through the axiological values of the segments of the constructive structure. The authors consider the features of implementing some axiological models in simple and compound sentences with the conjunction “and”. What was revealed: for the construction models with the same estimation in segments what is characteristic – “good and good”, “bad and bad”; the formation of axiological values in constructs occurs not only due to the semantics of lexical units, but also due to the text of the work on the whole, considering the thoughts and feelings it has generated.

Keywords: service words, conjunction “and”, axiological model, syntactic construction, segment of construction, identity, evaluation, good and good, bad and bad.

Larisa V. Ukhova
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
larissauchowa@mail.ru
Lyubov' A. Guseva
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
lagusevamk@mail.ru

**“New meanings of old words”: the issue
of the status of the word “rhetoric”**

Active use of the media of the word “rhetoric” is due to the revival of the rhetorical science, as well as the development of technical and civil forms of public communication, which actualises the problem of formation of public opinion. The word “rhetoric” in the Russian language of printed mass media of the 21st century used to mean “a mandatory element of public communication”, “a tool in the battle for public opinion”. In this sense, such meanings are concentrated as “subject”, “recipient”, “content”, “purpose”. Due to the syntagmatic relations, it creates an image “rhetoric”, which is perceived by the external observer, hard or soft, intense, volatile, competing with reality.

Keywords: rhetoric, media language, lexical semantics, syntagmatic.

Irina Yu. Tret'yakova
Kostroma State University
trirfr@mail.ru

**On the issue of occasional transforming potency
of phraseological units: transforming activity
of phraseologisms with the somatism “eye”**

The article deals with the question of transforming potency of the Russian phraseological units with the somatic component “eye”. While analysing transforming activity, we pay attention to semantic, figurative and grammar peculiarities. Separate arrangement of phraseologisms makes it possible for components to replace each other and for extension, to take place. According to the author’s intentions, a phraseological unit includes words that specify, intensify phraseological meaning or make it literal one. Phraseological figurativeness determines usage of methods aimed at making phraseological meaning figurative. The article defines semantic and structural peculiarities of phraseologisms with the somatism “eye” that prevent active transforming processes: two component structure of phraseological units do not let component reduction take place, which is explained by weakening derivation of an invariant and dematerialisation; the majority of phraseological units is characterised by absence of isomorphism of meaning and form, which makes it impossible to imply the method of segmentation and segregation of keywords; numerous phraseological components are limited in semantic valency, which does not allow injecting occasional components; many phraseological images, that are connected with the eye which acts as an organ of sight and human activity referred to eyes, cannot be transformed because of image peculiarities. Weakening transforming activity is influenced by the fact that in the language itself, there are phraseological units that are referred to as synonyms or antonyms, as variants of polysemantic words, which

means that the resource of occasional transformations is limited by the system of the language.

Keywords: phraseologisms with somatic components, occasional transformations of phraseological units, transforming potential of phraseological units.

Yelena G. Knyazeva
*Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation, Moscow*
helen_27@mail.ru

**Expressing subjective modality
in a communicant’s speech**

The paper dwells upon expressing subjective modality in a communicant’s speech. The author considers in detail the process of communication covering a wide range of issues which are directly reflected in studying characteristics of modality. While analysing subjective modality in speech the author bases upon the methods cognitive modelling of lexemes, inference, statistics as well as discourse analysis. Basing on practical data the conclusion is made that to express one’s certainty in some information or uncertainty in some event, the speaker chooses linguistic means that most fully comply with its communicative intention.

Keywords: modality, speech perception, language, speech, society, meaning, communicant.

Mariya N. Fedulova
*Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation, Moscow*
marija_25@mail.ru

**Juristic terminology
as terminological science’s constituent**

The article is devoted to the analysis of functioning of law terms as components of terminological science. The author of the article considers lingual material which is analysed from the point of view of cognitive linguistics, particularly emphasising that the statement that language units are, in the end, a peculiar reflection of structures of a cognition while reflection of things and the ideas of surrounding reality in consciousness of an individual occurs exactly at the level of concepts means of a language, originates in a language. When learning juristic terminology as terminological science’s constituent, the author of the article leans on a number of methods, including statistical method, method of cognitive modelling the meaning of lexical units as well as inferention method.

Keywords: cognition, term, legal discourse, structure, language, law, terminological system.

Lyudmila A. Batashyova
Astrakhan State University
gis_00@mail.ru
Zukhra R. Aglejeva
Astrakhan State University
z.agleeva@yandex.ru

**Indirect colour nominations and features
of their functioning when advertising clothes**

The article deals with indirect (indirect) colours, which are used when advertising clothes. In addition to the traditional colourative vocabulary as a direct colour nomination in advertising texts, mediated no-

tations with positive connotations are also used. The collected material allows distributing the studied vocabulary into several groups of different volume and expressiveness. We focus on the most frequent seven groups. The analysed vocabulary confirms the opinion of psychologists and experts in the field of advertising that what are the strongest and the most persistent in a person, are the taste sensations, and they are the basis of a large number of mediated colour designations.

Keywords: language of advertising, colourism, positive connotation, mediated clearings of colour.

Margarita M. Kaplina
Kostroma State University
kaplinamm@mail.ru

Svetlana A. Zhezlova
Kostroma State University
zhezlovall@gmail.com

**Text of the modern foreign mass media:
lexical aspect (a case study of German
and French mass media texts)**

The authors of the article make an attempt to study the lexical aspect of the modern foreign media texts in the French and German languages. The language of mass media can be considered both conservative and innovative. The use of clichés and hackneyed phrases, characteristic of the journalistic discourse, helps a reporter to present the necessary information promptly in a structured way. A media text functions as a phenomenon of an objective reality, i.e. as a self-sustaining entity which contains all the necessary elements of a language system and its development potential. The study of the means of communication involves the analysis of its lexical components as part of a comprehensive research. The authors have come to the conclusion that lexical components of the modern-day media texts are characterised as being increasingly emotional because of the overall information overload. This effect is achieved by the widespread use of novel word formations, English borrowings, vivid imagery and metaphors. The analysis of the lexical units of media texts constitutes one of a few areas of focus in the study of mass media. The article gives examples of word-building patterns, novel word formations, English borrowings and abbreviations, typical of the modern French and German discourse.

Keywords: journalistic discourse, linguistic economy, post-truth, text emotiveness, media text.

Natal'ya D. Milovskaya
Ivanovo State University
milnatdm@yandex.ru

**German daily life anecdote Wortwitz about
children: peculiarities of verbal intercourse
of their characters, recurrent ways
of humorous effect creation**

The article deals with peculiarities of verbal intercourse among the characters of German daily life lexical anecdote Wortwitz about children. It is stated that in there the collective author acquaints the recipient with the situation of intentionally false decoding/deciphering of a certain word in adult speech by an infant.

The semantic mechanism of humorous effect creation in such anecdotes is disclosed. The most recurrent explications of semantic mechanism of humorous effect creation in German daily life anecdotes Wortwitz about children with different degrees of infant character concretisation is stated and described. Positive and non-aggressive kind of the collective author's humour is highlighted which is aimed at conception of a definite backlash of infant and adult language codes.

Keywords: speech intercourse, intentional false decoding of language sign, semantic mechanism of humorous effect creation, key component.

Anna K. Denisova
Ivanovo State University
denetta@mail.ru

**Types of lexical-syntactic repetition
in German literary Text**

The article highlights lexical-syntactic repetition as a literary pattern used by authors of modern German prose. The research is focused on various aspects of repetitions as syntactical phenomena manifesting the authors' premises. The article reflects main viewpoints of Russian linguists rendering the structural and functional status of lexical-syntactic repetitions. On the grounds of a critical survey of special literature, the author gives definition of the lexical-syntactic repetition. The source materials corpus involved in the investigation comprises a number of short stories by German contemporary writers (of the 20th—21st centuries). The criteria for defining key types of repetitions included: the volume of repeated fragments, the completeness of syntactic design, the degree of replication precision, the arrangement of repeated fragments.

Keywords: repetition, lexical-syntactic repetition, lexical-syntactic fragment, micro-context, literary text.

Mariya Yu. Kornilova
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
krasnov_sergey@inbox.ru

**The main informative types of sentence
of the general character in an artistic discourse
(on material of the English language)**

What is the subject of consideration of this article, are features of creation of the English simple sentence according to communicative prospect (actual division), and in particular, features of formation of all-informative types of sentence on the basis of the aforesaid. What is the purpose of this article, are identification and description of the main informative types of sentence of the general character on material of works of the English fiction as well as identification of language means which are characteristic of a certain communicative and syntactic type. What was the basis for the research, were original works by Agatha Christie. On the basis of simple sentences, narrative sentences from works by Agatha Christie, three communicative variants of informative type of the general character were revealed.

Keywords: sentence actual division, theme, rheme, informative types of general character, word

order, means of artistic expressiveness, cleft constructions, article, communicative variant, null subject, prepositive subject, postpositive subject.

Ndoye Mame Saye
Ivanovo State University
mndoye@yandex.ru

On the question of “wordness” of the component of the idiom (on the material of phraseological units with general components in the Russian, the French and the Wolof languages)

The article presents the results of the research of phraseological units that have common components in their composition, in three languages – Russian, French and Wolof. As such components, words are chosen that reflect key concepts related to perception – visual (eye / eyes), auditory (ear / ears), olfactory (nose), taste (tongue) and tactile (skin). The purpose of the analysis is to establish how and to what extent these words, becoming components of idioms, retain their connections with the general semantics of the phraseological unit. The analysis showed similar results: in all languages, the word-component in the idiom loses its lexical qualities, but plays an essential role in the process of phraseologisation (converting the combination of words into an idiom) and the transformation of phraseological units.

Keywords: Russian language, French language, Wolof language, language idiomatics, component idioms, semantic group, lexis and phraseology.

Simona Ragasova
Ivanovo State University
simona.ragasova@gmail.com

Islamic themes words in the Russian language dictionaries

The article centres in the problem of completeness of fixation and quality of the lexicographic description of words and word combinations connected with Islam as a religion and Islamic culture in the Russian language dictionaries. Such words and phrases, defined in the article as “Islamic” thematic words are widely used in modern Russian speech and in mass media texts. Unfortunately Islamic thematic words are often used incorrectly and have a negative connotation, which is largely due to their inappropriate representation in dictionaries. The analysis of the quality of the lexicographical representation of such words and word combinations, as well as the elimination of detected inconsistencies, will make it possible to prevent their incorrect use in speech and texts addressed to a wide auditory and will promote mutual understanding and tolerance between representatives of different religions in the territory of the Russian Federation.

Keywords: Russian language, lexicography, lexis, Islamic themes words, lexicographic word representation, Islam, Islamic culture, language of mass media.

Yelena N. Makarova
The Urals State Economic University, City of Yekaterinburg
makarovayn@mail.ru

Sociolinguistic factors and their effect on second language acquisition

The article deals with sociolinguistic factors and their affect on non-native language acquisition by Russian and Mexican bilinguals. Such factors as conditions for language learning and its usage in society are considered. The starting age of second language acquisition and forms of child bilingualism are mentioned. Views of Russian and foreign linguists on the criteria, determining bilinguals’ “language behaviour” and social functions of the language are discussed. Attention is focused on the concepts of primary, second and foreign language. The results of the questionnaire on language behaviour of the Russian and Mexican learners of English, who learn the language in different linguistic surroundings, are discussed. The factors related to the language acquisition conditions, such as language teachers’ competence and language functions (its usage) are described. Common features of the two subjects’ groups such as the starting age of English language acquisition, similar language learning syllabus, lack of phonetic training are revealed. The comparative analyses of the experiments and questionnaires data allow considering that the type of linguistic environment is highly important for the acquisition of English utterance accentual structure by the Mexican and Russian subjects.

Keywords: bilingualism, questionnaire, non-native language acquisition surroundings, accentual structure of utterance.

Dmitriy I. Ivanov
Professor of Guangdong University
of Foreign Studies, Guangzhou, China
Ph.D. in Philology, Associate Professor,
Ivanovo State University
ivan610@yandex.ru

A rock band name conceptualisation nature within the synthetic lingual personality verbal component

There is key unit of the synthetic lingual personality verbal component (SLP) in the rock-culture being considered within unique SLP-conception that is formed by cognitive-pragmatic programme (CPP). It is thought of the abstract conceptual code with several specification levels as it correlates as synthetic all-rock music lyrics as well as separate segments. Generally the name of the rock band conceptually implements the subject and agenda of its oeuvre. The name contemporarily realises the cognitive-pragmatic setup of the bandleader as well as of the band and dyes the rock lyrics nature. Being so-called the “co-name”, the name of the rock band bears the powerful functional and notional value.

Keywords: synthetic lingual personality (SLP), cognitive-pragmatic programme (CPP), SLP logocentric model, verbal conceptual code, “co-name”.

Semyon V. Maslennikov
Kostroma State University
saimon1409@mail.ru

**Dialogical unities in historical chronicles
 by Alexander Ostrovsky:
 structure – semantics – functioning**

In the article, dialogical unities in historical chronicles by Alexander Ostrovsky “Kozma Zakhariyev-Sukhoruky”, “Dmitry Samozvanets and Vasily Shuysky”, “Tushino” are considered. The dialogical unity represents the largest structural-semantic unit of the dialogical speech. The most frequent types of dialogical unities were allocated and some of them were analysed. Dialogical unities occupy an important role in the communicative organisation of the text. In historical chronicles, they are united by a subject of the power, political struggle. Lexical, grammatical and syntactic means of communication of dialogical unities were considered, the most frequency ways of association of remarks were defined. As a result of the research we came to a conclusion that Alexander Ostrovsky in his works used all types of dialogical unities, but such type as motivation reaction on motivation is usually met. The semantic relations between dialogical unities in most cases are identical that is connected with ideological contents of historical chronicles.

Keywords: historical chronicles, dialogical unity, remark incentive, remark reaction.

Yelena V. Sausheva
Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation, Moscow
oktober58@yandex.ru

Metaphor role in communicative process

Features of use of metaphorical units in communicative process are considered in the article. On the basis of the analysis of practical material, the author of the article comes to conclusion that during communicative process, creative and informative function of a figurative metaphor, which demands active joint creativity from participants of communication, is important. In the article, it is emphasised that metaphorical units are used in our speech for bright expression of more abstract concepts through concrete concepts.

Keywords: communication, metaphor, metaphorisation process, speech, language, information.

JURAL SCIENCES

Aleksandr I. Levchenkov
Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs
naukalavd@mail.ru

Right (law) in the context of understanding it

An attempt of consideration of universal social phenomenon, law acts as, is made in the article. The author focuses on the understanding right (law): as a depiction of social reality; as a deontological reality; integrative understanding of law. It has been suggested that with the help of excessive idealistic concepts of law (proper law) and without a serious analysis of current law (cash) it should not be allowed to construct a legal model able to effectively adjust social relations, neither in the long nor in the short term. We empha-

sised that for most legal scholars, it is obvious that a materialistic understanding of law is applicable, and it is proven by historical experience, and with all their faults, which remains popular and dominant among all other theories of understanding of law, are its essence and basic functions. We draw attention to the fact that in modern conceptions of natural law and positivist understanding of law, what becomes a key issue of freedom and human rights, are liberty and property.

Keywords: law, understanding of law, tribute, freedom, justice, equality, individualism, society, property.

Natal'ya S. Shcherova
Lobachevsky Nizhny Novgorod Research University
of the Russian Nation
natalya.scherova@yandex.ru

**The practice of implementation of legislation
 on the press in the early 20th century
 (the example is Nizhny Novgorod Province)**

Since the 19th century, journalism in Russia has been under the scrutiny of state power facing various censorship bodies. This situation continued in the first years of the 20th century. The paper considers one of the normative legal acts in relation to printed periodicals – The Provisional Rules on Time Editions adopted on November 24, 1905. This law has introduced some changes to the previous procedure of consideration of acts committed by editorial teams together with some separate offenses in the field of press. Also, we study other norms of Russian legislation of the early 20th century about the crimes, the signs of which could be contained in publications of printed press. On the example of Nizhny Novgorod Province, we examine some previously court cases, related to prosecuting editors and publishers of newspapers and magazines for violation of the provisions of the law – the issue previously unexplored in historical and legal sciences.

Keywords: law, legal regulation, Provisional Rules on Time Editions 1905, mass-media, censorship, court cases, Nizhny Novgorod Province, 20th century.

Pavel Yu. Bekrenyov
Kostroma State University
ppbb7@mail.ru

**On the selection of a theoretical model
 of local government**

The article is devoted to the problem of determining the theoretical model of local self-government. The question is raised about the search for the most effective model of local self-government for modern Russia. It deals with the basic models existing in the theory of constitutional and municipal law and the correlation of these models with the modern Russian legislative model. Law enforcement practice in matters of local self-government is analysed. Explanations of higher courts, changes in legislation, opinions of scientists are explored. The international legal acts, the previous legislation are considered. The factors influencing the development of this institute in modern Russia are considered. The current state is analysed

and the future development of the theory and practice of the question is forecast.

Keywords: local government, local government model, local self-government's state theory, local self-government's dualistic theory, local self-government's political model, local self-government's state model.

Dmitriy A. Babichev
Kostroma State University
babichev-lavd@inbox.ru

Notion of decisions made in law-enforcement bodies divisions' operational search activity

Attempt of the author to draw the attention of scholars and researchers dealing with problems of operational search activity and public prosecutor's supervision of legality of implementation of the said activity; on need of improvement of conceptual tools enriching and specifying legal knowledge, are reflected in the article. In particular, it is indicated that formulation of the notion "decision in law-enforcement bodies divisions' operational search activity", neither developed in scientific thought nor fixed at the legislative level, is of importance. As a result, law-enforcement bodies operational divisions staff, when conducting investigation and search operations, systematically faces challenges bordering on legality violation; and authorised prosecutors, uncertainty in establishment of legitimacy of decisions made in operational search activity. What is reasoned by means of analysis of legally significant signs, is the author's view of the notion of law-enforcement bodies divisions' operational search activity decisions.

Keywords: operational search activity, decision making, law-enforcement bodies, legality, investigation and search operations, notion, legally significant signs, operational search decision.

Yelena Yu. Koval'kova
Kazan branch of Russian State University of Justice,
City of Kazan, Tatarstan autonomy, Russia
ekovalkova@yandex.ru

New rules for protecting the rights and interests of participants in shared construction

The article considers some of the newest provisions related to attracting funds of citizens and legal entities for the shared construction of apartment buildings and (or) other real estate objects, as well as guarantees of protecting rights, legitimate interests and property of participants in shared construction. The article analyses new ways to protect rights of participants in shared construction: the requirements for the organisational and legal form of the developer, the presence of its experience in construction; the absence of credit obligations, of defaulting on loans, and of loan commitments, except for targeted loans for construction; the mandatory availability of expertise of project documentation in all cases, even with low-rise construction; etc. The role of the contract of participation in shared construction is shown. The main requirements for the developer in the case of attracting money from participants in shared construction for the construction

(creation) of an apartment building and (or) other real estate objects are singled out.

Keywords: construction of apartment buildings and other real estate objects, participants in shared construction, developer, contract for participation in shared construction, compensation fund.

Anastasiya S. Lukomskaya
Udmurt State University, City of Izhevsk,
Udmurtia autonomy, Russia
nastasia5555@mail.ru

The concept and legal nature of the term "victim". Victim of an environmental crime

At present, there is no unified position on the issue of the concept, legal nature, content and types of the victim, including as an element of the legal category "victim". This justifiably causes both the need for his research and the study of the concepts of "victim of offenses", "victim of crime", their legal nature and the appropriateness of attribution to participants in criminal procedural relations, including in cases of environmental crimes. The article describes the concept of "victim of a crime" and its variants "victim of an offense", "victim of a crime", "affected by an emergency", their functional purpose is determined. The authors justify that the protection of persons affected by environmental crimes is the activities of the state in the person of authorised bodies, constituting a set of social, organisational, informational and other measures aimed at helping and supporting with the help of social instruments. As a result of the research, the concept of protection of victims of offenses will be singled out.

Keywords: victim, victim of offenses, victim of crime, victim of emergency, environmental crime.

Natal'ya L. Ivanova
Regional Office of the Ministry of Internal Affairs
of Russia in Kostroma Region
natmij789@mail.ru

Characteristics of the essence of modern appeal in civil proceedings: concept, types, present status

The article is devoted to analysis of the nature of the appeal in modern civil proceedings in Russia. The author notes the lack of a unified approach to understanding the science of the specified legal category, based on the study of the views of scientists; she formulates the concept of the appeal, names the types of appeals, considering their features; and she characterises the attitude of scientists to their advantages and disadvantages; she makes a conclusion about the current condition of that institution in science, law and practice. What acts as an empirical basis, are statistical data of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation, as well as the results of generalisation of judicial practice conducted by Kostroma regional court. A survey based on specially developed questionnaires was carried out among legal practitioners (judges, legal advisers, judicial staff) and students of the law faculty of Kostroma State University; and the results were taken as the empirical basis in the article.

Keywords: civil litigation, appeal, complaint, complete and incomplete appeal.

Marina Yu. Cherkova

*Lugansk academy of internal affairs named after E.A. Didorenko
marina.cher.80@mail.ru*

Legal consequences of the prosecutor's refusal of the prosecution for the victim and the court

The article is dedicated to the main directions for optimising the activities of the prosecutor and the victim in supporting the prosecution in trial, and also investigates the procedure and consequences of the prosecutor's refusal to support the state prosecution. It is argued against the opinion that the prosecutor's decision to refuse maintenance of the state charge should be agreed with the prosecutor's chief or the prosecutor who approved the indictment; and the court, in all cases of the prosecutor's refusal to support the prosecution, should inform the prosecutor's office about this decision. Sharing the opposite point of view, the author gives additional arguments in favour of the fact that the prosecutor's refusal to support the prosecution should be regarded as a worthy termination of its prosecutorial function in trial if there are sufficient grounds for this decision. In that case, the procedural conditions for the public prosecutor, that allow it to perform most effectively its responsibilities, are created. It seems, the proposal to send a request to the prosecutor, who approved the indictment, or to the prosecutor's office to check the validity of the prosecutor's refusal of the prosecution, is incorrect. Investigating the issue of the rights of the victim in the trial, the author supports the opinion of those scientists who justify the need to extend one's rights in order to improve the quality of supporting of charges in court by the victims, in particular, by the fixing in the law the right of the victim to seek the assistance of an advocate-representative.

Keywords: prosecutor, victim, accusation, refusal of charge, volume of charge, court, limits of trial, procedural order.

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

Andrey M. Belov

*Kostroma State University
belovi_1957@mail.ru*

On the history of the Russian revolution

The problem of the wheel of the Russian revolution of 1917 is examined in the article. As the result of the conspiracy of the State Duma leadership, command of the Russian army (Grand Duke Nicholas, Generals Mikhail Alekseyev, Nikolai Ruzsky, Alexei Evert, Aleksei Brusilov, and Konstantin Sakharov, Admirals Adrian Nepenin and Alexander Kolchak), they managed to make Nicholas II to abdicate as Tsar. But to fully capture the power – the heads of the February revolution failed. Formed simultaneously with the Provisional government, the Petrograd Soviet of Workers'

and Soldiers' Deputies with a number of radical deeds abolished unity of command in the Russian army and effectively subdued it. The October revolution was actually committed by "gunmen" – soldiery and sailors of Petrograd – rather than by workers. What actually was on mind of the revolutionaries who won in power play in Russia after 1917, the Bolsheviks, was the desire to brainwash the Russians so that they would believe in socialism and communism rather than in god; that let the Russian Orthodox Church and some believers to complain about persecution for faith. However, fateful clash of socialism and fascism in 1941–1945 forced the Soviet leadership to virtually legalise the Russian Orthodox Church. Indeed, the Church contributed to the development of patriotism in Soviet society and the final victory over nazism.

Keywords: Russian revolution, wheel of revolution, conspiracy, revolution, abdication, State Duma, Provisional government.

Andrey A. Solov'yov

*Kostroma State University
anh7@rambler.ru*

The Russian Orthodox Church in February 1917

The article views the attitude of the Russian Orthodox Church towards the events of the February Revolution, 1917. The author analyses the Most Holy Synod's documents, gives personal characteristics of the clergy authorities and reveals the local aspect of the issue. The factors predetermining mainly positive attitude of the Church to the overthrow of the monarchy included the incompleteness of the Church institutional reforms and a preserved principle of the relationship between the clergy and the state following the Byzantine pattern of the clergy and the state authorities merging. In the early 20th century ecclesiastical tendency of confession-oriented public life still remained dominant. The Church reformation methods were interwoven with the state ones as the empire was confession-oriented and the Russian Orthodox Church was considered to be dominant. The synodic system of the clergy government having neither historic nor dogmatic Christian background and concentration of the Church power in the hands of monastic clergy considerably undermined the Church authority preventing it from playing the key role in the social changes. Liberal reforms of the Provisional Government eventually led to the calling together of Local Council of the Orthodox Church of Russia of 1917–1918 and election of the Patriarch, although the historic opportunity for the Russian Orthodox Church to unite ecclesiastical-philosophical and theological concepts was missed.

Keywords: Russian Orthodox Church, Most Holy Governing Synod, Ober-Procurator, February Revolution, Provisional Government, priesthood, Russian Empire, monarchy.

Yelena Yu. Volkova
Kostroma State University
v-0-8@yandex.ru

What good was 1917 Revolution for Russian women?

In the course of the revolutionary events of the early 20th century, women took the side of the Bolshevik party. After the revolution of 1917, the Soviet power gave women equal rights with men in many areas: management, labour, education etc. Special attention was paid to protection of motherhood. At the same time, the power tried to involve women in running of the new state. Since in Kostroma Province women have always constituted more than a half of the population, actively participated in the revolutionary movement, occupying by them of many managerial positions in the bodies of the new power came as no surprise, and they indeed worked willingly, heart and soul. This experience should be creatively used in the 21st century Russia.

Keywords: Kostroma Province, Soviet legislation, women's rights, women in control.

Aleksey Ye. Kidyarov
Kostroma State University
19a85@mail.ru

The February Revolution of 1917 and public sentiment

The article is devoted to the reflection of the revolutionary events of February-March 1917 in the public mood. In the article discussed some aspects of the reaction of the population in the centre and the province at the beginning of the revolutionary process of 1917, the destruction of symbols of the monarchy, renaming city facilities (an example of cities of Kostroma Province) after February 1917.

Keywords: February 1917, revolution, public sentiment, centre and province, symbols of power, renaming.

Ol'ga B. Pankratova
Kostroma State University
godunova_olga@mail.ru

Historical aspect of revolution of 1917: Kostroma press about some facts of the period of a diarchy in Kostroma

The article deals with the issue of the importance of unbiased and accurate treatment of historical documents covering the events of the Russian Revolution of 1917. The most important historical source of that time is considered to be the periodical press. Providing versatile and obviously subjective evidence, the periodical press at the same time contains relatively objective, generalised and typified image of the environment, despite some limitation. Being the main source of information in the early 20th century, newspapers and magazines influenced the mentality and behaviour both of the leaders and general public and shaped their opinions and attitudes to what was happening. The features of Kostroma periodical press of that time also depended on political and socio-economic preferences of their editors. In addition to many other periodicals,

Kostroma press covered essential but not adequately explored aspect of the revolutionary events in Kostroma – the importance of agitation and propaganda in order to prevent riots and the lack of trained personnel for doing it.

Keywords: Russian Revolution of 1917, political parties, historical documents, periodical press, historical source subjectivity, Kostroma press, public sentiment, mob psychology, agitation and propaganda campaign.

Vasiliy V. Chekmaryov
Kostroma State University
tcheckmar@ksu.edu.ru

Revolutions from the point of view of radical economic changes in provision of the necessary facilities of life

Traditionally, revolutions are considered as means (ways) of the solution of any problems. Acute social issues concern them. Emergence of social problems is influenced by economic and political circumstances. In turn, what precedes their emergence, are economic and political problems. However, while economic problems are problems of all population of the country, the political problems directly are problems for an imperious part of society. Race for power under conditions of economic problems is the main source of social revolutions, rather than class contradictions or social inequality. It is the deceived people of all social groups that is wheel of revolutions. What is used for deception, are ideas, slogans and other things which are offered to the people by those who seek for seizure of power. There is always a great economic basis of revolutionary processes, but let us see how great it is.

Keywords: social revolutions, economic problems, power as property, economic theory of revolutions, February and October Russian revolutions.

Aleksandr A. Turygin
Kostroma State University
aturigin@mail.ru

The Russian Revolution of 1917 in the German historiography: traditional estimates and new interpretations

In the article, there is a characteristic of some approaches to interpretation of history of the Russian Revolution of 1917 which are available in a modern German historiography. The accent is put as on traditional explanations of revolutionary events in Russia in the context of theories of modernisation, as well as on estimates which are contained in the modern historiography arisen under the influence of postmodernism. Views of some German historians on a revolution phenomenon in terms of gaps and continuity of a modernist style have been presented in the article, the characteristic is given to revolutionary events in the context of "another history". Studying the phenomenon of the Russian revolution in the Western (in this case, German) historiography has led to emergence of the unique research direction – revolution studies. This direction is connected with intention of historians to

give up estimating revolution in Russia traditionally, ideologically, but instead to turn back to the analysis of manifestations of revolutionary crisis in the Russian society. What is of interest, are new approaches to studying history of the Russian revolution which are presented in the German historiography, and this case is in question in the article: historical memorial studies, history of holidays, history of symbols and rites. The author pays attention both to the German historians' works translated into Russian and to texts in German.

Keywords: revolution, revolution studies, modernist style, historical memorial studies, Soviet holiday, coup d'état, seizure of power, putsh, utopia, modernisation theories.

Aleksey Ye. Kidyarov
Kostroma State University
19a85@mail.ru

Kostroma in 1917: new documents

The article is devoted to the work of Doctor of History, Professor Andrey Belov "The Chronicle of 1917 in Kostroma". The chronicle, containing documentary materials, including Kostroma periodical press, details the development of the political and social situation in Kostroma and Kostroma Province from late February to December, 1917. The chronicle highlights the formation of new bodies of power in Kostroma after Feb-

ruary, 1917, the activities of political parties (including the Socialist Revolutionaries, Constitutional Democrats, Bolsheviks, Mensheviks), the reaction of provincial society to events in the capital city. The growth of anti-war sentiments and the aggravation of the food crisis in Kostroma Province have been reflected. The publication makes an important contribution to the coverage of the revolutionary process of 1917 in the province.

Keywords: revolution of 1917, chronicle, periodical press, political power, society, province, political parties.

Tat'yana V. Sas'kova
Maimonides State Classical Academy
tatsas@list.ru

On specifics of perception of Western European cultural aesthetic phenomena at the intersection of exalted literature and pulp fiction

The review of the new collection of scientific works, published in Gorky World Literature Institute and devoted to judgement of the Western European literature fate, to history of its development and perception by Russian readers, has been presented in the article.

Keywords: Western European literature, Russian literature, classic and belles-lettres, pulp fiction, contact and typological linkages, translators, perception, genesis.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях.

Все материалы следует представлять в редакцию **по электронной почте: e-mail: vestnik@ksu.edu.ru.**

1. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word** (*.doc, *.docx, *.rtf). Если Вы используете нестандартный шрифт, приложите к письму копию статьи в формате PDF, а также файл с шрифтом. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc).

2. Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**. При проверке используется сайт: <http://www.antiplagiat.ru>.

3. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. Максимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – **не более 14 страниц машинописного текста.**

5. Аннотация к статье должна быть объемом 100–120 слов. Количество ключевых слов – от 7 до 10.

6. **Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация должны быть переведены на английский язык.**

7. Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.) указывается в круглых скобках сразу после названия статьи на русском языке.

8. Библиографический список должен быть представлен **в алфавитном порядке**. Ссылки в тексте статьи оформляются **квадратными скобками** с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не менее 5 и не более 20 источников.

После библиографического списка на русском языке в статье должен быть представлен **транслитерированный библиографический список**. При составлении списка библиографических ссылок на латинице («References») русскоязычные источники необходимо транслитерировать, а иностранные источники привести в соответствие требованиям транслитерации.

При транслитерации используется сайт: <http://www.transliter.ru/autotranslit/>

9. Единицы измерения приводятся в соответствии с Международной системой единиц (СИ).

10. **Рисунки, схемы, диаграммы.**

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

11. **Таблицы.** Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10.

12. **Формулы** выполняются только в редакторе **MS Equation**.

13. **Десятичные дроби** имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

Убедительная просьба соблюдать построение статьи!

Каждый новый пункт не нужно нумеровать, но порядок размещения материала должен соответствовать представленному ниже списку.

1. Отрасль наук и специальность.
2. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
3. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора.
6. Адрес электронной почты для каждого автора.
7. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон.
8. Название статьи (сокращения в названии недопустимы).
(Ссылка на грант или источник финансирования – если есть).
9. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (100–120 слов).
10. Ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).
11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
12. Текст статьи.
13. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).
14. References.

Правила составления аннотации к научной статье

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую, идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.
2. Описание хода исследования.
3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

10.01.01. Филология, Русская литература.

УДК 821.161.1.09”20”

Кучина Татьяна Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль

tgkuchina@mail.ru

Адрес: 123456, г. Иваново, ул. Ивановская, д. 12, кв. 34; Тел.: 89876543210

Б. Пастернак и В. Маяковский в системе интертекстуальных связей лирики Б. Ахмадулиной

Аннотация: Интертекстуальная техника Б. Ахмадулиной рассматривается сквозь призму отсылок к творчеству Б. Пастернака и В. Маяковского и мотивных, сюжетных, цитатных переключек с конкретными стихотворениями этих поэтов. На материале таких произведений Б. Ахмадулиной, как «Снегопад», «Февраль без снега», «Милость пространства. 10 марта», показаны способы актуализации поэтического претекста: апелляция к маркированным словам-образам из лирики Б. Пастернака («снег», «зима», «февраль»), переход от пейзажного к метапоэтическому плану в развертывании лирического сюжета, сохранение инвариантной структурно-семантической схемы текста-предшественника, экспликация ключевых пастернаковских инвариантных тем и подтем – единства разного и сопричастности частного, индивидуального вечному и бесконечному. Иначе строится поэтическая коммуникация с текстами В. Маяковского: их сюжетно-тематический план в реминисцентном микроконтексте, как правило, редуцирован, но при этом в стихотворениях Б. Ахмадулиной выделены те узнаваемые словесные компоненты, которые указывают на текст-источник. В статье делается вывод о том, что интертекстуальная связь с лирикой В. Маяковского – это поэтика точечных понятийных пересечений.

Ключевые слова: Ахмадулина, Пастернак, Маяковский, интертекст, реминисценция, аллюзия, приемы выразительности.

Tatyana G. Kuchina

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

tgkuchina@mail.ru

B. Pasternak and V. Mayakovsky in the system of intertextual connections of the lyrics of B. Akhmadulina

The intertextual techniques of B. Akhmadulina is viewed in the article through the lens of the references to the poems written by B. Pasternak and V. Mayakovsky. The author examines some of Akhmadulina's creative works (namely "Snowfall", "The February without Snow", "The Favour of Space. March 10") and points out the basic ways of actualization of the poetic pretext such as usage of Pasternak's lyrical vocabulary ("snow", "winter", "February"), transition from landscape plane to metapoetic one in lyrical plot, preserving the invariant structure and semantics of the precedent text, explication of the most important and constant themes of Pasternak's poetry – the unity of different things and the association of private, local existence with eternal and infinite space. The "communication" of Akhmadulina's texts with Mayakovsky's ones is constructed in the other ways. Plots of the precedent poems in reminiscent context are reduced but B. Akhmadulina underlines the "sygnal" (specifically "mayakovskyan") words which indicate the concrete pretext. In article the conclusion that therefore intertextual correlation of her creations with Mayakovsky's poetry should be viewed as poetics of semantically "pinpoint" crossings.

Key words: Akhmadulina, Pasternak, Mayakovsky, intertext, reminiscence, allusion, techniques of expressiveness.

Текст статьи...

Библиографический список

References

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть: в кол-ве т. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет.

Например:

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и том: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть: в количестве т. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Том. – Количество страниц.

Например:

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название газеты. – Год издания. – Номер или дата выпуска.

Например:

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Название словаря / сведения о составителях; редакторах и т.п. – Номер переиздания (если есть). – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания / сведения о составителях; редакторах и т.п. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Фамилия и инициалы автора. Название диссертации: дис. ... канд. (д-ра) отрасли науки. – Место издания, год издания. – Количество страниц.

Например:

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Фамилия и инициалы автора. Название автореферата: автореф. дис. ... канд. (д-ра) отрасли науки. – Место издания, год издания. – Количество страниц.

Например:

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 1728. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514> (дата обращения: 11.03.2013).

Архивные материалы

Например:

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2017 – Т. 23 – № 4

Учредитель и издатель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственной университет»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-68726 от 09.02.2017 г.

Подписано в печать 05.12.2017.
Дата выхода в свет 12.01.2018.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 39,8.
Уч.-изд. 41,4 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 378.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна